

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav-236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

16992

МАЙ

8245-
97-21

1879

ДѢЛО

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 5.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ. Романъ.
(Часть III. Гл. I—III). Н. СЕВЕРИНА.
2. ЧТО-ТО БУДЕТЪ? Очеркъ Л. СИМОНОВА.
3. РУСАЛКА. Стихотворение М. Р.
4. БЕРЕГЪ МОРЯ. Романъ изъ крым-
ской жизни, въ двухъ частяхъ.
(Конецъ I-й части). В. Л. МАРКОВА.
5. ИЗЪ „НОВАГО ФАУСТА“. Сонеты
Мориса Бушора О. А. ОХТЕНСКОЙ.
6. ЗДОРОВЬЕ КРЕСТЬЯНЪ НА
УКРАИНѢ. Санитарный очеркъ. С. А. ПОДОЛИНСКАГО.
7. КОШМАРЪ. Стихотворение. П. К. БОБЫЛЕВА.
8. ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЗНАНІЯ. (Ст.
первая). Л. Н. МЕЧНИКОВА.

(См. на оборотѣ.)

9. ГОСПОЖА АНДРЕ. Романъ. (Гл. XXVIII—XLI.) ЖАНА РИШЭНА.
 10. * *. Стихотвореніе. С. Ш. АРХАНГЕЛЬСКАГО.
 11. БЕЗДОМНЫЙ. Романъ. (Гл. I—IX.) П. МАГОЛЭНА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

12. ЛИКВИДАЦІЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ВСЕ ТОГО-ЖЕ.
 (Вл. Веллямовичъ: „Психо-физиологическія основанія эстетики. Сущность искусства, его социальное значеніе и отношеніе къ наукѣ и нравственности. Новый опытъ философіи искусствъ. Т. I и II. Спб., 1878.)
13. ПОПЫТКА ВЪ ОБЛАСТИ ДѢТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. П. В. ШЕГУНОВА.
 (Первые три года жизни ребенка. Этюдъ Бернара Переза Переводъ съ французскаго М. Цебриковой. Спб., 1879.)
14. НОВЫЯ КНИГИ
 Игра съ огнемъ (Piritation). Оригинальная повѣсть изъ американской жизни. Сочиненіе князя Н. Урусова. Спб., 1879. — Царь-баба, историческій романъ въ двухъ частяхъ, Александра Соколова. Спб., 1879. — Аристократія гостиннаго двора. Картины нравовъ. Н. Морскаго. Спб., 1879.
15. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. П. Ш.
 Пожары и 100-миліонные ежегодные убытки отъ нихъ. — Какъ общественная благотворительность видитъ только пожары городовъ и не замѣчаетъ пожаровъ деревень. — Въ какой степени дѣйствительна благотворительность, облегчающая судьбу погорѣльцевъ? — Проекты тепербургской печати и ея городская точка зрѣнія. — Въ чемъ заключается общая мѣра? — Земское страхование и его новый проектъ. — Непослѣдовательность московскаго земства. — Сущность земской страховой солидарности.
16. ПРОПАЖА 82.000 ДЕСЯТИНЪ ЗЕМЛИ
17. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.
 Кутаисскій процессъ. — Право его на историческое значеніе. — Торжественность процесса. — Свидѣтели, не знающіе, сколько имъ лѣтъ, и достовѣрные лжесвидѣтели. — Во мракѣ невѣжества. — Обвиненіе и защита. — Отношеніе газетъ къ процессу. — „Вездѣ жидъ гадить“. — Письма Ауэрбаха въ „Geiswart“. — Фальсификаціи „Новаго Времени“. — Бесѣда между чита-

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ
„ДѢЛО“
ВЪ 1879 ГОДУ.

Журналъ «ДѢЛО» издается въ 1879 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя двѣнадцать лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „ДѢЛО“ состоитъ изъ *двенадцати* книгъ, отъ 30 до 32 листовъ каждая, большаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ. . . . 15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднымъ 16 р. „

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . . . 19 р.

Подписку просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать двѣ почтовыхъ восьми-копеечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородній уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1879.

ЛНБ. Р. 47377

2
7.500 - 236.4 (1879)
5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 мая 1879 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

63 + 5

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ.

(Посвящается Нинѣ Ивановнѣ Еремѣевой.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Желтой розѣ, распустившейся прежде времени въ саду его велебности, суждено было играть важную роль въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи.

Сергѣй Александровичъ шелъ къ Дмитровскимъ, когда онъ остановился поболтать у рѣшетки съ женой Бронислава. Въ этотъ день онъ съ самаго утра вышелъ изъ дома, объявивъ Марковнѣ, чтобъ его раньше ночи не ждали. Но теперь, благодаря цвѣтку, взятому у Наташи, приходилось измѣнить отчасти это намѣреніе и зайти на минуту домой. Эта перспектива представляла мало привлекательнаго, но идти по улицѣ съ розой въ рукахъ было довольно смѣшно, а бросить ее у перваго попавшагося забора—совѣстно какъ-то, вѣдь онъ обѣщаль спасти ее отъ преждевременной гибели.

Ртищевъ началъ внимательно разсматривать цвѣтокъ и совершенно машинально поднесъ его къ губамъ... Странныя фантазіи приходили ему съ нѣкоторыхъ поръ въ голову! Для чего, напримѣръ, вызвалъ онъ сегодня Наташу на такой непріятный разговоръ о мужѣ? Зачѣмъ заставлялъ онъ ее краснѣть и смущаться своими настойчивыми вопросами? Это не деликатно, даже

безсознательно съ его стороны. Есть чувства, въ которыхъ тяжело сознаваться даже передъ самимъ собою — это извѣстно ему по опыту. Какъ взбѣсился бы онъ, еслибъ кто-нибудь сталъ вызывать его на откровенность относительно его сношеній съ старшимъ братомъ, сенаторомъ Ртищевымъ! Вѣдь сношенія эти только потому и сносны, что никто не подозрѣваетъ, какого они рода! Въ этомъ отношеніи у нихъ одна судьба съ Наташей: она такъ-же, какъ и онъ, связана на всю жизнь съ человекомъ, съ которымъ ей нельзя ни ссориться, ни разставаться, ни объясняться, что-бы ни открылось и что-бы ни случилось.

Какъ жестоко было заставлять ее вспоминать объ этомъ и сознаваться вслухъ, что она не любитъ своего мужа, что они со всѣмъ чужіе другъ другу! Бѣдная! Неужели положеніе ея, въ самомъ дѣлѣ, безвыходное?

Ему вспомнился недавній разговоръ съ Мандатовымъ на этотъ счетъ. Мандатовъ коротко знаетъ семейство Свѣтловыхъ въ Петербургѣ. Уѣзжая туда послѣ того, какъ его назначили сюда товарищемъ прокурора, недѣли двѣ тому назадъ, онъ увѣрялъ Ртищева, что непременно расскажетъ родителямъ Наташи Миленской, какую неприглядную жизнь ведетъ здѣсь ихъ дочь, какой ревнивецъ ея мужъ, какая грубая, необразованная женщина его мать и въ какомъ заточеніи они держатъ молодую женщину.

Мандатовъ былъ въ большомъ возбужденіи, повторяя эти угрозы, и, по всей вѣроятности, привелъ ихъ въ исполненіе. Можетъ быть, теперь родители Наташи знаютъ, какую печальную, одинокую жизнь ведетъ ихъ дочь, но что-же изъ этого?

„Теперь все кончено и ничего поправить нельзя“, вспомнилъ онъ слова Наташи.

И воспоминаніе это немедленно вызвало въ его воображеніи свѣженькое, миловидное личико съ алымъ, полураскрытымъ ротикомъ, глубокіе темные глаза, въ которыхъ теплится столько нѣжности и беззавѣтной преданности, а съ нѣкоторыхъ поръ стало просвѣчивать еще другое чувство, которое въ одно и то-же время волнуется и пугаетъ Ртищева.

Онъ такъ изучилъ эти глаза, что каждое новое выраженіе въ нихъ не только замѣчается, но даже часто заранѣе предугадывается имъ. Онъ знаетъ, какъ она посмотритъ на него и какъ

улыбнется при такомъ-то словѣ или при такомъ-то. Ему извѣстно, какое неотразимое вліяніе имѣетъ на нее его пристальный, настойчивый взглядъ. Однимъ такимъ взглядомъ онъ можетъ заставить ее высказать самыя завѣтныя думы, самыя тяжелыя тайны. И сколько разъ, и какъ безсовѣстно злоупотреблялъ онъ этой нравственной властью надъ нею!

Эти мысли и угрызения совѣсти навѣяла на него сегодня желтая роза, почему-то сосредоточившая все его вниманіе. Думая про Наташу, онъ не переставалъ ласкать цвѣтокъ взглядомъ и любоваться имъ, и съ каждой минутой онъ дѣлался ему дороже и милѣе. Теперь ему и въ голову не приходило поступить съ нимъ небрежно или грубо, теперь онъ готовъ былъ пройти не одну, а двѣ и три улицы, чтобъ опустить поблекшій стебелекъ въ свѣжую воду. А между тѣмъ, всѣ листья были съ него общипаны, шипы вырваны и крупная махровая шапка изъ ярко-желтыхъ лепестковъ такъ печально, такъ безобразно даже, моталась на стеблѣ!.. Стоило-ли изъ-за такой невзрачной вещи возвращаться домой и подвергаться тѣмъ непріятнымъ встрѣчамъ и впечатлѣніямъ, которыхъ онъ рѣшился сегодня избѣгать?

Вѣдь ту маленькую ручку, нервно оборвавшую всѣ листья со стебелька, а также обвитую густыми косами голову, низко наклонившуюся надъ цвѣткомъ этимъ нѣсколько минутъ тому назадъ, Ртищевъ не могъ унести съ собою вмѣстѣ съ розой. Наташа осталась тамъ, за рѣшеткой, и онъ раньше завтрашняго дня не можетъ надѣяться ее видѣть ни у Дмитровскихъ, ни въ другихъ домахъ, — нигдѣ, нигдѣ не встрѣтитъ онъ ее. Какъ замѣтно ея отсутствіе между молодыми женщинами и дѣвушками, среди которыхъ онъ, съ нѣкоторыхъ поръ, взялъ привычку болтаться по цѣлымъ вечерамъ! Съ какой досадой и нетерпѣніемъ будетъ онъ ждать завтрашняго дня! И вотъ уже третій мѣсяць, какъ этотъ капризъ продолжается. Ужасно долго!

Но, можетъ быть, свиданія съ Наташей только потому и дороги ему, что они происходятъ тайкомъ, украдкой и прерываются всегда раньше, чѣмъ онъ желалъ-бы этого? Можетъ быть, главную прелесть этихъ свиданій составляетъ опасность, которой они оба подвергаются: онъ — отъ городскихъ сплетенъ и толковъ, а она — отъ ревниваго мужа?

Это послѣднее предположеніе такъ пришлось ему по вкусу,

что онъ остановился на немъ и рѣшилъ, что иначе быть не можетъ. Да и понятно: кромѣ милостиваго личика, да неловкаго положенія въ чужой семьѣ, съ которой она не умѣетъ сойтись, въ молодой Миленской ничего нѣтъ интереснаго. Такихъ женщинъ, какъ она, онъ встрѣчалъ множество на своемъ вѣку и всегда проходилъ мимо, не оглядываясь. Еслибъ ея мужъ, этотъ красивый, умный и талантливый Миленскій, не былъ ему такъ антипатиченъ, Ртищевъ, вѣроятно, не обратилъ-бы никакого вниманія на его жену.

Размышляя такимъ образомъ, онъ перешелъ улицу, перепрыгнулъ черезъ канаву у забора пирожковскаго сада и, отыскавъ между густыми вѣтвями калитку, поспѣшно отперъ ее и торопливыми шагами направился къ дому.

Онъ надѣялся пробраться незамѣтно въ свою спальню черезъ терасу, оставить тамъ цвѣтокъ и скорѣе вернуться тѣмъ-же путемъ на улицу. Скорѣе, скорѣе, лишь-бы только не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ прислуги, лишь-бы только Марковна не услышала его шаговъ. Сейчасъ пойдутъ разговоры про Марочку, а ему сегодня такъ хотѣлось отдохнуть отъ этихъ разговоровъ! Онъ съ самаго утра рѣшился отгонять всякую мысль, напоминающую ему о несчастномъ ребенкѣ; для этого онъ ушелъ раньше обыкновеннаго на службу, обѣдалъ въ клубѣ, дольше обыкновеннаго болталъ съ Наташей у рѣшетки, а вечеръ долженъ былъ провести у Дмитровскихъ, гдѣ навѣрное будетъ панна Миленская... Довольно возился онъ и мучился съ Марочкой всѣ эти послѣдніе дни. Узнавъ случайно о проѣздѣ черезъ городъ З—скъ знаменитаго доктора по душевнымъ болѣзнямъ, онъ самъ привезъ его въ домъ госпожи Пирожковой и просилъ осмотрѣть мальчика. Но докторъ на первый разъ ничего опредѣленнаго не высказалъ, общалъ заѣхать дня черезъ три и просилъ Ртищева внимательно слѣдить за каждымъ словомъ и за каждымъ движеніемъ ребенка, чтобы при свиданіи передать ему результатъ этихъ наблюдений. Сергѣй Александровичъ только этимъ и занимался вчера, да и третьяго дня, и нервы его такъ были утомлены и раздражены этимъ занятіемъ, что по временамъ ему казалось, будто онъ самъ впадаетъ въ маразмъ. Что-то скажетъ завтра докторъ?

Какъ безнадежно смотрѣлъ знаменитый психіатръ на ребенка и какъ недовѣрчиво взглядывалъ на Ртищева, когда этотъ по-

слѣдній старался доказать ему, что иногда у Марочки проявляются проблески пониманія и чувствительности, изъ которыхъ можно заключить, что рассудокъ въ немъ еще не совсѣмъ угасъ!

Однако, загадочная болѣзнь заинтересовала его настолько, что онъ согласился отложить на нѣсколько дней свое путешествіе и, послѣ тщательнаго изслѣдованія Марочки, сказать Ртищеву, есть-ли надежда на выздоровленіе и стоитъ-ли везти его за границу.

Тотчасъ-же по уходѣ доктора, Марочка, все время смотрѣвшій на него изподлобья и съ выраженіемъ тупой, безмысленной боязни въ широко-раскрытыхъ глазахъ, бросился на шею Сергѣя Александровича и долго рыдалъ на его плечѣ, лепеча безсвязныя слова любви и благодарности. Еслибъ припадокъ этотъ приключился при докторѣ, онъ навѣрное не рѣшилъ-бы такъ арбитрально, что Марочка впадаетъ въ идиотизмъ и что выздоровленіе его сомнительно.

Ртищевъ благополучно достигъ до терасы, не замѣчая шумнаго оживленія во дворѣ и въ верхнемъ этажѣ дома; онъ вошелъ въ свою спальню, не подымая головы къ окнамъ Раисы Петровны. Окна эти, обыкновенно запертыя въ отсутствіе молодой хозяйки, теперь были отворены настежь и въ одномъ изъ нихъ видѣлась голова въ пышномъ шиньонѣ.

Шумъ и движеніе ни на минуту не прекращались, и въ ту самую минуту, какъ Ртищевъ опустилъ Наташинъ цвѣтокъ въ стаканъ съ водой, забытый Марковной на его письменномъ столѣ, мимо терасы раздались торопливые шаги и сдержанныя восклицанія, а затѣмъ все стихло, но не на долго: минутъ пять спустя, снова поднялся шепотъ и говоръ, а когда онъ вышелъ на терасу, громкое восклицаніе Марковны: „Царь ты мой небесный!“ явственно долетѣло до его слуха, а глазамъ его представилось довольно странное и зловѣщее зрѣлище: изъ боковой алеи медленно и осторожно выступала цѣлая процесія; она шла отъ того мѣста, гдѣ былъ Марочкинъ прудъ, и направлялась кратчайшимъ путемъ къ дому.

У Ртищева захолонуло сердце отъ мучительнаго предчувствія, и онъ, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ. Впереди шла франтоватая Людмила, горничная Раисы Петровны. Какъ она сюда попала? Вопросъ этотъ только мелькомъ пролетѣлъ въ го-

ловѣ Ртищева. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ останавливаться на немъ. За горничной двое людей, поваръ и выѣздной лакей госпожи Чуваевой, осторожно несли что-то. Это *что-то* оказалось тѣломъ Марочки.

Мальчика только-что вытащили изъ пруда; съ его платья и съ длинныхъ волосъ текла вода; одна изъ посинѣвшихъ ручонокъ сжимала пукъ вырванныхъ съ корнемъ водорослей.

— Несите его ко мнѣ, проговорилъ Ртищевъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Онъ подошелъ къ медленно подвигавшейся группѣ и, не спуская испуганнаго взгляда съ посинѣвшаго личика ребенка, безпомощно свѣсившагося къ красной рукѣ повара, повторилъ еще разъ приказаніе слѣдовать за нимъ на терасу.

Горничная вздумала было протестовать, но онъ однимъ взглядомъ застатилъ ее смолкнуть. Марочку внесли въ его кабинетъ и уложили на диванъ.

Онъ былъ только въ обморокѣ.

— Не успѣли захлебнуться, началъ объяснять лакей, — мы ихъ тотчасъ-же вытащили, даже не дали окунуться порядкомъ, прибавилъ онъ, глупо ухмыляясь.

— Да и мелко, утонуть никакъ невозможно, прибавилъ поваръ, — а что съ перепугу въ безчувствіе впали, это точно-съ.

— Кто его испугалъ? спросилъ Ртищевъ.

И пока Марковна снимала съ Марочки промокшее платье, натирала его виномъ и давала ему нюхать спиртъ, поваръ объявилъ, что сегодня съ утреннимъ поѣздомъ Раиса Петровна приѣхала.

— Да, принесъ ее лѣшій нежданно-негаданно, заворчала сквозь зубы Марковна, не прерывая своей возни съ ребенкомъ. — Прежде, бывало, всегда депешой упреждала, а сегодня всѣхъ въ расплохъ пожелала поймать и всѣхъ напужать! Любовь Ивановна только-что изволили откушать чай, какъ вдругъ дочка любезная ввятилась и сейчасъ, конечно, съ непріятными разговорами... Теперь поуспокоилась немножко, а первую минуту такъ даже трясеніе сдѣлалось съ перепугу и сейчасъ за мной прислали... Просятъ васъ зайти къ нимъ. Я сказала, что васъ дома нѣтъ, ну, когда вернется, говорить.

Марковна смолкла и тогда поваръ, внимательно слушавшій ее,

стоя у притоки той двери, въ которую вышелъ лакей г-жи Чуваевой, снова принялся за продолженіе своего повѣствованія. Онъ говорилъ отрывисто, сурово сдвинувъ брови и заложивъ руки за спину. Отъ постоянного пьянства, голосъ у него былъ очень хриплый.

— Приказали отыскать и привести Марка Петровича. Людмила Константиновна прибѣжала въ кухню: — гдѣ имъ быть, какъ вы думаете? Безпремѣнно у пруда, говорю, да вамъ одѣвѣть не оттащить ихъ оттуда. Пошли виѣстѣ, вдвоемъ сначала, Петра Михайловича ужъ потомъ крикнули, когда они у насъ барахтаться зачали. Раиса Петровна приказали безпремѣнно привести, а они нейдутъ, ну, какъ тутъ быть? Загребъ я было ихъ на руки, отбиваются, откуда только сила берется, не удержишь! Однако, приловчились мы кое-какъ съ Людмилой Константиновной и съ Петромъ Михайлычемъ, хотимъ нести... а они вдругъ, какъ вырвутся! Прыгъ на землю, да бултыхъ прямо въ воду!

— Ослы! проговорилъ Ртищевъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

Онъ прибавилъ-бы къ этому эпитету что-нибудь еще позаботистѣе, еслибъ въ эту минуту Авдотья Марковна не дотронулась до его плеча, указывая на Марочку, который лежалъ все въ томъ-же положеніи и все также неподвижно, но съ раскрытыми глазами и съ улыбкой на посинѣвшихъ губахъ.

Давно ужъ не замѣчалъ Ртищевъ такого осмысленнаго выраженія на лицѣ мальчика.

— Что это ты, дружище, натворилъ? спросилъ онъ, подходя къ нему.

Марочка не шелохнулся.

— Ничего-съ, Сергѣй Александровичъ, холодно только немножко, да спать хочется... Я здѣсь засну, если позволите, проговорилъ онъ, все съ той-же задумчивой улыбкой.

И охвативъ костлявыми пальчиками руку, которою Ртищевъ дотрогивался до его лба, онъ крѣпко прижалъ ее къ лицу и затихъ. Когда нѣсколько минутъ спустя, Сергѣй Александровичъ высвободилъ свою руку изъ ослабѣвшихъ пальцевъ ребенка, глаза его были закрыты и дыханіе сдѣлалось ровнѣе. Онъ спалъ и, по-видимому, довольно крѣпко, но по временамъ нервный трепетъ пробѣгалъ по всему его маленькому, щедушному тѣлу, грудь судорожно вздымалась подъ тяжелыми вздохами, а губы беззвучно шевелились.

Когда пріѣхалъ докторъ, за которымъ Ртищевъ послалъ тотчасъ же послѣ того, какъ Марочку внесли въ его кабинетъ, у ребенка сдѣлался жаръ съ бредомъ, онъ силился приподняться съ подушки, и отрывки безсвязныхъ фразъ громкимъ крикомъ вылетали изъ его груди.

— Вы не очень пугайтесь, этотъ кризисъ не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій на общій ходъ болѣзни, объявилъ докторъ, выслушавъ подробности происшествія. — Бреда тоже нечего бояться, я увѣрю, что онъ всегда бредитъ во снѣ, даже и тогда, когда совсѣмъ здоровъ.

Авдотья Марковна, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, заявила, что г-нъ докторъ отгадалъ вѣрно. Горничныя г-жи Пирожковой рассказывали ей, что Маркъ Петровичъ по цѣлымъ ночамъ громко толкуетъ о рыбѣ.

— Только и слышно: поймалъ, поймалъ!.. Подойдешь иногда, спросишь: что вы такое поймали, батюшка? А они сейчасъ: щуку, отвѣчаютъ, или карася... И толково такъ, серьезно, точно не во снѣ, а на яву разговоръ ведутъ.

Докторъ снисходительно кивалъ головой въ отвѣтъ на эти рѣчи. Это былъ толстенькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ цвѣтущимъ лицомъ, веселыми умными глазками и насмѣшливымъ ртомъ. Онъ имѣлъ привычку принимать скучающій и разсѣянный видъ именно тогда, когда то, что ему говорили, интересовало его, и умѣлъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ смотрѣть въ глаза рассказчика въ такія минуты, когда умъ его виталъ за тысячи верстъ отъ предмета разговора. На вопросъ Ртищева: не горячка-ли начинается у Марочки?—онъ только выпятилъ нижнюю губу и презрительно прищурился. Сергѣй Александровичъ началъ рассказывать, что за эти послѣдніе три, четыре дня онъ замѣтилъ, что Марочка почти совсѣмъ перестала интересоваться рыбой, наклевывающейся на его удочку; онъ забывалъ снимать ее съ удища, а только приподнималъ слегка надъ поверхностью пруда и снова опускалъ въ воду.

— Такъ, такъ, одобрительно кивалъ головой докторъ, не спуская глазъ съ пациента. На лбу Марочки начали выступать крупныя капли пота.— Вотъ и конецъ горячки, иронически усмѣхнулся онъ, грузно подымаясь съ кресла и протягивая свою короткую, унизанную перстнями, руку Ртищеву.— Прикройте его хо-

рошенько, пусть вспотѣеть, и завтра ни подъ какимъ видомъ не пускайте къ пруду.

А передъ тѣмъ какъ уйти, онъ прибавилъ:

— Кризисъ окончился весьма благополучно; еслибъ можно было отдалить его отсюда на время и занять чѣмъ-нибудь другимъ... Вы думаете, что восприимчивость въ немъ еще не совсѣмъ заглохла? вспомнилъ онъ вдругъ рассказы Ртищева, — въ такомъ случаѣ можно надѣяться, разумѣется, можно надѣяться...

Ртищевъ его прервалъ:

— Еслибъ вы только видѣли, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, очнувшись отъ обморока! Такого осмысленнаго взгляда я не замѣчалъ у него даже годъ тому назадъ, когда онъ былъ почти такой, какъ всѣ дѣти его лѣтъ, и когда никому не приходило въ голову считать его идиотомъ! вскричалъ Сергѣй Александровичъ, не замѣчая, съ какимъ внимательнымъ любопытствомъ посматривалъ на него докторъ. Глаза его горѣли такимъ блескомъ, движенія были такъ порывисты и все лицо его дышало такимъ неестественнымъ возбужденіемъ, что его самого легко было принять за человѣка, одержимаго умственнымъ расстройствомъ. Что-жъ мудренаго въ томъ, что знаменитый психіатръ смотрѣлъ на него съ такимъ глубокимъ интересомъ? Вѣдь ему ничего не было извѣстно о борьбѣ его съ Райсой Петровной изъ-за Марочкинаго наслѣдства и о томъ, какъ ему нужно было, чтобъ мальчикъ былъ живъ, здоровъ и могъ-бы разумно пользоваться состояніемъ, которое мадамъ Чуваева всѣми правдами и неправдами стремится оттягать у него.

Проводивъ доктора, онъ снова вернулся къ дивану, на которомъ спалъ Марочка, постоялъ надъ нимъ минутъ пять и послалъ спросить у Любови Ивановны, можно-ли ее видѣть.

— Пожалуйте, очень просятъ! почти тотчасъ-же зашептала надъ его ухомъ запыхавшаяся Марковна.

Надо было только дивиться быстротѣ, съ которой она успѣла слетать на-верхъ и обратно спуститься внизъ.

На парадной лѣстницѣ Ртищевъ встрѣтился съ Райсой Петровной. Она была въ глубокомъ траурѣ, но ея круглое, цвѣтущее здоровьемъ, лицо показалось ему еще самонадѣяннѣе и самодовольнѣе прежняго. Крупные, черные глаза такъ и сверкали

отъ внутренней, худо скрываемой, радости и вся фигура дышала нахальствомъ.

— Мсье Ртищевъ! вы ко мнѣ? вскричала она, улыбаясь во весь ротъ и устремляя на него пристальный, вызывающій взглядъ, отъ котораго Ртищева покорило.

— И не думалъ, дерзко возразилъ онъ. — Мнѣ надо переговорить съ Любовью Ивановной.

— А можно спросить, о чемъ?

— Пожалуй, спрашивайте, если вамъ это доставляетъ удовольствіе, но вѣдь вы знаете, что я на ваши вопросы почти никогда не отвѣчаю.

И слегка поклонившись, онъ занесъ ногу на слѣдующую ступеньку. Она загородила ему дорогу.

— Пойдите-же, куда торопиться! Мы такъ давно не видались и за это время случилось столько перемѣнъ... Неужели вамъ нечего мнѣ сказать и не о чемъ меня спросить?

Ртищевъ невольно взглянулъ на высокаго малаго въ ливреѣ, который спускался по лѣстницѣ, на почтительной дистанціи отъ своей госпожи, съ бархатной тальмой на рукѣ. Раиса Петровна поняла этотъ взглядъ и немедленно приказала лакею сойти внизъ и ждать ее у крыльца.

— Ну, вотъ мы и одни, усмѣхнулась она, когда лакей скрылся изъ виду, — теперь можно и поговорить.

— Короткихъ разговоровъ между нами быть не можетъ, Раиса Петровна, а долго съ вами стоять на лѣстницѣ я не намѣренъ, ваша матушка меня ждетъ. Мое почтеніе!

И, не оглядываясь, онъ перешагнулъ семь, восемь ступенекъ, отдѣлявшія его отъ первой площадки. Раиса Петровна не трогалась съ мѣста. Она продолжала смотрѣть ему вслѣдъ и вдругъ, какъ будто что-то вспомнивъ, такъ громко расхохоталась, что онъ не могъ не остановиться и не перегнуться черезъ перила, чтобъ взглянуть на нее.

— Какъ я васъ великолѣпно провела, чудо! протянула она, смѣясь и закидывая назадъ голову, чтобъ заглянуть ему прямо въ глаза. — Вотъ я и вдова! Сознаться, что такого пасажа вы не ожидали отъ меня? Бѣдный Степанъ Ивановичъ, плохую услугу вы ему оказали! Очень нужно было впутываться въ чужія дѣ-

ла и мѣшать мнѣ разойтись съ мужемъ болѣе... какъ-бы это выразиться? ну, болѣе естественнымъ образомъ!

Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее. Такого нахальства трудно было ожидать даже отъ Раисы Петровны Чуваевой... Порой ему казалось, что она съ ума сошла, а порой—что у него мутится разумокъ отъ припадка бѣшенаго гнѣва, сдерживать который такъ трудно, что вся кровь приливала къ сердцу отъ этихъ усилій.

— Вы очень дерзки, Раиса Петровна, проговорилъ онъ, весь блѣдный и судорожно сжимая губы, — еслибъ вы слышали то, что я слышалъ...

Онъ остановился, чтобъ перевести дыханіе и продолжалъ, все также медленно отчеканивая каждое слово и все также пристально смотря на нее: — вы вспомнили бы, какое положеніе я занимаю въ судебномъ мірѣ, и побоялись-бы такъ шутить...

Она продолжала смѣяться.

— Что вы слышали? Про мою исторію съ мужемъ и про смерть его рассказываютъ разное: въ Москвѣ увѣряютъ, что я отравила его, а за-границею думаютъ, что я сдѣлала ему уколъ въ сердце той новомодной американской машинкой, которую изобрѣли специально для самоубійства, знаете?.. А вы какого мнѣнія придерживаетесь на этотъ счетъ, мсье Ртищевъ? На что считаете вы меня болѣе способной — на простое, вульгарное отравленіе, или на болѣе утопченное, на болѣе современное преступленіе?

— Я васъ считаю способной на всякую мерзость, грубо возразилъ онъ.

— Какой вы грубіянь, мсье Ртищевъ! Съ вами невозможно вести разговора... Ступайте къ маменькѣ, Богъ съ вами совсѣмъ! Хитрите тамъ, сговаривайтесь противъ меня, изловчайтесь, а я все-таки въ-концѣ концовъ поднесу вамъ такой сюрпризъ, отъ котораго всѣ ваши комбинаціи разлетятся въ пухъ и дребезги!.. Вотъ увидите, что такъ будетъ; гдѣ вамъ со мной тягаться, не такіе, какъ вы, обжигались!..

Она такъ громко выкрикивала эти слова, что они не переставали хлестать Ртищева по уху даже тогда, когда онъ вбѣжалъ въ прихожую и вошелъ въ большую залу, отдѣляющую парадныя комнаты отъ покоевъ Любови Ивановны. Здѣсь онъ остановился на нѣсколько минутъ, чтобъ перевести духъ и успокоиться, но

этого достигнуть было не легко, и онъ былъ еще въ большомъ раздраженіи, проходя въ спальню г-жи Пирожковой.

Тотчасъ-же и не дожидаясь ни распросовъ, ни объясненій съ ея стороны, онъ разсказалъ, въ какомъ положеніи принесли Марочку въ его кабинетъ и что говорилъ докторъ объ его болѣзни и о возможности его вылечить, сдѣлать похожимъ на всѣхъ людей, посредствомъ правильнаго и постояннаго ухода въ одной изъ лечебницъ, устроенныхъ за-границей специально для такого рода больныхъ.

Ртищевъ говорилъ долго, убѣдительно, съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ, и, наконецъ, кончилъ такимъ вопросомъ: намѣрена-ли Любовь Ивановна исполнить предсмертное завѣщаніе мужа и озаботиться объ его приѣмномъ снѣдъ, какъ родная мать, или нѣтъ?

— Батюшка! Да развѣ я отказываюсь? завопила г-жа Пирожкова.

— Въ такомъ случаѣ, времени терять нечего, отъ вашей дочери всего можно ждать...

Онъ подошелъ къ двери и, откинувъ портьеру, заглянулъ въ сосѣднюю комнату.

— Знаете-ли вы, что въ городѣ толкуютъ о смерти вашего зятя? спросилъ онъ, убѣдившись, что никто не подслушиваетъ ихъ. — Говорятъ, что Раиса Петровна отравила своего мужа, чтобъ выйти замужъ за пана Хлопскаго.

Съ минуту времени старуха выпучила въ нѣмомъ испугѣ свои глаза на Ртищева, а за тѣмъ она заметалась на мѣстѣ и слабо вскрикнула: — Господи помилуй!

— И я далеко не прочь этому повѣрить, неумолимо продолжалъ онъ поражать ее. — Помните, какъ она озлилась на вашъ отказъ дать ей денегъ на разводъ? Помните, какъ она грозилась во что-бы то ни стало поставить на своемъ и такъ или иначе избавиться отъ супруга?

На всѣ эти вопросы Любовь Ивановна не переставала утвердительно кивать головой.

— Отъ такой особы всего можно ждать, противъ ея происковъ надо принимать самыя дѣятельныя мѣры.

— Какія мѣры, батюшка! отчаянно махнула рукой старуха. — Какія мѣры! повторила она печально. — Я больше ничего

не могу, ты не знаешь, я еще не успѣла тебѣ сказать... (Въ рѣшительныя минуты Любовь Ивановна всегда говорила *ты* своему пріятелю.) Ты не знаешь, Раичка увѣряетъ, что мое духовное завѣщаніе никуда не годится, что надо мной опеку непременно учредить... Она самымъ важнымъ генераламъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ мое слабоуміе въ такомъ видѣ представила, что меня всѣхъ капиталовъ рѣшатъ и ее опекуней назначать!..

— Какой вздоръ! нетерпѣливо прервалъ ее Сергѣй Александровичъ.

Однако, онъ смолкъ и въ глубокомъ раздумьѣ началъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ, но мало-по-малу лицо его прояснилось, глаза весело загорѣлись, на губахъ забѣгала усмѣшка.

— Вотъ что надо дѣлать, проговорилъ онъ, останавливаясь передъ кресломъ, на которомъ сидѣла Любовь Ивановна, и не переставая улыбаться новому плану, быстро созрѣвавшему въ его головѣ.

— Я вамъ продиктую письмо къ тому нотаріусу, у котораго вы дѣлали ваше духовное завѣщаніе.

— Хорошо, батюшка, хорошо, повторяла госпожа Пирожкова.

— Затѣмъ, мы пригласимъ двухъ докторовъ и заставимъ ихъ освидѣтельствовать васъ, продолжалъ онъ.

Она и на это безропотно согласилась, и онъ, не теряя ни минуты, перешелъ отъ словъ къ дѣлу, позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею никого не впускать на половину старой барыни, а буде молодая барыня вернется домой раньше времени, немедленно ихъ объ этомъ увѣдомить.

И затѣмъ Ртищевъ заперъ на ключъ всѣ двери спальни и принялся диктовать Любови Ивановнѣ слѣдующее письмо:

„Милостивый государь“, старательно выводила старушка крупными, кривыми буквами, „мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что дочь моя, Раиса Петровна Чуваева, озабочена средствами къ уничтоженію составленнаго мною нотаріальнаго духовнаго завѣщанія и къ признанію меня дѣйствовавшей не въ полномъ разсудѣ. Мнѣ пріятно заявить вамъ, милостивый государь, что мои искреннія желанія настоящей минуты отчасти сходятся съ ея желаніями и что еслибъ она отказалась отъ намѣренія ходатайствовать о на-

значеніи испытанія надо мною, то просьба по этому предмету должна послѣдовать съ моей стороны, такъ-какъ формальный актъ освидѣтельствованія, имѣющій удостовѣрить мою правоспособность во всѣхъ отношеніяхъ, избавить ее отъ лишнихъ размышленій о моемъ состояніи, а назначеннаго завѣщаніемъ наслѣдника моего еще болѣе укрѣпить въ его правахъ на наслѣдство, мнѣ-же лично дать возможность посмѣяться смѣхомъ здравомыслящей женщины“...

И такъ далѣе, все въ томъ-же ироническомъ и ядовитомъ тонѣ. Письмо вышло довольно длинное, но такъ-какъ оно предназначалось не для одного нотариуса, а, главнымъ образомъ, для Райсы Петровны, то короче его трудно было сдѣлать. Заручившись этимъ посланіемъ, подписаннымъ полнымъ именемъ Любови Ивановны Пирожковой и разрѣшеніемъ отправить его по адресу на другой день утромъ, Ртищевъ отъ всей души пожелалъ ей доброй ночи и въ отличномъ расположеніи духа сбѣжалъ съ лѣстницы въ свою квартиру.

Было довольно поздно, но ему было не до сна. Проходя черезъ комнату, гдѣ спалъ Марочка, онъ остановился у постели ребенка и довольно долго смотрѣлъ на него, при свѣтѣ лампы подъ абажуромъ, горѣвшей тутъ-же на столикѣ, возлѣ кресла, на которомъ дремала Марковна.

Ртищевъ мечталъ о томъ, какъ онъ увезетъ мальчика за-границу, помѣститъ его тамъ у знакомаго доктора, а затѣмъ вернется назадъ, въ З—скъ, и будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобъ состояніе его не расхищалось управляющими, вродѣ пана Хлопскаго, и родственницами, вродѣ сестрицы Райсы Петровны...

А славный приготовилъ онъ сюрпризъ этой послѣдней! Интересно будетъ посмотреть, какъ она приметъ завтрашнее приглашеніе присутствовать при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей ея матери? Письмо, написанное нотариусу, разумеется, облетитъ весь городъ, самъ Ртищевъ позаботится объ этомъ, чтобы всѣмъ сдѣлалось извѣстно, что г-жа Пирожкова оставляетъ все свое состояніе Марочкѣ. Новость эта значительно охладитъ пламенные надежды поклонниковъ молодой вдовушки и порядкомъ таки посшибетъ съ нея самонадѣянность... Какъ-то отнесется ко всей этой исторіи панъ Хлопскій?

Кстати о панѣ Хлопскомъ. Ртищевъ вспомнилъ, что его съ

мѣсяцъ времени нигдѣ не видать и не слышать. Онъ даже и у Миленскихъ не бываетъ... Впрочемъ, теперь и самъ Сергѣй Александровичъ рѣдко заходитъ въ домъ сосѣдей. Ему не для чего туда ходить: Наташу онъ каждый день видитъ у рѣшетки сада, а Ксаверію встрѣчаетъ по вечерамъ въ обществѣ, у губернаторши, у предводителя дворянства, у Дмитровскихъ... Они никогда не условливаются насчетъ этихъ встрѣчъ, это дѣлается какъ-то само собой. Во многихъ домахъ ихъ приглашаютъ виѣстѣ и очень ловко устраиваютъ имъ продолжительные *tête-à-tête*... Всѣ убѣждены, что Ртищевъ равнодушенъ къ хорошенькой полькѣ, а панна Миленская нисколько не скрываетъ своего влеченія къ нему. Съ нѣкоторыхъ поръ она даже меньше съ нимъ кокетничаетъ, безпрестанно задумывается, вдругъ ни съ того ни съ сего краснѣетъ и смущается въ его присутствіи, а иногда такъ смотритъ на него, что Сергѣю Александровичу дѣлается жутко.

— Опасную игру затѣяли вы съ польской дѣвицей, говорилъ ему на-дняхъ Петръ Степановичъ, — она не русская барышня, знаетъ, что дѣлаетъ и съумѣетъ за себя постоять, да и съ братцемъ ея не очень-то пріятно имѣть исторію.

Предостереженіе это очень насмѣшило Ртищева. У него, можетъ быть, и выйдетъ исторія съ г-номъ Миленскимъ, но только совершенно иного рода и не изъ-за Ксаверіи, о, нѣтъ! Въ настоящее время всѣ мысли его поглощены Марочкой, но когда мальчикъ будетъ устроенъ, когда не нужно будетъ день и ночь о немъ думать, Сергѣй Александровичъ серьезно займется Наташей. Быть не можетъ, чтобы нельзя было улучшить ея положеніе въ семьѣ Миленскихъ! Разумѣется, она должна сама къ этому стремиться, развить въ себѣ самостоятельность, извѣстнаго рода *esprit de conduite*.

Ртищевъ никогда не думалъ по-французски, но для вышеприведеннаго выраженія подходящаго перевода въ его памяти не отыскивалось и онъ раза два повторилъ мысленно: да, у нея должно быть больше *esprit de conduite*. Она должна заставить себя уважать въ этой чужой семьѣ, а также завоевать себѣ полную свободу дѣйствій и мнѣній. Смѣшно даже подумать, въ какомъ подчиненіи они ее держатъ, эти Миленскіе, точно въ неприступномъ терему какомъ-то... Смѣшно и обидно. Ему, Ртищеву, какъ человѣку одного съ нею общества, образованія и на-

ціональности, просто оскорбительно за нее и высокомеріе этого противнаго Бронислава съ каждымъ днемъ раздражаетъ его все болѣе и болѣе.

Всѣ эти мысли и воспоминанія окончательно разогнали сонъ у Сергѣя Александровича. Въ комнатѣ было очень душно, но отворить окно нечего было и думать: Марочка лежалъ разметавшись на диванѣ, весь въ поту, а докторъ такъ настоятельно совѣтовалъ избѣгать простуды.

Ртищевъ закурилъ сигару, вышелъ на терасу и спустился въ садъ. Самъ того не замѣчая, дошелъ онъ до конца сада и началъ ходить вдоль забора, заглядывая мимоходомъ въ широкія щели, сквозь которыя можно было видѣть окна Миленскихъ. Сегодня у нихъ во всемъ домѣ было темно, свѣтъ пробивался только сквозь занавѣски въ мезонинѣ.

Сергѣй Александровичъ подумалъ, что еслибы не было такъ поздно, онъ перешелъ-бы улицу и позвонилъ-бы у входной двери. Бронислава и сестры его дома нѣтъ; можетъ быть, Марія Казиміровна пригласила-бы его войти въ маленькую столовую и оставила-бы его на полчаса съ Наташей... Онъ рассказалъ-бы ей всѣ приключенія сегодняшняго дня, а также утѣшительныя предположенія доктора насчетъ Марочки, повторилъ-бы ей слово въ слово письмо, продиктованное имъ Любови Ивановнѣ, и разговоръ свой на лѣстницѣ съ Раисой Петровной. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ усвоилъ привычку все ей рассказывать, даже мечтать и думать при ней вслухъ. Но сегодня нечего было и думать объ этомъ: Марья Казиміровна давно уже спитъ и сама Наташа лежитъ въ постелѣ, съ книгой въ рукахъ; этотъ свѣтъ, который виднѣется сквозь розовую стору, эта зажженная свѣча у ея кровати. Мужъ ея въ клубѣ, а сестра его на вечерѣ у Дмитровскихъ. Если позвонить теперь у ихъ двери, старуха Марихна даже не потрудится отпереть. Дѣлать нечего, надо ждать до слѣдующаго дня.

Однако, онъ подошелъ къ калиткѣ, пріотворилъ ее и остановился въ раздумьѣ подъ густымъ навѣсомъ сплетающихся надъ нею вѣтвей. Красный огонекъ его сигары яркой звѣздочкой вспыхивалъ среди спутанной, густой листвы. Ему было очень хорошо. Напряженные съ утра нервы совершенно успокоились и всѣ страсти отлетѣли далеко; во всемъ тѣлѣ ощущалась какая-

то странная и пріятная истома. Теплая душистая ночь мало-помалу совершенно овладѣла всѣмъ его существомъ; ему казалось, что онъ все глубже и глубже уходитъ въ нее, сливаясь мыслями и всѣми чувствами съ ея черными тѣнями, полными таинственныхъ звуковъ и неуловимыхъ ароматовъ.

Да, его слухъ, зрѣніе и обоняніе были необыкновенно возбуждены въ эту памятную для него ночь; ему порой казалось, что среди запаховъ дикихъ полевыхъ цвѣтовъ, наполняющихъ пирожковскій садъ, онъ отличаетъ душистое дыханіе сирени и резеды изъ палисадника Миленскихъ, а въ травѣ и въ листьяхъ ему слышались такіе звуки, о существованіи которыхъ, въ обыкновенное время, трудно было подозрѣвать... Какъ это случилось, что онъ не рассмотрѣлъ женской фигуры, много реальнѣе фантастическихъ образовъ, вызванныхъ его воображеніемъ, которая отдѣлялась отъ черной широкой тѣни домика напротивъ и приближалась къ нему?

Она шла медленно и осторожно, оглядываясь по сторонамъ, подолгу останавливаясь на мѣстѣ, боязливо прислушиваясь и присматриваясь. Она не рѣшилась перейти улицу кратчайшимъ путемъ, потому что огонекъ сигары, къ которому ее тянуло, былъ обращенъ именно по этому направленію, и при его трепетно вспыхивающемъ блескѣ не проскользнуть-бы ей такъ незамѣтно до канавы у пирожковского сада. Надо было обойти дальше, дойти до чугунныхъ воротъ рѣшетки, окружавшей жилище прелата. Тутъ она остановилась на минуту, не переставая прислушиваться и приглядываться. Картушъ почувалъ ея приближеніе и чуть было не выдалъ ея тайны; онъ завозился въ своей кокурѣ и съ глухимъ ворчаньемъ началъ приподниматься съ своей постилки, собираясь громко залаять, но нежданная посѣтительница удалилась и вѣрный песъ успокоился и снова улегся.

Какъ это случилось, что Ртищевъ не разслышалъ торопливого постукиванья высокихъ каблучковъ по утопанной тропинкѣ вдоль длиннаго забора, а также шелестъ и шорохъ кисей и шелковыхъ лентъ между вѣтвями?

Она подкралась къ нему совсѣмъ близко, такъ близко, что только кустъ павилики, усѣянный бѣлыми и розовыми колокольчиками съ вѣжными миндальнымъ запахомъ, отдѣлялъ ея тонкую, граціозную фигуру отъ калитки, на которую опирался Ртищевъ.

Но онъ и тутъ ее не замѣтилъ; мысли его были такъ далеко, — такъ далеко, что онъ даже не вздрогнулъ и не оглянулся, когда она прикоснулась къ его плечу и тихо прошептала его имя.

Онъ, можетъ быть, принялъ этотъ шепотъ, а также жаркое дыханіе, скользнувшее по его щекѣ, за дуновеніе вѣтерка, шелестившаго по временамъ вѣтвями, низко спускавшимися надъ его головой? Онъ только тогда очнулся, только тогда отличилъ ея голосъ отъ шороха листьевъ, когда она придвинулась къ нему еще ближе, прижалась къ нему еще крѣпче и еще явственнѣе произнесла надъ его ухомъ:

— Сергѣй Александровичъ, почему вы не были у Дмитровскихъ?

Да, онъ только тогда очнулся, но не совсѣмъ, и долго, долго приключеніе это не переставало казаться ему сномъ, долго не могъ онъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что съ нимъ происходитъ, и когда, наконецъ, онъ узналъ женщину, которая лежала въ его объятіяхъ и страстно отвѣчала на его поцѣлуи, черныя тѣни ночи начинали блѣднѣть и быстро, безслѣдно разсѣиваться, суетливый міръ, населяющій траву подъ ихъ ногами и листву надъ ихъ головами, шумно и хлопотливо пробуждался къ жизни, а на востокѣ заалѣлась розовая полоска поднимающейся зари.

Панна Миленская тоже очнулась и, точно ужаленная, вырвалась изъ его объятій. Ея сомкнутыя вѣгой вѣки широко раскрылись и въ глазахъ сверкнуло выраженіе упрека и стыда. Торопливо накинула она на поблѣднѣвшее лицо черное кружево, которое Ртищевъ далеко откинулъ въ сторону, и выбѣжала изъ сада не оглядываясь.

На травѣ, съ которой и онъ, въ свою очередь, приподнялся, чтобы идти домой, лежалъ маленькій лиловый бантикъ. Ртищевъ поднялъ этотъ бантикъ и машинальнымъ движеніемъ сунулъ его въ карманъ.

II.

Его велебность только-что вернулся изъ костела. День былъ будничныи, месса кончилась рано. Солнце еще не совсѣмъ ушло съ маленькой терасы, выходящей на востокъ и уставленной растеніями, нетерпящими полдневнаго жара.

Переодѣвшись въ уборной, прелать приказалъ подать завтракъ именно на эту терасу. Сегодня у его велебности былъ званый обѣдъ въ честь прѣзжаго абата изъ-за границы, который и вчера, и третьяго дня проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ дружеской, оживленной бесѣдѣ. Семейство Миленскихъ и нѣсколько другихъ лицъ изъ интимнаго кружка прелата были также приглашены къ этому обѣду.

Въ столовой со стеклянною дверью на большую терасу натерали паркеты, а затѣмъ надо было внести въ эту комнату нѣсколько рѣдкихъ растений изъ оранжерей, какъ въ прошломъ году, въ тотъ день, когда у нихъ кушалъ епископъ. Надо было также, какъ и тогда, раздвинуть большой обѣденный столъ и украсить его ловко разставленнымъ серебромъ, цвѣтами и фруктами. Иозефу трудно было-бы справиться одному съ такими сложными приготовлениями; для такихъ торжественныхъ случаевъ всегда приглашались долговязый Шпикель, братъ органиста, снабжавшій весь городъ абажурами и красивыми коробочками для всевозможнаго употребленія, Марихна и садовникъ.

Иозефъ назначилъ этимъ людямъ придти ровно въ одиннадцать часовъ; они уже дожидались его распоряженій на кухнѣ, и, вѣроятно, чтобъ не стѣснятъ ихъ своимъ присутствіемъ, прелать приказалъ подать себѣ завтракъ на маленькую терасу.

А можетъ быть, его велебность рассчитываетъ вздремнуть въ креслѣ, выкушавъ свою чашку шеколада и пробѣжавъ газеты. Сегодня онъ поднялся чуть свѣтъ и послѣ души холодной воды, которую имѣлъ привычку принимать каждое утро зимой и лѣтомъ, онъ отправился гулять за городъ. Вернувшись назадъ до перваго звона къ обѣднѣ, прелать объявилъ Иозефу, что къ четыремъ часамъ принесутъ корзину ананасной клубники отъ Трушинскихъ.

Значить, его велебность дошелъ до хутора почтеннаго пана, а хуторъ этотъ, всѣмъ извѣстно, отстоитъ отъ города верстъ на пять, на шесть, по крайней мѣрѣ. Даже молодому человѣку простиительно устать и проголодаться послѣ такой прогулки, а вѣдъ прелать далеко не молодъ. Правда, что, благодаря красивой наружности, привычкѣ держаться прямо и величественно, каждый день брится и носить великолѣпное бѣлье и изящнаго покроя платье, его велебность выглядитъ лѣтъ на десять моложе, чѣмъ

было на самомъ дѣлѣ, но ему отъ этого не легче, и старость все-же даетъ себя чувствовать, что тамъ ни дѣлай и какъ ни старайся забывать о ней.

Все это объяснялъ сегодня утромъ Іозефъ паннѣ Миленской, прежде чѣмъ провести ее къ своему господину.

Ксаверія зашла къ нимъ вскорѣ послѣ того, какъ прелать вернулся изъ костела; она объявила Іозефу, что ей надо переговорить о важномъ дѣлѣ съ его велебностью.

— Что случилось, милая панна? тревожно заглянулъ ей въ глаза сѣренькій старичекъ.

— Ничего дурнаго, Іозефъ. То дѣло, о которомъ я желаю посовѣтоваться съ его велебностью, касается только меня одной. Сегодня мы у васъ обѣдаемъ, продолжала она, — но мнѣ надо повидаться съ нимъ наединѣ, вотъ почему я пришла такъ рано.

Разговоръ этотъ происходилъ на томъ самомъ крылечкѣ, гдѣ, ровно годъ тому назадъ, такъ привѣтливо и радостно встрѣтилъ ее Іозефъ, когда она явилась сообщить прелату о намѣреніи ея брата жениться на русской барышнѣ. Кажется, съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось: день былъ такъ-же ясенъ, воздухъ такой-же теплый и душистый, въ саду и въ оранжереѣ его велебности пестрѣло столько-же цвѣтовъ, какъ и тогда; походка прелестной панны была такъ же легка и граціозна, а костюмъ ея, пожалуй, даже изящнѣе и наряднѣе, чѣмъ двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, — щегольскія ботинки плотнѣе охватывали ножку, длинныя перчатки уже обтягивали ручку. Что значить лишній годъ въ жизни такой молодой дѣвушки, какъ панна Ксаверія? Она долго еще будетъ хорошѣть съ каждымъ днемъ, а не то чтобъ старѣться и дурнѣть. Вотъ для человѣка такихъ лѣтъ, какъ прелать, дѣло другое: тутъ каждый мѣсяцъ идетъ въ счетъ; послѣ cadaго огорченія, послѣ каждой вспышки подавленнаго гнѣва, ревности или досады прибавляется все больше и больше серебряныхъ нитей въ волосахъ, углубляются морщинки вокругъ глазъ, ниже и рѣзче опускаются углы рта.

Однако, сегодня Іозефъ и въ паннѣ Миленской нашелъ пережѣну и прервалъ рѣчь о прелатѣ, чтобы спросить, здорова-ли она?

Ксаверія съ нескрываемой досадой отвѣчала, что совершенно здорова, утомлена только немножко, потому что очень поздно ложилась спать всѣ эти дни. А затѣмъ она такъ настоятельно по-

вторила свою просьбу о томъ, чтобы узнать, можетъ-ли ее принять его велебность, что Іозефъ отправился немедленно исполнить ея просьбу.

Оставшись одна, она вздохнула свободнѣе. Какъ надоѣли ей разпросы о здоровьѣ, которыми точно нарочно, право, осаждаютъ ее со всѣхъ сторонъ! Неужели она дѣйствительно такъ измѣнилась за эти послѣдніе дни, что перемѣна эта всѣмъ бросается въ глаза?

Вчера даже братъ сдѣлалъ ей замѣчаніе насчетъ ея блѣдности, посовѣтовалъ обратиться къ доктору и на время прекратить свои занятія. А Наташа даже ахнула, когда увидала ее третьяго-дня за утреннимъ чаемъ. Воскличаніе этой глупой бабенки такъ напугало Ксаверію, что она рѣшилась отказаться отъ уроковъ и послала сказать своимъ ученицамъ, чтобъ ее не ждали ни сегодня, ни завтра.

Всѣ точно сговорились дразнить ее, вотъ также и Іозефъ.

Она должна была отвернуться отъ пытливаго взгляда, которымъ старикъ сопровождалъ свой вопросъ объ ея здоровьѣ, — такъ ехидно проныривалъ онъ ее насквозь. И, кажется, пытке этой не предвидѣлось конца: прелать также съ первыхъ-же словъ спросилъ, не больна-ли она? Его тоже поразила перемѣна въ наружности панны Миленской, а онъ всего только три дня не видѣлъ ее.

Въ эти дни случилось много новаго въ городѣ и вниманіе общества было такъ поглощено этими новостями, что во всѣхъ домахъ рѣчь шла о духовномъ завѣщаніи г-жи Пирожковой, да объ ея странной фантазіи заставить свидѣтельствовать свои умственные способности въ присутствіи нотариуса и двухъ представителей изъ судебного міра, Ртищева и Дмитровскаго.

— Кажется, никто не сомнѣвался въ томъ, что у почтенной Любови Ивановны никогда не было настолько ума, чтобы сходить съ него, острила партія мадамъ Чуваевой и пана Хлопскаго, довольно, впрочемъ, ничтожная и мало уважаемая въ городѣ.

— Послѣ подобнаго скандала Раисѣ Петровнѣ невозможно оставаться въ З—скѣ и она надняхъ уѣзжаетъ въ Москву, рассказывала Ксаверія.

Прелать слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ. Исторія, слу-

чившаяся въ домѣ Пирожковой, интересовала его гораздо больше, чѣмъ можно было предполагать. Занятый послѣднее время пріѣзжими гостемъ, онъ никуда не выходилъ и никого не принималъ, Ксаверія-же должна была знать всѣ подробности происшествія отъ Лизаньки Дмитровской, съ которой она съ нѣкоторыхъ поръ видѣлась очень часто. Петру Степановичу выпала довольно выдающаяся роль въ этой комедіи: Ртищевъ затащилъ его обманомъ къ Пирожковой и заставилъ его присутствовать при процедурѣ обвидѣтельствванія. Онъ, видно, боялся, что подробности этой исторіи, такой постыдной для Раисы Петровны, не довольно быстро и громко разнесутся по всему городу, ему мало показалось для этого нотаріуса и двухъ докторовъ, понадобился еще Лизанькинъ мужъ.

— Какой, однакожъ, интриганъ этотъ Ртищевъ! вскричалъ прелать. — И сколько легкомыслія, необдуманности въ его поступкахъ! Даже понять нельзя, изъ чего собственно онъ хлопочеть... Въ этой старой, глупой женщинѣ ровно ничего нѣтъ интереснаго, а тотъ идіотъ, ея пріемышъ, долго жить не можетъ. Значить, въ-концѣ-концовъ, все-таки состояніе покойнаго Пирожкова должно достаться его дочери.

— Но развѣ можно такъ положительно рассчитывать на смерть этого мальчишка? спросила Ксаверія.

Она до сихъ поръ думала, что ни одинъ докторъ не можетъ утверждать, излечима-ли болѣзнь или нѣтъ. Но онъ началъ ей доказывать, что есть такія болѣзни, при которыхъ можно опредѣлить заранѣе не только день, но даже часъ смерти.

Данный случай можно подвести подъ разрядъ именно такихъ болѣзней. Прелать видѣлся съ докторомъ, который въ настоящее время лечитъ маленькаго Пирожкова; онъ замѣчательный психіатръ и рѣдко ошибается въ своихъ опредѣленіяхъ. Докторъ этотъ говоритъ, что у ребенка развивается такъ называемая folie grimaige. Для него уже теперь пересталъ существовать внѣшній міръ; его умственные и чувственные способности поглощены одной идеей и только одна эта идея, *idée fixe*, способна пробуждать въ немъ волю и энергію.

— Дальнѣйшій ходъ этой болѣзни слѣдующій, продолжалъ прелать тономъ чловѣка, привыкшаго къ пріемамъ профессора, — *idée fixe* будетъ все больше и больше укрѣпляться

и развиваться въ ущербъ всѣхъ прочихъ чувствъ и способностей, вліяя при этомъ самымъ пагубнымъ образомъ на всѣ прочія жизненныя отправления. Здоровый и крѣпкій организмъ еще можетъ вынести подобное существованіе и достигнуть въ состояніи идиотизма до глубокой старости, но при слабомъ и щедущномъ сложеніи долговѣчность немислима. По мнѣнію доктора, у соперника мадамъ Чуваевой по наслѣдству общее истощеніе всѣхъ жизненныхъ силъ уже начинаетъ превращаться въ такое состояніе, которое на языкѣ специалистовъ называется *маразмомъ* и отъ котораго, не было примѣра, чтобъ кто-либо излечивался.

Ксаверія слушала, повидимому, внимательно это объясненіе; свѣтлые глаза ея ни на минуту не отрывались отъ блестящихъ черныхъ глазъ прелата, по мысли ея были далеко, и когда онъ замѣтилъ въ заключеніе, что пану Хлопскому отчаяваться нечего, ей надо было сдѣлать усиліе, чтобъ сообразить, къ чему именно относится эта фраза, и въ улыбкѣ, съ которой она произнесла: „вы думаете“?—было много натянутости.

— Это мое мнѣніе. Всякій ловкій человекъ воспользовался-бы такимъ прекраснымъ случаемъ доказать мадамъ Чуваевой безкорыстіе своихъ чувствъ, продолжалъ иронизировать прелатъ.

— Вы говорили ему объ этомъ? спросила Ксаверія.

— О! пана Хлопскаго не намъ учить! Онъ и самъ знаетъ, что дѣлать и тотчасъ-же послѣ той исторіи возобновилъ свое предложеніе мадамъ Чуваевой, повергая къ ея ногамъ свою руку, сердце и то ничтожное состояніе, которымъ онъ владѣетъ. Но она не захотѣла немедленно осчастливить его и обѣщала написать рѣшительный отвѣтъ изъ Москвы. Ей, говорятъ, устраиваютъ блестящіе проводы, всѣ антагонисты Ртищева хотятъ собраться на желѣзную дорогу и поднести ей букеты. Слышали вы объ этомъ?

— Нѣтъ, я въ эти дни нигуда не выходила.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее и хотѣлъ еще что-то спросить, но во-время воздержался, а на Ксаверію, между тѣмъ, нахлынула большая рѣшимость, ей вдругъ захотѣлось самой затронуть щекотливый вопросъ, вертѣвшійся на языкѣ ея осторожнаго собесѣдника.

— Мнѣ всѣ эти дни нездоровилось, проговорила она. — Вы были правы, всендѣ прелать, когда говорили мнѣ, что я слишкомъ много выѣзжаю и что такая жизнь дурно повліяетъ не только на мое здоровье, но также и на голосъ. Съ нѣкоторыхъ поръ пѣніе удивительно утомляетъ меня, а уроки давать мнѣ положительно становится не подъ силу. Вчера и третьяго дня я должна была отказать моимъ ученицамъ.

Эти послѣдніе дни у нея была еще другая причина не отлучаться изъ дома; но въ этой причинѣ тяжело было сознаваться даже передъ самой собой, и Ксаверія ужасно разгнѣвалась-бы, еслибъ кто-нибудь осмѣлился намекнуть ей, что она и вчера и третьяго дня съ трепетнымъ нетерпѣніемъ поджидала Ртищева, замирая и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ у входной двери, даже въ такія минуты, когда немислимо было ждать его появленія, рано утромъ, напрімѣръ, или среди ночи.

Но послѣ того, что случилось вчера, она его больше не ждетъ...

— А ваша невѣстка? спрашивалъ, между тѣмъ, прелать.

— Ничего, она здорова, разсѣянно отвѣчала панна Миленская.

Вчера, какая-то невидимая сила потянула ее на балконъ, именно въ ту минуту, когда Наташа подходила къ рѣшеткѣ и кому-то дружески протягивала руку.

Сердце Ксаверіи такъ забилося, какъ никогда еще не билось; она вспомнила глухіе намеки Марихны о свиданіяхъ молодой пани съ сосѣдомъ и въ умѣ ея внезапно завертѣлось столько новыхъ мыслей, что у нея съ минуту времени въ головѣ стоялъ невообразимый хаосъ. Это Ртищевъ подошелъ къ рѣшеткѣ и разговариваетъ съ ея невѣсткой, непремѣнно онъ, больше не кому... Но почему-же онъ нейдетъ въ домъ? И о чемъ можетъ онъ говорить съ Наташей? Что между ними общаго? Развѣ онъ долженъ искать ее послѣ того, что случилось третьяго дня ночью? Но, можетъ быть, онъ спрашиваетъ о Ксаверіи, дома-ли она, можно-ли ее видѣть?

Цѣлую вѣчность прождала она, не спуская глазъ съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ. По временамъ ей казалось, что она различаетъ черные блестящіе глаза и блѣдное лицо среди спутанныхъ вѣтвей акацій, которыми была обсажена рѣшетка ихъ

сада. Почему-же онъ нейдетъ?.. До ея слуха долеталъ рѣзкій звукъ его голоса и смѣха... Ужь не надѣней-ли онъ смѣется?

Вопросъ этотъ точно ножомъ рѣзнулъ ее по сердцу. Дальше тутъ стоять и ждать было не подѣ силу; панна Миленская сошла съ балкона, легкой поступью прошла боковой алеей прямо къ тому мѣсту, куда ее такъ неотразимо тянуло, и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Наташи, начала прислушиваться.

Ртищевъ рассказывалъ про исторію, случившуюся, по его милости, у Пирожковыхъ, про ярость Раисы Петровны.

Жена Бронислава только изрѣдка прерывала его; однако, изъ ея вопросовъ и замѣчаній можно было заключить, что они видятся очень часто и что Сергѣй Александровичъ очень съ нею откровененъ. И вдругъ, она произнесла имя Ксаверія...

У панны Миленской сердце совершенно перестало биться, въ глазахъ помутилось, и она должна была прислониться къ дереву, чтобъ не упасть. Когда она очнулась, Ртищевъ говорилъ про Марочку и на вопросъ Наташи: „не зайдетъ-ли онъ къ нимъ?“

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ теперь нельзя къ вамъ заходить, то-ропливо отвѣчалъ онъ, какъ-то странно напирая на слово *теперь*.

Все это вспоминала Ксаверія, разсѣянно прислушиваясь къ рѣчи прелата и отвѣчая болѣе или менѣе не впопадъ на его вопросы о Брониславѣ, объ ихъ матери и объ ея занятіяхъ. Она, кажется, совсѣмъ забыла, зачѣмъ пришла сюда, и не думала начинать того важнаго разговора, о которомъ предупредила Иозефа.

— Всю эту интригу съ завѣщаніемъ въ пользу воспитанника Пирожковой Ртищевъ затѣялъ на зло мадамъ Чуваевой, сказалъ, между прочимъ, прелатъ.

— О, да! Этотъ Ртищевъ отвратительный человѣкъ! вскричала глубоко прочувствованнымъ голосомъ Ксаверія.

Его велебность позволилъ себѣ иронически усмѣхнуться.

— Давно-ли панна такого не лестнаго мнѣнія о красивомъ, остроумномъ москалѣ?

— Очень давно, ксендже прелатъ, возразила она твердымъ и спокойнымъ тономъ. — Еслибъ не исторія съ Брониславомъ... пом-

ните? — тотъ доносъ о поджигательствѣ... Да еслибъ не особенноти нашего положенія среди русскаго общества, такой господинъ, какъ этотъ Ртищевъ, никогда не переступилъ-бы порогъ нашего дома, прибавила она съ нескрываеомой злобой въ голосъ.

Она смодкла, слегка вздохнула и устремила разсѣянный взглядъ на вазу цвѣтовъ, пестрящую передъ терасой, а прелать встала и началъ прохаживаться взадъ и впередъ. Онъ былъ въ большомъ волненіи, но это можно было замѣтить только по сжатымъ губамъ его, да по усиленной твердости походки, а также по сосредоточенному взгляду, которымъ онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, ничего не видя.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, она снова заговорила. У нея было много горя, много неприятностей въ это послѣднее время. Жизнь въ семействѣ дѣлалась порою такъ невыносима, что волей-неволей приходилось искать отдохновенія и развлеченія въ чужихъ домахъ. Ксендже прелать не могъ не замѣтить перемены въ ея отношеніяхъ съ матерью.

Онъ кивнулъ головой, остановился и, не разжимая губъ, все съ тѣмъ-же выраженіемъ серьезной угрюмости, устремилъ на нее внимательный взглядъ.

— Наталья Михайловна совершенно околдовала нашу мать, продолжала панна Миленская. — Она добилась своими жалобами и глупыми, ребяческими выходками того, что мама охладѣла даже къ сыну и постоянно упрекаетъ его тѣмъ, что онъ не умѣетъ снискать довѣріе и любовь своей супруги! Да, ксендже прелать, продолжала она, все болѣе и болѣе воодушевляясь, — вотъ до чего дошло! Наталья Михайловна поступаетъ съ нами возмутительно, не обращаетъ никакого вниманія ни на меня, ни на своего мужа, она даже, по временамъ забываетъ, что у нея есть мужъ, такъ мало думаетъ она о томъ, чтобъ нравиться и угождать ему! Терпѣніе Бронислава удивляетъ всѣхъ, кто его знаетъ, Хлопскаго, Януша, Мелинговича, но меня это терпѣніе пугаетъ, оно такъ мало въ его характерѣ! Не можетъ-же онъ не замѣчать, что жена его создала себѣ какой-то особенный міръ, отдѣльный отъ нашего кружка, въ которомъ живетъ и наслаждается одна...

Она взглянула на своего собесѣдника и, подмѣтивъ саркастическую усмѣшку на его тонкихъ губахъ, прибавила тоже съ усмѣшкой:

— Впрочемъ, почему мы знаемъ, одна она или нѣтъ?

Прелать пожалъ плечами и какъ будто для того, чтобъ доказать ей, что онъ понялъ ея мысль, спросилъ, давно-ли былъ у нихъ господи́нь Ртищевъ?

— Господи́нь Ртищевъ давно не считаетъ нужнымъ посѣщать нашъ домъ; онъ находитъ много удобнѣе и пріятнѣе компрометировать жену моего брата свиданіями у рѣшетки нашего сада, произнесла она съ горькой ироніей.— Эти rendez-vous на улицѣ сдѣлаются скоро басней всего города и про семейство Миленскихъ пойдутъ такія-же сплетни и разговоры, какъ про разныхъ Пирожковыхъ, Толмачевыхъ, Ветошкиныхъ и тому подобныхъ!

Прелать продолжалъ молчать.

— Мнѣ кажется, брату было-бы всего лучше принять предложеніе, которое ему дѣлаютъ въ Вѣнѣ, и переселиться туда, пока жена окончательно не опозорила здѣсь его имени, снова начала Ксаверія.— О томъ, чтобъ исправить ее, дать ей какія-бы то ни было понятія о приличіи и благопристойности, о томъ, что можетъ позволять себѣ замужняя женщина и чего-нѣтъ, объ этомъ нечего и мечтать! Вотъ уже четвертый мѣсяць, какъ Брониславъ выдерживаетъ съ нею холодный тонъ, за ея легкомысленное поведеніе съ Ртищевымъ на балѣ Чуваевой, а ей все равно! Мало того, она съ тѣмъ-же самымъ Ртищевымъ каждый день по цѣлымъ часамъ болтаетъ у рѣшетки, точно пансіонерка кака-нибудь, или горничная!

— Что-жь вы хотите! Съ такимъ воспитаніемъ какъ то, которое она получила... Впрочемъ, прибавилъ задумчиво прелать,— я не думаю, чтобы между ними было что-нибудь серьезное. У Ртищева много недостатковъ, пороковъ даже, но онъ не безчестный человѣкъ.

О! какъ у панны Миленской свергнули глаза при этихъ словахъ! Хорошо, что прелать не смотрѣлъ на нее въ эту минуту.

— А я думаю, всендже прелать, произнесла она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что братъ мой предпочелъ-бы даже что-нибудь *серьезное* тѣмъ глупымъ, бессмысленнымъ выходкамъ, которыми эта женщина каждый день позволяетъ себѣ оскорблять его достоинство, какъ мужа, и честь, какъ человѣка. Кто-же по-

вѣрить его слѣпотѣ? Рѣшительно никто. Всѣ скажутъ, что онъ желаетъ снискать расположеніе господина Ртищева, потому что господинъ Ртищевъ занимаетъ важное положеніе въ губерніи и можетъ всѣмъ намъ сдѣлать много зла при случаѣ. Всѣмъ памятна несчастная исторія съ Хлопскимъ... Сближеніе жены Бронислава съ господиномъ предсѣдателемъ началось именно съ этого времени.

— Въ такомъ случаѣ надо скорѣе открыть глаза вашему брату, замѣтилъ прелать.

— Да. И вотъ еще одна изъ причинъ, заставляющихъ меня скорѣе уѣхать отсюда, подхватила панна Миленская. — Я такъ ненавижу Наталью Михайловну, что мнѣ будетъ нестерпимо присутствовать при той трагикомедіи, которая непременно должна въ очень скоромъ времени разыгратъ въ нашемъ домѣ.

— Когда-же вы думаете ѣхать?

— Какъ можно скорѣе. Изъ Берлина я напишу Бронеку письмо, въ которомъ посоветую ему внимательно заняться женой, и осторожно намекну про эти глупыя свиданія у рѣшетки. Въ письмѣ мнѣ будетъ легче выразиться снисходительно и сдерживать порывы моего презрѣнія къ этой женщинѣ... И, наконецъ, вдали отсюда, отъ всего, что мнѣ дорого и мило, отъ мама, отъ васъ...

Она смокла и потупилась. Прелать отлично видѣлъ, какъ она краснѣла и какъ слезы навертывались на ея большихъ голубыхъ глазахъ, но онъ продолжалъ перелистывать иллюстрированный журналъ, лежащій передъ нимъ, посматривая на нее украдкой острымъ, глубокимъ взглядомъ.

— У меня только и надежды, только и упованія, что на васъ, ксендже-прелать, снова заговорила она, понижая голосъ и устремляя на него умоляющій взглядъ, — вы одни можете помочь мнѣ, успокоить, придать мнѣ новыя силы...

— Но чѣмъ-же могу я вамъ служить, милая панна?

Въ голосѣ его звучала привѣтливость и только. Она, повиному, ожидала большаго и смущеніе ея продолжало усиливаться.

— Надо приготовить мама къ этой разлукѣ, ваша велебность, надо обѣщать мнѣ не оставлять ее вашими совѣтами и ласками во время моего отсутствія, а также Бронислава, и наконецъ...

Голосъ ея дрогнулъ, слезы, давно ужъ дрожавшія на длинныхъ рѣсницахъ, потекли по поблѣднѣвшимъ щечкамъ, и она порывистымъ движеніемъ опустилась передъ нимъ на колѣни и граціозно протянула къ нему обѣ руки.

— Надо возвратить мнѣ вашу дружбу, и не отпускать меня на чужбину съ тѣмъ горькимъ, безотраднымъ чувствомъ, съ которымъ я живу съ тѣхъ поръ, какъ ваша велебность разлюбили меня!

Хорошо, что прелату вздумалось сегодня завтракать на маленькой терасѣ! Сюда отворялась одна только дверь изъ уборной его велебности, а маленькій палисадникъ, съ грядами клубники, запирался со двора вѣрнымъ замкомъ, ключъ отъ котораго всегда хранился въ карманѣ Іозефа. Благодаря этому обстоятельству, прелатъ могъ нѣсколько мгновеній безопасно любоваться красавицей Ксаверіей въ томъ именно положеніи, въ которомъ ему ужъ давно мечталось ее видѣть! Наконецъ-то, гордая дѣвушка была у его ногъ!..

Однако, онъ милостиво приподнял ея, посадилъ рядомъ съ собой на плетеный диванчикъ и, не выпуская ея ручки изъ своей руки, мягко проговорилъ:

— Я всегда останусь лучшимъ другомъ вашей семьи, моя милая панна, а также самымъ усерднымъ и горячимъ почитателемъ вашего таланта, ума и характера.

Онъ низко пригнулся къ ней, произнося эти слова, нѣжно пожималъ ея руки и ласково заглядывалъ ей въ глаза, но въ голосѣ его не переставала звучать ироническая нотка, отъ которой у Ксаверіи морозъ пробѣгалъ по тѣлу даже въ ту минуту, когда онъ дрожащей рукой обнял ея талью и робко прикоснулся губами къ ея лбу. Она не отклонилась отъ этого поцѣлуя, какъ годъ тому назадъ, нѣтъ, она только еще ниже опустила голову и густая краска покрыла не только ея щека, но также шею и грудь, а въ сердцѣ зашевелилось такое горькое чувство досады и безсиьной злобы, что еслибы прелатъ могъ читать въ этой душѣ, какъ, бывало, прежде, онъ, пожалуй, не позволилъ-бы себѣ второй разъ поцѣловать панну Миленскую, провожая ея до дверей терасы.

Внезапное рѣшеніе Ксаверіи ѣхать за границу произвело странное впечатлѣніе на Ртищева. Первые дни послѣ той достопа-

мятной ночи, онъ усердно избѣгалъ свиданій съ нею, но когда ему пришлось убѣдиться, что сама она еще ловчѣе, толковчѣе и умнѣе устранивается такъ, чтобъ не имѣть съ нимъ никакихъ объясненій и вполнѣ игнорировать обстоятельство, минутно сблизившее ихъ, на него напала сильная досада, смѣсь неудовлетвореннаго любопытства съ убѣжденіемъ полнѣйшей невозможности когда-либо успокоиться на этотъ счетъ. Чувство это раздражало его до высочайшей степени, заставило даже на время забыть торжество, одержанное надъ Чуваевой, и вполнѣ оцѣнить всѣ выгоды ея добровольнаго отступленія.

Надняхъ онъ встрѣтился съ панной Миленской на улицѣ, и на его поклонъ она такъ поспѣшно отвернулась и такъ быстро скрылась въ дверяхъ того дома, у котораго она звонила въ ту минуту, когда онъ проходилъ мимо, что ему никакъ нельзя было замѣтить, что именно вызвала въ ней эта встрѣча — смущеніе, гнѣвъ, любовь или ненависть. Весь день потомъ мучился онъ желаніемъ что-то доказать ей, чѣмъ-то досадить, разозлить, а главное, во что-бы то ни стало, узнать ея мысли.

И до сихъ поръ, кромѣ ея рѣшенія поступить въ парижскую консерваторію, онъ ничего не могъ узнать.

Каждый день продолжалъ Сергѣй Александровичъ бесѣдовать съ Наташей у рѣшетки сада, и еслибъ теперь Ксаверія вздумалось подслушать ихъ разговоръ, она, можетъ быть, осталась-бы имъ довольна. Теперь каждое свиданіе между Ртищевымъ и женой ея брата начиналось и оканчивалось разспросами объ ней. Правда, что въ промежуткахъ онъ говорилъ про Марочку, которому день ото дня дѣлалось хуже и хуже, про Любовь Ивановну, которая совершенно раскисла и каждую ночь подвергается разнымъ видѣніямъ и бѣсовскимъ навожденіямъ, а также про Раису Петровну, которая успѣла уже прислать ему два ядовитыхъ письма изъ Москвы. Онъ рассказывалъ Наташѣ и про Лизаньку Дмитровскую и про Петра Степановича.

Этотъ, по мнѣнію Ртищева, съ каждымъ днемъ дурѣлъ хуже Марочки. Дошло до того, что онъ по утрамъ кушаетъ чай въ комнатѣ своего лакея, чтобъ не беспокоить супругу.

Сегодня Сергѣй Александровичъ раза три переспрашивалъ у Наташи, когда именно думаетъ ѣхать Ксаверія Феликсовна и не задержится-ли чѣмъ-нибудь ея отъѣздъ?

— Что же можетъ ее задержать? возразила Наташа.—Первое время ея мать была противъ этой поѣздки, но послѣ разговора съ прелатомъ на прошлой недѣлѣ, она, кажется, совершенно покорилась необходимости разстаться съ дочерью и даже помогаетъ укладывать ея вещи. Брониславъ тоже такого мнѣнія, что здѣсь сестрѣ его дѣлать больше нечего. Деньги на эту поѣздку и на жизнь въ Парижѣ у нихъ ужъ давно отложены, а главное, сама она въ такомъ восторгѣ отъ предстоящаго путешествія и отъ всего, что ее тамъ ожидаетъ!.. Что же можетъ удержать ее здѣсь? прибавила она съ подавленнымъ вздохомъ.

— А вамъ, кажется, ее жаль? усмѣхнулся Ртищевъ.

— Нѣтъ, мнѣ ее не жаль, вы это знаете. Я ее не люблю, мы съ нею ни въ чемъ не сходимся. Мнѣ ее не жаль, повторила Наташа, — но я ей завидую!.. Не таланту ея, не красотѣ и даже не уму ея, нѣтъ, нѣтъ! торопливо продолжала она, — пожалуйста, не думайте, чтобъ я могла *этому* завидовать въ комъ-бы то ни было, нѣтъ! Я завидую ея необыкновенной силѣ той ловкости, энергій, тому желанію и умѣнью жить, жить во что-бы то ни стало, жить умомъ, сердцемъ, всѣми нервами, всѣми чувствами, всегда, каждый день и каждую минуту, никогда не утомляясь и не ослабѣвая ни въ борьбѣ, ни въ успѣхѣ... вѣчно жаждать новыхъ ощущеній, какихъ-бы то ни было, даже тяжелыхъ... Вотъ въ чемъ я ей завидую! Не говоря ужъ про ея образованіе и про умѣнье постоянно учиться новому и во всемъ совершенствоваться, развиваться... такъ, кажется, это называется?

Онъ съ улыбкой кивнулъ головой.

— Еслибъ вы только знали, какая она ученая! Чего только она не знаетъ? И какъ все это хорошо, уютно укладывается въ ея головѣ! Какъ она знаетъ свѣтъ и людей!

Ртищевъ продолжалъ улыбаться.

— Какъ она ясно, сознательно видитъ, куда идетъ и зачѣмъ...

— Вы думаете? вырвалось у него.

Но Наташа его не слушала.

— Разумѣется, иногда и она поступаетъ дурно, продолжала жена Бронислава, все болѣе и болѣе одушевляясь.—То есть, *по моему* дурно, по ихнему-же это такъ и слѣдуетъ. Однимъ сло-

вошь, она никогда не дѣлаетъ ошибокъ, никогда ничего такого, въ чемъ пришлось бы раскаиваться потомъ, унижаться, хотя-бы передъ самой собой... понимаете? У нихъ на все правила и такія ясныя, опредѣленныя... Стоитъ только изучить ихъ съ дѣтства и вся жизнь покатится ровпо, гладко, безъ зацѣпокъ, точно по рельсамъ...

— Вы думаете? вы думаете? не переставалъ улыбаться Ртищевъ.

Если-бы Наташа не была такъ поглощена своей идеей и желаніемъ ее высказать, она замѣтила-бы, сколько ироніи было въ усмѣшкѣ, съ которою онъ ее выслушивалъ и, по всей вѣроятности, иронія эта охладила-бы нежданный порывъ ея краснорѣчія.

— У насъ нѣтъ такихъ правилъ, продолжала она.

— Принциповъ, поправилъ ее Ртищевъ. — А какъ вы думаете, очень все это важно для того человѣка, который полюбить ее?

Наташа съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она, кажется, не поняла его вопроса.

— Ничего этого не нужно, продолжалъ Ртищевъ, не дожидаясь отвѣта. — Такой человѣкъ одно только потребуетъ отъ нея, именно то, чего она дать ему не можетъ, побольше мягкости, самоотверженія и сердечной теплоты...

— Да, первое время, а потомъ? замѣтила вполголоса и какъ-бы про себя Наташа.

Она вспомнила свою жизнь съ мужемъ и какъ не долго довольствовался онъ ея безграничною преданностію и слѣпымъ обожаніемъ.

А Ртищевъ, между тѣмъ, продолжалъ, не вслушиваясь въ ея возраженіе:

— Да, тотъ человѣкъ, который полюбить ее, не потребуетъ отъ нея ни ловкости, ни учености, ни умѣнья пользоваться жизнію и обстоятельствами, ему одно только будетъ нужно, чтобъ она отдалась ему вся, безъ остатка, чтобъ она смотрѣла на все его глазами, жила-бы его жизнью и все любила бы въ немъ, все—его слабости, недостатки, пороки даже... Способна-ли панна Миленская на такое чувство? Можетъ-ли она когда-нибудь такъ увлечься, чтобъ совершенно забыть о самой себѣ?

— Какая я свинья, однакожь, мелькало у него въ умѣ, именно въ ту минуту, когда онъ произносилъ эту тираду противъ сухости сердца и эгоизма Ксаверіи.— Всякому можно такъ говорить про нее, только не мнѣ!

Но въ глубинѣ души какой-то внутренней голось шепталъ ему, что онъ правъ. Чѣмъ больше размышлялъ онъ про неожиданный порывъ страсти, бросившій Ксаверію Миленскую въ его объятія, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что любовь была тутъ не при чемъ.

Съ той ночи прошло двѣ недѣли. Каждый день подходилъ онъ къ рѣшеткѣ, за которой ждала его Наташа, съ надеждой услышать отъ нея такое слово, которое заставило-бы его снять зарокъ, наложенный на себя въ минуту каприза, и только сегодня, наконецъ, услышалъ онъ такое слово.

— Неужели вы не зайдете проститься съ нашей Ксаверіей? спросила она у него, среди разговора о приготовленияхъ къ отъѣзду невѣстки и о намѣреніи Бронислава проводить ее до ближайшаго города.— Марья Казиміровна давно спрашиваетъ, почему вы у насъ не бываете, а Брониславъ сказалъ сегодня, что вы, вѣроятно, боитесь встрѣтиться въ нашемъ домѣ съ паномъ Хлопскимъ. Ксаверія думаетъ тоже самое.

У него сверкнули глаза.

— И она тоже? Прелестно! Скажите имъ, пожалуйста, что я никого не боюсь и явлюсь къ вамъ сегодня-же. А какъ вы думаете, продолжалъ онъ съ усмѣшкой,—пріятно будетъ паннѣ Миленской мое посѣщеніе? У насъ съ нею вышло маленькое недоразумѣніе при послѣднемъ нашемъ свиданіи, и я, признаться сказать, поэтому и не являлся къ вамъ до сихъ поръ. Вы говорите, что она ѣдетъ завтра?

— Да, Ксаверія ѣдетъ завтра. На Сергѣя Александровича она, кажется, вовсе не сердится, не дальше какъ вчера она говорила, что очень была-бы рада его видѣть.

— Въ такомъ случаѣ я непременно приду, повторилъ Ртищевъ.

Онъ пришелъ ровно въ восемь часовъ, за цѣлый часъ до того времени, когда семья Миленскихъ имѣла обыкновеніе собираться къ чаю, и засталъ въ гостиной только Ксаверію съ Наташей.

Для чего желала его видѣть панна Миленская? Если для того, чтобы окончательно сбить его съ толку, она вполне достигла своей цѣли. Никогда еще не шутила она съ нимъ и съ другими такъ умно, весело и любезно, какъ въ этотъ вечеръ. Всѣхъ съумѣла она очаровать на прощаніе, всѣмъ было съ нею ловко и пріятно сегодня, даже Наташѣ, а Ртищевъ безпрестанно забывалъ о происшествіи въ саду Пирожковыхъ и каждую минуту ловилъ себя на такихъ шуткахъ и на такомъ обращеніи съ нею, какъ-будто все было по-старому и той знаменательной ночи никогда и не бывало. Но опомнившись, онъ злился; ему казалось, что она внутренно хохочетъ надъ нимъ, онъ невольно начиналъ искать отраженія этого смѣха въ ея глазахъ и невозмутимая ясность, горѣвшая въ нихъ, глубоко и горько оскорбляла его.

Въ десятомъ часу изъ внутреннихъ комнатъ вышли прелать съ Марьей Казиміровной и веселое оживленіе Ксаверіи немного стихло. Въ голосѣ ея даже зазвучала грусть, когда рѣчь зашла о предстоящемъ путешествіи. У матери ея были заплаканные глаза и весьма серьезный, хмурый видъ, прелать былъ разсѣянъ и задумчивъ, Брониславъ съ видимымъ усиліемъ поддерживалъ разговоръ съ Ртищевымъ. Сегодня чай кончился рано и въ столовой не засиживались, но когда Сергѣй Александровичъ взялся за шляпу, чтобы уйти, Ксаверія подошла къ брату и шепнула ему что-то на ухо.

— Куда вы торопитесь? привѣтливо обратился къ нему Миленскій. — Еще не поздно... Неужели вамъ хочется спать?

Ртищевъ остался. Ему любопытно было досмотрѣть эту комедію до конца. А можетъ быть, и не одно любопытство удерживало его въ этомъ домѣ? Никогда еще панна Миленская не интересовала его такъ, какъ сегодня. Она представлялась ему совершенно въ новомъ свѣтѣ, такомъ загадочномъ и заманчивомъ, что теперь, кажется, онъ готовъ былъ не на шутку въ нее влюбиться. По временамъ въ памяти его внезапно воскресало жгучее воспоминаніе тѣхъ минутъ, когда онъ сжималъ эту женщину въ своихъ объятіяхъ и страстно цѣловалъ ее, и тогда вся кровь бросалась ему въ голову и въ умъ мутилось отъ досады, отъ безсильной злобы, отъ страстнаго желанія уловить въ ея голосѣ, улыбкѣ или взглядѣ, хотя-бы слабый, далекій намекъ на то, что и она тоже помнитъ... Но нѣтъ, ничего подобнаго нельзя было

прочестъ въ умныхъ, свѣтлыхъ глазахъ красавицы польки! Она, цовидимому, все, все забыла! Воздерживаться дольше и бороться съ искушеніемъ становилось не по силамъ, и онъ напомнилъ ей о той ночи, напомнилъ такъ грубо и неловко, что самъ покраснѣлъ при первыхъ-же словахъ, однако довольно твердымъ и спокойнымъ голосомъ досказалъ вопросъ о бантигѣ, найденномъ имъ въ травѣ послѣ ея ухода.

Когда долженъ онъ ей возвратить этотъ бантигъ?

Панна Миленская улыбнулась.

— Еслибъ я не уѣзжала завтра, то попросила-бы васъ передать его Наташѣ... вы, кажется, съ нею видитеcь очень часто? Но всѣ мои вещи уже уложены и мнѣ остается такъ мало времени здѣсь пробыть, что, право, не до бантиговъ... Оставьте его себѣ на память, прибавила она, не переставая улыбаться.

— На память чего? дерзко усмѣхнулся онъ.

— На память сегодняшняго вечера, если хотите, мнѣ все равно, спокойно проговорила она, пожимая плечами.

У него даже побѣлѣли губы отъ злости.

— Знаете, панна Миленская, вы хуже Раисы Петровны! прошепталъ онъ, нагибаясь къ ней такъ близко, что усы его чуть было не коснулись ея щеки.

Да полно, произнесъ-ли онъ эти слова? Не сказалъ-ли онъ ей чего-нибудь другаго, много страннѣе и безумнѣе этого? Она съ такимъ неподдѣльнымъ испугомъ отпрянула отъ него въ сторону и во взглядѣ, которымъ она обдала его, выразалось столько изумленія и презрительной жалости, что съ минуту времени онъ спрашивалъ себя: не сходить-ли онъ съ ума, какъ Марочка и какъ другіе субъекты, про которыхъ знаменитый психіатръ рассказывалъ ему недавно столько курьезовъ?

III.

Миленскій поѣхалъ провожать Ксаверію дальше, чѣмъ предполагалъ. На другой день послѣ ихъ отъѣзда получена была депеша, въ которой Брониславъ увѣдомлялъ, чтобъ его не ждали раньше конца будущей недѣли. Онъ намѣренался провести нѣсколько дней въ Варшавѣ съ сестрой.

Марья Казиміровна весьма одобрительно отнеслась къ этому намѣренію. У нихъ было въ этомъ городѣ много родственниковъ, съ которыми, по мнѣнію старушки Миленской, не мѣшало познакомиться. Мало-ли что можетъ случиться, никогда не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь! Правда, эти родственники ихъ и знать не хотѣли въ то время, когда они бѣдствовали, но за то теперь, съ тѣхъ поръ, какъ Брониславъ приобрѣлъ извѣстность, ихъ вниманію и любезности конца нѣтъ. Старый панъ Тодецкій вотъ ужъ второй годъ доставляетъ Ксаверіи изъ Варшавы тѣ изящныя ботинки на высокихъ каблучкахъ, въ которыхъ ножка ея выглядитъ такой прелестной, а пани Мальвовецкая вспомнила свою тетюшку даже въ Туринѣ и прислала ей оттуда засахаренныхъ каштановъ. Какими любезностями обмѣниваются письменно по торжественнымъ праздникамъ панна Ксаверія съ паннами Покинь, дочерью троюроднаго брата покойнаго мужа Марьи Казиміровны! Какъ усердно приглашаютъ всѣ эти милые люди дорогихъ родственниковъ Миленскихъ погостить у нихъ въ Варшавѣ! Даже неловко было-бы отказать отъ такихъ приглашеній.

Впрочемъ, у Марьи Казиміровны были еще другія причины радоваться отъѣзду сына: она возлагала большія надежды на разлуку Бронислава съ сестрой и на временное его разставанье съ женой. Опытная старушка была убѣждена, что Ксаверія служить главной помѣхой къ сближенію молодыхъ супруговъ.

— Зобачишь, вохана, якій онъ ласковный до насъ поврутить, повторяла она Наташѣ. — Проще, муй пане, обратилась она однажды къ Ртищеву, который нерѣдко присутствовалъ при ея разговорахъ съ невѣсткой, — Бронися и Ксаверка отъ дѣтинства шпіатели были, моя Ксаверка завше, якъ тилько хотѣла, такъ и крентила братомъ.

И при этихъ словахъ она подняла руку и быстро повертѣла ея въ воздухѣ, желая показать, какъ Ксаверія врутила братомъ.

— Отожь хвала Богу, выѣхала она отъ насъ! Якже, пани, Ксаверѣ о большой спѣвачѣ не вздыхать! продолжала она съ усмѣшкой. За то теперь, дрога моя, ласково ударила она Наташу по плечу, — наше панство шпиде! Мы, кобеты, довольно хитры, добже васъ, панъ, въ рукахъ тшимать можемъ!

Ртищевъ съ злой усмѣшкой посмотрѣлъ на Наташу.

— Достанетъ у васъ хитрости и сноровки подладиться къ мужу, Наталья Михайловна?

Она покраснѣла отъ стыда и бросила на него умоляющій взглядъ, но онъ продолжалъ свои жестокія шутки.

— Что-жь надо дѣлать Натальѣ Михайловнѣ, чтобъ понравиться супругу? спросилъ онъ у старушки, которая не подозрѣвая злой ироніи, скрывавшейся подъ его добродушнымъ тономъ, начала краснорѣчиво распространяться о супружескихъ обязанностяхъ, пересыпая свою рѣчь анекдотами, почерпнутыми изъ собственной жизни, изъ жизни своихъ друзей и знакомыхъ, а также изрѣченіями разныхъ мудрыхъ людей. Ртищевъ прерывалъ ее только для того, чтобъ по два, по три раза заставлять повторять тѣ правила и идеи, которыя было особенно тяжело и конфузно выслушивать Наташѣ.

— А когда мужъ разлюбитъ жену, тогда какъ? спросилъ онъ.

— Того не можетъ быть, панъ, если жена разумна. За что онъ ее разлюбитъ? Хибо хворая будетъ? Мужу надо младу жену; веды пшидетъ до дому, есть кому поластить, поцаловать... Отъ мужа утекать не вольно, хочеш не хочеш, а одно лужко треба имѣть *), тутъ дивного ниць нема, молодымъ людямъ жить надо!

Она такъ развеселилась и увлеклась разговоромъ, что забывала переводить свои слова по-русски, но, повидимому, Ртищевъ отлично понималъ ее, потому что своимъ смѣхомъ вызывалъ на самыя искреннія и безцеремонныя выраженія.

— А если онъ ей сдѣлается противенъ? продолжалъ онъ допрашивать старушку.

Марья Казиміровна не поняла этого вопроса и пустилась въ разсужденія о томъ, какую выгоду умная жена можетъ извлечь изъ каждой слабости своего мужа и какъ ей легко сдѣлаться ему необходимой.

Но Ртищевъ не унимался.

— А если она его уже не любитъ, если ей вовсе не надо быть ему необходимой, повторилъ онъ и вдругъ смолкъ на полусловѣ.

Наташа перестала смотрѣть на него, она поблѣднѣла, въ гла-

*) Одну постель надо имѣть.

захъ ея блестяли крупныя слезы и выражалось такое глубокое страданіе, что и ему сдѣлалось больно.

— Простите меня, прошепталъ онъ, близко наклоняясь къ ней, — я ужасный болванъ!..

Она поспѣшно встала и выбѣжала на терасу. Перекинувшись еще нѣсколькими фразами съ Марьей Базиміровой. Ртищевъ тоже вышелъ въ садъ и нагналъ ее на дорожкѣ, которая вела къ тому самому мѣсту рѣшетки, гдѣ они каждый день встрѣчались. Она шла не оглядываясь и прижимала платокъ къ глазамъ, а онъ думалъ, что она плачетъ отъ него и что онъ могъ бы ее утѣшить... Но какъ, чѣмъ? Этого онъ еще не зналъ, не зналъ даже и тогда, когда бессознательно заговорилъ о томъ, что положеніе ея далеко не такъ безнадежно и ужасно, какъ она воображаетъ, что мужъ ея, хотя и антипатичный, но вполне порядочный господинъ и, вѣроятно, не захочетъ силой оставлять ее при себѣ, если она ему объявитъ, что желаетъ разстаться съ нимъ, но на такую крайность опасно рѣшаться необдуманно, надо прежде испробовать, нельзя-ли какъ-нибудь ужиться.

Откуда только брались у него такіе логическіе выводы, такіе остроумныя комбинаціи и благоразумные совѣты? Надо было только дивиться!

Онъ и дивился, самъ себя не узнавая въ проповѣдующихъ съ такимъ апломбомъ истинахъ. Наташа стояла передъ нимъ, отвернувши лицо въ сторону; онъ не могъ видѣть какое дѣйствіе производитъ на нее его рѣчь, не могъ проникнуть въ ея душу, въ которой бушевало столько протестовъ противъ каждаго его слова!

И какъ всегда, самъ того не замѣчая, онъ перешелъ къ себѣ, къ своимъ печалямъ и неудачамъ... О, какъ ничтожно показалось Наташѣ то, что онъ называлъ такимъ громкимъ именемъ!

— Но, къ счастью, у меня есть въ характерѣ отличная черта, наивно сознался онъ, перечисливъ всѣ свои горести и несчастья — разочарованіе въ Дмитровскомъ, интриги Чуаевой, Марочкина болѣзнь и ужасная перспектива дойти въ скоромъ времени до такого убѣжденія, что всѣ его хлопоты, всѣ его хитрыя соображенія, все это пропадетъ даромъ и что Раиса Петровна все-таки въ-концѣ-концовъ овладѣетъ состояніемъ, оставленнымъ ея отцомъ Марочкѣ... Вѣдь, кажется, легко съ ума сойди при такой мысли?

— Да, но у меня есть отличная черта въ характерѣ, повторилъ онъ, — впечатлѣнія мои очень сильны, но длятся не долго и не успѣетъ одинъ интересъ испариться, какъ тотчасъ-же является на смѣну другой. Большею частью даже такъ бываетъ, что новый интересъ нарождается прежде, чѣмъ успѣетъ совершенно кончиться предыдущій... вотъ такъ и теперь...

И при этихъ словахъ онъ посмотрѣлъ на нее такъ пристально и такъ нѣжно, что она покраснѣла.

— Вы представить себѣ не можете, какъ я вами занятъ, Наталья Михайловна, какъ мнѣ хочется что-нибудь для васъ сдѣлать, доказать этимъ людямъ...

Онъ указаль головой по направленію къ дому, бѣлѣвшемуся среди густой зелени, и вдругъ оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ, пристально всматриваясь вдаль. Наташа машинально глянула въ ту-же сторону и увидѣла своего мужа. Брониславъ спускался съ терасы и шелъ къ тому мѣсту, гдѣ они стояли. Ртищевъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему на - встрѣчу, но на нее напало такое смущеніе, она такъ растерялась, что не въ силахъ была послѣдовать его примѣру.

— Мой внезапный прїѣздъ. кажется, испугаль васъ, Наталья Михайловна? усмѣхнулся Миленскій, слегка дотрогиваясь губами до ея пылавшей щеки.

И не дожидаясь отвѣта, онъ довольно привѣтливо пожалъ руку Ртищеву, а на вопросъ его о Ксаверіи началъ разсказывать про ихъ пребываніе въ Варшавѣ и про отѣздъ сестры въ Берлинъ.

Когда Марихна пришла ихъ звать къ чаю, Миленскій, не обращившись къ женѣ и не прерывая начатаго разговора съ Ртищевымъ, отправился вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ домъ. Наташа такъ и застыла у рѣшетки въ глупой позѣ провинившагося школьника, ожидающаго наказанія. И наказаніе не заставило себя долго ждать: проводивъ гостя до столовой, Брониславъ вернулся въ садъ за женой.

— Ваше отсутствіе тамъ очень замѣтно, Наталья Михайловна, и не только мамѣ, но даже служанкѣ нашей ваше поведеніе можетъ показаться страннымъ.

Онъ произнесъ эти слова, задыхаясь отъ усилія казаться спокойнымъ и равнодушнымъ. Онъ и показался-бы такимъ всякому постороннему свидѣтелю этой сцены, но обыкновенное выраженіе

его лица было слишкомъ хорошо знакомо Наташѣ; она не могла не замѣтить, какъ онъ поблѣднѣлъ, какъ судорожно сжимались его губы послѣ каждаго слова и какъ дрожала рука, которую онъ предложилъ ей, чтобъ довести ее до дому. Ей сдѣлалось жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимо захотѣлось скорѣе объясниться съ нимъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы идти въ столовую, тихо, но довольно твердо проговорила она.

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Не хотите? Послѣ того, что я вамъ сказалъ... почему? Но я желаю, чтобъ насъ видѣли вмѣстѣ за чайнымъ столомъ.

Она мелькомъ взглянула на него; онъ былъ очень блѣденъ, по опущеннымъ вѣвамъ пробѣгалъ нервный трепетъ, вокругъ рта саркастическая улыбка застыла въ такой неподвижности, что смахивала на гримасу.

Что онъ думаетъ? Какое у него чувство къ ней? Она съ радостью отдала-бы полжизни, чтобъ услышать отвѣтъ на эти вопросы.

Они дошли молча до терасы. Тутъ онъ снова остановился и, отвертывая взглядъ въ сторону, проговорилъ съ усиленіемъ и такъ тихо, что порой голосъ его понижался до шепота.

— Есть обстоятельства въ жизни, при которыхъ необходимо сдерживаться, Наталья Михайловна, и показывать постороннимъ совсѣмъ не то, что чувствуешь. Берите примѣръ съ меня.

Наташа отвѣчала, что она не умѣетъ притворяться.

— Надо этому выучиться, замѣтилъ онъ все также вѣжливо и тихо. — Вы не умѣете притворяться, но вы отлично умѣете при случаѣ владѣть собою... Я до сихъ поръ никакъ не могъ себѣ представить, чтобъ вы находили такое огромное наслажденіе въ обществѣ г. Ртищева... На дняхъ я узналъ, что вы съ нимъ каждый день видите у рѣшетки этого сада и что весь городъ уже говоритъ объ этомъ... Не знаю, какъ смотреть на это *ваше* общество, но я долженъ васъ предупредить, что у насъ подобныя выходы считаются крайне неприличными.

И онъ прибавилъ, отворяя дверь въ столовую:

— Я буду покорнѣйше просить васъ почаще вспоминать о томъ, что, вступая въ нашу семью, вы тѣмъ самымъ обязались подчиняться условіямъ *нашей* жизни и *нашей* морали.

— Что-то значе, долго женку не цѣловать, якъ голубки теперь съ собою! смѣялась Марья Казиміровна, указывая на сына, входившаго въ столовую подѣ руку съ женой. — И объ гербатѣ забыли! Ты, мое сердце, не встыдись, обратилась она къ невѣстѣ, — встыда нѣтъ для мужа гостя и матку забыть... Чижь не такъ, муѣ пане?

У Сергѣя Александровича достало присутствія духа съ улыбкой кивнуть головой на наивный вопросъ старушки, но ему было ужасно тоскливо. Смутное предчувствіе какой-то бѣды, чего-то тяжкаго и неизбѣжнаго, все сильнѣе и сильнѣе охватывало его душу и сжимало до боли сердце. Онъ не долго сидѣлъ сегодня вечеромъ у Миленскихъ, но Наташа ушла наверхъ еще раньше и ни съ кѣмъ не простившись. Марья Казиміровна сжалилась надъ ея блѣдностью и смущеннымъ, растеряннымъ видомъ; она уснула ея спать при первой возможности.

— Отдохни трошечку, пуки мужъ не пришелъ, шепнула она ей на ухо.

— Такъ, такъ, весело подмигнула она въ отвѣтъ на удивленный взглядъ молодой женщины, — Марихна постарому приготовила вамъ лужко, Бронися знаетъ, онъ видалъ, какъ она впитко устроивала и ницъ ей на то не поведилъ... О! знамъ я добже моего Бронисю! прибавила она съ усмѣшкой.

Дѣйствительно, спальня ихъ была такъ убрана, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ: кровать Бронислава, отодвинутая къ стѣнѣ, стояла теперь на прежнемъ мѣстѣ, тутъ-же были приготовлены его туфли, халатъ, а на столикѣ его подсвѣчникъ съ пепельницей и футляръ для часовъ.

Наташа даже испугалась тому чувству отвращенія, которое эти предметы возбудили въ ея сердцѣ. За послѣднее время она успѣла такъ отвыкнуть отъ этого человѣка, что по временамъ самое воспоминаніе о близости, существовавшей нѣкогда между ними, совершенно изглаживалось изъ ея памяти и онъ ей казался только членомъ той чужой семьи, въ которую забросила ея судьба, и больше ничѣмъ. Иногда она не безъ любопытства вглядывалась и вслушивалась въ его отношенія и разговоры съ матерью, сестрой, прелатомъ и прочими членами ихъ тѣсно сплоченнаго общества, стараясь вывести какое-бы то ни было заключеніе о той сторонѣ его ума и характера, которая открылась ей только

послѣ того, какъ она вышла за него замужъ, но попытки эти постоянно оставались безуспѣшны. Она такъ плохо понимала ихъ языкъ, такъ мало знала ихъ привычки, взгляды и манеру проявлять эти взгляды, что выходило постоянное недоразумѣніе. Вѣчно обижалась она и огорчалась такими словами и дѣйствіями, въ которыхъ ровно ничего не было оскорбительнаго, и оставляла безъ вниманія то, что предназначалось именно для нея и высказывалось съ особенною язвительностью и удареніемъ.

Прежде эти недоразумѣнія мучили ее нестерпимо и она постоянно стремилась понять окружающихъ ее людей и объяснить имъ себя. Для этого она обращалась къ мужу; но каждый разъ выходили сцены, кончавшіяся слезами и ребяческими жалобами съ одной стороны, злыми намеками и упреками съ другой.

Послѣднее-же время даже и подобныхъ объясненій между ними не происходило и отчужденіе наступило полное. Такъ думала, по крайней мѣрѣ, Наташа, да и не одна Наташа; Ксаверія была тоже убѣждена, что братъ ея давно разлюбилъ свою жену. Она имѣла причины такъ думать.

Однажды, еще въ концѣ зимы, на какое-то ея замѣчаніе объ образѣ жизни Наташи и объ ея занятіяхъ, Брониславъ объявилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ жена его проявила такую болѣзненную чувствительность нервовъ, онъ не чувствуетъ никакого желанія разыгрывать роль тирана въ семьѣ и навлекать на себя гнѣвъ матери, подвергая Наталью Михайловну нервнымъ горячкамъ.

Еслибъ это было сказано при Наташѣ, она, вѣроятно, потребовала-бы объясненія этихъ словъ и тогда она, можетъ быть, узнала-бы, что ее такъ послѣдовательно казнятъ притворною холодностью за то, что она позволила себѣ увлечься разговоромъ съ Ртищевымъ и Мандатовымъ, протанцовать съ ними нѣсколько кадрилией сряду и слишкомъ ясно показать мужу, что на балѣ она предпочитаетъ болтать и шутить съ посторонними, чѣмъ съ нимъ.

Но она узнала объ этомъ только сегодня, когда Брониславъ, проводивъ Ртищева и побесѣдовавъ минутъ двадцать съ матерью, вошелъ въ ея спальню.

Онъ, кажется, ожидалъ найти ее спящей, такъ тихо и осторожно растворилъ онъ дверь и ступилъ на коверъ, которымъ былъ обитъ полъ этой комнаты; когда-же онъ увидѣлъ, что же-

на его и не раздѣвалась, а сидитъ за рабочимъ столикомъ съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ, первое его движеніе было уйти назадъ, по крайней мѣрѣ, онъ отступилъ шага на два къ двери и взялся за ея ручку, но послѣ минутнаго колебанія онъ только поплотнѣе приперъ эту дверь и, подходя къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Наташа, спросилъ у нея, почему она не ложится спать?

— Вы должны извинить меня, что я позволяю себѣ беспокоить васъ моимъ присутствіемъ, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ. — Вполнѣ понимаю, какъ вамъ это непріятно ..

Она утвердительно кивнула головой, но онъ, кажется, не замѣтилъ этого движенія и продолжалъ все съ той-же натянутой усмѣшкой:

— Мнѣ тоже не доставляетъ особеннаго удовольствія разыгрывать роль нѣжнаго и страстнаго супруга, тогда какъ на самомъ дѣлѣ... вы, по всей вѣроятности, даже пытаете ко мнѣ отвращеніе?..

И снова остановился онъ въ ожиданіи отвѣта.

Наташа все ниже и ниже опускала голову надъ работой.

— Зачѣмъ-же такъ выражаться? начала она дрожащимъ голосомъ и не подымая на него глазъ, — отвращенія я къ вамъ не чувствую, но одной мнѣ лучше, это правда... я ужъ привыкла... Не надо было все это приносить сюда, указала она движеніемъ руки на кровать, стоящую рядомъ съ ея кроватью. — Зачѣмъ?

— А! Вы желаете откровеннаго объясненія? Извольте-съ.

Онъ оперся обѣими руками на спинку стула, стоявшаго передъ нимъ, и, помолчавъ немного, какъ будто для того, чтобъ собраться съ мыслями и силами, началъ объяснять, что имъ недолго остается жить здѣсь, что онъ подписалъ въ Варшавѣ условіе, съ обязательствомъ выстроить виллу какому-то венгерскому магнату, у котораго имѣніе находится въ саксонской Швейцаріи. Мѣсяца черезъ два надо туда ѣхать; въ нѣмецкомъ городѣ, близъ того мѣста, гдѣ будутъ производиться работы, уже приготовлена квартира для семьи архитектора.

— Для васъ и для матери; но мать наотрѣзъ отказалась съ нами ѣхать, продолжалъ Брониславъ, — я сейчасъ говорилъ съ нею объ этомъ: она такого мнѣнія, что мы должны прожить нѣ-

сколько времени вдвоемъ... Она воображаетъ, что между нами еще возможно сближеніе, что когда-нибудь вы привыкнете къ моему характеру, извините мои слабости, поймете меня, однимъ словомъ, она увѣрена, что то чувство, которое заставило насъ сойтись, снова воскреснетъ въ вашемъ сердцѣ...

Онъ говорилъ съ подавленнымъ волненіемъ, не спуская съ нея пристальнаго взгляда и останавливаясь послѣ каждой фразы въ ожиданіи отвѣта, но Наташа молчала, и онъ продолжалъ съ горькой усмѣшкой:

— Матушка, по всей вѣроятности, ошибается, но съ нашей стороны было-бы жестоко лишать ее такого утѣшительнаго заблужденія... Мы много говорили съ сестрой на этотъ счетъ; она тоже такого мнѣнія, что намъ необходимо показать людямъ, что мы живемъ, какъ мужъ съ женой... За-границей этой комедіи не нужно будетъ разыгрывать, прибавилъ онъ, раздражаясь все сильнѣе и сильнѣе ея молчаніемъ, — тамъ я не позволю себѣ беспокоить васъ моимъ присутствіемъ въ такое время, когда женщины можетъ быть хорошо только съ любимымъ человѣкомъ... А такъ-какъ вы меня не любите...

Онъ долго медлилъ, прежде чѣмъ произнести эти послѣднія слова, и съ такимъ замираніемъ сердца ожидалъ возраженія, что стулъ, на который онъ опирался, затрещалъ подъ натискомъ его руки.

— Я васъ не люблю, отвѣчала она.

— Какъ вы сказали? перегнулся онъ черезъ стулъ, неперестававшій трещать подъ его судорожно-сжимающимися пальцами. — Какъ вы сказали?

Наташа повторила.

— Я и самъ такъ думалъ.

Нѣтъ, онъ этого не думалъ! Стоило только взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Боль сердца отразилась такъ выразительно въ его глазахъ и въ улыбкѣ, что если-бы Наташа не отвертывалась отъ него такъ упорно, она, можетъ быть, пожалѣла-бы о сказанномъ.

— Ну, мнѣ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо, съ вами серьезно переговорить, началъ онъ довольно твердымъ голосомъ, опускаясь на кресло рядомъ съ диваномъ, на которомъ она сидѣла. — Въ любви и въ нелюбви никто не воленъ, Наталья Ми-

хайловна, и разбирать причины вашей ненависти ко мнѣ было бы совершенно бесполезно, да кромѣ непріятныхъ представлений изъ этого ничего не можетъ и выйдти, но, къ несчастью, я вашъ мужъ, вы носите мое имя, будете носить его всю вашу жизнь, и я долженъ уяснить себѣ сколько-нибудь причину такой переменны въ вашихъ чувствахъ ко мнѣ...

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— А вы сами?

— Я? Я вамъ никогда не говорилъ, что не люблю васъ.

Наташа вспыхнула отъ досады.

— Но развѣ вы мнѣ этого не доказывали каждый день и каждую минуту? Каждыймъ вашимъ словомъ, взглядомъ, каждыймъ вашимъ движеніемъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Вы не знаете моего характера, Наталья Михайловна, — вотъ все, что я вамъ имѣю на это сказать.

Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Кого-же вы любите? спросилъ онъ вдругъ такимъ голо-
сомъ, какого она еще не знала у него. — Ртищева?

— Не знаю...

Онъ засмѣялся сухимъ, короткимъ смѣхомъ.

— Неужели вы мнѣ не вѣрите? продолжала она, раздражен-
ная этимъ смѣхомъ. — Неужели вы до сихъ поръ не замѣтили,
что я никогда не лгу, что я даже не умѣю лгать... То, что я
чувствую къ Ртищеву...

Онъ порывисто сорвался съ мѣста.

— Избавьте меня, пожалуйста, отъ подробностей... Мнѣ со-
вершенно достаточно и того, что я знаю... Можете раздѣваться
и ложиться, я проведу ночь въ этомъ креслѣ, прибавилъ онъ;
сидясь къ письменному столу и развертывая лежавшую на немъ
книгу. Онъ просидѣлъ надъ этой книгой, опустивъ голову на ру-
ки и не оборачиваясь до тѣхъ поръ, пока Наташа не загасила
свѣчку.

Марья Казиміровна нарадоваться не могла на своихъ голубковъ.
Теперь сынъ ея постоянно сидѣлъ дома. Онъ даже, повидимому, за-
былъ, что у него есть другіе интересы въ жизни и другіе друзья, кро-

мѣ Наташи. По цѣлымъ часамъ читалъ онъ ей вслухъ въ то время, когда она работала, шила или вышивала что-нибудь, и слушалъ ея чтеніе, набрасывая свои эскизы.

Однажды ей вздумалось сойти въ садикъ одной, но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ очутился рядомъ съ нею, и они тотчасъ-же вернулись рука объ руку домой.

О чемъ именно разговаривали они при этомъ, Марья Базмировна не могла слышать; она только видѣла изъ окна своей комнаты, что Брониславъ низко нагибался къ женѣ и шепталъ ей на ухо какія-то слова, отъ которыхъ она краснѣла, а онъ самоудовольно улыбался, и пани Миленская безконечно радовалась согласію, воцарившемуся между молодыми супругами. Предсказанія ея сбывались. Развѣ она не говорила, что стоитъ только оставить ихъ вдвоемъ и не вмѣшиваться въ ихъ жизнь, для того, чтобы они снова влюбились другъ въ друга? Такъ и вышло.

Какъ ни тяжело ей было разлучаться съ дѣтьми, но она рѣшилась отпустить ихъ однихъ за-границу и пріѣхать къ нимъ только тогда, когда у нихъ будетъ ребенокъ. По ея мнѣнію, только тогда присутствіе посторонняго лица въ ихъ домѣ будетъ необходимо и умѣстно. Гдѣ-же неопытной молодой бабенкѣ справиться съ двумя такими трудными задачами—ходить за малымъ дитятей и угождать такому капризному мужу, какъ Бронекъ! Ну, тогда она пріѣдетъ къ нимъ и поселится въ ихъ домѣ, даже и въ такомъ случаѣ, если домъ этотъ будетъ за-границей.

Объ отъѣздѣ Миленскихъ изъ З—ска ходило много слуховъ по городу. Брониславъ не скрывалъ своего намѣренія ни передъ прелатомъ, ни передъ другими знакомыми, навѣщавшими ихъ. Быть не можетъ, чтобы Ртищевъ не зналъ, что скоро Наташа уѣдетъ отсюда и что онъ никогда больше ее не увидитъ.

Когда вопросъ этотъ, между прочими печальными мыслями и вопросами, заползалъ ей въ душу, у Наташи тоскливо сжималось сердце. И, вѣроятно, тоска эта очень краснорѣчиво проявлялась въ ея взглядѣ, потому что въ такія минуты Брониславъ спѣшилъ отойти отъ нея, смутно опасаясь одного изъ такихъ признаній, которыхъ потомъ никогда нельзя ни забыть, ни смягчить. Она была способна на такое признаніе, онъ это чувствовалъ. Да и вообще, отъ нея можно было ожидать всякихъ дивныхъ выходовъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она много измѣнилась, такъ измѣнилась, что

второй онъ себя спрашивалъ: — та-ли это Наташа, которую онъ взялъ два года тому назадъ изъ дома генерала Свѣтлова, съ полною увѣренностью сдѣлать изъ нея именно такую женщину, какаѣ ему требовалась.

Вопросъ этотъ наводилъ его на странныя мысли и предположенія.

Впослѣдствіи, когда наступила роковая минута всевозможныхъ объясненій и разъясненій, когда пришлось выслушивать допросы, имѣвшіе цѣлью запутать его, сбить съ толку и втянуть въ бездонную пропасть, изъ которой нѣтъ возврата, Миленскій не разъ повторялъ самому себѣ, что всѣми средствами пытался вернуть къ себѣ угасшую любовь и довѣріе жены и что ему не въ чемъ упрекать себя.

Это была правда, но они ужь тогда не понимали другъ друга и послѣ каждой такой попытки съ его стороны выходило все хуже и хуже.

Мать его ничего не подозрѣвала. На нее нашло какое-то затмѣніе, даже Марихна оказалась въ этомъ случаѣ дальновиднѣе своей старой госпожи.

Однажды утромъ она объявила ей, что не для чего готовить кофе для Бронислава, что его съ ранняго утра дома нѣтъ.

— Нѣтъ дома, такъ рано! Куда-же онъ могъ уйти, Іезусъ, Марія? удивилась пани Миленская.

— Онъ вышелъ въ то время, какъ я выгоняла корову въ стадо, прежде чѣмъ вы ушли на базаръ, я видѣла, какъ онъ повернулъ въ поле, за пирожковскій садъ...

И, помолчавъ немного, она прибавила, какъ-то странно переминаясь: — сейчасъ заходилъ панъ Іозефъ за его большимъ портфелемъ; онъ говоритъ, что нашъ Бронекъ у нихъ...

— Съ этого слѣдовало начать, старая ворона! вспыхнула Марья Казиміровна. — Надо сказать Брониславовой, чтобъ кушала кофе не дожидаясь мужа, ксендже прелать его безъ завтрака не отпустить.

— Я входила въ спальню молодой пани, продолжала переминалась Марихна.

— Ну?

Старая служанка вытащила носовой платокъ изъ кармана, приложила его къ глазамъ и начала всхлипывать.

— Еслибъ вы только видѣли, какъ она плачетъ!.. Иезусъ, Марія, какъ плачетъ!.. даже не слышала, какъ я вошла... О! ласкова пани! вскричала она, хватая руку Марьи Казимировны и прижимая ее къ своимъ губамъ. — Невозможно этого видѣть безъ слезъ... Пане Боже! Лежѣтъ разметавшись на постелькѣ, продолжала Марихна, подымая свои маленькіе влажные глаза къ потолку и поводя руками, чтобъ указать, какъ именно разметалась Наташа на кровати, — уперлась взглядомъ въ стѣнку и такъ рыдаетъ, такъ рыдаетъ, что все тѣло точно судорогами подводитъ... Я не посмѣла съ нею заговорить, ласкова пани, ступайте сами къ ней.

Первымъ движеніемъ Марьи Казимировны было сорваться съ мѣста и сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, но, одумавшись, она вернулась къ столу, ворча сквозь зубы, что, вѣроятно, между молодыми супругами вышла ссора, въ которую постороннимъ отнюдь не слѣдуетъ вмѣшиваться. Надо ихъ оставить въ покоѣ, сами помирятся.

И, дѣйствительно, помирились. Когда они оба вошли въ столовую ко второму завтраку, трудно было себѣ представить, чтобъ между ними были непріятности, такъ спокойно разговаривали они между собою.

Ужъ не пригрѣзилось-ли старой дурѣ Марихнѣ та сцена Наташинаго отчаянія, которую она нѣсколько часовъ тому назадъ такъ чувствительно расписывала? Наташа была сегодня блѣднѣе обыкновеннаго, это правда, но на вопросъ свекрови о томъ, не больна-ли она, отвѣчала, что чувствуетъ себя отлично, а когда мужъ предложилъ ей идти обѣдать къ прелату, она ничего не возразила ему и черезъ нѣсколько минутъ спросила, въ которомъ часу ей надо быть готовой?

Послѣ завтрака Брониславъ опять куда-то отправился и, вернувшись назадъ къ пяти часамъ, прошелъ прямо въ комнату жены. Наташа была уже одѣта, оставалось только надѣть шляпу. Онъ внимательно осмотрѣлъ ея костюмъ съ ногъ до головы и злая усмѣшка замелькала на его губахъ.

— Прелестно! Съ большимъ вкусомъ! проговорилъ онъ, опускаясь на кресла и оглядывая ее съ ногъ до головы ироническимъ взглядомъ.

— Прошло то время, когда надо было васъ учить застѣги-

вать ботинки на всѣ пуговицы и подбирать перчатки подѣ цвѣтъ платья!.. Вы сдѣлали большіе успѣхи во всемъ, Наталья Михайловна, вотъ что значитъ сойтись съ такимъ изящнымъ джентльменомъ, какъ г-нъ Ртищевъ.

Зачѣмъ произнесъ онъ это имя? Зачѣмъ началъ онъ самъ раздувать опасное пламя?

Есть глупости, отъ которыхъ самыя умныя, самыя ловкія люди не застрахованы. Какъ-бы то ни было, но, разъ коснувшись этой темы, онъ уже не въ силахъ былъ остановиться и насмѣшка его надъ Ртищевымъ, а также ѣдкія намеки на его чувство къ Наташѣ, полились неудержимымъ потокомъ.

Это онъ научилъ ее такъ изящно повязывать галстучекъ, такъ кокетливо спускать волосы на лобъ? Весь городъ толкуетъ о любви предсѣдателя къ супругѣ несчастнаго Миленскаго, сегодня на него со всѣхъ сторонъ сыпались намеки, съ мсье Мандатовымъ чуть было не дошло до дуэли... Если онъ не вызвалъ его, то единственно потому, что боится слишкомъ обрадовать ее, Наташу, своею смертью.

— Я стрѣляю отлично и учился фехтованію у лучшихъ профессоровъ въ Европѣ, но мало-ли что можетъ случиться.

А затѣмъ, онъ прибавилъ съ той-же усмѣшкой: — Вы, вѣроятно, рассчитываете сегодня встрѣтиться съ г. Ртищевымъ? Но я прошу васъ великодушно извинить мою недогадливость; представьте себѣ, что мнѣ и въ голову не пришло предупредить прелата, чтобъ онъ пригласилъ къ сегодняшнему обѣду красавца предсѣдателя, и вамъ волей-неволей придется проскучать въ одномъ нашемъ обществѣ...

Почему Наташа такъ упорно молчала на всѣ эти сарказмы? Почему не прервала она его съ первыхъ-же словъ просьбой не оскорблять ее такими пошлыми, злыми шутками? Развѣ она не замѣчала, какъ раздражаетъ его это молчаніе, какъ оно разжигаетъ его ревность, злобу, досаду, всѣ дурныя инстинкты его души?

Порой ему казалось, что она не слушаетъ и не понимаетъ его, и тогда слова его дѣлались еще оскорбительнѣе, тонъ еще язвительнѣе; но иногда ему представлялось, что она внутренно сибѣтсѣ надъ нимъ, и тогда его тянуло отомстить ей болѣе грубымъ образомъ, ударить ее или убить за то, что она терпѣливо вы-

держиваетъ съ нимъ борьбу, ни выказывая ни словомъ, ни взглядомъ, что онъ ей страшенъ или жалокъ. Откуда взялось у нея такое умѣніе владѣть собою, такая сила сдерживаться? Навѣрное она скоро превзойдетъ въ этомъ даже его самого! Ему съ каждымъ днемъ становится труднѣе выдерживать характеръ, оставаться въ предѣлахъ благовоспитанности и приличія... А главное, куда ушла она отъ него? Такъ далеко ушла, что онъ ни въ чемъ ее найти не можетъ?..

Онъ вспомнилъ, что въ первый разъ задалъ себѣ этотъ вопросъ у заутрени въ ночь на свѣтлое Христово Воскресенье. Съ тѣхъ поръ прошло только четыре мѣсяца, но за это время пропасть между ними сдѣлалась еще глубже. Теперь онъ уже ни въ чемъ не можетъ найти прежнюю Наташу; каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ и взглядомъ доказываетъ она ему, что той Наташи уже нѣтъ, а есть уже какое-то чуждое и враждебное къ нему существо, отъ котораго можно всего ожидать, кромѣ желанія смириться передъ нимъ и пытаться съ нимъ снова сблизиться.

— Не пора-ли намъ идти къ прелату? прервала она его насмѣшки.—Вы-же сами сказали, что насъ ждутъ къ пяти часамъ, а теперь уже половина шестаго.

И съ этими словами она поднялась съ мѣста и направилась къ двери, не устоявая его даже взглядомъ.

Какъ холодно и небрежно произнесла она эти слова! Можно подумать, что она вовсе не слушала его, что его намеки и насмѣшки нисколько не оскорбляютъ ее и что она относится къ нимъ совершенно равнодушно! Онъ закусилъ себѣ до крови губы подъ длинными усами при этой мысли и молча послѣдовалъ за ней. Но когда они сошли съ крыльца, онъ, какъ всегда, подалъ ей вѣжливо руку и довелъ ее до дома прелата.

У его велебности обѣдъ прошелъ, по обыкновенію, въ оживленной и интересной бесѣдѣ. Между прочими гостями были двѣ пріѣзжія дамы, одна только-что вернулась изъ Милана, другая долго жила въ Нью-Йоркѣ; обѣ рассказывали много интереснаго про Италію и про Америку. Обѣдъ былъ превосходный; Іозефъ превзошелъ себя въ убранствѣ стола цвѣтами и красиво разставленными фруктами. Панъ Хлопскій (онъ снова появился на З—скомъ горизонтѣ, и толки объ его женитьбѣ на вдовѣ генерала Чуваева начинали всплывать упорнѣе, чѣмъ когда-либо,

надъ омутомъ городскихъ дрызгъ и сплетень), — панъ Хлопскій былъ любезнѣе и остроумнѣе, чѣмъ когда-либо. Его, кажется, нарочно для того и посадили рядомъ съ Наташей, чтобъ онъ забавлялъ ее анекдотами и веселыми шутками. Кто-то упомянулъ имя Ртищева, прелать, кажется, обращаясь къ одному изъ гостей, у котораго было какое-то дѣло въ окружномъ судѣ, отъ наблюдательности Хлопскаго не скрылось выраженіе любопытства и оживленія, мелькнувшее на лицѣ его сосѣдки, а также подмѣтилъ онъ тревожный взглядъ, которымъ Брониславъ глянулъ на свою жену.

— Часто-ли вы видите съ любезнымъ сосѣдомъ? спросилъ онъ у Наташи и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ, что у г-на предсѣдателя теперь очень много хлопотъ съ его другомъ, Дмитровскимъ. — Вы слышали, какое печальное приключеніе обрушилось на добрѣйшаго Петра Степановича?

Нѣтъ, Наташа ничего не слышала.

— Неужели? Весь городъ кричитъ объ этомъ. Мадамъ Дмитровская покинула своего супруга; она уѣхала въ Москву съ мсье Перепелкинымъ, помните, тотъ офицеръ, который такъ часто бывалъ у нихъ? Неужели вы еще не слышали объ этомъ? О чемъ же думаетъ Брониславъ? Какъ-же было не сообщить вамъ такую пикантную новость?

„Есть-же жены, которыя покидаютъ мужей“, замелькало въ головѣ Наташи.

Она знала объ этомъ и раньше, но до сихъ поръ подобныя исторіи случались въ мало извѣстныхъ ей семьяхъ. Приключеніе у Дмитровскихъ придадо вдругъ какую-то необыкновенную реальность подобнымъ фактамъ.

— А Петръ Степановичъ? Онъ, кажется, такъ любилъ свою Лизаньку? спросила она, невольно улыбаясь при воспоминаніи о разказахъ Ртищева.

— Грустить, конечно. Говорятъ даже, что его всѣ эти дни въ судѣ не было видно... Но не вѣкъ-же это будетъ продолжаться, утѣшится и снова заживетъ прежнею жизнью стараго холостяка...

— Вы думаете, что онъ не будетъ преслѣдовать свою жену?

— Помилуйте! Кто-же въ нынѣшнее время преслѣдуетъ женъ! Это также несовременно и позорно, какъ брать взятки, говорить

прислугѣ ты или носить пудру и фіжмы! Теперь порядочный человекъ беретъ на себя вину, выхлопотываетъ преступной супругѣ разводъ и предоставляетъ ей возможность вступить въ новый бракъ, такой-же законный и прочный, какъ и первый, продолжалъ иронизировать панъ Хлопскій.

— Панъ шутить, Наталья Михайловна, вы ему не вѣрьте, вмѣшался въ разговоръ Миленскій, — это, можетъ быть, у русскихъ такъ дѣлается, но у насъ...

— И у нѣмцевъ также, перебилъ его Хлопскій. — Надо пожить въ Берлинѣ, чтобъ убѣдиться, какъ тамъ легко смотреть на супружескія обязанности.

А затѣмъ, онъ ловко свернулъ разговоръ на другой предметъ.

Н. Северинъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЧТО-ТО БУДЕТЪ?

(Очеркъ.)

I.

Пасмурно, сыро...

Тяжело становится нервному человѣку въ такой день. Голова точно въ тискахъ; мысли настраиваются на печальный мотивъ; всѣ члены какъ-будто сжимаются и дѣлаются менѣе подвижными; никакая работа на умъ нейдетъ. Тщетно глазъ ищетъ какого-нибудь толчка извнѣ: подходишь къ окну — тамъ сѣрое, грязное небо виднѣется; мелкій дождь моросить, застилая всѣ предметы точно прозрачной дымкой; по шоссеиной дорогѣ лѣниво танутся ломовыя, повизгивая несмазанными колесами. У самыхъ оконъ, въ палисадникѣ, на кустахъ бузины еще висятъ красныя, сочныя гроздья, а береза ужъ давно сыплетъ желтыми листьями вокругъ себя. Все, — и перила балкона, и эта полуобнаженная береза, и бузина съ своими яркими кистями, — все унижено дождевыми каплями, все — точно плачетъ.

Скучно! Нѣтъ, лучше подальше отъ этого *иземь*, гдѣ и холодно, и сыро, и пасмурно, и грустно.

Я рѣшаюсь совсѣмъ не заглядывать въ окно.

А внутри? Не веселѣе! И тутъ пустота и сумракъ.

Гдѣ-то теперь она, моя Нюта? Думаю, далеко. Поѣздъ отходить въ половинѣ перваго...

Вотъ въ эту самую комнату она зашла ко мнѣ сегодня протиться. Лицо было блѣдно, а голубые глаза грустны и красны, точно отъ слезъ.

— Ты не спала сегодня, Нюта? спросила я, смотря въ ея красные глаза.

— Да... нѣтъ... спала... но часа два не болѣе... голова болить! отвѣтила она въ волненіи и приложила крошечную ручку, въ черной лайковой перчаткѣ, ко лбу.

— Ну, и сердцебіеніе есть! замѣтила я, прислушиваясь, какъ она задыхается.

— Да, и сердцебіеніе!

Она сѣла, поправила сперва изящныя складки сѣраго дорожнаго платья, а потомъ надвинула почти на самые глаза соломенную шляпу, перевязанную чернымъ бархатомъ какъ-то особенно просто, но съ присущимъ ей вкусомъ.

— Когда-же вернешься?

— Не знаю! она пожала плечами. — Можетъ быть, черезъ мѣсяць.

— Будешь писать?

— Еще-бы, а мой ардесъ могу тебѣ оставить хоть теперь.

Я записала ея адресъ и еще разъ взглянула на ея грустное лицо.

Ея печаль сообщилась мнѣ и охватила меня какъ-то разомъ.

— Какъ мнѣ жаль, что ты уѣзжаешь! вырвалось у меня невольно, и эти слова точно разрѣшили то напряженное состояніе, въ которомъ она находилась. Она вдругъ порывисто обняла меня, горько заплакала и начала крѣпко цѣловать меня. Горячимъ участіемъ отвѣчала я на ея слезы, совершенно ясно, безъ словъ, понимая всю серьезную причину ихъ. Да, конечно, она плакала не потому, что разстается со мной, что уѣзжаетъ, какъ говорить, на мѣсяць. Нѣтъ! Тутъ было нѣчто другое, глубоко-скрытое.

— Прощай!.. Спасибо!.. Прощай!.. говорила она отрывисто и такимъ голосомъ, какъ-будто прощалась навсегда.

— Мамочка, карета ждетъ! проговорилъ онъ, появляясь на порогъ, въ синемъ длинномъ пальто и черной шелковой шляпѣ. Въ рукахъ его былъ черный „антука“ и какой-то маленькій сакъ-воважъ. Его лицо, съ всегдашнимъ добродушнымъ выраженіемъ, было озарено широкою ласковою улыбкою.

Онъ былъ ея мужъ, Григорій Ивановичъ Бугатинъ, бывшій чиновникъ интендантства, затѣмъ бывшій повѣренный по торго-

внмъ дѣламъ одной большой компаніи, а нынѣ человекъ, состоящій *не у дѣлъ*. Онъ не увѣзжалъ, а только провожалъ жену. Провожалъ ее погостить къ своему дядѣ, въ виду соблюденія экономіи въ домашнемъ хозяйствѣ.

— Идемъ, повторилъ онъ, — карета готова!

Она молча послѣдовала за нимъ.

Я проводила ее до экипажа и, движимая мыслью, что мы не скоро, очень не скоро увидимся, впрыгнула за нею въ карету, чтобы еще разъ крѣпче обнять ее...

Вонъ дверь въ ея комнату осталась отворенною... Запахъ фруктовъ и какихъ-то духовъ стоялъ еще въ комнатѣ. Этими фруктами онъ засыпалъ ее каждый день, съ добрѣйшею улыбкою на лицѣ и въ полномъ убѣжденіи, что дѣлаетъ ее этимъ счастливою.

А она? Того-ли желала она, относясь къ этимъ приношеніямъ почти равнодушно?..

Все въ этой комнатѣ было въ прежнемъ видѣ, именно все оставалось такъ, какъ онъ, своими собственными руками, *для нея*, убралъ и уставилъ. Какъ-будто никто и не увѣзжалъ отсюда, а хозяйка только вышла за дверь. Вотъ цвѣты, которые она такъ любила, застилаютъ свѣтъ въ окнахъ. Вотъ ея кресло, подвинутое немного наискось, именно такъ, какъ она всегда въ немъ сидѣла. Какъ часто я видѣла ее молчаливо сидящею въ этомъ креслѣ, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ, съ чуть-чуть сдвинутыми бровями, между которыми за послѣднее время появились двѣ едва замѣтныя тоненькія полоски, а неопытные пальцы въ то-же время медленно, неумѣло перебирали иглы чулка. Вчера я не была въ этой комнатѣ и днемъ ее не видела, но вечеромъ Нюта сама вошла ко мнѣ, какъ всегда граціозная, съ вѣчно запутанными черными кружевами въ волосахъ, почти въ неизмѣнной, съ длиннымъ шлейфомъ, свѣтло-голубой блузѣ, дѣлавшей нѣжныи цвѣтъ ея лица еще бѣлѣе и нѣжнѣе.

— Я, можетъ быть, завтра ѣду, сказала она грустно.

— Отчего это *можетъ быть* и отчего грустный тонъ? спросила я ее. Мнѣ кажется, это отъ тебя зависитъ и... если-бы мнѣ не хотѣлось, я бы не поѣхала!

— Нѣтъ, я не могу, я должна. Мнѣ и не хочется, но я ѣду. Онъ мнѣ сказалъ, что я ему руки связываю, стѣсняю, мѣшаю

мѣста искать, что, наконецъ, наши средства вынуждаютъ на эту кратковременную разлуку.

— Фи, какой вздоръ! Это, должно быть, слова, сказанныя имъ въ минуту раздраженія, и они не должны имѣть серьезнаго значенія, говорю я, возмущившись.— Онъ всякій день съ утра и до вечера въ отлучкахъ. Кто-же его въ чемъ стѣсняетъ?

Она пожала плечами, раздѣляя мое мнѣніе, и потомъ пояснила:

— Онъ говоритъ, что ему необходимо выѣзжать какъ можно ранѣе по утрамъ, а возня съ чаями и кофееми его задерживаетъ.

— Такъ и пусть-бы его выѣзжалъ, избѣгая этой возни.

Она снова пожала плечами. Мы помолчали, а потомъ она продолжала:

— Мнѣ, главное, то неприятно, что я не знаю, надолго-ли я ѣду и какъ я тамъ буду? Вообще эти люди, этотъ дядя, къ которому онъ меня посылаетъ... я съ нимъ никогда ничего общаго не имѣла, и даже когда мнѣ случилось проѣзжать черезъ Х. (мѣсто резиденціи дяди), я останавливалась не у него, а въ гостиницѣ. Теперь вдругъ гостить... и, главное, не знаю, надолго-ли? Ничего не могла разузнать опредѣленно. Говоритъ: на мѣсяцъ, а вѣдь ты знаешь его характеръ: сегодня—одно, завтра—другое.

Она снова замолчала.

— Да, мое положеніе ужасно неопредѣленно, заговорила она опять черезъ нѣсколько минутъ.— Знаешь? Я не могу поручиться за то, что со мною завтра будетъ, какое завтра!—за часъ, за полчаса!.. Вотъ теперь жду его. Обѣщаль пріѣхать сегодня поранѣе—въ семь часовъ, чтобы вмѣстѣ укладываться... хотѣла было безъ него сама все уложить—не согласился. „Нѣтъ, говорить, ужь лучше я самъ“.

И при послѣднихъ словахъ губы ея сложились въ насмѣшливую улыбку.

— Что-же, не такъ? спросила я, смѣясь.

— Не такъ! отвѣчала она, тоже засмѣявшись такимъ смѣхомъ, какимъ большіе смѣются надъ мнѣніями дѣтей. Вѣдь бывала-же я въ дорогѣ до замужества и сколько разъ, ты знаешь! Никто никогда меня не собиралъ, сама все устроивала, а теперь вдругъ оказывается, что не съумѣю, что сдѣлаю не такъ! Ха, ха, ха! она опять засмѣялась тѣмъ-же смѣхомъ.

— Ну, тебѣ-же лучше, весело говорю я, — безъ хлопотъ!

— Да, ты думаешь онъ меня оставить въ покоѣ? заговорила она уже серьезнымъ тономъ, съ отъѣвкомъ раздраженія. — Нѣтъ! Онъ меня просто измучаетъ, не дастъ спать всю ночь. Сядетъ у чемодана и будетъ сидѣть на корточкахъ, а мнѣ порученіе за порученіемъ: „подай, мамочка, то, сдѣлай это, сложи вотъ такъ, а не этакъ...“ а то, пожалуй, и безъ всякихъ порученій, можетъ быть, просто скажетъ: „ложись, мамочка, спать, я все самъ!“ Но что это будетъ за сонъ? Только-что закроешь глаза — вопрось: „мамочка, нужно тебѣ это? А ты возьмешь съ собой то?“ или: „посмотри, вотъ это будетъ тутъ лежать, а тамъ то! Да ты взгляни-же, не забудь!“ И такъ всю ночь...

По мѣрѣ того, какъ Нюта говорила это, голосъ ея становился все болѣе и болѣе раздраженнымъ, а при послѣдней фразѣ глаза блеснули нехорошимъ блескомъ... Потомъ, дѣйствительно, оказалось, что все случилось такъ, какъ она предполагала, — они оба почти не спали всю ночь. А укладывать приходилось всего два-три платья, да столько же перемѣнъ бѣлья. Но онъ любитъ посмотрѣть на самую вещь, облюбовать для нея мѣсто, положить, потомъ передвинуть въ другой уголокъ, примѣрить — и, окликнувъ жену, рѣшить окончательно, послѣ приведенія нѣкоторыхъ доводовъ и поясненій, гдѣ лучше лежать носовому платку и гдѣ чулкамъ... При началѣ этой операціи я присутствовала. Онъ возвратился не въ семь, какъ обѣщалъ, а въ десятомъ часу. Весь измученный, голодный, но веселый и ласковый, какъ всегда, и, какъ всегда, со свертками покупокъ въ рукахъ. Пока разогрѣвался обѣдъ и готовился чай, онъ сталъ развертывать покупки.

— Вотъ это, мамочка, тебѣ теплые чулки на дорогу.

Съ этими словами онъ подаль женѣ великолѣпные, тончайшей шерсти, французской работы чулки.

— Но вѣдь ты знаешь, голубчикъ, что я никогда не носила и не ношу шерстяныхъ чулокъ.

— Ничего! Въ дорожкѣ теплѣе будетъ. Ну-ка, надѣнь, возразилъ онъ съ счастливой улыбкой.

— Да вѣдь они будутъ щекотать ноги, я не могу этого переносить.

— Ничего! Не будутъ! Ну-ка, примѣрь! говорилъ онъ еще болѣе блаженнымъ тономъ.

Она молча исполнила его желаніе, но я знала, что ей это неприятно и что она затаила неудовольствіе. Онъ-же не замѣчалъ ничего, а искренно любовался голубымъ узоромъ ловко сидѣвшаго чулка.

— А это вотъ, мамочка, тебѣ пирожки на дорогу.

Она приняла корзину съ пирожнымъ, состоявшимъ изъ слоенныхъ пирожковъ и бисквитовъ, и, заглянувъ туда, проговорила сухо:

— Эхъ, голубчикъ! Вѣдь ты знаешь, что я этого никогда не ѣмъ. У нихъ въ бисквитахъ вѣчно тухлыя яйца, а въ слойкѣ горькое масло.

Я знала, что, дѣйствительно, она кромѣ миндальнаго пирожнаго никакого другаго не ѣсть, и удивлялась его забывчивости и даромъ брошеннымъ деньгамъ.

— Ничего, заговорилъ онъ мягкимъ, веселымъ голосомъ, — въ дорожкѣ все пригодится. Проголодаешься — скушаешь.

И, какъ-то заискивающе смотря въ ея глаза, онъ крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ въ лобъ. Она холодно приняла его ласки и холодно поставила корзинку на столъ.

Это происходило вчера вечеромъ въ этой самой комнатѣ, а теперь тутъ пусто; Нюта, дорогой подруги моего дѣтства, ужъ нѣтъ. Она уѣхала, не зная, что съ нею будетъ и когда она вернется, — уѣхала, печально смотря впередъ. Грустно! Да, и я не знаю, что съ ней будетъ, и боюсь чего-нибудь тяжелаго, даже трагическаго. Въ наше время что ни шагъ, то драма. Революеры, хлороформъ, редьсы!

Другая на твоемъ мѣстѣ, Нюта, попробовала бы взглянуть на дѣло попроще, поближе, постаралась-бы понять добрѣйшаго, простаго человѣка и простить ему. Можетъ быть, тогда еще одна чета не близилась-бы такъ быстро къ неминуемой развязкѣ. Но ты не можешь этого, ты не въ состояніи простить, потому что тутъ былъ обманъ. Твоя гордость страдаетъ, самолюбіе оскорблено, надежды, планы разрушены, жизнь разбита. И съ твоей точки зрѣнія, все это такъ и должно быть!

Я помню, какъ все это было. Да, помню. Ужь эти воспоминанія, дай только имъ волю — и пойдутъ они плыть одно за другимъ!

Я возвращаюсь въ свою комнату, стараюсь подавить встающія

передо мною картины прошлаго Нюты и смотрю въ окно. Тамъ сѣрое небо стало еще болѣе сѣрымъ, мелкій дождь превратился въ ливень и даже ломовыхъ ужъ не видно — тишина и пустота, только струйки воды, бѣгущей съ крыши по металлическимъ желобамъ, какъ-то звенять и шлепають.

Скучно! А образъ Нюты такъ и пробивается сквозъ наступающіе сумерки и неотступно преслѣдуетъ, а мысль противъ воли такъ и бѣжитъ назадъ и заглядываетъ въ тѣ уголки ея прошлаго, что уже начинаютъ казаться далекими.

II.

Роскошная гостиная освѣщена только одной свѣчей и тонетъ въ полумракѣ; густая тѣнь широколиственныхъ растений и мебели стелется по полу. Тишина. Слышится только мѣрный стукъ каблучковъ молодой дѣвушки, точно задавшейся мыслью вымѣрять наиточнѣйшимъ образомъ длину комнаты. Фигура ея высока и стройна; походка плавная. Она задумалась. Пальцы рукъ переплелись за спиною, голова немного нагнулась впередъ.

Темносѣрое платье, по самое горло, мягкими складками ложится у ногъ и небольшой тренъ безъ звука скользитъ по паркету. Черные волосы, связанные на затылкѣ лиловою лентою, пышными взбитыми локонами лежатъ на плечахъ и вьются прихотливыми воздушными колечками кругомъ лба. Она не была красавицей, но — вотъ теперь она подошла къ столу и стала въ полосу свѣта — можно было залюбоваться ея нѣжнымъ, симпатичнымъ лицомъ съ голубыми задумчивыми глазами.

— Скучно, слышится мнѣ и теперь ея грустный голосъ и видится ясно, какъ бѣлые ровные зубы мелькнули при этомъ.

— Скучно! А вѣдь я совсѣмъ не того ждала. Я думала, что папа... повеселитъ меня, вознаградитъ за шестилѣтнее институтское заключеніе. Мнѣ такъ хочется послушать хорошей музыки, потанцовать!

Голосъ ея при послѣднемъ словѣ звучитъ горячо и искренне, но лицо вдругъ покрывается краскою и черныя, тонкія брови конфузливо приподнимаются, какъ будто-бы она вдругъ испугалась мысли быть обвиненною въ легкомысліи.

Молчаніе.

— Но папа! Ему не до меня! звучать опять грустныя нотки. — Днемъ дѣла, вечеромъ... но я, право, не знаю, гдѣ онъ бываетъ по вечерамъ... только я постоянно одна... Еслибы мама была жива! Она, вѣрно, любила-бы меня больше...

Большая, закоптѣлая комната съ толстыми стѣнами и двумя окнами на дворъ. Видъ противоположной высокой стѣны нѣсколько затемняетъ свѣтъ.

Передъ конторкой, на высокомъ табуретѣ, у самаго окна, профилемъ къ нему, сидитъ Нюта. Черное, простое платье ловко охватываетъ ея талю. Узенькія полоски воротничка и рукавовъ блестятъ безукоризненною бѣлизною; гладко зачесанные волосы висятъ двумя косами. Лицо ея спокойно и серьезно, вниманіе сосредоточено на раскрытой книгѣ, тонкіе бѣлые пальчики проворно шелкаютъ костями счетовъ. Перевернута страница—тамъ еще нѣсколько цифровыхъ группъ. Глаза быстро перебѣгаютъ отъ книги къ счетамъ и обратно. Итогъ! Все вѣрно—до послѣдней трети копейки.

Книга отодвинута, улыбка самодовольствія разлилась по лицу. Нюта весело смотритъ вкругомъ.

— Ну что, вылечилась-ли отъ хандры?

— Еще-бы! Видишь, какъ я весела. Мнѣ нравится, что я лицо служащее... т. е. нѣтъ, не то... нравится, что у меня есть дѣло, есть обязанности, что я каждое утро въ извѣстное время должна встать и быть на своемъ мѣстѣ. Я бѣгу сюда съ удовольствіемъ, зная, что я ужъ теперь не одна, что вотъ и вы, — она оглянула человѣкъ двадцать работающихъ женщинъ, — также здѣсь, что я васъ всѣхъ непремѣнно встрѣчу, а вѣдь я люблю...

Нюта занулась, немного покраснѣла и добавила, засмѣявшись:

— Я люблю даже нашего швейцара, что каждый день съ ласковою улыбкою снимаетъ и подаетъ мою шубку... Я даже завтракаю здѣсь съ такимъ аппетитомъ, какъ никогда дома.

И при этихъ словахъ замокъ маленькаго сакъ-вожжа щелкнулъ и изъ салфетки вывернулась булка съ сыромъ.

— Но... все-таки скажу, что одного дѣла мало, вздохнула она.

Торопливо прожевывая свой завтракъ, Нюта повторяетъ и тутъ свои желанія и сѣтованія на отца, но уже далеко не такимъ грустнымъ тономъ, какъ прежде.

Затѣмъ еще два-три слова съ сосѣдками, тоненькая, изящная папироска и снова молчаніе. Слышенъ только шелестъ переворачиваемыхъ страницъ и шелканье костями счетовъ.

Нюта передъ трюмо той-же гостиной, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ она уныло считала свои шагъ. Лицо ея горитъ, глаза сіяютъ и счастіемъ, и какимъ-то боязливымъ трепетомъ.

— Посмотри! Это платье я сдѣлала на свои средства, говорить она, съ гордостью указывая на какое-то бѣлое облако, усыпанное зеленью и розовыми бутонами.

Въ пышной причeskѣ, съ такими-же бутонами въ волосахъ, она была прелестна и, кажется, сама сознавала это, восторженно поворачиваясь передъ зеркаломъ, въ ожиданіи тетки, общавшей заѣхать за нею.

Да, Нюта была совершенно счастлива въ тотъ вечеръ. Это былъ ея первый выѣздъ на балъ. Я это видѣла въ выраженіи ея лица, да она и сама подтвердила мнѣ это, сказавъ:

— Вотъ теперь я могу сказать, что живу!.. дѣло и изрѣдка удовольствія, развлеченія... а то съ одной конторой въ объятіяхъ было какъ-то суховато.

Она засмѣялась сознательно-радостно и прошлась по комнатамъ, оглядываясь на волны тюля, катившіяся за нею.

— Хорошо?

— Да, хорошо! отвѣчала она. — Этотъ костюмъ мы придумали вмѣстѣ съ теткой!.. И какъ это мнѣ раньше не приходило въ голову разыскать эту тетку и поручить себя ея покровительству?.. А то всего ждать отъ отца, а самой ни шагу?.. Смѣшно!..

Маленькая ручка ея въ бѣлой лайковой перчаткѣ, протянувшаяся въ это время къ букету изъ однихъ розовыхъ, пахучихъ бутонновъ, вздрогнула при звукѣ звонка.

— Тѣтя! вскрикнула Нюта и бросилась въ прихожую.

Вотъ такую-то вспоминается мнѣ Нюта въ первый годъ послѣ выхода ея изъ института, когда она жила въ Сергіевской ули-

цѣ, у отца, въ огромной, роскошной квартирѣ съ великолѣпной обстановкой, швейцаромъ и многочисленной прислугой.

Отецъ ея Иванъ Алексѣевичъ Черновъ, отставной генералъ, стоявшій тогда во главѣ управленія какого-то торговаго общества въ Петербургѣ, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень красивый, высокаго роста, плотно сложенный, съ сановитою наружностью. Годы, конечно, оставили на немъ свое вліяніе, но онъ храбро боролся съ дѣйствіемъ времени и протестъ свой ему заявилъ уже давно въ видѣ отличныхъ, бѣлыхъ вставныхъ зубовъ и темно-русаго парика превосходной парижской работы, прикрывавшаго лысину, окруженную сѣдымъ пухомъ. Генералъ любилъ хорошо покушать, выпить въ англійскомъ клубѣ бокалъ шампанскаго и сидѣть во время балета въ первомъ ряду кресель, вооружась огромнымъ биноклемъ. Дома, отдавъ экономкѣ нужныя распоряженія по хозяйству и заказавъ портнихѣ платье для дочери, онъ считалъ себя ужъ совершенно расквитавшимся съ своими обязанностями отца и хозяина, и, стало быть, въ правѣ посвящать все, остающееся отъ немногочисленныхъ занятій, время своей собственной особѣ. Правда, грустное лицо дочери и ея молчаливые вздохи нѣсколько щекотали генерала или, вѣрнѣе сказать, раздражали его и наводили на смутную идею о необходимости что-нибудь сдѣлать для дочери, что-то такое дать ей кромѣ обѣда и платья, но онъ постоянно откладывалъ это *что то*, даже не давалъ себѣ труда уяснить его, такъ-какъ оно мѣшало ему, беспокоило его.

При такомъ равнодушіи отца къ дочери, другая-бы изныла на ея мѣстѣ, зачахла отъ ропота на судьбу, Нюта-же нашлась. Продавъ напрасно *чего-то* отъ судьбы или отца, что для нея тогда было одно и то-же, она сама взялась за дѣло и устроила свою жизнь по своему вкусу. Сама нашла себѣ занятія, сама-же приобрѣла и возможность имѣть развлеченія. Да, тогда въ молоденькой дѣвушкѣ, по наружности изнѣженной и неспособной къ серьезной мысли, сказались ужъ сила и энергія, проявился характеръ.

Когда Нюта пришла сказать отцу о томъ, что она не можетъ жить такъ, какъ живетъ, что скука и пустота ее одолеваетъ и что она нашла, какъ исходъ, занятія въ конторѣ, генералъ немного сконфузился, но поспѣшилъ отвѣтить:

— Mais oui, mon enfant, нужно-же отдать долгъ времени,

данъ этому, такъ-называемому, женскому вопросу! И выговоривъ это, отецъ вдругъ почувствовалъ, что ему стало почему-то легче, спокойнѣе.

Когда-же мѣсяца черезъ три послѣ этого дочь вошла въ его кабинетъ веселая и радостно заявила касательно намѣренія тети вывезить ее, отецъ окончательно обрадовался, ощутивъ, что тяжесть, время отъ времени дававшая ему себя чувствовать, совсѣмъ исчезла, и онъ почувствовалъ себя совершенно легко и свободно. Неизвѣстно, насколько Нюта оказалась-бы сильна, еслибы встрѣтила противодѣйствіе отца, но, къ счастью, онъ самъ способствовалъ первымъ шагамъ ея самостоятельной жизни. Какъ-бы то ни было, но — помнится — съ этихъ поръ, съ самыхъ первыхъ дней поступленія ея въ контору, она иначе не говорила ужъ какъ: я хочу, я пойду, я сдѣлаю, я куплю, я не пойду... Припомнивъ теперь эти лаконическія самостоятельныя рѣшенія тогдашней восемнадцатилѣтней Нюты, я невольно сопоставляю ихъ съ теперешними грустными, кроткими отвѣтами двадцатичетырехлѣтней женщины: „я не хочу ѣхать, но должна, онъ велѣлъ, онъ сказалъ“... Сравниваю, удивляюсь и не вѣрю. Мнѣ все кажется, что это покорное, молчаливое повиновеніе волѣ другого, — положимъ, мужа, но такого, котораго она не уважаетъ, неестественно, а потому временно. Оно похоже на затишье передъ бурей...

А сумерки сгустились, дождь льетъ по-прежнему и вѣтеръ поднялся, да какой! Такъ и востъ въ трубѣ, такъ и гудитъ по желѣзной крышѣ.

Вотъ въ такой точно вечеръ, — вечеръ гнилой и холодный, нѣсколько осеней тому назадъ, когда, помнится, и дождь билъ точно такъ-же въ стекла и вѣтеръ, какъ и теперь, съ визгомъ заглядывалъ во все закоулки и щели, — у меня въ этой самой комнатѣ было тепло и уютно (или, можетъ быть, это мнѣ такъ только казалось подъ влияніемъ расположенія духа), ярко горѣла лампа и, несмотря на начало сентября, дрова уже потрескивали въ печи. Помню, что я была тогда въ веселомъ настроеніи и перелистывала только-что прочитанный дневникъ Нюты, — дневникъ, теперь уже несуществующій и, увы, покончившій свое существованіе именно въ тотъ вечеръ, о которомъ я начала говорить, а потому я и не могу привести его весь дословно. Помню только,

что онъ былъ испещренъ отрывочными словами и фразами, отдѣленными другъ отъ друга множествомъ восклицательныхъ знаковъ, коротенькими увѣреніями себя и тутъ-же разочарованіями. Словомъ, это былъ настоящій дневникъ молоденькой институтки — не изложеніе какихъ-нибудь выдающихся происшествій или фактовъ, а вѣрное отраженіе ея собственныхъ тогдашнихъ чувствъ, взволнованныхъ, быстро мѣняющихся и противорѣчащихъ другъ другу. Нюта была влюблена тогда. Помнится, что тамъ было нѣчто въ родѣ слѣдующаго:

„Въ воскресенье на мнѣ ни одного цвѣтка не будетъ. Всѣ волосы зачесаны вверху и перевиты тончайшею золотою цѣпью! Я думаю, ему это покажется оригинальнымъ!!!“

„Онъ сказалъ мнѣ, что ни одна женщина въ мірѣ не обладаетъ такимъ вкусомъ, какъ я!..“

„Интересно-бы угадать, что ему болѣе нравится: локоны и въ нихъ разбросанныя незабудки, или всѣ волосы, собранные на темени, съ запутанными въ нихъ двумя-тремя цвѣтками краснаго мака.“

„Онъ скрытенъ?! Онъ говоритъ, что мой костюмъ всегда восхитителенъ!“

„Я люблю его! Я не могла дожидаться сегодня окончанія занятій въ конторѣ, такъ-какъ знала, что онъ у насъ обѣдаетъ! Наши съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, когда я, швырнувъ книгу, пятью минутами ранѣе срока убѣжала домой.“

„Нѣтъ! Онъ не любитъ меня! Это видно ужъ изъ того, что онъ къ папѣ внимательнѣе, чѣмъ ко мнѣ.“

„Онъ обожаетъ меня! Я въ этомъ увѣрена! Глазъ съ меня не сводилъ вчера, а упавшій листокъ изъ моего букета выпросилъ себѣ на память и назвалъ святынею...“

„Какъ онъ хорошъ! Строенъ! уменъ! А какъ танцуетъ? Въ мажурѣ мнѣ всѣ завидуютъ!“

Да, въ противоположность моему теперешнему настроенію, я сидѣла въ тотъ вечеръ передъ печью, въ покойномъ креслѣ, веселая и спокойная за участь Нюты. Тетрадка ея, этотъ дневникъ, какъ раскрытое сердце, лежалъ передо мною. Мнѣ мерещилось, повидимому, близившаяся счастливая развязка ея любви, ихъ любви, еще, впрочемъ, невысказанной.

— Онъ — совершенная противоположность мнѣ: глаза черные,

волосы бѣлокурныя, говорила мнѣ Нюта, вся пунцовая, какъ піонъ, въ началѣ своего краткаго романа, начавшагося съ ма- зурки на какомъ-то балѣ. И съ тѣхъ поръ при каждомъ сви- даніи не переставала сообщать свои дѣвичьи мечты, планы, на- дежды и крошечные секреты.

„Ясно, что любовь ихъ быстро идетъ впередъ, что признаніе готово сорваться съ языка его“, думала я и была увѣрена, что на предложеніе свое онъ услышитъ отъ Нюты страстное, востор- женное „да“.

Конечно, онъ сдѣлаетъ предложеніе не сегодня, завтра. Генера- ль на знакомство съ нимъ взглянулъ благосклонно и прини- маетъ его радушно, остановки или тормазы съ этой стороны не предвидится; въ самой Нютѣ онъ, вѣроятно, увѣренъ. Стало- бытъ, все отъ него зависитъ. А Нюта ждетъ этихъ послѣднихъ, зависящихъ отъ него, словъ, ждетъ съ минуты на минуту и съ увѣренностію. Увѣренность замѣнила въ ней надежду, съ тѣхъ поръ, какъ онъ просилъ позволенія быть представленнымъ ей отцу.

Все говорило за счастливую развязку. Мысленно я подводила итогъ; свадьба и счастье Нюты были рѣшены, какъ вдругъ силь- ный порывъ вѣтра прогудѣлъ по крышѣ, рванулъ ее, и, глухо звеня, сорванный желѣзный листъ тяжело шлепнулся передъ окнами. Тя- желая дверь коридора сильно хлопнула вслѣдъ за этимъ. „Тоже отъ вѣтра“, подумала я, но ошиблась: этотъ послѣдній звукъ со- провождался быстрымъ топотомъ ногъ. Не успѣла еще я сообра- зить: кто-бы это могъ посѣтить меня, живущую за городомъ въ глуши, на еле освѣщаемой улицѣ, въ такую погоду, какъ раз- дался скрипъ двери въ прихожей, торопливые шаги въ сосѣд- нихъ комнатахъ, и передо мною очутилась высокая фигура Нюты, вся закутанная въ черномъ. На ней, какъ говорится, лица не было. Блѣдная, дрожащая, взволнованная, съ холодными, какъ ледъ, руками, она въ изнеможеніи опустилась на стулъ передъ огнемъ.

— Устала! произнесла она тихо и, тяжело переводя духъ, закрыла вѣки отъ утомленія.

Молча позволила она стащить съ себя промокшую верхнюю одежду и молча взяла чашку горячаго чая. Я никогда не ви- дала ее такою, была поражена, но тоже молчала, понимая, что

произошло что-то особенное, что она переживала тяжелыя минуты, и зная напередъ, что, и безъ всякихъ участливыхъ вопросовъ, она сама все скажетъ, что она именно и пришла затѣмъ, чтобы высказаться.

Такъ прошло съ четверть часа. Нюта сидѣла, откинувшись къ спинкѣ кресла и протянувъ ноги къ огню; рука ея машинально помѣшивала ложечкой въ чашкѣ; глаза были устремлены на обуглившіяся дрова и, казалось, внимательно разсматривали причудливыя формы пепла. Мало-по-малу она перестала дрожать, дыханіе шло ровнѣе, блѣдныя щеки окрасились яркимъ румянцемъ. Но по мѣрѣ того, какъ она успокоивалась, лицо дѣлалось серьезнѣе и брови сдвигались тѣснѣе и тѣснѣе. Первое, что вывело ее изъ этой сосредоточенности, былъ ея-же дневникъ. Онъ лежалъ на столѣ, какъ разъ около того мѣста, гдѣ она сидѣла; можно было, даже не перемѣняя положенія, только протянуть немного руку, чтобы взять его со стола. Нюта замѣтила его, встрепенулась, расхохоталась какъ-то напряженно и неестественно громко, и тетрадка, прошепестѣвъ, въ одно мгновеніе перелетѣла пространство отъ стола къ грудѣ горячихъ углей. Нѣкоторые листы покоробились, другіе свернулись причудливыми трубочками, вся бумага посѣрѣла, пожелтѣла и вдругъ вспыхнула яркимъ пламенемъ.

„Разочарованіе!“ промелькнуло у меня въ головѣ.

— Кончено, все кончено! сказала Нюта, дунувъ на черный легкій пепелъ, уже разлетавшійся въ печкѣ. — Ты знаешь! Вѣдь это все былъ обманъ, оскорбленіе моего искренняго чувства, заговорила Нюта, вдругъ возбудившись и остановивъ блестящіе глаза на моемъ лицѣ. — Все было лесть, притворство, гадость! Онъ гадкій, низкій человѣкъ! Смѣялся надо мною! А я... вѣдь ему вѣрила, я его любила горячо, искренно!...

Она вдругъ зарыдала, но на мои усилія успокоить ее отвѣтила:

— Нѣтъ, ты не утѣшай меня—это не горе, не тоска по немъ, не любовь къ нему, — я его теперь ненавижу, презираю! Эти слезы — оскорбленное самолюбіе, досада!

Слезы и рыданія ея такъ-же внезапно прекратились, какъ начались, она помахала носовымъ платкомъ на свое заплаканное лицо и продолжала:

— Слушай, онъ меня никогда не любилъ!.. Когда онъ смотрѣлъ въ мои глаза съ такою любовью и нѣжностью, что я душу свою готова была положить за него, — онъ имѣлъ въ виду не меня, а деньги! Когда онъ, усаживая меня въ карету, чуть-чуть пожималъ мою руку, и я вся вспыхивала отъ этого пожатія, — оно относилось не ко мнѣ, а къ деньгамъ! Когда въ танцахъ онъ говорилъ мнѣ, что гордится своею дамою и презрительно улыбался всему окружающему, — я уносилась въ облака отъ восторга, принимая его слова за истину, а они относились все къ тѣмъ-же деньгамъ!

Она печально улыбнулась.

— Да полно! Ты ошибаешься! начала было я.

Она повела въ мою сторону рукою, какъ-будто запрещая противорѣчить, и продолжала:

— Нѣтъ, погоди, выслушай! Ты знаешь, что онъ по часу стоялъ и дрогнулъ на подѣздѣ театра, чтобы имѣть возможность, какъ самъ говорилъ, высадить меня изъ кареты и проводить до ложи. Кто встрѣчалъ меня у дверей каждой балльной залы, кто не танцевалъ ни съ кѣмъ до моего приѣзда? — онъ. Ты знаешь, что еще на прошедшей недѣлѣ онъ объѣздилъ всѣ цвѣточные магазины, перебивалъ у всѣхъ загородныхъ садовниковъ, чтобы достать для меня такой букетъ, какого ни у кого не бывало! И что-же? Въ сущности, все это было не для меня!

Нюта послѣднюю фразу какъ-то особенно отчеканила.

— Да, онъ видѣлъ во мнѣ не меня, такую, какова я есть, а мѣшокъ съ деньгами... О, я презираю, ненавижу всю эту исторію, вскрикнула она и крѣпко стиснула зубами кончикъ носового платка.

— Да, можетъ-быть, все это пустяки, недоразумѣніе, не поссорились-ли вы?

— Нѣтъ, слушай, какъ все это открылось.

Она отбросила въ сторону носовой платокъ, выпрямилась, и съ лицомъ, вдругъ сдѣлавшимся холоднымъ и серьезнымъ, начала высказывать суть дѣла.

— Сегодня въ сумерки онъ приѣхалъ къ намъ какой-то особенный, взволнованный. Я, по обыкновенію, встрѣтила его радостно. Онъ не замѣтилъ этого, ничего мнѣ не сказалъ, а молча нагнулся, поцѣловалъ мою руку (чего прежде никогда не дѣлалъ) и съ дѣ-

ловымъ видомъ прошелъ въ кабинетъ отца. Признаюсь, я и подозрѣвала истину, и отвергала ее. Мнѣ казалось тогда, что оскорбить меня онъ не способенъ, а вѣдь просить моей руки, не узнавъ предварительно моего мнѣнія, даже не сказавъ мнѣ ни слова, было-бы оскорбленіемъ; съ другой стороны, этотъ странный видъ, это посѣщеніе не въ урочный часъ, это объясненіе съ отцомъ... словомъ, я не знала, что думать, какъ услышала въ кабинетѣ какой-то шумъ, рѣзкій голосъ отца и *онъ*, не только не сказавъ мнѣ ничего, но даже не поклонившись, выбѣжалъ изъ дома, какъ съумасшедшій. Папа вышелъ вслѣдъ за нимъ красный, гнѣвный и прерывающимся голосомъ выяснилъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что насъ удостоили, что намъ сдѣлали честь просить моей руки, подъ условіемъ двадцати тысячъ приданого, для поправленія разстроеннаго состоянія. А? Какъ тебѣ это нравится? Вѣдь какая наглость-то! Другими словами, это значить: „вы набейте мой карманъ, а я, такъ и быть, за это навяжу себѣ на шею вашу дочь урода и дуру“!..

Нюта посмотрѣла на меня испытующе и задумалась, а потомъ добавила, грустно улыбувшись:

— Папа разсказъ свой закончилъ словами: „ужъ и отдѣлалъ же я этого гвардейца-танцора! Другу и недругу закажетъ свататься съ условіями“. И вотъ я рѣшилась съ прошлымъ своимъ покончить такъ, какъ будто-бы его никогда и не бывало. О моей неудавшейся любви ни слова болѣе, а ошибка даетъ опытъ!

Она подняла свой носовой платокъ, встала и прошла по комнатѣ. Лицо ея было холодно и спокойно.

— Папа, передавъ мнѣ свой разговоръ съ *нимъ*, тотчасъ-же уѣхалъ, а мнѣ послѣ этого оставаться одной дома стало вдругъ такъ тяжело, что я кинулась къ тебѣ, не разбирая ни времени, ни погоды.

— И отлично, спасибо тебѣ!

— Да, но вечеръ такъ темень, погода такая страшная и я до того измучена, что возвращаться не рѣшусь и потому у тебя ночую.

Я очень обрадовалась.

Вотъ въ этой самой комнатѣ, откуда она сегодня выѣхала, мы и ночевали тогда. Утромъ Нюта проснулась съ единственною заботою—не опоздать въ контору. О вчерашнемъ и помину не было.

Да, это былъ характеръ! Она, дѣйствительно, съ корнемъ вырвала все происшедшее, какъ эпизодъ, нестойкій воспоминанія, и зажила прежнею жизнью, какъ будто-бы ничего и не бывало. Только обманъ, гдѣ бы въ какихъ-бы малѣйшихъ случаяхъ онъ ни проявлялся, сталъ возмущать ее болѣе всякой пакости,

III.

Много дней, много свиданій съ Нютой прошло послѣ этого безслѣдно, не оставивъ въ моей памяти ничего выдающагося. Всѣ они какъ-то слились въ одинъ общій сѣренькій день, въ одинъ общій, спокойный разговоръ о конторѣ и занятіяхъ, о выѣздахъ Нюты, о прочитанныхъ книгахъ. А затѣмъ... да, это была презабавная телеграма:

„Женщина совершеннолѣтняя и самостоятельная приглашаетъ васъ завтра, въ четыре часа, отпраздновать новоселье. Пески, Дегтарная. домъ №..., кв. №...

Нюта“.

Эта депеша показалась мнѣ не только забавной, но и загадочной, такъ-какъ передъ тѣмъ мы не видались мѣсяца два и я не понимала, въ чемъ именно дѣло.

Какъ теперь помню, на слѣдующій день послѣ полученія телеграммы, ровно въ четыре часа, я позвонила въ квартиру №... Первое привѣтливое лицо, встрѣтившее меня тогда, была старая Акулина, моя большая пріятельница, бывшая крѣпостная и няня не только Нюты, но и ея матери. Я была такъ обрадована ею, что мы обнялись и крѣпко поцѣловались по-русски три раза. Лицо Нюты, появившееся тутъ-же, сіяло положительно счастьемъ. Стоило только взглянуть на нее и на сѣрые, мягкіе глаза няни, чтобы почувствовать вдругъ приливъ того радостнаго спокойствія, который тутъ-же охватилъ меня съ самой первой минуты свиданія съ ними и который потомъ возвращался ко мнѣ всякій разъ, какъ я бывала у Нюты.

— Что все это значитъ?

— Позвольте-съ, перебиваетъ сіяющая Нюта и начинаетъ шутить: — женщина самостоятельная не позволяетъ дѣлать себѣ вопросовъ, она сама все объясняетъ, когда настаетъ тому время и требуютъ обстоятельства, а теперь пожалуйте кушать.

Я любовалась ея оживленнымъ лицомъ. Она замѣтила это и продолжала кокетничать со мною и своею веселостью, и этимъ см, которое она приняла въ отношеніи меня и которое такъ забавно звучало. Мы, смѣясь, вошли въ столовую, отлично обставленную орѣховою мебелью, и со столомъ, сервированнымъ на два прибора. Посреди стола, по бокамъ вазы съ фруктами, красовались двѣ бутылки съ бѣлымъ и краснымъ виномъ.

— Гмъ! новоселье какъ есть!

— Еще-бы! Чѣмъ-же мы хуже людей? засмѣялась Нюта.

Обѣдъ былъ приготовленъ мастерски, и въ отвѣтъ на мою похвалу Нюта какъ-то и торжественно, и шутливо указала рукою на старуху.

— Вотъ мой поваръ, экономка, компаньонка и горничная, позвольте вамъ рекомендовать, сказала она и съ любовью посмотрѣла на няню.

Дѣйствительно, оказалось, что няня принадлежала къ тому старому типу крѣпостныхъ, что, по требованію барина, сегодня плотникъ, завтра актеръ, тамъ кучеръ и, наконецъ, музыкантъ или художникъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную. Наступали сумерки и она была уже освѣщена. Бѣлые чехлы мебели и прозрачныя, пышныя занавѣси оконъ, облитыя мягкимъ зеленоватымъ цвѣтомъ, впадали въ тонъ обоевъ комнаты и гармонировали съ роскошною зеленью по бокамъ трюмо и на окнахъ. Мягкій пестрый коверъ дѣлалъ шаги неслышными.

— Вонъ тамъ моя спальня и будуаръ, указала Нюта на дверь съ розовой портьерой.

Я заглянула. Это была прелестная, вся розовая комната съ розовымъ-же фонарикомъ среди потолка.

А между тѣмъ въ гостиной, на кругломъ столѣ передъ диваномъ, Акулина поставила кофе. Фарфоровый боченокъ съ паниросами и раковина для пепла стояли тутъ-же. Мы закурили.

— Ну, что ты скажешь обо всемъ этомъ? спросила Нюта, откинувшись самодовольно на спинку дивана и поведя рукою вокругъ себя.

Я осмотрѣлась еще разъ: теплота, уютность, комфортъ, сама хозяйка совершенно счастливая. Тамъ на Сергіевской, въ тѣхъ огромныхъ комнатахъ, она какъ-то терялась, бродила, какъ без-

цвѣтная тѣнь, изъ угла въ уголъ, самая обстановка была холодна, непривѣтлива. Здѣсь видно сейчасъ, что эта улыбающаяся, хорошенькая дѣвушка, полновластная хозяйка и распорядительница всѣмъ окружающимъ, и что то радостное спокойствіе, которое разлито кругомъ, исходитъ отъ нея самой.

— Да, хорошо! Очень хорошо! Честь и слава совершеннолѣтнимъ, самостоятельнымъ женщинамъ!

Нюта, должно быть, именно такого отвѣта и ожидала, такъ-какъ она весело засмѣялась, нагнулась въ мою сторону и звонко поцѣловала меня въ щеку.

— И не правда-ли, вѣдь я вовсе не похожа на бѣдную, одинокую женщину, оставленную на произволь судьбы, на дочь, отвергнутую отцомъ?

Она задумалась. Я была поражена ея словами, но не торопила объясненіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ она сама продолжала:

— Да, я много пережила въ эти два мѣсяца и сегодня первый день отдыхаю.

Послѣднія слова отозвались грустью, но вслѣдъ за этимъ глаза Нюты гордо блеснули и она быстро проговорила тономъ вызова:

— Но, слава Богу, все это кончилось—я доказала отцу, что я и горда, и сильна. А скверно онъ поступилъ со мною. Обманулъ!

На этомъ словѣ голосъ ея дрогнулъ.

— Выслушай, какъ все это было. Мѣсяца два тому назадъ отецъ, оставшись, противъ обыкновенія, вечеромъ дома, говоритъ мнѣ за чаемъ, повидимому, съ самымъ невиннымъ видомъ: „срокъ контракта нашей квартиры кончается и... я нанялъ уже другую, гораздо болѣе удобную, но она еще не готова, а между тѣмъ выѣхать нужно. Такъ я придумалъ пока, на какой-нибудь мѣсяцъ, перевести тебя, Нютушка, въ маленькую, уютную квартиру на Пескахъ, а самъ помѣщусь въ гостинницѣ, вблизи новой отдѣляющейся квартиры, чтобы лучше наблюдать за работой и торопить“. — „Хорошо, говорю, папа“. И больше объ этомъ не говорили. Можешь себѣ представить, маленькая уютная квартира, нанятая отцомъ на Пескахъ, оказалась просто двумя холодными, сырыми чуланами надъ деревянными сараями. Впрочемъ, онъ ихъ щедро заставилъ своею собственною громоздкою мебелью. Некрасиво, неудобно, холодно, сыро. Ну, думаю, что

за бѣда, это на время, и примирилась. Каково-же было мое удивленіе, когда дня черезъ три послѣ моего переѣзда я получаю вотъ это письмо.

Нюта выдернула изъ кармана скомканную бумажку, положила ее передо мною и стала ходить по комнатѣ, залажа руки за спину. Это было письмо отставнаго генерала, разъяснившее все мое недоумѣвіе. Онъ писалъ, что семнадцать лѣтъ (со дня смерти жены и матери Нюты) онъ жилъ для дочери, отрѣшаясь отъ своего личнаго существованія... что пора-же и ему, наконецъ, воспользоваться тѣми немногими годами, которые судьба еще пошлетъ ему на долю... что онъ желаетъ быть свободнымъ и... въ концѣ-концовъ, что онъ любитъ, любимъ и... женится. Далѣе въ томъ-же письмѣ онъ говорилъ, что удивляется нелѣпой молвѣ о будто-бы составленномъ имъ состояніи, что въ сущности у него ничего нѣтъ, кромѣ жалованья, т. е. денегъ, зарабатываемыхъ трудомъ, а потому и выдѣлять ей, Нютѣ, какую-либо часть своего имущества, конечно, хоть-бы и желалъ, не имѣетъ возможности, но что, впрочемъ, помогать ей не отказывается и назначаетъ по двадцати рублей въ мѣсяцъ въ видѣ вспомоствованія. Письмо заканчивалось выводомъ, что не всякій отецъ поступилъ-бы такъ, какъ онъ, по отношенію къ своей дочери, какъ уже совершеннолѣтней и приобретающей свои собственныя средства къ существованію... Едва успѣла я дочитать послѣднія слова, какъ она уже стояла передо мною, гордо выпрямившись.

— Разумѣется, отъ вспомоствованія я отказалась. Всю его мебель и вещи отослала назадъ и, бросивъ чуланы, за которые было предупредительно уплачено за полгода впередъ, переѣхала сюда. Отецъ-же нигуда и не переѣзжалъ и срокъ контракта его вовсе не кончался... Няня, милая, не захотѣла со мною разстаться и предложила свои многочисленныя и разнообразныя услуги. Оказалось, что она любила меня и любить болѣе, чѣмъ родной отецъ.

Нюта снова прошлась по комнатѣ задумчиво, тихо и потомъ продолжала:

— Меня, главное, тутъ что возмущаетъ? Обманъ! Къ чему онъ употребилъ такое средство? Развѣ онъ не воленъ въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ и неужели я такъ ничтожна была въ глазахъ отца, что не стоила откровеннаго слова по душѣ? Ну, да впрочемъ... что было, то прошло!

Она махнула рукой, закурила новую папиросу и съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ волненія, сѣла.

Все, рассказанное Нютой, заставило меня сильно задуматься. Мужество и достоинство, съ которыми она вышла изъ тяжелыхъ обстоятельствъ, подтвердили еще разъ мое мнѣніе о ея самолюбіи и силѣ характера. Я радовалась за нее, но виѣстѣ съ тѣмъ мнѣ дѣлалось почему-то и жутко.

— О чемъ ты задумалась? спросила она меня.

— Что дальше будетъ?

— Дальше? Дѣйствительно, все, что у меня оставалось изъ жалованья за послѣдніе годы, я употребила сюда. У меня больше ничего нѣтъ. Но вѣдь стоитъ только разъ устроиться порядочно, а затѣмъ поддерживать хозяйство ужь не такъ трудно. Конечно, пятидесяти рублей, получаемыхъ ежемѣсячно изъ конторы, на это недостаточно, но я вѣдь свое положеніе обдумала. Иначе и не рѣшилась-бы на такія издержки, до копейки. Я сдѣлала визиты тетускѣ, кузинамъ и всѣмъ великосвѣтскимъ знакомымъ, съ которыми прежде виѣзжала и у которыхъ бывала какъ гостя, какъ равная, даже больше — какъ дѣвушка, которую онѣ баловали. Теперь мнѣ понадобилось не то! Я сдѣлала визиты, какъ просительница, ища болѣе солиднаго покровительства, болѣе серьезной поддержки...

— Ну?

— Ну, разумѣется, результатъ оказался желаемый. Уроковъ у меня появилось столько, что все свободное время отъ занятій въ конторѣ придется быть виѣ дома.

Я поморщилась. Она засмѣялась, не сбросила, а осторожно сложила пепель съ своей папиросы въ раковину, чтобы не уронить ни пылинки зола на дорогую салфетку, и сказала:

— А праздники-то всѣ мои, а ихъ вѣдь очень много... Ну, да и, наконецъ, что все это значить передъ тѣмъ чувствомъ радости, спокойствія и даже гордости, что внутри меня? Передъ великимъ словомъ *могу*? Да, а я вѣдь могу, ты это видишь.

Она замолчала, сдвинула брови и стала смотрѣть куда-то въ уголъ. Щеки ея все еще пылали, прядь волосъ отдѣлилась и повисла надъ бровью тоненькой змѣйкой; черное платье рѣзко отгѣняло бѣлизну лица и рукъ. Она была очень хороша въ эту минуту.

Прошло нѣсколько минутъ и мало-по-малу углы рта ея мягко

раздвинулись, симпатичное лицо озарилось улыбкой, и, не переминая позы, даже не поворачивая головы, она вскинула на меня веселыми глазами и заговорила:

— Конечно, всё они теперь относятся ко мнѣ не такъ, какъ прежде, т. е. не какъ къ равной имъ, а снисходительно-милостиво, покровительствуя бѣдной работающей дѣвушкѣ. Это, однакожь, меня не беспокоитъ, такъ-какъ я этого и ожидала. Вѣдь оно такъ и должно быть и почти всегда такъ бываетъ... Ну, и пусть ихъ величаются покровительствомъ работницѣ, а я все-таки знаю и чувствую, что то, что приобретаю, достается трудомъ, и потому чувство моего собственного достоинства не оскорблено. Они ошибаются, а мнѣ все равно.

Вотъ она, тогдашняя Нюта, вся выразившаяся въ своихъ собственныхъ словахъ и поступкахъ. Та была настоящая Нюта, а не теперешняя, что уѣхала, смиренно подчиняясь какой-то темной судьбѣ, — уѣхала, не будучи въ состояніи поручиться за часъ, за полчаса своего будущаго! Нѣтъ, еще разъ повторяю, что все теперешнее — неестественное, напускное!..

Много трудилась тогда Нюта, но я всегда видѣла ее бодрою, веселою, энергичною. Выѣзды свои она, конечно, оставила безъ всякаго сожалѣнія. Взамѣнъ ихъ записалась въ библиотекѣ, получала газеты и, устроившись съ уроками такъ, что могла имѣть одинъ вечеръ въ недѣлю свободный, абонировалась въ оперу. Правда, абониментъ ея былъ въ галереѣ пятого яруса, но что за бѣда, — она страстно любила музыку и оттуда, съ своего скромнаго мѣста, съ увлеченіемъ слушала Пати, Нильсонъ, Лукку. Сколько пріятныхъ вечеровъ провели мы вмѣстѣ въ маленькомъ раю Нюты въ тѣ два года! Сколько было перечитано, перечувствовано, переговорено вмѣстѣ! Но, впрочемъ, что-же тутъ страннаго?.. Въ воспоминаніяхъ именно объ этомъ періодѣ нютиной жизни, изъ-за ея хорошенькаго личика, непременно выглядываетъ сморщенное лицо сѣдой няни, а сѣрыя глаза такъ и льютъ кругомъ себя свѣтъ добра и любви.

Вотъ, напримѣръ, какъ будто это вчера было. Захожу я къ Нютѣ и не застаю ее дома, — вижу ясно, какъ старая суетится, не зная, куда принять меня, какъ посадить, слышу ея ласковый привѣтливый голосъ:

— Поди, устала? На-ка вотъ закури, голубчикъ, по своему

обычаю, а я тебя сейчас кофейкомъ напою. У меня вѣдь все на рукахъ — и чайкъ, и кофеекъ.

Лицо старушки было такое счастливое, она съ такою любовью собиралась отдать долгъ гостепрѣимству, что было-бы святотатствомъ отказываться.

— Все, все у меня на рукахъ, вѣдь ты знаешь, повторяла милѣйшая Акулина, — Нютушка для меня ничего не жалѣеть. Вотъ ужъ придетъ домой и непременно скажетъ: „что ты, няня, ничего безъ меня не ѣла?“ А у меня вѣдь, матушка, не два живота, вотъ кофейку съ тобой напьюсь и сыта. Да и много-ли мнѣ, старухѣ, надо? Ну, отвѣчу, что всѣмъ, голубчикъ мой, довольна, что сыта по горлышко. „То-то, скажетъ, смотри не жалѣй, сыты будемъ!“ Вотъ посмотри, какой она мнѣ въ именины платокъ подарила, повернула круто старуха и разостлала передо мною, съ крупными темными клѣтками, большой байковый платокъ. Это къ причастью ходить, пояснила она и бережно спрятала свою драгоценность въ сундукъ.

— Все у насъ чудесно, все хорошо, продолжаетъ занимать меня няня, — молю Господа только объ одномъ, даль-бы ей Царь небесный здоровья и силъ. Вотъ купила книги какія-то, — одна не читаетъ, тебя дожидалась.

Я стала перелистывать поданныя мнѣ книги, это былъ „Некрасовъ“, а няня, допивъ кофеекъ, убрала посуду и стала неслышно летать изъ столовой въ кухню и обратно, безпрестанно взглядывая мимоходомъ на стрѣлку часовъ.

Я понимаю, что она ждетъ Нюту и молча наблюдаю. Вотъ освѣтилась столовая, на кругломъ столѣ, покрытомъ бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью, запыхтѣлъ блестящій самоваръ. Появился чайный приборъ, нѣсколько тарелокъ, покрытыхъ салфетками, и, наконецъ, за приборомъ Нюты книга, раскрытая на той страницѣ, гдѣ она была заложена костянымъ ножомъ. Въ уборной загорѣлся фонарикъ и обдалъ комнату розовымъ лучомъ. На крошечномъ розовомъ диванчикѣ появился капоть Нюты, на полу у дивана ващяныя туфли. Вотъ суетливыя движенія няни прекратились, озабоченное выраженіе лица замѣнилось нетерпѣливою радостною улыбкою. Она остановилась у часовъ. Стрѣлка показывала безъ пяти восемь.

— Ну, что няня?

— Сейчасъ, сейчасъ придетъ!

— Да ты все-ли приготовила, не забыла-ли чего? непротительно шучу я.

Няня кидается въ столовую, еще разъ заботливо обозрѣваетъ столъ и поправляетъ и безъ того симметрически разставленны чашки и тарелки.

— Все, мой голубчикъ, все! звучать мнѣ въ отвѣтъ успокоительныя слова. — Телятинка, сыръ, масло, сливки, сухари, все! Неужели-же что забуду? добавила она уже укоризненно.— Вѣдь у меня, у старой, только это дѣло и есть, — остальное все... полотеры, прачка, швеа...

Звонокъ! Няня стрѣлою кидается въ прихожую, слышится веселый голосъ Нюты и поцѣлуи. На порогѣ гостиной показалась стройная фигура, съ румянымъ отъ мороза личикомъ, съ блестящими искрами отъ растаявшаго снѣга въ волосахъ, и немного позади, почти рядомъ съ нею, сгорбленная сѣдая фигура, наблюдающая за малѣйшимъ движеніемъ Нюты съ какими-то благоговѣйнымъ восторгомъ.

IV.

Тихо катить Нева свои волны. Лучи заходящаго солнца сыплютъ искры по зеркальной поверхности ея, мѣстами задѣтой легкой рябью. Тихо скользить наша лодка, лѣтливо взмахиваетъ гребецъ веслами.

Нюта, въ бѣломъ легкомъ платьѣ и соломенной шляпѣ, надвинутой на глаза, задумчиво смотритъ кругомъ.

— А хорошо у тебя тутъ лѣтомъ — дышется такъ свободно, да и картина хороша, говорить она, поводя глазами кругомъ.

Я оглянулась.

Сзади насъ мелкія деревянныя постройки утопали въ зелени, а высокія трубы фабрикъ и окна зданій точно горѣли пламенемъ. На противоположномъ берегу, молодая березовая рощица, съ золотыми кудрявыми верхушками, отдѣлялась группами темныхъ старыхъ елей, высшихся надъ нею. Немного лѣвѣе, на зеленомъ лѣсномъ фонѣ, вытянулись стройно бѣлыя каменныя зданія съ чугунной оградой и горитъ монастырскій крестъ.

— Хорошо! повторяетъ Нюта, сдвинувъ шляпу на самый затылокъ. Перчатки въ тоже время исчезли въ карманъ, а правая рука опустилась въ воду, то загребая на подобіе весла, то шаловливо шлепая и брызгая кругомъ себя.

— Вамъ куда? Къ монастырской пристани? спрашиваетъ нашъ гребецъ-старикъ, вытирая рукавомъ пестрядинной рубахи потъ со лба и лысины.

— Прямо къ монастырской пристани! отвѣчаемъ мы въ одинъ голосъ и обращаемъ его вниманіе на пыхтящій пароходъ съ буксиромъ, что показался на перерѣзъ нашего пути.

— Ничего, успѣемъ, ишь у него грузъ тяжелый, говоритъ старикъ и дѣлаетъ широкій энергичный взмахъ веслами.

Мы наблюдаемъ за его пробудившейся энергіей и благополучно переплываемъ линію пути, намѣченную пароходомъ; только волны, посланныя намъ въ догоню, раза четыре сильно подбросили насъ да тутъ-же и осѣли.

— Не рассказать-ли тебѣ странный и забавный случай со мною? говоритъ Нюта, загадочно взглянувъ на меня, а быстро скользнувшій въ это время вѣтерокъ приподнялъ синюю ленту ея шляпы и ударилъ ею Нюту по губамъ. Она расхохоталась, отряхнула воду съ правой руки, отбросила ленту за спину и начала:

— Въ воскресенье, какъ ты знаешь, я провела цѣлый день у тетки на дачѣ. На возвратномъ пути немного запоздала въ вокзалъ, въ торопяхъ едва достала билетъ, еще торопливѣе бѣгу къ вагону и только-что вся запыхавшаяся достигаю дверцы, какъ оттуда протянулась мнѣ въ помощь мужская рука, въ черной лайковой перчаткѣ. Я съ радостью схватила за эту руку и почти безъ всякихъ усилій съ моей стороны очутилась внутри вагона. Оно было чрезвычайно кстати, потому что поѣздъ тотчасъ-же тронулся. Незнакомый господинъ, лѣтъ за тридцать, съ черными глазами, длинной темнорусой бородой, въ синихъ очкахъ и чрезвычайно приличномъ солидномъ костюмѣ, внимательно усадилъ меня рядомъ съ собою. Мы разговорились. Съ первыхъ-же словъ принявъ со мною тонъ добродушной откровенности, онъ, не понимаю—по какому побужденію, тутъ-же высказалъ мнѣ, что онъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи, что имѣетъ огромное состояніе, что ведетъ большую самостоятельную торговлю хлѣбомъ, а въ концѣ нашего путешествія...

Нюта вдругъ замолчала, улыбнулась и закусила нижнюю губку.

— Что-же къ концу путешествія?

— Вышло что-то такое похожее на объясненіе въ любви и предложеніе руки и сердца, произнесла она скороговоркой и звонко расхохоталась.

Лодка наша въ это время дала толчекъ — мы причалили къ пристани.

За монастырской оградой пахло только что скошенной травой; на куполахъ церквей еще горѣли солнечные лучи, а въ аллеяхъ сада, подъ сводомъ густо разросшихся старыхъ вѣтвей, уже наступали сумерки. Тишина кругомъ—ни звука, ни души. Двѣ черныя фигуры монаховъ мелькнули, какъ тѣни, въ другомъ концѣ сада и тотчасъ-же скрылись. Мы ходили, съ наслажденіемъ вдыхая запахъ сѣна, смѣшанный съ ароматомъ луговыхъ цвѣтовъ, уже начинавшихъ подергиваться росю. Мало-по-малу куполы и кресты церквей погасли, все приняло однообразный, свѣтло-сѣрый колоритъ, а по голубому фону поплылъ серебристо-бѣлый серпъ. Становилось прохладно.

— Моя исторія еще не кончена, заговорила Нюта, накинувъ на плечи бѣлый пушистый платокъ и надвинувъ плотнѣе шляпу. Вчера я получила отъ него письмо (не понимаю, какимъ образомъ онъ могъ узнать мой адресъ); письмо это хотя не особенно грамотное, но полное преданности и уваженія, въ началѣ, срединѣ и концѣ испещрено просьбами позволить бывать въ домѣ.

— Что-же ты думаешь дѣлать?

— Я право не знаю! Нужно подумать, сказала она уже серьезнымъ, озабоченнымъ тономъ.— Съ одной стороны отталкивать челоуѣка преданнаго, уважающаго, мнѣ кажется страннымъ, неловкимъ, а съ другой—и принять его тоже боюсь: я знаю, что онъ при первомъ или второмъ визитѣ непременно возобновитъ свое сватовство и что-же я ему отвѣчу? Я противъ него ничего не имѣю, да и за.... ничего не могу сказать, потому что совсѣмъ его не знаю.

— Такъ ты узнай прежде, а потомъ и давай отвѣтъ. Ничто не можетъ заставить тебя торопиться.

— Конечно, отвѣчала она, и печать озабоченности такъ и осталась на ея лицѣ.

Втеченіе всего остальнаго вечера она обдумывала и, наконецъ,

рѣшилась—не въ ея характерѣ было колебаться. Въ отвѣтъ на длинное посланіе Григорія Ивановича Бугатина, была отослана лаконическая записка, съ обозначеніемъ числа и часа, когда можно застать Анну Чернову.

Для черезъ два послѣ этого, въ уютной гостиной Нюты въ часъ пополудни появилось новое лицо.

— Григорій Иванович Бугатинъ, указала мнѣ на него Нюта рукою,—а это мой другъ съ дѣтства.

Она назвала меня. Какъ другу хозяйки, новнй знакомый отвѣсилъ мнѣ почтительный поклонъ и протянулъ руку.

Это былъ человѣкъ средняго роста, уже не первой молодости, но съ добрымъ и симпатичнымъ лицомъ.

Говорилъ почти онъ одинъ, а мы слушали; предметомъ разговора было дѣло ему хорошо извѣстное, намъ-же совсѣмъ не знакомое. Рожь, овесъ, цѣны, курсы, биржа, такъ и сыпались у него въ продолженіи всего визита. И все, что онъ ни говорилъ, намъ казалось чрезвычайно умно, вѣроятно, потому, что мы не были въ состояніи ни прослѣдить, ни провѣрить, ни даже вставить какого-либо замѣчанія этому специалисту торговыхъ операций. Мы только удивлялись его познаніямъ, опыту, дѣловитости и энергіи. Вообще, впечатлѣніе, произведенное Григоріемъ Ивановичемъ на Нюту было въ его пользу. Но кто этимъ новымъ знакомымъ былъ приведенъ просто въ восторгъ, — это няня.

— Вотъ это человѣкъ, вотъ это мужчина, говорила она по его уходѣ,—прекраснѣйшій человѣкъ, умница и любитъ Нютушку всей душой.

— Да почему-же ты это думаешь, няня?

— А потому, что не лебезить, не увивается мелкимъ бѣсомъ, не вертопрашничаетъ! Я вѣдь его хорошо высмотрѣла (прости Господи, все у дверной щели стояла) и слышала каждое слово. Вотъ ка-бы судьба Нютушекъ! Лучшаго и желать нечего!

— Однако, все-таки надо хорошенько узнать и подумать! врывалось у меня неволью съ испуга отъ няниной поспѣшности.

— Еще-бы! отвѣтила Нюта.— Однако-же она и не узнала, и не подумала.

Въ тотъ годъ я съ особенною любовью занималась находящимся передъ моими окнами палисадникомъ. Тщательно подвязывала растенія, обрѣзала сухія вѣтви и обильно поливала землю унавоженной водой. Крошечныя грядки мои пестрѣли цвѣтами. Кусты георгинъ, напримѣръ, вытянулись выше меня, равнялись толщиною чуть не кисти руки, а красныя, бѣлыя и желтыя роскошныя шапки ихъ, немного поменѣе подсолнечника, десятками склонялись въ разныя стороны. И вотъ недѣли черезъ двѣ послѣ знакомства, сдѣланнаго съ Григоріемъ Ивановичемъ, въ то время, когда я, вооружась огромными ножницами, старательно очищала старый большой кустъ шиповника и все свое вниманіе сосредоточила на этой работѣ, на плечо мое легла маленькая ручка, а въ ухахъ раздались быстро сказанныя слова:

— Поздравь меня, я невѣста!

Я вздрогнула. Передо мною стояла Нюта, вся сіяющая, какъ ясный солнечный день.

Хотя я и знала характеръ Нюты—быстро рѣшать и отрѣзывать, но все-таки удивилась этой новости.

— Нельзя было иначе, отвѣтила она рѣшительно. — Во второе-же посѣщеніе, какъ я и ожидала, онъ сдѣлалъ предложеніе. Я просила дать мнѣ время подумать. Онъ ушелъ разстроенный, а на слѣдующій вечеръ пришелъ и, — можешь себѣ представить! — плакалъ, рвалъ на себѣ волосы и такъ молилъ, что у меня отъ жалости сердце готово было разорваться на части... и я дала согласіе.

— Такъ ты изъ жалости, изъ состраданія?

— Въ первыя минуты—да, проговорила она, вся вспыхнувъ, — я не знаю, что со мною сдѣлалось, но, видя его слезы и отчаяніе, я готова была жизнью пожертвовать, а не только участіемъ, чтобы сдѣлать его счастливымъ. Теперь нѣтъ. Чѣмъ-же я въ самомъ дѣлѣ жертвую, ха, ха, ха, если онъ человѣкъ дѣловитый, серьезный, богатый, а главное, меня любящій... а вѣдь любовь къ себѣ я не богата. И прежде, и впереди, и теперь вижу себя одинокою... няня да и обчелся... каждое сильное дуновеніе вѣтра можетъ смахнуть меня съ того пригорка, куда я встала и снести въ преисподнюю, потому что кругомъ нѣтъ защиты, нѣтъ поддержки, пустое, безлюдное пространство.

Она задумалась.

— Такъ, видишь-ли, я уступила изъ состраданія и это было возможно потому, что отвращенія къ нему я не чувствовала. Это было возможно еще и потому, что я никому не была нужна, ни съ кѣмъ не была связана, и передо мной, совершенно свободной, является человѣкъ, который говоритъ, что я ему необходима, какъ воздухъ, что онъ жить безъ меня не можетъ. Сотни женщинъ сдѣлали-бы на моемъ мѣстѣ то-же самое. Я была вознаграждена уже тѣмъ восторгомъ, въ который онъ пришелъ, услыша мое „да“. По уходѣ его, я пришла въ уныніе. Мнѣ казалось, что меня искусно поймали, ухватившись въ струнку женскаго великодушія, что я жертвую собой Богъ знаетъ для кого. Теперь я одумалась и смѣюсь надъ тѣмъ воображаемымъ самопожертвованіемъ. Въ сущности, онъ жертвуетъ собой, соединяя судьбу свою съ бѣдной одинокой дѣвушкой, ничѣмъ не выдающейся, — съ дѣвушкой, надъ которой даже пустозвонъ, танцоръ подшутилъ да и отвернулся, къ которой даже отецъ не чувствуетъ ни малѣйшей привязанности и, не задумавшись, выбросилъ изъ дома по первому требованію второй жены. Да, я одумалась, все поняла и полюбила его всею душой. Поздравь-же меня!

Обсуждать дѣло уже рѣшеное было нечего, а сама Нюта казалась такою веселою, что мнѣ оставалось только крѣпко поцѣловать ее и поздравить. Подъ различнымъ впечатлѣніемъ сѣли мы за чай, приготовленный тутъ-же въ пестрѣющемъ палисадникѣ: я съ чувствомъ сомнѣнія и невольнымъ маленькимъ опасеніемъ за ея поспѣшность, — она, весело обрывая цвѣты, какія только ей попадались подъ руку, и безъ разбора обильно украшая ими свою голову, грудь, плечи и поясъ.

Разговоръ вертѣлся все около Григорія Ивановича. Она высказывала свои мнѣнія, предположенія, планы на будущее. Я слушала внимательно, но никакъ не могла увлечься ея словами. Она замѣтила это и сказала:

— Да что ты такая кислая сегодня, не довѣряешь мнѣ, что-ли?

„Въ самомъ дѣлѣ, подумала я, неужели я ей не довѣряю, а развѣ я имѣю право не вѣрить той, чья сила характера, рѣшительность и энергія мнѣ такъ хорошо извѣстны?“

— Повѣрь, продолжала она, — что въ эти двѣ недѣли я его хорошо поняла и узнала — мы видѣлись каждый день — и втеченіи

этого времени только и разговора было, что о томъ, какъ онъ меня любить, какъ будетъ беречь меня и лелѣять, какъ радуется, что избавить меня отъ всѣхъ моихъ трудовъ и занятій, какъ его богатство именно теперь еще въ первый разъ въ его глазахъ получило настоящую цѣну.

Я нѣсколько повеселѣла и успокоилась.

— Теперь онъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ, продолжала Нюта, — онъ ужасно занятъ, у него дѣла по горло. На сѣверъ, югъ, востокъ и западъ— всюду идутъ его транспорты съ хлѣбомъ, вездѣ сношенія. Ты знаешь, вѣдь онъ потому и торопилъ меня отвѣтомъ, что долженъ былъ ѣхать, не могъ оставаться и страстно желалъ быть тамъ, далеко отъ меня, съ спокойнымъ сердцемъ.

Дни тянулись; женихъ и невѣста видѣлись очень рѣдко, а когда видѣлись— темой бесѣды была любовь, свадьба, приданое...

Не мудрено, что Нюта не имѣла возможности узнать этого человѣка съ особеннымъ закаломъ, мало развитого или развитого по-своему. Въ своихъ объясненіяхъ въ любви, въ разговорахъ о торговыхъ операціяхъ, въ щедрости на подарки онъ былъ великъ. Онъ, какъ товаръ, что называется былъ „лицомъ красенъ“. Его толки о ржи и овсѣ насъ совсѣмъ затуманили, заслонили собою жалѣйшій вопросъ о какихъ-бы то ни было другихъ его положительныхъ свѣденіяхъ или сторонахъ его характера. Вдобавокъ къ этому, всеподкупающая доброта и мягкость.

Въ маленькомъ раю Нюты пошли приготовления, хлопоты. Столы были заняты дорогими шелковыми матеріями, на диванѣ раскинулся мѣхъ чернобурныхъ лисицъ, по кресламъ и стульямъ валялись картоны съ тончайшимъ голландскимъ и батистовымъ бѣльемъ. Швеи, портные торопливо приходили и уходили. Не успѣвались прибираться однѣ покупки, какъ являлись новыя. Всѣ расходы, конечно, дѣлалъ Григорій Ивановичъ и страшно торопилъ свадьбой. Вотъ тутъ-то и появилась у него та счастливая, довольная собою и всѣмъ окружающимъ, улыбка, безъ которой я его не видѣла больше.

Нюта таяла и умилялась подъ лучами его заботливой предусмотрительности, а няня совсѣмъ сбилась съ ногъ и съ толку, хотя дѣла у нея собственно не прибавлялось. Счастливая, не же-

нѣе самой невѣсты, она суежилась, какъ муха около дорожныхъ, бросалась то сюда, то туда и въ то-же время *урывала минутки*, чтобы раскинуть картишки на червоннаго короля. Картишекъ у нея развелось тогда колодь до десяти. Торчали онѣ и изъ-за зеркала, высовывались и изъ-за горшковъ съ цвѣтами, ютились и между покупокъ. Няня ихъ забывала, покупала новыя и дошла до того, наконецъ, что, буда-бы она не притѣнулась, вездѣ были готовы картишки и во всякомъ угольѣ можно было хоть на скорую руку да раскинуть, хоть однимъ глазомъ да взглянуть, какъ червонный король окружается красною мастью, что означаетъ, что онъ и уменъ, и богатъ, и, главное, любятъ Нютушку до смерти.

Стоялъ конецъ августа; дни хотя были и ясны, но уже свѣжи, а вечера становились темнѣе.

Не задолго до свадьбы Нюты, мы сидѣли съ ней на берегу, на грудѣ каменьевъ, въ виду моего жилища. Вечеръ стоялъ довольно темный и свѣжій; синее небо сіяло звѣздами; кругомъ ни души. Окрестные обыватели уже попрятались на мирный покой, только на рѣкѣ жизнь еще поддерживалась: то пароходъ пропыхтитъ, оставляя за собою черную полосу дыма, то покажется медленно движущаяся барка, поскрипывая снастями, то на свѣтлой полосѣ воды вдругъ появится темный силуэтъ лодки и видно, какъ темная фигура взмахиваетъ темными-же веслами. Противоположный берегъ, весь закутанный темнотою, рѣзко выказываетъ очертанія крышъ и верхушекъ молодаго березняка на синемъ, звѣздномъ фонѣ, а въ водѣ, крышами и верхушками внизъ, выблется его двойникъ. Кое-гдѣ на томъ берегу яркими звѣздами мелькаютъ костры. Изъ монастыря, бѣлѣющаго и среди темноты, доносится стройное хоровое пѣніе какого-то гимна, а среди этого пѣнія нѣтъ-нѣтъ, да и послышится съ какой-нибудь изъ причаленныхъ барокъ громко, протяжно: „Гри-и-шу-у-ха!“ да отвѣтный ему съ берега, отъ костра, голосъ: „си-и-ча-а-съ!“ или „сту-у-па-а-й!“

Нюта сидѣла задумавшись, но въ то время, когда голубые глаза медленно переходили съ предмета на предметъ, на губахъ блуждала улыбка, относившаяся, вѣроятно, къ ея внутреннему міру.

— Нюта! Да ты увѣрена ли, что любишь его?

Она повернула ко мнѣ свое бѣлое личико, окруженное чернымъ тюлемъ, какъ облакомъ.

— О, да! Еще-бы! Но знаешь, эта любовь не похожа на *ту*, прежнюю. Это — спокойное чувство, полное глубокаго уваженія, преданности и благодарности. Послушай! (она вся встрепенулась). Онъ противъ женскаго труда вообще и противъ моего въ особеннсти. Это, конечно, ошибочно, но я прощаю ему эту ошибку ради той заботы обо мнѣ, которая видна въ каждомъ его словѣ. Мои объясненія тутъ, конечно, не помогутъ, и я знаю, что работать, какъ теперь, для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, онъ мнѣ не позволить, онъ ужъ это высказалъ, да это будетъ и лишнее, но и сидѣть сложа руки я не буду. У меня явится много дѣла, очень много. Знаешь, я рѣшила! Я заживу съ нимъ одною жизнью и никогда не превращусь въ ту нарядную куколку, какими часто дѣлаются женщины по выходѣ замужъ за людей богатыхъ и въ какую, кажется (она улыбнулась и съ любовью весело погрозила въ сторону), онъ намѣренъ изъ любви ко мнѣ превратить меня. Я это вижу и чувствую! И не спорю, но въ глубинахъ души готовлю ему сюрпризъ. Я докажу, что я достойна его! Да, я рѣшила! Я заживу одною жизнью съ нимъ; войду въ его интересы, изучу, по его указанію, все, что будетъ нужно, чтобы понять его дѣло. Буду его секретаремъ, помощникомъ, — вѣдь тутъ должна быть громадная переписка, — буду его замѣнять вездѣ, гдѣ только это потребуетъ. Мы будемъ вдвоемъ работать вдвойнѣ. Теперь онъ часто жалуется и торопится; ему нужно быть и тутъ, и тамъ въ одно и то-же время. Тогда ему торопиться и изнурять себя будетъ не нужно, потому что тамъ будетъ онъ, тутъ могу быть я. О! тогда онъ будетъ любить меня еще больше!

Все это она говорила одушевленно, рѣшительно и вѣрила, твердо вѣрила въ эту будущность счастливую, полную жизни труда и любви. А монастырское пѣніе утихло и съ ближайшей, барки вдругъ грянуло: „Ай, жги, жги, жги, говори — рывавички барановыя“, да подъ учащенный тактъ гармоники раздался неистовый топотъ трепака.

V.

Ну, дорогая Нюта! Что-же принесло тебѣ это будущее, котораго ты такъ желала, въ которое вѣрила и куда собиралась идти, вооружась всѣмъ благородствомъ души, всею силою характера?

Ничего! Или совсѣмъ не то, чего ты ждала. Онъ обманулъ тебя. Обманулъ, впрочемъ, ради любви къ тебѣ. Онъ не понялъ тебя, не зналъ, что твое золотое сердце не рассчитывало, не продавалось, что выше всего въ немъ ты цѣнила доброту, вниманіе, привязанность и уваженіе къ тебѣ. Онъ не понялъ тебя и обманулъ, и виноватъ, конечно, но не такъ, какъ ты осудила его внутри себя.

Можетъ быть, встрѣча съ двумя-тремя женщинами, до знакомства съ тобою, встрѣча случайная, именно съ куколками, и оставила такое впечатлѣніе или, лучше сказать, подозрѣніе по отношенію ко всѣмъ женщинамъ, такъ тяжело отозвавшееся на тебѣ.

Отчасти виновата и ты. Сначала ужъ слишкомъ идеализировала его, не объясняясь, готовила сюрпризъ, а потомъ, при первомъ разочарованіи, замкнулась въ себѣ.

Еще не понимая причины, я дивилась тому, что Нюта вскорѣ по выходѣ замужъ вдругъ какъ-то осѣла. Лицо поблѣднѣло и похудѣло; въ движеніяхъ явилась вялость; глаза получили выраженіе растерянности, а губы — точно на нихъ вложена была печать молчанія. Тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза мнѣ эта пережѣва съ нею, что мужъ былъ постоянно веселый, довольный, счастливый, добрый, радушный, осыпающій Нюту самымъ теплымъ вниманіемъ *по своему*.

Я — въ ихъ маленькой квартиркѣ, состоящей изъ трехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ и напоминавшихъ нѣсколько прежній раекъ Нюты.

Вотъ онъ, принимающій меня, радушно, какъ родную, не знаетъ, куда посадить, чѣмъ накормить, самъ подаетъ, услуживаетъ, и въ каждой минѣ, въ каждомъ жестѣ свѣтится ласка, доброта и русское гостепріимство, а лицо, при взглядѣ на Нюту,

озаряется счастливѣйшей улыбкой. А вотъ и она, очень обрадованная, но молчаливая, тихая, сосредоточенная внутри себя. Я недоумѣваю, а спросить или поговорить съ ней по-прежнему откровенно, задумчиво не удается. Всякое слово такъ и замираетъ невысказаннымъ. Онъ постоянно тутъ!.. Я молча наблюдаю за нею, стараюсь хоть изъ выраженія лица понять ея внутреннее состояніе. Лицо это то веселое, то вдругъ безъ очевидной причины совершенно измѣняетъ свое выраженіе и глаза подергиваются грустью. Она цѣлые дни молчитъ; а онъ говоритъ. Говоритъ о своемъ богатствѣ и дѣлахъ, переходитъ къ роднымъ и знакомымъ и, наконецъ, къ слову заводитъ рѣчь о домашнемъ хозяйствѣ. Входитъ въ подробное изложеніе цѣнъ на продукты здѣсь и въ провинціи, говоритъ очень много о домашней экономіи и, въ-концѣ-концовъ, начинаетъ распространяться о томъ, какъ вкуснѣе приготовить такое-то блюдо и что да что должно входить въ составъ другаго.

Меня все это нисколько не интересуешь, и я посматриваю на Ньюта, въ ожиданіи, не перебьетъ-ли она его. Но Ньюта, казалось, не замѣчаетъ моихъ взглядовъ, а его совсѣмъ не слушаетъ. Онъ-же безжалостно продолжаетъ свое голосомъ звучнымъ, плавнымъ, съ разстановкою, отчетливо и, главное, авторитетно; такъ что мнѣ незачѣмъ вставлять ни своихъ мнѣній, ни замѣчаній.

— Вотъ попробуйте этого вина, говоритъ онъ мнѣ за обѣдомъ. — Это въ такую-то цѣну и продается только тамъ-то, а у такого-то поддѣльное по такой-то цѣнѣ, а поддѣлываютъ его такъ-то, и пойдетъ, и пойдетъ.

Я молчу и нетерпѣливо слушаю, онъ не замѣчаетъ моего нетерпѣнія и съ блаженнѣйшею улыбкою продолжаетъ:

— Чѣмъ васъ поподчивать послѣ обѣда, чайкомъ или кофейкомъ?

— Позвольте кофе.

Завариваетъ кофе онъ самъ (вообще онъ избавилъ Ньюта отъ всѣхъ домашнихъ хлопотъ и всѣми мелочами занимался самъ, повидимому, даже съ большимъ интересомъ) и поясняетъ при этомъ, что никому такъ кофе не заварить, какъ это дѣлаетъ онъ, что онъ владетъ его всего три ложечки и его кофе бываетъ гораздо крѣпче, чѣмъ у другаго, который владетъ шесть. И потомъ: кофе нужно положить такъ-то, кипяткомъ налить этакъ,

что, впрочемъ, многое зависить и отъ того, какъ кофе сжаренъ, и проч., и проч. Мнѣ, наконецъ, все это до того надоѣдаетъ, что я сама, безъ всякихъ церемоній перебиваю, его и обращаюсь къ Нютѣ, страстно желая хоть какъ-нибудь напасть на слѣдъ нашихъ прежнихъ бесѣдъ съ нею.

— Что ты начала читать „Анну Каренину“?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ она какъ-то грустно, — я ничего не читаю.

— Ну, а газеты ужь вѣрно читаешь? Чѣмъ-то кончится эта война Сербіи съ Турціей!

— Нѣтъ, и газеты не читаю, *его* — она указала головою на мужа — это не интересуется.

— Да что! Не стойтъ! Врутъ всѣ эти газеты! произноситъ онъ презрительно и авторитетно. — Знаете, мнѣ одно лицо говорило...

И пошли безконечные рассказы о разныхъ лицахъ, родныхъ и знакомыхъ его, о томъ, кто гдѣ родился, какіе важные посты они занимають, какъ они богаты и какое значеніе имѣють на занимаемыхъ ими должностяхъ. Я съ тоскою взглядываю на Нюту. Она передергиваетъ плечами. Онъ замѣчаетъ это и видается. „Мамочка милая, ты озябла, что-же ты ничего не скажешь?“ Въ одну минуту большой пуховый платокъ очутился на плечахъ Нюты и мягкая скамеечка подъ ея ногами. Самъ-же онъ становится передъ нею на колѣни и начинаетъ грѣть дыханіемъ ея руки. Она молчитъ и не движется. Ни слова благодарности, ни малѣйшаго протеста. Много такихъ или подобныхъ сценъ проходятъ одна за другою. Я ничего не понимаю, но чувствую какую-то тяжесть и невольно оттягиваю свои посѣщенія на болѣе и болѣе продолжительные сроки.

Чѣмъ дальше, тѣмъ печальнѣе и, если можно такъ выразиться, кислѣе становилась Нюта и точно засыпала подъ вліяніемъ какого-то усыпительно-вреднаго давленія въ воздухѣ. Онъ-же, напротивъ того, оставался по-прежнему счастливымъ. Смотрѣлъ ей въ глаза, подставлялъ скамеечки, носилъ на рукахъ по комнатѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вотъ одинъ разъ, когда я не вошла, а влетѣла къ Нютѣ съ майскимъ номеромъ „Дневника Писателя“ (1876), лаская себя надеждою пробудить, пошевелить

ее извѣстною страницею. Я застала ее одну, но... что это?.. въ слезахъ!..

— Нюта родная! Что съ тобою? что все это значитъ? Полно! Проснись, посмотри, что здѣсь говорится, прочти... вѣдь русская женщина...

Но Нюта отчаянно, горько рыдала. Господи, да что-же это? Я обняла ее бѣдную, слабую, и стала крѣпко цѣловать и ласкать, какъ ребенка.

— Мое положеніе самое ужасное, заговорила она, когда немного успокоилась. — Я привыкла къ самостоятельной жизни, къ свободѣ дѣйствій, а теперь стѣснена на каждомъ шагу... Я люблю оперу—не бываю, потому что онъ не любитъ, а одной?.. Онъ взялъ съ меня слово, что я одна нигдѣ не буду бывать... ревность, недоувѣріе, гадость!.. Мнѣ не доувѣряетъ! Ты знаешь меня, развѣ я не оправдала-бы доувѣрія... Я люблю чтеніе — у меня ни одной книги! Я не знаю, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. Газетъ мы не читаемъ, къ намъ ниѣто ни ногой и мы сами ни шагу!.. Я не могу довольствоваться одними поцѣлуями. Я хочу жизни, дѣла, мысли, а это теперешнее меня убиваетъ!

— Нельзя-ли какъ-нибудь помочь этому?

— Невозможно!.. и новыя слезы.

— Но книги, газеты—можно посылать за ними.

— У меня нѣтъ ни копейки денегъ въ рукахъ...

— Да ты-бы ему высказала, объяснилась!..

— Фи! выпрашивать?.. Никогда! Я не привыкла къ этому... живя съ отцемъ восемнадцатилѣтней дѣвушкою, я имѣла свои собственныя корманныя деньги и къ отцу не обращалась...

— Такъ какъ-же быть?

Я совсѣмъ растерялась. Она махнула рукой и заговорила быстро:

— Я намекала ему на желаніе снова принятъся за работу...

— Ну, и что-же?

— Схватилъ меня на руки, засыпалъ поцѣлуями и сталъ носить по комнатамъ, какъ ребенка, приговаривая добрѣйшимъ тономъ: „и моя бабенка съ придурью...“

Въ эту минуту возвратился Григорій Ивановичъ. Нюта всоочила и выбѣжала въ спальню. „Такъ вотъ оно что! загадка разрѣшена“, подумала я. Онъ возвратился счастливый, но, замѣтивъ

исчезающее платье жены, остановился съ тревожнымъ вопросомъ: „что? что случилось?“

— Ничего, отвѣчала я ему.—Отчего вы не подпишетесь на книги или газету для вашей жены?

— Ахъ, Боже мой! А что-такое?

— Да ничего, просто, она скучаетъ.

— Скучаетъ! Скучаетъ! Нюточка милая, гдѣ ты? Онъ кинулся за нею въ спальню и я услышала звуки десятка поцѣлуевъ.

Затѣмъ Григорій Ивановичъ, надѣвъ шляпу и ни слова не говоря, съ улыбкою, брошенною мнѣ, выбѣжалъ изъ комнаты.

Я повеселѣла и была увѣрена, что черезъ полчаса онъ явится съ газетою и книгами. Нюта, должно-быть, раздѣляла мое мнѣніе, потому что вышла успокоенная и сѣла подлѣ меня съ выраженіемъ ожиданія на лицѣ.

Но каково-же было мое удивленіе, когда черезъ четверть часа онъ возвратился и съ словами: „ну, не скучай, голубушка, развлекись!“ поставилъ передъ женою коробку съ конфектами и разложилъ на столъ, по крайней мѣрѣ, съ десятокъ блестящихъ бездѣлушекъ.

Нюта даже поблѣднѣла и, сославшись на головную боль, вышла.

Я, разумѣется, тотчасъ-же удалилась.

„Плохо дѣло, плохо!“ думалось мнѣ всю дорогу, и что-то невыразимо тяжелое залегло въ сердцѣ...

А время идетъ. Вотъ ужъ и няня сѣдая печально качаетъ головой. О картишкахъ и помину нѣтъ—одна рука безнадежно повисла, другая поддерживаетъ подбородокъ печально опущенной головы; сѣдые брови сдвинулись угрюмо, а по морщинистой щекѣ катится горькая слеза. И слышится мнѣ ея старческій дребезжащій голосъ: „не та теперь Нютушка, совсѣмъ не та, угрюмая да сердитая такая. На всѣхъ кричитъ, всѣхъ бранить, что ни шагъ, все не ладно, все не угодишь! И чего-бы, кажется, ей? Сыта сахарнымъ вускомъ, отъ платьевъ дорогихъ шкафы ломаются, мужъ въ глаза глядитъ! А она нѣтъ... не цѣнить... все сердится да придирается, просто житья нѣтъ никому, а меня, старую, такъ обижаетъ, что перенести нельзя... уходить приходится!..“ Сѣдые рѣсницы смигиваютъ новыя слезы, глаза набожно обращаются къ образу Спасителя, а дрожащая рука мед-

ленно творить крестъ. „Видно, ужъ Божье пощенье на меня, грѣшницу! Уходить приходится! Ухожу! Прощай, родимая, не поминай лихомъ!“ Далѣе... подошла къ дверямъ ихъ квартиры, я читаю надпись: „за болѣзнію такой-то просятъ не звонить“. Я обѣжала кругомъ и вошла черезъ кухню. Онъ меня встрѣтилъ шепотомъ и на цыпочкахъ.

— Что такое?

— Нюта больна, опасно, при смерти, исповѣдывали, приобщали...

— Позвольте войти къ ней.

— Нѣтъ, нельзя! Ей запрещено говорить. Посидите лучше со мною.

— Я только на минуточку! молила я.

— Ну, хорошо, только не давайте ей говорить и не курите тамъ.

Вхожу. Ужасъ! На кровати лежитъ желтый, какъ лимонъ, съ широко раскрытыми глазами, скелетъ. Столбнякъ напалъ на меня, но я пересилила себя, наклонилась и поцѣловала ее молча. Она чуть замѣтно улыбнулась и шевельнула пальцемъ вытянутой руки. Не помню, что я сказала ей, но это были какія-то пустыя слова, безъ всякаго значенія, какъ говорится, ни къ селу ни къ городу, а затѣмъ, чувствуя, что слезы такъ и душатъ меня, поспѣшила выйти.

— Что это съ нею? Скажите ради Бога!

— Разлитіе желчи, страданіе печени... бываютъ страшные пароксизмы... доктора опасаются за жизнь, отвѣтилъ онъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

— Но отчего-же, отчего?

— Ей Богу, не знаю! Должно быть простудилась. У насъ въ квартирѣ изъ-подъ половъ дуетъ. Тогда, къ несчастію, я не замѣтилъ этого, а теперь переимѣнять помѣщеніе нельзя... опасно тревожить...

„Вѣдь это положительный вздоръ“, думалось мнѣ, а между тѣмъ онъ говорилъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, съ глубокою искренностью...

Нѣсколько мѣсяцевъ хворала Нюта и поправлялась медленно. Онъ за нею ухаживалъ, заботливо, внимательно до самоотверженія, забывая о снѣ и пищѣ, ни на волосъ не отступалъ отъ при-

казаній докторовъ, ни на минуту не выходилъ изъ дома. Похудѣлъ, измучился и самъ начиналъ походить на больного.

Наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ, на исхудаломъ, печальномъ лицѣ снова мелькнула счастливая улыбка — Нюта встала съ постели и все такая-же желтая, худенькая и легкая, какъ перышко, начинала ходить по комнатѣ. Только тогда, попросивъ меня одинъ разъ посидѣть съ нею до его возвращенія, онъ рѣшился выйти, чтобы нѣсколько освѣжиться.

Нюта, кажется, этого только и ждала, и вся вострепнулась, когда мы остались однѣ.

— Онъ меня мучаетъ, убиваетъ, заговорила она съ жаромъ. — Ты знаешь, почему я больна? Вслѣдствіе ссоръ, исторій, у насъ тутъ такія сцены бывали! Кромѣ всего того, что я тебѣ уже высказала тогда, помнишь? я вытерпѣла еще большой ужасный ударъ: онъ *обманулъ* меня!.. Можешь себѣ представить... ты знаешь мои намеренія при выходѣ замужъ — работать съ нимъ вмѣстѣ, помогать ему, подъ его руководствомъ... но, сколько я не присматривалась, никакой работы для меня не оказалось, ни одного счета, ни одной бумаги, никакой переписки. А онъ? Но, смотрю, и онъ ничего не дѣлаетъ и никуда не ѣздитъ. Цѣлые дни, или молча ходитъ изъ угла въ уголъ, или ведетъ длинные рассказы о кулинарномъ искусствѣ, или цѣлуется. Вся эта животная жизнь мнѣ надоѣла страшно. Я томила, скучала и ждала. Ничего не могла дожидаться. Со мною о дѣлахъ и занятіяхъ ни полслова. Ни одного купца, ни подрядчика, никакого служащаго по его дѣламъ я не видала и, наконецъ, не вытерпѣла и стала спрашивать... каковъ-же отвѣтъ!.. „Не твое дѣло!“ Какъ-же не мое дѣло, вѣдь я собралась пройти съ тобою всю жизнь? Молчокъ.

Глаза Нюты загорѣлись, желтое, какъ лимонъ, лицо, вспыхнуло. Я пыталась остановить ее, просила перестать вспоминать о томъ, что ее раздражало.

— Нѣтъ! заговорила она снова. Это мнѣ не вредно. Вѣдь нужно-же высказаться! Я облегчусь, подѣлившись съ тобою... Да! такъ что, бишь? (она взялась за лобъ) — Да, мелочные расчеты, придирки къ копейкамъ и полукопейкамъ, затягиваніе уплаты по разнымъ счетамъ, неволью, наконецъ, стали наводить меня на мысль о нашихъ средствахъ. Я задумывалась и объ этомъ. Разсуди сама, вѣдь все это (она повела рукою кругомъ себя) не

обстановка богатыхъ людей, вѣдь все это то-же самое или въ родѣ того, что и у меня бѣдной, одинокой, работавшей дѣвушки было?.. Я начинаю допытываться сути—молчаніе. Я пристаю—молчаніе. Я вышла изъ себя и наговорила что-то очень рѣзкое. Онъ затворился въ кабинетѣ и напился до безчувствія. Со мною сдѣлался нервный припадокъ и напала такая злость, что я-бы, кажется, разогнала весь домъ.

Нюта остановилась, вытерла холодный потъ со лба и тяжело перевела духъ.

— Нюта, голубушка, перестань, тебѣ вредно!

— Да что-же это, вѣдь я не ребенокъ! воскликнула она и раздражилась.— Неужели нѣтъ ни одного человѣка, кому-бы я могла высказаться?..

Я поняла, что такъ хуже, покорно извинилась, объяснила свои добрыя намѣренія и просила продолжать. Она взглянула на меня сначала пытливо и недоувѣрчиво, а потомъ протянула свою худенькую, желтую руку.

— Милая моя, голубушка, ты всегда одинаково добрая, а я... да!.. На другой день онъ всталъ передо мною на колѣни, просилъ прощенія, стучался лбомъ объ стѣну, плакалъ... Я махнула рукою и вотъ тутъ-то начинается самая ужасная пытка. Сегодня—мы чуть не миліонеры, дѣльцы, завтра оказывается, что всѣ начатыя имъ предпріятія лопнули и мы нищіе... И такъ, сегодня—завтра, богачи—нищіе, продолжается очень долго, причемъ страшная неполнота рассказовъ, несогласіе одного факта съ другимъ и сбивчивость. У меня, наконецъ, голова закружилась и я, ничего не понявъ, не придя ни къ какому заключенію, перестала слушать... какъ вдругъ письмо на мое имя, гдѣ меня умоляютъ напомнить мужу объ уплатѣ долга, сдѣланнаго имъ къ свадьбѣ, что срокъ прошелъ и что тамъ не знаютъ, что думать! Наконецъ, въ P. S. рѣзко говорится о томъ, что еслибы они знали о полученной имъ отставкѣ отъ должности *довѣреннаго лица торговаго дома*, то никогда-бы ни повѣрили такой суммы... И такъ, мой мужъ обманщикъ и лжецъ! Не помню, что дальше было—я очнулась въ постелѣ. Онъ ноги цѣлуетъ. „Поди прочь! крикнула я, ты обманулъ меня, ты всѣмъ лжешь, лгунъ“! И можешь себѣ представить? „Прости, говоритъ, Бога-ради, Нютушка, дорогая. Я думалъ, что иначе ты не пойдешь за меня, а это

была-бы смерть моя, потому что я съ первой минуты, съ первого взгляда на тебя, тамъ въ вагонѣ, когда протянулъ тебѣ руку, почувствовалъ, что полюбилъ тебя всею душою“. „Такъ ты думалъ, что, выходя за тебя, я продаю себя? Какая низость!.. Ну, хорошо, положимъ, продалась и вотъ я жена твоя. что-же ты не высказался“? „Тебя-же берегъ и жалѣлъ, чтобы никакое горе не коснулось“... Ха, ха, ха! Нюта нервно расхохоталась и, заслышавъ звоночекъ, послѣшно добавила:—Теперь мы снова богачи, письмо оказывается гнусною клеветою, а то чистосердечное сознание—испытаніемъ моей привязанности.—Нюта снова также расхохоталась, потомъ вдругъ схватилась обѣими руками за голову и, прошептавъ „мысли путаются“, откинулась утомленная на спинку дивана.

— Ну что, не долго-ли я ходилъ? Какъ ты себя чувствуешь, дорогая? съ этими словами Григорій Ивановичъ почти вѣшалъ, потомъ сѣлъ рядомъ съ Нютой, положилъ ея голову къ себѣ на грудь и сталъ тихо покачивать, приговаривая нѣжнѣйшимъ тономъ: „милая моя, цыпочка, больнушка“.

VI.

— Мнѣ велѣли пользоваться хорошимъ воздухомъ, нужно выѣхать куда-нибудь за городъ, на дачу, сказала мнѣ Нюта, черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены.—Я-бы желала поселиться въ вашихъ краяхъ, чтобы быть поближе къ тебѣ, потому мы должны устроиться какъ-нибудь поэкономнѣе, потому что мы опять люди, проживающіе послѣдніа крохи. (Она засмѣялась печально). Онъ, будетъ искать себѣ занятій, а я видѣться съ тобою, да вязать чулки. Не умѣю, выучусь, только и остается! Онъ противъ всякаго другаго женскаго труда; всѣ такіа женщины, по его мнѣнію, нигилистки и чуть-ли еще не женщины, ищущія приключеній, паденія. Исключеніе изъ нихъ составляла я. Ха, ха, ха! Итакъ за чулки!

Я ужасно обрадовалась ея плану быть поближе ко мнѣ и предложила раздѣлить свою квартиру, для одной мене слишкомъ обширную. И вотъ мы здѣсь, у меня, все лѣто. Я радуюсь, видя, какъ она поправляется, оживаетъ, какъ желтизна ея лица быстро исчезаетъ, какъ оно становится свѣжѣе и свѣжѣе и все болѣе и болѣе начинаетъ напоминать преж-

нюю Нюту. Въ первые дни мы почти не разставались, а дни эти были чудесные, ясные, теплые. Можно было съ утра и до вечера сидѣть въ моемъ палисадникѣ, на этотъ годъ, увы, оставшемся совсѣмъ безъ цвѣтовъ. но за то теперь густо разросшемся. Событія послѣдней войны поглощали наше вниманіе, газеты ожидались съ нетерпѣніемъ и поглощались съ жадностью. Много говорили, спорили, горячились, умилялись. Отношенія ея къ мужу сдѣлались нѣжныѣ. Онъ вставалъ рано, приготовлялъ, по обыкновенію, для себя чай, для жены кофе и съ улыбкой встрѣчалъ ея пробужденіе. Она провожала его (ежедневно по дѣламъ уѣзжавшаго въ городъ) вотъ по этому палисаднику, до самаго шоссе и по вечерамъ, заслышавъ приближеніе дилижанса, шла ему на-встрѣчу.

— Мнѣ его жаль, говорила она въ тѣ первые дни. — Онъ измучился со мною во время болѣзни! Вѣдь какъ любить-то! Не всякій мужъ, говоря по совѣсти, такъ хлопоталъ-бы, до изнуренія собственныхъ силъ. И я благодарна ему и люблю его.

Вотъ теперь-то, казалось мнѣ, настало время простить ему чистосердечно его обманъ, выяснить ему, непонимающему до сихъ поръ, тѣ высокіе, благородные порывы, которые руководили Нютой при выходѣ ея замужъ, заявить ему свои требованія и права на ту жизнь, къ которой Нюта привыкла, и, устроивъ ее такъ, какъ она ее понимаетъ по-своему, разбить насильно накинутаю и принятаю по наружности, безъ протеста, оболочку куколки. Я рѣшилась и высказала одинъ разъ свои мысли.

— Нѣтъ! нѣтъ! ни за что! почти вскрикнула она. — Обманъ не прощается! Я могу забыть впослѣдствіи о немъ, если только онъ меня заставитъ забыть объ этомъ, теперь-же при первомъ напомнаніи меня всю передергиваетъ. Вымалывать-же себѣ то, что мнѣ и безъ того по праву должно-бы было принадлежать — не въ моемъ характерѣ. Пусть самъ поработаетъ, пошевелить мозгами и пойметъ мое положеніе, тогда будетъ дѣло другаго рода, а теперь пока... ты умѣешь вязать чулки? Научи меня.

Я замолчала, и разговоръ этотъ такъ болѣе и не возобновлялся. Разговоръ этотъ, впрочемъ, былъ единственною шороховатостью въ тотъ первый мѣсяцъ нашей общей жизни. Нюта скоро забыла о немъ и все пошло по-прежнему. Лихорадочно ожидали подвиговъ въ родѣ Дубасовскаго и Шестаковскаго, строго слѣдили

по картѣ за движеніями нашихъ войскъ, по-прежнему Нюта встрѣчала и провожала мужа, какъ вдругъ одинъ разъ, когда я съ только-что полученною газетою въ рукахъ остановилась у ея двери, еще затворенной, и прокричала весело:

— Нюта, иди скорѣе, корреспонденція Г. есть!

Она вошла блѣдная и, шепнувъ мнѣ на-скоро съ саркастической улыбкой: „Мы снова богачи!“ скрылась.

И вотъ тутъ-то она снова нахмурилась и сжалась. Тутъ-то и начались ихъ таинственныя бесѣды. Не знаю, что между ними происходило, но только часто, очень часто, они стали просиживать вдвоемъ и тихонько бесѣдовать, а всякій разъ послѣ этого и раздражительность Нюты возвращалась. Страшная мелочная раздражительность съ придирками и капризами. Дверь тогда, вотъ эта самая дверь, въ ея комнату шумно захлопывалась и оставалась запертою цѣлыми сутками, и сердечко ея ужъ, конечно, замыкалось и было непроницаемо и холодно. Почти всѣ послѣдніе дни она молчала и на чемъ-то сосредоточивалась, смотря въ то-же время упорно на свое нескончаемое вязанье, какъ будто бы тутъ, въ этомъ чулкѣ, и предстояло разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ. Только наканунѣ отъѣзда пришла и проговорила кратко и ясно, а въ самую минуту разлуки вдругъ всѣ чувства пробудились разомъ, а слезы сказали, что есть много недосказаннаго.

Да, что-то будетъ?

Тяжело и грустно становится отъ возникающихъ сомнѣній! Что-то будетъ?

А дождь, попрежнему, бьетъ въ стекла, вѣтеръ все также воетъ въ трубѣ и гудитъ по крышѣ. На дворѣ темень страшная. Сквозь невставленныя еще зимнія рамы пробивается холодный, сырой воздухъ. Брррр!.. ознобъ и дрожь, не то нервы, не то отъ вліянія сырой погоды. Не приказать-ли затопить печь, зажвняющую мнѣ каминъ, засвѣтить лампу, да, усѣвшись поутиѣе передъ огнемъ, не приняться-ли за латинскую грамматику. (Я готовлюсь къ такому экзамену, гдѣ требуется отчасти и знаніе латинскаго языка). Авось сколько-нибудь успокоятся расхолодившіеся нервы.

Гдѣ-то Нюта теперь? Поѣздъ несется по николаевской дорогѣ. Мѣрно пытитъ паровозъ, мѣрно стучатъ болты, однообразно гу-

дять колеса. И вся эта развѣренность, все однообразіе звуковъ, можетъ быть, ужь давно усыпили, убаюкали изстрадавшееся сердечко и навѣваютъ теперь золотые сны, дополняющіе собою все недостающее ей въ дѣйствительности. Или задумчивые глазки смотрятъ уныло въ темную даль, машинально встрѣчая и провожая мельбающіе фонари?.. А можетъ быть—кто поручится?—какая-нибудь новая встрѣча, неожиданный толчекъ извнѣ. При томъ настроеніи, въ какомъ она уѣхала, все возможно. Невозможно только настоящее. И если ужь *кроткая* *) бунтуется, порывается измѣнить долгу, прикладываетъ дуло револьвера къ виску спящаго мужа и, наконецъ, съ образомъ въ рукахъ, сама выбрасывается изъ окна... то чего-же ждать отъ *не кроткихъ*? А вѣдь ты, Нюта, изъ числа послѣднихъ.

Л. Симонова.

*) „Дневникъ Писателя“, 1879, октябрь.

РУСАЛКА.

Глухая ночь. Давно уже къ покою
Миръ отошелъ. Кругомъ нѣмая тишь.
Плыветъ луна надъ сонною рѣкою,
Чуть шелестить, качаяся, камышь.

Глухая ночь. Прибрежное селенье
Въ глубокомъ снѣ. Чу! колокола звонъ!...
Унылый звонъ раздался въ отдаленьи;
Двѣнадцать разъ ударилъ мѣрно онъ.

Послѣдній бой, протяжно замирая,
Какъ чей-то стонъ, умолкнулъ вдалегѣ.
И снова тишь... Русалка молодая
Плыветъ одна по дремлющей рѣкѣ.

Но то не та игривая плутовка,
Обманщица прохожаго порой;
Она грустна; прелестная головка
Склонилася печально надъ водой.

Она поетъ и жалобные звуки,
Сливаясь съ журчаніемъ рѣки,
Несутся въ даль, полны и слезъ, и муки,
Полны невыразимо-злой тоски.

Она поетъ, скользя по глади водной:
„Не пробудить ничѣмъ его, ничѣмъ!
Онъ все лежитъ, недвижный и холодный;
На мой призывъ жестокий глухъ и нѣмъ!...“

„Въ родномъ селѣ послѣдней нашей встрѣчи
Мнѣ не забыть. Балуюсь и шутя,
Его мольбамъ и задушевной рѣчи
Смѣялась я, какъ глупое дитя.“

„Онъ отошелъ и снова оглянулся,
 Не позову-ль?— все ждалъ, не уходилъ.
 Потомъ побрелъ и больше не вернулся...
 Широкий Двѣцрѣ бѣднягу пріютилъ.

„И съ той поры не знала я покою.
 Все мысль о немъ; она мнѣ душу жгла.
 И мертваго, съ страданьемъ и тоскою,
 Его любить я страстно начала.

„То весь укоръ, то полный сожалѣнья,
 Печальный ликъ являлся всюду мнѣ;
 Какъ совѣсти немолчной угрызенье,
 Онъ былъ со мной и въ думахъ, и во снѣ.

„И этотъ ликъ и блѣдный, и унылый
 Переносить я больше не могла;
 Онъ звалъ меня съ какой-то страшной силой
 Туда, къ себѣ,—и я за нимъ пошла.

„И вотъ съ тѣхъ поръ за грѣхъ неискупимый
 Русалкою я быть осуждена;
 Но здѣсь за то нашла я трупъ любимый,
 Мнѣ сберегла на днѣ его волна.

„Тамъ на пескѣ, подъ шумъ ея свободный,
 На мой призывъ все также глухъ и нѣмъ,
 Онъ крѣпко спитъ, недвижный и холодный;
 Не пробудить ничѣмъ его, ничѣмъ!...

„Напрасно я хочу огнемъ лобзаній
 Его согрѣть въ объятіяхъ моихъ,
 Ни жгучихъ ласкъ, ни плача, ни страданій
 Не слышитъ онъ, не чувствуетъ онъ ихъ!...“

Она поетъ и жалобные звуки,
 Сливаясь съ журчаніемъ рѣки,
 Несутся въ даль, полны и слезъ и муки,
 Полны невыразимо—злой тоски.

М. Р.

БЕРЕГЪ МОРЯ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XV.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ.

Евгенію казалось, что онъ живетъ въ какомъ-то волшебномъ сновидѣніи. Онъ былъ и самъ по себѣ мечтатель, но дѣйствительность обогнала мечты.

Хотя онъ родился въ Крыму, но Крыма не зналъ, потому что съ дѣтства учился въ Петербургѣ и цѣлый длинный рядъ лѣтъ отдыхалъ на ваникулахъ у Головинныхъ, въ ихъ крапивинской деревнѣ.

Крымъ жилъ въ немъ только неяснымъ воспоминаніемъ младенчества, какимъ-то безотчетнымъ, сладкимъ влеченіемъ къ горамъ и морю...

Теперь Евгеній узнавалъ Крымъ и влюблялся въ него со всею горячностью своей натуры.

Фатима казалась ему самымъ подходящимъ воплощеніемъ всѣхъ красотъ Крыма. Въ ней ему видѣлись стройность родныхъ тополей и кипарисовъ, пугливое проворство дикой козы, то безмолвное веселіе и полнота жизни, съ которою обгоняютъ другъ друга волны моря, съ которою вьется вверхъ молодая виноградная лоза, налитая опьяняющимъ сокомъ...

Въ Фатьмѣ была та-же юность жизни, какъ въ немъ самомъ, какъ въ фіалкахъ и крокусахъ, непрерывающихъ расцвѣтатъ даже и зимою на крымскихъ скалахъ...

Рабочая жизнь въ условіяхъ почти первобытной простоты, тихія вечернія занятія, поэтическіе часы прогулокъ и пѣнія,—вся эта новая обстановка его быта только удвоила иллюзію, съ которою онъ глядѣлъ теперь на все вокругъ.

Какая-то библейская высота чувствъ и помысловъ царила въ его душѣ. Онъ всѣмъ вѣрилъ, всѣхъ любилъ. Онъ не понималъ, какія препятствія могутъ существовать между нимъ и Фатьмою.

Развѣ она не сама чистота, не сама правда? Мусульманка-ли, христианка-ли, не все-ли равно? Она человекъ,—и довольно...

Море, горы, солнце—всѣхъ уравнивали здѣсь.

Работать въ виноградникѣ, наслаждаться природою, любить—вотъ все, что здѣсь нужно.

Что Фатьма сумѣетъ любить такъ, какъ никто не умѣетъ, Евгенийъ зналъ это навѣрное. Ея длинныя широко-раскрытыя глазки газели были такъ глубоки; къ нимъ словно тянетъ что-то, какъ къ морской пучинѣ...

Евгения первый разъ коснулось крыло любви... Онъ былъ убѣжденъ теперь, что міръ существуетъ для одной любви, потому что внутри его самого все было полно ею. Матеріальная сторона любви была отъ него за тысячу верстъ. Евгенийъ былъ поэтъ по натурѣ и первыя трепетанія созрѣвшей юношеской силы онъ ощущалъ только какъ восторженное настроеніе, а не какъ опредѣленное влеченіе къ извѣстной цѣли.

Ему казалось посрамленіемъ любви всякая матеріальная мысль. Но за то, когда онъ гулялъ по лѣсу или берегу, онъ видѣлъ грезы на яву. Никакая сказка изъ тысячи одной ночи не рисовала тѣхъ картинъ, которыя стояли въ его воображеніи въ каждой заманчивой чащѣ, въ каждой живописной группѣ камней, омываемыхъ моремъ.

Сердце Евгения было такъ полно, что онъ не могъ скрыватьсь отъ сестры. Рѣдко выдаясь съ Фатьмою, онъ искалъ, по крайней мѣрѣ, наслажденія говорить о ней съ Анною.

Говорить было, въ сущности, нечего, но Анна все-таки дорожила откровенностію брата.

Съ неиспорченною искренностію дѣтства растворялъ онъ передъ

нею настѣжъ двери своего храма, и она могла безмолвно любоваться созерцаніемъ чистаго и жаркаго огня, который горѣлъ въ немъ.

Онъ былъ прекрасенъ самъ по себѣ, и Анну мало заботило, что выйдетъ изъ него...

Теперь она уже не предупреждала Сергѣя и сама совершенно поддалась тому абсолютному настроенію духа, который овладѣлъ Евгеніемъ...

Евгеній долго мечталъ, гдѣ-бы ему увидѣться съ Фатьмою совершенно на свободѣ. Хотя онъ раза три ѣздилъ подъ разными предлогами къ Уланъ-бею, — то провожая сестру, которая тамъ не переставала лечить, то съ порученіемъ отъ Сергѣя, — однако, ему удалось видѣть Фатьму только мелькомъ и то одинъ разъ.

Она шла изъ сада, неся на плечѣ огромную корзину винограда. Увидѣвъ Евгенія, вѣзжающаго въ ворота, она остановилась и улыбнулась ему. Черные глаза ея улыбались еще радостнѣе, чѣмъ губы, и сказали больше, чѣмъ онѣ...

Бѣдный юноша совсѣмъ растерялся, натолкнувшись на свою красавицу такъ неожиданно и въ такомъ открытомъ мѣстѣ. У него было наготовлено въ воображеніи много страстныхъ словъ, русскихъ и татарскихъ, но онъ только съумѣлъ глупо улыбнуться и пробормотать татарское привѣтствіе, котораго она не поняла. Прежде чѣмъ онъ догадался соскочить съ коня, Фатьма уже вѣзжала по лѣстницѣ на верхъ. Ее могли увидѣть съ чужимъ мужчиною, и она спѣшила скрыться. Евгенію показалось, что она сдѣлала ему ласковый знакъ рукою, затворяя за собою дверь...

Наконецъ, Евгенію посчастливилось. Уланъ-бей пріѣхалъ въ свое помѣстье на южный берегъ уцестъ управляющаго, продать виноградный сокъ и табакъ.

Фатьма пріѣхала съ нимъ.

Евгеній узналъ объ этомъ въ самый день пріѣзда.

Татаринъ изъ Алма-Сарай явился въ Адамъ-Чокракъ и передалъ Аннѣ распустившійся цвѣтокъ розы, который прислала ей молодая ханымъ Уланъ-бея. „Нашъ ханымъ“ просила „русскую ханымъ“ навѣстить ее завтра и привезти лекарство...

Евгеній узналъ объ этомъ посольствѣ раньше, чѣмъ Анна.

Анна приказала сказать, что завтра она прїѣхать не можетъ, что прїѣдетъ черезъ день.

А Евгенийъ волновался всю ночь. Ему казалось, что прїѣздъ Фатъмы далеко не случайность; онъ вспоминалъ теперь ея безмолвный, лукаво улыбнувшійся глазъ, выглянувшій на него въ послѣдній разъ изъ за двери. Въ немъ было столько призыва, столько обѣщаній, какъ казалось Евгению...

Зачѣмъ-бы прїѣхала Фатъма, еслибы она не желала видѣть его?

Страстное безпокойство Евгениа только во время ночной безсонницы держало его въ самоувѣренномъ настроеніи. Онъ готовился на самыя рѣшительныя поступки, едва не на открытую осаду дома Уланъ-бея.

Ночью, въ воображеніи, все казалось такъ просто, возможно, необходимо. Но когда Евгенийъ всталъ, утомленный своими горячими мечтами, невыспавшійся и недовольный, онъ уже не чувствовалъ болѣе прежней душевной энергіи. Какъ-будто вся храбрость и настойчивость его истратилась на грезы, и для дѣйствительности не оставалось уже ничего. Напротивъ того, онъ ощущалъ теперь глубокое малодушіе и не могъ понять, какииъ образомъ онъ допускалъ возможность такихъ несбыточныхъ надеждъ.

Фатъма почти вовсе не знаетъ его, она его едва видѣла въ глаза; Фатъма — невѣста богатаго мурзакъ и, вѣроятно, любитъ его, иначе зачѣмъ-бы она, дочь богатаго человѣка, выходила замужъ за нелюбимаго жениха?

Да, наконецъ, она татарка, презираетъ христіанъ, ея родные никогда и не подумаютъ о такомъ безумномъ бракѣ. И ей-то что за охота разрывать связь со всѣми своими, со всѣми прошлыми и будущими, изъ-за перваго попавшагося русскаго мальчишки.

Припадокъ малодушія сдѣлалъ Евгениа настолько благоразумнымъ, что онъ даже подумалъ о собственной жизни съ нею. Въ сущности, что будетъ дѣлать онъ съ нею? Она не пойметъ его, онъ не будетъ раздѣлять ея вкусовъ. Они сдѣлаютъ другъ друга несчастными. Сергѣй, конечно, будетъ противъ этого брака, да и сестра, хотя и жалѣетъ его по своей женской добротѣ, а все-таки не оправдываетъ. Придется и съ ними разойтись...

Къ обѣду Евгенийъ окончательно унылъ. Какъ нарочно, Анна цѣлый день была въ отъѣздѣ по своимъ больнымъ, а Сергѣй

былъ до вечера на далекомъ горномъ чаирѣ провѣдать своихъ коровъ, которыя паслись тамъ однѣ.

Евгеній весь день не работалъ. Онъ просидѣлъ на береговой скалѣ, обдумывая свое положеніе, укорая себя за глупыя увлеченія и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ разбирая самъ предъ собою житейскіе взгляды зятя и сестры.

Мірѣ кругомъ его былъ полонъ такой тупости и такихъ бессмыслицъ...

Но раздумывая и ругаясь, Евгеній инстинктивно поворачивалъ голову къ уходящимъ изгибамъ берега налѣво отъ него, искалъ тамъ чего-то, ждалъ оттуда чего-то. Это бессознательное, но непрерывное ожиданіе утомляло и раздражало его еще больше...

Возвратясь домой, онъ хотѣлъ что-нибудь съѣсть, но ѣсть не могъ и бросилъ. Евгеній прилегъ со скуки на диванъ, взялъ книгу и, не прочтя одной страницы, заснулъ мертвецкииъ сномъ. Онъ проснулся уже съ закатомъ солнца; ни Сергѣй, ни Анна не возвращались. Сѣрое небо, грозившее дождемъ, расчистилось и догорало въ холодноватыхъ лучахъ вечерней зари.

Евгеній вдругъ почувствовалъ необыкновенную физическую бодрость. Онъ словно раздѣлся во снѣ съ упадкомъ своего духа, со всею недавнею вялостью. Порывисто вскочилъ онъ на ноги и, не отдавая себѣ хорошенько отчета, въ приливъ какой-то внутренней веселости, схвативъ свою тисовую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, обычнаго спутника его походовъ, побѣжалъ по лѣсной окраинѣ берега туда, куда такъ неотвратимо глядѣли утромъ его огорченные глаза.

Онъ положительно ничего не задумывалъ и бѣжалъ зря, улыбаясь внутри себя радостною улыбкою.

Онъ зналъ одно, что бѣжить въ Алма-Сарай. Что будетъ онъ дѣлать тамъ и возможно-ли ему тамъ увидѣть Фатъму — онъ не размышлялъ.

Все существо его тяготѣло къ Фатъмѣ, и онъ бѣжалъ къ ней. Дальше загадывать было нечего. Мечта, съ ея подробностями и длиннотами, всегда бессильна. Живой порывъ коротокъ и могучъ; онъ двигаетъ сразу.

До Алма-Сарая было пять верстъ северной горной дороги по осыпямъ скалъ, сквозь дикія чащи. Но Евгеній прошелъ ихъ незамѣтно.

Солнце уже совсѣмъ сѣло, когда въ пазухѣ двухъ горъ, придвинутыхъ къ морю, на склонѣ короткаго ущелья, закрасѣлись предъ нимъ черепицы Алма-Сарая... Густые ряды кипарисовъ загораживали кругомъ всё его постройку...

Это было старинное греческое помѣстье; обиліе фруктовыхъ и разныхъ другихъ дорогихъ деревьевъ оставалось въ немъ и при татарскомъ хозяйствѣ.

Вусты розъ, самшита, гранатника до сихъ поръ обозначали подъ окнами женскихъ комнатъ мѣсто прежняго цвѣтника.

Единственное прибавленіе, которое сдѣлалъ татаринъ, состояло въ каменной стѣнѣ, которою онъ заботливо обнесъ всю маленькую усадьбу Алма-Сарая...

Для Евгенія, внезапно очутившагося передъ этою стѣною, она теперь показалась самымъ неумѣстнымъ изобрѣтеніемъ глупаго мурзака.

Стѣна была довольно высока сама по себѣ, но такъ-какъ она была сложена безъ цемента, изъ дикаго камня, то влѣзть на нее не составляло-бы трудной задачи, еслибы осторожный мурзакъ не наложилъ на нее сверху цѣлаго бруствера изъ колючаго держи-дерева, ловко прихваченнаго въ разныхъ мѣстахъ.

Это препятствіе останавливало всякую попытку...

Евгеній зналъ по опыту, что держи-дерево заслуживаетъ своего названія.

Да, кромѣ того, было еще такъ свѣтло.

Евгеній недолго стоялъ въ раздумьи. Онъ измѣрилъ досаднымъ взглядомъ высоту стѣны и пошелъ, прячась за деревья, въ обходъ стѣны къ единственнымъ воротамъ двора, выходившимъ на море.

Широкія ворота были открыты настежь безъ малѣйшей предосторожности, и вся внутренность усадьбы была видна Евгенію изъ его засады, какъ на ладони.

Чей-то осѣдланый конь, сытый и красивый, спокойно стоялъ у фонтана въ глубинѣ двора... Людей не было видно, ничего голосу не слышать...

Евгенію очень хотѣлось заглянуть въ ворота. Черезъ стѣну ему были видны густыя группы деревьевъ, и если на дворѣ, дѣйствительно, нѣтъ никого, то можно-бы было отлично спрятаться въ деревьяхъ и, пожалуй, пробраться незамѣтно къ окнамъ домика...

Но лошадь смущала Евгенія.

Кто-то, должно быть, уѣзжаетъ сейчасъ; вдругъ выйдетъ!.. Лучше подождать; можетъ быть, на его счастье это уѣзжаетъ самъ мурзакъ. Безъ него работники не будутъ очень заботиться о воротахъ и, навѣрное, забьются куда-нибудь на отдыхъ.

Храбрость Евгенія не остывала; онъ теперь почти не думалъ о Фатъмѣ и былъ возбужденъ однимъ желаніемъ настоять на своемъ и, вопреки всему, пробраться туда, куда ему хотѣлось... Но онъ чувствовалъ, что надо было дѣлать дѣло на горячихъ порахъ, что долгое ожиданіе и уединенное раздумье непремѣнно подорвутъ его энергію.

Вдругъ подковы лошади ходко и звонко застучали по камнямъ двора... Чья-то высокая, сутуловатая фигура лѣниво выѣзжала изъ воротъ.

Евгеній не могъ узнать, кто былъ всадникъ. Онъ заслонялъ собою потухавшую зарю и потому казался совсѣмъ чернымъ.

По осанкѣ и росту Евгеній былъ убѣжденъ, что это выѣзжалъ самъ Уланъ-бей; хотя онъ видѣлъ его всего раза три и то не на конѣ, однако сердце подсказывало Евгенію, что это непремѣнно долженъ быть суровый повелитель его Фатьмы.

Судьба всегда стоитъ за счастье и за любовь, искренно вѣрилось въ эту минуту Евгенію. Не можетъ быть, чтобы онъ прибѣжалъ сюда даромъ, чтобы онъ не увидѣлъ Фатьмы, не заговорилъ съ нею...

У Евгенія захватывало духъ отъ радостнаго волненія, когда онъ, спрятанный въ кустъ кизильника, слѣдилъ пристальнымъ взглядомъ за тихо удалявшимся всадникомъ.

Онъ спускался все подъ гору, ровно, споро, легонько покачиваясь на сѣдлѣ.

Вотъ уже лошади совсѣмъ не видно подъ горою, видна только спина и голова татарина.

Да, теперь ясно, что это Уланъ-бей: его черная, сверху расширенная шапка, его угловатя плечи... Они рѣзко выдѣлились теперь на поблѣвшемъ фонѣ моря, при послѣднемъ поворотѣ тропы. Вотъ и голова исчезла, чуть только слышно звяканье подковъ...

Все тихо... Сова еще не кричатъ, другія птицы усѣлись на ночлегъ... Даже море не шелеститъ голами... И на дворѣ без-

молвіе, а ворота все открыты настежь. Потемнѣло сразу, въ двухъ шагахъ трудно видѣть. Евгений подошелъ къ воротамъ, быстро осмотрѣлся кругомъ и еще быстрее скользнулъ направо вдоль стѣны въ густую чашу фиговъ, катальпъ и шелковицъ, наполнявшихъ весь этотъ уголъ двора...

Евгений ждалъ долго, пока засвѣтились огни и наступила настоящая ночь.

Въ сердцѣ его было необыкновенное волненіе. Тамъ было много страха, гораздо больше, чѣмъ признавался себѣ Евгений; но порывы молодечества, дерзкій вызовъ на бой всего ему враждебнаго все-таки заглушали пока внушенія страха, сознание своего неловкаго и опаснаго положенія. Евгений нарочно старался не думать ни о чемъ подобномъ и усилненно останавливалъ свои мысли на ожиданіи свиданія съ Фатьмой. Оно дразнило его и заслоняло все другое; нервная дрожь этого ожиданія держала его въ какомъ-то пьяномъ чаду, при которомъ голосъ благоразумія не могъ быть слышанъ и только сказывался инстинктивными замираніями страха.

Теперь Евгений былъ подъ самыми окнами низенькаго дома. Въ окнѣ не было стекла по обычаю южнаго берега, а внутренняя ставенька была еще отодвинута, такъ что прохладный воздухъ ночи освѣжалъ комнату.

Фатьма съ какою-то женщиной долго и быстро говорили въ комнатѣ по-татарски, но Евгений не могъ видѣть Фатьмы, не рискуя попасть подъ свѣтлый косякъ лучей, падавшихъ изъ освѣщеннаго окна.

Наконецъ, голосъ затихъ и нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Вдругъ Евгению показалось, что окно потемнѣло... Онъ со страхомъ выглянулъ изъ-за дерева. Въ окнѣ стояла Фатьма, темная до черноты отъ свѣта, который она загородила.

Не узнать ея было, однако, невозможно.

Фатьма глядѣла въ садъ, чуть слышно напѣвая пѣсню и разсѣянно хлестая по краю окна зеленою вѣточкой.

Евгений не ждалъ больше. Все, что обдумывалъ онъ въ часы своего ожиданія, онъ забылъ мгновенно, словно память его внезапно провалилась сквозь землю. Какъ-то бессознательно онъ мгновенно очутился подъ окномъ.

— Фатъма! не бойтесь... это я... прошепталъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Фатъма не шевельнулась и расхохоталась.

— Кто это? спросила она громко, повидимому, не разслушавъ его шепота и принимая Евгенія за кого-нибудь изъ своихъ домашнихъ.

— Тихе, ради Бога... это я, Фатъма, братъ русской ханымъ... не погубите меня!.. еще болѣе умоляющимъ тономъ прошепталъ Евгеній.

Фатъма перегнулась въ садъ, чтобы рассмотреть говорившаго, и вдругъ, узнавъ его, опять расхохоталась громче прежняго.

— Это ты, барунчукъ?.. Ты отъ ханымъ?.. Чего здѣсь подъ окномъ? Чего не пошелъ въ конякъ?.. спрашивала она въ простодушномъ изумленіи.

— Фатъма... я къ вамъ... увидѣть васъ... я не могу жить безъ васъ... растерянно шепталъ Евгеній, въ припадкѣ отчаянной смѣлости схвативъ обѣ руки ея.—Вы—красавица... Вы—магометова гурія... я люблю васъ больше своей жизни... Я только и думаю о васъ...

Онъ, какъ сумасшедшій, цѣловалъ ея маленькія дѣтскія ручки.

— Ахъ, не надо... пусти... легко выбивалась Фатъма, вдругъ словно понявшая, въ чемъ дѣло, измѣнившимся тихимъ и серьезнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, вы должны меня полюбить... Васъ никто не будетъ любить такъ, какъ я, Фатъма... продолжалъ, между тѣмъ, Евгеній, въ промежутки своихъ страстныхъ поцѣлуевъ, отъ которыхъ онъ окончательно потерялъ голову.

— Глушій, глушій барунчукъ... не надо, пусти... съ ласковымъ укоромъ говорила Фатъма, нисколько не сердившаяся на поцѣлуи юноши... Чего пришелъ?.. Къ татаръ нельзя пришелъ... Татаръ убьетъ... Ходи прочь... Онай услышать...

— Пусть меня убьютъ! горячился Евгеній, уже успѣвшій охватить рукою гибкій станъ Фатъмы и касавшійся своими губами до ея шеи.—Я не отдамъ тебя, Фатъма... я унесу тебя съ собою... я не могу безъ тебя жить...

Фатъма сама ласково цѣловала теперь юношу...

— Красавчикъ барунчукъ, гузель... тихо говорила она ему,

съ нѣжностью глядя его волосы и щеки. — Хорошій, молоденькій барунчукъ...

— Выйди ко мнѣ въ садъ, Фатъма... выйди ради Бога... или я умру подъ твоимъ окномъ! съ искреннимъ отчаяніемъ умолялъ Евгений. — Если ты тоже любишь меня, ты должна выйдти ко мнѣ.

— Ахъ, надо прочь ходить, онай услышитъ, тревожно сказала Фатъма. — Татаръ убьетъ мой джанымъ, мой барунчукъ... и Фатъма убьетъ. Гайда прочь.

— Ты придешь въ нашъ домъ, Фатъма, и будешь моей женою, горячился еще больше Евгений;—мы будемъ жить съ Анна-ханымъ, съ Сергѣй-ага. Я буду такъ любить тебя, Фатъма, какъ ни кто изъ людей не можетъ любить.

— Милый, милый барунчукъ, джанымъ, шептала, цѣлуя его, Фатъма.—Фатъма нельзя къ барунчукъ, къ Анна-ханымъ; у Фатъма—Магометъ, у барунчукъ—Иса... У русъ нельзя татаръ, татаръ нельзя у русъ. Надо прочь ходить. Прощай, проводи тебя Аллахъ.

Но она не вырывалась у Евгения и продолжала нѣжно цѣловать его.

— Фатъма! можно войти къ тебѣ? спросилъ вдругъ Евгений, чуть слышнымъ, оборвавшимся голосомъ.

Фатъма не отвѣчала и молча что-то думала.

— Я войду, еще тише прошептала Евгений и рѣшительно пошелъ къ низенькой дверочкѣ, которую онъ еще прежде оглядѣлъ на другой сторонѣ дома.

— Ахъ, уходи прочь... нельзя... ты умъ потерялъ! вдругъ съ ужасомъ опомнилась Фатъма, останавливая по-татарски уходившаго юношу.

Но уже онъ ничего не слышалъ и ничего не понималъ.

Съ замершимъ сердцемъ, стиснувъ отъ волненія свои бѣлые, ровные зубы и слегка раскрывъ разгорѣвшіеся отъ поцѣлуевъ губы, ждала Фатъма, что будетъ, какъ-бы призованная къ окну.

Вдругъ страшный лай цѣпнаго пса ударилъ ее какъ ножомъ по сердцу.

Цѣлый хоръ разсвирѣпѣвшихъ собачьихъ голосовъ послышался вслѣдъ за этимъ.

Фатъма слышала, куда метнулась вся эта стая овчарокъ, ко-

торыхъ татары спускаютъ на ночь и изъ которыхъ каждая въ одиночку беретъ горнаго волка.

Какъ окаменѣлая, стояла она у окна и все слухала.

Она слышала торопливый шумъ шаговъ, слышала трескъ сучьевъ въ кустарникахъ сада. Лай псовъ разливался все неистовѣе и все у одного мѣста.

Пронзительный свистъ раздался отъ порога конака, и грубый басъ Уланъ-бея сталъ тревожно атувать на собакъ.

— Буди скорѣе работниковъ, Алимъ, и зажигай фонарь, явственно по-татарски сказалъ черезъ минуту тотъ-же голосъ.

Тяжелые и поспѣшные шаги хозяина направились прямо къ чащѣ сада, гдѣ лай собакъ обратился въ отчаянный вой.

Евгеній съ растерзанною ногою, крови которой онъ пока не чувствовалъ, съ избытими кулаками, которыми онъ отмахивался отъ собакъ, потерявъ въ торопяхъ свою дубинку, сидѣлъ, едва дыша отъ волненія, на сукѣ шелковицы, куда, къ счастью своему, онъ успѣлъ вскарабкаться, преслѣдуемый разъяренными псами, которые теперь, какъ рой пчелъ, обдѣлили стволъ дерева.

Онъ понималъ, что теперь онъ открытъ, что все пропало, что позоръ ждетъ не только его, но и его Фатьму. И позоръ къ тому же напрасный.

Бѣжать было не куда. Онъ уже давно, прежде чѣмъ подошелъ къ окну Фатьмы, слышалъ, какъ двое татаръ запирали ворота на запоръ и на замокъ. Тогда еще эти звуки больно кольнули его въ сердце, но онъ не позволилъ себѣ останавливаться на малодушныхъ мысляхъ.

Теперь это шелканье проклятаго ключа вспомнилось ему какъ смертный приговоръ.

Онъ раньше всѣхъ услышалъ и увидѣлъ Уланъ-бея на порогѣ конака. Глаза его приглядѣлись къ темнотѣ, и когда Уланъ-бей бросился въ садъ, Евгеній ясно замѣтилъ мерцанье ружейнаго ствола въ его рукахъ. Внизу бѣшенныя звѣри—спуститься невозможно, да и куда дѣнешься, если спустишься?

Сейчасъ принесутъ фонарь и освѣтятъ его жалкую, воровскую фигуру, изорванную, полумертвую отъ страха. Нѣтъ, лучше самому пропасть, чѣмъ отдаться имъ на поруганіе. Если его не найдутъ, Фатьма спасена. Если найдутъ, она пропала. Уланъ-бей пойметъ, конечно, что онъ здѣсь не для воровства.

Евгеній рѣшился на отчаянное средство. Все равно пропадать.

— Кто тутъ? вдругъ раздался голосъ по-татарски у подножія шелковицы.— Слѣзай сейчасъ, а то застрѣлю, какъ гадину.

Уланъ-бей, смутно разглядѣвъ на сучьяхъ темную фигуру Евгенія, наводилъ ружье, не дождавшись фонаря.

Евгенію больше нельзя было ждать. Деревья въ саду стояли очень часто,—онъ замѣтилъ это еще съ вечера.

Какъ пойманный звѣрь изъ капкана, прыгнулъ онъ, сломя—голову, на сосѣднее дерево и упалъ на его толстыя вѣтки, съ шумомъ обламывая сучья.

Въ то-же мгновеніе сонный воздухъ ночи вздрогнулъ отъ выстрѣла. Красный зловѣщій огонь освѣтилъ, словно вспышка молніи, черныя рогатныя деревья и барахтающуюся въ сучьяхъ фигуру человѣка. Но разглядѣть его было невозможно. Упалъ-ли онъ раненный или запутался въ вѣткахъ—тоже нельзя было угадать.

Уланъ-бей и не затруднялъ себя отгадываніемъ. У него былъ заряженъ второй стволъ и онъ, не видя теперь ничего въ темнотѣ, ставшей еще гуще послѣ зарѣва выстрѣла, по памяти ударилъ въ то мѣсто, гдѣ видѣлъ барахтавшуюся фигуру. Къ счастью. Евгеній не дождалъ долго. Окрыленный опасностію, онъ прыгалъ смѣло и увѣренно съ одного дерева на другое, самъ не зная, куда упадетъ онъ—на землю или на вѣтки. Онъ хватался цѣпкими руками за все, что попадалось, не оберегая лица, не боясь промаха, подстрѣаемый одной надеждой уйти отъ гибели и спасти свою Фатьму.

Когда раздался второй выстрѣлъ, Евгеній былъ уже на сосѣднемъ деревѣ; однако, вѣтка, на которой онъ только-что сидѣлъ, затрещала и наклонилась; глазъ Уланъ-бея рѣдко промахивался, даже и по памяти.

Съ шумомъ скатился Евгеній съ крайняго дерева на гребень стѣны.

Колючки держи-дерева едва успѣли вцѣпиться въ его нижнее платье, какъ уже онъ однимъ отчаяннымъ прыжкомъ былъ за оградой. Онъ не удержался на ногахъ и упалъ съ размаха на руки, потомъ больно ткнулся носомъ въ землю и перекинулся черезъ себя. Но онъ мгновенно вскочилъ опять на ноги и, не обращая вниманія на боль, что есть духу бросился въ лѣсъ.

Въ эту самую минуту Алимъ поспѣшно отворялъ ворота и трое татаръ, кто съ ружьемъ, кто съ дубиной, освѣщая фонаремъ вокругъ себя, выбѣжали изъ усадьбы Уланъ-бей.

Они разсыпались вокругъ стѣны, отыскивая упавшаго бѣглеца. Самъ Уланъ-бей не поспѣлъ за ними. Въ безмолвномъ бѣшенствѣ воротился онъ въ конакъ и спѣшилъ зарядить свою двустволку. А Фатьма все стояла у окна. Два раза чувствовала она смерть въ своемъ сердцѣ. Каждый выстрѣлъ отца направлялся словно въ нее самое. Но она была горная татарка, и ея ухо не ошибалось. Она слышала послѣ каждаго выстрѣла трескъ вѣтвей и тяжелые прыжки по деревьямъ. Она знала, что ея барунчукъ миновалъ пули. Вотъ онъ ударился о землю, больно, тяжело ударился. Также больно ударилось у ней въ сердцѣ. Теперь онъ пропасть, его схватятъ. Алимка уже отперъ ворота. Но шаги опять раздались, легкіе, быстрые. Онъ уйдетъ, ея гузель-барунчукъ, миленькій, молоденькій барунчукъ, сладкоголосый, какъ бьюль-бьюль. Онъ пришелъ для нея и погибъ-бы ради нея... Защити его Аллахъ, освѣни его Магометъ покровами ночи! Ослѣпи глаза преслѣдующихъ его!

— Отецъ! что это такое? Кто тутъ и въ кого стрѣляютъ? выбѣжала она съ внутреннимъ радостнымъ смѣхомъ къ проходившему мимо отцу, уже зарядившему ружье.

— Ступай домой! запри двери, глупая дѣвчонка, мрачно огрызся на нее Уланъ-бей, широкими шагами догоняя своихъ челядинцевъ.

XVI.

Первое горе.

Стыдно и тяжело было Евгению проснуться утромъ.

Всѣ члены его болѣли жестоко, ногу что-то рвало и грызло. Засохшая грязь и потъ раздражали тѣло, привыкшее къ чистотѣ и свѣжести.

Онъ не видалъ еще ни Анны, ни Сергѣя... Его встрѣтилъ ночью одинъ полусонный Бякиръ и безъ вниманія, въ темнотѣ, пропустилъ въ комнату.

О, какъ въ ту минуту радостно забилося сердце Евгения!..

Уланъ-бей не дешево заставилъ его расплатиться за бѣгство. Цѣлыхъ три часа Евгенийъ замиралъ отъ страха, укрываясь въ лѣсу отъ неутомимой татарской погони. Татарскій глазъ, зоркій, какъ у степной птицы, татарское ухо, чуткое, какъ у лѣснаго звѣря, ухватывались за самые ничтожныя признаки, чтобы сейчасъ-же напасть на его слѣдъ и выпугнуть изъ убѣжища, которое онъ считалъ вполне безопаснымъ.

Въ напуганной, до горячки взволнованной, головѣ Евгенія, утомленнаго бѣгомъ, среди незнакомой темноты лѣса, эти рѣзко и рѣдко перебликавшіеся голоса его преслѣдователей приняли фантастическія формы. Они уже не представлялись ему обыкновенными людьми, знакомыми ему татарами изъ сосѣднаго Алма-Сарая, а страшными и жестокими существами тѣхъ дѣтскихъ сказокъ, которыя онъ когда то читалъ, въ которыхъ людодѣды въ семимильныхъ сапогахъ охотятся за бѣдными одинокими крошками...

Евгеній не могъ дать себѣ отчета, спалъ-ли онъ на бѣгу, бредилъ-ли на яву? Такъ не похожа на все прожитое имъ была эта проклятая черная ночь въ лѣсу, гдѣ онъ прятался, какъ заяцъ отъ гончихъ, гдѣ за плечами его то-и-дѣло раздавались зловѣщіе татарскіе сигналы и роковой топотъ подкованныхъ ногъ!

Какъ ни растерянъ былъ Евгенийъ, а смутно онъ понималъ, что ему невозможно бѣжать къ Адамъ Чокраку, чтобы не навести подозрѣнія на себя. Это еще болѣе сбивало его съ толку. Куда же бѣжать, гдѣ укрыться?

Первое время онъ все поровилъ забирать въ гору, помня, что тамъ много камней, среди которыхъ ничего днемъ не увидишь, и боясь берега моря, гдѣ лѣсъ былъ рѣже.

Но, должно быть, и татары не хуже его знали мѣстность, потому что Алимка все время отбивалъ его отъ горъ, травя его своимъ крикомъ и свистомъ, словно онъ видѣлъ Евгенія или угадывалъ его планы. Къ тому-же, бѣжать такъ долго въ гору Евгенію было не подъ силу, да и мѣста тамъ онъ зналъ хуже, чѣмъ тропинки берега.

Когда татары уже совсѣмъ затукали его, и онъ, потерявъ голову, выбившись изъ силъ, упалъ подъ густой кустъ, вдругъ кто-то словно подсказалъ ему, что сейчасъ вблизи родникъ Ба-

ишъ-буруна. Это подсказалъ ропотъ влоча, слышный даже изъ лѣсу.

Евгеній вскочилъ, какъ ужаленный.... Это было его спасеніе. Камни Камышъ-буруна цѣлымъ хаосомъ громоздились на берегъ, ниспадая, какъ водопадъ, отъ макушки Кастели далеко въ воды моря... Кто тамъ найдетъ?

Ключъ журчалъ и барабанилъ въ свою природную каменную урну такъ звонко и дружно, что не только дыханіе человѣка, но и тихій разговоръ не былъ-бы слышенъ другому...

Евгеній жадно припалъ къ струѣ родника, напился всласть и забился въ сѣрые камни, густо поросшіе ежевикой. Тамъ просидѣлъ онъ до тѣхъ поръ, пока утикли въ лѣсу звуки погони.

Уланъ-бей, державшійся береговой тропинки, два раза прошелъ мимо него, разъ туда и разъ назадъ.

Въ первый разъ онъ даже сошелъ внизъ къ влочу, внимательно осмотрѣлъ его и походилъ по камнямъ, заглядывая въ трещины. Привладъ ружья, на который онъ опирался, глухо звенѣлъ по обломкамъ тростника.

Евгеній ясно видѣлъ его высокую, сутуловатую фигуру, въ раздумьи остановившуюся противъ него. Хотя струя звенѣла очень громко, но Евгеній слышалъ, какъ сердце его перестало биться.

Но Уланъ-бей, очевидно, понялъ невозможность найти кого-нибудь ночью въ этомъ хаосѣ камней. Онъ медленно перешелъ поперекъ ихъ и еще медленнѣе сталъ подниматься въ гору.

Мертвымъ своимъ заснулъ Евгеній среди камней Камышъ-буруна. Но когда прошелъ первый сонъ, боли тѣла разбудили его.

Онъ пришелъ въ себя, и тяжелый гавъ навалился ему на сердце.

Ему стыдно было сестры и брата, стыдно своего глупаго ночнаго шатанья, которое могло кончиться такъ серьезно. Но еще стыднѣе было вспомнить Фатьму. Что теперь съ нею? Чему подвергъ онъ ее? Онъ знаетъ хорошо нравы татаръ и характеръ Уланъ-бея.

Разбѣжаться вдругъ, какъ дураку, ночью изъ темнаго сада, въ чужой дворъ, къ дѣвушкѣ почти незнакомой, и начать цѣловать ее!.. Что можетъ быть пошлѣе, грубѣе, эгонистичнѣе!..

Потомъ эти собаки... эта безумная попытка войти въ чужой домъ... лазанье, прыганье, травля... Онъ весь изорванъ и изломанъ... Срамъ на божій свѣтъ взглянуть...

Однако, когда Анна пришла къ брату, полная безпокойства, и увидѣла его въ такомъ жалкомъ видѣ, настроеніе Евгенія совсѣмъ перемѣнилось. Ему вдругъ стало такъ тепло и уютно подъ ласковымъ уходомъ сестры, и сестра показалась такимъ сострадательнымъ ангеломъ, что онъ разразился неожиданнымъ рыданіемъ.

Анна тоже разстрогалась. Евгенийъ, всхлипывая отъ счастья и благодарности, цѣлуя и обнимая ее, рассказывалъ ей урывками свои похождения.

Аннѣ очень хотѣлось смѣяться, выслушивая комическую одисею влюбленнаго ребенка.

Но Евгенийъ смотрѣлъ на свое несчастіе такъ серьезно и былъ опять въ такомъ восторженномъ состояніи духа, что смѣяться было невозможно, не оскорбляя его жестоко.

Исповѣдь передъ сестрою и ласка сестры сразу воскресили Евгенія. Онъ выплакалъ въ энергическомъ рыданіи все вчерашнее горе и рѣшился быть прежнимъ молодцомъ.

Холодные компрессы довольно скоро облегчили его ногу, изорванную собакой, и, пересиливая боль, онъ не хотѣлъ болѣе обращать на нее вниманія.

Вмѣстѣ съ Анною вышелъ онъ на раскопки, гдѣ уже давно возился Сергѣй.

Евгеній остановился, смущенный, не вѣря своимъ глазамъ.

На-встрѣчу ему шла Фатъма съ своими змѣйными косами, въ своемъ сверкающемъ, какъ чешуя, пестромъ бешметикѣ, смѣющаяся и гибкая.

Она опиралась на тисовую палку Евгенія. Подавляя свое смущеніе, Евгенийъ подошелъ къ ней, опередивъ Анну.

— Фатъма, вы здѣсь?.. Вы не боитесь?.. спросилъ онъ неувѣренно, подавая ей руку.

— Здравствуй, здравствуй, миленькій барунчукъ... отвѣтила ему Фатъма, издали еще ласково улыбаясь ему. — Фатъма не боится... Фатъма пришелъ... Здравствуй, миленькая ханымъ...

Она вѣжливо трясла руку Евгенія и звонко поцѣловала Анну.

— На, бери!.. говорила Фатъма, вручая Евгению его палку. — Бабанъ не видалъ... Бабанъ думалъ, татаръ пришелъ, воръ пришелъ... Бабанъ гайда Аби-Була... Фатъма пришелъ ханымъ.

— Какъ ты хорошо сдѣлала, Фатъма, что пришла... ра-

достно встрепенулся Евгеній, видя, что Фатьма нисколько не сердится на него. — Ты не бойся сестры, она все знаетъ, я все говорю ей... Значить, ты любишь меня, если сюда пришла?.. прибавилъ онъ стихшимъ голосомъ,—любишь вѣдь?..

Онъ поймалъ ея руку и нѣжно ласкалъ ее въ своихъ обѣихъ рукахъ.

— Тебя люблю, Анна-ханымъ люблю... Сергѣй-ага люблю... простодушно отвѣчала Фатьма, глядя прямо въ глаза Евгенію. — Ахъ, ты красавчикъ-урусъ... Ты упалъ, Фатьма жалко... Фатьма плакалъ... Зачѣмъ ночь ходилъ?.. Надо день ходилъ... Ночь Уланъ-бей стрѣлялъ, убилъ... Фатьма всегда плакалъ... до смерти плакалъ...

— Такъ ты любишь меня, любишь, Фатьма?.. въ восторгѣ говорилъ Евгеній, забывъ объ Аннѣ, которая молча любовалась ихъ юношеской болтовней. — Ты не выйдешь замужъ за Темиръ-Кая? Онъ старый... противный... Ты будешь моей женою?

— Фатьма нельзя... Ты урусъ... нельзя урусъ... надо Магометъ, качала Фатьма своей головкой, на которой шевелились всѣ ея черныя змѣйки. — Семь дней ушло, еще семь дней ушло, еще семь дней... Темиръ-Кая пришелъ, Фатьма взялъ... гайда! Тогда прощай, миленькій урусъ... Фатьма никогда не видалъ... До смерти не видалъ... Анна-ханымъ видалъ, барунчугъ не видалъ... О, не надо тогда видалъ, зачѣмъ?.. Тогда Темиръ-Кая надо...

— О, и не думай, Фатьма! если такъ, я убью и тебя, и Темиръ-Кая... горячился Евгеній. — Еслибы ты любила Темиръ-Кая, я-бы не сказалъ ни слова; но ты его не любишь, ты его не можешь любить... Это ожирѣвшій кабанъ, мѣшокъ съ свинымъ салою, а не человѣкъ... Онъ такой дуракъ... Какой онъ можетъ быть тебѣ мужъ?..

— Темиръ-Кая богатый бей... великій бей... табунъ много, буйволь много... верблюды много... Она сказала: иди къ Темиръ-Кая... Фатьма что сдѣлалъ? Бабанъ убьетъ...

Она вдругъ громко разсмѣялась.

— Фатьма сама Темиръ-Кая убьетъ... смѣясь заговорила она. — Темиръ-Кая толстый... Фатьма кинжалъ есть, тонкій, тонкій... какъ листокъ шевтеле тонкій.

— Вотъ это отлично... это такъ... поддерживалъ ее Евгеній, сильно, однако, пріунывшій, отъ признанія Фатьмы.

— Фатъма красавица, молоденькая, ей нужно не старика, а молодого, виѣшалась ласково Анна.

— Ахъ, старый не хорошъ... не люблю старый... вздохнула Фатъма, — молоденькій люблю, какъ Сергѣй-ага... Твой хорошъ, ханымъ, Сергѣй-ага...

— Мой братъ еще моложе... отчего-же ты не хочешь брата? шутила Анна.

— Ахъ, хорошъ братъ... гузель... урусъ нельзя... нельзя!.. замотала она головой серьезнѣе прежняго и сдвинувъ сердито брови.

Въ ней вдругъ произошла какая-то внутренняя перемена: она вся съежилась и заговорила поспѣшно:

— Фатъма домой надо... домой пора... онай прибилъ, зачѣмъ гулялъ?.. Одинъ часъ ходилъ, два часъ ходилъ, три часъ ходилъ... пора...

— Подожди хоть минутку, Фатъма, скажи мнѣ что-нибудь хорошее, умолялъ ее Евгеній, удерживая за обѣ руки. — Вѣдь ты шутила, вѣдь не можетъ-же быть, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ вышла замужъ за Темиръ-Кая, чтобы ты на-вѣки бросила меня?..

— Урусъ нельзя, нельзя... все сердитѣе твердила Фатъма, рѣшительно мотая головкой и вырываясь изъ рукъ Евгенія, на котораго она не смотрѣла.

— Зачѣмъ-же ты сказала, что любишь меня? Зачѣмъ ты меня мучила, цѣловала меня?.. страдающимъ голосомъ приставалъ къ ней Евгеній. — Ты, стало быть, хотѣла смѣяться надо мной?..

— Ахъ, зачѣмъ?.. Зачѣмъ не цѣловалъ?.. возразила Фатъма, опять оборачиваясь къ Евгенію съ прежнею ласковостію. — Фатъма любилъ барунчукъ, Фатъма цѣловалъ... ханымъ любилъ, ханымъ цѣловалъ... пусти меня... пора...

Евгеній съ горькою болью выпустилъ ея руки.

— Ты обманула меня... ты смѣялась... прошепталъ онъ укоризненно. — Прощай...

— Прощай... Зачѣмъ сердился?.. задумчиво сказала она. — Фатъма нельзя...

Она поцѣловала Анну и пошла серьезная, грустная, назадъ по тропинкѣ, по которой пришла.

Анна и Евгений стояли молча, смотря ей вслѣдъ.

Вдругъ она остановилась, подумала минутку, потомъ улыбулась весело и, обернувшись къ Евгению, вскрикнула прежнимъ своимъ беззаботнымъ голосомъ:

— Ты не хочешь Фатъма цѣловать, Фатъма никогда не придетъ!..

Евгеній бросился къ ней, забывъ свое горе.

— Не надо такъ ханымъ, такъ ямапъ? спрашивала, лукаво смѣясь, Фатъма, въ то время, когда Евгений душилъ ее въ отчаянномъ прощальномъ объятіи.

Анна и Евгений шли за нею нѣсколько времени.

Евгению не хотѣлось такъ скоро разстаться съ своимъ счастьемъ. Фатъма замѣтила это и остановилась еще разъ, но уже не оборачивалась.

— Приходи къ намъ, ханымъ, сказала она тихо, опустивъ голову. — Темиръ-Кая къ бабанъ пришелъ... Темиръ-Кая кардашъ привелъ... Знаешь Темиръ-Кая кардашъ?.. Джелалъ знаешь? видалъ? ахъ, красавчикъ!..

— Ты бы ужъ лучше за Джелала вышла, чѣмъ за Темиръ-Кая, Джелалъ молодой, красивый, сказала Анна.

— Джелалъ не надо марушка... Джелалъ коранъ надо, шеріатъ *) надо... Джелалъ книга читалъ, марушка не глядѣлъ...

Фатъма говорила это грустно, почти убито.

— На другихъ не глядить, а на Фатъму поглядить!.. На Фатъму нельзя не глядѣть! смѣясь отвѣчала Анна.

Фатъма не сказала ничего и стояла, задумавшись, потупясь въ землю.

— Такъ приходи!.. произнесла она черезъ минуту, вздохнувъ противъ воли. — Онай очень просилъ, приходи... Онай очень боленъ. У онай опять большая, большая судъма. Фатъма боится, умереть онай. Онай жалко. Приходи!

— Хорошо, приду, отвѣчала Анна.

Они разстались тихо и грустно.

*) Духовный законъ мусульманъ.

Анна молча повернула домой и Евгений машинально пошелъ за нею.

Вдругъ черезъ пять минутъ донеслись до нихъ изъ лѣсу звуки татарской пѣсни. Она переливалась наивными дѣтскими мелодіями, то шутливыми, то словно плачущими. Это пѣла Фатъма.

— Нѣтъ, это не женщина, не человѣкъ!.. это лѣсная нимфа!.. сказала въ раздумьи Анна, словно отвѣчая на внутреннюю мысль.

Евгений молчалъ и слушалъ, переполненный отчаяніемъ, звуки знакомой пѣсни.

— Она всѣхъ любитъ, всѣхъ цѣлуетъ, значитъ, она не можетъ любить, также тихо продолжала Анна. Подождавъ немного, она остановилась и прибавила осторожно:

— Женя, будь твердъ, забудь о ней и не ищи ея. Повѣрь мнѣ, что это сьумасшествіе... что это невозможность... Теперь я совершенно поняла ее.

— Поняла! съ злою ироніею передразнивалъ ее Евгений, не хотѣвшій даже остановиться. — Мы такъ всѣ испорчены, что наивность естественной жизни, природная правда не доступны для насъ. А въ этой правдѣ вся красота, вся нравственность.

— Нѣтъ, братъ, ты знаешь, что я не боюсь правды и что я люблю природу, мягко настаивала Анна. — Но повѣрь мнѣ, что тутъ нѣтъ того человѣческаго сердца съ теплою кровью, которое и тебѣ, и мнѣ нужно. Тутъ Ундина... граціозныя брызги... прелесть тѣни... и ничего больше. Повѣрь, что она навсегда осталась-бы тебѣ чужою.

— Она никогда не можетъ быть мнѣ чужою! вспыхнулъ Евгений. — Она живетъ во всемъ моемъ существѣ, какъ моя собственная душа, и никогда не покинетъ меня, какъ-бы несправедлива ни была ко мнѣ судьба. Лучше прекратимъ этотъ разговоръ, Анна, если ты не можешь говорить, не оскорбляя меня.

Они замолчали и молча присоединились къ Сергѣю.

День трезвой работы на прохладномъ воздухѣ, въ сосредоточенномъ молчаньи, подъ сѣнью далекихъ громадъ Кастели, подъ убаюкивающимъ грохотъ морскаго прибоя, успокоили Евгения.

Хотя слѣды горячешнаго бреда и сердечныхъ ранъ ощущались еще внутри, но Евгений уже не чувствовалъ себя поглощеннымъ въ нихъ совѣмъ съ головою; общій взглядъ на задачи

своей жизни, на свою теперешнюю обстановку, не заслонялся всецѣло прожитымъ имъ горемъ, а включалъ и его въ одну картину со всѣми другимъ, чѣмъ жилъ Евгений.

Порывъ страданія былъ такъ силенъ въ немъ, что духъ его утомился и впадалъ въ инстинктивную реакцію.

Вечеромъ обычные занятія въ обычной комнатѣ, сообщество книги и цивилизованной среды, еще болѣе настроили Евгения на будничныи тонъ и низвели, какъ гири свинца, привязанныя къ ногамъ, изъ фантастическихъ сферъ его любовнаго мечтанія на прозаическую землю.

Но ему не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить, не хотѣлось думать, только хотѣлось работать.

Анна рассказала Сергѣю все, что было. Она боялась взять на себя одну отвѣтственность за страстный романъ своего брата и хотѣла опереться на помощь Сергѣя.

Въ концѣ вечера, трудолюбиваго и безмолвнаго, Сергѣй вдругъ ударилъ по плечу работавшаго Евгения и сказалъ съ дружескою серьезностію.

— Полно печалиться, Женька. Все къ лучшему. Посмотри на природу: грачъ ищетъ грача и дельфинъ дельфина. Ты и Фатима—звѣри разной породы, и вамъ вѣстѣ не быть. Будь твердъ, какъ философъ и какъ мужчина. Забудь старое и дай думать о новомъ!

Евгеній не отвѣчалъ ничего и продолжалъ работать.

XVII.

Злой духъ.

Анна съ неудовольствіемъ отправилась на другой день въ домъ Уланъ-бея. Она не любила толстой и ворчливой „уланши“, какъ называли Свириденки важную Каракозъ-Султанъ-ханымъ, жену Уланъ-бея. Она была такъ нечистоплотна, такъ тупа и такъ сердита, что провести съ нею полчаса составляло чистую пытку для Анны.

Но Евгений, прощаясь вечеромъ съ Анной, такъ растроганно и смущенно просилъ ее повидаться съ Фатимой и поговорить съ нею о немъ, что она не имѣла духу отказать.

Бъ тому-же, Анна поставила себѣ правиломъ не отказывать никому изъ больныхъ. Мало-ли трущобъ приходилось ей посѣщать и мало-ли она видѣла, старыхъ татарскихъ вѣдьмъ помимо Каракозъ-ханымъ!

— Знаешь, Сергѣй, передавала она мужу свои наблюденія. Татаринъ, дѣйствительно, долженъ быть существомъ низшей расы. Какъ обезьяны дѣлаются въ старости тупыми и злыми, такъ и татарскія женщины. Молоденькія есть предестъ какія, а старухи всѣ сплошь — макбетовы вѣдьмы. Право, иногда кажется, что онѣ способны пожирать маленькихъ дѣтей, — такъ онѣ злы.

— Слава-же Богу, что онѣ прячутся въ свои саваны и что я не вижу ихъ влыва, смѣялся въ отвѣтъ Сергѣй.

Каракозъ-Султанъ-ханымъ ни слова не говорила и не понимала по-русски, какъ всѣ татарскія старухи.

Она валялась совершенно одѣтая, укутанная сверху ватошными одѣялами, какъ беспорядочная груда тряпокъ, на своемъ широкомъ и низенькомъ диванѣ въ углу, и, судя по непрерывнымъ стонамъ, сильно страдала.

Около нея, на полу, сидѣла горбатая Уркушъ, въ своемъ обыкновенъ бѣломъ покрывалѣ, и что-то гадала на кофейныхъ зернахъ, приговаривая по-татарски своимъ рѣзкимъ голосомъ, напоминавшимъ голосъ хищной птицы.

Другая татарка, съ обрюзглымъ лицомъ, тоже тяжело укутанная, сидѣла рядомъ съ нею, молча всматриваясь въ гаданье. Но въ комнатѣ были не одиѣ старухи. Болѣзнь старой мурзачихи повергла въ страхъ весь домъ. Она такъ бредила ночью отъ жару, что Уланъ-бей вообразилъ, будто жена его испорчена и совсѣмъ кончается. Онъ сѣзидилъ нарочно за Аби-Булю, не съ умѣть-ли тотъ отчитать ее. А такъ какъ въ этотъ день пріѣхалъ къ нему Темиръ-Кая съ братомъ Джелалъ-эфенди, то и Джелалъ, какъ ученаго софту, свѣдущаго въ коранѣ болѣе самого Аби-Булы, допустили къ постели больной. Ей, впрочемъ, было легче вчерашняго, и духовныя лица, исполнивъ свои отчитыванія, теперь тихо дожидались послѣдствій, сидя безмолвно на диванѣ въ дальнемъ углу комнаты и избѣгая смотрѣть въ сторону больной.

— Вотъ Уркушъ говоритъ, что ты не хорошо лечишь, госпожа, обратилась уланша по-татарски къ Аннѣ, когда та громко назвала себя и спросила ее о здоровьѣ. — Охъ, какъ я больна. Дай Богъ, чтобы мои враги приняли на себя всю мою боль, а чтобы я встала здоровая, какъ молодая дѣвушка.

Она не поворачивалась отъ стѣны, куда лежала лицомъ, и перемежала свою рѣчь жалобными вздохами и стонами. Голова ея была въ большомъ жару, почему она говорила неестественно много и скоро.

— Вѣдь вотъ Сале-Элмазъ-ханымъ здорова-же, а постарше меня. Видно ты, госпожа, больше любишь ее и лечила ее лучше. Или, можетъ быть, она тебѣ прислала подарковъ, ты и стараешься объ ней? Отчего-жъ ты не скажешь?.. Развѣ я бѣднѣе Сале-ханымъ? Я тоже могла-бы подарить тебѣ хорошія вещи, за которыя ты навѣрное-бы полечила меня еще лучше, чѣмъ Сале... Вотъ ты какая дурная! Не хочешь, чтобы я была здорова, и держишь меня, старуху, все время больною.

— Я тебѣ давно сказала, что лечу не за подарки, а даромъ, во имя божіе, спокойно отвѣчала Анна, раскутывая старуху и стараясь ощупать жаръ ея тѣла. — Ты всегда имѣешь въ головѣ недобрныя мысли, оттого Богъ не посылаетъ тебѣ здоровья. Добрый человѣкъ благодарить за помощь, а злой человѣкъ только укоряетъ... такъ и ты.

Анна говорила на половину по-татарски, на половину по-русски. И Аби-Була переводилъ больной то, чего та не понимала.

— Нѣтъ, нѣтъ, если тебѣ нужны подарки, скажи мнѣ прямо, и я не пожалѣю своего добра ради своего здоровья, настаивала сердитымъ голосомъ уланша. — Я знаю, что никакой человѣкъ не дѣлаетъ ничего для другаго, если ему нѣтъ какой-нибудь выгоды. Какъ я была глупа, что не догадалась объ этомъ пораньше. Я навѣрное была-бы теперь здорова, потому-что я знаю, что у тебя есть хорошія лекарства, которыя отъ всякой болѣзни помогаютъ, и ты даешь ихъ, когда захочешь, а теперь ты мнѣ даешь другія лекарства, плохія, которыя совсѣмъ не помогаютъ. Моя глупая дочь, Фатъма, вѣтренна, какъ сорока, что прыгаетъ цѣлый день съ одной вѣтки на другую. Я ей приказывала попросить у тебя самаго лучшаго лекарства, котораго ты давала Сале-Элмазъ-ханымъ. То было въ темномъ пузырькѣ, она мнѣ

сказывала... А ты мнѣ приносишь все какія-то порошки и бѣлне... Дура Фатьма, конечно, ни о чемъ не просила тебя...

— Будь спокойна. Твоя болѣзнь не можетъ пройти такъ скоро, какъ у Сале-ханымъ, отвѣчала Анна тѣмъ-же твердымъ и спокойнымъ голосомъ, который дѣйствовалъ неотразимо на шаткую мысль татарки. — Я знаю, для какой болѣзни какія лекарства, и если взялась лечить тебя, то, конечно, вылечу. Но всякая болѣзнь имѣетъ свой срокъ, какъ всякое дерево имѣетъ свой ростъ и свой особенный плодъ. Трава растетъ мѣсяць, а дубъ сотни лѣтъ...

— Не знаю, не знаю, сердито ворчала старуха, мучимая все усиливавшимся жаромъ. — Я вижу только одно, что Элмазь-ханымъ ты вылечила, а меня не хочешь вылечить. А Элмазь-ханымъ развѣ лучше меня? Развѣ она богаче или знатнѣе? Видно, правду говорить Уркушъ, что только магометовы молитвы излечиваютъ болѣзни, а молитвы уруса — напитокъ съ ядомъ. На минуту легче, а потомъ смерть.

— У татарина и уруса одинъ Богъ, сказала Анна. — Богъ возростилъ на землѣ цѣлебныя травы и научилъ человѣка лечить своихъ больныхъ братьевъ. Добро, которое дѣлаетъ русскій или татаринъ, одинаково пріятно Богу. Если Уркушъ этого не знаетъ, то пусть скажетъ ей это Аби-Була, Кади-эскеръ... Онъ служитель Бога.

— О, Алахъ-экибръ, Алахъ-экибръ, вздохнули разомъ Аби-Була и Джелалъ, благочестиво поднимая вверхъ ладони.

— Богъ посылаетъ болѣзни, Богъ посылаетъ и исцѣленіе! уклончивымъ и вкрадчивымъ голосомъ произнесъ, наконецъ, Аби-Була, послѣ минутнаго раздумья. — Молитва Магомета пророка больному тѣлу, какъ капли дождя хлѣбнымъ злакамъ во время засухи. Нѣтъ больше и сильнѣе молитвы; она бальзамъ и елей, и душистое мирро человѣку. Мы съ Джелаль-эфенди уже коснулись фиміамомъ священныхъ словъ пророка до тѣлесныхъ язвъ Каракозъ-Султанъ-ханымъ. Теперь онѣ готовы воспринять цѣлебную силу всякихъ земныхъ составовъ. И въ этомъ нѣтъ отступленія отъ заповѣдей пророка.

— Нечестивая рука не должна касаться тѣла, которое освящено словомъ пророка, вдругъ вступилась своимъ рѣзкимъ голосомъ Уркушъ, закачавшись на мѣстѣ и съ ненавистію устремляя

на Анну свои впалые, злые глаза. — Я не мулла и не софта... а это знаю... Урусъ не можетъ дѣлать добро мусульманину. Всякое добро гяура обращается во зло.

— О, Аллахъ, Аллахъ! вздыхалъ немного смущенно Аби-Була, скрестивъ на груди свои руки и смиренно опустивъ голову. Онъ, очевидно, сочувствовалъ взглядамъ Уркушъ, но и не хотѣлъ выказать открыто передъ русскою своихъ фанатическихъ убѣжденій.

— Уркушъ сейчасъ гадала, чтобы узнать волю Аллаха, сердито продолжала, между тѣмъ, Уркушъ. — Аллахъ три раза сказалъ одно и то-же: пока рука уруса касается больной госпожи, болѣзнь не покинетъ ея тѣла. Рука уруса не изгоняетъ болѣзнь, а разжигаетъ ее, какъ вѣтеръ разжигаетъ потухающій огонь.

— Воля Аллаха — законъ человѣку, и благочестивому гадалею открывается больше, чѣмъ мудрецу, пояснилъ Аби-Була, вздыхая еще глубже и смиреннѣе.

Анна, однако, продолжала изслѣдывать болѣзнь съ ловкостію и увѣренностію, которыя выработались у нея ежедневною практикою.

— Уркушъ — глупая женщина, которая не можетъ знать истину, а вѣрить суевѣрному гаданію, какъ язычники, говорила Анна, не отрываясь отъ своего дѣла. — Мнѣ удивительно, что такіе ученые мужи, какъ Кади-эскеръ и Джелаль-эфенди уступаютъ толкованіямъ невѣжественной старухи. Богъ татаръ, какъ и Богъ русскихъ, есть Богъ любви, а не вражды... Или русскій долженъ оставлять раненаго татарина издыхать въ пустынѣ изъ-за того только, что онъ не христіанинъ?

— Самъ Аллахъ говорить твоими устами, мудрыми, какъ стралица корана, поддержалъ Аби-Була. — Пророкъ Аллаха заповѣдалъ состраданіе къ болящимъ и великодушіе къ несчастливымъ. Если Аллахъ открылъ русской госпожѣ тайны исцѣленія, то на это была его мудрая воля, и человѣкъ не долженъ противиться ей.

Джелаль-эфенди ничего не говорилъ во время всей этой сцены, но онъ пожиралъ глазами Анну, которой большая, строгая и красивая фигура казалась ему среди этого полутемнаго низенькаго вертепа, полного глухихъ и злыхъ старухъ, какимъ-то существомъ иного міра, разумнымъ, вроткимъ и прекраснымъ, нисшедшимъ съ небесныхъ высотъ въ жалкое жилище смертныхъ.

— О, какой разумъ! О, какая мудрость! повторялъ онъ самъ себѣ, не смѣя открыть рта и съ безмолвною страстностью вслушиваясь изъ своего угла въ спокойную пѣвучесть анниной рѣчи, любуясь свободною красотою ея позъ и движеній.

Между тѣмъ, Анна, разговаривая съ татарами, съ возрастающимъ страхомъ слѣдила за быстрымъ поднятемъ ртути въ маленькомъ термометрѣ, который она прежде всего засунула подъ мышку больной старухѣ. Термометръ показывалъ температуру тифозной горячки.

Когда Анна окончательно убѣдилась въ этомъ, она смутилась въ душѣ. Она понимала, что смерть знатной старухи приписать ея лѣченію, прикосновенію ея нечестивыхъ рукъ къ праворѣрному тѣлу. Довѣріе татаръ къ ея медицинѣ будетъ подорвано въ корнѣ, при тѣхъ комментаріяхъ, на которые, конечно, не посякнутся Уркушъ и Аби-Була. Подумавъ минуту и не желая ослаблять свой авторитетъ врача наружною нерѣшительностію, Анна отошла въ другой уголокъ комнаты, гдѣ сидѣли духовные.

— Слушайте, эфенди, сказала она имъ съ повелительной твердостью, — теперь вы разъ на-всегда должны выбрать между вашими причитаніями и моимъ лѣченіемъ. Султанъ-ханымъ при смерти. Ея языкомъ говоритъ горячка, а не она сама. Позовите Уланъ-бея и посоветуйтесь съ нимъ. Я вамъ говорю, что ангелъ смерти у изголовья ханыма. Остается послѣднее средство: или она умретъ сегодня, или завтра-же будетъ здорова... Выбора, все равно, нѣтъ.

Эфенди смутились больше, чѣмъ Анна. Они никакъ не ожидали того, что услышали. Пошептавшись, они вышли, не дѣлая шума.

Каракозъ-Султанъ-ханымъ металась все больше отъ жару и начинала громко бредить.

Уркушъ и старая татарка, услышавъ безсвязную рѣчь Султанъ-ханымъ, стали голосить завывающими голосами, раскачиваясь на мѣстѣ, словно ихъ гнуло вѣтромъ.

— Какія-же это муллы, которыя сами оскверняютъ законъ пророка! вопила Уркушъ. — Вотъ уже злой духъ, которому поклоняются гяуры вмѣсто Бога, вошелъ въ благородное сердце Сул-

танъ-ханьма черезъ безбожныя руки уруса и помутилъ ея свѣтлый разумъ!.. Уркушъ всегда говорила, что нельзя допускать нечестивыхъ къ постели правовѣрной... Уркушъ — глупая женщина, но Уркушъ почитаетъ законъ пророка... Вы, которые знаете больше Уркушъ, что-же вы теперь оставили больную, въ которую вселился бѣсъ по милости вашей, и убѣжали, а не спасаете ея!..

Она громко плакала и причитала, словно своими жалобами думала устрашить злаго духа, посѣтившаго больную.

— Уйди хоть ты отсюда, проклятая русская госпожа! обратилась она черезъ минуту къ Аннѣ. — Еслибы не эти глухие эфенди, которые знаютъ въ законѣ столько-же, сколько маленькій ребенокъ въ книгахъ мудреца, я-бы давно выбросила тебя изъ комнаты благородной Султанъ-ханьмъ... Смотри, ты уже погубила ее и ей теперь никогда не видать божьяго дня!.. Или тебѣ мало еще? Заклинаю тебя Аллахомъ, уйди отъ насъ, жилище бѣса, и уведи съ собою злую силу, которую ты сюда привела...

— Слушай, глупая Уркушъ! строго сказала Анна. — Сейчас придетъ Уланъ-бей. Если онъ захочетъ, чтобы я ушла, я уйду. Но если онъ попроситъ меня лѣчить ханьмъ, то ты должна убраться сейчасъ-же вонъ... Ты слишкомъ зла и упряма, чтобы больная могла получить отъ тебя пользы хотя-бы на одинъ волосъ... Къ тому-же ты кричишь и безпокоишь больную хуже всякаго злаго духа, котораго ты такъ боишься.

Уркушъ не успѣла отвѣтить, какъ въ комнату вошелъ Уланъ-бей съ духовными и за ними Фатьма.

Всѣ были необыкновенно взволнованы.

Уланъ-бей приблизился къ неподвижно лежавшей теперь Султанъ-ханьмъ и, сложивъ безпомощно руки, въ суровомъ молчаніи прислушивался къ ея безмысленному шепоту.

Фатьма горько и громко плакала, упавъ на коверъ у постели больной.

— Ангелъ смерти надъ нею... Она больше не встанетъ, произнесъ, наконецъ, Уланъ-бей, еще болѣе нахмутивъ свое сухое бронзовое лицо. — Читайте, эфенди, молитвы корана, чтобы облегчить ей муки смерти... Человѣкъ тутъ не поможетъ... Уже въ ней говоритъ кто-то другой, непохожій на нее.

— Если эфенди надѣются поднять ханьмъ молитвою корана,

пусть дѣлають, и я удалюсь, рѣшительно сказала Анна. — Но говорю тебѣ, Уланъ-бей, коранъ не поможетъ. Богъ далъ книги для поученія, а лекарство для врачеванія. Вѣдь не кормишь-же ты ребенка, вмѣсто хлѣба, стихами корана; почему-же вздумалъ ты изгонять ими болѣзнь?

— Теперь ей никто не поможетъ... Ангелъ смерти пришелъ за мою вѣрной Каракосъ-Султанъ-ханымъ, растроганнымъ и надтреснутымъ голосомъ тихо сказалъ Уланъ-бей, отвертываясь въ сторону.

— Оставь малодушное суевѣріе глупымъ женщинамъ и будь мужемъ, перебила его Анна. — Все въ рукахъ Божіихъ. Я знаю средство, которое можетъ спасти ханымъ. Но нужно, чтобы ты рѣшился на него. Тогда ты долженъ удалить отсюда этихъ невѣжественныхъ старухъ, которыя воють надъ ухомъ больной и приближаютъ ее къ смерти... Черезъ три часа все будетъ кончено, и я тебѣ скажу, будетъ-ли завтра Султанъ-ханымъ лежать въ гробу или стоять на своихъ ногахъ..

— Горе мнѣ бѣдному, вдовому старику! говорилъ Уланъ-бей, подавленный скорбію. — Дѣлай, какъ хочешь... что знаю я? Вмѣсто разума мужа, у меня теперь мозгъ слабого младенца... Думайте вы, эфенди, вамъ Богъ открылъ ученую мудрость. Какъ вы скажете, пусть такъ и будетъ...

— Да благословить тебя Аллахъ, Анна ханымъ, и да отвергнетъ онъ тебѣ тайну человѣческой немощи, торжественно произнесъ Аби-Була. — Никто не знаетъ пути, которымъ творить свою волю Аллахъ.

Фатьма ничего не слыхала, кромѣ безумнаго бреда матери, и рыдала, припавъ лицомъ къ ея дивану.

Анна рѣшилась на средство, которое уже не разъ испытывала съ успѣхомъ въ самыхъ опасныхъ воспалительныхъ болѣзняхъ, — прекратить горячку холодной водой.

Султанъ-ханымъ была не очень стара по лѣтамъ и обрюзгла, какъ всѣ татарки, отъ постоянного бездѣлья и сидячей жизни. Но запасъ ея силъ былъ не истощенъ и можно было рассчитывать на энергическую реакцію крови.

При помощи Фатьмы и служанокъ, Анна окутала горѣвшее тѣ-

ло старухи въ простыни, намоченныя самою холодною водою изъ горнаго ключа, и укрыла ее ватонными одѣялами и подушками.

Черезъ десять минутъ теплый паръ повалилъ, какъ въ банѣ, изъ-подъ груди подушекъ.

Татарки, исполнявшія приказанія Анны съ суевѣрнымъ страхомъ, какъ-будто они принимали участіе въ чародѣйствѣ волшебника, — разинули при этомъ рты и стояли, какъ вкопанныя. Они были увѣрены, что въ этихъ воддовскихъ парахъ выходитъ изъ тѣла больной нечистый духъ, и дрожали отъ страха, чтобы онъ не вселился теперь въ нихъ.

Три раза возобновляла Анна тотъ-же самый приемъ и когда, наконецъ, термометръ втеченіи цѣлаго часа простоялъ на одномъ и томъ-же безопасномъ градусѣ, и больная, сильно ослабленная, стала дышать ровнымъ дыханіемъ, Анна вздохнула свободно и радостно.

Вся душа ея торжествовала. Она сознавала, что побѣдила и болѣзнь, и невѣжество.

Полная внутренней гордости и вмѣстѣ какого-то дѣтскаго счастья отъ удачи, вышла Анна изъ спальни Каракозь-ханымъ.

— Ханымъ миленькая, золотая моя, бирюза моя... Скажи Фатьмѣ, будетъ она живъ? бросилась къ ней за дверью Фатьма, которая такъ-же порывисто помогала раздѣвать и окутывать больную, какъ и рыдала надъ нею нѣсколько часовъ назадъ.

— Будетъ, будетъ, она теперь здорова! съ веселой улыбочкой отвѣчала Анна, цѣлуя Фатьму. — Скажи Уркушъ, что проклятая урусъ прогнала злаго духа.

Фатьма душила ее и цѣловала съ радостнымъ смѣхомъ въ шею, извиваясь головкою какъ змѣйка, старающаяся ужалить въ опасное мѣсто.

— Молитесь Богу, ханымъ спасена! сказала Анна, входя въ кунацкую, гдѣ ее, въ безмолвномъ и грустномъ сосредоточеніи, ожидали за длинными трубами Уланъ-бей съ своими друзьями.

— Будетъ живъ? быстро спросилъ Темиръ-Бая, не упускавшій случая похвастать своимъ русскимъ языкомъ.

— Завтра она будетъ на ногахъ. Слава Богу, все хорошо!

Суровая и молчаливая душа Уланъ-бея была такъ неожиданно придавлена семейною опасностью, что онъ растерялся, какъ ребенокъ, и ждалъ прихода Анны въ мучительной тоскѣ.

Услышавъ счастливую вѣсть, онъ раскрылъ ротъ и глаза и поднялся на-встрѣчу Анны. Но онъ не могъ ничего выговорить отъ волненія.

— Аллахъ благословить руку цѣлящаго и пошлетъ ему радости своего неба! важно проговорилъ Аби-Була. — Ханымъ совершила хорошее дѣло, которое сниметъ съ нея самые большіе грѣхи.

Но Анна не стала дожидаться дальнѣйшихъ выраженій благодарности и, кивнувъ дружески головою растерянно-подходившему къ ней бѣю, быстро вышла изъ кунацкой.

XVIII.

НАПАДЕНІЕ.

Солнце уже стало садиться за горы, когда Анна вышла изъ воротъ Алма-Сарая. Она шла торопливо, зная, что ее заждався Сергѣй, и боясь захватить вечера въ лѣсной сырости.

Голова ея была еще вся цѣликомъ въ комнатѣ больной, въ заботахъ лѣченія, въ радостяхъ удачи. Какъ ни хорошъ былъ погасающій прохладный день, она не замѣчала его за своими думами.

Вдругъ она услышала за собою, подъ ухомъ, чьи-то скорые шаги. Она оглянулась и увидала Джелаль-эфенди, почти бѣгущаго за ней.

— Постой, госпожа, одну только минуту! по-татарски крикнулъ онъ ей издали.

У Анны вздрогнуло сердце. Блѣдное лицо, съ растерянно-горѣвшими глазами, словно боявшимися упустить ее, не внушало довѣрія.

Кругомъ лѣсъ. Алма-Сарай—уже версты за двѣ, въ рукахъ у Анны нѣтъ ничего.

Она чувствовала, что Джелаль-эфенди не даромъ догонялъ ее. Но гордость взяла свое и Анна остановилась въ безмолвномъ

ожиданіи. Да и что другое могла она сдѣлать? Ужь не бѣжать-ли отъ этого юноши, какъ бѣжалъ недавно бѣдный Евгеній отъ Уланъ-бея и его Алимки?

— Что тебѣ надо, Джелаль-эфенди? спросила его Анна, по возможности, спокойнымъ голосомъ. — Я спѣшу до вечера домой и если тебѣ нужно поговорить со мною, ты-бы лучше пришелъ завтра ко мнѣ въ домъ.

— Продолжай свой путь, ханымъ, я не помѣшаю тебѣ, отвѣчалъ, запыхавшись, софта, глядя на Анну сверкающимъ взглядомъ. — Позволь мнѣ только проводить тебя по лѣсу и передать очень важное для меня дѣло.

— Иди, если хочешь, сказала Анна, — хотя, признаюсь тебѣ, я многого не понимаю по-татарски и такъ утомлена, что съ трудомъ могу слушать. Не лучше-ли тебѣ отложить это дѣло до завтра и рассказать мнѣ его, когда я отдохну; кромѣ того, мой мужъ пойметъ тебя лучше, чѣмъ я!..

Она скорымъ и твердымъ шагомъ уже продолжала свой путь.

— Мужъ не надо... зачѣмъ мужъ?... Джелаль русска зналъ... русска говорилъ, сказалъ Джелаль, идя рядомъ съ Анною и не спуская съ нея своихъ разгоряченныхъ глазъ.

Но онъ сейчасъ-же забылъ свое намѣреніе и съ какою-то дикою страстью, словно боясь, что слова его остынутъ отъ своего жара, если онъ сейчасъ-же не выскажетъ ихъ, началъ говорить по-татарски:

— Слушай, ханымъ.... Джелаль молодой человѣкъ, но Джелаль еще не зналъ ни одной женщины. Женщины созданы для гибели человѣка; онѣ рабы его, но рабы лукавныя. Какая красота въ нихъ? Раскрашенные кожи и ничего больше! Какой въ нихъ разумъ? Разумъ кошки, которая стережетъ мышъ, и лисицы, которая пожираетъ виноградъ, обманывая человѣка... Джелаль ненавидитъ и презираетъ женщинъ, и когда онѣ несчастны, его душа довольна...

— Неужели вашъ пророкъ, котораго слово слушаете вы, софты, въ вашихъ медресе, учить человѣка ненавидѣть мать, сестру и жену? сухо спросила его Анна, не останавливая своего шага.

— Ты видѣла сегодня нашихъ женщинъ, продолжалъ Джелаль, будто не разслышавъ ея замѣчанія. — Видѣла Каравозъ-хандѣло“, № 5, 1879 г.

нымъ, Уркушь... Всѣ наши татарскія женщины такія. Развѣ можно любить ихъ, или почитать ихъ? Песъ, который охраняетъ мой домъ, надежнѣе женщины, запертой въ моемъ домѣ, и конь, на котораго я сажусь, мнѣ болѣе другъ, чѣмъ лукавая жена, думающая въ моихъ объятіяхъ о красотѣ другаго.

— Я сама женщина, Джелаль-эфенди, и мнѣ обидно слушать, какъ ты поносишь ихъ. Если ты не имѣешь болѣе дѣльнаго разговора, самое лучшее, что ты можешь сдѣлать,—это замолчать и оставить меня одну... Я хорошо знаю дорогу, а тебя навѣрное ждуть дома, чтобы переговорить о скорой свадьбѣ Фатымы.

— О, произнесъ восторженно софта, простирая кверху распротертыя ладони, будто въ мечети на молитвѣ,—затѣмъ я и догналъ тебя, чтобы сказать тебѣ это слово. Ты—не женщина, а ты божій архангелъ, который принялъ образъ человѣка. Развѣ ты чѣмъ-нибудь похожа на этихъ глупыхъ и гадкихъ животныхъ, которыя мажутся инбиремъ и всякими красками, и которыя понимаютъ столько же, сколько всякая ящерица, ползающая по камнямъ. Ты премудра, какъ пророкъ, и когда ты говоришь, разумъ течетъ изъ твоихъ устъ, какъ волны моря, какъ великія рѣки Тигръ и Ефратъ.

— Ты плохо знаешь по-русски, а я еще хуже по татарски, съ улыбкой сказала Анна, которую невольно волновало гордое и сладкое чувство при наивныхъ восхваленіяхъ дикаго юноши.—Поэтому тебѣ самыя простыя вещи кажутся Богъ знаетъ чѣмъ. Еслибы ты жилъ среди насъ, русскихъ, ты-бы увидѣлъ, что всѣ наши образованныя женщины такія-же и что во мнѣ вовсе нѣтъ никакого чуда.

— О, избави меня Аллахъ жить среди русскихъ и оскверняться ихъ нечестіемъ, съ негодованіемъ воскликнулъ Джелаль.—Враги моего пророка могутъ-ли быть мнѣ друзьями? Ханнымъ, ты не должна оставаться въ русскомъ нечестіи! Твой мудрый разумъ созданъ Аллахомъ для того, чтобы послужить колыбелью святыхъ истинъ, которыя пророкъ открываетъ правдивнымъ. Тебя украсилъ Аллахъ не земною красотой лица и небеснымъ разумомъ, превосходящимъ ученыхъ мудрецовъ, не для того, чтобы ты оставалась наравнѣ съ глупыми животными глухою и слѣпою къ словамъ божественной книги, которую ангелы принесли пророку съ неба.

— Послушай, Джелаль-эфенди, перебила его Анна. — Еще прежде, когда я замѣтила, что ты говоришь со мною охотно и готовъ слушать меня, мнѣ пришло на мысль — сдѣлать тебя христіаниномъ. У тебя столько жару и вѣры, что если-бы ты позналъ всю высоту христова ученія, ты, конечно, сталъ-бы его ученикомъ. Вотъ я слушаю спокойно, какъ ты объясняешь мнѣ необходимость твоей религіи. Поступи и ты, какъ я. Помоги мнѣ научить тебя моей религіи. Приходи и слушай, а я буду слушать тебя. Кто знаетъ: быть можетъ, твое сердце откроется для того ученія любви и братства, которое стоитъ надъ всѣми другими ученіями также недосыгаемо, какъ стоитъ надъ этими тяжелыми камнями этотъ свѣтлый голубой сводъ.

— Будь проклято твое ученіе и пусть истребится воздухъ, въ которомъ раздались твои слова! Нѣтъ пророка, кромѣ Магомета, и нѣтъ книги, кромѣ корана! стиснувъ отъ негодованія свои бѣлые зубы, вскрикнулъ софта. — Если ты хочешь, ханымъ, чтобы Джелаль слушалъ тебя, не говори никогда объ Иса и ученіи его!

— Зачѣмъ-же ты говоришь мнѣ о Магометѣ?

— Ты женщина и должна идти по слѣдамъ мужчины, съ важной самоувѣренностію сказала Джелаль. — Мужи не только грозные владыки, но и добрые наставники. Намъ открываетъ Аллахъ святныя тайны, истины, и мы, какъ хлѣбомъ съ дѣтьми, должны дѣлиться съ женщиной духовною пищею, которую она въ силахъ принять.

— Джелаль, я уже сказала тебѣ, что мы, русскіе, не запираемъ женщинъ въ влѣтки, какъ звѣрей; наша женщина — такой-же свободный и полноправный человекъ, какъ и мужчина. Ты, кажется, не въ состояніи понять этого и продолжаешь приставать ко мнѣ съ своими дикими взглядами, надъ которыми у насъ будетъ смѣяться каждый мальчикъ. Перестань, прошу тебя, и оставь меня одну. Я вовсе не расположена теперь къ разговорамъ и притомъ такимъ празднымъ.

Анна удвоила при этомъ и безъ того быстрые шаги.

Джелаль покраснѣлъ отъ гнѣва и смущенія.

— Ханымъ! можетъ быть, я обидѣлъ тебя? сказалъ онъ, усиливаясь ее догнать. — Татаръ одинъ умъ, урусъ другой умъ. Не сердись на меня. Дай мнѣ сказать тебѣ то, что я давно ношу на своемъ сердцѣ: будь моя жена!..

— Ты съума сошелъ, Джелалъ! разсѣялась Анна, у которой, однако, сильно и безпокойно забилося сердце. — Развѣ ты не знаешь, что я замужемъ, что я люблю своего мужа?

— Ничего! будь моя жена!.. это ничего!.. Джелалъ вдругъ схватилъ ее и остановилъ на мѣстѣ.

Онъ пожиралъ ее безумнымъ и вмѣстѣ умоляющимъ взглядомъ.

— Будь моя жена!.. Это ничего! Я убью Сергѣй-ага!.. Сегодня ты сказалъ, завтра нѣтъ Сергѣй-ага, шепталъ софта, крѣпкими руками удерживая Анну. Молодые зубы его съ какою-то животной страстностью сверкали сквозь полураскрытыя запекшіяся губы, отѣненные черною смолю усовъ. Въ глазахъ стоялъ пьяный туманъ.—Будь моя жена. ханымъ, повторялъ онъ словно безсознательно, съ упрямой настойчивостію.—О, будь моя жена! Джелалъ не можетъ жить безъ ханымъ... Ангелъ судьбы указалъ мнѣ тебя и ты должна быть моею... Джелалъ купитъ тебя, Джелалъ не пожалѣетъ золота, Джелалъ силой возьметъ тебя, Джелалъ не пожалѣетъ крови.

Анна была такъ поражена въ первую минуту, неожиданно почувствовавъ на себѣ руки юноши, впившіяся въ нее, какъ кольца змѣи, что остановилась, не въ силахъ будучи выговорить слова. Она почти не слышала бессмысленной мольбы софты, и только его горячешные воспаленные глаза, словно стремившіеся сжечь всю ея внутренность, кошмаромъ стояли передъ нею.

— Прочь! оставь меня! съ негодованіемъ вскрикнула она, усиливаясь освободить свои руки изъ клещей татарина. — Или ты такой дикарь, что умѣешь выразить свою любовь только насиліемъ? Позоръ мужчинѣ, который осмѣливается оскорбить одинокую женщину! Прочь, говорю тебѣ!..

Но софта уже совершенно забылся.

Прикосновеніе Анны зажгло пожаромъ его азіатскую кровь. Съ дико-стиснутыми зубами, съ дикимъ пламенемъ въ глазахъ, весь блѣдный, дрожа всѣми жилами, какъ молодой арабскій конь, онъ жадно схватилъ ее и покрывалъ поцѣлуями...

— Нѣтъ, ты будешь моя! Я отниму тебя силой, если не идешь добромъ, въ промежуткахъ своихъ бурныхъ ласкъ страстно шепталъ онъ.—Я увезу тебя туда, гдѣ не сыщеть тебя проклятый урусъ, ты полюбишь меня, ты благословишь мое рѣшеніе.

— Я ненавижу тебя, я тебя презираю, какъ низкаго вора! видѣ себя отъ гнѣва и стыда шептала Анна, напрягая неестественныя усилія оттолкнуть отъ себя обезумѣвшаго софту. — Прочь, говорю тебѣ, или я сейчасъ плюну тебѣ въ лицо и опозорю навсегда твою бороду.

У нея въ карманѣ былъ маленькій револьверъ и она вспомнила о немъ. Но сухія руки софты охватывали ее, какъ канаты, и не позволяли пошевелинуть плечомъ.

— Я тебя просилъ, какъ мать нашего пророка, я молился тебѣ, какъ ангелу, говорилъ между тѣмъ софта, не переставая покрывать ее поцѣлуями. — Ты отвергла меня. Теперь я долженъ похитить тебя силой. Товарищи ждутъ моего сигнала. Не сопротивляйся, ханымъ, не заставляй обращаться съ тобою, какъ съ глупыми татарскими женщинами, которыя считаютъ неприличнымъ прямо согласиться на желаніе мужчины.

Онъ громко и странно свиснулъ.

— Слышишь, ханымъ? Сейчасъ будутъ здѣсь мои товарищи съ лошадьми, будь разумна.

Тотъ-же самый особенный свистъ отвѣтилъ въ двухъ мѣстахъ софтѣ, но довольно издалека.

— Помогите! Разбой! крикнула со всѣхъ силъ Анна.

Она вдругъ ловко прыгнула, выскользнула изъ объятій Джелала и сдѣлала быстрый прыжокъ въ сторону.

Джелалъ съ помутившимся бѣшеннымъ взглядомъ былъ уже около нея.

Онъ судорожно схватился за кинжалъ, который носилъ подъ широкою рясою софты, и съ угрожающимъ видомъ вырвалъ его изъ-за пояса.

Азіатецъ заговорилъ теперь въ каждомъ жестѣ его.

Но Анна тоже ждала его.

Короткій стволъ револьвера твердо и грозно глядѣлъ изъ ея стиснутой руки прямо въ глаза софты.

— Назадъ, или я убью тебя на мѣстѣ! сказала Анна оправившимся голосомъ, стараясь совершенно овладѣть собою. — Прочь отъ меня!

Софта вздрогнулъ отъ изумленія и бѣшенства и инстинктивно отпрянулъ назадъ. Сгибаясь, какъ пантера передъ прыжкомъ, съ

кинжаломъ въ замахнувшейся рукѣ, онъ растерянно оглядывалъ позицію Анны, пожирая ее глазами ненависти.

— Не уйдешь, не уйдешь! Будешь моею, шептала онъ. — Сейчас здѣсь будутъ мои молодцы.

Быстрый топотъ лошади, дѣйствительно, слышался очень близко въ лѣсу, но, казалось, не оттуда, гдѣ послышался отвѣтный свистъ.

Джелаль и Анна оба съ безпокойствомъ насторожили уши, не покидая своего угрожающаго положенія.

Вдругъ тяжелый топотъ скачущаго коня раздался надъ самымъ ухомъ Джелала и изъ-за густой чащи лѣса, на поворотѣ дороги, показался игумень Софроній, верхомъ на своемъ ворономъ. Верховая ѣзда была страстью инока, и онъ ничѣмъ такъ не утѣшался, какъ своею истю казачьей выправкою и своими ухватками джигита. Онъ, очевидно, слышалъ крикъ и торопился на помощь.

Анна и Джелаль были видны ему теперь какъ на ладони, и онъ полосовалъ своего коня нагайкою прямо черезъ голову, хотя добрый конь и безъ того несся во весь карьеръ.

Аннѣ стало досадно, что это былъ Софроній, а не посторонній человѣкъ.

Она уже освободилась отъ опасности собственными усиліями, и для нея было-бы лучше, еслибы никто изъ ея знакомыхъ не видѣлъ ее въ ея теперешнемъ положеніи. Ея духъ самостоятельности и самоуваженія страдалъ отъ необходимости прибѣгнуть къ помощи мужчины.

— Бѣги прочь, пока есть время! прошептала она съ презрѣніемъ Джелалу, къ которому она чувствовала нѣкоторое состраданіе.

Джелаль со злобою поглядѣлъ на приближавшагося всадника, подумалъ мгновеніе, сверкнулъ послѣдній разъ жадными глазами на Анну и, прошептавъ по-татарски какую-то угрозу, пригнувшись еще ниже, бросился въ лѣсъ.

Но Софроній, пavidимому, не затѣмъ гналъ и взмылилъ своего скакуна, чтобы поглядѣть на затылокъ татарина. Онъ видѣлъ кинжалъ въ его рукѣ, видѣлъ пистолетъ Анны и ея позу защищающейся.

Этого ему было довольно, чтобы догадаться о причинахъ крика.

Удаль расходилась въ сердцѣ живаго инока, и онъ съ изумительною ловкостью, какъ на лисьей охотѣ, сталъ отрѣзывать отъ лѣсной чащи бѣгущаго софту.

Напрасно Джелаль, удивленный и испуганный поворотливостію никогда невиданнаго имъ воронаго скакуна, бросался то вправо, то влѣво и намѣренно кружился вокругъ стволовъ.

Софроній почти прилегъ къ шеѣ своего скакуна и съ казацкимъ гиканьемъ, съ глазами, разгорѣвшимися веселымъ огнемъ, вертѣлъ своимъ конемъ, будто челнокомъ, между безчисленными изворотами деревьевъ...

— Ата-та-та! Ату его, ату его! кричалъ онъ въ увлеченіи погони, замахаясь своею тяжелою нагайкою, словно наступалъ русака на бѣгу.

Вдругъ Джелаль, оглушенный этимъ крикомъ, запутался на крутомъ поворотѣ въ полы своей длинной одежды и полетѣлъ внизъ головою въ кусты...

Въ то-же мгновеніе вороной конь уже былъ надъ нимъ...

— Оставьте его, не трогайте! вскрикнула Анна, предчувствуя что-то недоброе по занесенной рукѣ игумена.

Но она не успѣла окончить своихъ словъ, какъ нагайка жестоко свиснула въ воздухъ и вмѣстѣ съ веселымъ смѣхомъ игумена раздался болѣзненный вопль...

Ременная плеть съ пулею на концѣ врѣзалась съ размаху въ разгоряченное лицо софты, опрокинутого на спину... Багровый рубецъ изъ края въ край мгновенно проступилъ кровью.

— Вотъ какъ вашего брата!.. Я знаю, чѣмъ васъ учить! хохоталъ довольный игумень, нагибаясь со стремянъ съ проворствомъ и ловкостью настоящаго казака и беспощадно учащая удары.

Они больно ожгли Джелала еще раза три по спинѣ и плечамъ, пока онъ съ глухимъ стономъ поднимался на ноги. Кинжалъ его выскочилъ при паденіи, и ему некогда было поднимать его.

— Оставьте! ради Бога, не трогайте его! кричала съ болью въ сердцѣ Анна, бросаясь на выручку юноши.

— Еще немножко, еще немножко!.. горяченькихъ! приговаривалъ, между тѣмъ, неугомонный игумень, которому скверное положеніе татарина доставляло, повидимому, несказанное удовольствіе. — Надо поучить щенка!..

Но Джелаль уже вскочилъ на ноги и отбѣжалъ нѣсколько шаговъ. На губахъ его была кровавая пѣна; страшный рубецъ казался издали темносинею перевязкою.

— Будь проклятъ, чортовъ попъ! закричалъ онъ по-татарски хриплымъ голосомъ бѣшеннаго звѣря и глухо закашлялъ. — Будь проклятъ и Джелаль-Муртаза-Оглу-Бей Мунгаловъ, если онъ не смоетъ своего позора твоею проклятою кровью... Помни-же этотъ лѣсъ, нечистая русская собака!..

Онъ нырнулъ въ частые кусты, гдѣ уже невозможно было его преслѣдовать.

Въ ту-же минуту впереди, по просѣвѣ, показался верховой татаринъ съ подручною лошадыю въ поводу. Онъ быстро взглянулъ на дорожку, но, увидавъ Софронія съ Анной, также быстро юркнулъ назадъ въ чашу лѣса.

— Ату его, ату его!.. Вотъ я тебя, собачій сынъ! со смѣхомъ крикнулъ ему въ догонку Софроній.

По лѣсу раздался уже знакомый Аннѣ, только торопливый и безпокойный, свистъ.

— Согрѣшилъ я, грѣшный! проговорилъ немного смущеннымъ голосомъ Софроній, скидая шапку и отирая платкомъ потъ, вступившій у него на лбу. — Не сердись на меня, мать моя. Ты, я знаю, жена сердобольная... А я, — грѣшное дѣло, — старый джигитъ; одолѣваетъ иногда молодецкая удаль, ничего не подѣлаешь. Вѣдь ты знаешь, мать, я въ молодые годы десять лѣтъ со степи не стѣжалъ, баранту гонялъ, табуны стерегъ, вѣдь я съ кубанской стороны... Тамъ и прасоль, и казакъ, — все едино.

Онъ тяжело дышалъ, стараясь успокоить взволнованную скачкою кровь, и ласково трепалъ по мокрой шеѣ своего любимаго коня.

— Ну, отправляемся, мать, къ тебѣ до дому, я было къ вамъ ѣхалъ... дѣло есть до васъ... произнесъ онъ, наконецъ, немного успокоившись. — Господи Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ, не поставь въ большую вину, поставь въ малую!..

Онъ набожно перекрестился на закатъ солнца и тронулъ тихимъ шагомъ своего воронаго.

— Идемъ, что-ли! что-жь ты молчишь, мать, словно дуешься на стараго батьку?

— Простите, отецъ игумень... Я все не опомнюсь. Спасибо вамъ...

Софроній, однако, ничего не спросилъ, и Анна ни слова не сказала ему до самаго дома.

XIX.

ТАЙНА ФАТЬМЫ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома встрѣтилъ ихъ Сергѣй съ Евгеніемъ и Свириденко.

Всѣ были съ палками и немного встревоженные.

Дѣло въ томъ, что Свириденко, проходя по лѣсу, слышалъ подозрительное пересвистываніе татаръ и замѣтилъ верховаго тартина, который прятался въ кустахъ. Адамъ-Чокракъ былъ близко; поэтому онъ зашелъ узнать, все-ли благополучно.

Сергѣй и Евгенийъ тотчасъ-же рѣшились идти на-встрѣчу Аннѣ, чтобы не случилось чего. Бекиръ также неодобрительно покачивалъ головою и торопилъ своихъ хозяевъ. Онъ не только слышалъ свистъ, но и крикъ „помогите“, только не узналъ голоса.

Анна рассказала случай въ лѣсу полшута, стараясь не придавать ему значенія.

Свириденко и Сергѣй искренно хотали надъ бѣднымъ Джелаломъ, когда Анна описывала охоту за нимъ лихаго игумена.

— Добре, добре, батъко, такъ ему и надо, собачьему сыну! проговорилъ весело Свириденко, поспегивая для примѣра въ воздухъ своею собственною нагайкою, которая у него постоянно висѣла черезъ плечо на гайтанѣ. — Чума ихъ побери, этихъ лупоглазыхъ, не терплю ихъ...

— Отучитесь любезничать! со смѣхомъ замѣтилъ Сергѣй, вводя въ домъ всю компанію.

Но въ глубинѣ души его, однако, сильно встревожило это глупое происшествіе. До сихъ поръ ничего подобнаго не водилось въ ихъ глухомъ углу; нападеніе въ лѣсу на женщину было дѣломъ очень серьезнымъ; кто знаетъ еще, чѣмъ-бы это кончилось, не подоспѣй на помощь игуменъ, или не будь револьвера въ карманѣ Анны?

Къ тому-же нельзя ручаться, чтобы эта исторія не повторилась другой разъ. Сергѣй не даромъ хмурился при видѣ этого сухаго и блѣднаго софты въ черномъ халатѣ, который безъ вся-

каго дѣла слонялся около его дома и бросалъ на него взгляды бѣшеной собаки.

Сколько разъ хотѣлось ему подойти къ этому татарскому богослову, ни слова не говоря повернуть его къ себѣ спиной и дать ему такого пинка колѣномъ, чтобы онъ завертѣлся, какъ волчокъ по полу!

Когда усѣлись за чаемъ около татарскаго камина, игумень, бывшій въ самомъ довольномъ расположеніи духа, оглянулся на запертую дверь, обвелъ испытующими глазами собесѣдниковъ и сказалъ почти шепотомъ:

— Ну, отцы и братья, благодареніе Создателю! Дѣло мое покатилося кѣтомъ!.. Теперь не остановишь.

— Развѣ что новое есть? спросилъ Сергѣй.

Свириденко словно и не слушалъ. Широко разставивъ свои длинныя, какъ жерди, ноги и согнувшись надъ ними всѣмъ своимъ долговязымъ станомъ, онъ насасывалъ свою хохлацкую трубочку, пристально уставившись въ землю.

— Новаго не перечестъ! весело сказалъ игумень и опять обвелъ cadaго по очереди своими пронизательными глазами. — Ну, да тутъ народъ надежный, все свои, таить нечего... Ты вотъ только, младъ-юноша, не разболтай... Съ татарскими дѣвками, небойсь, шушукаешься, такъ не провришь... прибавилъ онъ, шутливо обращаясь къ Евгенію.

— Сказывайте, сказывайте, небойсь, не проврусь, смѣясь отвѣтилъ Евгеній, которому больше всѣхъ хотѣлось узнать новости игумена.

— Ну, такъ вотъ что, подлей-ка, хозяйка, вина въ чайкъ, какое покрѣпче, сказалъ Софроній. — А то, признаться, на-вечерѣ да еще съ холодка люблю потогоннаго стаганчикъ... Мадерца-то своя есть? изъ старенькихъ?..

— Я найду вамъ по вкусу, отецъ игумень, отвѣчала Анна, вставая; — помните, вы его пили у насъ подъ новый годъ?

Она вышла и скоро вернулась съ темною и запыленной бутылкой.

— Семь лѣтъ въ заточеніи была, добавилъ, улыбаясь, Сер-

гѣй. — Разошьте-ка ее, господа, благо хорошая компанія собралась.

— Что-жь, и отличное дѣло! поддержалъ игумень. — Посмотришь, что изъ него за семь лѣтъ вышло... Неси, хозяйка, стаканчики.

Пока Анна доставала посуду, Сергѣй откупорилъ бутылку.

— Доброе винцо! качнулъ головою Свириденко, понюхавъ изъ горлышка и осмотрѣвъ бутылку со всѣхъ сторонъ на свѣтъ. — Даже въ носъ шibaеть, а жирна что полтавская сливянка... Языкъ проглотишь...

Весело чокнулись всѣ стаканами и стали помаленьку разсмаковывать густую и пахучую струю.

— Вотъ что, батъки мои, вдругъ объявилъ еще болѣе повеселѣвшій игумень. — Залучилъ я теперь всѣхъ ихъ козырей... Всѣ они у меня теперь тутъ въ вулакѣ сидятъ...

Онъ со смѣхомъ протянулъ надъ столомъ свою мускулистую, крѣпко сжатую въ вулакѣ, руку.

— Хочу держу, хочу пушу, — моя воля! добавилъ онъ торжествующимъ голосомъ. — Да нѣтъ, дудки!. Не на то я ихъ ловилъ, чтобы выпускать; не такіе и они воробыи...

— Про кого это ты, отецъ? спросилъ Сергѣй, чмокая по каплямъ вино.

— Аби-Булашка, я уже сказывалъ вамъ, тотъ совсѣмъ скрученъ, по тому теперь Сибирь плачетъ, не отвертится... А теперь другаго гусака подстерегъ, похлеще, пожалуй, Аби-Булашки будетъ... Уланъ-бейку самого поймалъ, вотъ кого!. Вы не глядите, что я мужикъ бородатый, попъ долгогривый... Мужикъ сѣрь, а умъ у него не чортъ съѣлъ...

— Да что, что? Говори толкомъ! перебилъ его Сергѣй.

— Вотъ тебѣ и толкъ! Это у нихъ одно гнѣздо: Аби-Булашка орудуешь, а matka-то у нихъ настоящая Уланъ-бей. Вотъ самый ихній ересіархъ, самый нашъ ненавистникъ... Его-то надо прежде всѣхъ выкурить, и рой весь ихній разлетится...

— Не знаю, что ты нашель въ Уланъ-бей? замѣтилъ Сергѣй. — Онъ человекъ смиренный, въ вляузы ни въ какія не входитъ... Ты его напрасно задѣваешь, отецъ Софроній, онъ въ этихъ дѣлахъ не причемъ...

— Сказывай сказки! Я, сынокъ, побольше твоего знаю. У

меня теперь всѣ документы подобраны, хоть на судъ сейчасъ... Вѣдомо-ли тебѣ, что у Уланъ-бейки есть дочка?

— Какъ-же невѣдомо? Фатъма у него дочь; она къ намъ часто ходитъ...

Сергѣй покосился съ внутренней улыбкой на Евгенія, который, при имени своей возлюбленной, вдругъ вспыхнулъ и весь обратился въ слухъ.

Анна тоже заинтересовалась и остановилась наливать чай.

— Ну, такъ вотъ что! торжественнымъ шепотомъ объявилъ игуменъ, со стукомъ опуская на столъ допитый стаканъ. — Фатъма эта такая-же дочка, какъ и намъ съ тобою. Она не татарка, она христіанка!..

Съ Евгеніемъ сдѣлалось ужасное волненіе, но онъ не смѣлъ выдать себя неосторожнымъ словомъ. Его Фатъма — христіанка, стало быть, самое главное, самое непреодолимое препятствіе къ ихъ счастью разрушается само собою. Недаромъ сердце его говорило ему, что Фатъма не можетъ быть ему чужою. Судьба чудесно свела ихъ, судьба чудеснымъ образомъ свяжетъ ихъ навѣки... Онъ чувствуетъ это, онъ въ это вѣритъ...

— Пстой, пстой, однако, отецъ! удивился Сергѣй, обмѣнявшись недоувѣрчивымъ взглядомъ съ Анною. — Мнѣ навѣрное извѣстно, что Фатъма — магометанка, что она перекрестится не умѣетъ по-нашему... Съ чего-же ты взялъ, будто она — христіанка?

— Ну, смотри-жь, Бова-королевичъ! Не болтать у меня! опять шуточно вскрикнулъ игуменъ Евгенію, поднимаясь вдругъ съ мѣста и начиная оживленно ходить по комнатѣ. — А то вѣскими поклонами не отмолишь. У меня, братъ, знаешь, монастырскіе порядки, строгіе...

— Расскажите, расскажите, отецъ Софроній, ради Бога! Я знаю, что это правда, горячо обратился къ нему Евгеній, будучи не въ силахъ побѣдить охватившаго его волненія.

— Да скавъ тутъ короткій, началъ игуменъ, мѣрая комнату своими большими и быстрыми шагами. — Уланъ-бей, какъ еще корнетомъ былъ молодымъ въ крымскомъ эскадронѣ, съ гречанкой одной связался въ Бахчисараѣ... а тутъ его въ Петербургъ потребовали на цѣлый чуть-ли не годъ. Гречанка и роди безъ него дѣвчонку; окрестила по-христіански, Федорой назвала, ду-

мала, мурзакъ, все равно, бросить и... А мурзакъ-то возьми да и вернись. Забралъ бабу къ себѣ въ деревню, дѣвчонку ея тоже... Пока мать была жива, ничего не могъ сдѣлать, а померла года черезъ два, онъ возьми да и окрути ребенка въ проклятую свою вѣру. Изъ Федоры ее Фатмой сдѣлали... -обрѣзали, какъ водится у поганыхъ. Сеидъ-хаджи съ Аби-Булой всѣмъ дѣломъ заправляли. Только они трое и знаютъ. А другимъ-то всѣмъ сказано, что Фатма мурзачихина дочь.

Разсказъ Софронія совершенно смутилъ компанію. Свириденко сплюнулъ въ сторону, хлебнулъ вина изъ стакана и, не поднимая своей, опущенной къ колѣнгамъ, головы, произнесъ съ сердцемъ:

— Всяка чертовщина на свѣтѣ бываетъ!

Но Анна не хотѣла вѣрить въ справедливость разсказа.

— Поиудите, отецъ Софроній, сказала она, — можно-ли ругаться, что вся эта исторія не простая сказка? Посудите сами, кто могъ передать всѣ эти подробности, когда вы говорите, что кромя трехъ татаръ это дѣло и до сихъ поръ никому невѣстно?

— Слушай, мать, обиженно сказалъ Софроній, останавливаясь около Анны и не на шутку нахмурясь. — Вѣдь я не баба, что на базарѣ съ кумушками ласы точить. Сказываю вамъ эту исторію не смѣха ради. Не таковы, мать, лѣта мои и званіе мое не такое. У меня эта гисторія два мѣсяца кишки выматывала; ты спроси меня, что я изъ-за нея трудовъ да заботъ перенесъ; не ради мірскаго чего хлопоталъ. Ты не смотри, что я веселый старикъ, съ міранами хлѣбъ-соль вожу, чарочки не гнушаюсь. Я, родная, языкомъ съ вами тутъ болтаю, а голова у меня все о своемъ думаетъ... объ обители святой, о церкви Христовой.

— Не принимайте въ обиду моихъ словъ, отецъ игуменъ, отвѣчала Анна. — Я лучше всѣхъ знаю ваши настоятельскіе труды и не думала васъ огорчить какииъ-нибудь подозрѣніемъ. Вы, конечно, лучше знаете, насколько вѣрны собранныя вами свѣдѣнія.

— Хлебни винца да и сказывай дальше... что тутъ толковать долго! вставилъ Свириденко, не поворачиваясь ни къ кому и затягиваясь изъ своей трубочки.

Сергѣй подлилъ еще вина въ стаканъ игумена, но тотъ, не дотрогиваясь до стабана, продолжалъ говорить Аннѣ поучительнымъ тономъ:

— Мнѣ, милостивцы мои любезные, ничего самому не нужно, я и корочкой буду сытъ, изъ ковшичка водицы напьюсь. Распинаюсь не за свой карманъ, не за брюхо свое грѣшное; хочется мнѣ обитель угодниковъ въ красоту и лѣпоту всякую произвести, чтобы процвѣла на этихъ горахъ каменныхъ, въ лѣсахъ этихъ дремучихъ, какъ лоза Господня... Хочется мнѣ царство поганое магометкино подъ вѣру Христову привести, татарву нечестивую смирить, чтобы святое имя христіанское и честный крестъ Іисусовъ превознеслись въ этой странѣ дикой выше облака небснаго... Вотъ чего мнѣ хочется. То-то вотъ я и воюю съ татарвой, словно солдатъ въ сраженіи, денно и ночью. За то-то имени моего слышать не могутъ азіаты... Не хочу умереть, пока ихъ главныхъ заводчиковъ съ корнемъ не выведу. Завелись они со мной судами, да жалобами, да разбѣемъ ночнымъ. Посмотришь теперь, чья возьметъ... Я вѣдь, мать, старый джигитъ. Меня не испужаешь!

Онъ развеселился опять и, удалски качнувъ головой, сразу осушилъ свой стаканчикъ.

— Вотъ мы какъ! прибавилъ онъ, крикнувъ отъ удовольствія и дружелюбно оглядывая собесѣдниковъ; потомъ вдругъ, словно вспомнивъ что, отодвинулъ, нахмурясь, стаканъ и сказалъ серьезно: — Ну васъ совѣмъ, еще захмѣлѣешь! Потчуютъ, потчуютъ, человѣкъ и пить спроста; а дѣло то было и забылъ. Слушай-ка, умница, обратился онъ къ Аннѣ стихшимъ голосомъ, — къ тебѣ вся и просьба. Есть старая гречанка въ Бахчисараѣ, Федорѣ этой, татаркѣ, тетка. Она мнѣ всю подноготную открыла, какъ помирать собралась. Не на духу, ни-ни, какъ можно! нешто-бъ я сказалъ кому, коли-бы на духу, а такъ по сердцу открылась. Такъ сказывала она, у той Федоры съ малыхъ лѣтъ родинки черныя на правомъ плечѣ видны, въ добрую вишню, а на ногѣ, говоритъ, правой палецъ, что подлѣ мизинца какъ кровь красный. Мать пожара испугалась, какъ тяжела ею была, такъ пятно огненное на пальцѣ и вышло. Вотъ что, родинная: твое дѣло бабѣ—размотри-ка ты мнѣ эти приѣты, чтобы безъ всякаго сумлѣнья. Да ни гу-гу никому, избави Богъ! Слышишь ты, хлопецъ? заруби на носу.

— Нѣтъ, отецъ Софроній, избавьте меня отъ этого порученія, я на эти дѣла плоха, рѣшительно сказала Анна.—Что те-

перъ пользы доискиваться, была-ли она прежде христіанкой. Все равно, она выросла татаркой.

Игуменъ въ недоумѣніи развелъ руками.

— Не мнѣ-бы это слышать, не тебѣ-бы говорить, мать, ска- залъ онъ строго. — Такъ, по твоему, пусть татарскіе муллы хоть всѣхъ православныхъ младенцевъ въ собачью свою вѣру совра- щаютъ? Грѣшно это, грѣшно тебѣ, рабѣ Аннѣ, такое несодѣй- ное въ мысляхъ имѣть! Ты что же это на жену смотришь? при- бавилъ онъ, обращаясь вдругъ еще строже къ Сергѣю. — Ты бабу уму учи. Какая ни есть умница, а все, видно, баба.

— Не сердитесь, отецъ игуменъ, успокоивала его, улыбаясь, Анна. — Вы знаете, какъ мнѣ всегда хочется, чтобы татары пе- реходили въ христіанство; вы знаете, что я сама хлопочу объ этомъ. Но за это дѣло я, право, не могу взяться. Тутъ есть что-то полицейское, какое-то шпионство, на которое я никогда не пойду... Не говорите лучше объ этомъ и оставьтесь друзьями.

— Все ты лжемудртвуетъ, мать! недовольнымъ голосомъ на- стаивала игуменъ. — Какое тутъ тебѣ шпионство? Извѣстно, со- вратителя надо подѣ судѣ упечь, пусть его по тракту по сибир- скому погуляетъ маленько... А на судѣ, вѣстимое дѣло, безъ до- казательствъ нельзя. У меня въ Бахчисараѣ уже есть три сви- дѣтеля; одна — даже повитуха та самая, что ребенка отъ гречанки принимала; тѣ всѣ подѣ присягой покажутъ. Только вотъ-бы знать навѣрняка, что у Фатымы у этой тѣ-же мѣтки на тѣлѣ, что были у Федоры. Какое-же тутъ шпионство? Перекрестись!

— Полно, отецъ Софроній, не приставай! Видишь, не хочетъ; вѣдь не заставишь силой, вышлся Сергѣй, чтобы положить конецъ разговору, который былъ, очевидно, непріятенъ Аннѣ и все болѣе раздражалъ игумена.

— Съ бабой связаться — ниши пропало! Чуръ тебя, батько, отъ бабы! съ спокойной самоувѣренностію вставилъ Свириденко свое философское замѣчаніе.

— Да мнѣ что! Развѣ я для себя? немного смутившись, ска- залъ Софроній, отходя отъ Анны. — Не хочетъ — я найду кого попросить и безъ нея. Не Богъ знаетъ какая наука, всякій суждетъ. Къ тому-же у меня есть на примѣтѣ человѣчекъ, тотъ какъ-разъ мнѣ это дѣльцо оборудуетъ.

— Ты у насъ, конечно, ночуешь, отецъ игуменъ? спросилъ Сергѣй. — Теперь поздно и ночь темная; я тебя не пущу дождь.

— Ну что-жь! Ночевать такъ ночевать. Я, братъ, на все хорошъ, отвѣчалъ игуменъ прежнимъ беззаботнымъ тономъ. — Сѣнца подъ бокъ ключекъ, вотъ мнѣ и постель; мое дѣло монашеское — на подушкѣ поменьше, на молитвѣ побольше. А въ обитель теперь не доберешься: на горахъ снѣгу — хоть-бы въ Москвѣ православной, съ ушами конь уходить. Не дай Богъ, дорогу потеряешь — ни за грошъ пропалъ.

— Да, дюже богато снѣгу! подтвердилъ своимъ суровымъ голосомъ Свириденко, сплевывая, по обычаю, въ сторону и, по обычаю, не глядя ни на кого. — Тамъ на бугру завалило шляхъ, хоть погребъ рой. А у насъ здѣсь — ни-ни, ни маковой росиночки.

— Ты что-жь, панъ Гайдамана? Тоже у насъ заночуешь? спросилъ Сергѣй, вставая.

— Ни-ни! Хоба-жь то можно! А жинка? Треба до жинки догребаться, серьезно отвѣчалъ лѣсничій, лѣнливо поднимая свою долговязую и сухопарую фигуру и медленно запрятывая свою трубочку въ бездонные карманы широчайшихъ штановъ. — Прощайте, панове, за угощеніе спасибо. Прощай и ты, батько!

— Сотворить молитву на сонъ грядущимъ да и на боковую! искренно зѣвнувъ, произнесъ игуменъ и торопливо перекрестилъ себѣ ротъ. — Показывай-ка уголь, хозяйка, а то старымъ косямъ на покой пора. День-то деньской разломить на конѣ. Спасибо еще, винцомъ поразмялся хоть трошки.

Всѣ разошлись по своимъ угламъ и скоро уснули тѣмъ мертвымъ сномъ, которымъ умѣетъ спать только рабочій человѣкъ.

Одинъ Евгенийъ возился и ворочался почти до пѣтуховъ. Онъ былъ какъ въ чадѣ послѣ неожиданнаго открытія игумена. Онъ не сомнѣвался, что въ этомъ дѣлѣ было что-то чудесное, что-то глубоко-знаменательное. Фатма оказывалась христіанкою, конечно, не для кого другаго, какъ для него, для его счастья. Это счастье было просто связочное, невѣроятное, но, тѣмъ не менѣе, оно несомнѣнно ждало его, оно само теперь указывало ему неизбѣжный путь.

Евгеній Марковъ.

Конецъ I й части.

ИЗЪ „НОВАГО ФАУСТА“.

(Сонеты Мориса Бушора).

I.

Лучами грезъ я не былъ ослѣпленъ:
Я счастьемъ обладалъ, возможнымъ лишь на тронѣ;
Я видѣлъ мѣръ утѣхъ земли, какъ на ладонѣ,
Какъ сытый звѣрь, я былъ имъ пресыщенъ...

Мой цвѣтъ увялъ, палимый зноемъ дня,
И къ жизни, полной силъ, мнѣ нѣтъ уже возврата.
Темнѣетъ горизонтъ, послѣдній лучъ заката
Свой тихій свѣтъ бросаетъ на меня.

Напрасно жизнь меня на пиръ свой приглашала,—
Я залпомъ выпивалъ все то, что опьяняло,
Не зная, чѣмъ наполненъ мой бокалъ.

Въ безумныхъ оргіяхъ растрчивалъ я ночи,
Въ развратѣ ихъ безцѣльно убивалъ,
Покуда ясный день не взглядывалъ мнѣ въ очи.

II.

* * *

Я истомленъ недугомъ роковымъ,—
Я пью. Вино—мой богъ и демонъ неотлучный...
Зачѣмъ не раздавилъ я чарки злополучной,
Когда поднесъ ее къ устамъ своимъ?

Толпы людей стекаются во храмъ—
У вѣчнаго творца вымаливать пощады
Содѣянному злу и, въ чаяннѣ награды,
Хвалу ему возносятъ къ небесамъ...

А мнѣ грядущій мѣръ не видѣнъ за туманомъ;
Лазурный сводъ небесъ мнѣ кажется стаканомъ,
Куда мой Врагъ налить вина забыть.

О, горе, горе мнѣ! въ часы уединенья,
Въ борьбѣ съ самимъ собой, ни звука утѣшенья
Мой пылкій умъ съ небесъ не уловилъ.

О. Охтенская.

ЗДОРОВЬЕ КРЕСТЬЯНЪ НА УКРАИНѢ.

(Санитарный очеркъ.)

Санитарное положеніе сельскихъ населеній еще ожидаетъ своей разработки въ русской литературѣ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ земскіе врачи кое-что сдѣлали въ этомъ отношеніи, но это кое-что составляетъ не болѣе, какъ первую страничку изъ того огромнаго фоліанта, который предстоитъ разработать въ будущемъ. Это одна изъ причинъ, почему я рѣшаюсь напечатать мои личныя наблюденія, какъ они ни отрывочны и случайны. Вторая причина та, что въ юго-западномъ краѣ земства еще не существуетъ и потому полное санитарное описаніе кievской губерніи -- иѣстности, въ которой я жилъ, едва-ли можно предвидѣть въ близкомъ будущемъ. Наконецъ, третья и главная причина, побуждающая меня къ сообщенію свѣденій, полученныхъ при помощи моей медицинской практики, есть самый характеръ этихъ свѣденій и тѣ назидательные выводы, къ которымъ они приводятъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Последнее тѣмъ болѣе важно, что условія жизни въ описываемомъ мною округѣ сравнительно не дурны и, слѣдовательно, можно было-бы надѣяться на болѣе удовлетворительное состояніе народнаго здоровья.

I.

Мѣстность.

Округъ этотъ расположенъ между 48° 30' и 49° сѣверной широты и лежитъ приблизительно въ 100 верстахъ отъ праваго

берега Днѣпра. Онъ занимаетъ юго-восточную часть звенигородскаго уѣзда, юго-западную чигиринскаго, кievской губерніи, и сѣверную елисаветградскаго, херсонской губерніи. Окружность мѣстности, изъ которой во мнѣ приходили больные, имѣла въ поперечникѣ отъ сѣвера къ югу около 40 верстъ и отъ запада къ востоку около 35 в. Поверхность ея была, значить, около 1,400 квадр. верстъ или немного менѣе 30 квадр. миль.

Вся страна представляетъ собою равнину, изрѣзанную глубокими долинами. Самое высокое мѣсто надъ уровнемъ моря имѣетъ на югѣ 109 саженъ, а на сѣверѣ 99. Посрединѣ, въ наибольшей изъ долинъ, протекаетъ рѣчка *Вись*, отдѣляющая кievскую губернію отъ херсонской. Вись течетъ съ востока на западъ и въ томъ-же направленіи понижается и склонъ степи. Сѣверный берегъ Виси довольно значительно отличается отъ южнаго. На сѣверѣ отъ Виси проходятъ кой-какія неровности—послѣдніе признаки *Урало-карпатской гряды*; на югѣ степь совершенно плоская. На сѣверѣ еще существуютъ небольшіе лѣса, на югѣ ихъ почти нѣтъ. Текучей воды немного и на сѣверѣ, но въ южной части округа еще далеко меньше. Между рѣчками *Большою* и *Малою Висью* пролегаетъ около 160 квадр. верстъ высокой степи, на которой нѣтъ даже ни одного колодца. За Висью существуютъ колодцы въ 50—60 саженъ глубиною. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что люди очень дорожатъ водою, устраиваютъ пруды и насыпаютъ плотины вездѣ, гдѣ только можно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Украйны отъ 5% до 6% всей земли находится подъ прудами. Мы дальше увидимъ, какое дурное вліяніе на здоровье какъ людей, такъ и домашнихъ животныхъ имѣютъ такія большія пространства, покрытыя стоячею и нерѣдко гнилою водою.

Другія гигиеническія условія жизни довольно удовлетворительны. Лѣтомъ, правда, бывають сильныя и очень жаркіе вѣтры, зимою метели и большіе снѣжные заносы, но все это далеко не въ той мѣрѣ, какъ въ восточной Россіи или даже въ южныхъ частяхъ херсонской и екатеринославской губерній. Средняя температура въ сосѣднихъ городахъ отъ 7° до 8° и виноградъ дозрѣваетъ не только на южныхъ склонахъ, но и на плоскихъ мѣстахъ. Почва очень плодородна; вся поверхность земли покрыта слоемъ чернозема болѣе аршина толщиною. Въ южной половинѣ округа, въ

херсонской губерніи, случаются неурожай вслѣдствіе засухи, но въ сѣверной, особенно въ тѣхъ мѣстахъ звенигородскаго уѣзда, гдѣ еще сохранились лѣски, полнаго неурожая никогда не бываетъ. Кромѣ того, населеніе округа далеко не слишкомъ густо. На 1,400 квадрат. верстахъ живетъ немного болѣе 45,000 человѣкъ, т. е. по 30 человѣкъ съ небольшимъ на квадратной верстѣ или 1,500 на квадратной милѣ. Значительное большинство населенія составляютъ малороссы, затѣмъ слѣдуютъ молдаванн, евреи и, наконецъ, великороссы.

Въ общемъ можно признать, что матеріальное благосостояніе жителей наблюдаемаго мною округа лучше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ Украины, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя мнѣ пришлось видѣть. Сахарные заводы и извозъ хлѣба даютъ довольно вѣрный заработокъ, такъ какъ округъ нашъ есть одинъ изъ тѣхъ, которые, при значительномъ отпускѣ хлѣба за границу, обладаютъ, въ видѣ сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ, и своею мѣстной обрабатывающей промышленностію.

Каково-же санитарное состояніе простаго народа при такихъ сравнительно благопріятныхъ обстоятельствахъ? Офіціальныя цифры не могутъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Онѣ говорятъ только, что смертность и рождаемость распредѣляются по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

	Смертность.	Рождаемость.
Звенигородскій	30—35	50—55 въ годъ на 1,000.
Чигиринскій .	30—35	45—50 " " " "
Черкасскій. .	30—35	55—60 " " " "

Насчетъ заболѣваемости, смертности по возрастамъ и т. п., кажется, не существуетъ никакихъ данныхъ. Мнѣ также не удалось собрать значительнаго числа свѣденій, но, за неимѣніемъ другихъ сообщаю и немногія собранныя.

Въ то время, когда я жилъ въ селѣ, лежащемъ въ центрѣ описываемаго округа, называющемся *Ярославка* или, по-народному, *Сучокъ* *), у меня ежемѣсячно бывало не менѣе 500 больныхъ. Это составляетъ 6,000 въ годъ или около 15% всего населенія округа. Число это, конечно, было-бы не велико, если-бы мнѣ удалось видѣть *всѣхъ больныхъ* нашего округа. Но объ

*) Есть преданіе, что въ этомъ мѣстѣ татарскій полководецъ Сучокъ одержалъ побѣду надъ Витовтомъ.

этомъ не могло быть и рѣчи. Не менѣе 5,000 изъ этихъ больныхъ принадлежали десяти селамъ, ближайшимъ къ мѣсту моего жительства. Изъ болѣе отдаленныхъ селъ инныя, заключающія отъ 2-хъ до 4-хъ тысячъ населенія, доставили всего 5—10 больныхъ, между тѣмъ какъ село, въ которомъ я жилъ, Ярославка, дало до 600 больныхъ за одинъ годъ, хотя все населеніе этого села едва превышало 600 человекъ. Такимъ образомъ, здѣсь оказалось, что, среднимъ числомъ, каждый человекъ болѣлъ одинъ разъ въ годъ, хотя, конечно, нѣкоторые изъ жителей Ярославки вовсе не болѣли за это время, но за то другіе были больны два и три раза. Конечно, я не имѣю права заключить отсюда, чтобы во всемъ округѣ число больныхъ достигало общаго числа жителей, но во всякомъ случаѣ оно гораздо больше 15% и не должно слишкомъ отличаться отъ числа больныхъ въ Ярославкѣ, потому что въ этомъ селѣ условія жизни не хуже, чѣмъ въ другихъ.

Свѣденія о смертности и рождаемости за болѣе или менѣе продолжительное время я собралъ только для Ярославки. Втеченіи 40 лѣтъ, отъ 1838 до 1877 года, умерло тамъ всего 708 человекъ или, среднимъ числомъ, немного менѣе 18 въ годъ, что, при среднемъ населеніи въ 600, составляетъ около 30 на тысячу. Число это какъ нельзя болѣе сходится съ общимъ числомъ для звенигородскаго уѣзда, къ которому принадлежитъ Ярославка. Я считаю среднее населеніе въ 600 человекъ, хотя оно теперь немного больше, но за то въ 1838 году было немного меньше. За 1848 и 1849 годы населеніе уменьшилось было почти на 100 человекъ и возросло до прежняго уровня не ранѣе, какъ по истеченіи десяти лѣтъ. Въ послѣдніе годы населеніе прибываетъ немного правильнѣе.

Всего за 36 лѣтъ, съ 1842 по 1877 годъ, родилось 909 дѣтей или, среднимъ числомъ, 25 въ годъ или 41 на 1,000. Это число ниже общаго для уѣзда и обозначаетъ ежегодную прибыль населенія въ 1,1%, немного меньшую, чѣмъ прибыль для всей Россіи, равняющуюся 1,2%. Вообще, какъ смертность, такъ и рождаемость въ нашемъ селѣ ближе подходятъ къ цифрамъ западной Европы, чѣмъ Россіи.

Я раздѣлилъ всѣхъ умершихъ на три разряда, по возрасту ихъ во время смерти, и нашелъ, что изъ 708 умершихъ умерло:

до 7 лѣтъ 386 или 55%
 отъ 7 „ 60 „ 214 „ 30 „
 послѣ 60 „ 108 „ 15 „

Изъ весьма небольшого количества стариковъ мы можемъ заключить, что средній вѣкъ населенія коротокъ. При этомъ большой процентъ смертности въ возрастѣ отъ 7 до 60 лѣтъ особенно бросается въ глаза, но и смертность дѣтей очень велика. Втеченіи шести теплѣйшихъ мѣсяцевъ года умерло всего 242 человѣка или 37%; за шесть холодныхъ мѣсяцевъ — 466 или 63% всѣхъ умершихъ.

Отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней умерло всего 240 или 37% общей смертности, но изъ нихъ 203 ребенка до 7 лѣтъ и только 33 взрослыхъ или дѣтей старше 7 лѣтъ. По отдѣльнымъ болѣзнямъ смертность распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

	До 7 лѣтъ.	Послѣ 7 лѣтъ.	Всего.
отъ оспы.	54	4	58
„ кори.	36	—	36
„ дифтерита, крупы и коклюша	83	1	84
„ дизентеріи	16	—	16
„ тифа	6	9	15
„ холеры	8	10	18
„ цынги	1	9	10
„ скарлатины	4	—	4
Всего	207	33	240

Цифры эти показываютъ, конечно, только для Ярославки, что смертность отъ эпидемій не особенно велика, сравнительно со смертностію отъ хроническихъ и острыхъ не эпидемическихъ болѣзней. Село это, впрочемъ, расположено хорошо, частью на высокомъ мѣстѣ, и потому эпидемическія болѣзни въ немъ рѣже, чѣмъ въ большинствѣ другихъ селъ округа.

II.

Условия жизни: жилище, одежда, пища, работа.

Украинское село обыкновенно ютится въ долину надъ рѣкою или прудомъ, и если нѣтъ недостатка въ мѣстѣ, то часто хаты стоятъ всѣ въ одинъ рядъ. Впрочемъ, это встрѣчается

рѣдко и большая часть селъ состоитъ изъ нѣсколькихъ линій хатъ, съ улицами между ними. Тѣмъ не менѣе, село на Украинѣ сравнительно занимаетъ всегда большее пространство, чѣмъ въ западной Европѣ. Около каждой хаты есть дворъ, огородъ и весьма рѣдко небольшой садъ. Величина усадьбы украинскаго крестьянина обыкновенно колеблется между $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ десятины. Кроме того, при каждомъ селѣ есть общественный выгонъ въ нѣсколько десятковъ десятинъ. Такимъ образомъ, село изъ 200 хатъ, съ населеніемъ около 1,000 человѣкъ, занимаетъ отъ 120 до 180 десятинъ поверхности. Улицы обыкновенно широки и недостатка въ свѣжестъ воздуху не было-бы, если-бы онѣ были вымощены и чисто содержались. Теперь-же онѣ лѣтомъ покрываются толстымъ слоемъ пыли, а большую остальную часть года—невылазною грязью, страшно липкою и засасывающею во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва черноземная или глинистая. Въ большей части Украйны навозъ, соръ и экскременты человѣка еще не идутъ на удобрение, не вывозятся на поля, но обыкновенно валяются на задворкахъ и на выгонахъ, заражая воздуху, или-же вывозятся на плотины прудовъ и заражаютъ воду. Такимъ образомъ, несмотря на просторъ, воздуху нашихъ селъ часто бываетъ пропитанъ пылью, дурнымъ запахомъ и всякими заразами.

Начиная отъ береговъ Дона и до самыхъ Карпатскихъ горъ, жилище украинскаго крестьянина носитъ одинъ опредѣленный типъ. Тѣмъ не менѣе, по необходимости, въ постройкѣ хатъ встрѣчаются замѣтныя различія. Тамъ, гдѣ нѣтъ еще большаго недостатка въ лѣсѣ, въ черниговской губерніи и въ Полѣсьѣ, хаты построены въ срубъ. Во всей средней и южной Малороссіи дерево уже не по средствамъ крестьянина и потому всѣ хаты мазанья. Стѣны возводятъ или изъ *лмпа*ча, т. е. смѣси глины съ соломой, или изъ хвороста и камыша, обмазанныхъ глиною. Только столбы и стропила дѣлаются деревянные. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ южной части херсонской губерніи, крестьяне не въ состояніи уже добыть и столбовъ, нужныхъ для настоящей хаты и потому живутъ въ землянкахъ. Въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ есть села, состоящія почти на половину изъ землянокъ. Въ большей части Украйны всѣ хаты имѣютъ трубы, но въ западной Волыни, въ Галичинѣ, особенно въ Карпатахъ и въ Полѣсьѣ есть еще не мало курныхъ хатъ.

Комната, въ которой живетъ вмѣстѣ вся семья, всегда очень не велика, не больше $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ сажень въ длину и столько же въ ширину. Рѣдко гдѣ придется встрѣтить хату настолько высокую, чтобы человекъ большаго роста могъ пройти, не наклоняясь подъ среднюю балкою, поддерживающую потолокъ. Въ такой хатѣ среднимъ числомъ всего 6 кубич. сажень воздуха или немного болѣе 30 кубическихъ метровъ. Если, какъ нерѣдко случается, въ такой комнатѣ спать отъ 5 до 7 человекъ, то на каждого приходится всего какихъ-нибудь 5 — 6 кубич. метровъ воздуха, между тѣмъ, какъ извѣстно, для полного сохраненія здоровья необходимо каждому человеку до 60 кубич. метровъ въ часъ. Если при такихъ условіяхъ люди не задыхаются, то объяснить это можно только слѣдующимъ образомъ: украинскія хаты строятся большею частью изъ липпача, хвороста, камыша и обмазываются глиною. Всѣ эти вещества легко пропускаютъ воздухъ, особенно зимою, когда въ хатѣ тепло, а на дворѣ холодно. Этимъ путемъ устанавливается сильная *естественная вентиляция*, представляющая собою одну изъ хорошихъ сторонъ украинскаго способа постройки. Лѣтомъ дѣло обстоитъ иначе. На дворѣ почти также тепло, какъ и въ хатѣ, вентиляция черезъ стѣны совершается очень медленно и воздухъ въ хатѣ портится очень скоро. Поэтому, лѣтомъ рѣдко спятъ въ хатахъ, а большею частію на дворѣ или въ ригахъ и т. п.

Въ сѣверной Украинѣ, гдѣ хаты деревянные, воздухъ въ нихъ и нечистота хуже, чѣмъ въ мазанкахъ. Самую же дурную обстановку, конечно, представляютъ землянки. Мазанья хаты хороши еще тѣмъ, что скоро просыхаютъ. По украинскому обычаю, ихъ мажутъ очень часто, отчего хаты на Украинѣ гораздо чище великорусскихъ, особенно тѣхъ курныхъ избъ, въ которыхъ воздухъ замѣняется какимъ-то особеннымъ паромъ. Если мазаная хата не слишкомъ мала, но въ двѣ комнаты съ сѣнями и кладовой между ними, то она, при нынѣшнихъ экономическихъ обстоятельствахъ, можетъ считаться удовлетворительнымъ жилищемъ для небольшой семьи крестьянъ въ 4 или 5 душъ, и нельзя не признать, что въ ней есть не мало хорошихъ сторонъ, недостающихъ крестьянскимъ жилищамъ другихъ народовъ. Совѣмъ иное дѣло, если, какъ бываетъ чаще, украинская хата тѣсна, въ одну комнату, если семья велика и въ хатѣ живутъ не одни люди, но и раз-

ныя домашнія животныя: телята, ягнята, поросята, цыплята, — тогда хата на самомъ дѣлѣ становится не человѣческимъ жильемъ, а гнѣздомъ, служащимъ для развитія всевозможныхъ заразы.

Тѣмъ не менѣе, съ прагматической точки зрѣнія, нельзя посовѣтовать нашимъ крестьянамъ строить инныя хаты, кромѣ мазаныхъ. Большаго каменнаго или кирпичнаго дома крестьянинъ выстроить не можетъ, а при равной величинѣ съ нынѣшней мазанкой, каменная хата не принесла-бы ничего, кромѣ вреда, черезъ большую сырость, трудность обогрѣванія и недостаточность естественной вентиляціи сквозъ такой плотный матеріалъ, какъ камень.

Что касается количества свѣта, то въ украинской хатѣ оно обыкновенно достаточно, потому что въ каждой комнатѣ бываетъ три, хотя и очень небольшихъ, окна. Это уже довольно много, если принять во вниманіе, что во Франціи на 7,500,000 жилищъ около 3,500,000 не имѣютъ болѣе двухъ оконъ.

Чтобы судить о большей или меньшей степени скученности населенія въ селахъ и городахъ Украины, мы приведемъ сначала нѣсколько чиселъ, обозначающихъ среднее количество жителей, приходящихся на одинъ домъ въ разныхъ странахъ Европы.

Числа эти слѣдующія:

въ Португаліи	4,0
„ Греціи	4,0
„ Франціи	4,8
„ Бельгіи	5,2
„ Англіи	5,5
„ Голландіи	6,0
„ Венгріи	6,8
„ Италіи	6,8
„ Швейцаріи	6,9
„ Австріи	7,0
„ Россіи	7,5
„ Германіи	7,7

Такимъ образомъ, Россія, по тѣснотѣ помѣщенія, занимаетъ послѣ Германіи первое мѣсто и усиливающимъ обстоятельствомъ здѣсь служитъ еще сравнительно меньшая величина русскихъ домовъ съ западно-европейскими. Въ Россіи вездѣ живутъ тѣсно и въ городахъ, и въ селахъ, но въ то-же время тѣснота эта гораздо значительнѣе въ Великороссіи, чѣмъ на Украинѣ. Такъ,

напр., въ различныхъ городахъ приходится жителей на одинъ домъ:

Въ русскихъ.		Въ заграничныхъ.	
въ Варшавѣ	87	въ Берлинѣ	55
„ Петербургѣ	75	„ Неаполѣ	54
„ Москвѣ	22	„ Туринѣ	47
„ Одессѣ	15	„ Парижѣ	37
„ Кишиневѣ	14	„ Марсели	9
„ Кіевѣ	12	„ Лондонѣ	7

Такая значительная разница, конечно, отчасти зависитъ отъ большей или меньшей бѣдности, но еще болѣе въ городахъ отъ способа постройки. Такъ, напр., въ Англии дома вообще строятся гораздо меньше, чѣмъ въ Италіи или Германіи. Въ сельской жизни эти различія не представляются такими значительными, потому что дома всѣ почти малы и служатъ обыкновенно только жилищемъ для одного семейства. Тѣмъ интереснѣе различіе, замѣчаемое между губерніями великорусскими и малорусскими. На каждую хату приходится въ губерніяхъ:

Великорусскихъ.		Украинскихъ.	
Тульской	9,6	Екатеринославской	7,3
Саратовской	9,4	Харьковской	6,9
Курской	9,3	Черниговской	6,8
Орловской	9,2	Бессарабіи	6,8
Смоленской	9,2	Полтавской	6,7
Рязанской	8,6	Таврической	6,5
Тамбовской	8,5	Херсонской	6,1
Калужской	8,4	Донской области	5,3

Различіе это, впрочемъ, указываетъ на фактъ болѣе важный для семейнаго и хозяйственнаго быта, чѣмъ для гигиены, такъ-какъ великорусскія избы, среднимъ числомъ, больше малорусскихъ хатъ. Во всякомъ случаѣ, въ комнатѣ, гдѣ живетъ отъ 5 до 10 человекъ, не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительно хорошемъ воздухѣ. По анализамъ, произведеннымъ въ Швейцаріи, оказалось, что на 10,000 частей воздуха содержится углекислоты:

въ квартирахъ богатыхъ	8—10	частей (граница безвредности).
„ больницахъ	14—30	„
„ тюрьмахъ	13—33	„
„ казармахъ	27—53	„
„ школахъ	19—94	„

Въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, наихудшимъ воздухомъ приходится дышать именно тѣмъ, для кого необходимъ наилучшій воздухъ, т. е. дѣтямъ во время ученія. Но, вѣроятно, ни одна изъ швейцарскихъ школъ, воздухъ которой былъ предметомъ приведеннаго анализа, не можетъ сравниться съ тою, которую мнѣ пришлось наблюдать въ херсонской губерніи. Школа эта находится въ елисаветградскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ, состоящемъ почти изъ 500 дворовъ. При такомъ населеніи, на выгонѣ стоитъ очень маленькая хатка, и та еще раздѣлена на двѣ комнаты, едва-ли содержащія вмѣстѣ 80. кубич. метровъ воздуха. Въ большую изъ этихъ комнатъ набивалось обыкновенно отъ 40 до 50, а иногда до 60 учениковъ. Сидѣтъ всѣмъ, конечно, не было мѣста и многіе стояли вплотную одинъ возлѣ другаго. Дѣло было зимою и окна не открывались. Учитель, хотя не прочь былъ выпить, но любилъ свое занятіе, съ дѣтьми обращался хорошо и отъ учениковъ отбою не было. Цѣлый день несчастныя дѣти сидѣли въ нестерпимой духотѣ и учились, но зимою день коротокъ и потому на ночь одинъ приносилъ огарокъ свѣчки, другой—немного водки учителю, упрасивали его продолжать урокъ и учились до тѣхъ поръ, пока не падали утомленные, полуогорѣлые и не засыпали на землѣ грязной, ничѣмъ не застланной. Въ нашей мѣстности зима коротка, дѣти едва 5 мѣсяцевъ свободны для ученія и потому хотятъ воспользоваться этимъ временемъ, какъ можно лучше. Учитель, подчиняясь закону, задавалъ уроки по великорусскому учебнику, котораго ученики не понимали, но объяснялъ и рассказывалъ онъ поневодѣ часто по-украински и, благодаря этому, черезъ два мѣсяца большая часть учениковъ умѣли читать, немного писать и знали первыя начала арифметики. Тѣмъ не менѣе, у насъ невольно рождается вопросъ: не приноситъ-ли, при подобной обстановкѣ, ученіе въ школѣ болѣе вреда для здоровья, чѣмъ пользы для умственнаго развитія?

Мало чѣмъ лучше обстановка въ большей части уѣздныхъ и въ нѣкоторыхъ земскихъ больницахъ. Намъ вполне понятенъ страхъ простыхъ людей къ госпиталямъ. Мнѣ случалось замѣчать, что страхъ этотъ доходитъ иногда до ненависти, причеиъ крестьяне совершенно справедливо обвиняютъ больницы въ томъ, что люди въ нихъ нерѣдко умираютъ послѣ самыхъ неважныхъ хирургическихъ операций. Объ этомъ едва-ли станетъ спорить

какой-нибудь врачъ, которому приходилось дѣлать операціи не только въ больницахъ, но и въ хатахъ крестьянъ.

На-счетъ одежды крестьянъ въ Малороссіи слѣдуетъ замѣтить, что малороссійскій костюмъ простъ, проченъ и въ санитарномъ отношеніи лучше великорусскаго сермяжнаго зипуна. Украинцы очень дорожатъ изяществомъ одежды и, послѣ уплаты налоговъ, одежда составляетъ главный расходъ крестьянскаго бюджета. Мужчины носятъ рубахи и штаны изъ бѣлаго домашняго полотна. Рубахи на воротникѣ и часто на груди вышиты разноцвѣтными узорами. На ногахъ носятъ почти исключительно кожаные сапоги, потому что лапти и, такъ-называемые, *постолы* считаются признакомъ крайней бѣдности. *Свитки* (армяки) на югѣ носятъ изъ чернаго сукна, а по праздникамъ изъ тонкаго, ягнячаго. Мужчины и женщины зимою носятъ длинные кожухи изъ бѣлой кожи, сшитые безъ перехвата въ тальѣ. Женская одежда гораздо удобнѣе мужской. Въ иныхъ мѣстностяхъ рубахи покрыты такимъ вычурнымъ шитьемъ, что подъ узорами полотно мало замѣтно. *Занаски* и *платты* (одежда, носимая вмѣсто юбокъ) вытканы изъ шерсти нѣсколькихъ цвѣтовъ съ узоромъ; у болѣе бѣдныхъ онѣ дѣлаются изъ сукна чернаго или сѣраго. Большая часть женщинъ также носятъ кожаные сапоги или башмаки.

За всѣмъ тѣмъ, въ украинской одеждѣ есть своего рода недостатки. Женщины въ простомъ народѣ еще и до сихъ поръ не носятъ нижняго бѣлья, что, при климатѣ все-таки холодномъ, почти необходимо. Мужчины также очень рѣдко, даже зимою, носятъ другіе штаны, какъ бѣлые полотняные, отъ чего происходитъ неравномѣрность въ сохраненіи теплоты одежною. Кромѣ этого, еще очень часто можно встрѣтить женщинъ и дѣтей босыхъ, въ грязную, холодную погоду, иногда даже и по снѣгу. Нѣтъ сомнѣнія, что при лучшемъ экономическомъ положеніи, украинская одежда могла-бы считаться одной изъ самыхъ удовлетворительныхъ по отношенію къ здоровью.

Далеко нельзя сказать того-же самаго относительно пищи крестьянъ. Въ Малороссіи, какъ и въ большей части другихъ странъ, крестьяне вынуждены продавать лучшія произведенія своего труда, а сами питаются остатками. Пшеничный хлѣбъ и мясо почти не потребляются крестьянами. Хотя мясо стоитъ въ Малороссіи отъ 5 до 7 копѣекъ за фунтъ, но все-таки

оно слишкомъ дорого для крестьянъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что крестьяне, или по непривычкѣ или по дѣйствительной неважности мясной пищи при исключительно физическомъ трудѣ, не придають ей особенной цѣны. Какъ лакомство, они всегда предпочитаютъ сало мясу. Вотъ почему крестьянинъ работаетъ своей скотиной, пока она въ силѣ, а потомъ продаетъ ее мясникамъ евреямъ, или сначала помѣщикамъ, которые откармливають ее на виновурняхъ *бардою* (остатками отъ перегонки) и затѣмъ продають въ Великороссію или за границу. Малорусскій крестьянинъ и смотритъ на своихъ красивыхъ, круторогихъ воловъ больше какъ на товарищей въ трудѣ, чѣмъ какъ на матеріалъ для пищи, и этимъ объясняется тотъ тонъ уваженія, съ которымъ украинцы говорятъ о волахъ по отношенію къ другимъ домашнимъ животнымъ.

Но помимо недостатка въ мясной пищѣ, крестьянскимъ дѣтямъ часто не приходится пользоваться коровьимъ и молокомъ. Происходитъ это отъ того, что, при господствующей трехпольной системѣ хозяйства, у крестьянъ не достаетъ лѣтомъ пастбищъ для скота, а зимою корма, и не достаетъ при этомъ, прежде всего, для коровъ, потому что рабочихъ воловъ нужно кормить и держать при своемъ хозяйствѣ, во что-бы-то ни стало. Вотъ отчего крестьяне отдають лѣтомъ коровъ на выпасъ помѣщикамъ или ихъ арендаторамъ, а иногда не только лѣтомъ, но и на зиму для прокормленія. Обыкновенно крестьяне отдають свой скотъ въ тѣ мѣста, гдѣ земли больше и потому пастбища и кормъ дешевле, т. е. въ степи, иногда за 30 и 40 верстъ отъ своего мѣста жительства. Понятно, что при такихъ условіяхъ молоко становится рѣдкостію въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Украискія хозяйки содержатъ много домашней птицы, и чловѣкъ, незнакомый съ положеніемъ края, подумаль-бы, что крестьяне оттого не покупають мяса, что ѣдятъ много птицы и яицъ. Но это совсѣмъ не такъ на дѣлѣ. Птица составляетъ одинъ изъ главныхъ доходовъ женскаго хозяйства, которое въ Малороссіи ведется очень самостоятельно, но на которомъ лежать за то и большіе расходы, напр., одежда хозяйки, дѣтей и отчасти даже мужа. Часто хозяйинъ прибѣгаетъ къ женѣ за помощью и для уплаты податей. Такимъ образомъ, птица почти вся продается и потребителями ея становятся евреи, которыхъ на Украинѣ живетъ значительно больше миліона.

Въ рѣчкахъ и прудахъ Малороссіи рыба водится въ изобиліи, и жители имѣютъ большую наклонность къ рыболовству, составлявшему, лѣтъ полтораста тому назадъ, еще главнѣйшее занятіе цѣлыхъ казацкихъ общинъ. Но теперь крестьяне мало пользуются рыбой. Въ прудахъ рыба принадлежитъ помѣщикамъ; они ее ловятъ на свой счетъ или отдають пруды въ аренду евреямъ. Въ обоихъ случаяхъ почти всю рыбу скупають евреи. Въ большихъ текучихъ рѣкахъ, гдѣ рыболовство свободно, рыбы уже весьма немного. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть такую бѣдность, какъ между рыболовами города Кіева. Вообще, на долю крестьянъ достается только самая мелкая и невкусная рыба, не находящая сбыта на рынкахъ. Кромѣ того, рыбная ловля приноситъ несомнѣнно больше вреда для здоровья, чѣмъ результаты ея доставляють пользу. Весною и осенью, когда вода уже очень холодна, женщины по цѣлымъ днямъ бродятъ въ водѣ чуть не по шею съ небольшими густыми сѣтками (*тканками*) и отъ этого страшно простужаются. Мы дальше увидимъ, что этотъ способъ рыболовства, вмѣстѣ съ мочкою конопель и мытьемъ бѣлья зимою, есть одна изъ главныхъ причинъ страшнаго распространенія хроническихъ болѣзней грудныхъ органовъ у женщинъ.

Что-же остается для крестьянина главными питательными веществами? Рожь, ячмень, греча, просо, картофель, капуста и свекла—вотъ главныя основы его питанія. Такая пища не можетъ не вредить здоровью. Нужно съѣсть въ день отъ 4 до 6 фунтовъ этой пищи, тяжелой, кислой, невкусной, чтобы хоть сколько-нибудь вознаградить потери, обусловливаемыя тяжелымъ трудомъ. Не много найдется людей, которые безъ вреда могутъ ѣсть изо дня въ день по нѣсколькимъ фунтовъ ржаного и ячменя хлѣба, съ прибавкою картофеля и нерѣдко полугнилой капусты и свеклы; ни мяса, ни сала большую часть года не ѣдятъ крестьяне; въ постъ немного коноплянаго масла, отъ котораго больше дурнаго запаха, чѣмъ пользы. Неудивительно, поэтому, что у крестьянъ очень часты катары желудка и кишекъ, хотя обыкновенно думаютъ, что эти болѣзни являются послѣдствіями слишкомъ хорошаго и избытка питанія. Неудивительно также, что особенно много дѣтей умираетъ отъ малокровія на второмъ и третьемъ году жизни, несомнѣнно подъ вліяніемъ перехода отъ материнскаго молока къ тяжелой мучной пищѣ. Очень

многія пожилыя женщины жалуются на тяжесть и вздутіе желудка послѣ употребленія пищи. Даже наиболѣе крѣпкіе мужчины, послѣ 30 — 35 лѣтъ, часто худѣютъ и теряютъ значительную часть прежней силы, потому что работа тяжела, а пища не такъ питательна, чтобы вознаграждать издержанный матеріалъ на работѣ.

Часто слышимъ, что посты очень вредятъ крестьянамъ и что при ихъ облегченіи здоровье поправится. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Въ скоромные дни крестьяне ѣдятъ немногимъ лучше, чѣмъ въ постные. Иногда даже въ постъ пища заключаетъ болѣе азота, потому что преимущественно въ это время крестьяне ѣдятъ горохъ и фасоль. Случается, что повушаютъ даже копченую рыбу, правда, очень твердую и неудобоваримую, но все-же заключающую въ себѣ довольно много бѣлковины.

Вообще, нельзя не признать, что плохое питаніе — одна изъ главныхъ причинъ болѣзней у нашихъ крестьянъ. При этомъ, главная бѣда — не абсолютный недостатокъ въ азотистой пищѣ, но та тяжелая и неудобоваримая форма плохо выпеченнаго тѣста, каши, на половину прокисшей зелени, въ которой крестьяне принимаютъ въ себя питательныя вещества, какъ азотистыя, такъ и без-азотистыя. При такой мало питательной пищѣ и при тяжелой работѣ неудивительно, что крестьяне дополняютъ ее водкой. Болѣзни, ею производимыя, не рѣдки на Украинѣ, но все-же число привычныхъ пьяницъ далеко меньше, чѣмъ на сѣверѣ.

Обыкновенно, земледѣльческую работу считаютъ самой здоровой, исходя изъ той мысли, что постоянная жизнь на воздухѣ, при трудѣ переменномъ, иной разъ, правда, тяжеломъ, но въ другое время и легкою, должна способствовать укрѣпленію организма. И въ дѣйствительности, смертность между земледѣльцами меньше, чѣмъ у другихъ рабочихъ. По расчету *Виллерма*, въ земледѣльческихъ округахъ Франціи человекъ можетъ надѣяться, среднимъ числомъ, на жизнь отъ 39 до 43 лѣтъ, а въ фабричныхъ — всего отъ 19 до 22,5 лѣтъ. По *Бертильону*, во Франціи смертность всего населенія, въ возрастахъ отъ 25 до 35, отъ 35 до 45 и отъ 45 до 55 лѣтъ, равняется: 8,65, 11,47 и 16,52 ежегодно на 1000. Между земледѣльческими работниками смертность всего 6,6 7,7 и 11,6. Въ Англии изъ 10,000 человекъ умираетъ:

	До 10 л.	Отъ 10 до 40 л.	Послѣ 40 л.
въ земледѣльческихъ округахъ	3,505	2,038	4,457
„ смѣшанныхъ	3,828	2,048	4,241
„ фабричныхъ	4,355	2,104	3,541

Въ Бельгiи, по *Кэтле*, въ городахъ умираетъ ежегодно 27,1 человекъ изъ 1000, а въ селахъ всего 21,3. Во Франціи, между 20 и 50 годами, т. е. въ пору наибольшей работы, умираетъ вообще 12 человекъ изъ 1000, а хлѣбопашцевъ только 10,3. Въ Саксоніи также дѣтей земледѣльческихъ округовъ умираютъ меньше, чѣмъ фабричныхъ. Такъ, напр., умерло въ первый годъ жизни:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
въ земледѣльческихъ округахъ	16.89%	13.74%
„ смѣшанныхъ	18,00 „	14,75 „
„ фабричныхъ	19,81 „	16,38 „

Но всѣ эти различія не такъ велики, чтобы на основаніи ихъ можно было заключить, что жизнь земледѣльцевъ ужь очень хороша. Польза, доставляемая здоровью работою на свѣжемъ воздухѣ, часто уравновѣшивается вредомъ дурнаго жилища, тяжелой пищи, окружающей нечистоты. Вотъ, по словамъ *Карадека*, какъ живутъ крестьяне въ Бретани: „хаты у нихъ очень низкія, воздуха въ нихъ мало и по большей части они построены такъ, что уровень земли въ хатѣ ниже, чѣмъ на дворѣ. Окна очень малы и не даютъ достаточно ни свѣта, ни воздуха. Земля въ комнатахъ не покрыта досками и даже не выложена кирпичемъ; оттого въ ней дѣлаются выбои, въ которыхъ вода застаивается лужами. Рядомъ съ хатою стоятъ хлѣвы для скотины и кучи навоза прислоняются къ стѣнамъ хаты. Вода изъ этихъ кучъ просачивается сквозь стѣны въ хату и переноситъ въ нее разные органическіе мiазмы и зародыши болѣзней“.

Въ Англіи, по *Шанну*, земледѣльческіе работники, также какъ и у насъ, наиболѣе болѣютъ органами пищеваренія, оспою, дизентеріей, тифомъ, болѣзнями сердца. Нѣкоторыя земледѣльческія работы имѣютъ особенно вредное вліяніе на здоровье работниковъ: такъ, напр., въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ сѣверной Америкѣ и южной Украинѣ, хлѣбъ молотятъ уже, большею частію, паровыми машинами, тамъ отъ августа по ноябрь чуть не половина

работниковъ страдаютъ болѣзнями глазъ и кашлемъ, подъ вліаніемъ пыли, которая всегда столбомъ стоитъ вокругъ паровой молотилки.

Воздѣлываніе винограда обусловливаетъ искривленіе позвоночнаго столба въ его тонкой части, и большая часть старыхъ виноградловъ Франціи неспособны поднимать голову какъ слѣдуетъ. Кромѣ того, отъ подкуриванія лозъ сѣрою, они также болѣютъ глазами, а въ винныхъ погребахъ нерѣдко отравляются углекислотою.

Хуже всего приходится сельскимъ рабочимъ въ Италіи на рисовыхъ плантаціяхъ. По словамъ Уи, изъ ста человекъ, умирающихъ въ этихъ болотистыхъ мѣстностяхъ, 56 приходится на дѣтей моложе 5 лѣтъ. Изъ тѣхъ, которые пережили первыя пять лѣтъ, $\frac{2}{3}$ умираютъ до 20 лѣтъ и, слѣдовательно, менѣе $\frac{1}{6}$ родившихся переживаетъ двадцатилѣтній возрастъ. Общая смертность тамъ 50 ч. на 1000.

Мы уже видѣли, что въ Малороссіи пища крестьянъ содержитъ мало бѣлковины, особенно той, которая имѣетъ наиболѣе питательной цѣнности, т. е. бѣлковины животнаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи въ Англіи существуютъ официальные отчеты парламенту, представляющіе анализы пищи различныхъ работниковъ, и изъ нихъ мы видимъ, что пища хлѣбопашцевъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Такъ, напримѣръ, на человека приходится ежедневно:

	Бѣлковины.	Жиры и углеводовъ.
Арестанты въ портленской тюрьмѣ	117,3 грам.	607 граммовъ.
Матросы королевскаго флота	119,9 „	619 „
Солдаты	103,4 „	463 „
Работники въ городѣ (каретники)	99,3 „	656 „
Наборщики	85,3 „	409 „
Хлѣбопашцы	71,3 „	478 „

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ англійскихъ рабочихъ не получаетъ нужныхъ при трудѣ 130 граммовъ бѣлковины, но хлѣбопашецъ пользуется только количествомъ, едва превышающимъ половину.

Прибавимъ кое-что объ особенностяхъ крестьянской работы на Украинѣ. Очень часто малороссовъ упрекаютъ въ лѣни. Отчасти, можетъ быть, это и справедливо. Но едва-ли при нашемъ клима-

тѣ человѣкъ, который не ѣстъ мяса и не пьетъ вина, можетъ работать долго и горячо и притомъ съ увлеченіемъ. Земледѣль-ческая работа сама по себѣ, если она не чрезчуръ тяжела, не вредитъ здоровью, но при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ приходится часто работать крестьянину, онъ болѣетъ и отъ этой работы, — такъ, напр., онъ болѣетъ даже отъ пахоти, которая считается сравнительно легкимъ трудомъ. Весною и осенью крестьянину приходится пахать всего не менѣе 4—6 недѣль, иногда очень далеко отъ села и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ некуда укрыться отъ дождя, града или мятели. Поэтому, нерѣдко у рабочихъ, которые напугутъ въ мартѣ или октябрѣ, встрѣчаются бронхиты, жабы, воспаление легкихъ и т. п. болѣзни. Когда настанетъ вторая половина весны и мало полевыхъ работъ, т. е. въ концѣ апрѣля и въ маѣ, крестьянинъ нерѣдко идетъ въ чумачку. Тамъ жизнь его также не очень благоприятная для здоровья: спать онъ въ степи подъ возомъ, ѣстъ пищу сухую и холодную, изрѣдка жидкую кашу, бываетъ, что надорвется тяжелыми мѣшками съ пшеницей и т. п. Наступаетъ сѣнокосъ и жатва и это самая тяжелая пора. Иному работнику, набравшему много денегъ на отработокъ, приходится одному втеченіи 2¹/₂ мѣсяцевъ скоосить отъ 20 до 30 десятинъ травы и разнаго хлѣба. Это страшный трудъ, о которомъ въ западной Европѣ и понятія не имѣютъ. Самые сильные люди не выдерживаютъ, слабѣютъ и худѣютъ во время жатвы, а кто не очень здоровъ, тотъ сваливается и прекращаетъ на нѣсколько дней работу не изъ лѣни, а отъ истощенія. Особенно часто отъ такихъ усилій заболѣваютъ люди очень сильными цоносами, похожими на холеру. Люди, имѣющіе хроническія болѣзни сердца, также нерѣдко внезапно умираютъ отъ усилій во время жатвы.

Какъ ни тяжело приходится мужчинамъ, но женщинамъ въ крестьянскомъ быту Малороссіи еще гораздо тяжелѣе. Онѣ не имѣютъ отдыха ни зимою, ни лѣтомъ и въ общемъ работаютъ гораздо больше, чѣмъ мужчины. Кромѣ того, онѣ приготовляютъ пищу и смотрятъ за дѣтьми, онѣ лѣтомъ работаютъ въ полѣ наравнѣ съ мужчинами, цѣлый день жнутъ или вяжутъ снопы, а эти работы едва ли не тяжелѣе самаго кошенія. Кроме того, у женщинъ есть много работъ, особенно вредныхъ для здоровья, въ которыхъ мужчины не участвуютъ. Это, напри- мѣръ,

стирка бѣлья зимою и мочка конопли. Женщины, не смотря ни на какую погоду, идутъ стирать бѣлье на рѣчку, и кто хоть разъ видѣлъ, какъ при 20° градусахъ мороза онѣ по цѣлымъ часамъ, съ промокшими ногами и голыми по локти руками, бьютъ и переминаютъ толстое, заношенное крестьянское бѣлье, тотъ навѣрно удивится, что ихъ еще такъ мало умираетъ. А когда придется въ октябрѣ вытягивать изъ воды вымокшую коноплю, тогда женщины и дѣвушки по цѣлымъ днямъ болтаются въ водѣ и тѣло ихъ до того синѣетъ отъ холода, что становится цвѣтомъ похожимъ на ту грязь, которой прикрываютъ коноплю, чтобъ ихъ вода не уносила. Къ этому еще присоединяется рыболовство несчастными тканками, которыми порядочной рыбы и поймать нельзя. Иногда еще ледъ не растаялъ и кусками плаваетъ на водѣ, а женщины уже парами бродятъ по пруду, и хорошо, если за день поймаетъ каждая на 20 копѣекъ рыбы, которую сейчасъ-же и продаютъ евреямъ. Къ тому-же эта ловля дозволяется помѣщиками не даромъ, но за извѣстный отработокъ во время жатвы. Не смотря на то, рыбная ловля кажется многимъ до того привлекательной, что онѣ на эту, совсѣмъ невыгодную, работу тратятъ много времени, а, главное, страшно рискуютъ здоровьемъ. По моему мнѣнію, эти причины, вмѣстѣ взяты, обуславливаютъ необыкновенную распространенность хроническихъ бронхитовъ у пожилыхъ женщинъ, сравнительно съ распространеніемъ этой болѣзни у мужчинъ. Впрочемъ, большая часть женщинъ въ крестьянскомъ быту, если и не умираютъ прежде мужчинъ, то старѣютъ гораздо ранѣе. Мужчина въ 35 лѣтъ нерѣдко еще выглядитъ молодымъ; для женщины-же такой случай—исключеніе. Многія дѣвушки, цвѣтуція въ 20 лѣтъ, къ 35 годамъ до того истощены, что только по лицу ихъ можно отличить отъ дряхлыхъ старухъ.

III.

Главные болѣзни крестьянъ.

Здѣсь я не имѣю въ виду представить изложеніе полной патологіи жителей Малороссіи, а потому, упоминая вкратцѣ о главныхъ болѣзняхъ, я остановлюсь на тѣхъ изъ нихъ, которыя играютъ особенно важную роль въ разсматриваемомъ округѣ и

насчетъ происхожденія и распространенія которыхъ мнѣ пришлось подмѣтить нѣкоторыя особенности.

Болѣзнь, возбуждавшая наиболѣе интереса въ послѣднее время, т. е. *чума*, никогда еще въ нынѣшнемъ столѣтїи не свирѣствовала въ Украинѣ, но нѣсколько разъ въ 1828 и 1831 годахъ появлялась въ Одессѣ.

Холера, напротивъ, часто посѣщаетъ нашъ край. Одна изъ сильнѣйшихъ холерныхъ эпидемій во всемъ нынѣшнемъ столѣтїи была въ 1871 году въ Кіевѣ. Во время самаго разгара болѣзни, который, къ счастью, продолжался не долго, умирало болѣе 200 человекъ въ день, что, при общемъ населенїи Кіева въ то время, т. е. при 100,000 человекъ составляетъ громадную смертность. Больные въ судорогахъ и даже трупы валялись на улицахъ, потому что въ городѣ было много безпрїютныхъ богомольцевъ и ихъ не успѣвали принимать въ больницы или хоронить достаточно скоро. Мнѣ же чѣмъ въ двѣ недѣли, Кіевъ потерялъ болѣе 2% всѣхъ жителей. Во многихъ городахъ въ то же время и въ слѣдующемъ 1872 г. болѣзнь свирѣствовала съ подобной-же силою. Была она тогда также и въ южной части описываемаго мною округа, между прочимъ, въ мѣстечкѣ *Малой Вискн.* имѣющемъ около 2,500 жителей; здѣсь умерло отъ холеры 357 человекъ. Съ 1874 года (времени начала моей практики) не было холерныхъ случаевъ ни въ моемъ округѣ, ни по сосѣдству.

Сибирская язва и *сапъ* — двѣ болѣзни, которыми человекъ заражается отъ домашнихъ животныхъ, въ нашей мѣстности очень рѣдки. Мнѣ не пришлось ни разу не только видѣть такіе случаи, но даже слышать, что въ такомъ-то мѣстѣ умеръ такой-то человекъ отъ этихъ болѣзней. Въ то же время слухи о распространенїи сибирской язвы на людяхъ въ сосѣднихъ губерніяхъ существуютъ почти постоянно.

Дизентерія всего чаще бываетъ лѣтномъ и всего обыкновеннѣе отъ нея умираютъ только дѣти. Однако, нерѣдко болѣютъ ею и взрослые, особенно при сильной работѣ въ полѣ, безъ теплой и вареной пищи, когда люди, кромѣ хлѣба, ѣдятъ только огурцы и дыни. Въ 1876 году въ Ярославѣ и сосѣднихъ селахъ была сильная эпидемія дизентеріи у дѣтей, которая большею частію умирали на второй или на третій день послѣ заболѣванія.

Самая опасная болѣзнь для дѣтскаго возраста во всей южной Россіи—это *дифтеритъ*. Не рѣдко случается, что въ одномъ селѣ ежедневно умираетъ отъ 10 до 20 дѣтей, пока не вымрутъ почти все дѣти до 7—8-лѣтняго возраста. Мнѣ не случалось видѣть такой сильной эпидеміи дифтерита, но отъ нѣсколькихъ земскихъ врачей полтавской и херсонской губерній я знаю, что въ ихъ округахъ бывало по 1,500—2,000 больныхъ дифтеритомъ въ годъ и что изъ этихъ больныхъ умирало болѣе четвертой части. Врачи эти сами болѣли дифтеритомъ по два и по три раза, и, по ихъ мнѣнію, при нынѣшней обстановкѣ крестьянской жизни, нѣтъ никакой возможности ни предотвратить появленіе заразы, ни противодѣйствовать ея распространенію. Дифтеритъ особенно свирѣпствуетъ въ тѣхъ селахъ, которыя построены низко, около болотъ или прудовъ съ плоскими берегами. Села нашего округа почти все лежатъ высоко и потому, можетъ быть, менѣе страдаютъ отъ этой заразы. Иногда эпидеміи *дифтерита* и *скарлатины* соединяются въ одну; нерѣдко бываетъ, что и *оспа* наступаетъ одновременно съ *корью*. Въ такихъ случаяхъ въ рѣдкой хатѣ остается ребенокъ.

Болѣе третьей части людей умираетъ отъ эпидемическихъ болѣзней, и нельзя не признать, что передъ ними мы совершенно безсильны. Развитие промышленности не только не способствуетъ улучшенію народнаго здоровья, но, повидимому, имѣетъ совершенно обратное дѣйствіе. Такъ, наприимѣръ, въ селахъ *тифозныя горячки* рѣдко бываютъ злокачественны и смертность отъ нихъ тамъ не велика, сравнительно съ той, которую привели наблюдать въ госпиталяхъ. Совершенно иное бываетъ въ базармахъ при заводахъ: тамъ смертность отъ тифа еще больше, чѣмъ въ военныхъ госпиталяхъ. Не смотря на всю безпечность мѣстныхъ управленій во всемъ, что касается здоровья жителей, мнѣ въ одной кievской губерніи извѣстно нѣсколько случаевъ преслѣдованія заводчиковъ за возникшія въ ихъ базармахъ эпидеміи тифа. Едва-ли не болѣе, чѣмъ на заводахъ, умирали отъ тифа рабочіе при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, особенно кievобрестской, такъ-какъ тамъ работали пришлые бѣлоруссы и принуждены жить въ тѣсныхъ и мокрыхъ землянкахъ. Однимъ изъ главныхъ разсадниковъ тифа служатъ артели рабочихъ, которые плотами сплавляютъ лѣсъ по Днѣпру и выгружаютъ его на берегахъ.

Мнѣ кажется лишнимъ говорить подробно о способахъ борьбы со всѣми этими болѣзнями, потому что, при теперешнемъ положеніи нашего народа, для практическаго осуществленія этой борьбы не представляется достаточной возможности. Только при коренномъ измѣненіи экономическихъ и культурныхъ условій жизни крестьянъ общественная и частная гигиена могла бы оказать то благотворительное вліяніе, какое она оказала народамъ западной Европы, научивъ ихъ пользоваться водопроводами, орошеніемъ, удаленіемъ нечистотъ, вентиляціей и оздоровленіемъ фабрикъ, школъ и больницъ, возможностью чисто содержать дѣтей и т. д., — только при такомъ культурномъ уровнѣ мы вправѣ будемъ ожидать уменьшенія эпидемическихъ болѣзней. Путь, по которому пойдетъ гигиена въ этомъ направленіи, будетъ указанъ ей общимъ прогрессивнымъ развитіемъ народа. При томъ состояніи, въ которомъ теперь находится жизнь нашего сельскаго населенія, едва ли могутъ осуществиться очень широкія санитарныя реформы. Тѣмъ не менѣе, есть не мало улучшеній вполне возможныхъ, которыя произведены или производятся почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ и могли бы имѣть мѣсто и у насъ. Для примѣра, рассмотримъ подробнѣе двѣ болѣзни, самыя распространенныя у насъ и дающія наибольшее число больныхъ, но которыя во многихъ странахъ западной Европы удалось уже сократить больше, чѣмъ на половину. Эти двѣ болѣзни: *перемежающаяся лихорадка* и *сифилисъ*.

Лихорадка обязана своимъ происхожденіемъ болотамъ или вообще водѣ стоячей и гнилой. Какъ именно она тамъ зарождается, пока еще неизвѣстно. Существуетъ теорія, по которой миазмъ лихорадки есть ни что иное, какъ мелкіе зародыши водоросли *пальмеллы*, но теорія эта еще далеко не доказана. Думаютъ, что миазмъ лихорадки вдыхается легкими и не можетъ заразить человѣка, выпитый съ водою. По словамъ *Колэна*, отъ гнилой воды у людей дѣлается дизентерія и другія болѣзни, но не лихорадка. Болѣзнь эта преимущественно принадлежитъ жаркому поясу и тамъ она наиболѣе опасна. Тѣмъ не менѣе, въ сѣверномъ полушаріи лихорадка поднимается очень высоко по направленію къ полюсу и доходитъ до мѣстъ, обладающихъ средней годовой температурой въ 5° (до изотермы № 5). Такимъ образомъ, Украина еще вся лежитъ въ области возможнаго развитія лихорадки. Въ

южномъ волушаріи, напротивъ, лихорадка ограничивается очень теплымъ климатомъ и не переходитъ за изотерму № 15. На берегахъ моря, особенно гдѣ въ него впадаютъ рѣчки съ низкими берегами и соленая вода смѣшивается съ прѣсною, тамъ лихорадки бывають особенно губительны. Подъ тропиками и вообще въ теплыхъ климатахъ припадки лихорадки часто бывають смертельны, но подобныя случаи бывають и въ самыхъ умѣренныхъ климатахъ. Въ описываемомъ мною округѣ есть мѣстечко *Шпола*, звенигородскаго уѣзда, въ которомъ уже нѣсколько разъ больные умирали послѣ двухъ или трехъ припадковъ злокачественной лихорадки. Но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лихорадка непосредственно не причиняетъ смерти, какъ въ большей части странъ съ умѣреннымъ климатомъ, она всегда увеличиваетъ общую смертность, потому что люди, ослабѣвъ отъ лихорадки, легче умирають отъ другихъ болѣзней. Кроме того, отъ продолжительныхъ лихорадочныхъ припадковъ въ организмѣ челоуѣка зарождаются болѣзни, могущія быть смертельными. Въ болотистыхъ странахъ люди обыкновенно малы ростомъ, блѣдны, вялы и вся порода ихъ какъ-бы вырождается. Такимъ образомъ ослабѣла порода черноморскихъ казаковъ единственно подъ вліяніемъ страшной лихорадочной заразы, свирѣпствующей въ той мѣстности, гдѣ имъ было велѣно жить. Вотъ нѣсколько чиселъ, яснѣе показывающихъ губительное вліяніе лихорадки на продолжительность жизни: во Франціи, въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ нѣтъ лихорадокъ, ежегодно родится на 1,000 челоуѣкъ 29,3, а въ тѣхъ, гдѣ онѣ господствуютъ, родится 29,0, но умираетъ 24,4. Разница выйдетъ еще гораздо рѣзче, если въ одномъ и томъ-же департаментѣ взять мѣстности, завѣдомо лихорадочныя, и такія, которыя свободны отъ заразы. Въ департаментѣ *Энз* (Ain) умираетъ на горахъ изъ 1,000 челоуѣкъ ежегодно 26,1, на равнинѣ 40, а на болотахъ 48,2 *). Не трудно прослѣдить, какъ увеличивается смертность съ разрастаніемъ болотъ тамъ, гдѣ они производятся искусственно. Въ *Эльзасъ*, въ мѣстечкѣ *Больвилеръ*, гдѣ прежде не было лихорадокъ, послѣ постройки желѣзной дороги съ высокой плотиною образовались болота и сейчасъ-же появились лихорадки. Въ 1843 году заболѣло 36 челоуѣкъ, въ

*) Въ некоторыхъ мѣстностяхъ департамента *Гэро* дефицитъ противъ средней продолжительности жизни доходитъ до 15—19 лѣтъ.

1844—166, въ 1845—743 и въ 1846—1,166. Въ Бовилерѣ на 1,466 жителей въ прежнія времена (1836—1845) умирало, среднимъ числомъ, по 36 человекъ въ годъ. Послѣ образованія болота смертность возросла до 54 ч.

Совершенно подобный этому случай произошелъ и въ Киевѣ, гдѣ, послѣ постройки желѣзной дороги, превратилось въ болото все пространство между городомъ и военной гимназіей. Теперь иной годъ большая половина учениковъ болѣетъ лихорадками.

Возвращаясь къ нашему округу, я долженъ признать, что умираетъ у насъ отъ лихорадки очень мало людей, но количество здоровья и силы, которыхъ черезъ нее лишается крестьянское населеніе, громадно. Въ большей части селъ не менѣ четвертой или пятой части жителей переболѣетъ лихорадкой втеченіи года. Вообще, люди, у которыхъ никогда не было перемежающейся лихорадки, встрѣчаются только рѣдкими единицами. Въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ и которое заключаетъ всего 600 человекъ, мнѣ приходилось втеченіи двухъ мѣсяцевъ, мая и іюня, имѣть до 60 больныхъ лихорадкой. Нѣкоторые изъ нихъ ежегодно болѣютъ по два и по четыре мѣсяца, становятся блѣдными, худыми, неспособными ни къ какой работѣ, а иногда дѣло доходитъ до опухоли ногъ и даже до полной водяной. Мнѣ случалось въ другихъ селахъ, расположенныхъ хуже нашего, видѣть цѣлыя семьи, которыя уже нѣсколько мѣсяцевъ были больны лихорадками. Болѣзнь въ этихъ случаяхъ обыкновенно принимаетъ типъ трехъ-или четырехдневный. Положеніе такой семьи самое ужасное. Сегодня отецъ лежитъ, завтра мать, послѣ завтра дѣти и такъ далѣе—все въ томъ-же порядкѣ. Работать никто не можетъ отъ слабости и истощенія; а когда нѣтъ заработка, и пища дѣлается хуже. А между тѣмъ, потребность быть сытымъ не исчезаетъ... Въ такихъ случаяхъ дѣло нерѣдко доходитъ до опухоли тѣла, частью отъ болѣзни, частью отъ голода.

Но что всего хуже, это то, что отъ лихорадки и послѣ излеченія ея всегда остаются слѣды въ организмѣ. У кого часто бывала лихорадка, къ тому она имѣетъ наклонность и возвращается легче. Наконецъ, отъ нея развиваются неизлечимыя болѣзни внутри организма въ селезенкѣ, въ печени, въ почкахъ. Много людей умираетъ отъ хроническихъ болѣзней этихъ органовъ, — болѣзней, начало которыхъ положено лихорадками. Такимъ образомъ, лихо-

радка тѣмъ, что отъ нея страдаютъ почти всѣ, что она, особенно въ своей потайной формѣ, оставляетъ за собою серьезныя общія разстройства организма, вредитъ здоровью и рабочей силѣ украинскіхъ крестьянъ гораздо больше, чѣмъ инныя острия и смертельныя болѣзни.

Хуже всего тутъ, однако, то, что противъ этого зла ничего не предпринимаютъ, хотя въ этомъ случаѣ оказать помощь легче, чѣмъ во многихъ другихъ. Напротивъ, лихорадку какъ-будто искусственно разводятъ и поддерживаютъ. Дѣло въ томъ, что на Украинѣ естественныхъ болотъ очень мало, а главною причиною лихорадокъ являются большіе помѣщичьи пруды, съ стоячею водою, находящіеся въ крайнемъ запущеніи. Содержать прудъ въ чистотѣ — дѣло очень нелегкое и дорогое. Въ то время, когда большинство прудовъ было устроено, т. е. при крѣпостномъ правѣ, благодаря даровому труду, ихъ тогда еще очищали. Теперь же, со времени освобожденія крестьянъ, едва-ли одинъ помѣщикъ изъ двадцати вычищаетъ свои пруды, частью по недостатку средствъ, частью потому, что сами помѣщики не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и не испытываютъ зла на себѣ. Такимъ образомъ, они положительно, хотя-бы часто и бессознательно, способствуютъ усилению лихорадокъ. Въ другихъ случаяхъ пруды, бывшіе прежде глубокими и потому относительно безвредными, прорвали плотины и образовали болота, такъ-какъ землевладѣльцы не имѣютъ возможности снова насыпать плотины. Наконецъ, я долженъ еще разъ указать на то обстоятельство, что при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ санитарныя условія жизни мѣстнаго населенія вовсе не принимались во вниманіе. Такъ, между прочимъ, благодаря этому, окрестности упомянутаго мною мѣстечка Шпола на нѣсколько верстъ вдоль желѣзной дороги представляютъ изъ себя болото, то покрытое водою, то испаряющее ядовитыя миазмы.

Все это крайне печально, особенно когда мы видимъ, что въ другихъ странахъ, обставленныхъ гораздо хуже въ этомъ отношеніи, уже достигнуты блестящіе результаты. Не такія болота, какъ у насъ, осушены въ *Ландахъ*, во Франціи, и въ *Тосканѣ*. Въ другихъ провинціяхъ Франціи, напр., въ *Солонь* и въ *Брестъ* обстоятельства были какъ-разъ такія, какъ у насъ: именно лихорадки зависѣли не отъ болотъ, въ собственномъ смыслѣ слова, но отъ многочисленныхъ и грязныхъ прудовъ. Во время великой

революціи, по предложенію Дантона, всѣ эти пруды были уничтожены въ одинъ день. При реставраціи многіе, правда, были восстановлены, но теперь уже за ихъ содержаніемъ учрежденъ надзоръ, недозволяющій экономическимъ интересамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ прудовъ становиться выше санитарныхъ интересовъ цѣлаго населенія.

Въ сѣверной Украинѣ, въ Полѣсьѣ, лихорадки имѣютъ иное происхожденіе, чѣмъ въ нашемъ округѣ. Тамъ главную роль играютъ лѣсныя болота и неподвижность воздуха на нихъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы вырубка лѣсовъ, уменьшая общее количество влаги, способствовала истребленію болотъ. Вырубленный лѣсъ скоро зарастаетъ мелкимъ кустарникомъ, который сохраняетъ влагу еще болѣе высокихъ деревьевъ. *Буссето*, послѣ долготѣнныхъ опытовъ, пришелъ къ тѣмъ заключеніямъ, что когда вырублены лѣса, то: 1) количество текучей воды уменьшается; 2) уменьшаются-ли дожди, нельзя сказать съ достовѣрностію; 3) гдѣ растительность осталась неизмѣнной, тамъ и количество текучей воды на долгое время остается тѣмъ-же; 4) гдѣ много лѣса, тамъ вода болѣе задерживается; 5) сельское хозяйство въ странѣ сухой и открытой уменьшаетъ количество текучей воды; 6) ключи иногда изсыкаютъ послѣ истребленія лѣсовъ. Отсюда мы видимъ, что истребленіе лѣсовъ въ Полѣсьѣ и Бѣлорусьѣ вовсе не было-бы хорошимъ способомъ осушенія болотъ и устраненія лихорадокъ, потому что уменьшилось-бы только количество текучей воды и ключей, безвредныхъ для здоровья, между тѣмъ какъ болота поддерживались-бы атмосферными осадками почти въ тѣхъ-же размѣрахъ. Кромѣ того, извѣстное количество лѣса (отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ всей поверхности) имѣетъ полезное вліяніе на здоровье жителей.

Въ виду этого, теперь осушаютъ болота иными способами. Главныхъ изъ нихъ три: 1) спускать воду въ рѣку или въ море, выкопавши на болотѣ цѣлую сѣть каналовъ; 2) поднять уровень почвы подъ болотомъ, насыпавъ на нее слой земли; для этой цѣли обыкновенно, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на болото пускаютъ рѣчку, несущую съ собою много ила; 3) вычерпать и вылить изъ болота воду паровыми машинами, а потомъ обвести его плотинами. какъ, напр., сдѣлали голландцы съ Гарлемскимъ озеромъ. Кромѣ всего этого, лучшими средствами уничтоженія лихо-

радокъ служить посадка деревъ и посѣвъ хлѣба на всѣхъ низменныхъ мѣстахъ. Въ послѣдніе годы стали сажать въ теплыхъ климатахъ привезенное изъ Австраліи очень большое и красивое дерево, *эвкалиптусъ глобулусъ*, считаемое многими за специфическое предохранительное средство отъ лихорадокъ.

Но, какъ ни страшно бываетъ дѣйствіе острыхъ эпидемическихъ болѣзней, какъ ни губельно вліяютъ постепенно изнуряющимъ образомъ лихорадки, все-же, даже взятыя вмѣстѣ, онѣ менѣе приносятъ вреда, чѣмъ еще одно зло, отъ котораго наши крестьяне страдаютъ совершенно напрасно, потому что оно принадлежитъ къ числу вполне устранимыхъ и во многихъ мѣстностяхъ уже почти устраненныхъ. Зло это *сифилисъ*, который разрушаетъ не только здоровье огромнаго процента нашего народонаселенія, но страшнымъ образомъ вліяетъ на пониженіе общаго уровня народной жизни. Способность къ умственному развитію, красота лица, тонкость чувствъ, однимъ словомъ, всѣ элементы, составляющіе счастье въ простой крестьянской жизни, разрушаются въ конецъ этой ужасной заразой.

Откуда взялся сифилисъ въ Украинѣ? Какія формы онъ принимаетъ? Какъ передается потомству?

Откуда взялся сифилисъ въ Малороссіи — нельзя сказать съ точностію. Зовутъ его у насъ *праньцами*, т. е. французской болѣзнію. Извѣстно, что и во многихъ другихъ странахъ его зовутъ этимъ именемъ, но это еще не доказываетъ, чтобы онъ, дѣйствительно, распространился изъ Франціи и у насъ особенно усилился послѣ войны 1812 года. Какъ-бы то ни было, однако, сифилиса на Украинѣ теперь больше, чѣмъ было въ началѣ столѣтія. Отъ чего это происходитъ? Какъ далѣе увидимъ, главнымъ образомъ сифилисъ теперь распространяется путемъ наслѣдственной передачи. Рядомъ съ этимъ онъ продолжаетъ распространяться и на здоровыхъ людей, при помощи сахарныхъ заводовъ и солдатскихъ постоевъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ количество больныхъ должно было сильно увеличиться, потому что населеніе размножилось, заводы сахарные существуютъ еще только менѣе 50 лѣтъ и число солдатъ, стоящихъ по селамъ, теперь значительно больше. Нельзя, конечно, упускать изъ вида и непосредственнаго зараженія больными сосѣдей здоровыхъ, но, насколько

мнѣ удалось наблюдать и собрать свѣденія, этотъ способъ распространенія болѣзни не играетъ особенно важной роли.

Очень часто приходится слышать на Украинѣ, что такой-то „праньцеватый“ или „у него желѣзы (*жовни*)“, „у него раны на ногахъ“. „Они всѣ такіе“, прибавляютъ про его семью. Все это говорится о разныхъ формахъ сифилиса. Какъ извѣстно, онъ имѣетъ три главныхъ формы.

Первая изъ нихъ, т. е. самая ранняя, это—*первичный сифилисъ* или *шанкръ*. Эта форма—крайняя рѣдкость между крестьянами или, лучше сказать, крайне рѣдко ее случается видѣть. Крестьяне или не замѣчаютъ ее или, замѣтивши, скрываютъ и стыдятся идти къ врачу. Они еще плохо понимаютъ связь между шанкромъ и дальнѣйшими формами сифилиса и послѣднія часто приписываютъ простудѣ. Напротивъ, шанкръ и особенно *гонорея* считаются крайне постыдными болѣзнями. Поэтому, не удивительно, что мнѣ пришлось видѣть всего два случая шанкра, хотя общее число сифилитиковъ, бывшихъ у меня втеченіи года, превышало 1,000 человекъ.

Вторичный сифилисъ, т. е. разные сыпи, пустулы, кандиломы и т. п., случается видѣть чаще; однако, и ихъ скрываютъ или, можетъ быть, не замѣчаютъ. Мнѣ пришлось видѣть всего отъ 40 до 50 случаевъ вторичнаго сифилиса.

Всѣ остальные больные имѣли *третичный сифилисъ*, т. е. разные застарѣлыя пораженія кожи, раны, гумозныя опухоли, болѣзни костей и внутреннихъ органовъ. И между этими больными рѣдко кто признавался, что у него сифилисъ. Почти всѣ говорили, что они простудились, что сначала ихъ *ломало*, а потомъ начало *выкидать*. Очевидно, однако, что это непризнание болѣзни было съ ихъ стороны уловкой, такъ-какъ многіе изъ нихъ уже давно пользовались репутаціей сифилитиковъ (*праньцеватыхъ*). Какъ ни хладнокровно относятся наши крестьяне къ этой болѣзни, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при заключеніи браковъ, все-таки принимаютъ ее во вниманіе, а потому скрывать ее есть извѣстный расчетъ.

Формы третичнаго сифилиса и сила заболѣванія бываютъ крайне различны. Мнѣ случалось видѣть больныхъ, между прочимъ, одну молодую дѣвушку, у которой лица какъ-бы не существовало: ни носа, ни губъ, ни щекъ у нея не было. Все слилось въ

одну глубокую рану, на днѣ которой еще шевелились глаза. Съ другой стороны, я зналъ многихъ людей, особенно между крѣпкими еще стариками, у которыхъ всѣ проявленія сифилиса ограничивались небольшою опухолью на какой-либо кости или сухимъ струпомъ на ногѣ или рукѣ.

Есть одна особенная форма язвъ, которую приходится наблюдать очень часто, — язвы на ногахъ. Эти язвы происходятъ точно такъ-же, какъ и обыкновенныя третичныя сифилитическія раны, т. е. ногу начинаетъ ломить, потомъ дѣлается шишка и изъ нея язва. Часто у больного не бываетъ никакого инаго проявленія заразы, кромѣ этихъ язвъ. Многіе изъ нашихъ врачей, особенно въ больницахъ и въ городахъ, гдѣ исторія больного рѣдко бываетъ хорошо извѣстна, не признаютъ этихъ язвъ сифилитическими, называютъ ихъ *lupus* и приписываютъ ихъ иногда недостатку мяса въ пищѣ сельскаго населенія. Я-бы имѣлъ возразить нѣчто на такой взглядъ: 1) мнѣ случалось видѣть язвы, принимаемыя за лупозныя у такихъ людей, которые страдали явными признаками сифилиса; 2) очень часто я наблюдалъ ихъ у дѣтей или молодыхъ людей, родители которыхъ страдали сифилисомъ; 3) я никогда не видалъ такихъ язвъ на ногахъ у людей изъ такой семьи, въ которой никогда не было сифилиса. Поэтому, мнѣ кажется, что эти характерныя язвы на ногахъ представляютъ собою одну изъ формъ наследственнаго сифилиса.

Формъ этихъ такъ-же есть не мало. Вездѣ можно встрѣтить дѣтей немного золотушныхъ: у насъ они почти всѣ таковы. Однако, отсюда еще далеко до наследственнаго сифилиса. У родителей, страдающихъ этой болѣзью, нерѣдко встрѣчаются дѣти съ такими-же, ясно выраженными, признаками ея, какъ и у самихъ родителей. Бываютъ, однако, и такіе случаи, гдѣ явныхъ признаковъ еще нѣтъ. Сюда относятся дѣти, называемыя *жовноватыми* (жовны — лимфатическія желѣзы на шеѣ). По большей части, изъ опухшихъ желѣзъ дѣлаются раны, которыя долго не заживаютъ, гноятся, оставляютъ послѣ себя затвердѣнія, рубцы и пр. Весьма нерѣдко у такихъ дѣтей появляются язвы въ горлѣ, переходятъ на язычекъ и отъѣдаютъ его. Молодые люди, у которыхъ ужъ нѣтъ языка, но нѣтъ и другихъ сифилитическихъ явленій, у насъ встрѣчаются нерѣдко.

Точно такъ-же бываетъ, что у ребенка изъ сифилитической

семья проваливается носъ безъ всякаго инаго признака сифилиса. Дѣло начинается насморкомъ, затѣмъ появляются небольшія язвы въ носу, носъ ломитъ и болитъ, изъ него течетъ вонючій гной и, наконецъ, онъ проваливается. На его мѣстѣ остается отверстіе, или оно иногда зарастаетъ бѣлой гладкой кожей. Я много видѣлъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, которыя теперь по наружности здоровы, но уже вся жизнь ихъ загублена болѣзнію, перешедшей отъ родителей. Конечно, всякій согласится, что это, вѣроятно, уже сифилисъ, а не что-либо иное. Такимъ образомъ, очень трудно провести границу между золотухою и наследственнымъ сифилисомъ. Скажу, однако, что мнѣ не случалось видѣть, чтобы проваливались носы и отпадали язычки у дѣтей въ такихъ семьяхъ, гдѣ навѣрное не было сифилиса.

На основаніи всѣхъ вышензложенныхъ фактовъ, я прихожу къ тому заключенію, что большинство больныхъ сифилисомъ на Украинѣ въ настоящее время получили его по наследству отъ родителей. Но есть и иные важные способы для его распространенія. Главнѣйшій изъ нихъ — это сахарные заводы, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ плантаціями свеклы. Всѣмъ извѣстно, что правобережная Украина, особенно кievская и подольская губерніи, представляетъ собою главный центръ сахаро заводской промышленности въ цѣлой Россіи. Такихъ громаднхъ сахарныхъ заводовъ въ такомъ числѣ и въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, какъ въ южной части кievской губерніи, нѣтъ нигдѣ, даже въ западной Европѣ. Воздѣлываніе свеклы требуетъ въ извѣстные періоды очень большаго числа работниковъ: одинъ разъ лѣтомъ для полотья и разрыхленія почвы вокругъ молодыхъ растений, другой разъ осенью для того, чтобы выкапывать свеклу изъ земли. Малорусскіе крестьяне вообще неохотно идутъ на чужую работу, а въ урожайные годы лѣтомъ и осенью рабочихъ найти очень трудно. Тѣмъ не менѣе, сахарозаводчики всегда ихъ находятъ въ достаточномъ количествѣ. Какъ же они поступаютъ? Платить большія деньги невыгодно, да, кромѣ того, украинскій крестьянинъ, даже бѣдный, на деньги не особенно падохъ. Фабриканты придумали совѣтъ иную штуку: они соединяютъ работу съ разными привлекательными забавами и съ организованнымъ развратомъ. На плантаціяхъ свеклы даютъ водеу по два и по три раза въ день; рабочіе обѣдаютъ и ужинаютъ подь музыку,

потомъ танцуютъ цѣлый вечеръ. Наконецъ, парни и дѣвушки ложатся спать парами вокругъ погасающихъ огней. Послѣдствія подобной системы не трудно себѣ представить.

Весною и лѣтомъ нерѣдко развѣзжаютъ по селамъ разукрашенные повозки, запряженные четвернею прекрасныхъ лошадей. Въ повозкѣ помѣщается нѣсколько музыкантовъ и боченокъ съ водкой. Обыкновенно сажаютъ туда еще нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, красивыхъ и легкаго поведенія. Все это поетъ, играетъ и, заѣзжая въ села, вызываетъ молодежь на плантаціи. Тамъ, говорятъ, работа не тяжелая и водку даютъ, музыка играетъ и плата хорошая. Плату обыкновенно обѣщаютъ въ полтора или два раза больше дѣйствительной. Работа также совсѣмъ не такъ легка, какъ ее живописуютъ, но молодежь это знаетъ и не за тѣмъ рвется на плантаціи. Ее привлекаетъ свобода и развеселое житье. Нерѣдко бываетъ, что родители запираютъ своихъ дочерей въ кладовыя или раздѣваютъ до рубахи на время пріѣзда вербовщиковъ. Однако, и это не помогаетъ: онѣ вырываются, убѣгаютъ изъ дома на плантаціи, мѣсяца по два бродятъ съ одного мѣста на другое, привыкаютъ пьянствовать, распутничать и возвращаются, наконецъ, домой, безъ денегъ, оборванные, изморенные и очень часто зараженные сифилисомъ. Такую дѣвушку, которая привыкла ходить на плантаціи, никакимъ образомъ нельзя удержать дома. Она тоскуетъ, не хочетъ работать, не слушаетъ убѣжденій родителей, говорящихъ, что она тамъ мало заработаетъ, будетъ спать подъ дождемъ и на холодѣ, что пища тамъ плохая, а работа трудная и т. д. На всѣ эти убѣжденія нерѣдко бываетъ отвѣтомъ: „тамъ музыка играетъ, и я сплю, съ кѣмъ хочу“.

Со всѣми этими фактами я знакомъ по личнымъ наблюденіямъ. Я жилъ какъ-разъ въ такой мѣстности, гдѣ районъ сахарныхъ заводовъ оканчивается. На сѣверъ отъ Ярославки, въ кievской губерніи, въ моемъ сосѣдствѣ верстахъ въ 10—20, было 4 большихъ завода, на югъ-же, въ херсонской губерніи уже ни одного. Какъ и слѣдовало ожидать, въ херсонской части моего округа сифилиса было далеко меньше, чѣмъ въ кievской. Одно очень большое казенное село, *Коробчина*, съ 3,500 — 4,000 жителями, лежащее далеко отъ заводовъ и жители котораго мало ходятъ на плантаціи, доставило мнѣ всего 40 — 50 сифилитиковъ на общее число болѣе 400 больныхъ изъ этого села. Съ другой сто-

роны, въ кievской губерніи такое-же большое село, *Липянка*, съ 2,500—3,000 жителей, лежащее между двумя сахарными заводами, доставило мнѣ отъ 80 до 90 сифилитиковъ, хотя общее число больныхъ отсюда равнялось всего 120. Большая половина изъ больныхъ сифилисомъ были молодые дѣвушки между 16 и 25 годами. Въ этой деревнѣ въ прежнее время было много мелкихъ помѣщиковъ, и крестьяне, будучи очень бѣдны, принуждены искать заработковъ на плантаціяхъ, какъ единственнаго подспорья своему хозяйству. Тутъ уже положительно замѣчается вырожденіе, со всѣми его печальными послѣдствіями. Когда мнѣ приходилось видѣть парней или дѣвушекъ очень низкаго роста, блѣдно-зеленыхъ и распространявшихъ вокругъ себя характерный запахъ, свойственный нечисто содержаннымъ сифилитическимъ язвамъ, я часто спрашивалъ ихъ: не изъ Липянки-ли онѣ?—и большею частію не ошибался.

Сифилисъ распространяется еще и третьимъ путемъ, именно черезъ постой солдатъ. Многіе думаютъ даже, что это главный рассадникъ этой болѣзни. Мнѣ кажется послѣднее не совсѣмъ справедливымъ. Конечно, войско разноситъ заразу, но не въ такой мѣрѣ, какъ вышеуказанныя причины. По статистическимъ даннымъ, въ русскомъ войскѣ сифилитиковъ не особенно много, не болѣе 5%. Притомъ въ войскахъ сифилисъ лечатъ болѣе или менѣе серьезно и между рекрутами всегда оказывается несравненно большій процентъ сифилитиковъ, чѣмъ между старыми солдатами.

Каковъ-же процентъ сифилитиковъ среди крестьянъ Малоросіи? Какое вліяніе имѣетъ сифилисъ на общее здоровье населенія? Увеличивается-ли смертность въ сифилитическихъ семьяхъ?

Трудно дать отвѣтъ на эти вопросы для страны, въ которой статистика находится еще въ эмбриональномъ состояніи. Понятно, что число сифилитиковъ еще нигдѣ не было опредѣлено. Во всѣхъ частяхъ Украины, гдѣ мнѣ случалось быть, т. е. въ губерніяхъ кievской, херсонской, волынской, полтавской, харьковской и въ Галичинѣ, я, частію на основаніи собственныхъ наблюденій, частію-же по разспросамъ земскихъ врачей и другихъ лицъ, пришелъ къ заключенію, что вездѣ число больныхъ сифилисомъ не менѣе 10% — 15% всего населенія, а большею частію колеблется между 20% и 30%. Точныя цифры могу дать только для того села, въ которомъ я жилъ. Всѣхъ жителей въ

немъ 600 и живутъ они въ 120 хатахъ, т. е. представляютъ изъ себя 120 семействъ. Изъ нихъ 30 семействъ, или 25% населенія, заражены сифилисомъ. У 64 семействъ, или 53,3%, его навѣрно нѣтъ. Наконецъ, 26 семействъ, или 21,7%, представлялись мнѣ сомнительными. Настоящихъ сифилитическихъ явленій я у нихъ не видѣлъ, но дѣти у многихъ изъ нихъ страшно золотушны и слабы; у нѣкоторыхъ изъ взрослыхъ есть наросты на костяхъ и т. п. Очень можетъ быть, что у нихъ въ крови еще есть, но только ослабѣвшая, наследственная зараза.

Разсортировавъ за послѣднія 27 лѣтъ всѣхъ умершихъ людей по семьямъ, я нашелъ: въ 30 сифилитическихъ семьяхъ умерло за 27 лѣтъ всего 124 человѣка, или 4,15 на семью; въ 64 семьяхъ, свободныхъ отъ сифилиса, умерло 176 человѣкъ, или 2,75 на семью; наконецъ, въ 26 сомнительныхъ семьяхъ умерло всего 93 человѣка, или 3,6 на семью. Въ какую-бы сторону мы ни отнесли послѣднее число, оно не въ состояніи сильно измѣнить общій результатъ.

Посмотримъ-же на числа 4,15 и 2,75. Они ясно показываютъ, что если въ здоровой семьѣ за 100 лѣтъ умираетъ 10 человѣкъ, то въ сифилитической умереть 15. Конечно, я не имѣю права утверждать по числамъ одного села, что сифилисъ вездѣ въ такомъ размѣрѣ увеличиваетъ смертность, но мнѣ кажется, что результатъ въ этомъ случаѣ такой рѣзкій, что по нему безошибочно можно заключить объ увеличеніи смертности вслѣдствіе сифилиса вообще.

Какимъ-же путемъ происходитъ это увеличеніе? Нечего и говорить, что сифилисъ обуславливаетъ много выкидышей и мертворожденій, но это не входитъ въ нашъ расчетъ. Собственно отъ сифилиса дѣти умираютъ очень рѣдко и наследственный сифилисъ часто обнаруживается довольно поздно; такъ, на примѣръ, мнѣ случилось видѣть дѣвushку 15 лѣтъ, умершую отъ сифилиса, унаслѣдованнаго отъ родителей. Смерть наступила отъ истощенія, послѣ того, какъ больная цѣлый годъ страдала многочисленными, постоянно возобновляющимися, гумозными опухолями и язвами. Гораздо чаще, чѣмъ такую непосредственную смерть, обусловленную сифилисомъ, мнѣ случалось наблюдать предварительное развитіе, подъ его вліяніемъ, чахотки и смерть, какъ результатъ послѣдней болѣзни. Но все-же мнѣ кажется, что въ сифилитическихъ

семьяхъ особенно сильна смертность не въ молодости, а между 40 и 60 годами. Рѣдко кто изъ сифилитиковъ переживаетъ 60 лѣтній возрастъ. Кромѣ чахотки, предсмертными болѣзнями у нихъ чаще всего бываютъ разныя водянки, зависящія отъ болѣзней *почекъ, печени, сердца* и т. п. Очень можетъ быть, что корень этихъ болѣзней лежитъ въ сифилитическомъ перерожденіи органовъ.

Для того, чтобы показать, какъ быстро, подъ вліяніемъ сифилиса, вырождаются семьи, когда-то отличавшіяся крѣпостью и долговѣчностью, приведу коротенькую исторію двухъ семействъ, которую мнѣ удалось прослѣдить на нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Въ первомъ семействѣ дѣду 87 лѣтъ. Его отецъ дожилъ до 87 лѣтъ, а дѣдъ, по его словамъ, до 123 лѣтъ. У нашего дѣда сильный лозъ въ рукахъ и опухоли на костяхъ, но другихъ признаковъ сифилиса нѣтъ. У него было 14 дѣтей, изъ которыхъ остались въ живыхъ только двѣ дочери, обѣ слабыя и съ явными признаками сифилиса. Дѣти ихъ золотушныя, покрытыя язвами и сыпью. Другой примѣръ еще поразительнѣе. Дѣду 80 лѣтъ и онъ самъ, повидимому, свободенъ отъ сифилиса. Старшій братъ его умеръ 90 лѣтъ, а младшій живъ и ему также за 70 лѣтъ. Жена дѣда имѣла сифилисъ втеченіи десятковъ лѣтъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и умерла до 60-лѣтняго возраста. Дѣтей этого семейства я зналъ четырехъ, остальные умерли малолѣтними. Старшій сынъ довольно крѣпкаго сложенія и нормального умственного развитія, но съ молодыхъ лѣтъ страдаетъ припадками третичнаго сифилиса, несмотря на то, что довольно тщательно лечился. Дочь его въ 12-лѣтнемъ возрастѣ лишилась почти всего носа. Второй сынъ дѣда почти карликъ, полуидіотъ и также всегда покрытъ язвами. Жена и дѣти его также заражены. Третій братъ былъ совершенный идіотъ, микроцефаль, съ типичной огуречной формой головы. Онъ не могъ ни ходить, ни говорить и всегда лежалъ, какъ-бы согнутый чуть не пополамъ, т. е. головой около ногъ. При этомъ онъ выросъ какъ-то неестественно въ длину и прожилъ до 21 года; онъ умеръ только тогда, когда смерть матери лишила его постоянного и нѣжнаго ухода, безъ котораго онъ не могъ-бы такъ долго поддерживать свое существованіе. Наконецъ, четвертый ребенокъ—дочь въ дѣтствѣ казалась нормальной, но, по выходѣ ея на 18 году за-

мужъ, у нея показались признаки третичнаго сифилиса, вскорѣ осложнившагося чахоткой, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ окончившейся смертью.

Примѣровъ, подобныхъ этимъ двумъ семействамъ, мнѣ привелось видѣть еще нѣсколько, но и этихъ достаточно, чтобы показать, что вырожденіе, подъ вліяніемъ сифилиса, не есть одно голословное предположеніе. Во время рекрутскаго набора, въ каждомъ селѣ бывають парни негодные для службы, вслѣдствіе язвъ на ногахъ и другихъ формъ наслѣдственнаго сифилиса. Въ нашемъ селѣ, изъ котораго, со времени всеобщей воинской повинности, идутъ вынимать жребій ежегодно отъ 6 до 9 человѣкъ, всегда оказывается одинъ, но чаще двое негодныхъ, вслѣдствіе сифилиса. А наше село еще не изъ самыхъ зараженныхъ.

Стараясь изслѣдовать — улучшилась-ли физическая организація и санитарное состояніе крестьянъ со времени крѣпостнаго права, я много обращалъ вниманія на норму роста и внѣшняго вида молодаго поколѣнія, по сравненію съ ихъ отцами, и пришелъ къ тому заключенію, что, въ большинствѣ случаевъ, молодежь выше ростомъ и сложена лучше стараго поколѣнія. Но есть не мало исключеній. Во всѣхъ сифилитическихъ семьяхъ мнѣ приходилось замѣчать, что дѣти щедушнѣе и слабѣе своихъ родителей. Между ними очень много курносыхъ, рѣдкозубыхъ, съ опухшими желѣзами, вообще людей некрасивыхъ. Но и этого мало: наслѣдственный сифилисъ дѣлаетъ человѣка не только слабымъ и некрасивымъ, но подрываетъ и его умственныя способности. Большая часть дѣтей сифилитическихъ родителей лѣнны, малоподвижны, тупы, часто глуховаты, вслѣдствіе золотухи, имѣють неясный выговоръ и иногда совсѣмъ придурковаты.

Сложивши все это вмѣстѣ, слѣдуетъ признать, что, дѣйствительно, изъ всѣхъ санитарныхъ золъ, которыми страдаетъ малороссійскій народъ, сифилисъ есть самое большое. Можетъ быть, если соединить вмѣстѣ дѣйствія всѣхъ эпидемій, плохой пищи и тяжелой работы, то отъ нихъ гибнетъ и болѣе людей, чѣмъ отъ сифилиса. Но ни одно зло въ такомъ размѣрѣ, какъ это, не губить всѣ жизненныя силы, физическія и умственныя, всю цѣну жизни, ея красу, ея счастье.

Мнѣ кажется не совсѣмъ умѣстнымъ предлагать какой-либо подробный планъ для искорененія сифилиса среди крестьянъ. тажъ-

какъ мои наблюденія еще слишкомъ малочисленны и поверхностны, но мнѣ хочется указать на нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно, что энергическая борьба съ сифилисомъ привела къ самымъ благопріятнымъ результатамъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія оказалось, что болѣе третьей части всѣхъ жителей сѣверо-восточнаго побережья Адриатическаго моря заражены сифилисомъ. Въ одномъ округѣ города *Фиуме* было больше 8,000 больныхъ. Сифились былъ, главнымъ образомъ, уже наследственный, немного отличался въ своихъ проявленіяхъ отъ обыкновеннаго и носилъ мѣстное названіе *скерливео*. Большая часть врачей, однако, признали сифилитическій характеръ болѣзни. Австрійское правительство принялось за дѣло очень энергично. Были назначены особыя суммы, построены спеціальныя больницы во всѣхъ мѣстечкахъ и большихъ селахъ, посланы знающіе врачи и т. д. Въ концѣ тридцатыхъ и потомъ сороковыхъ годахъ больницы эти были уже закрыты, такъ-какъ болѣзнь была искоренена на-столько, что не требовала никакихъ спеціальныхъ мѣръ.

Съ такимъ-же успѣхомъ была ведена борьба противъ заразы, сильно распространенной на сѣверномъ берегу Ютландіи и южномъ берегу Норвегіи. Гдѣ существуетъ извѣстный уровень образованія, тамъ въ западной Европѣ сифились уменьшается. Даже въ такихъ большихъ городахъ, какъ Парижъ, число больныхъ изъ году въ годъ становится все меньше и меньше. Въ западной Европѣ вообще существуетъ мнѣніе, что сто лѣтъ тому назадъ болѣзнь была гораздо распространѣе, между тѣмъ какъ у насъ, напротивъ, единогласно указываютъ на послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, какъ на періодъ главнѣйшаго ея развитія. Насколько сифились уже искорененъ въ нѣкоторыхъ, особенно просвѣщенныхъ мѣстностяхъ, видно изъ примѣра Цюрихскаго кантона. Его населеніе доходитъ почти до 300,000 человѣкъ, живетъ оно очень тѣсно и въ значительной степени фабричнымъ трудомъ. Слѣдовательно, для распространенія сифилиса существуютъ всѣ условія, а между тѣмъ, въ кантональномъ госпиталѣ, куда направляютъ большую часть сифилитиковъ всего кантона, иногда не доставало больныхъ даже для клиническаго курса.

Примѣры эти указываютъ ясно, что искорененіе сифилиса не только возможно, но, повидимому, даже не особенно трудно, пото-

му что нельзя сказать, чтобы и въ западной Европѣ на это обращали достаточное вниманіе. Кажется, что эта болѣзнь, переходя въ наследственную форму, все-таки ослабляется, но только при томъ условіи, чтобы не существовали повсемѣстно гнѣзда новаго ея распространения *).

Переходя къ болѣзнямъ, обыкновенно принимаемымъ за незаразные, мы прежде всего должны остановиться на *чахоткѣ*, такъ-какъ несомнѣнно эта болѣзнь, по своей смертности, во многихъ странахъ стоитъ на первомъ планѣ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ на 100,000 населенія ежегодно умираютъ 2,417 чел. и изъ нихъ отъ одной чахотки—437 и еще отъ другихъ болѣзней органовъ дыханія—368 чел.; отъ всѣхъ-же инфекціонныхъ болѣзней вмѣстѣ всего—560. Такая смертность отъ чахотки относится въ Англіи не только къ большимъ городамъ, но и ко всей странѣ. На 1,000,000 населенія умираетъ ежегодно 22,000 и изъ нихъ отъ чахотки—3,500, а отъ остальныхъ болѣзней органовъ дыханія—2,000, между тѣмъ какъ отъ всѣхъ заразныхъ болѣзней—4,500. Въ Парижѣ отъ чахотки умираетъ 18,8%, отъ другихъ болѣзней органовъ дыханія — 11,6%, отъ тифа — 9,1%, отъ болѣзней органовъ пищеваренія — 12,1%; въ Копенгагенѣ отъ чахотки — 13,2%, воспаленія легкихъ — 6,2%, тифа—5,1%, судорогъ у дѣтей—9,8%; на Исландіи грудныя болѣзни убиваютъ 20%, тифъ — 6%. дѣтскія судороги — 30%. Но если такова смертность отъ чахотки на сѣверѣ, то по направленію къ югу она сейчасъ-же быстро уменьшается: въ Баваріи—2,5%, на Мальтѣ—3,8%, въ Алжирѣ — 6,9% (между европейцами и военными, тогда какъ у туземцевъ чахотка почти извѣстна). Тоже замѣчается и въ войскѣ, съ тою разницей, что смертность отъ чахотки тамъ всегда несоразмѣрно велика. Казармы служатъ лучшимъ рассадникомъ этой болѣзни. Въ Швеціи умираетъ отъ чахотки 1 солдатъ изъ 2,6, въ Россіи 1 изъ 3, въ Баваріи 1 изъ 3,8, въ Пруссіи 1 изъ 4,2, въ Италіи 1 изъ 10,5.

При этомъ замѣчательно то, что чахотка въ большихъ городахъ западной Европы скорѣе усиливается, чѣмъ уменьшается, особенно въ сѣверной Франціи, въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ; явленіе—совершенно обратное сифилису. Въ Парижѣ, въ нѣ-

*) Даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сифилисъ у евреевъ очень рѣдокъ, благодаря ихъ относительной семейной чистотѣ и строгости нравовъ.

которые изъ послѣднихъ годовъ, смертность отъ нея доходила до 20% — 30%. Принявъ все это во вниманіе, мы должны признать, что у насъ въ Украинѣ, странѣ болѣе холодной, чѣмъ даже сѣверная Франція, чахотка не очень распространена. Смертность отъ нея неизвѣстна въ точности, но по многимъ признакамъ можно заключить, что она не превосходитъ 10% общей смертности. Чахотка есть одна изъ немногихъ болѣзней, которыми евреи въ нашей мѣстности страдаютъ больше остальнаго населенія.

Отсюда видно, что, несмотря на сифились, на лихорадки и прочія болѣзни, украинская порода, въ той области, гдѣ я ее наблюдалъ, еще не очень выродилась. Въ этомъ подтверждаетъ меня еще и рѣдкость болѣзней костей. *Костопдовъ* мнѣ случилось видѣть всего нѣсколько случаевъ, а *рахитизма* (англійской болѣзни у дѣтей) въ селахъ всего 3 или 4. Золотуха и сифились больше поражаютъ кожу, слизистыя оболочки, но изъ костей преимущественно только носовыя. Вообще извѣстно, что тяжелыя формы золотухи, поражающія кости, встрѣчаются преимущественно въ странахъ съ очень сырнѣмъ климатомъ, напр., въ Швейцаріи, Голландіи, сѣверо-западной Россіи. Во Франціи, на берегахъ Средиземнаго моря, гдѣ очень сухо, золотухи чрезвычайно мало, а тутъ-же вблизи, на Севенскихъ горахъ, особенно въ департаментѣ *Лозэры*, онѣ встрѣчаются часто. Въ Малороссіи нельзя сказать, чтобы золотухи было мало, но формы принимаетъ она обыкновенно не самыя тяжелыя и острыя.

Душевные болѣзни вообще не часты между крестьянскимъ населеніемъ въ Малороссіи, какъ и въ другихъ странахъ. Но собственно нервныя болѣзни, благодаря нервному темпераменту большинства украинцевъ, и между крестьянами не рѣдки. *Неврастѣи*, даже *падучую болѣзнь* (*эпилепсію*) приходится видѣть довольно часто. *Хорея* (пляска св. Вита) встрѣчается, но рѣже.

Ревматизмы представляютъ собою одну изъ распространеннѣйшихъ болѣзней. Рядомъ съ ними и *болѣзни сердца* встрѣчаются часто. Тѣ и другія имѣютъ начало въ непосильномъ трудѣ, простудѣ, въ спаньѣ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ и т. д. Это одна изъ тѣхъ категорій болѣзней, которыя прежде всѣхъ уступаютъ вліянію просвѣщенія и распространенія гигиеническихъ свѣденій.

Болѣзни органовъ пищеваренія очень распространены, что объясняется неудобоваримостію и крайнимъ однообразіемъ пищи. Большею частью, къ тому-же, пища очень дурно приготовлена, такъ-какъ у хозяйки очень мало времени, и она должна работать въ домѣ, смотрѣть за дѣтьми, за домашней птицей и скотиной и т. д. Малорусскія семьи все живутъ раздѣльно, и потому очень рѣдко въ хозяйствѣ бываетъ болѣе одной взрослой женщины. Такимъ образомъ, раздѣленіе труда, существующее нерѣдко въ великорусскихъ семьяхъ, здѣсь не можетъ имѣть мѣста. Особенно отъ болѣзней желудка и кишекъ страдаютъ дѣти. Сухотка—одна изъ наиболѣе распространенныхъ болѣзней, обуславливающихъ большую смертность дѣтей, уже отнятыхъ отъ груди.

Болѣзни *печени* не очень часты: встрѣчается *цирозъ* (межклеточное воспаленіе), подъ вліяніемъ злоупотребленія спиртомъ, и *гепатитъ* (воспаленіе) сифилитическаго происхожденія.

Болѣзни *почекъ* обыкновенныя, особенно *брайтова* болѣзнь (бѣлковое мочеизнуреніе) часто встрѣчается у сифилитиковъ.

Диабета (сахарное мочеизнуреніе) мы ни разу не пришлось наблюдать у крестьянина, равно какъ и *подагры*. *Камни* мочевого пузыря такъ-же, какъ и *геморoidalныя* болѣзни (застой крови въ толстыхъ кишкахъ), встрѣчаются не часто.

Накожныхъ болѣзней несифилитическаго происхожденія немного. *Чесотка* наступаетъ эпидеміями, но потомъ почти исчезаетъ. *Парши* и *экзема* (зудящая сыпь) распространены въ очень небольшомъ количествѣ. Уходъ за кожей, однако, вообще плохой, особенно зимою, такъ-какъ бань въ селахъ почти не существуетъ.

Глазныхъ болѣзней приходится видѣть не мало: отъ сифилиса, золотухи, отъ вѣтра и пыли во время жатвы и возки хлѣба, особенно же отъ молотбы паровыми молотилками. Слѣпнуть преимущественно дѣти отъ оспы. У старыхъ женщинъ часто встрѣчаются *катаракты*. *Темная вода* и прочія болѣзни внутренняго глаза не часты, но многіе жалуются на такъ-называемую *куриную слѣпоту*, т. е. на плохое зрѣніе въ сумерки.

Между *болѣзнями ушей* очень часты хроническія воспаленія эфстафиевой трубы и барабанной полости. Очень много людей жалуются на постоянный шумъ въ ушахъ и на то, что плохо слышать.

Женскія болѣзни—однѣ изъ самыхъ обыкновенныхъ; особенно часты выпаденія матки, какъ послѣдствія тяжелой работы вскорѣ

послѣ родовъ. Но въ то же время роды тяжелые и неправильные у украинокъ очень рѣдки. Мнѣ не случалось видѣть въ селахъ ни одного смертнаго случая, имѣвшаго роды непосредственной причиной.

Въ томъ, что касается *хирургическихъ* случаевъ, т. е. болѣзней, происходящихъ отъ переломовъ костей, ранъ, ушибовъ, поврежденій машинами и т. п., то они, вѣроятно, мало чѣмъ отличаются отъ подобныхъ-же случаевъ въ другихъ мѣстностяхъ. Къ тому-же Украина, — страна плоская, а рабочая скотина въ ней не лошадь, а волъ — животное тихое и смирное; оттого и число переломовъ и вывиховъ не очень велико. Когда-же они случаются, то, обыкновенно, излѣненіе идетъ скоро и нормально, потому-что, какъ сказано выше, украинцы мало имѣютъ склонности къ болѣзнямъ костей. Мнѣ не приходилось видѣть перелома, который-бы остался несросшимся, и съ другой стороны, я нѣсколько разъ видѣлъ, что человекъ, у котораго была сломана рука, работалъ ею черезъ 4 — 5 недѣль послѣ перелома. Одна дѣвочка, имѣвшая полный вывихъ въ тазобедренномъ сочлененіи, ходила уже черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ. Въ общемъ, калѣкъ въ нашемъ округѣ немного и только за послѣдніе годы сахарные заводы и паровыя молотилки значительно увеличили ихъ число.

Такъ-какъ у малороссовъ вообще большая склонность къ воспалительнымъ процессамъ кожи то неудивительно, что нарывы и чирьи дѣлаются у нихъ часто. Нерѣдко встрѣчаются нарывы и *флегмоны* (разлитія воспаленія кожи) послѣ весьма незначительныхъ поврежденій, особенно занозъ и укуловъ. За то воспалительные процессы и заживаютъ хорошо. Мнѣ никогда не приходилось видѣть въ селахъ ни *пиемии* (гнойной заразы), ни *септицемии* (гнилостной заразы), ни *госпитальной гангрены*. Всѣ почти хирургическіе случаи, которые мнѣ пришлось наблюдать въ деревнѣ, имѣли счастливый исходъ.

Наконецъ, остается сказать еще о *злокачественныхъ новообразованияхъ*, т. е. ракахъ, саркомахъ и т. п., но на ихъ счетъ не могу высказать никакого опредѣленнаго мнѣнія. Въ моемъ округѣ ихъ было немного, но я навѣрное знаю, что въ черниговской губерніи раки очень распространены. Это понятно, такъ-какъ тамъ условія жизни значительно хуже, чѣмъ въ нашей мѣстности.

IV.

Взглядъ крестьянъ на ихъ волъзны. Простѣйшія реформы.

Надо признаться, что простые люди въ Малороссіи еще очень плохо понимаютъ истинныя причины своихъ болѣзней. Они имѣютъ большую склонность придавать каждому страданію способъ происхожденія внезапный, а недолговременный. Такъ, напр., хотя они знаютъ, что отъ слишкомъ тяжелой работы человекъ слабѣетъ, но все-таки рѣдко услышишь совершенно вѣрный терминъ: *выработался*, а большею частію про такого человека говорятъ, что онъ *поднялъ тяжелое, надорвался, сдвинулъ себѣ внутренности* и т. д.

Тоже и по отношенію къ пищѣ. Часто слышишь, что человекъ жалуется на то, что съѣлъ вредную вещь, но никогда не слышишь, чтобы признавали нездоровымъ отсутствіе мяса въ пищѣ, слишкомъ грубое ея приготовленіе и пр. Нерѣдко женщина рассказываетъ, что напилась холодной воды и заболѣла отъ этого чахоткою, но не принимаетъ при этомъ во вниманіе, что она зимою на льду стирала бѣлье, въ мартѣ рыбу ловила тканкой, въ октябрѣ конопля мочила и т. п., считая все это совершенно естественнымъ и безвреднымъ.

Хорошо, однако, если хотя такія причины, имѣющія подобіе рациональности, прилагаютъ къ объясненію происхожденія болѣзней. Большею-же частію только и слышишь отъ больного, что болѣзнь ему *пороблена* или *наговорена*, или-же причина ея — *пристритъ, пидвій* или *перелякъ*.

Пороблено означаетъ, что кто-то, посредствомъ волшебства, т. е. какого-либо символическаго дѣйствія, навелъ на больного его страданія.

Наговорено также означаетъ, что кто-то навелъ болѣзнь, но не дѣйствіями, а просто словами или заклинаніями.

Пристритъ (дурная встрѣча) случается тогда, если на больного посмотритъ человекъ, у котораго глазъ недобрый. Очень многіе больные не позволяютъ себя осматривать, если въ комнатѣ находится кто-либо другой, кромѣ врача, которому они довѣряютъ.

Пидвій бываетъ отъ того, что человекъ попадетъ въ вихрь. Тамъ, какъ извѣстно, черти крутятся и отъ этого человекъ заболѣваетъ.

Перелякъ означаетъ, что больной чего-либо испугался. По народнымъ понятіямъ, отъ переляка всего чаще бываютъ нервныя болѣзни, напр., эпилепсія, судороги и т. п. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ объясненіе, можетъ быть, отчасти и справедливо. Перелякъ лечатъ выливаніемъ яйца. Бабка беретъ яйцо, льетъ его въ воду и смотритъ, на что будетъ похоже яйцо, расплывшееся въ водѣ. Того, на что оно похоже, больной и испугался. Если бабка отгадала, то больной выздоравливаетъ.

Къ докторамъ обращаются крестьяне довольно охотно тамъ, гдѣ есть совѣтливые врачи, но продолжаютъ, часто одновременно даже, лечиться у *бабокъ* и *дѣдовъ*. Бабки главнымъ образомъ принимаютъ дѣтей, т. е. акушерствуютъ, но кромѣ того и лечатъ отъ разнообразныхъ болѣзней. Дѣдовъ вообще немного и они только лечатъ. О томъ, какъ именно лечатъ бабки, могу сказать лишь весьма немного, потому что онѣ обыкновенно держатъ свои способы леченія въ строгой тайнѣ. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы онѣ лечили только травами и ваннами. Напротивъ, онѣ пользуются самыми сильными средствами врачебной фармакопеи. Ртуть, яписъ, синій камень, маточныя рожки — одни изъ главныхъ лекарствъ въ ихъ рукахъ и часто бываетъ немало зла отъ неумѣнья крестьянъ соразмѣрить дозы этихъ сильныхъ средствъ. Нерѣдко, впрочемъ, врачеваніе бабокъ оказываетъ и большую пользу. Мнѣ случалось видѣть людей, вылеченныхъ бабками отъ застарѣлаго сифилиса. Больные эти пили декохтъ и сидѣли отъ 4 до 6 недѣль на печи при температурѣ отъ 25° до 35°. Кромѣ декохта, бабки внутрь и снаружи употребляютъ также ртуть въ такомъ размѣрѣ, что случаются и отравленія.

Одно изъ любимыхъ средствъ ихъ леченія — это паровныя ванны. Такъ-какъ на Украинѣ бань нѣтъ, то берутъ большіе камни, раскаляютъ ихъ въ печи и потомъ льютъ на нихъ кипятокъ. Больного раздѣваютъ и ставятъ надъ паромъ. Этимъ способомъ лечатъ обыкновенно острия, воспалительныя болѣзни, наприхѣръ, пневмонія (воспаленія легкихъ), перитониты (воспаленія брюшины) и т. п.

Леченіе холодною водою не въ обычаѣ на Украинѣ и крестьяне очень его боятся. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что при довѣрїи къ врачу они исполняютъ охотно всё его предписанїя. Украинскїе крестьяне, въ качествѣ пациентовъ, необыкновенно терпѣливы и деликатны по отношенію къ врачу, чего трудно было-бы и ждать при общемъ уровнѣ ихъ развитїя. Вообще говоря, если санитарная помощь крестьянамъ недостаточна и плохо организована, то въ этомъ они нисколько не виноваты. Напротивъ, они всякую санитарную помощь принимаютъ въ высшей степени благодарно. Этого мало; я знаю примѣры, что крестьянскїя общества въ кїевской губерніи, по случаю несуществованїя земства, на собственные средства нанимали врачей на извѣстное число волостей и заводили аптеки. Къ сожалѣнію, средства однихъ крестьянъ, и безъ того обложенныхъ тяжелыми налогами, далеко недостаточны. Принимая, къ тому-же, во вниманїе, что главныя причины распространенїя болѣзней, напримѣръ, пруды, заводы, паровыя молотилки, тяжелая работа вообще и т. д., доставляютъ доходы не крестьянамъ, а капиталистамъ, мнѣ кажется, что этими людьми и должны быть доставляемы главныя средства для покрытїя расходовъ на санитарную помощь простому народу.

Не придавая нижеслѣдующимъ пунктамъ нисколько характеръ проекта, привожу ихъ только какъ мысли, возникшія у меня послѣ медицинской практики въ деревнѣ. Мнѣ кажется, что въ этихъ элементарныхъ и далеко еще недостаточныхъ реформахъ санитарной организаціи не заключается ничего такого, что, при искренномъ желанїи, не было-бы осуществимо въ настоящее время.

1) Предоставить земствамъ право налагать опредѣленный налогъ на всѣ фабрики, заводы, торговныя предпрїятїя, крупныя сельскїя хозяйства и проч. Налогъ этотъ долженъ быть употребленъ на увеличеніе средствъ для санитарной помощи крестьянскому и рабочему населенію, страдающему отъ дурной обстановки нашихъ промышленныхъ предпрїятїй.

2) На эти средства слѣдуетъ увеличить число земскихъ врачей въ такомъ размѣрѣ, чтобы приходилось не менѣе одного врача на населеніе въ 10—15,000 человекъ.

3) Средства волостныхъ аптекъ слѣдуетъ увеличить въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждый врачебный округъ приходилось не менѣе 1,500—2,000 рублей въ годъ.

4) Въ каждой волости Малороссіи устроить спеціальныя временныя больницы для сифилитиковъ. Земскаго врача обязать свидѣтельствовать всякаго человѣка, который его о томъ попроситъ, и выдать ему безвозмездно свидѣтельство о томъ, что онъ не зараженъ сифилисомъ, если онъ его, дѣйствительно, найдетъ свободнымъ отъ заразы. Суммы, идущія на содержаніе сифилитической больницы, могутъ быть употреблены впослѣдствіи на другія нужды волости, сообразно рѣшенію, высказанному волостнымъ сходомъ, но не прежде, чѣмъ всѣ жители волости до одного будутъ обладать свидѣтельствомъ въ томъ, что они свободны отъ сифилиса. Такимъ образомъ, вопросъ объ излеченіи сифилиса приметъ характеръ общественнаго интереса.

5) Предоставить земству избирать особыхъ *рабочихъ попечителей*, въ родѣ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ. Рабочій попечитель обязанъ объѣзжать всѣ фабрики и хозяйства, нанимающія рабочихъ, и требовать извѣстнаго, установленнаго земствомъ, размѣра и порядка въ работѣ, питаніи, жилищѣ, и прочихъ условіяхъ жизни рабочихъ.

6) Устроить при земствахъ съѣзды врачей, рабочихъ попечителей и иныхъ спеціалистовъ, напримѣръ, инженеровъ, сельскихъ хозяевъ, фабрикантовъ; на этихъ съѣздахъ предлагать реформы, выработывать проекты, подвергаемые потомъ на утвержденіе земства. Эти съѣзды могутъ быть или губернскіе, или уѣздные, или по спеціальнымъ отраслямъ производства, смотря по надобности.

7) Въ случаѣ эпидеміи или другой какой-либо экстренной потребности, при земствѣ образуется санитарная коммиссія изъ спеціалистовъ, т. е. врачей, рабочихъ попечителей и пр. Коммиссія эта, конечно, можетъ быть и постоянной и въ такомъ случаѣ завѣдывать санитарною статистикой, слѣдить за научными открытіями въ области гигиены и пр.

8) Устроить, по возможности, при каждомъ земствѣ сборъ, печатаніе и рассылку другимъ земствамъ документовъ, касающихся здоровья и работы населенія.

9) Устроить при каждомъ уѣздомъ, а если это невозможно, то при каждомъ губернскомъ земствѣ хоть небольшую бібліотеку и лабораторію для изслѣдованій въ области гигиены и химическихъ анализовъ.

Повторяю еще разъ, что это—только направленіе, въ которомъ реформы были-бы желательны и осуществимы. Что-же касается ихъ реализаціи, то на этотъ счетъ можно только высказать ту мысль, что наиболѣе успѣшно пойдетъ дѣло, если земствамъ будетъ предоставлена возможно большая самостоятельность въ инициативѣ и въ организаціи санитарнаго порядка. Каждое изъ нихъ, соображаясь съ мѣстными потребностями, средствами и нравами, устроится по-своему и въ интересахъ своего округа.

С. Подолинскій.

КОШМАРЪ.

Засыпають мысли сила,
Покоряетъ мощный сонъ:
Вотъ просторная могила—
Въ ней живымъ я скоронень.

Спертый воздухъ грудь мнѣ душить,
Мракъ туманить блескъ очей,
Пламя мысли мозгъ мой сушить
Сердце точить червь скорбей.

Что-то сдѣлать мнѣ желалось,
Что-то честное сказать...
Глупо, рано, мнѣ казалось,
И обидно умирать!

Тщетно къ братьямъ я взываю:
Въ гробъ глохнетъ рѣчь моя;
Задыхаюсь, умираю
Въ духотѣ могильной я!

Н. Вобылевъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЗНАНІЯ.

I bimbi chiono: non basta farli,
C'è poi l'imommodo di educarli.

Giuseppe Giusti.

1.

Нѣтъ ничего легче, какъ *трактовать о воспитаніи дѣтей*, но нѣтъ ничего труднѣе, какъ *воспитывать ихъ*. Пока вопросъ о воспитаніи ставится на теоретическую точку зрѣнія, всякій педагогъ считаетъ себя вправѣ разсуждать съ аплобозомъ, давать совѣты и наставленія, даже сочинять новыя педагогическія системы, но какъ только дѣло коснется практическаго примѣненія этой теоріи, оказывается, что у нея нѣтъ ничего общаго съ дѣйствительной жизнью ребенка и она виситъ на воздухѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ имѣетъ хоть малѣйшее представленіе о той смутной порѣ, когда въ ребенкѣ возникаетъ все то, чѣмъ жизнь бываетъ красна человѣку: чувство, сознаніе, воля? Всѣ мы проходили черезъ это загадочное преддверіе собственно человѣческаго бытія, когда ребенокъ пересталъ быть *чѣмъ-то* и становится *къмъ-то*, но кто-же вынесъ изъ него хоть одно ясное, руководящее воспоминаніе? Сколько-нибудь толковая и добрая кормилица или мамка знаетъ о первыхъ мѣсяцахъ нашей психической жизни едва ли не больше, чѣмъ всѣ присяжные педагоги вмѣстѣ, а въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ первые шаги человѣческой жизни, не только мѣсяцы, но даже недѣли и дни имѣютъ очень существенное значеніе. Материнская нѣжность угадываетъ это. Съ тѣхъ поръ, какъ у матери зашевелилось подъ сердцемъ, она говоритъ уже

о „таинственномъ незнакомцѣ“, какъ о близкомъ ей лицѣ, пополняя собственнымъ воображеніемъ крайне недостаточный запасъ точныхъ свѣдѣній, имѣющихся у нея объ ожидаемомъ гостѣ. Но самое святое и теплое чувство поневолѣ бессильно тамъ, гдѣ ему приходится бродить въ потемкахъ.

Мыслители XVIII столѣтія, замѣнявшіе часто недостатокъ положительнаго званія гениальными догадками и горячею любовью ко всему человѣческому, Руссо, Кондильякъ, Локъ, понимали всю практическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, философскую важность вопроса о психологіи младенцевъ. Ничего не рѣшивъ, они, по крайней мѣрѣ, обратили наше вниманіе на эту капитальную научную задачу. Педагогическія ошибки Руссо теперь уже хорошо всѣмъ извѣстны. Если своею идеализаціе „природнаго состоянія“ онъ, по саркастическому замѣчанію Вольтера, долженъ былъ возбуждать въ мыслителѣ желаніе стать на четверенки, то, чтобы оставаться вѣрнымъ его теоріи, добросовѣстный педагогъ долженъ былъ, руководя своего питомца, самъ разучиваться грамотѣ или даже, можетъ быть, забывать членораздѣльную рѣчь, такъ-какъ намъ рѣшительно неизвѣстенъ тотъ предѣлъ, съ котораго, по мнѣнію этого гениальнаго брюзги, начинается коверканіе человѣка обществомъ и цивилизаціею. Кондильякъ доходилъ до крайностей, не менѣе забавныхъ на нашъ взглядъ. Онъ говоритъ, что исторія развитія человѣчества указываетъ тотъ путь, которымъ педагогъ долженъ слѣдовать въ воспитаніи своего питомца. Это нѣсколько похоже на то, какъ еслибы какой-нибудь мудрецъ, отправляясь съ Невского проспекта на Гороховую или Мѣщанскую, запасся астрономическимъ телескопомъ, чтобы опредѣлить, по теченію звѣздъ, свое путешествіе съ одной улицы на другую. Оно, можетъ быть, даже и хуже: сферическая астрономія и геодезія позволяютъ намъ, по крайней мѣрѣ, съ достовѣрностію ориентироваться тамъ, гдѣ мы-бы неизбежно заблудились безъ ихъ пособія, а исторія умственнаго развитія человѣчества для насъ и въ настоящее время не болѣе ясна, чѣмъ смутная область перваго пробужденія духовной дѣятельности въ каждомъ отдѣльномъ ребенкѣ... Но теперь легко смѣяться надъ заблужденіями тѣхъ, кому и все человѣчество, и многія отдѣльныя личности такъ много обязаны своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, если не разоблаченіемъ законовъ этого развитія.

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться.

Даже педагогическія ошибки этихъ мощныхъ мыслителей заслуживаютъ нашего полного уваженія; онѣ обратили вниманіе послѣдующихъ поколѣній на многіе изъ тѣхъ насущнѣйшихъ вопросовъ, которые затрогиваютъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ наши духовные и матеріальные интересы, мимо которыхъ великіе и малые люди добраго стараго времени почему-то проходили съ полнымъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ втеченіи долгихъ вѣковъ.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія, талантливый естествоиспытатель, Тьері Тидеманъ, когда у него родился сынъ, въ послѣдствіи прославившійся на естественно-научномъ поприщѣ болѣе своего отца, напалъ на счастливую мысль вести подробный журналъ наблюденій, которыя онъ дѣлалъ надъ малюткою съ перваго-же дня его появленія на свѣтъ. Дневникъ этотъ былъ изданъ въ первый разъ очень недавно, если не ошибаюсь, въ 1863 г., въ французскомъ „Journal général de l'Instruction publique“. Считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя выписки изъ этой первой попытки изученія зарождающагося человѣческаго сознанія съ точными экспериментальными приѣмами, такъ блистательно уже доказавшими свою состоятельность во всѣхъ другихъ отрасляхъ изслѣдованія.

„На второй день по рожденіи, когда малюткѣ положили палецъ въ ротъ, онъ сталъ сосать, но лѣнливо, какъ-бы нехотя. Когда-же ему дали подслащенную соску, то онъ началъ сосать ее гораздо настойчивѣе. Сосаніе пальца нельзя даже назвать настоящимъ сосаніемъ: это было механическое движеніе губъ, вызванное голодомъ и жаждою, а, вѣроятно, также и раздраженіемъ желѣзъ присутствіемъ посторонняго предмета.“

Нѣсколько дней спустя: „глаза уже начинаютъ двигаться по различнымъ направленіямъ, но не случайно: они останавливаются преимущественно на движущихся предметахъ“. Нельзя не замѣтить, что предметы движущіеся, дѣйствительно, обращаютъ на себя вниманіе всякаго зрителя даже въ большей степени, чѣмъ предметы, ярко освѣщенные. Узо (Houzeau), извѣстный бельгійскій естествоиспытатель, долго жившій въ Техасѣ и въ Мексикѣ, извѣдывшій во всевозможныхъ направленіяхъ весь свѣтъ и

„Дѣло“, № 5, 1879 г.

издавшій въ 1872 г. превосходное сочиненіе объ умственныхъ способностяхъ животныхъ, положительно утверждаетъ, что это свойство движущихся предметовъ обращать на себя вниманіе зрителя извѣстно многимъ животнымъ. Замѣтивъ врага, многія изъ нихъ, если нѣтъ возможности спрятаться, просто ложатся на землю или прикидываются мертвыми. Дарвинъ, какъ извѣстно, обратилъ особенное вниманіе на эту уловку животныхъ. Съ его легкой руки, многіе англійскіе натуралисты и психологи занялись разслѣдованіемъ этого замѣчательнаго явленія. Профессоръ Романсъ (Romans), между прочимъ, замѣчаетъ въ одной своей лекціи, что въ большей части случаевъ животныя оказываются очень плохими актерами, такъ что самый неопытный наблюдатель легко отличаетъ дѣйствительно мертвого жука, напримѣръ, отъ притворившагося мертвымъ. Въ тѣ времена, когда Тидеманъ писалъ свой дневникъ, большая часть вопросовъ, которымъ дарвинизмъ придалъ теперь болѣе или менѣе капитальное значеніе, еще вовсе не были затронуты. Я позволялъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ примѣрѣ, чтобы показать замѣчательный тактъ Тидемана. Записывая, повидимому, безъ разбора всякую наблюдаемую имъ мелочь, онъ, однакожъ, вѣроятно, самъ себѣ не отдавая опредѣленнаго отчета, отмѣчаетъ по преимуществу только такія явленія, научное значеніе которыхъ выяснилось впоследствии послѣ его смерти. Впрочемъ, я то сказать: въ дѣлѣ зарожденія человѣческаго сознанія едва-ли и есть такія явленія, которыя можно-бы было вовсе упускать изъ вида. Если многое въ младенческой жизни и представляется намъ еще мелочью, то единственно потому, что въ дѣлѣ опытной психологіи мы сами чуть не новорожденные младенцы. Наблюденія надъ первыми шагами сознанія представляютъ громадный интересъ не только съ педагогической точки зрѣнія: всякая наука о человѣкѣ будетъ неизбѣжно витать въ облакахъ до тѣхъ поръ, пока эта низменная ступень человѣчности не будетъ изслѣдована со всею надлежащею полнотою и ясностью... Но возвратимся къ дневнику.

„Съ самыхъ первыхъ дней ребенокъ любитъ чувствовать себя свободнымъ; онъ, очевидно, недоволенъ, когда его пеленаютъ. Въ движеніяхъ нѣтъ, однако, еще ничего сознательнаго, кромѣ нѣкотораго ощущенія боли, очень неопредѣленнаго и приводящаго

въ движеніе всѣ члены, по большей части автоматически, но иногда и преднамѣренно*. Это замѣчаніе Тидемана подтверждается и пополняется позднѣйшими наблюдателями. Извѣстный французскій писатель, Ипполитъ Тэнъ, вель, по примѣру Тидемана, дневникъ первыхъ мѣсяцевъ жизни своей дочери и пришелъ къ нижеслѣдующему заключенію: „съ перваго-же часа, вѣроятно, автоматически или рефлексивно, ребенокъ приводитъ безпрестанно въ движеніе всѣ свои члены, едва-ли не всѣ свои мускулы. По моему мнѣнію, изъ этого множества постоянныхъ движеній, путемъ выбора, постепенно развиваются движенія преднамѣренныя, имѣющія опредѣленную цѣль и достигающія, наконецъ, этой цѣли...“ „Крикъ первоначально служитъ для ребенка точно такимъ-же безцѣльнымъ упражненіемъ звуковыхъ органовъ. Развитіе способности издавать звуки идетъ точно такимъ-же путемъ, какъ и приобрѣтеніе способности преднамѣренныхъ или цѣлесообразныхъ движеній, т. е. путемъ выбора, ежечасныхъ попытокъ и опытовъ...“ Тэнъ замѣчаетъ, что ребенку движеніе всѣхъ его членовъ и издаваніе звуковъ, первоначально вовсе не членораздѣльныхъ, доставляетъ положительное удовольствіе. Онъ прислушивается къ своей болтовнѣ, иногда улыбается отъ удовольствія. Къ концу перваго года малютка, которую наблюдалъ Тэнъ, издавала уже звуки совсѣмъ членораздѣльныя, вполне похожіе на человѣческую рѣчь, но неимѣющіе для нея самой никакого смысла. И такъ, съ первыхъ-же дней, ребенокъ воспитываетъ самого себя: онъ учитъ себя брать, поворачивать голову въ ту сторону, куда привлечено его вниманіе; онъ самъ учитъ себя издавать такіе звуки, которые становятся впоследствии элементами человѣческой рѣчи. Самый заботливый воспитатель не можетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, не можетъ сберечь того труда, который тратится напрасно на неудачныя попытки... Автоматъ Вокансона производилъ довольно сложныя членораздѣльныя движенія. Говорящая машина, которую описываетъ Эдв. Тайлоръ, произносила слова; недавно она еще болѣе усовершенствована и соединена съ автоматомъ, говорящимъ цѣлыя фразы на разныхъ языкахъ. Въ лавкахъ продаются куклы, произносящія явственно: *nana* и *мама*. Ребенокъ очень долго не способенъ еще произносить ничего подобнаго, какъ автоѣхать, какъ машина; онъ, слѣдовательно, менѣе совершененъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, чѣмъ только-что помянутыя произведенія

новѣйшаго индустріализма. Но онъ уже способенъ на то, на что неспособна никакая машина, ему нравятся одни движенія, одни звуки, и онъ постоянно повторяетъ ихъ. Еще болѣе: онъ понемногу совершенствуется ихъ при каждомъ повтореніи. Нельзя не замѣтить, что эта замѣчательная способность выбора, проявляющаяся въ только-что родившемся человѣческомъ существѣ, имѣетъ уже свои неудобства, свои опасности, отъ которыхъ заботливый уходъ обязанъ, во что-бы-то ни стало, оградить младенца. Теперь мы достовѣрно знаемъ, что косоглазость и нѣкоторые иные пороки зрѣнія могутъ развиваться въ ребенкѣ уже отъ того только, что его кровать или колыбель неудобно поставлена по отношенію къ свѣту, который неизбѣжно будетъ привлекать къ себѣ его зарождающееся вниманіе. Если ребенокъ вынужденъ дѣлать ненормальные приспособленія для того, чтобы видѣть начинающіе интересовать его предметы, то его зрѣніе будетъ уже испорчено на цѣлую жизнь. А сколько другихъ, болѣе или менѣе вредныхъ или даже опасныхъ, увѣчий пріобрѣтаются ребенкомъ, по всей вѣроятности, въ этой ранней порѣ, когда онъ уже выбираетъ! Но выборъ его еще не руководится никакими предъидущими опытами; и много-ли наша педагогика способна оказать дѣйствительно цѣнныхъ услугъ своему питомцу въ этихъ мелочахъ, о которыхъ она не любитъ даже говорить, но съ которыми такъ тѣсно связана будущая судьба этого питомца?

Но послѣдуемъ еще нѣсколько дальше за Тидеманомъ:

„28 августа (т. е. на пятый день по рожденіи), появилось подобіе улыбки безъ всякой причины. Вѣроятно, это только бессознательная, автоматическая игра механизма“. Тидеманъ не отрицаетъ, что ребенокъ на пятый день по рожденіи можетъ уже ощущать удовольствіе; онъ только не думаетъ, чтобы это ощущеніе могло выражаться улыбкою или смѣхомъ.

„5 сентября (тринадцатый день жизни), ребенокъ уже выказываетъ несомнѣнные признаки нѣкоторыхъ пріобрѣтенныхъ понятій: такъ-какъ ему давали лекарства, возбуждающія его отвращеніе, то онъ уже пробуетъ то, что ему даютъ; онъ внимательно присматривается къ увеличеніямъ и жестамъ окружающихъ; нѣсколько разъ онъ заплакалъ оттого, что съ нимъ начали говорить“.

„10 сентября (восемнадцатый день), проявляется способность

асоціаціи идей... Нѣкоторое положеніе тѣла, нѣжное прикоснове-
ніе руки въ его лицу несомнѣнно вызываютъ въ немъ уже пред-
ставленія груди и сосанія“...

„30 сентября (тридцать-восьмой день), ребенокъ въ первый
разъ услышалъ игру на фортецяно; онъ очень оживился и обра-
довался“. Тидеманъ замѣтилъ, что его сынъ, уже за два дня
передъ тѣмъ сталъ прислушиваться къ обращеннымъ къ нему
словамъ. Онъ уже не плакалъ, а старался самъ издавать звуки,
однако-же не подражательные и вовсе не членораздѣльные. На вось-
момъ мѣсяцѣ, 28 апрѣля, Тидеманъ сдѣлалъ уже надъ своимъ
малюткою психическій опытъ. Когда ребенокъ наснитлся, мать
приложила къ своей груди чужаго мальчика. Маленькій Тидеманъ
былъ этимъ чрезвычайно огорченъ и взволнованъ и сталъ тот-
часъ-же тянуться къ матери.

Не стану продолжать этихъ выписокъ, предвидя возраженіе
читателя, что во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего такого,
чего бы не могла ему сообщить любая кормилица или нянька.
Это совершенно справедливо, и ничего такого онъ не узнаетъ
даже изъ цѣлаго тидемановскаго дневника. Замѣчу только, что
Парацельсъ учился медицинѣ у деревенскихъ бабъ, а наша со-
временная психологія не далеко еще ушла отъ медицины временъ
Парацельза. Мамки и бабы знаютъ много, что вовсе не безъинте-
ресно было-бы знать многимъ почтеннымъ педагогамъ.

Тенъ, о наблюденіяхъ котораго надъ его дочерью мы уже упо-
мянули, даетъ намъ не одни только голые факты и наблюде-
нія, сдѣланныя съ большею или меньшею прозорливостію у ко-
лыбели новорожденной. Онъ даже не просто наблюдаетъ, какъ
заботливый воспитатель или ученый психологъ. Въ противопо-
ложность Кондильяку, искавшему въ исторіи умственнаго разви-
тія всего человѣчества указаній на то, какъ слѣдуетъ обращаться
съ ввѣреннымъ его попеченіямъ ребенкомъ, Тенъ изъ непосред-
ственнаго наблюденія надъ дорогимъ ему крошечнымъ существомъ
старается извлечь указанія на тотъ путь, которымъ все человѣчество
шло въ своемъ первоначальномъ развитіи. Онъ даже специализи-
руетъ область своихъ наблюденій и сосредоточиваетъ все свое
вниманіе исключительно на развитіи въ его ребенкѣ способности
языка. Замѣтка его раздѣлена на двѣ части. Въ первой онъ
чрезвычайно художественно излагаетъ съ натуры подмѣченныя

характеристическія черты постепеннаго зарожденія въ ребенкѣ этой драгоценной способности; потомъ группируетъ свои наблюденія, съ чисто-французскою живостью и алгебраичностью и спѣшитъ прямо къ выводу, къ обобщенію, къ формулѣ. Во второй части онъ старается выяснить значеніе своихъ наблюденій и выводовъ съ точки зрѣнія максъ-мюллеровской противодарвинистской теоріи языка и выписываетъ цѣлыя страницы изъ мюллеровскихъ „Lectures“ о языкознаніи вообще и о дарвинистской *философіи языка* въ особенности. Первая часть его такъ безусловно хороша, что нѣ трудно устоять противъ желанія привести ее здѣсь почти цѣликомъ. Вторая тоже далеко не лишена интереса, но только какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ самоновѣйшее время одинъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ философіи и науки рѣшается у колыбели малютки, мирно спящаго или неумолчно болтающаго несвязные звуки безъ малѣйшаго представленія о томъ, какое значеніе наша ученость или наше филистерство съумѣютъ угадать въ его лепетѣ.

„Первоначально ребенокъ, — говоритъ Тэнъ, — кричитъ и упражняетъ свои звуковые органы точно также, какъ и другіе члены, т. е. безсознательно и безцѣльно (рефлексивно). Съ этими движеніями онъ начинаетъ связывать нѣкоторое ощущеніе удовольствія; онъ забавляетъ ими себя, обращаетъ на нихъ свое вниманіе, совершенствуетъ ихъ рядомъ постоянныхъ упражненій и попытокъ. Такимъ образомъ, звуки начинаютъ становиться членораздѣльными. Самъ онъ пріобрѣтаетъ такое разнообразіе интонаціи, которое несомнѣнно свидѣлствуетъ о присутствіи въ немъ впечатлительности и способности откликаться на нее (*импресіи* и *экспресіи*), гораздо болѣе утонченной, чѣмъ у какого-бы то ни было животнаго“...

„Мы можемъ помочь ему въ этой работѣ только тѣмъ, что подсказываемъ ему готовые уже слова, но онъ къ этимъ словамъ привязываетъ собственнымъ своимъ умомъ нѣкоторыя, совершенно неожиданныя для насъ, значенія, обобщаетъ ихъ и значительно расширяетъ ихъ кадры“.

Примѣромъ подобнаго творческаго отношенія младенца къ слову, подсказанному ему родителями, Тэнъ приводитъ слѣдующее: вниманіе его маленькой дочери обращаетъ на себя писанная масляными красками большая картина въ золоченой рамкѣ, изображающая Мадонну съ ангелами. Родители, предполагая, что ма-

лутца заинтересована этими ангелами, изображенными въ видѣ обнаженныхъ младенцевъ, подсказываютъ ей легкое къ произношенію слово *бебе*. Ребенокъ удерживаетъ это слово, повторяетъ его сперва машинально, потомъ связывая съ нимъ цѣлую группу опредѣленныхъ впечатлѣній; однакожь, группа эта вовсе не та, которую воспитатели желали связать съ этимъ словомъ. Глядя на картину, ребенокъ замѣчалъ вовсе не то, что предполагали взрослые; онъ даже не различалъ нарисованныя на ней формы; онъ видѣлъ только блескъ позолоты, большія пятна яркихъ цвѣтовъ и игру свѣтовыхъ лучей на лакированной поверхности. Слово *бебе* надолго останется для него связаннымъ съ этою группою впечатлѣній, и онъ долго будетъ обозначать этимъ словомъ не ребенка, какъ хотѣли-бы взрослые, а картину въ блестящихъ рамкахъ, лакированную или подъ стеклою, все блестящее, пестрое, раскрашенное. Слѣдовательно, воспитатель, подсказавшій ребенку слово *бебе*, можетъ быть, и оказалъ ему услугу, но, очевидно, не ту, какую хотѣлъ.

„Часто ребенокъ самъ выдумываетъ не только значеніе слова, но и самое слово. Его лексиконъ самый подвижный; одни слова замѣняются другими, или прежнее слово начинаетъ употребляться имъ въ совершенно новомъ значеніи, а прежнее значеніе связывается съ какимъ-нибудь новымъ словомъ“. Примеры, которыхъ нѣсколько приводитъ и самъ Тэнъ, и нѣкоторые другіе наблюдатели, позволяютъ намъ съ достовѣрностію сказать, что въ этомъ изобрѣтеніи новыхъ словъ главную роль играетъ звукоподражательность. Ребенокъ, играя съ домашнею собакою, бываетъ обыкновенно очень пораженъ, иногда сильно испуганъ ея лаемъ. Изъ всѣхъ впечатлѣній, вызванныхъ въ немъ собакою, это звуковое впечатлѣніе всего сильнѣе. Каждый разъ, глядя на собаку, онъ припоминаетъ это, однажды испытанное имъ, потрясеніе и машинально воспроизводитъ его. *Уа-уа* на его языкѣ начинаетъ обозначать собаку. Тэнъ очень удивляется, что его ребенокъ тѣмъ-же самымъ словомъ обозначалъ и изображенія собакъ или даже другихъ животныхъ, сдѣланныя изъ камня или изъ бронзы. Изъ этого одного онъ уже готовъ вывести, будто ребенку въ самомъ раннемъ возрастѣ способность обобщенія свойственна въ гораздо большей степени, чѣмъ какимъ-бы то ни было другимъ существамъ. Это основное положеніе онъ проводитъ черезъ весь рядъ

своихъ наблюденій надъ психическою жизнію ребенка. Но воздержимся отъ слишкомъ торопливыхъ обобщеній, основанныхъ на слишкомъ неопредѣленномъ значеніи словъ. Если ребенокъ однимъ словомъ обозначаетъ всякое животное, то нельзя не признаться, что слово это, *съ нашей точки зрѣнія*, похоже на очень отвлеченное представленіе, а между тѣмъ мы съ достовѣрностію знаемъ, что въ языкахъ остальныхъ народовъ не существуетъ вовсе словъ для обозначенія отвлеченностей. Мы знаемъ также, что люди, задержанные въ своемъ умственномъ развитіи болѣзнію или иною неблагоприятною случайностію, остаются навсегда недоступны отвлеченіямъ, абстракціямъ. Многие идиоты оказываются гораздо умнѣе, чѣмъ ихъ обыкновенно привыкли считать, но только до тѣхъ поръ, пока дѣло касается чисто-конкретнаго, предметнаго мышленія, но они рѣшительно неспособны дѣлать отвлеченныхъ выводовъ изъ всего пережитаго и передуманнаго. Многие дикари легко замѣчаютъ, если изъ многочисленнаго стада оленей пропадетъ хоть одинъ олень, но сосчитать отвлеченно свыше пяти они рѣшительно неспособны. Нельзя не замѣтить, что собака или кошка, кормя нѣсколько дѣтенышей, знаютъ ихъ всѣхъ лично, и если одинъ котенокъ или щенокъ куда-нибудь запропащется, то мать обыкновенно поднимаетъ большую тревогу; а между тѣмъ, ни кошка, ни собака не имѣютъ отвлеченнаго представленія о числахъ, кромѣ единицы, за которою уже для нихъ непосредственно начинается неопредѣленное и безразличное множество. Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ многократный опытъ. Если у только-что оцененной собаки, прежде чѣмъ она успѣла, такъ-сказать, лично ознакомиться съ каждымъ изъ своихъ дѣтенышей, отнять ихъ всѣхъ, за исключеніемъ только одного, то мать начинаетъ тосковать, разыскивать отнятыхъ у нея дѣтей, и въ большей части случаевъ она совершенно оставляетъ безъ вниманія этого одного, который обыкновенно умираетъ отъ недостатка присмотра и отъ голода. Если-же той-же самой собакѣ или кошкѣ оставить двухъ щенятъ, то, хотя-бы отняли у нея другихъ десять, она совершенно не заботится объ отсутствующихъ и сосредоточиваетъ всю свою нѣжность на остальныхъ. Это прямо показываетъ, что у собаки и у кошки представленіе единичности и множества запечатлѣно въ сознаніи очень рѣзко, отвлеченнаго-же представленія о числѣ у нихъ нѣтъ вовсе. Въ первомъ случаѣ мать видитъ,

что у нея было много дѣтенышей, а остался одинъ: она тоскуеть, тревожится. Но если у нея осталось изъ двѣнадцати только два, то она не замѣчаетъ никакой разницы: и двѣнадцать, и два для нея сливаются въ одномъ представленіи множества. Впрочемъ, мы имѣемъ и болѣе прямыя указанія на то, что въ зарождающемся или очень слабо развитомъ сознаніи отвлеченныя или общія представленія играютъ очень ничтожную роль. Одинъ глухо-нѣмой, научившійся очень поздно читать и писать, сообщалъ профессору Романсу, что пока онъ не получилъ никакого образованія, онъ не былъ совершенно способенъ составлять себѣ общія или отвлеченныя представленія, а думалъ только образами, картинами. Въ той-же своей лекціи, напечатанной въ 1 № парижской „Revue Scientifique“ за текущій годъ, профессоръ Романсъ говоритъ о двѣнадцати-лѣтнемъ мальчикѣ-полуидіотѣ, который превосходно умѣлъ считать деньги и другіе предметы, но рѣшительно не былъ въ состояніи рѣшить такую задачу: если одинъ апельсинъ стоитъ два фартинга, то сколько можно купить апельсиновъ за двадцать фартиговъ? Онъ самъ говорилъ: „дайте мнѣ сколько угодно денегъ и пошлите купить на нихъ сколько нужно апельсиновъ, я не ошибусь и вѣрно принесу сдачу. Но не требуйте отъ меня рѣшенія никакихъ задачъ: я не могу ихъ рѣшить при всемъ моемъ усиліи“.

Мы не будемъ заключать изъ этого, что на низшихъ ступеняхъ сознанія нѣтъ и не можетъ быть никакихъ отвлеченій, общихъ представленій, абстракцій. Онѣ встрѣчаются несомнѣнно даже у многихъ животныхъ. Лисица, напримѣръ, проголодавшись и отправляясь на птичій дворъ, вѣроятно, не рѣшаетъ напередъ, схватитъ-ли она тамъ курицу, утку или кролика, но она знаетъ, что идетъ искать пищи. Пища же есть безспорно понятіе довольно отвлеченное. Для насъ, впрочемъ, здѣсь интересно только показать, что Тэнъ, приписывая ребенку необычайную способность отвлеченія и обобщенія, впадаетъ въ противорѣчіе съ многочисленнѣйшими и вполне достовѣрными фактами сравнительной психологіи, этнографіи и ежедневнаго опыта. Противорѣчіе это со стороны его только и можетъ быть объяснено отчасти предвзятою мыслію, а главнѣйшимъ образомъ тою сбивчивостію, которою до сихъ поръ отличается психологическая терминологія. Это я и попробую показать здѣсь въ немногихъ словахъ.

Если ребенокъ однимъ словомъ *ya-ya* обозначаетъ всякое животное или цѣлыя группы животныхъ, имѣющихъ между собою только очень поверхностное сходство, то невозможно отрицать, что эта категория *ya-ya* у него очень общая, что она далеко не соотвѣтствуетъ одному какому-нибудь опредѣленному конкретному предмету. Нельзя не замѣтить также, что въ дѣтскомъ языкѣ, а, слѣдовательно, и въ дѣтскомъ сознаниі, такія категории встрѣчаются очень часто и даже въ размѣрахъ, значительно большихъ, чѣмъ тѣ, которыя замѣтилъ Тэнъ у своей дочери. Такъ, наприимѣръ, Романсъ говоритъ о младенцѣ, которому птицу въ первый разъ удалось увидѣть въ образѣ плескавшихся съ громкимъ криканіемъ въ водѣ утокъ. Зрѣлище это, какъ все новое, движущееся, шумное, привело ребенка въ неописанный восторгъ, высказывавшійся оживленнѣйшими тѣлодвиженіями и усиленіемъ воспроизвести звукъ, подобный утиному криканью. Съ тѣхъ поръ гортанный крикъ *крякъ* или *куакъ* сталъ для этого ребенка синонимомъ птицы. Но этого мало: первая монета, которую случилось увидеть этому младенцу, имѣла изображеніе орла. Видъ птицы, хотя-бы только въ изображеніи, очевидно, тотчасъ-же напомнилъ ребенку сцену съ утками и заставилъ его повторить свое звукоподражательное *куакъ*. Съ тѣхъ поръ это слово стало уже означать для этого ребенка всѣ монеты, медали и т. п. А такъ-какъ онъ утокъ въ первый разъ увидѣлъ въ водѣ, то сталъ и воду и всѣ жидкости вообще называть тѣмъ-же самымъ словомъ. Такимъ образомъ, эта категория *куакъ* или *крякъ* младенца, о которомъ говоритъ Романсъ, несравненно обширнѣе и общѣе, чѣмъ категория *ya-ya* маленькой дочери Тэна. Повторяю, такія категории въ слабо-развитомъ сознаниі играютъ очень выдающуюся роль. Онѣ встрѣчаются не только у дѣтей, но даже и у взрослыхъ, несчитаемыхъ за идіотовъ, но стоящихъ на очень низкой ступени развитія сознаниа. Вспомнишь кухарку въ одной изъ комедій Островскаго: ей всякій посѣтитель, незаставшій хозяевъ дома, почему-то представлялся „дѣдушкою сѣденькимъ“, хотя-бы онъ былъ молодець-молодцомъ. Сколько почтенныхъ и пожилыхъ людей доживаютъ свою жизнь до конца съ тѣмъ, что всякое дерево — дубъ, тополь или чинаръ считаютъ „березкою“. Но смѣшивать такія категории, безъ сомнѣнія, очень общія, но еще болѣе смутныя, съ такими отвлеченіями и обобщеніями, какъ,

напримѣръ, наши представленія о деревѣхъ, о животномъ и т. п., — не значить-ли это добровольно вносить путаницу и хаосъ въ наши, и безъ того уже не очень ясныя, представленія о явленіяхъ психической жизни? Строить же на подобной неопредѣленности терминологіи цѣлыя научныя и философскія системы, по моему мнѣнію, просто непростительное филистерство. Представленіе о деревѣхъ, о животномъ и т. п. не отвѣчаетъ никакому конкретному предмету, но составляется изъ комбинаціи признаковъ, безъ которыхъ мы не можемъ вообразить себѣ ни одинъ изъ цѣлаго обширнаго и очень опредѣленнаго ряда предметовъ. Представленія въ родѣ *уа-уа*, *куакъ*, „дѣдушка сѣденькій“ или „березка“, какъ-бы они ни распространялись, все-же существенно характеризуются тѣмъ, что онѣ непременно первоначально соотвѣтствуютъ какому-нибудь конкретному предмету или явленію и затѣмъ распространяются на другіе предметы или явленія въ силу только поверхностнаго сходства, а иногда въ силу чисто-случайнаго совпаденія обстановки. Представленія перваго рода мы, дѣйствительно, вправѣ называть отвлеченіями, обобщеніями; представленія-же втораго рода гораздо основательнѣе назвать сбивчивыми, смутными.

Устанавливаемое здѣсь различіе едва-ли можно назвать празднымъ діалектическимъ утонченіемъ. Мнѣ оно кажется чрезвычайно существеннымъ не для одной только сравнительной психологіи, но и для всѣхъ отраслей знанія, имѣющихъ антропологическую, а, слѣдовательно, и психологическую основу. Отвлеченныя представленія играютъ очень ничтожную роль на низшихъ ступеняхъ сознанія и начинаютъ болѣе или менѣе преобладать по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся вверхъ по лѣстницѣ психологическаго развитія. На языкахъ дикихъ народовъ слова, выражающія такія отвлеченныя представленія, чрезвычайно рѣдки, а иногда и вовсе не существуютъ. Напротивъ того, представленія сбивчивыя или смутныя преобладаютъ на низшихъ ступеняхъ у низшихъ народовъ и встрѣчаются все рѣже по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ младенчества человѣческаго духа. Максъ Мюллеръ совершенно правъ, утверждая, что въ низшей лингвистической группѣ, т. е. въ языкахъ, состоящихъ только изъ односложныхъ словъ, изъ такъ-называемыхъ корней, значеніе cadaго слова распространяется на многочисленнѣйшія группы явленій. По-китайски, напримѣръ, одинъ звукъ *и* имѣетъ до двухсотъ различныхъ значе-

ній. Но Тэнъ положительно морочитъ насъ, когда эту расливчатость понятій старается выдать за ихъ отвлеченность и о общенность. Если принять терминологию Макса Мюллера и Тэна, то необходимо признать, что высшую ступень способности отвлечения и обобщенія представляютъ не младенцы, не отсталые народы, говорящіе односложными звуками, а тѣ, до-нельзя психически-упрощенные, организмы, для которыхъ весь міръ дѣлится всего только на двѣ, за то очень обширныя, категоріи: предметы, годные къ поглощенію, и предметы, негодные для питанія самого субъекта.

Нѣтъ сомнѣнія, что понятія отвлеченныя и понятія сблизивныя вытекаютъ изъ одного корня, что онѣ изображаютъ собою только двѣ, очень отдаленныя одна отъ другой, ступени существенно тождественнаго психическаго процесса. Наблюденія самого Тэна, какъ нельзя лучше, способны уяснить намъ этотъ процессъ. Ни младенецъ, ни взрослый человѣкъ не связываютъ, собственно говоря, съ какимъ-нибудь словомъ представленія о самомъ предметѣ или явленіи. Слово есть продуктъ нашего психическаго состоянія, вызваннаго какимъ-нибудь предметомъ или явленіемъ. Младенческое сознаніе поражается одною, особенно выдающеюся, стороною чего-нибудь, обратившаго на себя его вниманіе. За этою, поразившею его, стороною оно не видитъ уже ничего; оно не разлагаетъ самыхъ сложныхъ и случайныхъ сочетаній. Для ребенка, о которомъ говоритъ Романсъ, утки, плесканіе и сверзаніе воды на солнцѣ, движеніе и крикъ всей этой сцены, слились въ одно неразрывное впечатлѣніе, вылившееся въ звукоподражательномъ словѣ *куакъ*. Зрѣлый умъ отъ одного, даже гораздо простѣйшаго, явленія, получаетъ гораздо болѣе разностороннія, такъ-сказать, членораздѣльныя впечатлѣнія, изъ которыхъ каждое естественно и незамѣтно для насъ самихъ пріобщается къ средней ему группѣ впечатлѣній, уже накопившихся въ сознаніи изъ предыдущихъ наблюденій и опытовъ. Этимъ объясняется, что творчество въ младенцѣ, по крайней мѣрѣ, относительно языка, значительно превышаетъ такую-же творческую способность взрослогаго человѣка. Всѣмъ извѣстна та легкость, съ которою дѣти, даже научившись языку, на которомъ говорятъ взрослые, все еще придумываютъ новыя слова, даютъ меткія прозвища людямъ и лицамъ. Преобладаніе въ младенческомъ языкѣ звукоподражательныхъ словъ наводитъ на ту мысль, во-первыхъ, что слуховыя впечатлѣнія

въ ребенкѣ развиваются раньше и полнѣе, чѣмъ впечатлѣнія зрѣнія (къ этому мы еще вернемся ниже); во-вторыхъ, что первоначально вышеупомянутая творческая способность проявляется рефлексивно. Даже взрослые не всегда остаются равнодушными зрителями того, что дѣлается при нихъ. Известно, до какой степени заразителна зѣвота, или какъ легко видъ конвульсій, судорожныхъ движеній, вызываетъ такіа-же конвульсіи и судорожныя движенія въ другихъ. Понятно, слѣдовательно, что, пораженная лаемъ собаки, малютка Тэна сама издаетъ *ya-ya*. Это было самое сильное изъ впечатлѣній, источникомъ котораго для нея могъ быть видъ собаки; а потому собака для нея надолго остается связанною со звукомъ *ya-ya*. Самъ-же Тэнъ замѣчаетъ, что въ дѣтскомъ языкѣ слово, однажды получившее опредѣленный смыслъ, внезапно смѣняется другимъ. Это непременно такъ и должно быть, если тотъ-же предметъ послужилъ источникомъ новаго, болѣе сильнаго впечатлѣнія, выразившагося въ новомъ звукѣ. Но пока прежнее впечатлѣніе еще живо въ ребенкѣ, малѣйшаго напоминанія о немъ совершенно достаточно, чтобы возобновить въ душѣ младенца самое впечатлѣніе во всей его цѣльности. Мы уже видѣли, что такое напоминаніе можетъ быть даже очень отдаленное: утки плескались въ водѣ; этого довольно, чтобы видъ всякой лужи, всякой жидкости, вызывалъ всю ту смутную и не членораздѣльную картину, которая запечатлѣлась въ словѣ *крякз*. Можетъ случиться, что впечатлѣніе утки со временемъ затмится впечатлѣніемъ другой птицы, видѣнной при другихъ условіяхъ, окрещенной инымъ прозвищемъ. Тогда всякая новая птица будетъ напоминать это новое названіе, а вода или монета останутся по-прежнему *куакз* или *крякз*. Въ зрѣломъ сознаніи видъ каждаго новаго явленія будетъ расчленяться или разлагаться точно такъ же, какъ сказано уже выше. Понятно, что только явленія, разложившіяся на сумму наиболѣе сходныхъ между собою впечатлѣній, будутъ соединяемы въ одну общую группу. Такая группировка можетъ не быть научно вѣрною, но она во всякомъ случаѣ аналитическая, а не непосредственная, какъ случайная и сбивчивая группировка или классификація явленій младенца.

По мѣрѣ того, какъ расширяется количество воспринятыхъ и анализированныхъ впечатлѣній, возрастаетъ не только число от-

влеченныхъ представлений, но возрастаетъ и обширность каждаго изъ этихъ представлений. Домосѣдъ, жившій около пруда, въ которомъ живутъ только щуки, караси и лещи, очень удобно, при должной зрѣлости сознанія, могъ уже изъ наблюденій надъ этими немногочисленными водяными жителями отвлечь общее представленіе о рыбѣ, но это представленіе значительно усовершенствуется и расширится, когда онъ побываетъ на рынкѣ приморскаго города и увидить тамъ значительное количество прежде невидѣнныхъ рыбъ. Понятія, которыя мы назвали смутными, идутъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи, т. е., при каждомъ новомъ обобщеніи запаса опыта и наблюденій, онѣ неизбѣжно суживаются. Малютка Тэна, ознакомившись съ кошечкою, прозвала ее *мяо*, совершенно также, какъ китайцы называютъ ее и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, всѣ новыя четвероногія животныя, невызывавшія въ ней никакого самостоятельнаго впечатлѣнія, стали то *уа-уа*, то *мяо*, смотря потому, напоминали-ли они ей впечатлѣніе кошки или собаки. Прежняя обширная категорія *уа уа*, очевидно, должна была ссузиться отъ такого раздвоенія. По Тэну какъ-будто выходитъ, что съ каждымъ возникновеніемъ такой новой группы понятій въ ребенкѣ скудѣетъ то специфическое *стремленіе къ обобщенію*, которое, по его мнѣнію, рѣшительно господствуетъ въ младенческомъ сознаніи, играя, по преимуществу, инициативную роль въ дѣлѣ созданія языка, а, слѣдовательно, и во всемъ умственномъ развитіи человѣчества. Объ этомъ онъ еще обстоятельнѣе говоритъ въ своемъ двухтомномъ сочиненіи „*l'Intelligence*“, чѣмъ въ той замѣткѣ, которой собственно посвящены эти страницы. Мы-же никакой такой специфической тенденціи въ ребенкѣ не признаемъ. Съ каждымъ возникновеніемъ новой группы понятій, хотя-бы, въ свою очередь, очень смутной и сбивчивой, мы видимъ только дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе общей способности воспринимать впечатлѣнія и болѣе частной способности группировать эти впечатлѣнія, съ ущербомъ только для смутности и сбивчивости представлений, но безъ всякаго ущерба способности обобщенія и отвлеченія.

Обобщенія, какъ-бы они отвлеченны ни были, являются продуктомъ той способности, которую даже старыя психологическія школы признавали подъ именемъ ассоціаціи впечатлѣній. Способность же эта есть только дальнѣйшее развитіе той, обще-распростра-

ненной во всей природѣ особенности, въ силу которой самые разнообразные предметы сохраняютъ нѣкоторые слѣды однажды оказаннаго на нихъ воздѣйствія даже послѣ того, какъ это воздѣйствіе давно прекратилось. Металлическая или стеклянная пластинка, наведенная іодошъ или растворомъ такъ называемаго адскаго камня, выказываетъ замѣчательную способность сохранять, такимъ образомъ, однажды полученныя свѣтотыя воздѣйствія съ мельчайшими подробностями. Дрәперъ не безъ основанія замѣчаетъ, что въ нашемъ сознательномъ аппаратѣ, если можно такъ выразиться, однажды воспринятія впечатлѣнія запечатлѣваются въ родѣ того, какъ на фотографической пластинкѣ. Фотографія не дѣлаетъ никакого выбора между запечатлѣваемыми ею изображениями: она не знаетъ никакого различія между общимъ и частнымъ, между существеннымъ и случайнымъ. Отъ этого очень часто случается, что пейзажъ, прѣвращающійся намъ въ природѣ, кажется уродливымъ въ фотографическомъ снимкѣ, гдѣ частности и случайности, совершенно незамѣченныя нами въ природѣ, выступили слишкомъ на первый планъ. Фотографическій портретъ представляется намъ несходнымъ съ подлинникомъ единственно потому, что знакомое намъ лицо изображено со всѣми такими случайностями, на которыя мы не обратили въ природѣ никакого вниманія. Искусный фотографъ тѣмъ именно и отличается отъ неопытнаго своего собрата, что онъ умѣетъ устранять всѣ эти ненужныя или вредныя, по всеобщему представленію, случайности. Точно также поступаетъ и зрѣлое человѣческое сознаніе, которое отрѣшаетъ однажды воспринятія имъ впечатлѣнія отъ тѣхъ случайностей и подробностей, которыя вредятъ ясности и определенности сохраняемаго имъ образа. Результатомъ этой ретушировки воспринятыхъ впечатлѣній является одинъ видъ обобщеній. Я видѣлъ множество деревь съ разнаго вида и цвѣта стволами, съ разнообразнѣйшею листвою. Не обременяя архивъ своей впечатлительности сохраненіемъ всего этого множества подробностей, которыя, во всякомъ видѣнномъ мною случаѣ, представлялись мнѣ различными, я удержалъ только общее представленіе дерева съ тѣми атрибутами, безъ которыхъ ни одно дерево не представлялось моему наблюденію. Когда почему-нибудь новое дерево обращало на себя мое вниманіе, то, по закону ассоціаціи впечатлѣній, его образъ вызывалъ изъ моего архива уже находившееся въ немъ,

какъ результатъ прежнихъ наблюденій, сходное съ нимъ изображеніе. Незамѣтнымъ для меня процессомъ, я накладывалъ это новое изображеніе на то, которое существовало прежде, такъ что тождественныя ихъ черты совпадали между собою. Прежнее впечатлѣніе становилось ярче отъ этого совпаденія, какъ становится ярче фотографія, если мы окрашенные ея мѣста покроимъ новымъ слоемъ удачно подобранной краски. Въ новомъ изображеніи оказывались, конечно, черты, несовпадавшія съ прежнимъ изображеніемъ. Если эти новыя черты только дополняли первый образъ, не вреда его отчетливости и ясности, то я сохранялъ ихъ и обогащалъ ими свое общее представленіе о деревѣ. Но если онѣ не интересовали меня, то я сглаживалъ ихъ точно также, какъ опытный фотографъ стираетъ ватю морщины и пятна на портретѣ увядшей красавицы, зная, что заказчица непременно найдетъ, что эти излишнія подробности только вредятъ сходству ея изображенія. Такимъ образомъ, самыя простѣйшія обобщенія являются уже результатомъ болѣе или менѣе умѣлой ретушировки съ натуры снятыхъ изображеній, болѣе или менѣе искуснаго накладыванія ихъ однихъ на другія, болѣе или менѣе систематическаго ихъ распредѣленія въ архивѣ нашего сознанія. Всѣ они предполагаютъ, во 1-хъ, запасъ такихъ изображеній, во 2-хъ, умѣнье обращаться съ этими изображеніями. Если мы согласимся подъ способностію обобщенія разумѣть только это умѣнье, то намъ сама собою сдѣлается ясна роль этой драгоценной способности въ общемъ развитіи сознанія въ каждомъ человѣкѣ и во всемъ человѣчествѣ. Намъ остается только наблюдать, какииъ образомъ и когда эта способность впервые развивается въ младенцѣ, какія условія наиболѣе благопріятствуютъ ея проявленію и укрѣпленію въ дѣтской душѣ.

У младенца, какъ и у взрослого, впечатлѣнія не являются изолированно, каждое само по себѣ, не исчезаютъ безслѣдно, какъ съ гуся вода. Каждое новое впечатлѣніе неизбѣжно вызываетъ тѣ или другія изъ нихъ, которыя уже имѣлись въ запасѣ, накладывается на нихъ или сопоставляется съ ними. Но ребенокъ долго еще не умѣетъ завести какой-бы то ни было порядокъ въ своемъ архивѣ. Два изображенія, существенно различныя между собою, случайно совпали въ одной какой-нибудь чертѣ; этого уже можетъ оказаться совершенно достаточно для того, чтобы обѣ

картины срослись и спутались въ его душѣ совершенно такъ, какъ два портрета, снятые одинъ вслѣдъ за другимъ на одной и той-же фотографической пластинкѣ. Результатомъ такой неумѣлости обобщенія являются тѣ сбивчивыя, обширныя, но не общія, категоріи, которыхъ мы нѣсколько уже привели. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы ихъ тоже называть обобщеніями, потому что онѣ продуеютъ той-же способности группировать впечатлѣнія и, дѣйствительно, представляютъ зачаточную ступень способности обобщенія. Но одно дѣло — сваливать безъ разбора въ одинъ коробъ всевозможныя, попадающіяся подъ руку, бумаги и рисунки; другое дѣло — укладывать эти бумаги и рисунки въ тотъ-же коробъ въ какомъ-нибудь систематическомъ порядкѣ. Всего-же непростительнѣе — видѣть въ этомъ безпорядочномъ и торопливомъ сваливаніи разнообразнѣйшихъ замѣтокъ и наблюденій въ одну категорію *кряк* или *ya-ya* апогей способности обобщенія, которая въ младенцѣ, какъ и въ взросломъ умѣ, имѣетъ своимъ драгоценнѣйшимъ назначеніемъ прекращеніе подобнаго безпорядка.

Выше мы уже согласились съ Тэномъ, что въ ребенкѣ способность создавать слова значительно болѣе развита, чѣмъ во взрослыхъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого необходимо заключить, будто этотъ творческій даръ, по крайней мѣрѣ, составляетъ необходимый продуктъ той неумѣлой группировки идей, которая, по мнѣнію Тэна, составляетъ апогей, а по моему мнѣнію — только исходный пунктъ способности обобщенія? Наблюденія самого-же Тэна, будучи отрѣшены отъ той сбивчивости, которую авторъ добровольно вноситъ въ этотъ вопросъ, ради своего тупаго отвращенія къ дарвинистской теоріи языка, позволяютъ намъ съ большею долею правдоподобія заключить, что это не такъ. Прежде всего замѣтимъ, что самая способность языка проявляется въ младенцѣ только тогда, когда ребенокъ уже отдалился отъ первоначальной хаотичности впечатлѣній. Въ то время, когда ребенокъ весь міръ еще дѣлитъ только на двѣ категоріи: на ту, которую можно сосать, и на ту, которая не пригодна для сосанія, — весь его звуковой матеріалъ состоитъ изъ двухъ, если хотите, словъ: *мм!* и *аа!* Ихъ ему никто не подсказалъ, онъ создалъ ихъ собственною инициативою, даже безъ всякаго звукоподражанія. Когда предметъ первой категоріи попалъ ему въ ротъ, онъ выражаетъ свое удовольствіе по этому

случаю, онъ приурочиваетъ категорію сосанія къ міру своего психическаго бытія звукомъ *мм*, который одинъ только и можно произнести, не разжимая губъ, т. е. не перевода этого предмета въ категорію несомнѣмыхъ. Если-же ротъ свободенъ отъ такого предмета, младенецъ широко раскрываетъ его, ищетъ уловить вождѣлѣнный сосокъ и выражаетъ психическое признаніе его отсутствія открытымъ гласнымъ звукомъ *аа*. По сравненію съ этими категоріями *мм* и *аа*, всѣ эти *крякъ* и *уа-уа* должны казаться верхомъ спеціализаціи и частности. Легко убѣдиться, что звуковой матеріалъ ребенка обогащается прямо-противоположно тому, какъ онъ отъ такого обобщенія переходитъ къ подобной спеціализаціи. Количество словъ въ языкѣ ребенка возрастаетъ не отъ знакомства на опытѣ съ новыми предметами, а отъ умѣнья не смѣшивать впечатлѣнія отъ этихъ предметовъ съ прежде-знакомыми ему впечатлѣніями. Этотъ законъ подтверждается и относительно самаго элементарнаго дѣтскаго языка, и относительно новѣйшей научной терминологіи. Ребенокъ Романа увидаль новую массу жидкости и порѣшилъ, что она *куакъ*, т. е. она напомнила ему сцену съ утками, плескавшимися въ водѣ, и видъ ея не могъ еще дать ему ничего, кромѣ этого напоминанія. Ребенокъ Тэна увидаль новое четвероногое и назвалъ его тотчасъ-же *уа-уа*, потому что оно не вызвало въ немъ никакого новаго впечатлѣнія, а только напомнило впечатлѣнія, прежде полученныя отъ собаки. Но вотъ тотъ-же самый ребенокъ вступаетъ въ болѣе интимное знакомство съ кошкою. Она доставляетъ ему такіа развлеченія, которыхъ онъ не получалъ отъ собаки. Съ точки зрѣнія Тэна, онъ, слѣдовательно, сдѣлалъ новый шагъ на пути своего удаленія отъ драгоценной *тенденціи къ обобщенію*, а языкъ его обогатился новымъ словомъ *мяо*. Прежде всего ребенокъ перестаетъ относиться безразлично, т. е. сбивчиво и смутно, ко всему, касающемуся преимущественно интересной для него сферы съѣстнаго. Здѣсь онъ начинаетъ раздѣлять группы понятій, гораздо болѣе сходныхъ между собою, чѣмъ понятія птицы, воды и монеты. На языкѣ малютки, наблюдаемой Тэномъ, дѣйствительно, очень рано возникаютъ многочисленныя слова, выражающія различныя группы явленій изъ этой области. Имѣя для всѣхъ животныхъ и даже для изображеній этихъ животныхъ только два слова, этотъ ребенокъ однимъ звукомъ выражалъ об-

щее желаніе ѣсть; особое слово выражало требованіе, чтобы ему дали какого-нибудь кушанья, которое онъ видѣлъ передъ собою. Твердая пища обозначалась на его языкѣ однимъ словомъ, жидкая пища другимъ. Лакомства носили одно общее названіе. Коротче говоря, провіантскій, такъ-сказать, лексиконъ этого ребенка заключалъ въ себѣ одномъ почти половину всѣхъ словъ, созданныхъ имъ самимъ или усвоенныхъ имъ изъ языка взрослыхъ.

Мнѣ кажется, что сказаннаго выше совершенно достаточно для того, чтобы установить паралелизмъ между развитіемъ языка и постепенно вырастающею способностью членораздѣльности понятій. Эта членораздѣльность, конечно, не терпитъ смѣшенія въ одной группѣ понятій очень разнородныхъ, какъ, напримѣръ, утки, монеты и воды, но она ведетъ къ тѣмъ неслучайнымъ сближеніямъ, которыя однѣ только и заслуживаютъ названія обобщенія. О дѣтяхъ на этотъ счетъ мы имѣемъ еще очень мало дѣйствительно вѣскихъ наблюдений. Но изъ наблюдений надъ отсталыми народами легко убѣдиться, что возрастающая членораздѣльность понятій, очищая языкъ отъ множества ненужныхъ словъ, обогащаетъ его несравненно большимъ количествомъ словъ, выражающихъ гораздо менѣе сбивчивыя, но гораздо болѣе общія представленія. Бискайскій, грузинскій и венгерскій языки заключаютъ въ себѣ множество такихъ словъ, съ которыми передовой европеецъ рѣшительно не зналъ-бы, что дѣлать, а между тѣмъ эти языки вообще бѣднѣе многихъ другихъ языковъ, и въ особенности бѣднѣе словами, выражающими общія понятія.

Съ педагогической точки зрѣнія, воззрѣнія Тэна могутъ привести къ заключеніямъ, не менѣе ошибочнымъ, чѣмъ тѣ, которыя самъ авторъ дѣлаетъ изъ нихъ въ примѣненіи къ языкознанію. Однимъ изъ опаснѣйшихъ подводныхъ камней всякой педагогики является очень обычное неумѣнье воспитателя говорить съ ребенкомъ доступнымъ ему языкомъ. Мы такъ свыкаемся съ обобщеніями и отвлеченіями, что рѣшительно не умѣемъ обходиться безъ нихъ; а между тѣмъ, едва-ли нужно доказывать, что ребенокъ вовсе неспособенъ думать вслѣдъ за нами отвлеченнымъ языкомъ. Другой, болѣе обстоятельный изслѣдователь психической жизни маленькихъ дѣтей, Бернаръ Перезъ, авторъ интересной книги „Первые три года дѣтства“ *) (*Les trois premières années de l'en-*

*) Книжка эта только-что вышла въ русскомъ переводѣ, изданная г-жей Цибриковой, и разбирается подобно въ критическомъ отдѣлѣ нашего журнала.

faпсе), — положительно увѣряетъ насъ, что ребенокъ, очень хорошо понимающій, напримѣръ, такія фразы: „этотъ стаканъ больше другаго“, или „твой отецъ очень добръ“ и т. п., становится совершенно въ тупикъ, когда ему говорятъ въ отвлеченной формѣ о величинѣ, о добротѣ и т. п. И мы охотно вѣримъ его словамъ, опирающимся на многочисленныя наблюденія.

Одинъ изъ главнѣйшихъ камней преткновенія всякаго воспитанія заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что ребенокъ либо остается вовсе глухъ къ внушеніямъ нашей мудрости, либо же, повидимому, усвоивъ ихъ, перерабатываетъ совершенно своеобразно и приходитъ къ совершенно неожиданнымъ для насъ результатамъ.

„Ребенокъ выучивается языку взрослыхъ,—говоритъ Тэнъ,— какъ истинный музыкантъ научается контръ-пункту, какъ поэтъ научается стихотворству. Это—природный геній, который какъ-бы угадываетъ правила, созданныя долгимъ и послѣдовательнымъ трудомъ такихъ-же природныхъ геніевъ. Еслибы онъ ихъ не нашелъ уже готовыми, онъ-бы самъ ихъ создалъ“. Изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы воспитателю было необходимо предоставлять ребенку угадывать эти правила, дѣйствительно, самому; но мы никогда не должны упускать изъ вида эту собственную инициативу ребенка, внимательно и безпрестанно слѣдить за нею и преподносить ему правила, выработанныя коллективною мудростью человѣчества, именно въ тотъ моментъ, когда онъ, въ своемъ самостоятельномъ слѣдованіи по избранному пути, очевидно, борется съ трудностью, въ преодоленіи которой это правило можетъ оказать ему великую услугу.

Продолжая наблюденія надъ своею дочерью послѣ прусско-французской войны, когда ребенку было уже 2½ года, Тэнъ говоритъ: „она была очень поражена видомъ луны; каждый разъ, замѣчая ее на небѣ, она встрѣчала ее криками радости. Перебѣгая отъ одного окна къ другому, дѣвочка думала, что и луна бѣгаетъ вмѣстѣ съ нею. Видя луну въ другой части горизонта, она радостно кричала: „вотъ и еще луна!“ Когда луна однажды зашла прежде, чѣмъ дѣвочка легла спать, она очень встревожилась, говоря, что луна пропала. Ей сказали, что луна легла спать. Ребенокъ съ тѣхъ поръ сталъ сильно интересоваться

нянькою, которая укладывает луну спать“. Тѣмъ замѣчаетъ: „все это очень похоже на ощущенія и догадки младенческихъ народовъ, на ихъ живое и глубокое поклоненіе великимъ природнымъ явленіямъ. Уподобленія, формы языка и метафорическія выраженія несомнѣнно должны сильно содѣйствовать созданію всякихъ солнечныхъ, звѣздныхъ и другихъ мифовъ. Представьте себѣ, что всѣ люди, живущіе вмѣстѣ, проникнуты точно такимъ-же отношеніемъ къ свѣтиламъ небеснымъ, какъ отношеніе этой дѣвочки къ лунѣ. Легко указать тѣ культы и легенды, которыя должны зародиться изъ этого психическаго строя. Мы имѣемъ ихъ образчики въ Ведахъ, въ Эддѣ, даже въ Илиадѣ Гомера“.

Говоря съ дѣтьми о предметахъ, превышающихъ ихъ пониманіе, мы тоже рискуемъ вызвать въ ихъ сознаніи смѣшныя и даже совсѣмъ ложныя представленія, хотя, можетъ быть, и менѣе непосредственно, чѣмъ говоря съ ними о лунѣ, ложащейся спать, и тому подобномъ.

„Когда съ дѣвочкою говорятъ о предметѣ отдаленномъ, но такомъ, который она можетъ себѣ вообразить, потому что прежде видѣла его или похожіе на него предметы, то она прежде всего спрашиваетъ: что онъ дѣлаетъ? что онъ говоритъ? Вопросы эти являются неизмѣнно, всякій разъ, — идетъ-ли рѣчь о птицѣ, о лошади или о деревѣ. Для нея всякій предметъ, всякое животное — такое-же существо, какъ и она. Ей хочется знать его мысль, его рѣчь, — это главное. Тоже настроеніе встрѣчается и у первобытныхъ народовъ, и оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ первобытнѣе эти народы. Въ Эддѣ, особенно въ *Мабиногионъ*, животныя думаютъ человѣческою душою, говорятъ человѣческимъ языкомъ. Орелъ, олень, семга изображаются въ видѣ мудрыхъ и опытныхъ старцевъ, помнящихъ благія преданія старины и преподающихъ человечеству спасительные уроки“. „Ребенку необходимо много времени и много шаговъ, чтобы усвоить себѣ понятіе, которое намъ представляется очень простымъ и общедоступнымъ. Когда дѣвочка ломала своимъ кулакамъ головы, ей говорили, что онѣ отъ этого умираютъ. Однажды бабушка ей сказала: „я уже стара, я скоро умру“. — „Значитъ, тебѣ отломать голову?“ съ сокрушеніемъ спросила дѣвочка. Когда ей было уже нѣсколько больше трехъ лѣтъ, она все еще не могла представить себѣ смерти безъ отломанной

головы. Это воззрѣніе измѣнилось въ ней, благодаря одному случайному обстоятельству: она увидѣла мертвую сороку съ головою, висѣвшую въ видѣ пугала. Въ первый разъ представленіе мертвой неподвижности вошло ей въ голову, благодаря этому наглядному примѣру. Вообразите себѣ, что кто-нибудь остановился-бы на этомъ представленіи и не далъ-бы смерти другаго опредѣленія,— у него не замедлитъ возникнуть легенда о какомъ-нибудь еврейскомъ *шеолъ*, таинственной доли, гдѣ неподвижные мертвецы живутъ загадочною жизнью, удалившись съ этого свѣта“...

II.

Слѣдя здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ за литературою первыхъ шаговъ сознанія, мы если и не далеко отделились отъ главнаго предмета, то все-же вынуждены были сдѣлать нѣкоторый скачекъ. Тэнъ выступаетъ на интересующемъ насъ здѣсь поприщѣ не въ качествѣ педагогическаго психолога, какимъ стремился быть нашъ покойный К. Ушинскій, и не въ качествѣ натуралиста-наблюдателя, какъ Тидеманъ и позднѣе Дарвинъ. Къ колыбели ребенка его привлекаетъ желаніе рѣшить экспериментальнымъ путемъ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ общей культурной исторіи — вопросъ о возникновеніи языка. Ему не было даже строгой необходимости внимательно слѣдить за развитіемъ лингвистической способности ребенка съ той минуты, когда весь словарь зарождающагося человѣческаго существа состоитъ только изъ одного губнаго и одного гласнаго звука. Мы не знаемъ ни одного народа, который остановился-бы на этой зачаточной ступени лингвистическаго развитія, а Тэнъ, какъ уже выше замѣчено, интересуется дѣтскою психологіею исключительно, какъ основою общей исторіи культуры. Онъ ни на минуту не упускаетъ изъ вида той аналогіи, которая уже установлена различными философскими и учеными школами между развитіемъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Онъ заключаетъ первую часть своей замѣтки слѣдующими словами: „вообще, ребенокъ представляетъ въ переходномъ или временномъ состояніи умственные признаки, которые въ болѣе устойчивой формѣ встрѣчаются во всѣхъ первобытныхъ цивилизаціяхъ. Почти такая-же точно аналогія существуетъ между временными физическими атрибутами

человѣческаго зародыша и постоянными физическими признаками нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ“. Это, конечно, справедливо, хотя и не особенно уже ново. Тождественность законовъ развитія, физическаго или психическаго, въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, можетъ считаться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и прочнѣйшихъ теоретическихъ приобрѣтеній нашего времени. Теперь намъ уже нѣтъ надобности обходить тѣ кажущіяся противорѣчія, которыя только на очень поверхностный взглядъ могутъ служить аргументами противъ этого тождества. Одинъ и тотъ-же законъ можетъ обуславливать совершенно противоположныя на первый взглядъ явленія. Воздушный шаръ поднимается подъ облака, повинуваясь тому-же самому закону, въ силу котораго камень падаетъ на землю. Тождественность законовъ психическаго развитія вовсе не предполагаетъ полнаго тождества духовной жизни нашихъ дѣтей и отсталыхъ народовъ. Скажемъ больше: эта самая тождественность должна непремѣнно обуславливать многія существеннѣйшія различія между этими двумя сферами уже потому, что дѣтская цивилизованныхъ европейскихъ обществъ представляетъ собою среду, во многомъ отличную отъ той, въ которой слагается, развивается и отцвѣтаетъ жизнь цѣлыхъ поколѣній дикихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 7-й своей замѣтки, Тэнъ говоритъ, что его дѣвочка, будучи всего только десяти мѣсяцевъ отъ рожденія, уже распознавала своего дѣда въ портретѣ, нарисованномъ карандашемъ. Мы-же знаемъ, что многіе взрослые дикари совершенно неспособны узнавать предметы, нарисованные даже очень искусною рукою и раскрашенные какъ въ природѣ. Ольдфильдъ говоритъ, что ему случилось нарисовать акварельный портретъ одного австралійца. Цѣлая ватага не могла различить, что изображалъ этотъ рисунокъ: одинъ говорилъ, что это кенгуру, другой — что это корабль и т. п. Члены-же лондонскаго этнологическаго общества находили акварели Ольдфильда исполненными превосходно. Конечно, не всѣ европейскія дѣти становятся, въ одинъ и тотъ-же періодъ своей жизни, доступными подобнаго рода впечатлѣніямъ и не всѣ дикари равно не знаютъ живописи. Европейскія дѣти, на второй или на третій день по рожденія, обыкновенно уже различаютъ сладкій вкусъ отъ соленаго, а взрослые эскимосы или самоѣды не различаютъ соли отъ сахара до конца своихъ дней. Есть не мало европейскихъ дѣтей, которыя очень рано

составляютъ себѣ довольно опредѣленное отвѣченное представленіе о деревѣ, но не умѣютъ еще отличить дуба отъ березы, или отъ тополя, а многіе взрослые дикари, превосходно зная каждую породу встрѣчающихся въ ихъ мѣстности деревъ, неспособны составить себѣ никакого отвѣченнаго представленія о деревѣ.

Мы еще слишкомъ мало знаемъ о психической жизни нашихъ дѣтей, такъ что подобныя примѣры не могутъ быть ни достаточно многочисленны, ни разнообразны. Очень недавно обнаруженныя наблюденія Тидемана и Дарвина представляютъ только каплю въ этомъ морѣ. Въ медицинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ специальныхъ трудахъ можно встрѣтить порою очень драгоценныя указанія, но они не только не доступны публикѣ, но къ тому-же еще очень разрозненны, случайны, часто противорѣчивы. Неудивительно, что мало-мальски начитанный педагогъ можетъ придерживаться еще существенно-различныхъ психологическихъ воззрѣній, вполне добросовѣстно считая то, которое ему нравится, вполне подтвержденнымъ достаточнымъ числомъ наблюдений и фактовъ. Записка Тэна безспорно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на иные уголки этой темной области. Но, какъ уже сказано, Тэнъ дѣлаетъ довольно рѣзкій скачекъ, переходя почти непосредственно къ той, довольно отдаленной, порѣ, когда ребенокъ создаетъ себѣ уже нѣкоторое подобіе человѣческой рѣчи. Но и самая способность языка, и всѣ другія, болѣе или менѣе драгоценныя, человѣческія способности, зарождаются въ ребенкѣ значительно раньше. Очень недавно даровитый французскій писатель, Бернаръ Перезъ (Bernard Peretz), взялъ на себя не легкій трудъ собрать въ одно стройное цѣлое разрозненныя наблюденія надъ психическою жизнью дѣтей, разсѣянныя во множествѣ специальныхъ книгъ. Пополнивъ ихъ своими собственными наблюденіями, Перезъ рисуетъ намъ цѣлую картину первыхъ трехъ лѣтъ нашего дѣтства, т. е. именно той самой смутной поры, когда ребенокъ, имѣя еще слишкомъ ничтожныя средства общенія съ окружающею его средою, представляется для насъ существомъ по преимуществу темнымъ и загадочнымъ. Картина, рисуемая Перезомъ, не можетъ быть названа ни очень полною, ни очень яркою. Но его книга — „Les trois premières années de l'enfance“ — заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и вниманія, не только какъ первый шагъ на этомъ крайне интересномъ поприщѣ, но и какъ

толковое руководство для будущихъ наблюдателей ранняго дѣтства, въ которыхъ новѣйшая психологія и вся исторія культуры ощущаютъ весьма настоятельную потребность.

Ни одна изъ извѣстныхъ доселѣ научныхъ или философскихъ гипотезъ не давала еще намъ возможности группировать самыя разнообразнѣйшія и разнохарактернѣйшія на видъ явленія столь гармоническимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь жизненнымъ и удобопонятнымъ образомъ. Последнее имѣетъ особенную цѣну, когда дѣло идетъ объ отрасли, интересной не для однихъ только специалистовъ, привыкшихъ бороться со всякими головоломностями и хитросплетеніями. Дѣтей имѣетъ всякій и всякому присуще желаніе воспитать ихъ возможно лучше, или, по крайней мѣрѣ, возможно меньше искалечить ихъ своимъ растлѣвающимъ вліяніемъ. Книга Б. Переза съ большимъ интересомъ и пользою прочтется каждою мало-мальски образованною матерью и, по меньшей мѣрѣ, научить ее осмысленнѣе любить инстинктивно-дорогое ей существо. Таково свойство всякой разумной педагогики: прежде, чѣмъ воспитывать дѣтей, она должна оказать гуманизирующее вліяніе на самихъ воспитателей. Б. Перезъ, мнѣ кажется, долженъ особенно нравиться матерямъ. Въ немъ, правда, нѣтъ и тѣни той конфетности, того приторнаго умиленія, безъ котораго очень многіе почтенные люди почему-то считаютъ неловкимъ отправляться ни теоретически, ни фактически въ дѣтскій міръ. Перезъ понимаетъ, что о простыхъ и серьезныхъ предметахъ неизбѣжно говорить просто и серьезно. Но онъ тѣмъ существенно отличается отъ Тэна, что не поднимаетъ у младенческой колыбели мировыхъ вопросовъ, не ищетъ аналогій, хоть и не чуждается ихъ тамъ, гдѣ онѣ представляются ему сами собою. Онъ наблюдаетъ ребенка для ребенка, съ любовью останавливаясь на самыхъ ничтожныхъ мелочахъ этой начинающейся жизни, внимательно слѣдя за каждымъ его движеніемъ, прислушиваясь къ его невнятному лепету, часто кажущемуся намъ бессмысленнымъ только потому, что мы сами недостаточно еще умны для того, чтобы угадать его широкое человѣческое значеніе.

„Эти мелкія подробности дѣтской, — говоритъ онъ на стр. VIII своего предисловія, — не могли интересовать философовъ старой школы. Они имѣли очень удобное слово: *инстинктъ*. Произнеся его, имъ больше ничего не оставалось сказать, и они величе-

ственно проходили мимо. Теперь никто уже не довольствуется столь удобнымъ объясненіемъ. Для насъ всѣ эти крошечные факты стали явленіями, которыя не только необходимо загѣтить, записать въ архивъ, но еще и приписать соотвѣтственнымъ физическимъ причинамъ. Одинъ простѣйшій фактъ сосанія, то искусство, которое каждый ребенокъ очень быстро приобретаетъ въ этомъ дѣлѣ, показываетъ уже, что ощущенія осязанія и вкуса не проходятъ незамѣтно для маленькаго существа. Они должны были вызвать въ двигательныхъ и умственныхъ центрахъ этого, столь еще слабаго, организма очень сильныя впечатлѣнія, иначе они не привели-бы къ движеніямъ преднамѣреннымъ и совершенствуемымъ почти безпрестанно. Съ перваго-же часа внѣ-утробной жизни воспримчивость даетъ уже импульсъ уму и волѣ. Человѣческое существо уже вполне обрисовалось въ ребенкѣ, такъ-какъ всѣ человѣческія способности уже находятся въ немъ въ состояніи, правда, зачаточномъ, но вполне доступномъ научному наблюденію.

„Ребенокъ способенъ думать и вспоминать, хотѣть и не хотѣть. Въ какой мѣрѣ эти способности зачаточны, смутны, безсознательны? Въ какой мѣрѣ онѣ въ немъ наследственны или приобретены лично? Въ какой мѣрѣ онѣ пассивны или активны? Одна наука способна отвѣтить на эти вопросы, но и она, къ сожалѣнію, за исключеніемъ очень немногочисленныхъ, неполныхъ, разрозненныхъ наблюдений, не даетъ намъ ничего, кромѣ произвольныхъ аналогій, сентиментальныхъ или метафизическихъ гипотезъ“ ... „Съ трудомъ можно собрать нѣсколько отдѣльныхъ наблюдений надъ дѣтскою жизнью въ трудахъ лекарей, физиологовъ, психологовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ педагоговъ. Но наблюденія эти ничѣмъ не связаны между собою, не обобщены. Кромѣ того, они относятся уже къ той позднѣйшей порѣ, когда ребенокъ овладѣлъ мощнымъ орудіемъ языка, уже приобрѣлъ нѣкоторый опытъ, уже подчинился многимъ воспитательнымъ вліяніямъ... Но первичная ступень его развитія ждетъ еще новыхъ изслѣдованій, которыя должны быть строго-научными“.

„Я собралъ много наблюдений надъ дѣтьми до трехлѣтняго возраста; я постараюсь математически изложить ихъ результатъ, но я съумѣю воздержаться отъ преждевременныхъ и чрезмѣрныхъ обобщеній. Какъ-бы ни были удачны мои наблюденія, имъ недостаетъ еще очень существеннаго условія для того, чтобы по-

служить прочною основою для широкихъ выводовъ: они не проверены трудами болѣе опытныхъ или болѣе счастливыхъ наблюдателей. Если мнѣ удастся обратить ихъ вниманіе на этотъ предметъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ обыкновенно думаютъ, то мой трудъ не пропадетъ даромъ. Мой опытъ психологическаго очерка ранняго дѣтства покажетъ, по крайней мѣрѣ, имъ, что подобный трудъ не только желателенъ, но и возможенъ“.

Призывая новыхъ наблюдателей на это новое и благодарное поприще, французскій авторъ не скрываетъ отъ нихъ тѣхъ трудностей, съ которыми они неизбѣжно встрѣтятся на немъ, и даетъ имъ нѣсколько не бесполезныхъ предостереженій:

„Психическое наблюденіе—дѣло не легкое вообще; по отношенію же къ первому дѣтству оно сопряжено съ нѣкоторыми спеціальными препятствіями. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ успѣшности этихъ наблюденій можетъ послужить очень свойственное человѣческому уму стремленіе видѣть въ дѣйствительности только подтвержденія своихъ предвзятыхъ идей. Другой, точно также общераспространенный, нашъ первородный грѣхъ—это привычка искать въ другихъ только самого себя. Въ наблюденіяхъ надъ зарождающеюся душою всего труднѣе воздержаться отъ перенесенія на ребенка того, что мы знаемъ о взросломъ человѣкѣ. Лучшіе наблюдатели дѣтства—Локкъ, Кондильякъ, аббатъ Сиккаръ, не избѣгли этого подводнаго камня. Иногда они какъ-будто умышленно искали его. Уподобляя дѣтскій возрастъ тому природному состоянію, которое они привлекательно раскрашивали цвѣтами своего воображенія, они торопились примѣнять къ умственному и нравственному развитію особой законы видоваго историческаго развитія, столь мало извѣстные намъ еще и до сихъ поръ“...

...„Ребенокъ въ колыбели, скудный личнымъ опытомъ, унаследовалъ, если не чувства и мысли, то, по крайней мѣрѣ, способности, постепенно развивавшіяся и совершенствовавшіяся у предшествовавшихъ поколѣній. Впрочемъ, то „природное состояніе“, о которомъ мечтали философы XVIII столѣтія, также мало было исходною точкою историческихъ обществъ, какъ и новорожденныхъ дѣтей. Быть человѣкомъ даже въ самой низшей степени обязываетъ, во всякомъ случаѣ, считаться съ цивилизаціею и играть въ ней извѣстную роль... Надо рѣшиться изучать въ ребенкѣ

ребенка и заимствовать у исторіи и у философскихъ системъ только ту законную дань аналогій и контрастовъ, которую онѣ могутъ намъ дать безъ натяжки“.

„...Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, остроумный абать Гальяни говорилъ, что воспитаніе ребенка не должно существенно разниться отъ воспитанія животныхъ. Не доходя до такихъ практическихъ крайностей, мы не можемъ, однакожь, не признать, что ученіе о преемственности видовъ и сравненіе даже психической жизни людей и животныхъ подвинули науку о человѣкѣ гораздо болѣе впередъ, чѣмъ вся метафизическая или эмпирическая психологія стараго времени. Не надо забывать, что въ эпоху ранняго дѣтства человѣкъ имѣетъ съ пресмыкающимися, съ рыбами, птицами и млекопитающими одну общую черту, которую онъ утрачиваетъ впоследствии, т. е. неспособность къ членораздѣльной рѣчи. Узо и въ особенности Дарвинъ выставляютъ въ очень яркомъ свѣтѣ эту особенность дѣтства; и они-то именно доставили всего больше матеріаловъ для будущей науки о ребенкѣ“.

„Мой трудъ исключительно наблюдательный; я буду очень умѣренъ въ опредѣленіяхъ и воздержусь отъ личныхъ своихъ объясненій общихъ психологическихъ явленій, предпочитая, по мѣрѣ надобности, приводить подлинныя слова собственно-философовъ, какъ Спенсеръ, Вэджгоутъ, Гексли, Тэнъ, или философовъ-анатомовъ, какъ нашъ знаменитый Люисъ“ *). „Съ этими немногими необходимыми оговорками, я приступлю къ чисто-наблюдательному изслѣдованію проявленій чувствительности, воли и разума въ ребенкѣ, начиная со дня его рожденія и кончая тѣмъ возрастомъ, когда онъ уже начинаетъ владѣть словомъ“.

Въ этомъ пространномъ выпискѣ, которыя, надѣюсь, дадутъ читателю вѣрное понятіе о намѣреніяхъ Б. Переза и о планѣ его сочиненія, я считаю долгомъ прибавить, что этотъ французскій авторъ сдерживаетъ вполне добросовѣстно заманчивыя обѣщанія своего введенія. Онъ, дѣйствительно, даетъ намъ очень оживленный обзоръ проявленій психической дѣятельности маленькихъ дѣтей по рубрикамъ и отдѣламъ современной психологіи. Начиная съ полу-физиологической области впечатлѣній, до-

*) Luys—авторъ превосходной анатоміи мозга. Его не должно смѣшивать съ G. V. Lewes, недавно умершимъ авторомъ *Физиологии обиденной жизни* и нѣкоторыхъ трудовъ по философіи исторіи.

ставляемыхъ непосредственно органами внѣшнихъ чувствъ, онъ постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе сложнымъ актамъ сознанія, вниманія, памяти, ассоціаціи впечатлѣній, отвлеченія, сравненія, воображенія, и кончаетъ тѣми высшими сферами самосознанія и нравственнаго чувства, въ которыя доступъ безсловеснымъ закрытъ, каковы-бы ни были по рожденію присвоенныя имъ права и ранги въ общей іерархіи живыхъ существъ. Самъ Б. Перезъ, однакожь, не придаетъ этимъ, болѣе или менѣе научнымъ, категоріямъ и рубрикамъ больше значенія, чѣмъ сколько онѣ должны имѣть его въ трудѣ, чуждомъ всякой схоластики и филистерства.

Если Б. Переза и можно въ чемъ-нибудь упрекнуть относительно общаго плана его сочиненія, то развѣ въ томъ только, что онъ болѣе, чѣмъ слѣдовало-бы для популярнаго труда, упускаетъ изъ вида тѣ antecedенты, которые всякій новорожденный младенецъ приноситъ съ собою уже на этотъ свѣтъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ, за исключеніемъ особенно несчастныхъ случаевъ, существа, готовыя помочь ему въ долгомъ и мучительномъ процесѣ его приспособленія къ новымъ для него условіямъ нашей среды; но гдѣ онъ рѣдко находитъ истинныхъ друзей, знающихъ, что ему всего нужнѣе и какъ ему помочь въ этомъ, столь существенномъ, дѣлѣ. Конечно французскому автору не было никакой необходимости повторять общія мѣста о зависимости психической дѣятельности ребенка отъ его физической организаціи и о томъ, въ какой мѣрѣ эта послѣдняя, въ свою очередь, строго обусловлена физиологическою наслѣдственностію. Изъ всѣхъ загадочныхъ вліяній, управляющихъ развитіемъ органической жизни на землѣ, законъ наслѣдственности разработанъ едва-ли не всего лучше, благодаря Ч. Дарвину и движенію, возбужденному имъ въ наукѣ. Изложить, хотя-бы въ очень сжатомъ и поверхностномъ видѣ, все то, что уже добыто по этой части трудами многихъ почтенныхъ изслѣдователей, было бы не легко; но едва-ли бесполезно было-бы сообщить здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній, состоящихъ въ наиболѣе тѣсной связи съ первыми шагами сознанія. Мы много знаемъ, но не всегда умѣемъ припоминать наше знаніе именно тамъ, гдѣ оно способно было-бы оказать намъ наиболѣе существенную услугу. Принципіально, Бернаръ Перезъ уже въ своемъ предисловіи пре-

дупреждаетъ насъ, что подлежащій нашему наблюденію новорожденный младенецъ вовсе не представляетъ собою блага листа, на которомъ заботливые воспитатели умѣло или неумѣлою рукою будутъ выводить письмена, выражающія собою то, что, по ихъ понятію, составляетъ идеаль мудрости и добродѣтели. Ребенокъ еще въ утробѣ матери успѣлъ получить божье или менѣе богатое наслѣдіе цѣлаго ряда преемственно совершенствовавшихся поколѣній. Но достаточно-ли одного такого принципиальнаго напоминанія?

Уже та сбивчивость, которая встрѣчается въ книгѣ Узо (а Б. Перезъ признаетъ этого самобытнаго наблюдателя своимъ учителемъ), въ главахъ о наслѣдственности и объ инстинктѣ, достаточно убѣждаетъ, что такого общаго и законческаго замѣчанія недостаточно. Однимъ изъ желательнѣйшихъ результатовъ книги Переза должно быть то, что она, по всей вѣроятности, вызоветъ новыя и многочисленныя наблюденія надъ первыми годами дѣтства. Не всякій изъ такихъ наблюдателей будетъ имѣть возможность предварительно перечитать не легко доступныя и многочисленные томы, изъ которыхъ въ каждомъ онъ могъ-бы почерпнуть нѣсколько полезныхъ для него руководящихъ, но разрозненныхъ замѣчаній. А между тѣмъ, каждый изъ такихъ наблюдателей въ изучаемомъ имъ маленькомъ существѣ ежедневно будетъ встрѣчать загадочныя, сбивающія съ толку проявленія, для объясненія которыхъ ему отовсюду подсказываютъ одно очень удобное слово: „инстинктъ“, или, пожалуй, отчасти „рефлективное движеніе“. Но откуда берется этотъ инстинктъ или бессознательный стимулъ? Какимъ образомъ происходитъ, что результатъ несмысленнаго инстинктивнаго движенія таковъ, лучше котораго не могла-бы дать даже и очень развитая цѣлесообразная дѣятельность? Какая, наконецъ, истинная роль этого загадочнаго побужденія въ жизни и дѣятельности cadaго отдѣльнаго существа? — Отвѣтить на эти вопросы можетъ, конечно, только одна наблюдательная психологія, когда ея запасъ фактовъ, считаемихъ теперь едва-ли даже десятками во всевозможныхъ направленіяхъ, обогатится сотнями новыхъ наблюденій. Но даже приступая къ этимъ наблюденіямъ, необходимо уже имѣть объ этомъ предметѣ возможно опредѣленное общее представленіе.

Въ книгѣ Узо, представляющей собою какъ-бы архивъ, къ

которому всегда не бесполезно обращаться за разъясненіями психологическихъ затрудненій, отдѣлъ объ инстинктахъ (I-й т., стр. 177), состоитъ изъ цѣлыхъ девяти главъ, въ размѣрѣ около полутора ста страницъ очень убористой печати. При свойственной этому писателю сжатости слога и при его отвращеніи отъ общихъ мѣствъ, этого, конечно, довольно. За то чего и чего только нѣтъ на этихъ полутора ста страницахъ! Бельгійскій натуралистъ устанавливаетъ цѣлыхъ восемь группъ инстинктовъ, свойственныхъ будто-бы всѣмъ живымъ существамъ: 1) инстинкты страха и самосохраненія; 2) инстинкты питанія; 3) инстинкты движенія; 4) инстинкты одѣванія и даже переодѣванія; 5) инстинкты убѣжища; 6) инстинкты чистоплотности; 7) инстинкты собственности и, наконецъ, 8) инстинкты размноженія и стыдливости. Нѣкоторыя главы разбиваются на многочисленныя рубрики. Повсюду мы найдемъ изобиліе фактовъ, набранныхъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и добросовѣстностію изъ безконечнаго ряда разсказовъ путешественниковъ, естествоиспытателей, охотниковъ, и т. п.; еще болѣе мы встрѣтимъ наблюденій самого автора, прожившаго большую часть своей жизни въ степяхъ Техаса, въ горахъ Мексики, въ самомъ интимномъ общеніи съ разнообразѣйшими домашними и дикими животными. Мы воспользуемся частью этого богатаго матеріала по мѣрѣ надобности; но обзрѣть его, хотя-бы поверхностно, рѣшительно невозможно, да и было-бы бесполезно, такъ-какъ дѣйствию инстинкта приписываются самыя разнообразныя и часто очень сложныя явленія. Что же касается до общихъ выводовъ и оцѣнокъ, то Узо не даетъ намъ почти ничего, кромѣ нижеслѣдующаго краткаго ничего необъясняющаго вступленія.

„Инстинктъ, — говоритъ онъ, — является такимъ необходимымъ пополненіемъ всякаго органическаго отправления, что онъ не болѣе долженъ насъ удивлять, чѣмъ и самыя отправления. Могли-бы мы, напримѣръ, удовлетворять потребность пищи, если-бы инстинктъ не указывалъ намъ пригодную для насъ пишу и не отвращалъ-бы насъ отъ веществъ негодныхъ или вредныхъ? Это стремленіе къ веществамъ, способнымъ служить на поддержку нашей жизни, ничуть не удивительнѣе того процесса, которымъ растеніе извлекаетъ изъ почвы нужныя ему химическія вещества. Точно также и кристалъ притягиваетъ къ себѣ неорганическія

части маточнаго раствора; кровь поглощаетъ кислородъ воздуха, и т. п.“ „Инстинкты играютъ, относительно потребностей, ту-же самую роль, которую впечатлѣнія играютъ относительно чувствъ. Каждому изъ нашихъ животныхъ отправлениямъ соотвѣтствуетъ простой инстинктъ, непосредственно связанный съ самимъ отвлеченіемъ“.

На нашъ взглядъ, изъ всего этого ясно только то, что самъ авторъ имѣетъ очень смутное теоретическое представленіе о практически—близко знакомомъ ему предметѣ. Удивительнымъ намъ кажется не инстинктъ, а только то, что даже такой талантливый и наблюдательный натуралистъ утрачиваетъ свою обычную проникательность и ясность воззрѣній, какъ только касается этого загадочнаго предмета. Даже въ фактическомъ отношеніи, Узо, вообще отличающійся довольно строгою критикою, на этотъ разъ не стѣсняется заимствовать у Флуранса (Flourens), слѣдующій примѣръ замѣчательной будто-бы дѣятельности инстинкта самосохраненія, или, по терминологіи Флуранса, инстинкта опасности: „Когда было порѣшено уменьшить число медвѣдей, содержимыхъ въ парижскомъ Jardin des Plantes, то обреченнымъ на смерть животнымъ бросили пироги, отравленные синильною кислотою. Медвѣди, обыкновенно падкіе на лакомства, отнеслись недоувѣрчиво къ этой подачкѣ. Они обнюхали пироги, потащили ихъ въ свое берлогу, нѣсколько разъ тщательно обнюхали въ водѣ. Когда запахъ отравы былъ совершенно разсѣянъ, они съѣли эти пироги, не потерпѣвъ ни малѣйшаго вреда“.—Къ чести этого автора должно, однакожь, замѣтить, что въ своей десятой и послѣдней главѣ этого-же отдѣла онъ представляетъ много интересныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ несомнѣнно о погрѣшимости инстинктовъ, которую уже прежде него провозгласилъ Джемсъ Ренни (J. Rennie, Mistakes of instinct). Такъ-называемая, мясная муха (*Musca carnaria*) кладетъ свои яйца въ падалъ, гдѣ имѣющіе развиваться изъ этихъ яицъ дѣтеныши находятъ тотчасъ-же необходимую для себя пищу. Есть растеніе *stapelia*, издающее запахъ падали, и муха, обманутая этимъ запахомъ, а также видомъ цвѣтка, кладетъ свои яйца въ него. Инстинктъ не предупреждаетъ ее, что такимъ образомъ она обрекаетъ своихъ дѣтей на погибель. Обыкновенная комнатная муха кладетъ точно также свои яйца въ табакъ, принимая его за навозъ. Нѣсколько

сходныхъ примѣровъ можно привести и о птицахъ. Многія мелкія пташки, въ буквальный смыслъ слова, принимаютъ кукушку за ястреба и очень боятся ея, хотя она и не причиняетъ имъ никакого вреда; воробьи боятся колода, а между тѣмъ онъ питается только ночными бабочками и насѣкомыми. Афиды, т. е. растительныя вши, не чувствуютъ никакого страха, ни отвращенія къ ларвамъ сирфидъ, которыя (т. е. ларвы) питаются ими и истребляютъ ихъ неисчислимыя количества... Узо заканчиваетъ этотъ отдѣлъ: „можно считать вѣроятнымъ, хотя и недоказаннымъ, что акты инстинкта въ значительной степени могутъ обусловливаться сознаниемъ. Ихъ нельзя считать совершенно независимыми отъ воли индивида“... Все это,—какъ читатель можетъ легко заключить,—мало способно уяснить воззрѣнія неопытнаго наблюдателя на ту роль, которую инстинктъ или инстинкты играютъ въ нашей психической жизни на первыхъ ступеняхъ сознанія. Постараемся очертить здѣсь въ немногихъ строкахъ смыслъ этого, столь удобопримимаго слова.

Всѣмъ извѣстно, что значительное большинство движеній, совершающихся во всякомъ живомъ организмѣ, не состоятъ въ непосредственномъ соотношеніи съ нашимъ душевнымъ строемъ. Мы дышемъ, не сознавая, какъ и за чѣмъ, не отдавая даже себѣ отчета въ томъ, что мы дышемъ. Для такихъ автоматическихъ или рефлективныхъ движеній нѣтъ даже надобности предполагать какой-нибудь инстинктъ или бессознательный стимулъ. Можно легко допустить, что внѣшняя среда, незамѣтными физическими или химическими вліяніями, приводитъ въ движеніе нѣкоторыя части нашего организма вродѣ того, какъ вода приводитъ въ движеніе колесо мельницы, или какъ кислородъ воздуха приводитъ въ движеніе молекулы легко разлагающихся соединений. Однако, нѣкоторыя рефлективныя движенія до того сложны и до того похожи на цѣлесообразныя движенія, что даже опытный наблюдатель не легко отличаетъ одни отъ другихъ. Если мы уколемъ живую лягушку или ящерицу и увидимъ, что она сдѣлаетъ движеніе лапкою по направленію къ уколотому мѣсту, то мы предполагаемъ, что она намѣренно дѣлаетъ это движеніе для того, чтобы отстранить болкій предметъ. Обезглавивъ эту лягушку или отравивъ ее стрихниномъ, который парализуетъ главный органъ сознанія, т. е. головной мозгъ, и повторивъ тотъ-же самый опытъ, мы, однакоже, убѣж-

даемся, что это движеніе чисто автоматическое и нисколько не управляется сознаниемъ. Въ мертвой головѣ, раздражая извѣстные нервныя центры, можно вызывать движенія, совершенно тождественныя съ тѣми, которыя на лицѣ живаго человѣка служатъ отраженіемъ сильныхъ душевныхъ потрясеній: смѣхъ, улыбку, угрожающую или презрительную гримасу и т. п. Мы уже видѣли, что Тидеманъ на лицѣ своего ребенка, на пятый день по рожденіи, замѣтилъ появленіе улыбки или легкаго смѣха, который онъ назвалъ автоматическимъ, хотя въ его время фізіологія нервныхъ рефлексовъ еще не существовала вовсе. Менѣе опытный и осторожный наблюдатель ранняго дѣтства легко, однакоже, можетъ ошибиться въ подобномъ случаѣ и приписать душевной дѣятельности младенца то, что, по выраженію Тидемана, есть только продуктъ бессознательной игры механизма *). А между тѣмъ, нервная психологія не можетъ рѣзко и опредѣленно установить тотъ предѣлъ, до котораго способно доходить это автоматическое подобіе сознательной, или, по крайней мѣрѣ, душевной дѣятельности. Акты, обыкновенно совершающіеся рефлексивно, могутъ только въ исключительныхъ случаяхъ поступать подъ контроль сознания. Иные люди и даже лошади, внимательно прислушиваясь къ чему-нибудь, способны приостанавливать на время дыханіе. Нѣкоторые гимнасты упорнымъ трудомъ доходили до того, что могли по своему произволу до того ослаблять и замедлять біеніе своего сердца, что его невозможно было даже и замѣтить. Но, повторяю, подобные случаи превращенія автоматическихъ движеній въ сознательныя составляютъ чрезвычайно рѣдкія исключенія. Зато, противоположное встрѣчается сплошь и рядомъ. Каждый могъ очень удобно наблюдать на себѣ, какъ движенія, долго требовавшія отъ насъ настойчивыхъ усилій сознания и воли, потомъ совершались не только безъ всякаго усилія, но и вполне механически, автоматически. Всѣмъ намъ стоило не мало сознательныхъ усилій на-

*) Въ недавно вышедшей книгѣ Эспинаса (*Des Sociétés animales, études de psychologie comparée*, р. А. Espinas, 1878 г.) мы находимъ, въ примѣч. къ стр. 198, нижеслѣдующій примѣръ, показывающій, до какихъ размѣровъ въ маленькомъ ребенкѣ рефлексивныя движенія могутъ усложниться и принимать видъ намѣренныхъ и обдуманыхъ дѣйствій: „я видѣлъ“,—говоритъ Эспинасъ,—„трехмѣсячнаго ребенка, котораго беспокоилъ свѣтъ лампы; мало-по-малу, рядомъ неловкихъ движеній, онъ натянулъ одѣяло себѣ на глаза и скрылся подъ нимъ совершенно“.

учить порядочно держать перо при писаніи, но когда это движеніе принимаетъ силу привычки, намъ стоитъ только взять въ руки перо, и пальцы сами собою, незамѣтно для нашего сознанія, располагаются надлежащимъ образомъ. Въ подобныхъ случаяхъ намъ тоже нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ инстинету; мы объясняемъ все дѣло просто привычкой.

Курица большую часть своей жизни проводитъ въ ѣдѣ, которую она выскребываетъ лапами изъ земли. Если мы увидимъ, что курица скребетъ землю совершенно безсознательно и безцѣльно, то мы не скажемъ, что ее къ этому побуждаетъ инстинетъ: отъ долгаго упражненія въ этомъ дѣлѣ, имѣвшаго для нея самой очень опредѣленный смыслъ, у нея просто развились привычка. Совершенно иное дѣло, если мы видимъ, что цыпленокъ, только-что вылупившійся изъ яйца, также начинаетъ производить то-же самое. Въ немъ, слишкомъ очевидно, не могла установиться привычка царапать землю, такъ-какъ въ яйцѣ онъ не имѣлъ случая дѣлать этого. Нельзя предположить также, чтобы имъ руководило сознаніе: откуда-бы онъ могъ это узнать? Изъ примѣра другихъ куръ?—но цыплята, высиженные искусственно и не имѣющіе передъ собою примѣра другихъ куръ, дѣйствуютъ точно также. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ дѣйствіемъ, которое не можетъ быть объяснено ни сознаніемъ, ни привычкой. Загадочную причину подобныхъ дѣйствій обыкновенно называютъ инстинктомъ. Англійскій натуралистъ Алленъ Томпсонъ подвергъ эту своеобразную особенность цыплятъ нѣкоторому испытанію. Желая убѣдиться, будутъ-ли цыплята безразлично скрести то, что окажется у нихъ подъ ногами, онъ развелъ нѣсколько цыплятъ на комнатномъ коврѣ. Они не считали нужнымъ скрести коверъ, какъ будто-бы знали очень хорошо, что изъ него не выскребешь того, что требуется, а между тѣмъ они отродясь не имѣли еще у себя подъ ногами другой почвы. Но чуть-только Томпсонъ поспалъ на этотъ коверъ песку, цыплята тотчасъ-же усердно заскребли его ногами. Психологъ старой школы, вѣроятно, не преминулъ-бы по этому поводу исписать нѣсколько страницъ лирическими возгласами о благотѣльности инстинкта и попалъ-бы, конечно, въ просакъ. Для цыплятъ Томпсона было точно также бесполезно скрести песокъ, какъ и коверъ. Опытъ Томпсона рѣшаетъ только одно, а именно: цыпленокъ унаслѣдуетъ отъ матери инстинетъ не скрести

вообще то, что у него подъ ногами, а только скрести такую почву, изъ которой курица обыкновенно добываетъ себѣ пищу. Не выходя изъ птичьяго двора, мы можемъ наблюдать еще одно не безынтересное проявленіе инстинкта. Тотъ-же самый цыпленокъ, только-что вылупившійся изъ яйца, очень ловко и жадно проглатываетъ пролетавшую мимо муху; но если вмѣсто мухи, около него пролетаетъ оса, то онъ отбѣгаетъ въ ужасѣ. Очевидно, сидя въ своемъ яйцѣ, онъ не имѣлъ никакой возможности узнать, что мухи годятся въ пищу курамъ, а осы могутъ жалить и причинять боль. Чѣмъ онъ руководствуется въ данномъ случаѣ?— Очевидно, не сознаниемъ, не привычкою. О подражаніи само-собой не можетъ быть и рѣчи: совершенно невозможно допустить, чтобы онъ въ какіе-нибудь полчаса своего существованія успѣлъ уже увидѣть, какъ куры глотаютъ мухъ и боятся осу; слѣдовало-бы предположить въ цыпленкѣ невѣроятную гениальность для того, чтобы объяснить такія его дѣйствія переимчивостью. Вотъ эту-то загадочную причину мы и не умѣемъ иначе назвать, какъ инстинктомъ. Всякое-же другое значеніе, которое-бы мы стали придавать этому слову, повело-бы неизбѣжно къ путаницѣ.

Подобныхъ примѣровъ дѣятельности инстинкта можно-бы было привести множество; но я стараюсь выбрать именно тѣ, въ которыхъ всѣ характеристическія особенности этого рода явленій выступаютъ на видѣ довольно ярко. Кошка ловить мышъ прежде всего для того, чтобы съѣсть ее; но если она не очень голодна, то, подъ вліяніемъ радостнаго настроенія, вызваннаго въ ней успѣхомъ охоты, еще неутомившей ее, она принимается ею играть, зная, что съѣсть эту жертву ей будетъ пріятнѣе, чѣмъ сильнѣе возбудитъ она предварительно игрою свой апетитъ. Такъ поступаютъ споконъ-вѣка цѣлыя поколѣнія кошекъ. Но возьмемъ, для примѣра, откормленнаго кота, пресытившагося до невозможности и лѣнливо дремлющаго въ теплому углу... Въ немъ нѣтъ охоты играть, и всѣ уловки шаловливаго мальчика, старающагося соблазнить его катящимся шарикомъ, не могутъ вывести его изъ сладостной дремоты... Но вотъ въ полутемномъ углу показалась мышъ. Котъ стремительно бросился на нее, задушилъ, но не сталъ ни ѣсть, ни играть, а лѣнливо потянулся и улегся на прежнемъ мѣстѣ. Что-же побудило его къ этому кровожадному поступку? Очевидно, тотъ-же самый инстинктъ, который придаетъ

кажущуюся цѣлесообразность и сознательность дѣйствіямъ только-что вылупившагося изъ яйца цыпленка.

Но что-же такое этотъ инстинктъ, котораго проявленія существенно тождественны во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ?

Инстинктъ не есть какой-нибудь тайный голосъ, подсказывающій животному то, что ему слѣдуетъ дѣлать въ данномъ случаѣ въ видахъ самосохраненія; выше мы уже видѣли, что тотъ-же самый инстинктъ часто не удерживаетъ животное отъ актовъ, совершенно для него бесполезныхъ и даже вредныхъ. Инстинктъ не есть какое-нибудь роковое, неотразимое влеченіе совершать извѣстныя дѣйствія совершенно независимо отъ ихъ полезности или вредности. Кошка при извѣстномъ воспитаніи совершенно утрачиваетъ инстинктъ ловить мышей. Мебіусъ остроумнымъ опытомъ убѣдился, что достаточно трехъ мѣсяцевъ для того, чтобы отучить щуку отъ инстинкта глотать карасей. Онъ устроилъ въ акваріумѣ толстую стеклянную перегородку, дѣлившую его на двѣ части: въ одну пущена была прожорливая щука, въ другую помѣщены живые караси. Втеченіи трехъ мѣсяцевъ, сознавая, вѣроятно, что она существуетъ на бѣломъ свѣтѣ специально для того, чтобы не дремалъ карась, щука свирѣпо бросалась на нихъ, какъ только замѣчала ихъ сквозь прозрачную перегородку. Но по истеченіи этого срока, убѣдившись въ тщетѣ своихъ атакъ, она оставила карасей въ покоѣ. Впослѣдствіи, когда перегородку сняли, щука уже не трогала болѣе своихъ сосѣдей. Все вышесказанное наводитъ насъ на мысль, что инстинктъ есть ничто иное, какъ привычка, унаслѣдованная особью отъ предшествовавшихъ поколѣній. Этимъ опредѣленіемъ, мнѣ кажется, достаточно объясняется и его роль, вообще благопріятная для сохраненія особей или видовъ, но въ частности нерѣдко безразличная, а иногда и безусловно вредная для нихъ.

Намъ почему-то кажется очень просто, что одно и то же живое существо, первоначально затрачивающее большіе запасы ума и воли на пріобрѣтеніе умѣнія совершать извѣстный актъ, совершаетъ потомъ этотъ-же самый актъ незамѣтно для себя, машинально, рефлективно, автоматически. Предположеніе-же, будто живое существо могло уже составить себѣ привычку въ то время, когда оно еще не было живымъ существомъ, ни даже зародышемъ, заключаетъ въ себѣ на первый взглядъ нѣчто по-

дозрительное для скептическаго ума, нѣчто фантастическое, таинственное. А между тѣмъ, эти два явленія, будучи сведены къ своимъ простѣйшимъ элементамъ, едва-ли существенно различаются одно отъ другого. Индивидуальныя привычки формируются не только въ сферѣ психической, но и во всѣхъ другихъ сферахъ органическаго существованія. Кому неизвѣстно, напримеръ, что тирольцы, начиная съ очень маленькихъ дозъ, привыкаютъ къ такимъ количествамъ мышьяка, которыя своимъ чисто-химическимъ дѣйствіемъ на пищеварительный аппаратъ неизбежно причинили-бы смерть непривычному человѣку? Многія лекарства, сначала сильно дѣйствующія на нашъ организмъ, т. е. на его микроскопическія составныя части, потомъ начинаютъ дѣйствовать все слабѣе и мы становимся въ необходимость усиливать ихъ приемъ, чтобы получить прежнюю силу воздѣйствія. Мы говоримъ, что организмъ, т. е. опять-таки его составныя части, привыкъ къ этому воздѣйствію, и не замѣчаемъ въ этомъ положеніи ничего загадочнаго, таинственнаго, метафизическаго. Но вѣдь составныя части нашего организма иѣняются непрерывно; въ то время, когда тиронецъ перешелъ къ убійственной для всякаго иного смертнаго дозѣ мышьяка, въ немъ, по всей вѣроятности, не осталось уже ни одной клѣточки изъ тѣхъ, на которыя мышьякъ не оказалъ-бы своего воздѣйствія. Единственное разумное объясненіе органической привычки, въ ея элементарнѣйшемъ видѣ, можетъ быть только то, что новыя органическія клѣточки, зарождааясь отъ прежнихъ, вѣроятно наследуютъ уже отъ нихъ измѣненіе, вызванное воздѣйствіемъ мышьяка, и способность противостоять дальнѣйшимъ подобнымъ измѣненіямъ. Но вѣдь и организмъ дѣтеныша, со всеми его микроскопическими элементами, есть точно такой-же непосредственный продуктъ организма его родителей. Инстинктъ, слѣдовательно, тѣмъ только и различается отъ привычки, что для образованія его недостаточно періода жизни одного поколѣнія.

Всѣ ли привычки наследственны? Узо отрицательно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, предполагая, что наследственными могутъ быть только тѣ изъ нихъ, которыя сопровождаются органическими измѣненіями въ родителяхъ. Предѣлъ этотъ, однакоже, довольно шаткій, да едва-ли и вѣрный: собаки съ обрубленными хвостами или ушами долго еще рождаютъ дѣтенышей, не представляющихъ

и слѣда этихъ органическихъ поврежденій. А съ другой стороны извѣстно, что дягавый щенокъ, рожденный отъ матери, которую съ большимъ трудомъ пріучили дѣлать стойку, дѣлаетъ ее уже самъ, не нуждаясь въ новыхъ урокахъ хозяина. Кошка, которую не легко было пріучить отправлять свои нужды въ устроенномъ для этого мѣстѣ, на моихъ глазахъ родила нѣсколько поколѣній котятъ, которыхъ уже не приходилось обучать чистоплотности, такъ-какъ они, только-что начавъ ползать по комнатѣ съ грѣхомъ пополамъ, отправлялись неизмѣнно къ своей песочницѣ. Такой-же точно примѣръ кошки приводитъ также и Б. Перезъ въ подтвержденіе наслѣдственной передачи привычки. Въ обоихъ этихъ случаяхъ можно, однакоже, предполагать, что матери обучали, незамѣтно для насъ, своихъ дѣтенышей тому, чему сами онѣ были обучены человѣкомъ. Однакоже, такое толкованіе не можетъ измѣнить ни на волосъ нашего воззрѣнія на инстинктъ, и мы рѣшительно не беремся опредѣлить—сколько поколѣній необходимо для того, чтобы пріобрѣтенная привычка укрѣпилась, какъ инстинктъ, въ новомъ поколѣніи. Довольно вѣроятно, что это число поколѣній будетъ видоизмѣняться, смотря по категоріямъ животныхъ и для разныхъ инстинктовъ. Но инстинктъ тѣмъ не менѣе остается въ нашихъ глазахъ наслѣдственною привычкою, т. е. по преимуществу атавистическимъ началомъ психическаго и морфологическаго развитія, въ противоположность примѣняемости, представляющей собою равно прогрессивный элементъ въ обѣихъ сферахъ.

Наблюдателю психической жизни дѣтей никогда не слѣдуетъ забывать, что онъ легко можетъ встрѣтить въ новорожденномъ зачатки такой привычки, хотъ самое слово *привычка* странно звучитъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о какихъ-нибудь нѣсколькихъ дняхъ болѣе, чѣмъ полусоннаго существованія. Эта психическая наслѣдственность, не сопровождаемая замѣтными органическими особенностями, всего болѣе должна-бы обращать на себя вниманіе уже потому, что только новые и многочисленные факты могутъ показать, насколько существенна роль инстинктовъ въ жизни людей вообще и въ жизни младенцевъ въ частности. Эту именно сторону дѣла вовсе упускаетъ изъ вида Бернаръ Перезъ, хотъ онъ и говоритъ объ инстинктахъ вскользь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ графахъ и рубрикахъ своихъ интересныхъ изслѣдованій.

Чѣмъ выше мы поднимаемся по зоологической лѣстницѣ совершенствованія живыхъ существъ, тѣмъ больше инстинктъ (т. е. атавистическое начало) уступаетъ началу преобразовательному или трансформационному. Чѣмъ выше какое нибудь животное, тѣмъ самостоятельнѣе его жизнь, тѣмъ меньше оно продолжаетъ существованіе своихъ прародителей. Это общее направленіе выступаетъ на видъ очень рѣзко даже изъ того, что мы уже достовѣрно знаемъ о психической жизни животныхъ. Продолжая а ргіогі это направленіе до конца, многіе психологи доходятъ до того, что въ человѣкѣ, представляющемъ собою наиболѣе совершенное изъ земныхъ существъ, не допускаютъ вовсе существованія какихъ-бы то ни было инстинктовъ. Но Бернаръ Перезъ хорошо знаетъ, что основательный наблюдатель, — хотя ему и не поставляется въ обязанность не вѣдать вовсе апіористическія предположенія, высказываемыя на-счетъ интересующаго его предмета, — не можетъ, однакоже, руководиться такими предвзятыми воззрѣніями, а долженъ, напротивъ, тщательно провѣрять ихъ. Только такая провѣрка и способна придать имъ хотя нѣкоторую научную санкцію. Этотъ пробѣлъ его книги объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что всѣ, наблюдаемыя имъ, дѣти принадлежали къ одной интеллигентной парижской средѣ, и роль инстинктовъ въ нихъ не была легко уловима, за отсутствіемъ элементовъ сравненія. Для того, чтобы наблюденія надъ первыми шагами сознанія дали тотъ благодѣтельный результатъ, котораго мы вправе ожидать, необходимо прежде всего, чтобы они охватывали собою возможно обширнѣйшій кругъ самыхъ разнообразныхъ субъектовъ. Но такой трудъ рѣшительно не подъ силу одному человеку.

Л. Мечниковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ГОСПОЖА АНДРЕ.

РОМАНЪ

ЖАНА РИШПЭНА.

ГЛАВА XXVIII.

Г-жа Андре сама начертала програму ихъ новаго существованія. Оставшаяся у нея маленькая сумма и все, что имѣлъ Люсьенъ, составляли капиталъ въ 10,000 франковъ, и г-жа Люсьенъ рѣшила, что на это можно прожить Люсьену два года безъ всепоглощающихъ мелочныхъ заботъ объ ежедневномъ кускѣ хлѣба, а, напротивъ, посвятить себя всецѣло своему искуству. Не отказываясь отъ комфорта, необходимаго для правильнаго и пріятнаго литературнаго труда, онъ былъ-бы принужденъ только ограничить чисто-парижскую роскошь, въ которой они привыкли. Съ пятью тысячами франковъ въ годъ они были въ состояніи вести эту новую жизнь, которая налагала только очень легко переносимыя лишенія и представляла съ другой стороны всѣ преимущества безбѣднаго, спокойнаго существованія. Лѣто они могли проводить гдѣ-нибудь въ уединенномъ уголкѣ на морскомъ берегу, а на сдѣланныя тамъ экономіи Люсьенъ былъ въ состояніи держать себя, какъ подобало литератору, избѣгая опасной среды парижской богемы. Онъ посѣщаль-бы театры, литературныя кофейни, артистическій міръ и слѣдилъ-бы за всѣми новостями, что необходимо для литератора, а г-жа Андре помогала-бы ему читать книги, дѣлать выписки, переписывала-бы ему его сочиненія и освобождала-бы его отъ тысячи мелкихъ непріятностей ежедневной

жизни; однимъ словомъ, она создала-бы ему прелестную домашнюю жизнь, которая располагала-бы его къ труду.

— Вотъ видишь, говорила она, — твоя домашняя жизнь будетъ моимъ царствомъ, и я твердо рѣшилась изъ него не выходить.

— Что ты хочешь этимъ сказать, мой другъ?

— То, что я ни за что не хочу раздѣлять съ тобою твоей внѣшней жизни. Я отказываюсь заранѣе отъ всякаго вмѣшательства въ то, что ты будешь дѣлать за порогомъ своего дома. Я хочу быть твоей любовницей, но только у насъ дома; не буду выѣзжать съ тобою ни въ общество, ни въ театръ. Я буду скрываться отъ твоихъ друзей, которымъ не къ чему и знать о нашей любви. Они найдутъ ее, вѣроятно, странной и будутъ, пожалуй, тебя возстаивать противъ меня. Для насъ обоихъ лучше, чтобъ я оставалась въ тѣни. Необходимо, чтобъ ты одинъ велъ борьбу со славою, какъ-будто у тебя нѣтъ никого, кто-бы желалъ раздѣлить съ тобою ея трудности. Я могу тебя воодушевить, приготовить тебѣ оружіе для боя, перевязать твои раны послѣ битвы, увѣнчать тебя лаврами, если ты одержишь побѣду, но сражаться рядомъ съ тобою въ открытой сѣчѣ я не могу.

Этими и подобными имъ аргументами, примѣшивая нѣжныя шутки къ опредѣленнымъ выраженіямъ своей твердой рѣшимости, она урезонила Люсьена, хотѣвшаго открыто заявить всему свѣту связь, которою онъ, естественно, гордился. Мало-по-малу она его убѣдила въ разумности предлагаемой ею системы, не высказавъ и даже не намекнувъ на истинныя причины, побуждавшія ее вести уединенную, затворническую жизнь. Въ сущности, вполнѣ сознавая безъ всякой ложной скромности свою отлично сохранившуюся красоту, г-жа Андре боялась казаться слишкомъ старой для любовницы столь молодого человѣка. Она готова была все перенести, даже клеветы людей, не посвященныхъ въ тайну ея благороднаго, возвышеннаго самопожертвованія, но не хотѣла подвергнуть Люсьена даже тѣни неспрiятности, а она знала какъ золь свѣтъ и какъ ее немедленно окрестятъ въ старухи, что самое меньшее сдѣлаетъ Люсьена смѣшнымъ. Она готова была жить въ подвалѣ, въ темномъ чуланѣ лучше, чѣмъ подвергнуть малѣйшему сомнѣнію свою любовь, бывшую ей дороже всего на свѣтѣ. Кромя того, она думала о расходахъ на ея туалетъ

экипажи и театры, еслибъ она стала появляться всюду вмѣстѣ съ Люсьеномъ, что сдѣлало-бы громадныя прорѣхи въ скромномъ ихъ бюджетѣ, а она вѣчно упрекала-бы себя, какъ за преступную расточительность, за всякое уменьшеніе въ томъ маленькомъ капиталѣ, который долженъ былъ подготовить будущность молодого человѣка. Наконецъ, она даже въ любовь вносила свой прямой здравый смыслъ, не позволявшій ей приставать, надоедать и преслѣдовать, что такъ часто губить самую пламенную страсть. Она не считала, что любящая женщина должна непремѣнно слѣдовать за каждымъ шагомъ любимаго человѣка, быть постояннымъ, такъ сказать, бременемъ всѣхъ его мыслей и дѣйствій. Она, напротивъ, полагала, что женщину тѣмъ болѣе любятъ, чѣмъ болѣе она предоставляетъ мужчинѣ независимости. По ея мнѣнію, любовь должна быть не тюрьмою, изъ которой узникъ видитъ свѣтъ только чрезъ желѣзную рѣшетку, что даетъ ему желаніе спастись бѣгствомъ, а гнѣздомъ вѣчно свитымъ, вѣчно теплымъ, вѣчно маяющимъ на покой, въ которое съ каждымъ разомъ все отраднѣе возвращаться. Эта женщина, не имѣя пламенныхъ сладострастныхъ порывовъ, понимала всѣ тонкости страсти. Къ тому-же она могла обсуждать разумно условія своей любви, которую нельзя было назвать эгоистической послѣ столькихъ жертвъ съ ея стороны. Она имѣла право организовать по своему желанію ту жизнь, которой отдавалась всецѣло тѣломъ и душой; она имѣла право держать въ своихъ рукахъ карты въ этой страшной игрѣ, въ которой первой ставкой было ея геройство.

Ея планъ былъ принятъ. Они поселились въ Батиньоль, гдѣ жизнь очень дешева; оттуда Люсьень могъ легко ѣздить въ Парижъ, и въ этомъ мирномъ, полу-буржуазномъ, полу-чиновничьемъ кварталѣ они были скрыты отъ нескромнаго любопытства. Это было нѣчто вродѣ берлоги, изъ которой онъ отправлялся искать добычи и куда онъ однажды долженъ былъ принести эту добычу—славу.

Всѣ эти разумныя соображенія не могли не привести къ счастливому результату. Люсьень и г-жа Андре повели прелестную, отрадную жизнь. Онъ началъ писать романъ и драму. Драма была историческая, и г-жа Андре взяла на себя трудъ извлечь всѣ необходимыя свѣденія изъ многотомныхъ сочиненій, принесенныхъ домой Люсьеномъ. Сначала его очень забавляло смотрѣть, какъ ма-

ленькая, хорошенькая ручка г-жи Андре серьезно перелистывала страницы компактного тома. Но она не бросила этой скучной работы. Ей необходимо было дать хороший примѣръ лѣнивому Люсьену. Вскорѣ онъ понялъ, какъ полезна была ея работа. Она обладала солидными знаніями и точнымъ умомъ, что придавало ея труду громадную цѣну. Она не довольствовалась освѣтить ярко и вѣрнымъ свѣтомъ темный хаосъ фактовъ, но часто извлекала изъ нихъ самобытныя, новыя идеи. При этомъ далеко не педантка, она дѣлала замѣтки изъ книгъ, словно собирала цвѣты. Поощряемый ея помощью, Люсьенъ энергично принялся за обшанный трудъ и въ этомъ усидчивомъ трудѣ нашелъ незнакомую ему сладость. Къ тому-же его удѣломъ была самая увлекательная часть художественнаго творчества; всю скучную, подготовительную работу приняла на себя г-жа Андре. Она оказалась самымъ неутомимымъ и способнымъ секретаремъ. Она приносила ему умственную пищу совершенно готовой, какъ птицы физическую пищу своимъ дѣтеннышамъ. Съ ея помощью Люсьенъ не испытывалъ всѣхъ трудностей и неприятностей труда; легкость, съ которой онъ работалъ, приводила его въ восторгъ. Онъ не скрывалъ, что былъ трутнемъ, пожиравшимъ медъ, собираемый этой удивительной пчелой.

Еслибъ онъ руководился только своими домашними вкусами, то онъ охотно похоронилъ-бы себя въ этой домашней жизни, казавшейся ему верхомъ блаженства. Но г-жа Андре настоятельно требовала, чтобъ онъ исполнялъ вполне ея программу и велъ также жизнь внѣшнюю. Часто она заставляла его почти насильно выходить изъ дома и посылала его въ театръ, каждый разъ, какъ давали новую, интересную пьесу.

— Я хочу, чтобъ ты мнѣ ее рассказалъ, говорила она; — ну, ну, одѣвайся. Не бѣда, если тебѣ это и надоѣдаетъ. Развѣ ты думаешь, что ремесло фельетонистовъ легкое? Ступай, ступай, я жду свой фельетонъ.

Другой разъ она уговаривала его пойти въ кофейню.

— Да, ты долженъ по-временамъ появляться въ кофейняхъ, которыя теперь стали литературными салонами.

— Но для кого я туда пойду? возражалъ Люсьенъ; — всѣ мои сотоварищи достойны только смѣха.

— Такъ смѣйся надъ ними въ лицо. Притомъ-же тебѣ надо знать, что они думаютъ, что говорятъ, что готовятъ.

— Знать, что думаетъ Перинья?

— Люди, подобныя Перинья, необходимы, какъ рвотная микстура.

Если Люсьенъ все еще сопротивлялся, говоря, что ему такъ хорошо подлѣ нея, что онъ хочетъ работать, она нѣжно произносила, ласкаясь къ нему:

— Пожалуйста, пойди. Ну, я тебѣ сознаюсь, почему я тебя посылаю въ кофейню. Я хочу имѣть извѣстія о Наржо. Я хочу, чтобъ ты мнѣ принесъ какую-нибудь трескучую, лучезарную фразу, испещренную звѣздами.

Люсьенъ не могъ съ нею бороться. Она смѣялась такъ увлекательно! Она, цѣлуя, надѣвала ему шляпу и шутя выталкивала его за дверь. Онъ уходилъ и, не смотря на все, пріятно проводилъ время въ театрѣ, на литературномъ вечерѣ или въ бесѣдѣ съ Наржо. Возвратясь домой, онъ рассказывалъ г-жѣ Андре все, что видѣлъ и слышалъ. Эти выходы развлекали его и голова его отдыхала, а его домашняя счастливая жизнь принимала въ его глазахъ еще большую прелесть. Такъ, возвратясь домой съ прогулки въ морозъ, вамъ кажется гораздо привлекательнѣе теплая комната.

ГЛАВА XXIX.

Болѣе года прошло въ этомъ безоблачномъ счастьѣ. Романъ подвигался плохо, но пьеса была кончена. Это была большая драма въ пяти дѣйствіяхъ, и Люсьенъ могъ ею сразу пріобрѣсти славу и богатство, если она будетъ имѣть успѣхъ. Съ гордостью и неопытностью новичка, Люсьенъ вѣрилъ, что совершилъ громадный трудъ, и основывалъ на немъ всѣ свои надежды. Не смотря на всю свою жизненную опытность, г-жа Андре не могла ему въ этомъ помочь; она не имѣла ни малѣйшаго понятія о театральномъ мѣрѣ. Она знала только одно, что драма ея Люсьена была прекрасна и что она должна была понравиться директору театра, а потомъ и публикѣ. Что-же касается его товарищей-литераторовъ, то они всѣ его поощряли предпринять такой тяжелый трудъ, зная очень хорошо, что его никуда не примутъ, и надѣ-

зсь, что крушеніе всѣхъ надеждъ совершенно загубить этого начинающаго автора. Развѣ они сами не прошли черезъ это? Развѣ не у каждаго изъ нихъ была спрятана въ комодѣ пресловутая драма въ пяти актахъ въ стихахъ, которой никто не хотѣлъ принять? Было справедливо, чтобъ и Наржо прошелъ черезъ это разочарованіе. Одинъ только Наржо старался отговорить Люсьена отъ подобнаго труда.

— Пять актовъ въ стихахъ! восклицалъ онъ. — Нѣтъ, другъ мой, возьмите холодный душъ. Погодите, я поговорю съ вами резонно, какъ-будто я вашъ дядя, а вы мой племянникъ. Дорогой племянникъ, не выкидывайте такого рокамболя. Если ваша драма дурно написана и рифма у васъ плохая, то еще, пожалуй, вы рискуете имѣть успѣхъ, но если ваши стихи гордо поднимаютъ гриву и машутъ хвостомъ, то все пропало. Къ тому-же куда вы отдадите свою пьесу? Гекзаметрами говорятъ только во „Французской комедіи“ и въ „Одеонѣ“. Вы пойдете къ французамъ? Но развѣ вы академикъ или родственникъ академика? Или вы лисый, какъ полная луна? Или ваша драма валялась у директора театра пятнадцать лѣтъ? Нѣтъ. Такъ по какому праву вы пишете драму въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ для „Французской комедіи“? Объ „Одеонѣ“ я не говорю, потому-что вы перестали быть миліонеромъ. Нѣтъ, и не думайте помѣстить вашу пьесу, она заплеснѣетъ у васъ въ комодѣ. Пишите прозой, другъ мой, сочиняйте водевили. Выучите наизусть Скриба. Театръ пересталъ быть достояніемъ поэтовъ. Это особый видъ торговли и болѣе ничего. Этой торговлей можно много нажить, но надо имѣть призваніе быть театральнымъ бакалейщикомъ. У васъ его нѣтъ? Ну и сидите сложа руки. Будьте лирикомъ для себя; это никому не мѣшаетъ. Но не бейте крыльями дураковъ, они вамъ обобьютъ крылья пинжами. Теперь не время для молодыхъ талантовъ, что-бы тамъ ни увѣряли. Въ наши дни Шекспиръ остался-бы всю жизнь невѣдомымъ, а котурны Есхила были-бы сапогами безъ подошвъ. Нѣтъ, другъ мой, бросьте вашу драму въ стихахъ. Не портите даромъ хорошую бумагу; ее лучше употребить на воздушнаго змѣя, у котораго по крайней мѣрѣ будетъ хвостъ, а вамъ не дожидаться хвоста передъ театромъ для своей драмы.

Но Люсьенъ не хотѣлъ его слушать и, передавая его парадоксы

г-жѣ Андре, смѣялся надъ этимъ оригинальнымъ представителемъ богемы, называлъ его шутомъ и съумасшедшимъ. Г-жа Андре соглашалась съ Люсьеномъ. Но въ сущности, эти злобѣщіе крики, которыхъ она слышала только эхо, очень ее тревожили. Она не могла не замѣтить, что завистники Люсьена совѣтовали ему противоположное, и этого было достаточно, чтобы предостереженія Наржо приняли серьезный характеръ въ ея глазахъ. Но она не выказала Люсьену и тѣни своего безпокойства, а, напротивъ, побуждала его скорѣе окончить свою драму и отнести ее во французскій театръ. Не смотря на все, она надѣялась и поддерживала иллюзіи Люсьена, подобно тому, какъ поливаютъ рѣдкіе цвѣты, опасаясь каждое утро найти ихъ завядшими.

ГЛАВА XXIX.

„Скромныя радости“ не доставили Люсьену извѣстности. Даже дуэль не обратила на него вниманія, благодаря стараніямъ Перинья, который звалъ, что дуэль—хорошая реклама въ Парижѣ, и принялъ мѣры, чтобъ его врагъ не воспользовался всѣми плодами этого счастливаго для него событія. Поэтому Люсьенъ, представивъ свою драму, долженъ былъ подчиняться общей участи начинающихъ авторовъ и ждать нѣсколько мѣсяцевъ отвѣта. Г-жа Андре хотѣла, чтобъ въ это время онъ отдохнулъ и развлёкся. Лѣто уже наступило, и на сдѣланныя зимою экономіи они отправились въ маленькое мѣстечко на норманскомъ берегу.

Лѣтніе мѣсяцы прошли, какъ сонъ, въ безконечныхъ прогулкахъ по морскому берегу, или въ лодкѣ, и въ тихихъ бесѣдахъ подъ аккомпаниментъ нѣжно поющихъ волнъ. Погода была прелестная. Они занимали двѣ комнаты у честной семьи, которая принимала къ себѣ только двухъ туристовъ и ухаживала за ними, какъ вѣрныя, старыя слуги, а не какъ жадныя, корыстолюбивыя трактирщицы.

Г-жа Андре отбросила теперь свои немного суровыя манеры, которыми она, въ продолженіи пяти рабочихъ мѣсяцевъ, хотѣла дать Люсьену примѣръ трудовой энергіи. Она сдѣлалась исключительно любящей женщиной, безъ огненныхъ вспышекъ страсти, но окружающей любимаго человѣка упоительной нѣжностью и чарующими ласками. Она дала широкой просторъ чисто дѣтскимъ

наклонностямъ своего характера, который сохранилъ всю свѣжесть молодости, не смотря на ея серьезный умъ. Поддаваясь животворящему вліанію природы, которая возвращаетъ намъ ощущенія нашего дѣтства, г-жа Андре бѣгала по песку, собирала раковины, лазила по мокрымъ скаламъ во время морскаго отлива. Она весело щебетала, какъ птичка, найдя красивую морскую звѣзду, странной формы анемонъ, прихотливо гофрированную водоросль или пузырчатый фукусъ, яркіе цвѣты котораго состоятъ изъ самой тонкой ткани, такъ-что можно сосчитать безчисленныя нити этого миниатюрнаго кружева. Она изумлялась морю и любовалась имъ. Были минуты, когда она казалась моложе Люсьена.

Дѣйствительно, свѣжесть ея роскошнаго тѣла еще болѣе поддерживала эту иллюзію, чѣмъ веселость ея характера. Ея красота не была такой искусственной, нарумяненной красотой, которая боится дневнаго свѣта и свѣжаго воздуха. Она походила на тѣхъ немногихъ актрисъ, которыя столь-же прелестны въ гостиной, какъ и на сценѣ. Ея тѣло, точно изваянное изъ мрамора, не казалось пятномъ подъ солнечными лучами, а, напротивъ, сливалось съ ихъ ослѣпляющимъ свѣтомъ, поглощая и отражая ихъ величественный, мирный блескъ. Люсьенъ полагалъ, что хорошо знаетъ свою любовницу, но теперь онъ увидалъ ее въ совершенно новомъ свѣтѣ, который его ослѣплялъ и очаровывалъ. Онъ не могъ свести съ нея глазъ и безъ всякаго поэтическаго преувеличенія думалъ, что передъ нимъ богиня, когда она выходила изъ воды, великолѣпная, спокійная, улыбающаяся подъ золотистыми лучами солнца и ярко блестящая на изумрудномъ фонѣ моря. Ея распущенные волосы, приподнимаемые вѣтромъ, вродѣ крыльевъ, сыпали брилліанты и жемчуга, которые кружась, скатывались по шеѣ и плечамъ и исчезали въ соблазнительныхъ формахъ ея роскошной груди. Ея благородныя, красивыя ноги медленно освобождались изъ морской пѣны, которая страстно лобзала ея колѣни, гладкія, какъ валунъ, и еще розовыя отъ пламенной ласки волнъ. Самый костюмъ ея — блуза и панталоны изъ черной шерстяной матеріи, повидимому, придуманный для сокрытія женскихъ формъ, на этотъ разъ еще ярче ихъ обрисовывалъ, крѣпко обтягивая торсъ, ребра, ляжки и выставляя всѣ округленности тѣла, слегка дрожавшія отъ прикосновенія свѣжаго воздуха и бушующихъ волнъ. Все это придавало современную пикантность этой античной красотѣ, обнаженныя очертанія которой подъ легкой дым-

кой казались еще соблазнительнѣе. Люсьенъ таилъ отъ восторга передъ этой удивительной артистической амальгамой, которую онъ анализировалъ, какъ художникъ, въ то-же время наслаждаясь ею, какъ влюбленный. Онъ кричалъ ей остановиться, не идти далѣе, и долго смотрѣлъ на нее; сердце ликовало, умъ бездѣйствовалъ, страсти въ одно и то-же время были возбуждены желаніемъ и заглушены эстетическою радостью, наконецъ, глаза его были до того поглощены и упоены этимъ чуднымъ зрѣлищемъ, что для него все сливалось въ двѣ блестящія точки, которыми свѣтились изъ подъ темной матеріи, облипавшей ея грудь, какъ двѣ звѣзды, сіяющія во мракѣ.

По возвращеніи домой, это странное опьяненіе разражалось ураганомъ любви; г-жа Андре съ своей стороны приносила всѣ прелести морскаго берега, распляемаго солнцемъ и омываемаго волнами, а Люсьенъ всю дикую мощь безумныхъ валовъ, набѣгающихъ на дюны. Эти минуты пламенной любви походили на борьбу. Г-жа Андре слегка сопротивлялась, не смотря на свою искреннюю любовь и дьявольскую страсть Люсьена. Она поддавалась его безумной вспышкѣ, но не шла ей на-встрѣчу. Онъ-же бросался головой впередъ въ эту бездну блаженства. Онъ широкой грудью вдыхалъ въ себя соленый воздухъ и морскую свѣжесть, пропитывавшіе ея тѣло. Онъ жаждалъ осыпать ее своими ласками, какъ волны осыпали ее только-что пѣною, лобзать ее, какъ лобзалъ только-что вѣтеръ ея чудные волосы, и слиться въ ней съ природою, которой она всецѣло была преисполнена. Въ то-же время его сдерживало какое-то странное сознаніе величія, какъ природы, которой было пропитано все ея существо, такъ и молодости, которую она черпала въ этомъ единеніи съ вѣчно-юными силами природы. Но этотъ страхъ, внушаемый ему гордымъ спокойствіемъ любимой женщины, нисколько не подавлялъ его, а, напротивъ, лишь подстрекалъ его любопытство. Онъ хотѣлъ найти ключъ къ этой тайнѣ. Его страсть только становилась пламеннѣе, жгучѣе, непреодолимѣе, а его желанія, никогда не удовлетворенныя, доходили до дикой необузданности. Обладать этой женщиной, въ одно и то-же время богиней и ребенкомъ, этимъ воплощеніемъ природы, ослѣненной ореоломъ дѣтской невинности, казалось ему святотатствомъ, преступленіемъ и, однако, онъ ею обладалъ, но такъ, какъ пьютъ воду изъ источника, на дно котораго никто не

снѣтъ взглянуть. А Люсьенъ хотѣлъ дотронуться до этого дна. хотя-бы ему пришлось достигнуть его мертвымъ.

ГЛАВА XXXI.

Люсьенъ возвратился въ Парижъ болѣе, чѣмъ когда-либо, влюбленный въ г-жу Андре. Еще вполне опьяненный своимъ блаженствомъ и почти вовсе не думая о своей драмѣ, онъ получилъ вскорѣ приглашеніе взять обратно представленную рукопись. Это былъ ужасный ударъ и, конечно, его было достаточно, чтобы сразить человѣка, который такъ легко приходилъ въ уныніе. Онъ подѣйствовалъ на него тѣмъ сильнѣе въ эту минуту, когда силы его были истощены сладострастнымъ опьяненіемъ. Дѣйствительно, любовь его къ труду тѣмъ болѣе уменьшалась, чѣмъ сильнѣе росла его любовь къ г-жѣ Андре. Въ послѣдніе три мѣсяца уштенной праздности, его воля совершенно ослабла. Онъ снова мало-по-малу вернулся къ своей природной лѣни. Онъ чувствовалъ то отвращеніе къ труду, которое ощущаетъ дурной ученикъ, возвращаясь въ школу и сожальѣя о прошедшихъ каникулахъ, оставившихъ въ его умѣ неизгладимые слѣды. Эти воспоминанія и сожальнія тѣмъ сильнѣе вліяли на Люсьена, что только отъ него зависѣло продлить блаженные каникулы, только-что окончившіяся. Онъ такъ мало думалъ о книгахъ и рукописяхъ, что его поразили серьезныя манеры, снова принятія на себя г-жею Андре, и ея добрыя совѣты. Онъ уже отвыкъ смотрѣть на нее, какъ на старшую сестру, очень разумную и не много строгую. Онъ упорно видѣлъ въ ней лишь любящую женщину. Онъ долго скрывалъ свою неспособность къ труду, но когда ему отказали въ приѣмѣ драмы, то онъ открыто сталъ всею заявлять о ней. Предлогъ былъ найденъ, и г-жа Андре была принуждена подчиниться:

Люсьенъ не хотѣлъ даже попытать счастья въ „Одеонѣ“, а спряталъ свою драму въ комодъ, какъ предсказывалъ Наржо. Онъ издѣвался теперь надъ славой. Ему теперь необходимо было богатство, которое дозволило-бы ему всецѣло наслаждаться любовью среди роскоши, празднествъ и беззаботнаго упоенія. Но онъ чувствовалъ, что неспособенъ заработать это богатство и терялся въ мечтахъ о неожиданно-свалившемся съ неба богатствѣ. Еслибы онъ вдругъ получилъ миліонъ, то ему не нужно

было-бы писать, стараться угодить директору театра и публикѣ. Тогда ему предстояло-бы только любить и угождать лишь любимой женщиной, а только при этихъ условіяхъ онъ могъ быть счастливъ. Бывали минуты, когда въ самомъ мрачномъ уголкѣ своего сердца, вдали отъ неусыпнаго ока совѣсти, онъ упрекалъ себя, что не женился на г-жѣ Андре, когда она была богата.

Находясь въ подобномъ настроеніи, Люсьенъ однажды встрѣтилъ Наржо. Его нельзя было узнать; его новая пестрая одежда самаго дурнаго вкуса рѣзала глаза всѣмъ прохожимъ. Наклобучивъ шляпу на одно ухо, съ громадной сигарой въ зубахъ, со стеклышкомъ въ глазу и тростью въ рукѣ, онъ шелъ по тротуару, благодаря узкимъ сапогамъ, какъ пѣтухъ по раскаленной плитѣ. У Люсьена было достаточно такта, чтобы не высказать своего изумленія при этой чудовищной перемѣнѣ. Но глаза его выдали.

— О! вы можете хохотать, сколько угодно, восселикнулъ Наржо.— Да, да, это я. Встаньте въ тушикъ. Есть отчего. Вы видите, я держу зубочистку съ золотымъ набалдашникомъ, уродую глазъ осколкомъ стекла, служу ходячей вывѣской для портнаго и сосу гаванну. Я глупъ, смѣшенъ, безобразенъ, отвратителенъ и богатъ.

— Вы получили наслѣдство? спросилъ осторожно Люсьенъ.

— Фи! Развѣ у меня есть родственники? Всѣ американскіе дядюшки умерли. Послѣдній повѣсился вчера съ горя, что никто въ него не вѣрилъ. Нѣтъ, милый мой, я просто держалъ банкъ.

— Вы содержите банкъ?

— *Не содержу, а держалъ* три дня тому назадъ. И какъ легко! Направо, налѣво! Убита, взята! Вотъ славная забава! Но вамъ надо со мною кутнуть. У меня осталась еще тысяча франковъ. Источникъ золота еще не изсякъ!

Изъ этихъ отрывистыхъ громкихъ фразъ Люсьенъ понялъ, что Наржо выигралъ въ карты большую сумму. Въ ту-же минуту передъ его глазами возсталъ зеленый столъ съ грудями золота и ему захотѣлось взять это золото пригоршнями. Вотъ желанный случай мгновенно обогатиться! Отчего-бы ему не поиграть? Отчего-бы ему не выиграть? Онъ даже сталъ завидовать Наржо, хотя прежде никогда не понималъ этого чувства.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ; — карты, вѣроятно, болѣе приносятъ, чѣмъ лира. Вы сегодня объаты лиризмомъ денегъ.

Наржо не замѣтилъ сарказма, скрывавшагося подъ этой фразой, и пустился въ длинное разглагольствованіе объ игрѣ.

— Нѣтъ! Деньги пустяки. Лучше всего въ игрѣ—сама игра. Я питалъ предубѣжденіе къ этой страсти. Столько дураковъ играютъ! Но дуракъ, обладающій красавицей, не умаляетъ ея красоты. Игра это что-то божественное. Какое наслажденіе! Въ одно мгновеніе переживаешь вѣка, въ одну минуту въ васъ просыпается надежда, умираетъ и вновь воскресаетъ. Игра васъ держитъ въ своихъ когтяхъ, сжимаетъ, душитъ. Вы не чувствуете ни голода, ни жажды. Все ваше существо напряжено. Каждую секунду вы имѣете новое ощущеніе. Оно все одно и то-же, но кажется каждый разъ новинкою. Игра гораздо увлекательнѣе женщины и дѣйствительнѣе всякаго орудія пытки; она терзаетъ не тѣло, а душу.

— Я сталъ-бы играть, еслибы умѣлъ, воскликнулъ Люсьенъ.

— Вы не умѣете? Тѣмъ лучше. Это самое вѣрное средство выиграть. Счастье всегда слѣпо и любитъ слѣпыхъ. Мы съ вами отправимся сегодня-же вечеромъ въ игорный домъ. Я увѣренъ, что вы сорвете банкъ. Сколько у васъ денегъ съ собою?

— Слишкомъ мало. Двѣнадцать франковъ, но я схожу за деньгами.

— Ни за что. Я началъ игру съ шестидесяти сантимовъ. Право, надо начинать съ ничего и получить все. Я васъ не выпущу. Вы обѣдаете со мною.

— Тѣмъ хуже! воскликнулъ Люсьенъ, какъ-бы разговаривая самъ съ собою и рѣшаясь на что-то важное.

Дѣйствительно, онъ рѣшился въ первый разъ солгать г-жѣ Андре. Онъ вошелъ въ кофейню, поспѣшно написалъ два слова о томъ, что будетъ обѣдать и проведетъ вечеръ съ вліятельными литераторами, и отправилъ записку съ комисіонеромъ.

— А знаете, Наржо, сказалъ онъ, — я для васъ отказался отъ общества прелестной женщины.

— Тѣмъ болѣе вамъ повезетъ въ игрѣ, отвѣчалъ Наржо; — но зайдемте выпить абсента, а потомъ мы хорошо пообѣдаемъ. Игра начинается только въ десять часовъ и надо подмазать нервы.

ГЛАВА XXXII.

Въ десять часовъ Люсьенъ прибылъ въ улицу Гальяръ, гдѣ помѣщался игорный домъ. Онъ былъ совершенно пьянъ. Онъ обѣдалъ въ англійской тавернѣ улицы Ришелье и, набивъ желудокъ очень пряной пищей, залилъ ее крѣпкимъ элемъ, тонкими винами и грубымъ ирландскимъ виски, который зажигаетъ пожаръ въ головѣ. Потомъ, влекомый на буксирѣ также пьянымъ Наржо, онъ посѣтилъ одну за другою кофейни и портерныя, оглушаемый шумомъ бульваровъ и Монмартрской улицы, притупляемый душной атмосферой накуренныхъ залъ, тяжелой пѣной пива, рюмками водки и неумолкаемой болтовней Наржо, у котораго въ пьяномъ видѣ языкъ еще быстрѣе поворачивался, бросая дождемъ цвѣты краснорѣчія, какъ уличные фонтаны воду. Люсьенъ, напротивъ, мало-помалу впалъ въ смутное одурѣніе. Онъ шелъ прямо, безъ малѣйшаго внѣшняго признака опьяненія, но чувствовалъ себя неспособнымъ связать двѣ мысли и выговорить одно слово. Онъ потерялъ всякое сознание, кромѣ одного физическаго ощущенія; чувствуя себя особенно хорошо, онъ какъ-бы утопалъ въ бездонномъ блаженствѣ.

Онъ очнулся отъ этого страннаго столбняка только при видѣ зеленого стола. Совершенно безчувственно онъ поднялся по лѣстницѣ, снялъ шляпу и вошелъ въ комнату, представленную своимъ другомъ Наржо. Вдругъ въ глазахъ его просвѣтлѣло и въ умѣ явились мысли. Передъ нимъ, подъ его рукою сверкало золото. Онъ мгновенно протрезвился и далъ себѣ отчетъ во всемъ, что его окружало.

Комната, въ которой онъ находился, была большая гостиная; желтые обои и такая-же бархатная мебель сразу обнаруживали наемную квартиру. Но, очевидно, это не былъ настоящій игорный домъ, такъ-какъ играли на одномъ изъ тѣхъ круглыхъ столовъ краснаго дерева, на которыхъ обыкновенно ставятъ вазы съ цвѣтами или кладутъ альбомы. Небольшой объемъ стола, очевидно, очень беспокоилъ игроковъ и двѣ трети ихъ тѣснились вокругъ. На диванѣ двѣ женщины сидѣли между тремя мужчинами, которые, несмотря на свою щегольскую наружность, нимало не беспокоились дать мѣсто дамамъ. Третья женщина сидѣла на ручкѣ

кресла, въ которомъ развалился очень юный молодой человѣкъ. Всего было въ комнатѣ около двадцати пяти человѣкъ. Люсьенъ тотчасъ-же раздѣлилъ это общество на три, рѣзко отдѣлявшіяся, категоріи. Тутъ были представители богемы, большинство которыхъ онъ зналъ, изящные юноши, вродѣ мальчишки, растянувшася въ креслѣ, и нѣсколько зрѣлыхъ мужчинъ, серьезныя лица и лоснящіяся головы которыхъ придавали почтенный видъ этому сборищу фигуръ, по преимуществу, слишкомъ молодыхъ. Еслибъ Люсьенъ зналъ болѣе мѣръ игроковъ, то онъ тотчасъ понялъ-бы, гдѣ онъ и съ кѣмъ имѣеть дѣло. Онъ находился у кокетки, псевдо-баронесы Грансьеръ, сидѣвшей на ручкѣ кресла. Любовники баронесы и всѣ красивые юноши его возраста были птенцы знатныхъ семействъ, которымъ, благодаря ихъ несовершеннолѣтію, былъ еще закрытъ доступъ въ клубы. Лысыя головы принадлежали шулерамъ и сводникамъ. Представителей богемы допускали сюда случайно; одинъ зналъ знакомую хозяйки, другой какого-нибудь шулера, третій просто такого-же представителя богемы, какъ онъ. Однимъ словомъ, это былъ не настоящій игорный домъ, но нѣчто въ этомъ родѣ, и такъ-какъ юноши были богаты, женщины ихъ любовницы, а шулера ловкіе дѣльцы, то здѣсь часто шла крупная игра.

Пока Люсьенъ скромно осматривалъ общество, его самого также подвергали обстоятельной критикѣ, несмотря на то, что, по-видимому, всеобщее вниманіе было поглощено картами.

— Онъ, кажется, выпивши, замѣтила одна изъ дамъ, сидѣвшихъ на диванѣ.

— Да, отвѣчала ей подруга, — но онъ вѣрно съ деньгами. Вѣлье у него тонкое.

Хотя его представилъ Наржо и подъ именемъ литератора, но всѣ тотчасъ приняли Люсьена не за представителя богемы, а за богатаго молодого человѣка. Одинъ изъ юношей очень любезно далъ ему мѣсто на кончикѣ своего табурета, и это доказывало ясно, что онъ призналъ Люсьена за свѣтскаго щеголя. Его прекрасныя манеры, приличная одежда, очень моложавое лицо и нѣсколько тупое выраженіе отъ внезапно-испарившихся винныхъ паровъ, — все придавало ему наивный, развратный и приличный видъ этихъ малолѣтнихъ бѣглецовъ изъ-подъ родительскаго крова, этихъ подростковъ разврата, заклеянныхъ печатью празднаго

сладострастія. Надежда облупить этого новичка засверкала въ глазахъ присутствовавшихъ женщинъ и шулеровъ. Согласно старой системѣ, было безмолвно рѣшено дать ему сегодня выиграть, чтобъ завтра лучше поймать на удочку.

— Что вы ставите? спросилъ банкومترъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Люсьенъ.

Вокругъ него раздался смѣхъ, и онъ прибавилъ, медленно шевеля еще плохо слушавшимся языкомъ.

— Я не знаю лжи. Мнѣ все равно.

Эти слова имѣли большой успѣхъ. Ихъ приняли за выраженіе хладнокровнаго равнодушія богача, которому было все равно— выиграть или проиграть.

— Онъ ставить сто франковъ и я также, сказала Наржо,— я буду держать карты за него.

Люсьенъ машинально сталъ шарить въ своемъ карманѣ.

— Полно! произнесъ рѣзко Наржо: — не мѣняйте вашего крупнаго билета. Это дурной признакъ. У меня есть мелкіе. Берите карты.

Удивленный и ничего не понимая, ни въ смѣлой лжи Наржо, ни въ его суетвѣри, Люсьенъ протянулъ руку къ двумъ картамъ, которыя бросилъ въ его сторону банкومترъ. Потомъ, какъ во смѣ, онъ видѣлъ, что Наржо открылъ карты, говоря: *девятъ* и подвигая къ себѣ десять лундоровъ. Потомъ онъ сказалъ *ragoli*, снова велѣлъ Люсьену вбить карты, снова продѣлалъ ту-же процедуру и на этотъ разъ загребъ банковые билеты за одно съ золотомъ. Вслѣдъ за этимъ ушло не много золота. Наржо проигралъ одну ставку, но очень незначительную. Наконецъ, карты были взяты другимъ и при каждой сдачѣ, вучка денегъ, лежавшихъ передъ Люсьеномъ, то увеличивалась, то уменьшалась. Онъ самъ не понималъ почему. Но онъ позволялъ распоряжаться игрою Наржо, который игралъ странно, прихотливо, безъ всякой системы, повинуваясь минутному вдохновенію, то рискуя только двумя стами сантимовъ, то ставя банковые билеты. Люсьену не было времени вдуматься въ простой механизмъ игры въ *бакара*. Онъ только чувствовалъ, что его была странная лихорадка, что нервы его были напряжены, умъ наводненъ миражами, сердце по-временамъ омрачено страшнымъ отчаяніемъ. Въ желудкѣ у него жгло, въ горлѣ было сухо, пальцы чесались. И все это происходило у не-

го внутри, сердце терзалось, трепетало, сжималось, а снаружи его лицо оставалось хладнокровнымъ, неподвижнымъ и онъ это вполне сознавалъ. На его лицо была словно налѣплена маска, подъ которой онъ смѣялся, плакалъ, радовался и содрогался незаметно для всѣхъ и ощутительно только для себя. И онъ не сводилъ глазъ съ этихъ картъ, сданныхъ и перевернутыхъ, съ этого золота, звонко катившагося по зеленому сукну, съ этихъ банковыхъ билетовъ, небрежно скожеванныхъ. На него находили минуты галлюцинаціи, когда все это принимало человѣческіе образы. На золотыхъ монетахъ оживали лица государей: строгій профиль великаго императора, пухлая щека Людовика XVIII, чаще грушевидная голова Луи-Филиппа, длинная борода Леопольда или громадные усы Виктора-Эмануила, а еще чаще увитое лаврами полумягкое, полу-мрачное лицо Наполеона III. Еще болѣе живыми личностями были сами карты, носившіяся въ адскомъ галопѣ. Вотъ выступали короли бородатые—Александръ, Карлъ, Давидъ,—первый со скипетромъ, второй съ мечомъ, третій съ лирой, а четвертый—цезарь ничего не несъ какъ въ пѣснѣ о Мальбрукѣ. А женщины—это были видимыя феи, съ плотью и кровью. Вотъ маленькая Аргина, спрятавшая руки подъ платье, а зачѣмъ? Потомъ Рахиль, съ лицомъ восковой куклы, Юдифь, свѣтлокудрая, съ обнаженными грудями, холоднымъ взоромъ, королева червей и черноокая королева пикъ, страшная вдова, съ приподнятымъ мизинцомъ и прикушенной губой. Какъ валеты трутся объ юбки королей! Особенно русый, чисто-выбритый Гекторъ перебѣгаетъ отъ одной къ другой, которыя подмигиваютъ ему изподтишка, въ глазахъ ничего невидящихъ королей. Это—содержатели, сигары которыхъ курятъ хорошенькіе юноши. О, злодѣйки-женщины! Вотъ онѣ попарно, подъ ручку, гордо выступаютъ, кичась своей тайной чудовищной любовью. Но приходитъ очередь мелкихъ картъ, изображающихъ черня, и онѣ являются на сцену. Толпа нищихъ, самохваловъ, рубаекъ, забрызганныхъ кровью, виномъ или сажей, грубые пики, пьяныя черви, жестокія бубны, развратныя трефы, толстыя десятки, худыя тройки, горбатыя семерки, слѣпыя тузы толкаются, кричатъ, ходятъ на головахъ ногами кверху. Валеты братаются съ чернью. Гекторъ является во главѣ и покупаетъ себѣ популярность, продавая дамъ. Содержателямъ было-бы слишкомъ трудно ихъ защищать. Къ тому-же женщины всегда

стоять за сильнаго. Да здравствуетъ чернь! Но шш!.. На разгоряченную толпу сорвалось чудовище — выигрышная осьмерка или девятка, громадный спрутъ, забирающій все въ свои щупальцы. Потому дикая, безумная пляска; борьба и развратъ начинаются снова передъ ослѣпленными глазами Люсьена, въ его головѣ, отуманенной горячкѣй игры и фантасмагорическими парами алкоголя.

Однако, время шло, хотя онъ не обращалъ на это вниманія. Онъ посмотрѣлъ на часы только выйдя на улицу, слабо освѣщенную сѣроватымъ утромъ. Онъ пожалъ руку Наржо и пошелъ по тротуару большими шагами. Улица была пустынна. Только на вѣшнемъ бульварѣ онъ увидалъ людей; молочницы вѣзжали въ Парижъ на своихъ тяжелыхъ, брячущихъ телѣгахъ, а подметальщицы возвращались съ своей ночной работы. Голова у него была тяжела, виски стучали, руки дрожали, ноги едва двигались, въ глазахъ точно былъ песокъ. Случайно поскользнувшись, онъ услышалъ звонъ золотыхъ въ карманѣ. Онъ сунулъ руку. Пальцы его ощупали монеты и гладкія бумажки. Онъ вынулъ горсть и глаза его заблестѣли. Поспѣшно спрятавъ деньги, онъ побѣжалъ, какъ-будто отъ чего-то спасаясь. Ему захотѣлось быть дома, чтобы сосчитать деньги — дома, у себя, у своей любовницы. Онъ тутъ вспомнилъ о г-жѣ Андре, которую совершенно забылъ, опьяненный игрою. Что онъ ей скажетъ? Онъ былъ какъ-разъ у ея двери. Онъ поднялся по лѣстницѣ, не зная, какъ оправдаться, не придумывая даже оправданія, а смутно надѣясь, что его любовница спитъ и не услышитъ, какъ онъ войдетъ.

Она его встрѣтила блѣдная, съ красными глазами; она безпокоилась объ его исчезновеніи, но ничего не сказала, не желая унизиться до требованія отчета въ его поступкахъ.

— Я игралъ въ карты, вотъ и все, произнесъ Люсьенъ, — оставь меня, не говори мнѣ ничего. Не брани меня. Я усталъ. Оставь меня.

И, выбросивъ на полъ все свое золото и банковые билеты около тысячи пяти сотъ франковъ, онъ воскликнулъ:

— Вотъ три мѣсяца счастья для нашей любви.

Г-жа Андре молча плакала, прижавшись въ уголокъ. Люсьенъ не имѣлъ силъ даже утѣшить ее. Онъ бросился одѣтый на постель и тотчасъ крѣпко заснулъ.

ГЛАВА XXXIII.

Когда онъ проснулся, голова у него болѣла и сердце тревожно билось. Наканунѣ онъ бросился на постель одѣтый, а теперь лежалъ прикрытый одѣяломъ, растегнутый, съ развязаннымъ галстуконъ. Онъ узналъ въ этихъ попеченіяхъ о себѣ руку своей любовницы. Онъ сталъ искать глазами г-жу Андре, но услыхалъ ея шаги въ сосѣдней комнатѣ. Онъ не посмѣлъ ее позвать и, вставъ съ кровати, отдернулъ занавѣсъ, чтобъ посмотрѣть на часы. Былъ уже полдень. Солнечные лучи проникли въ комнату и на полу заблестѣли разбросанныя золотыя монеты. Люсьенъ медленно подобралъ ихъ съ какимъ-то отвращеніемъ. Потомъ онъ спряталъ золото и банковые билеты въ одинъ изъ ящиковъ комода и легче вздохнулъ, точно скрылъ на вѣки свой позоръ. Только тогда онъ рѣшился отворить дверь, очень беспокоясь о томъ, какъ его встрѣтитъ г-жа Андре, и заранѣе поникнувъ головой подъ ожидаемымъ дождемъ столь заслуженныхъ упрековъ.

Но г-жа Андре не сдѣлала ему ни одного упрека, ни малѣйшаго замѣчанія, точно не случилось ничего необыкновеннаго. Она даже не приняла на себя этотъ безмолвный, надутый видъ, которыми женщины выражаютъ такъ краснорѣчиво свое неудовольствие, когда онѣ не хотятъ говорить. Она встрѣтила Люсьена, какъ всегда, очень нѣжно, смотрѣла на него съ своей обычной, теплой любовью и избавила отъ непріятности начать разговоръ, сама весело болтая о всемъ, кромѣ своего горя. Однако, это горе, несмотря на всѣ ея усилія скрыть его, ясно выразалось въ ея глазахъ, отуманенныхъ мрачнымъ облакомъ, и въ уголкахъ ея блѣдныхъ губъ. Если она не обнаруживала своихъ страданій, то лишь потому, что послѣ здраваго обсуждения нашла, что несправедливо было на него сердиться. Ея сильная, возвышенная душа понимала слабости другихъ и всегда была готова найти имъ оправданіе. Конечно, ее глубоко опечалили и ночь, проведенная въ тревожномъ безпокойствѣ, и двойная вина Люсьена—его ложъ и картежная игра. Ее особенно оскорбили его странное, совершенно новое обращеніе съ нею ночью, отказъ отъ всякихъ объясненій, бросаніе денегъ на полъ, тупое выраженіе его лица и свищевый сонъ. Потомъ она съ ужасомъ думала о послѣдствіяхъ

картежной игры, этой отвратительной страсти, которую она знала только по наслышке, но представляла себѣ столь роковой, столь всепоглощающей. Отсюда негодование и горе первой минуты. Но теперь негодование прошло. Осталось одно горе. Она говорила себѣ, что Люсьенъ былъ слабый человѣкъ и легко поддавался чужому вліянію, что, случайно увлекшись, онъ сдѣлалъ глупость, но вѣдь это не доказывало, что онъ игрокъ и дурной человѣкъ. Не слѣдовало на него сердиться за минуту безумія, что случается со всѣми молодыми людьми его возраста; было-бы нестерпимой тираніей потребовать отъ него абсолютнаго отрѣченія отъ забавы, которой, вѣроятно, потѣшались всѣ его товарищи. Она ему обѣщала не вмѣшиваться въ то, что онъ будетъ дѣлать внѣ дома; теперь представился случай исполнить это обѣщаніе. Такимъ образомъ, сама защищая виновнаго, г-жа Андре оправдала его въ глубинѣ своего сердца и доказала это трогательнымъ безмолвіемъ о щекотливомъ вопросѣ.

По несчастью Люсьенъ, не отгадалъ тайны ея деликатнаго поведенія. Онъ видѣлъ въ ея безмолвіи только доказательство слабости ея, досадѣ столь твердой, воли и воспользовался этимъ. Съ своей обычной мягкостью характера, онъ подчинился-бы строгому выговору, а теперь безнаказанность поощряла его къ новымъ глупостямъ. Онъ принадлежалъ къ тому роду людей, которыхъ надо всегда держать на веревкѣ, а когда веревка эта свита изъ розъ, то имъ необходимо чувствовать по-временамъ шипы.

Спустя три дня, онъ вернулся въ игорный домъ; но на этотъ разъ пришелъ домой въ половинѣ перваго. Онъ спустилъ весь свой первый выигрышъ и, не имѣя храбрости сознаться въ этомъ г-жѣ Андре, солгалъ ей, что былъ въ театрѣ, пользуясь раннимъ часомъ своего возвращенія. Эта ложь ему удалась и онъ ее повторилъ, но на этотъ разъ правда не ускользнула отъ г-жи Андре. Онъ выигралъ, а всѣми игроками замѣчено, что послѣ проигрыша спится тяжелымъ сномъ, послѣ выигрыша-же и во снѣ продолжаешь играть. Въ послѣднемъ случаѣ сонъ такъ натураленъ и явствененъ, что, очнувшись, человѣкъ не можетъ понять, было ли все это во снѣ или на яву. Съ Люсьеномъ случилось это обычное явленіе и съ тѣмъ большей силой, что его воображеніе было очень пламенное. Г-жа Андре видѣла его тревожный, болѣзненный сонъ и слышала, какъ онъ лепеталъ названія картъ и

термины бакара, что ясно обнаруживало грустную правду. Демонъ игры овладѣлъ Люсьеномъ и спалъ между ними на ихъ ложѣ любви.

Теперь она серьезно испугалась. Это не былъ капризъ или минутная слабость, но страсть, которая могла увлечь его слишкомъ далеко. Поведеніе молодого человѣка на слѣдующій день еще болѣе усилило ея опасенія. Онъ казался ей смущеннымъ, холоднымъ, даже грубымъ. Но она ошибалась. Онъ только усталъ и его тревожилъ проигрышъ, а главное, онъ не былъ игрокомъ въ душѣ, ибо устоялъ отъ соблазна играть на честное слово. Онъ не любилъ карты для картъ, для доставляемаго ими сильнаго ощущенія, какъ увлекающійся Наржо. Онъ искалъ въ бакара только денегъ, благодаря которымъ могъ-бы жить, ничего не дѣлая и отдаваясь всецѣло любви. Г-жа Андре не могла отгадать его сложныхъ чувствъ. Она думала, что онъ охладѣлъ къ ней, а онъ, напротивъ, думалъ со злобой о проигрышѣ въ тысячу пятьсотъ франковъ и жаждалъ увеличить эту сумму въ сто разъ и повергнуть къ ногамъ своей любовницы. Хотя онъ снаружи казался человѣкомъ, всецѣло поглощеннымъ демономъ азартной игры, но въ дѣйствительности онъ предавался игрѣ только изъ любви къ г-жѣ Андре.

Спустя нѣсколько дней, онъ снова вернулся въ улицу Гальяръ. На этотъ разъ ему пришлось взять деньги изъ суммы, отложенной на хозяйство. Но все побуждало его къ этому. Въ виду быстро исчезавшаго капитала, который составлялъ всѣ его средства къ жизни, онъ сознавалъ необходимость приняться за работу, а всякая работа была ему противна. Напротивъ, новый выигрышъ обеспечивалъ ему нѣсколько мѣсяцевъ празднаго блаженства. Къ тому же онъ давалъ себѣ слово не повторить прежней глупости и не проиграть болѣе выигрыша, а довольствоваться первыми двумя или тремя тысячами, которыя попадутъ въ его руки. Онъ взялъ сто франковъ въ конторѣ и вышелъ изъ дома.

Въ нѣсколько минутъ эта скудная ставка была проиграна. Тогда онъ забылъ всякую осторожность. Безумные софизмы побуждали его продолжать игру; невозможно, чтобъ счастье навсегда отъ него отвернулось; онъ не долженъ былъ отказываться отъ шансовъ выиграть значительную сумму потому только, что ему не повезло сначала; счастье ему подъ конецъ улыбнется. Онъ со-

гласился сыграть одинъ разъ на честное слово и выигралъ, потому онъ продолжалъ играть безъ остановки, все проигрывая и надѣясь въ слѣдующую сдачу отыграться. Выходя изъ игорнаго дома, онъ былъ долженъ три тысячи восемьсотъ франковъ.

— Вы съ ума сошли, сказалъ Наржо, провожая его, — развѣ такъ рискуютъ, и еще съ кѣмъ, со старымъ шулеромъ? Три тысячи восемьсотъ франковъ — тяжелый проигрышъ. Вы знаете, что заплатить этотъ долгъ надо завтра, къ двѣнадцати часамъ. Есть ли у васъ по крайней мѣрѣ эти деньги?

— Есть, отвѣчалъ Люсьенъ.

Онъ вспомнилъ, что въ домѣ у нихъ оставалось только четыре тысячи триста франковъ.

ГЛАВА XXXIV.

Люсьенъ сознался во всемъ г-жѣ Андре среди потока горькихъ слезъ. Онъ разсказалъ ей, какъ соблазнительна игра, какъ онъ надѣялся въ одну ночь выиграть достаточно для счастливой жизни съ нею, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Плача и укоряя себя, онъ повторялъ десятки разъ обычный припѣвъ слабого человѣка:

— Ахъ, еслибъ я зналъ!

Г-жа Андре не имѣла духа осыпать его вполнѣ заслуженными упреками. Она не была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя, видя, что ребенокъ упалъ по своей винѣ, даютъ ему пощечину прежде, чѣмъ приложить арники. Поэтому она думала только, какъ утѣшить искреннее горе Люсьена. Она не сердилась на него; она знала, что онъ поддался дурному вліянію, и считала, что онъ достаточно наказанъ укорами своей совѣсти и страшной будущностью, грозившей имъ обоимъ.

— Боже мой! Боже мой! восклицалъ Люсьенъ, — что мнѣ дѣлать? Какъ намъ выйти изъ этого ужаснаго положенія? Какое несчастье! Какъ я виновенъ передъ тобою!

Бѣдный юноша не думалъ о себѣ въ эту минуту, о той борьбѣ съ жизнью, въ которую ему приходилось вступить не ради славы, а ради куска хлѣба. Онъ думалъ только о любимой женщинѣ, о тяжеломъ существованіи, которое ей придется влечить вмѣстѣ съ нимъ, о нищетѣ, уже мелькавшей на горизонтѣ, какъ

роковой призракъ. И эти мысли придавали его слезамъ пламенную горечь. Въ нихъ не было ни одной капли эгоизма, и это радовало г-жу Андре. Сознаніе, что во всемъ виноватъ онъ и онъ одинъ, придавало особую силу его обѣщаніямъ принятыя съ энергіей за работу. Теперь уже дѣло шло не о томъ, чтобъ работать, какъ ученикъ, въ ожиданіи награды, но, какъ человѣкъ, на отвѣтственности котораго лежитъ долгъ прокормить семью и обезпечить счастье любимаго существа. Онъ говорилъ себѣ все это мысленно, и отъ времени до времени у него вырывались слова, въ которыхъ звучала необычная въ немъ мужественная сила. Въ поразившемъ ихъ несчастьѣ, г-жа Андре находила, однако, возможность радоваться этому неожиданному мужеству Люсьена, какъ во время крушенія корабля несчастные радуются, что осталась еще цѣлой хоть одна мачта.

— Да, отвѣчала она, — это несчастье, разорившее насъ, быть можетъ, случилось къ лучшему. Еслибъ ты выигралъ, то пристрастился-бы къ картамъ и потерялъ бы вкусъ къ работѣ. Ты тогда разсчитывалъ-бы на счастье въ игрѣ, а теперь долженъ надѣяться только на одного себя.

И, дѣйствительно, это тяжелое испытаніе закалило Люсьена. Быть можетъ, еслибъ онъ былъ одинъ на свѣтѣ, то онъ впалъ-бы въ отчаяніе, но поддерживаемый твердой волей г-жи Андре, онъ мужественно вступилъ въ борьбу съ судьбою. Лѣтніи, томныя натуры иногда имѣютъ припадки нервной энергіи, подобно тому, какъ упругая ресора, согнутая до-нельзя, если не лопаесть, то выпрямляется съ такой силой, какой отъ нея нельзя было ожидать. Люсьень, освободясь изъ-подъ развалинъ, которыя онъ самъ обрушилъ на себя, сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ уплатилъ свой долгъ и въ тотъ-же самый день началъ неистовую гонку по мостовой Парижа за кускомъ хлѣба. Имъ овладѣла такая лихорадочная жажда труда, при которой немислимо не найти работы. Тѣ, кто умираютъ съ голода въ Парижѣ, — люди слабые, не имѣющіе зубовъ, трусы, не дерзающіе ихъ оскорбить, или себялюбцы, переживающіе пустоту. Кто твердо рѣшился жить, всегда найдетъ средство къ жизни. Только надо имѣть достаточно энергіи, чтобъ заработать первый кусокъ хлѣба въ потѣ, не только лица, но и сердца. Люсьень сознавалъ въ себѣ эту энергію. Чтобъ не остаться въ неизвѣстности на-счетъ судь-

бы любимой женщины, чтобы доказать ей свою любовь, онъ готовъ былъ пойти въ каменщики и замѣшать въ глину куски своего тѣла. Онъ находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ солдатъ предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ не получить красной ленточки.

Цѣлую недѣлю Люсьенъ, не унывая, искалъ работы и, наконецъ, нашелъ. Въ этотъ вечеръ онъ вернулся домой сіяющій, словно получилъ миліонъ. Онъ досталъ себѣ мѣсто конторщика въ страховой компаніи, съ платою полтора ста франковъ въ мѣсяцъ за восемь часовъ письменной работы въ день.

— Вотъ начало, сказалъ онъ;—на это мы можемъ существовать, пока не найдется чего-нибудь лучше.

— Мой бѣдный другъ, отвѣчала г-жа Андре;—какъ ты привынешь къ такой тяжелой работѣ?

Она плакала, но болѣе отъ радости. Она восторгалась мужествомъ этого слабого существа, въ которомъ никогда не ожидала найти такой твердой воли. Она была ему безмѣрно благодарна не за то, что онъ обезпечилъ ихъ существованіе, а за способность побороть свою натуру. Онъ теперь казался ей совершенно инымъ, преображеннымъ человѣкомъ. Это не былъ мечтатель, вѣчно готовый порхать за бабочками фантазіи и праздности; это былъ смѣлый охотникъ, вошедшій въ чащу жизни и вступившій въ бой съ обществомъ, этимъ стадомъ тигровъ. Она гордилась, что могла возбудить любовь, придавшую столько силы и энергии. Для ея возвышеннаго сердца сознаніе, что она была причастна къ такому благородному превращенію, было слаще самыхъ нѣжныхъ ласкъ. Она испытывала восторженное удивленіе алхимика, который неожиданно увидалъ-бы въ своемъ горнилѣ воскъ, превращенный въ бриліантъ.

Она не знала, чѣмъ вознаграждать Люсьена. Она окружила его еще болѣе нѣжными материнскими попеченіями, еще болѣе пламенными ласками любовницы. Когда Люсьенъ возвращался изъ конторы, она встрѣчала его такъ восторженно и горячо, словно онъ былъ воинъ, являвшійся съ поля сраженія. Она ухаживала за нимъ со всѣми утонченностями нѣжности, выказываемой ранеными сестрами милосердія. Она желала-бы умыть его поцѣлуями и осушить ласками.

Онъ-же смѣялся надъ своею усталостью, почти стыдился чрезвычайныхъ ухаживаній г-жи Андре и весело шутилъ.

— Ты, право, съ ума сошла, говорилъ онъ; — я дѣлаю то-же, что всѣ. Какая добродѣтель зарабатывать кусокъ хлѣба своей женѣ. И притомъ это не такъ трудно, какъ ты думаешь. Увѣряю тебя, что я не очень усталъ. Я чувствую себя лучше, чѣмъ прежде. Ложась спать, каждый вечеръ я говорю себѣ, что исполнилъ свой долгъ и на совѣсти у меня такъ хорошо, какъ я прежде не испытывалъ. Къ тому-же иногда попадаются презабавныя бумаги.

Люсьенъ не преувеличивалъ намѣренно. Конечно, его трудъ не былъ такъ занимателенъ, какъ онъ увѣрялъ, но, дѣйствительно, работа не падоѣдала ему, и хотя она была машинальная, но по-временамъ попадались интересныя письма. Самая скучная вещь въ первое время представляется любопытной, какъ самая уродливая женщина можетъ порою понравиться. Въ первые дни, проведенные въ тюрьмѣ, узникъ находитъ любопытныя подробности въ окружающихъ его четырехъ стѣнахъ. Такъ представлялась и Люсьену его конторская дѣятельность. Потомъ, какъ онъ вѣрно замѣчалъ, ему отрадно было сознаніе исполненнаго долга. Но онъ испыталъ еще болѣе радостное чувство въ концѣ мѣсяца, когда въ первый разъ получилъ деньги, заработанныя его трудомъ.

— Вотъ, сказалъ онъ г-жѣ Андре; — это не добыча, похищенная съ зеленаго стола, а трудовая копейка. Вотъ мой заработокъ, столь-же благородный, какъ задѣльная плата работника. Я доволенъ. Значить, и я человекъ. Поцѣлуй меня крѣпко. Я одержалъ свою первую побѣду.

И они оба были счастливы, точно Люсьенъ отнялъ въ бою знамя у непріателя.

ГЛАВА XXXV.

Люсьенъ долженъ былъ пламенно любить г-жу Андре, чтобы поддержать себя въ восторженномъ состояніи цѣлыхъ три мѣсяца. Продолжительное, правильное напряженіе силъ было такъ противно его природѣ, что вскорѣ онъ почувствовалъ, какое нестерпимое бремя была его работа, принятая имъ на себя такъ охотно

и радостно. Несмотря на свою добрую волю, на всё доводы благоразумія и на всё софизмы, которыми онъ хотѣлъ доказать пріятность труда, онъ подъ конецъ не могъ безъ отвращенія вспоминать о своихъ занятіяхъ. Прежде всего и очень скоро онъ разочаровался въ ихъ занимательности, но все-же упорствовалъ въ работѣ, которую теперь признавалъ уже однообразной, глупой, притупляющей. Благодаря нѣжной поддержкѣ г-жи Андре, онъ не обнаруживалъ своей скуки, но вполне ее сознавалъ. Еще три мѣсяца онъ мужественно боролся, хотя все сильнѣе и сильнѣе возмущалось его сердце противъ подобнаго труда.

Черезъ годъ всё его усилія лопнули. Впродолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ онъ четыре раза въ день или болѣе 1,500 разъ проходилъ по однѣмъ и тѣмъ-же улицамъ. И завтра, и послѣ завтра, и всегда ему предстояло идти по тѣмъ-же слѣдамъ, какъ лошади, бѣгающей по аренѣ цирка. А зачѣмъ? Къ чему это приводило? Развѣ разумное существо могло вести такую жизнь, сидѣть у конторки восемь часовъ въ день и заниматься утомительнымъ, скучнымъ дѣломъ, которое не давало ни малѣйшей пищи головѣ? Онъ чувствовалъ, что имъ овладѣвала, что его наводняла притупляющая пошлость этихъ занятій. Онъ сознавалъ, что незаметно становился похожимъ на своихъ товарищей по конторѣ, именно на стараго писца, который тридцать лѣтъ маралъ чернилами бумагу и теперь клалъ всю свою душу въ правильное проведеніе черты или въ красивое изображеніе заглавныхъ буквъ. Люсьенъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва при мысли, что онъ, можетъ быть, кончитъ тѣмъ-же и въ одно прекрасное утро найдетъ удовольствіе въ подобныхъ пошлостяхъ. Всё его художественные вкусы и стремленія къ независимости возмущались, и онъ вспоминалъ тирады Наржо о писцахъ и чиновникахъ, ограничивающихъ свое самолюбіе желаніемъ быть невѣдомымъ колесомъ въ машинѣ, которую они не понимаютъ, хотя и смазываютъ лучшей кровью своей молодости. Его ремесло притупляло. Еще можно понять, когда человѣкъ изнуряетъ себя для какой-нибудь цѣли, для обезпеченія своей будущности. Еслибы дерево могло думать, то, вѣроятно, оно радовалось-бы обрѣзкѣ и прививкѣ, зная, что отъ этого оно принесетъ болѣе листьевъ и цвѣта. Но здѣсь чего было ожидать въ будущемъ? Едва можно было существовать въ настоящемъ и то какъ скудно, лишь не умирая съ голода! А если онъ заболѣетъ, то

всѣ перенесенныя лишенія пропадутъ даромъ. Отъ столькихъ загубленныхъ дней останется лишь сожалѣніе, что ихъ безъ толка извели. И время пропадало, и со славой надо было проститься на-вѣки, ибо немислимо заниматься литературнымъ творчествомъ, когда голова забита мелочными пустяками. Попробуйте думать и даже мечтать послѣ восьми-часовой, нескончаемой переписки бессмысленныхъ бумагъ. Какія стихи могли идти въ голову, наполненную сухими фразами только-что переписанныхъ дѣловыхъ бумагъ, отъ которыхъ оставалась непріятная отрыжка, какъ от лука? Усталый, притупленный умъ просилъ вечеромъ спокойствія физическаго безъ мысли, безъ умственной дѣятельности. Люсьенъ опустился и отрекся отъ всѣхъ возвышенныхъ стремленій. Онъ продалъ свое право первородства не за блюдо чечевицы, а за кучу навоза. Онъ погрязъ въ этой буржуазной тинѣ и умственной лѣни. И въ прежнее время Люсьену стоило много труда, чтобы взять въ руки перо, но послѣ нѣкоторыхъ усилій онъ находилъ удовольствіе въ самомъ процессѣ творчества. Теперь-же, когда онъ изводилъ безъ конца чернила и бумагу на разныя нелѣпости, онъ питалъ какое-то отвращеніе къ перу. Раза два или три онъ принимался за литературную работу, но одинъ видъ бѣлой бумаги, сдѣлавшейся орудіемъ его ежедневной пытки, производилъ въ немъ тошноту. Онъ ощущалъ тогда нѣчто похожее на чувство древнихъ преступниковъ, при видѣ женщины послѣ страшной пытки, которой ихъ подвергали, соединяя брачными узами съ мертвыми тѣлами.

Въ эти минуты Люсьенъ сравнивалъ свое существованіе съ жизнію другихъ. Насколько лучше была свободная, независимая жизнь Наржо! Правда, онъ проводилъ дни безъ куска хлѣба и ночи безъ крова. Но за то онъ ощущалъ завидное счастье ни отъ кого не зависѣть. Это былъ волкъ, часто преслѣдуемый голодомъ, но за то бѣгавшій на свободѣ по лѣсу. Люсьенъ-же сдѣлался кухонной собакой, поворачивавшей вертелъ, и притомъ жарившееся мясо было даже не для него. Или скорѣе не жарился-ли онъ самъ? Да, онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые не ѣдятъ, а которыхъ ѣдятъ. Но за чѣмъ-же было дѣло? Ему стоило только выпрыгнуть изъ своей клѣтки и питаться, какъ Наржо, общимъ достояніемъ. Какъ живутъ представители богемы, какъ перебиваются тысячи дикарей, кочующихъ въ

великомъ парижскомъ лѣсу? У нихъ нѣтъ ни ремесла, ни средствъ и, однако, они не умираютъ съ голода, а нѣкоторые доживаютъ до глубокой старости. Онъ былъ не менѣе смѣль, не менѣе уменъ, не менѣе голоденъ, чѣмъ они. Отчего и ему не броситься въ чашу, въ кусты, не охотиться за крупнымъ звѣремъ, вмѣсто того, чтобы держаться съ дураками на опушкѣ, на проторенной дорогѣ?

Но что будетъ съ г-жею Андре, если онъ поставитъ на карту свою жизнь? Онъ не могъ ее бросить, когда она бросила все для него. Онъ не могъ покинуть ее послѣ того, какъ она пришла къ нему, когда онъ былъ одинъ. И теперь въ особенности не заслуживала она подобной неблагодарности. Впродолженіи всего этого страшнаго года, ея любовь не ослабѣла ни на минуту. Она присутствовала при постепенно усиливавшемся разочарованіи Люсьена и, при каждомъ новомъ припадкѣ отчаянія, окружала его своей пламенной привязанностью. Только ея добрыя слова усыпали розами его тернистый путь. Несмѣтная сокровища ея сердца позлащали ихъ нищету. Она никогда не позволяла себѣ ни малѣйшаго вздоха, упрека или жалобы на жизнь, которую она вела вмѣстѣ съ Люсьеномъ. Онъ всегда видѣлъ ее нѣжной, готовой его утѣшить. Какъ онъ ни былъ иногда взбѣшенъ и озлобленъ, ему не удавалось вызвать въ ней ни слова, ни жеста неудовольствія. Надо было имѣть не только храбрость, но безчеловѣчную жестокость, чтобы за всѣ ея благодѣянія заплатить черной неблагодарностью. Люсьенъ не чувствовалъ въ себѣ героизма даже на зло.

Ктому-же онъ зналъ, что только съ нею, въ ея обществѣ, онъ могъ забыть немного точившее его уныніе и набраться силъ. Тщетно подстрекалъ онъ себя на открытую борьбу съ обществомъ; онъ ясно сознавалъ свою слабость для подобной борьбы. Онъ и теперь нуждался въ вѣчной поддержкѣ для перенесенія всѣхъ неприятностей его конторской дѣятельности, какъ-же могъ онъ одинъ, безъ помощи, вступить въ ту страшную борьбу, о которой мечталъ? Съ потерей г-жи Андре, онъ потерялъ-бы всю свою энергію. Потомъ, если и предположить, что онъ могъ-бы обойтись безъ ея нравственной поддержки, его пугала одна мысль, что онъ могъ лишиться того счастья физическаго, которое онъ ощущалъ, обладая ею. Онъ слишкомъ привыкъ къ ея нѣжнымъ ласкамъ, чтобы отказаться отъ нихъ. Онъ былъ связанъ съ нею не только сердцемъ, но и

тѣломъ, и если ему удалось-бы собрать достаточно силъ, чтобъ побороть свою любовь, то у него не хватило-бы мужества заглушить свою страсть. Онъ начиналъ сознавать, но безъ малѣйшаго тревожнаго чувства, что любовница—такая привычка, отъ которой очень трудно отдѣлаться. Если порвать подобную связь тяжело даже тогда, когда любовница надоѣла, то какъ-же могъ онъ разстаться съ г-жею Андре, которую онъ все еще пламенно обожалъ? Чтобъ сбросить съ себя этотъ хитонъ любви, надо было сорвать его съ мясомъ, — такъ ерѣико присталъ онъ къ нему! Люсьенъ не принадлежалъ къ той породѣ дикихъ звѣрей, которыя вида, что ихъ лапа попала въ западню, откусываютъ ее зубами и спасаются бѣгствомъ.

— О! еслибъ я ее не любилъ, то, можетъ-быть, былъ-бы мужественнѣе, говорилъ онъ иногда самъ себѣ.

Но это была ложь. Только въ самыя мрачныя минуты отчаянія и злобы на свою судьбу, воображалъ онъ себя болѣе закаленнымъ, чѣмъ дѣйствительно былъ. Въ дѣйствительности подобная рѣшимость могла быть порождена только его воображеніемъ, а не сознательной волей. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, онъ испугался-бы того риска, котораго теперь жаждалъ, и не зналъ-бы, какъ осуществить свои разглагольствованія. Онъ безъ сомнѣнія продолжалъ-бы свою конторскую дѣятельность, но съ еще большею горечью, такъ-какъ ему приходилось-бы безмолвно глотать всѣ непріятности, вмѣсто того, чтобъ дѣлиться ими съ любящимъ его сердцемъ. Онъ преувеличивалъ свои силы, воображая, что въ состояніи записаться въ ряды богемы, — этого отряда вольныхъ стрѣлковъ, подбирающихъ свой кусокъ хлѣба подъ пулями.

ГЛАВА XXXVI.

Однако, среди своихъ самыхъ грустныхъ минутъ, Люсьенъ сохранилъ нѣкоторое чувство удовольствія, которымъ онъ былъ обязанъ одному себѣ и до котораго не имѣла никакого отношенія г-жа Андре. Онъ гордился въ глубинѣ своего сердца, что не унижилъ своего служенія искусству, сдѣлавшись журналистомъ. Это чувство понятно только истиннымъ артистамъ. Хотя онъ про-

извелъ на свѣтъ только одинъ маленькій томъ поэзіи, не имѣвшій никакого успѣха, и драму, спавшую непробуднымъ сномъ въ его комодѣ, Люсьенъ былъ настоящій поэтъ. Потому именно, что втеченіи послѣдняго года онъ принужденъ былъ отречься отъ своего искусства, онъ любилъ его болѣе, какъ изгнанникъ любить свою родину, гораздо пламеннѣе изъ-далека. Если онъ теперь не писалъ, то лишь отъ неспособности, къ которой его приводили условія его существованія, подобно тому, какъ птица, запертая въ клеткѣ, не летаетъ. Но тѣмъ болѣе онъ ощущалъ въ себѣ преданности и уваженія къ своему искусству. Исполняя конторскія обязанности, онъ подчинялся насилію судьбы, но не унижалъ благородства своей души, что непрежѣнно произошло-бы, еслибъ онъ сдѣлался журналистомъ. Сила обстоятельствъ заставляла его продавать свое перо переписчика, но онъ счелъ-бы безчестьемъ продавать свое перо литератора. Конечно, не разъ въ минуты отчаянія, когда его сжимали болѣе обыкновеннаго тиски нищеты, его соблазняла мысль постучаться въ дверь какой-нибудь редакціи. Онъ очень хорошо зналъ, что еслибъ захотѣлъ, то раньше или позже, а одна изъ этихъ дверей отворилась-бы передъ нимъ. Онъ былъ убѣжденъ и безъ малѣйшаго фатовства, что у него во сто разъ болѣе таланта и ума, чѣмъ у трехъ четвертей писакъ, наводняющихъ пресу своими произведеніями. Безъ сомнѣнія, онъ вскорѣ занялъ-бы видное мѣсто въ ряду журналистовъ. Но его постоянно удерживали чисто-художественныя инстинкты. Эта сдержанность очень рѣдко встрѣчается въ наше время, когда всякій встрѣчный смѣло суется въ журналистику. Впрочемъ, онъ воздерживался не по скромности, а, напротивъ, по гордости. Онъ по природѣ не терпѣлъ пошлости, а бесѣды съ Наржо еще болѣе развили въ немъ эту ненависть. Журнализмъ же въ его глазахъ былъ цвѣтомъ пошлости. Онъ считалъ журналиста или дуракомъ или злой собакой. Впрочемъ, онъ не могъ безпристрастно относиться къ этому вопросу, такъ-какъ испыталъ на себѣ жало прессы. Надо сознаться, однако, что тѣ журналисты, которыхъ онъ зналъ, не составляли чести корпораціи. Перинья и Денизе не могли возвысить корпорацію, къ которой они принадлежали. Люсьенъ судилъ всѣхъ журналистовъ по этимъ дурнымъ образцамъ, какъ многіе судятъ о восточныхъ племенахъ по продавцу лепешекъ въ Пале-Рояль. Такимъ образомъ, еслибъ

онъ даже не подчинился художественному инстинкту, это ложное представленіе о журналистикѣ внушило-бы ему отвращеніе къ ней. Однако, это мнѣніе, справедливое или нѣтъ, принесло ему большую пользу. Оно придало этому слабохарактерному человѣку мощный литературный характеръ. Этотъ бѣдный юноша, всегда готовый уступить въ борьбѣ съ жизнью, не допускалъ никакой сдѣлки, когда дѣло шло о литературномъ идеалѣ. Его вѣра въ идеалъ придавала ему странную силу и внушала уваженіе къ себѣ. Онъ походилъ на тѣхъ раззорившихся аристократовъ, которые даже въ рубищѣ сохраняютъ гордое достоинство испанскаго гранда.

Постигнувъ руководившее Люсьеномъ чувство, г-жа Андре была очень счастлива. Она однажды совершенно невинно спросила, почему онъ не попробуетъ достать работы въ какойнибудь редакціи?— и онъ гнѣвно воскликнулъ:

— Не говори мнѣ объ этомъ никогда. Я готовъ все дѣлать, но ни за что не измѣню поэзіи.

Она сначала не поняла это отвращеніе къ прессѣ, и онъ пояснилъ свою мысль съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, которое ясно доказывало, что у него голова вовсе не была такъ пуста, какъ онъ иногда увѣрялъ.

— Вотъ видишь-ли, журналистика — ядъ для артиста. Всѣ испившіе изъ этого источника умерли, даже самые мощные. Газета въ отношеніи книги тоже, что глина въ отношеніи мрамора; легкость и пошлость труда портать руку. Принужденный говорить во что бы то ни стало и обо всемъ каждый день легко принимаетъ привычку говорить, ничего не говоря. Поэзія, искусство не имѣетъ ничего общаго съ газетной статьёй по столько-то за строчку. Нельзя нанимать пегаса по часамъ, какъ извозчицью клячу. Поэтъ и журналистъ — это пѣвецъ и адвокатъ; одинъ услаждаетъ слухъ мелодичными нотами, другой только шумитъ. Бездна между этимъ и журналистомъ еще громаднѣе. Мы и журналисты принадлежимъ къ совершенно различнымъ породамъ, между нами нѣтъ ничего общаго. Мы — аристократы мысли, а они — буржуазные дѣятели пера... что я?... они — невольники типографскаго оригинала. По ихъ словамъ, они создаютъ литературу, — это неправда; они продаютъ ее въ разницу, по случаю, съ изъяномъ. Они ее не любятъ. Они ее не понимаютъ. Они хвалятся, что дѣлаютъ ее популярной, но въ сущности только ее опошляютъ. Они ставятъ себѣ

въ заслугу, что дѣлають литературу доступной всякому. Хороша заслуга!

ГЛАВА XXXVII.

Поздравляя Люсьена съ его преданной, постоянной любовью къ литературѣ, г-жа Андре очень желала чтобы эта любовь была менѣе платонична. Она внутренно страдала отъ бесплодности своего поэта. Однако, она находила ему вполне удовлетворительныя оправданія. Она понимала, что чисто-механическій трудъ истощалъ его силы и мало-по-малу уничтожалъ его творчество. Она не имѣла мужества укорять его за овладѣвшую имъ неспособность, столь горькую ему самому. Видя безпомощную злобу Люсьена и его отвращеніе къ перу, каждый разъ, когда онъ за него брался, она чувствовала, что онъ болѣе нуждался въ утѣшеніяхъ, чѣмъ въ упрекахъ, какъ лошадь съ разбитыми ногами, которая падаетъ отъ удара бича и двигается только изъ-за куска сахара. Поэтому она не вела открытой борьбы съ этой лѣтней творчества. Но съ деликатнымъ вниманіемъ она заботилась только о поддержкѣ въ Люсьенѣ священнаго огня, зная, что ничего не потеряно, пока художникъ любитъ свое искусство, и надѣясь, что рано или поздно онъ сброситъ съ себя овладѣвшій имъ столбнякъ.

Такимъ образомъ, она заставляла его рассказывать свои мысли, потому что онъ не могъ писать. Каждый вечеръ съ изумительнымъ искусствомъ она наводила разговоръ на литературныя темы, смутно витавшія въ головѣ Люсьена. Она принуждала его думать и говорить объ этихъ темахъ его будущихъ произведеній, и тѣмъ самымъ изгоняла изъ его мыслей пошлыя подробности его ежедневной работы. Люсьенъ безсознательно попадалъ въ западню и, подстрекаемый ловкими разспросами, начиналъ высказывать свои мысли, что составляло своего рода работу. Съ особымъ удовольствіемъ онъ рассказывалъ, каждый разъ дополняя и улучшая, романъ, нѣкогда начатый и брошенный. Онъ объяснялъ характеры дѣйствующихъ лицъ, передавалъ отдѣльныя сцены, разообразилъ эпизоды, придумывалъ перипетіи, однимъ словомъ строилъ цѣлый романъ, полагая, что только мечталъ. Г-жа Андре помогала ему въ этой подготовкѣ матеріала. Она указывала ему

на ошибки и невѣроятности, останавливала его, когда онъ сбивался съ истиннаго пути, подталкивала его, когда онъ былъ въ разгарѣ, и вообще руководила имъ въ этомъ странномъ трудѣ, который онъ совершалъ, самъ того не замѣчая. Она сдерживала его пламенное воображеніе, часто отдалившееся отъ цѣли, и незамѣтно направляла его куда слѣдовало. Она заставляла Люсьена изучать характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ, точно опредѣлять всѣ ихъ своеобразныя черты и превращать въ живыя существа вызванные его воображеніемъ призраки. Все это она дѣлала съ такимъ удивительнымъ тактомъ, что онъ даже не подозрѣвалъ, какихъ усилій ей стоило распутать нить его мыслей. Онъ думалъ, что просто болтаетъ для забавы съ женою, и находилъ въ этомъ необыкновенную прелесть; онъ не подозрѣвалъ, что его умъ постоянно рождалъ, благодаря искусной акушеркѣ, каждый день принимавшей новаго ребенка.

Мало этого, она еще одѣвала этихъ новорожденныхъ младенцевъ. Пока Люсьенъ находился въ конторѣ, она втайнѣ записывала все, что наканунѣ онъ говорилъ относительно своего романа. Сначала она собрала неопредѣленные, туманные намеки на характеры и событія. Потомъ по мѣрѣ того, какъ дѣйствующія лица и самый сюжетъ болѣе выяснялись, она обрисовывала ихъ опредѣленнѣе, рѣзче. Ею не руководило никакое чувство самолюбія и она довольствовалась тѣмъ, что наносила на бумагу силуэты, нарисованные Люсьеномъ на словахъ. Такимъ образомъ, она мало-по-малу собрала всѣ идеи, факты и матеріалы его романа. Но вся эта масса замѣтокъ представляла невообразимый хаосъ. Несмотря на все ея желаніе методически направлять Люсьена въ его разговорахъ, она не могла поставить слишкомъ строгія рамки, иначе онъ тотчасъ понялъ-бы, въ чемъ дѣло. Она боялась ужасной лѣни молодого человѣка и ее пугала мысль, что онъ броситъ этотъ бессознательный трудъ въ тотъ день, когда онъ пойметъ, что это трудъ. Поэтому она позволяла ему поддаваться своей фантазій и не слѣдовать никакому опредѣленному пути. Прямымъ слѣдствіемъ этого вышло то, что она была завалена грудой противорѣчій и отступленій, всегда наполняющихъ художественное произведеніе въ его сыромъ, необработанномъ видѣ. Потребовалось много терпѣнія, стойкости и искусства, чтобы составить картину изъ этихъ раскиданныхъ эскизовъ. Все-таки

она въ этомъ успѣла. Черезъ полтора года она уже привела въ ясность всѣ подробности романа и посвятила еще шесть мѣсяцевъ на окончательную отдѣлку и приведеніе этого хаоса въ гармоническое цѣлое, уничтожая излишнія длинноты, согласуя противорѣчія, объясняя темныя мѣста, сглаживая рѣзкости. Она выказала всю инстинктивную ловкость дикаря въ пріисканіи прямого пути въ этой чащѣ фантазій и мечтаній. При этомъ она съ упорствомъ талмудиста не только воспроизводила идеи Люсьена, но даже его фразы. Она запоминала, а потомъ переносила на бумагу краснорѣчивыя его выраженія, ловя ихъ, какъ бабочекъ, на лету. Однако, несмотря на самое добросовѣстное исполненіе обязанностей простаго переводчика, она принуждена была вложить въ дѣло и частичку своего ума. Даже въ самомъ разговорѣ она часто подавала ему новую мысль, особенно въ тонкостяхъ психологическаго анализа. Сама того не сознавая, она часто вдохновляла Люсьена и принимала потомъ за его идеи то, что было одолжено ей одной своимъ существованіемъ. Но она всю часть творчества приписывала ему. Впрочемъ, она дошла до того, что составляла съ нимъ одно цѣлое и не распознавала, что именно принадлежало каждому изъ нихъ въ общемъ произведеніи. Она сочла-бы себя синимъ чулкомъ, еслибъ имѣла малѣйшее подозрѣніе, что была сотрудницей этого литературнаго труда и внесла въ него наибольшую долю наблюденія и работы. Съ удивительной скромностью трудилась она, искренно убѣжденная, что была только секретарешъ Люсьена. Черезъ два года романъ былъ готовъ, написанный ею со словъ Люсьена. Она осуществила, такимъ образомъ, сказку о волшебницѣ, которая превращала каждое слово своего крестника въ жемчугъ.

Пока Люсьень, такимъ образомъ, рождалъ безъ страданій и совершенно безсознательно, онъ продолжалъ считать себя безплоднымъ, и это очень его мучило. Но онъ скрывалъ свое горе въ глубинѣ сердца. Мало-по-малу онъ поникъ умомъ подъ приглушающимъ бременемъ конторскихъ занятій. Онъ уже болѣе не возставалъ противъ судьбы, а совершенно опустился подъ вліяніемъ монотоннаго прозябанія. Онъ былъ теперь настоящимъ писцомъ, надутымъ, недовольнымъ. Протесты замерли на его губахъ и его апатія подъ конецъ помирилась съ этой систематической скукой. Онъ уже не выходилъ изъ себя, а былъ вѣчно грустенъ;

мрачное облако разочарованія, осѣнившее его чело, разсѣивалось только вечеромъ, въ обществѣ г-жи Андре. Его тѣшила немного только мысль, что онъ не пошелъ на сдѣлку съ пошlostью и сохранилъ въ сердцѣ не тронутой любовью къ своему искусству. Но онъ часто думалъ съ горечью о бесполезности этой любви, которая походила на желанія стариковъ, неспособныхъ найти имъ удовлетвореніе.

— Опять мы будемъ говорить о моемъ романѣ! сказала она однажды вечеромъ съ отчаяніемъ, — каждый день мы повторяемъ одно и тоже. Ты заставляешь меня болтать; это меня развлекаетъ, но все-же я не могу не сознавать своей полной бесплодности; у меня нѣтъ ничего въ головѣ; я сталъ вторымъ Наржо, я только извергаю фразы и болѣе ничего.

— Нѣтъ, другъ мой, ты писатель, ты романистъ, отвѣчала г-жа Андре. — Ты мнѣ продиктовалъ свой романъ. Я его списала, вотъ онъ.

И она подала ему толстую рукопись, переписанную чистымъ, красивымъ женскимъ почеркомъ.

— Это что такое? воскликнулъ съ изумленіемъ Люсьенъ.

— Это твой романъ. Недостааетъ только заглавія. Ты перечтешь его и поправишь; тогда само собою явится и заглавіе. Я только написала черновую.

Люсьенъ былъ пораженъ. Дрожащей рукой перевертывалъ онъ страницы и не вѣрилъ своимъ глазамъ. По-временамъ онъ останавливался, замѣтивъ свою собственную фразу, которую онъ часто повторялъ. Его идеи, его образы, даже блестящія метафоры во вкусѣ Наржо — все было тутъ воспроизведено съ удивительной точностію. Онъ съ гордостію чувствовалъ, что его мысль живетъ, и походилъ на человѣка, который, легкомысленно пуская въ окно мыльные пузыри, вдругъ увидаль-бы, что они превратились въ лучезарныя свѣтила.

— Ты это сдѣлала, ты это сдѣлала! восклицалъ онъ, — да, это мой романъ. Значить, я не бесплоденъ, значить, у меня есть въ головѣ что-нибудь.

— О! я не спорила съ тобою, когда ты увѣрилъ, что бесплоденъ, отвѣчала г-жа Андре, — но я знала, что мой Люсьенъ думалъ и я собрала его мысли. Да, ты написалъ все это, ты —

лѣнивѣць. Посмотри, тутъ четыреста двадцать три страницы. Гм! какой великолѣпный трудъ, какъ славно ты работаешь!

Они ликовали, какъ родители, спасшіе отъ смерти ребенка, котораго уже считали погибшимъ.

XXXVIII.

Литературное самолюбіе Люсьена мгновенно очнулось. Онъ наивно вообразилъ себя единственнымъ авторомъ романа и это вселило въ него убѣжденіе въ плодотворности его таланта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ воскресла еще съ большей силой его злоба противъ нелѣпныхъ занятій, отнимавшихъ все его время. Онъ говорилъ себѣ, что посвящать ежедневно восемь часовъ на приобрѣтеніе скуднаго куска хлѣба, когда могъ въ это время заниматься литературнымъ трудомъ, было нравственной смертью. Такимъ образомъ, онъ потерялъ послѣднюю тѣнь мужества, пасивно поддерживавшую его въ скучной конторской работѣ.

Г-жа Андре вполнѣ понимала чувство Люсьена, но уговаривала его потерпѣть еще немного. Конечно, эти восемь рабочихъ часовъ представляли столько-же ранъ, изъ которыхъ сочилась его драгоценная кровь. Но этой кровью они питались. На полтора франковъ, купленныхъ этою кровью, они жили, хотя съ большимъ трудомъ. Необходимы были удивительныя предосторожности и чудеса экономіи, чтобъ свести концы съ концами. Тѣ пятьсотъ франковъ, которые у нихъ остались отъ погибшаго капитала, были искусно разсѣяны ею по всему бюджету. Они перемѣнили квартиру и помѣстились совершенно буржуазно, почти какъ простые работники. Энергично работая надъ романомъ, г-жа Андре все-таки занималась сама хозяйствомъ. Ее хватало на все; она отказала горничной и сама стряпала въ кухнѣ. Впродолженіи двухъ лѣтъ она не купила себѣ ни одной тряпки и постоянно передѣлывала вновь свои платья и шляпки, что, однако, не мѣшало ей оставаться, по-прежнему, изящной женщиной среди нищеты. Люсьенъ никогда не замѣчалъ на ней слѣдовъ ея постоянной борьбы съ нищетою, которую она успѣвала побороть, только благодаря своему героизму и жалованью Люсьена, несмотря на всю его скудность. Она деликатно намекнула ему на это въ доказательство того, что онъ долженъ былъ еще, хоть на время,

принести себя въ жертву. Эта благородная женщина всегда такъ выставляла дѣло передъ глазами Люсьена, словно онъ и онъ одинъ жертвовалъ собою. Она-же сама приносила себя въ жертву просто, незамѣтно, какъ бы безсознательно.

— Напечатай свой романъ и тогда брось контору, говорила она; — на деньги, вырученныя отъ перваго романа, мы проживемъ до выхода втораго. Впрочемъ, можетъ быть, практичнѣе — прости мнѣ это гадкое слово — было бы не бросать тебѣ мѣсто и тогда. Но я не могу насильно подвергать тебя такой ужасной пытке. Ты слишкомъ несчастливъ въ своей конторѣ. Нѣтъ, если ты получишь за романъ круглую сумму, то брось все и понадѣйся на судьбу. Мы будемъ работать, вотъ и все. Ты мужественный работникъ и мы одержимъ успѣхъ.

Но нужно было время, чтобъ помѣстить такую большую рукопись. Это не былъ одинъ изъ тѣхъ романовъ-фельетоновъ, которые такъ нравятся привратницамъ — этимъ излюбленнымъ клиенткамъ большихъ газетъ. Это былъ психологическій этюдъ, рассказъ безъ романическихъ перипетій, главное достоинство котораго заключалось въ анализѣ чувствъ и художественномъ изложеніи. Люсьену пришлось сдѣлать очень мало поправокъ въ рукописи г-жи Андре; онъ даже оставилъ нѣкоторыя длинноты, которыя ему нравились или по глубинѣ мыслей, или по поэтической формѣ. Однимъ словомъ, эта книга была написана для любителей чистой, возвышенной литературы и не могла не имѣть извѣстнаго успѣха, какъ художественное произведеніе, но она не была въ состояніи соблазнить редактора газеты, жаждущаго угождать вкусамъ большинства публики. Чтобъ получить немедленный доступъ въ одну изъ газетъ — эти дешевыя табльдоты журнализма, Люсьень долженъ былъ заварить грубый рагу изъ мяса и зелени, а не готовить тонкое блюдо, которое можно только подать въ журналъ — этомъ отдѣльномъ салонѣ прессы.

Журналъ, взявшій *Фердинанда* (такъ назывался романъ), былъ бѣдный и малоизвѣстный. Редакція съ трудомъ могла заплатить тысячу франковъ. Люсьень съ удовольствіемъ согласился на эту сумму и въ тотъ-же день съ беззаботностью, отъ которой его еще не отучило несчастье, онъ послалъ свой отказъ отъ должности въ правленіе страховой компаніи.

— Я свободенъ, сказалъ онъ, возвратившись домой, — я теперь

нескажу, какъ тогда послѣ бакара: вотъ деньги на три мѣсяца удовольствія, но скажу: вотъ намъ на шесть мѣсяцевъ работы. Это гораздо лучше. И ты увидишь, какъ я буду работать.

Г жа Андре немного беспокоилась о ихъ будущей судьбѣ, но не хотѣла отуманивать его радости и сказала, цѣлуя его отъ всей души:

— Я не боюсь; вѣдь Бальзакъ началъ съ сотней тысячъ франковъ долга.

ГЛАВА XXXIX.

Но Бальзакъ былъ упорный гений, а Люсьенъ лѣнивый талантъ. Не смотря на все свое желаніе поддержать мужество Люсьена, она не тѣшила себя въ этомъ отношеніи никакой иллюзіей. Она хорошо знала, что скромный авторъ *Скромныхъ радостей* и блестящій собесѣдникъ, рассказавшій *Фердинанда*, не обладалъ тѣмъ постояннымъ упорствомъ въ трудѣ, которое дало возможность Бальзаку создать великое зданіе „человѣческой комедіи“. Она все-же хотѣла воспользоваться добрыми намѣреніями Люсьена и благопріятными обстоятельствами, чтобы побудить его создать все то, на что онъ былъ способенъ. Она видѣла, какую энергію онъ проявлялъ, перенося ненавистное ярмо конторской дѣятельности; съ другой стороны, она сама обладала въ высшей степени способностью возбуждать и поддерживать въ немъ энтузіазмъ, а потому надѣялась на благіе плоды его настоящей самолюбивой вспышки. Несмотря на его обычную апатію и привычку лѣниться, онъ теперь былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что отъ него можно было всего ожидать. Его первая натура походила на тѣхъ арабскихъ лошадей, которые, щипля траву, кажутся спящими и вдругъ летятъ стремглавъ, какъ только почувствуютъ на спинѣ сѣдока. Она будетъ этимъ сѣдокомъ и, быть можетъ, шпоры нищеты дадутъ Люсьену тотъ толчекъ, котораго ему не доставало, чтобы взять призь въ скачкѣ съ препятствіями.

Онъ, дѣйствительно, принялся за работу съ жаромъ. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ онъ жилъ страшной жизнью тѣхъ литераторовъ, которые, обуреваемые страстью писать, превращаютъ свой трудъ въ какую-то оргію. Онъ набрасывался на бумагу,

какъ голодный на хлѣбъ. Онъ почти забывалъ свою любовницу и доходилъ до опьяненія чернилами.

Испугавшись этой лихорадочной работы, г-жа Андре старалась ее умѣрять. Она не просила такой энергій. Главное, ее удивляло, что онъ ее какъ-бы бросалъ. И, однако, она не была одной изъ тѣхъ жепъ артистовъ, которыя часто становятся между искусствомъ и любимымъ человѣкомъ и принимаютъ за измѣну всѣ полеты безъ нихъ въ идеальную лазурь. Напротивъ, она готова была отказаться отъ права осыпать Люсьена ласками, еслибы только онъ замѣнилъ поцѣлуи любовницы лобзаніями своей музы. Но она такъ хорошо знала его любовь къ нѣжнымъ ласкамъ, что этотъ добровольный отказъ отъ нихъ ее тревожилъ. Это уже одно обнаруживало болѣзненное расстройство мозга. Онъ походилъ на слабого ребенка, подверженнаго припадкамъ, который, вдругъ обнаруживъ отвращеніе къ молоку, бросается на водку.

Но тщетно старалась она сдерживать эту болѣзненную охоту къ труду, которая съ каждымъ днемъ становилась все безумнѣе. Теперь Люсьенъ жилъ, вѣчно преслѣдуемый своими идеями. Онъ не отдыхалъ ни минуты. Онъ заразъ писалъ драму, комедію и новый романъ. Онъ расточалъ свои силы совершенно бесполезно. Найдя съ самаго начала, какъ тяжело было творчество, онъ теперь насиловалъ свою мысль. Приведенный въ восторгъ „Фердинандомъ“ и вполне убѣжденный, что онъ одинъ его написалъ, Люсьенъ не могъ помириться съ тѣмъ, что онъ очень тяжело и медленно работалъ. Напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что его голова наполнена мыслями. Дѣйствительно, онъ чувствовалъ, что у него въ мозгу витало много смутныхъ идей и неоконченныхъ фразъ, которыя онъ принималъ за живыя созданія. Онъ мучился въ этихъ преждевременныхъ родахъ и создавалъ на свѣтъ неразвитыхъ зародышей. Онъ не подозрѣвалъ, что г-жа Андре одна придавала опредѣленную форму туманному образу его романа. Онъ принималъ за образы, полные жизни, призраки своего распаленнаго воображенія и торопился ихъ облечь въ мантию случайныхъ словъ, вычитанныхъ имъ въ чужихъ книгахъ. Онъ изнурялся въ усиліяхъ безпорядочной, хаотической плодовитости. Онъ немилосердно хлесталъ свой умъ, чтобы привести его въ движеніе. Онъ думалъ, что несется маршь-маршемъ, а въ сущности еле подвигался, прихрамывая, какъ извозчица кляча.

Прошло три мѣсяца. Онъ изтощилъ свой мозгъ и ничего не создалъ путнаго. Романъ, драма и комедія представляли только груды матеріаловъ, необдѣланныхъ, не приведенныхъ въ порядокъ. Рукописей его хватило-бы на три тома, а отдѣльныхъ, сырыхъ замѣтокъ на созданіе пяти или шести сочиненій, но тутъ не было ничего законченнаго, ничего цѣльнаго, а только слова, факты, мысли въ ужасномъ хаосѣ.

Люсьенъ это самъ замѣтилъ, очень огорчился и хотѣлъ поправить дѣло. Онъ прибѣгнулъ къ методичному здравому смыслу г-жи Андре, совѣтами которой онъ брезгалъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Она съ радостію принялась за разборку рукописей. Она постаралась внести въ этотъ хаосъ лучъ свѣта, но тогда только ярко обнаружилия крупныя ошибки Люсьена. Къ довершенію же горя, когда онъ хотѣлъ ихъ исправить, то это оказалось невозможнымъ. Было слишкомъ поздно: его надорванный умъ отказывался работать даже съ помощью г-жи Андре, какъ испорченный желудокъ не переноситъ хорошаго вина даже при помощи хины.

— Тебѣ необходимо отдохнуть, сказала ему г-жа Андре. — Какой ты безумецъ! Въмѣсто того, чтобы работать правильно, по-немногу, ты совершенно изтощилъ себя.

— Оставь меня, отвѣчалъ онъ. — Я человѣкъ запоя: все или ничего.

Но это говорило только его самолюбіе и то совершенно напрасно, такъ-какъ оно должно было преклониться передъ очевидной неспособностью его что-нибудь сдѣлать. Какъ онъ ни рисовался своимъ трудомъ, но онъ истратилъ всѣ свои силы. Чтобы теперь выжать какую-нибудь идею изъ его головы, надо было открыть его черепъ и вырвать ее оттуда пальцами.

ГЛАВА XL.

Наконецъ, онъ отдохнулъ. Но этотъ отдыхъ былъ новой усталостью. Отъ безумнаго труда онъ перешелъ къ безумному сладострастію. Въ сущности онъ былъ правъ, гордясь тѣмъ, что онъ человѣкъ запоя; онъ, дѣйствительно, былъ такимъ, какъ всякій человѣкъ молодой, нервный, съ художественнымъ инстинктомъ. Это было очень естественно и совершенно подходило къ нашему

времени. Современная, особенно парижская жизнь вся проходитъ въ бѣготѣ отъ одного кризиса къ другому. Всѣ пружины чело-вѣческой машины постоянно натянуты до-нельзя. Когда онѣ го-тovy лопнуть, то ихъ изгибають въ противоположную сторону, какъ самострѣлы древнихъ скифовъ, и онѣ становятся только крѣпче. Теперь не только тѣло, но и сердце парятъ въ русской банѣ, а потомъ подвергаютъ ледяному душу. Мы воображаемъ себя геркулесами и лечимъ себя отъ припадковъ самыми безумны-ми возбуждательными средствами. Въ старину умирали отъ изли-шества, теперь мы имъ живемъ, находя отдыхъ отъ одного на-пряженія нервовъ въ другомъ, еще большемъ.

Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ Люсьенъ съ удивительнымъ упорствомъ почти совершенно отказался отъ своей любовницы. Самъ того не сознавая, онъ страдалъ отъ этого чрезмѣрнаго воз-держанія. Теперь безъ всякой осторожности онъ предался люб-ви со всѣмъ безумнымъ пыломъ пустычника, который, соблазняемый царицей Савы и зная, что губить душу, жаждетъ насладиться разомъ на всю вѣчность. Г-жа Андре, однако, его нисколько не соблазняла, а, напротивъ, сопротивлялась всѣми силами этому безумному припадку пламенныхъ ласкъ, которыя были еще вред-нѣе Люсьену, чѣмъ чрезмѣрная работа. Но все было тщетно. Ея благоразуміе исчезало въ присутствіи этого сладострастнаго бе-зумца, сжигавшаго ее своей страстью.

— Ты, право, не довольно благоразуменъ, говорила она по-стоянно.

— А ты слишкомъ благоразумна, отвѣчалъ Люсьенъ. — И однако, я, кажется, заслужилъ ласки отъ тебя тремя мѣсяцами труда. Послѣ такого множества холодной воды, выпитой на-ми, не мѣшало-бы намъ хватить бутылку хорошаго вина. Дай мнѣ твои очаровательныя губки, я хочу напиться твоими по-цѣлуями.

Г-жа Андре была все еще красавица. Впродолженіи четырехъ лѣтъ, проведенныхъ съ Люсьеномъ, она нисколько не измѣнилась. Можетъ быть, она немного похудѣла, какъ многія женщины, которыхъ роды не безобразяютъ, но ея округленные очерта-нія не теряли своей прелести. Ея грудь сохранила свои рос-кошныя формы и античный правильный рисунокъ. Цвѣтъ лица ея становился болѣе матовый и блѣдный, однимъ словомъ, менѣе

свѣжій, благодаря усидчивой работѣ въ душевной комнатѣ, но кожа, столь-же нѣжная и натянута, какъ прежде, не знала еще морщинъ. Только глаза измѣнились, но къ лучшему: они открылись шире и глядѣли глубже. Страсть свернула въ ихъ холодномъ блескѣ. Роскошные волосы теперь убирались съ большей изысканностью: двѣ сіяющія волны красовались на высокомъ лбѣ и, поднимаясь къ макушкѣ, образовали нѣчто вродѣ тiары изъ чернаго дерева. Вообще даже для глазъ болѣе безпристрастныхъ, чѣмъ у Люсьена, г-жа Андре казалась теперь болѣе соблазнительной, чѣмъ когда-либо, во всемъ блескѣ ея зрѣлой красоты. Точно также она болѣе, чѣмъ прежде, распалила страсть своего любовника, стараясь противостоятъ его желаніямъ. Безъ малѣйшей тѣни вкочетства, она только раздувала огонь, пытаясь его погасить. Хотя Люсьень вполне обладалъ ею, зналъ ее наизусть и наполнялъ все ея существо своей любовью до мозжечка костей, онъ все-же никакъ не могъ насытиться ею, упиваясь, однако, сладострастьемъ до самозабвенія.

— Утоляю тебя, говорила она по-временамъ, — не безумствуй такъ, цѣлуя меня, не пожирай меня поцѣлуями. Ты меня пугаешь. Люби меня тише, какъ слѣдуетъ любить жену.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ, — я тебя люблю, какъ любовницу, какъ мою вѣчную любовницу, я тебя люблю со страстью, какъ вино, игру, власть, дико, безумно, всѣмъ существомъ. Я тебя хочу всегда, всегда до смерти. Никогда, никогда я не буду сытъ. Ты походишь на чудный плодъ Индіи, который, утоляя жажду, возбуждаетъ ее вновь.

Въ другіе разы она прибѣгала къ шуткамъ, чтобъ умѣрить его пылъ; она смѣялась надъ его дикой страстью, надъ его ненасытной жаждой, которую она называла романической, байроновской, происходящей изъ головы, а не изъ сердца; она сравнивала его съ пьяницами, которые выпиваютъ первую бутылку однимъ залпомъ и потомъ сваливаются подъ столъ, не имѣя уже возможности даже попробовать остальныхъ винъ. Она главнымъ образомъ настаивала на упрекѣ, что подобная любовь была искусственная, сочиненная, литературная, а не естественная.

— Ты, право, слишкомъ человекъ запоя, говорила она, — я начинаю думать, что ты пробуешь на мнѣ примѣненіе какой-нибудь новой теоріи. Ты хочешь опять доказать непреложность

своего стараго принципа—все или ничего. Ты меня цѣлуешь теперь также неудержимо, какъ прежде мараль бумагу.

— Да, отвѣчалъ онъ серьезно,—и я правъ. Но твои поцѣлуи лучше, чѣмъ мои писанія.

Тогда она уступала и что-же она могла сдѣлать? Она сама чувствовала, что ее пожираетъ этотъ вѣчно пылавшій огонь. Сладострастіе очень прилипчиво. Молодой, красивый, пламенный, ненасытный, влюбленный и любимый, Люсьенъ, конечно, кончалъ тѣмъ, что одерживалъ побѣду, которая была тѣмъ полнѣе, чѣмъ сопротивленіе было сильнѣе. Г-жа Андре въ эти минуты забывала всякое благоразуміе, она закрывала глаза, чтобы не видѣть, въ какую бездну ее увлекали, и отдавалась всецѣло, безгранично всеобъемлющему единенію любви. Впослѣдствіи благородная женщина укоряла себя за эти минуты слабости, когда ея сила воли замирала, но уже было поздно. Но ей это проходило не даромъ и долго потомъ она мучилась тревожною мыслью, что Люсьенъ заболѣетъ, что онъ губить не только свое тѣло, но и умъ, что онъ просто убиваетъ себя особенно послѣ трехмѣсячныхъ неустанныхъ умственныхъ трудовъ. Она также боялась, что онъ снова потеряетъ вкусъ и привычку къ работѣ. Она вспоминала эпоху абсолютной апатіи, которая слѣдовала за сладострастными омыніемъ морскихъ купаній. Она упрекала себя за неумѣнье противопоставить безумію Люсьена свое непреодолимое благоразуміе. Въ подобныя минуты раскаянія она называла себя низкииъ, подлымъ существомъ и становилась сдержанной, холодной, принимая на себя строгія, материнскія манеры:

— Я хочу, чтобы ты мнѣ повиновался, говорила она. — Я хочу, чтобы ты былъ благоразуменъ. Тебѣ необходимъ отдыхъ. Ты слышишь, я хочу, чтобы ты успокоился, чтобы ты отдохнулъ.

Но онъ перебивалъ ее пламенными ласками.

— Хорошо, но гдѣ-же мнѣ лучше отдохнуть, какъ не на твоей груди. Да, я виноватъ. Я тебя послушаю; я отдохну, я засну въ твоихъ объятіяхъ, какъ ребенокъ.

Но, по несчастію, этотъ ребенокъ не спалъ.

ГЛАВА ХІІ.

Достаточно было двухъ мѣсяцевъ подобнаго безумнаго существованія, чтобъ совершенно разстроить здоровье Люсьена. Неожиданно утромъ онъ проснулся съ сильнымъ ознобомъ. Лобъ его находился какъ-бы въ тискахъ. Въ его тонкихъ поздыхъ показались капли крови. Какое-то дикое одуреніе выказывалось въ его глазахъ.

Г-жа Андре тотчасъ послала за докторомъ, но она не очень испугалась, думая, что это простое, скоропреходящее нездоровье. Но докторъ посмотрѣлъ на языкъ Люсьена, насушилъ брови, что тотчасъ встревожило г-жу Андре. Потомъ онъ постучалъ животъ и, обнаруживъ, что давленіе на правую подвздошную впадину производитъ бурчанье, сказалъ, качая головою, что у больного тифозная горячка. Г-жа Андре не вѣрила своимъ ушамъ. Несмотря на опасенія, мучившія ее въ послѣдніе дни, она не ожидала такого ужаснаго конца. Она едва не сошла съ ума.

Къ довершенію ужаса, это несчастіе посѣтило ее именно въ то время, когда полугодовая праздность унесла почти всѣ деньги, полученныя за романъ. Въ домъ оставалось не болѣе шестидесяти франковъ, а у одра болѣзни деньги всего нужнѣе. Да, наконецъ, еслибъ и были деньги, какъ бороться со страшнымъ врагомъ? Г-жѣ Андре было страшно остаться одной, безпомощной передъ такимъ несчастіемъ. Она упрекала себя за свою слабость, за то, что она не сумѣла удержать Люсьена отъ безумія. Она считала себя виновной во всемъ. Сердце ея было надломлено. Ей казалось, что она отравила любимаго ею человѣка.

Но въ чему терять время на бесполезныя укоры совѣсти? Надо было дѣйствовать поскорѣе. Для спасенія Люсьена необходимъ былъ хорошій медикъ, а не первый встрѣчный лекаръ. Она немедленно написала Фресону, который, ей казалось, былъ преданъ Люсьену. Въ послѣдніе три года они его немного забросили и даже не увѣдомили о томъ, какую жизнь вели. Она теперь очень сожалѣла объ этомъ и такъ-же винила одну себя. Но что могло это значить въ сравненіи съ дружбой Фресона? Онъ, конечно, тотчасъ пріѣдетъ и отобьетъ больнаго у страшнаго недуга. Онъ могъ пріѣхать на другой день послѣ полученія письма, и г-жа Андре основала

всѣ свои надежды на его немедленномъ прїѣздѣ. Она написала Фрессону два слова и откровенно сказала, что Люсьенъ предался сначала чрезмѣрному труду, а потомъ неумѣренной любви, отчего и сдѣлалась у него тифозная горячка, а въ домѣ не было ни сантима на леченье и кусокъ хлѣба. Она высказала всю правду, ни мало не стыдясь. Вѣдь Фресонъ былъ другъ Люсьена! И вѣдному-же надо было его спасти, во что-бы то ни стало.

Фресонъ изумился, узнавъ о нищетѣ Люсьена. Онъ думалъ, что молодой человѣкъ просто жилъ на деньги г-жи Андре. Героизмъ этихъ двухъ дураковъ, добровольно подвергнувшихъ себя нищетѣ, показался ему нелѣпостью и онъ сталъ ихъ искренно презирать. Поэтому онъ счелъ свой отвѣтъ очень умѣреннымъ. Вотъ что онъ писалъ:

„Милостивая государыня!

„Я сожалею отъ всего сердца, что не могу прїѣхать къ Люсьену въ эту печальную минуту. Вы знаете, какъ я его люблю; но меня здѣсь удерживаютъ обстоятельства, очень важныя и независящія отъ меня. Кѣмъ-же, я долженъ вамъ сознаться, какъ это мнѣ ни больно, что тифозная горячка при тѣхъ спеціальныхъ условіяхъ, о которыхъ вы пишете, всегда смертельна. Вообще это тяжелая болѣзнь и рѣдко кто отъ нея выздоравливаетъ. Но въ этомъ случаѣ я полагаю невозможнымъ, чтобы не сказать нелѣпнымъ, питать малѣйшую надежду. Я не желалъ-бы показаться вамъ болѣе жестокимъ, чѣмъ имѣетъ право всякій докторъ, но позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы очень неблагоприятно позволяли такія излишества моему бѣдному другу, здоровье котораго всегда было очень шаткое. Чрезмѣрный трудъ, которому онъ подвергалъ себя, вѣроятно, чтобы удовлетворить своей привычкѣ къ роскоши, могъ самъ послѣ вызвать опасное воспаленіе въ мозгу. Это воспаленіе потомъ перешло на весь организмъ, благодаря безумнымъ излишествамъ другого рода. Позвольте мнѣ, сударыня, выразить вамъ мое удивленіе по этому поводу. Люсьенъ никогда не имѣлъ наклонностей къ подобному безумію. Впрочемъ, я не могу за это на него сердиться. Всѣ упреки должны замолкнуть передъ изголовьемъ умирающаго. Притомъ я слишкомъ люблю моего друга, чтобы распространяться далѣе въ сѣтованіяхъ, которыя теперь совершенно бесполезны. Все, что я могу сдѣлать теперь для него, это — вспомнить, что я былъ

всегда для него братомъ, и поступить соотвѣтственно. Прилагаю при семъ мою лепту, которая, если не спасетъ, то по крайней мѣрѣ уладитъ его послѣднія минуты.

„Примите, милостивая государыня, увѣреніе, несмотря на все случившееся, въ моемъ искренномъ къ вамъ уваженіи.

Пьеръ Фресонъ“.

Изъ конверта выпалъ банковый билетъ въ сто франковъ.

Г-жа Андре не обратила вниманія на незначительность этой милостыни. Она даже не замѣтила низкіе намеки Фресона, его подлые обвиненія и презрѣнный его эгоизмъ. Она поникла головой передъ этими оскорбленіями и не стала даже внутренно себя защищать. Она видѣла только сто франковъ, которыя могли помочь ей ухаживать за больнымъ, и еслибы Фресонъ стоялъ передъ нею, то она поблагодарила-бы его. Въ эту минуту она готова была просить милостыню и подставлять свое лицо подъ плевки, чтобъ только получить средства для леченія Люсьена.

Ее разсердило только, что она потеряла цѣлый день на письмо къ Фресону. А между тѣмъ болѣзнь усиливалась и маленькій батиньольскій докторъ не внушалъ къ себѣ ея довѣрія. Тутъ необходимъ былъ хорошій докторъ, лучший изъ докторовъ. Но какъ было пригласить медицинскую знаменитость съ ея скудными средствами? Тогда г-жа Андре впервые пожалѣла, что такъ честно поступила съ дочерью. Она пожертвовала всеѣмъ этому ребенку, который, можетъ быть, ей не будетъ за это благодаренъ. Не слишкомъ-ли далеко простерла она свою деликатность, отказавшись отъ пользованія состояніемъ, которое по праву принадлежало ей до совершенновлѣтія дочери? Сегодня этими деньгами она спасла-бы Люсьена.

— О, куда я ни взгляну, все убѣждаетъ меня, что въ нашемъ несчастіи виновата одна я, говорила она себѣ; — я — низкое существо. Люсьенъ умретъ потому только, что я вздумала гордиться своимъ безкорыстіемъ. Все надо было поспать подъ ногами ради любви, даже честность.

Ей вдругъ вошла въ голову мысль, что она должна, во что-бы то ни стало, привести къ больному знаменитаго доктора. Но какъ? Это было все равно. Цѣль оправдывала средства. Благородная женщина была готова на все, даже продать себя, чтобъ только спасти Люсьена. Она немедленно отправилась бѣгомъ къ доктору

Бурпитту, знаменитому англійскому медику, только-что вылечившему отъ тифозной горячки двухъ высокопоставленныхъ особъ. По дорогѣ размышленіе нисколько не охладило ея пыла, хотя она чувствовала, что ея выходка была нелѣпа, и даже не знала, что скажетъ этому незнакомцу, быть можетъ, злому и корыстолюбивому. Она шла на бой съ вдохновенной вѣрой, создающей орлеанскихъ дѣвъ!

Докторъ Бурпиттъ былъ человѣкъ серьезный, холодный, не добрый и не злой на взглядъ, но положительно равнодушный, одинъ изъ тѣхъ врачей, для которыхъ смерть — обыкновенное явленіе природы, одинъ изъ тѣхъ хирурговъ, которые отрѣзываютъ руку или ногу такъ-же небрежно, какъ ноготь. Г-жа Андре вздрогнула отъ ужаса при видѣ этого безчувственного человѣка, котораго она должна была тронуть. Его сердце, вѣроятно, было комокъ сгущеннаго тумана, непроницаемаго для лучей нѣжнаго чувства.

— Милостивый государь, сказала она прямо, безъ всякихъ вступленій, — я люблю молодого человѣка, который умираетъ. Онъ поэтъ и большой талантъ. У него тифозная горячка. Вы одни можете его спасти. Мы бѣдны. Но вы его спасете, это необходимо. Я пришла за вами.

Она говорила, почти не сознавая повелительнаго тона своихъ словъ. Ея голосъ звучалъ твердо, внушительно, безапелляционно. Но въ ея глазахъ блестѣла мольба, болѣе краснорѣчивая, чѣмъ всѣ фразы, такая мольба, которую голодающій иногда вырываетъ грошъ у самаго бездушнаго скраги. Странный, удивительный контрастъ былъ между этими, дышавшими пламенной мольбой, глазами и голосомъ гордымъ, повелительнымъ. Ясно было, что на такую просьбу нѣтъ отказа.

— Сударыня, отвѣчалъ просто докторъ, — я слѣдую за вами.

Докторъ Бурпиттъ слылъ за оригинала и доказалъ въ эту минуту, что былъ достоинъ своей репутаціи. Его мраморное лицо не дрогнуло и даже на немъ появилось выраженіе неудовольствія, когда г-жа Андре въ порывѣ благодарности неожиданно поцѣловала ему руку. Онъ послѣдовалъ за нею, какъ всегда, серьезный, холодный, равнодушный.

— Сударыня, сказалъ онъ, осмотрѣвъ Люсьена, — тифозная горячка въ самой сильной степени, и я не могу ни за что отвѣ-

чать. Теперь можно только ждать и принимать мѣры, соответственно постепенному развитію болѣзни. У больного слишкомъ слабый организмъ, чтобъ попробовать на немъ систему, называемую французами *убійственной*. Его надо будетъ отвоевывать у злого недуга шагъ за шагомъ. Я буду приходить два раза въ день.

Потомъ онъ прибавилъ поспѣшно, почти грубо:

— Вы бѣдны, а я не люблю, чтобъ мои больные не слѣдовали акуратно моимъ предписаніямъ. Я самолюбивъ и не хочу бороться ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ болѣзни.

И онъ положилъ на каминъ банковый билетъ въ тысячу франковъ. Г-жа Андре зарыдала.

— О! произнесъ докторъ, — я вамъ положительно воспрещаю подобныя выходки. Я не могу ихъ переносить. Мы, англичане, очень эксцентричны.

Онъ вышелъ, насупивъ брови.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ благодѣтелей, которыхъ беспокоитъ и оскорбляетъ благодарность, одинъ изъ тѣхъ героевъ, которые вытаскиваютъ васъ изъ воды, закрывая вамъ рукою глаза, что вы не видѣли, кто васъ спасъ.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Не говори мнѣ про любовь!
Давно мнѣ чужды эти звуки,
Давно остыла въ жилахъ кровь,
И позабыты страсти муки...

Не говори мнѣ про любовь!
Не пой про счастье любви,—
Его не вѣдалъ никогда я:
Безъ яркой утренней зари
Пора промчалась золотая...

Не пой про счастье любви!
Убилъ я силы молодья
Въ борьбѣ съ тяжелою нуждой
И на призывъ горячій мой
Однѣ насмѣшки встрѣтилъ злыя...

Убилъ я силы молодья!..
Такъ старыхъ ранъ ты не буди!
Оставь меня, оставь въ покоѣ
И это чувство роковое
Не поднимай въ моей груди!
Старинныхъ ранъ ты не буди!..

С. М. Архангельскій.

БЕЗДОМНЫЙ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА I.

Поль Аданъ нанесъ уже сильный ущербъ весьма солидному состоянію, полученному имъ отъ отца, когда на подмосткахъ одного изъ небольшихъ парижскихъ театровъ, въ толпѣ фигурантокъ, онъ замѣтилъ дѣвушку, сразу поразившую его пылкое сердце. Поль Аданъ былъ молодъ и поэтъ, — поэтъ въ душѣ и по занятію, хотя отецъ его, копившій для своего наслѣдника крупныя движимости и недвижимости въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Франціи, готовилъ этой единственной отрасли своего добродѣтельно-мѣщанскаго дома совсѣмъ иную будущность. Онъ мечталъ видѣть въ своемъ Полѣ одно изъ будущихъ свѣтилъ французской адвокатуры. И „будущее свѣтило“ предпочло озарять собою другія сферы; молодая, кипучая, яркая натура чувствовала, что задохнется въ пыли судебныхъ коридоровъ и залъ, и широко раскрыла свои объятія жизни такой-же молодой, такой-же кипучей и такой-же яркой. Когда друзья спрашивали Поля, чѣмъ онъ занимается, онъ отвѣчалъ: „Веселюсь. Когда погода хорошая, я волочусь за женщинами, которыхъ встрѣчаю на улицѣ, покупаю розы и нюхаю ихъ; когда идетъ дождь, я навѣщаю знакомыхъ мнѣ женщинъ, декламирую имъ стихи и угощаю ихъ ужиномъ... Когда я устану, то ложусь спать, а выспавшись и отдохнувъ, начинаю съезнова... Я вѣрю! Я вѣрю въ солнце, въ весну, въ наслажденіе, въ чудесные стихи,

въ прелестныхъ женщинъ...“ Было, однако, время, когда Поль вѣрилъ въ счастье и прогрессъ своей родины; это было время его школьныхъ годовъ, совпавшее съ знаменательною эпохою сорокъ восьмаго года. Съ этими идеалами онъ вошелъ въ жизнь и, какъ большинство французовъ той эпохи, ожидавшихъ отъ движенія 1848 года полного обновленія своего отечества, остановился въ смущеніи и негодованіи предъ результатомъ совершенно противоположнымъ — кровавымъ декабрьскимъ переворотомъ. Тогда Поль отвернулся отъ общей жизни Франціи и, говоря его собственными словами, „сталъ жить для самого себя“. Въ разгарѣ этой жизни мы и встрѣчаемъ его увлеченнымъ прелестями молодой фигурантки, носившей въ своемъ кругу прозвище „маленькаго пажа“. „Маленькій пажъ“ была доброе, милое, наивное созданіе, понимавшее въ жизни весьма мало, а всего меньше — жизнь съ милымъ въ шалашѣ безъ денегъ. Въ ту пору, или, точнѣе, въ тотъ самый вечеръ, когда нашъ молодой поэтъ встрѣтился съ нею въ ея гостиной, роскошно убранной тремя ея любовниками, — она, правда, мечтала о шалашѣ, но это былъ шалашъ, за наемъ котораго надо было заплатить шесть тысячъ фр. въ одно лѣто, и который представлялъ изъ себя хорошенькую дачу въ окрестностяхъ Баденъ-Бадена. Наличные капиталы Поля ограничивались тремя тысячами франковъ, которые, впрочемъ, были проиграны имъ тутъ-же, въ этой гостиной; но у него въ запасѣ оставалась еще ферма, стоявшая сто тысячъ франковъ. Недолго нужно было раздумывать молодому поэту для того, чтобы рѣшиться превратить въ наличныя деньги эту землю, приносящую ему мизерный доходъ въ четыре тысячи франковъ, — превратить для того, чтобы положить къ ногамъ своей красавицы столько презрѣннаго метала, сколько она потребовала-бы и пожелала. И въ то время, когда она еще сладко спала послѣ того вечера, на которомъ съ милою наивностью рассказала Полю не только о шеститысячномъ шалашѣ, но и о томъ, что она „любитъ брильянты, и жемчугъ, и старыя фарфоры, и маленькихъ черныхъ лошадокъ“ и т. п. безвредныя вещи, — въ это самое время онъ уже летѣлъ въ вагонѣ на свою родину, въ тотъ провинціальный городокъ, гдѣ его отецъ потомъ и кровью подготовилъ для сына блистательную будущность и гдѣ онъ, за нѣсколько лѣтъ до того, отошелъ въ

вѣчность, сильно разочарованный въ своихъ добродѣтельныхъ надеждахъ. Цѣль поѣздки Поля было свиданіе съ его нотаріусомъ для производства какой-нибудь операціи съ стотысячною фермою, „послѣднею тучей разсѣянной бури“.

Нотаріусъ, г. Мишонъ, уже около двадцати лѣтъ (начало нашего разсказа относится къ семидесятому году, кануну француско-нѣмецкой войны) былъ мэромъ своего городка и членомъ генеральнаго совѣта, почему считался въ своемъ департаментѣ серьезнымъ авторитетомъ; клерикалъ и бонапартистъ, онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ родовой знати, высшимъ сановникамъ, людямъ съ важными манерами и хорошо одѣвавшимся. „Мы здѣсь — свои“, обыкновенно говорилъ онъ, когда сходилса съ такими личностями. Въ отношеніи ко всѣмъ другимъ онъ держался холодно, сухо, даже строго, и лицо его вполне соотвѣтствовало этой выдержкѣ, принадлежа къ разряду тѣхъ, которыя очень характеристически называются „похоронными фizioноміями“.

Признаніе Поля, что изъ всего отцовскаго состоянія у него не осталось ни гроша въ наличности и что единственнымъ ресурсомъ представлялась ферма, которую молодой человѣкъ рѣшился „спустить“, во что-бы то ни стало, не желая довольствоваться скромнымъ доходомъ въ четыре тысячи франковъ,—это признаніе не могло, конечно, расположить нотаріуса въ пользу своего кліента. Но кліентъ былъ слишкомъ хорошо одѣтъ и имѣлъ слишкомъ изящныя манеры для того, чтобы г. Мишонъ рѣшился обнаружить хотя тѣнь неудовольствія. Онъ, напротивъ того, обѣщаль употребить всѣ старанія, чтобы какъ можно скорѣе совершить какую-нибудь выгодную операцію съ злополучной фермой, т. е. продать или заложить, причемъ, однако, объяснилъ, что надо вооружиться нѣкоторымъ терпѣніемъ, такъ-какъ подобныя дѣла не дѣлаются въ одинъ день; любезность свою нотаріусъ простеръ даже до того, что пригласилъ въ этотъ день молодого человѣка къ обѣду.

Нотаріусъ былъ вдовецъ, и семейство его состояло изъ дочери и племянницы. Дочь Селина обладала той дѣвственной и вполне идеальной красотой, которую какъ-то странно встрѣчать въ дѣйствительной жизни,—до такой степени она похожа на созданіе изящнаго искусства! Волосы блѣдно-золотого цвѣта лежали

густою волною на прелестной головкѣ; удивительная бѣлизна лица оживлялась чрезвычайно-нѣжнымъ румянцемъ; синева глазъ, безъ преувеличенія, напоминала первую лазурь весенняго неба; на губахъ постоянно играла дѣтская, веселая, чистая улыбка; всѣ черты были удивительно тонки и правильны; станъ поражалъ изяществомъ и стройностью. Племянница, Марта, была тоже хороша, но въ другомъ родѣ. Черные волосы спускались на умный лобъ; въ черныхъ глазахъ съ изумруднымъ отливомъ сверкала энергія; пурпурный цвѣтъ отчасти толстыхъ губъ очень хорошо гармонировалъ съ темнымъ оттѣнкомъ ея блѣднаго и смуглаго лица. Обѣ дѣвушки были ровесницы. Отецъ Марты былъ республиканецъ; послѣ декабрьскаго переворота онъ уѣхалъ изъ Франціи въ Швейцарію, гдѣ и умеръ изгнанникомъ. Родственныя чувства одержали въ этомъ случаѣ у Мишона верхъ надъ политическими убѣжденіями бонапартиста, и онъ пріютилъ сироту, тѣмъ болѣе, что успѣлъ спасти небольшое состояніе, перешедшее къ ней отъ матери.

За обѣдомъ, особенно на первыхъ порахъ, гость вель себя довольно разсѣяннo. Одного взгляда на воздушную Селину было достаточно этой пылкой, впечатлительной натурѣ, чтобы „маленькій нажъ“, со всей идиллической прелестью жизни „въ шалашѣ“ и иныхъ мѣстахъ, разомъ вылетѣлъ изъ его ума и сердца. Совершенно новое, невѣдомое для него ощущеніе овладѣло его существомъ; чѣмъ-то необыкновенно-чистымъ, свѣжимъ, благоуханнымъ пахнуло на него. Ему хотѣлось стать передъ этой дѣвушкой на колѣни, сложить руки и восторженно, благоговѣнно смотрѣть на нее; ему хотѣлось-бы въ эти минуты не слышать ничего, кромѣ тихой, мелодической музыки въ отдаленіи. А между тѣмъ Мишонъ занималъ своего гостя разговоромъ о политикѣ.

— Я ѣздилъ въ Парижъ послѣдній разъ лѣтъ осемнадцать назадъ, говорилъ нотаріусъ; — это было въ 1852 года, а именно въ апрѣлѣ. Миѣ хотѣлось видѣть императора, — и я съѣздилъ-бы теперь туда вторично, не будь всѣхъ этихъ послѣднихъ смуть...

— Какія смуты? спросилъ Поль, напрягая все свое вниманіе, чтобы по крайней мѣрѣ слышать, что говоритъ его амфиотріонъ.

— Ну, да вот эти выборы, похороны Виктора Нуара...

— Ахъ, да! Политика! Вы о политикѣ?

— Глядя на васъ, подумаешь, что вы ничего этого и не замѣтили.

— О, напротивъ, напротивъ. Эти событія, дѣйствительно, измѣнили физиономію Парижа на день или на вечеръ. Жизнь перемѣщалась; она сосредоточивалась въ Бельвилѣ или Нелли вмѣсто того, чтобы быть на Итальянскомъ бульварѣ или въ Лоншанѣ. Я все это помню очень хорошо... Черезъ нѣсколько дней будетъ плебисцитъ.

— Парижъ ведетъ себя неблагоразумно, сказалъ Мишонъ: — парижане никогда и ничѣмъ недовольны. Наполеонъ III, повѣрьте мнѣ, создалъ много великаго.

— Да, улицу Риволи, я знаю.

— И Лувръ, смѣю вамъ замѣтить.

— О, да, и Лувръ! Еще-бы!

— И экспедицію въ Китай.

Поль чувствовалъ, что онъ самъ точно унесся въ Китай.

„Я долженъ ей казаться идиотомъ!“ подумалъ онъ.

И, сдѣлавъ надъ собой отчаянное усиліе, сказалъ, обращаясь къ нотаріусу:

— Пожалуйста извините меня. Вамъ можетъ показаться, что я какъ-то пренебрежительно смотрю на вещи, которыя совершенно основательно интересуютъ васъ. Но сознаюсь, къ стыду моему, большія, длинныя улицы и политика не производятъ на меня никакого дѣйствія. Съ тѣхъ поръ, какъ я окончилъ курсъ, я жилъ, главнымъ образомъ, какъ молодой человѣкъ, какъ фланеръ. Что нравится мнѣ въ Парижѣ, что усиливаетъ въ немъ мое кровообращеніе, — это постоянный приливъ людей, разнообразіе зрѣлищъ, непрерывное обновленіе ощущеній. Самые лучшіе художники, самые искусные ремесленники, изобрѣтатели, остроумные прожѣктеры, которымъ нужно возстановить рушившееся богатство, миліонеры, которымъ надо разстратить свое состояніе, честолюбцы, игроки, ненасытные, всѣ тѣ, которые желаютъ работать до упаду, веселиться до упаду, быстро обогатиться, быстро раззориться, выставить на показъ свое богатство или скрыть свою бѣдность, — все это стекается въ Парижъ. Парижъ ведетъ себя неблагоразумно, говорите вы. Еще-бы! Какъ-же ему вести

себя иначе? Парижъ живетъ при газѣ, Парижъ нервенъ, у Парижа лихорадка. Но это Парижъ — и въ немъ ни на кого не нападаетъ зѣвота!..

Поль повернулся къ Мартѣ, но смотрѣлъ на Селину, и продолжалъ:

— Удивительное, а вамъ скажу, зрѣлище представляютъ собою, напримѣръ, Елисейскія поля въ дни большихъ скачекъ. Представьте себѣ четверть парижскаго населенія, пятьсотъ тысячъ человѣкъ, направляющихся въ одно и то-же время къ одному и тому-же мѣсту. Это цѣлый муравейникъ экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ. Это движущійся слой людей, экипажей и лошадей, — слой, подъ которымъ исчезаетъ все — улица, аллея, тротуаръ, тропинка. Надъ головами этой толпы поставьте солнце, которое золотитъ зелень, придаетъ веселый видъ нарядамъ, заставляетъ сверкать еще ярче то, что и безъ того ярко блеститъ, — и у васъ голова закружится отъ этой волшебной картины.

Онъ снова обратился къ нотаріусу:

— Знаете-ли, что меня всегда удивляло? Что вторая имперія, у которой есть свои писатели, люди талантливые, люди, главнымъ образомъ, умные, — до сихъ поръ не нашла себѣ поэта для воспѣванія всѣхъ этихъ великолѣпій.

— Поэты, робко замѣтила Марта, — обыкновенно почерпаютъ вдохновеніе въ сожалѣніяхъ о прошломъ, въ надеждахъ на будущее, въ сомнѣніи, приводящемъ въ отчаяніе умъ, въ сладостныхъ чувствахъ, утѣшающихъ его, въ великихъ мысляхъ, возвышающихъ его. По крайней мѣрѣ, тѣ поэты, которыхъ я читала. Простое зрѣлище для глазъ, какъ-бы оно ни было великолѣпно, — не поэзія.

— А ощущенія, доставляемыя этимъ зрѣлищемъ? Развѣ вы ихъ ставите ни во что? Неужели вы думаете, что человѣкъ, выходя изъ опьяненія этими яркими красками и этимъ великолѣпиемъ, остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ? Нѣтъ, сотни новыхъ желаній родились въ немъ; онъ жаждетъ найти удовлетвореніе всѣмъ имъ, и такъ-какъ ему некогда ждать, то онъ быстро переходитъ съ одного на другое. Ваша поэзія, — та, о которой говорите вы, — слитокъ золота. Наша чеканится на мелкую монету, но въ каждой изъ этихъ монетъ есть искра яркаго блеска.

— Я, сказала Марта, — выросла въ Швейцаріи; передъ моими глазами были озера, горы, вѣчный снѣгъ и надъ нимъ небо. Мнѣ трудно составить себѣ понятіе объ Елисейскихъ поляхъ и Тюльери.

Окончившійся обѣдъ положилъ конецъ этому разговору. Вечеромъ, ложась спать, Селина спросила свою кузину:

— Какъ ты нашла этого молодого человѣка?

— Онъ мнѣ очень понравился, отвѣчала Марта, — а тебѣ?

— Папа говоритъ, что это безпутный малый.

Марта ничего ни отвѣчала. Послѣ минутнаго молчанія Селина опять спросила:

— Замѣтила ты, какъ онъ смотрѣлъ на меня?

— Да.

— Отчего онъ такъ смотрѣлъ на меня?

— Оттого, что находить тебя прелестной.

— Ты думаешь?

— Я увѣрена.

ГЛАВА II.

Черезъ день Поль уже не думалъ о продажѣ своей фермы, о возлюбленной актрисѣ и идиллической виллажіатурѣ въ окрестностяхъ Бадень-Бадена. Весь міръ его сосредоточился теперь въ этомъ стройномъ, эфирномъ существѣ съ золотистыми волосами и голубыми глазами. Черезъ три дня онъ снова былъ у нотариуса, хотя тотъ опредѣлительно объяснилъ ему, что надо потерпѣть. Торопливость молодого человѣка не понравилась Мишону; онъ принялъ его холодно и сказалъ:

— Мнѣ невозможно заняться вашимъ дѣломъ до окончанія великаго плебисцита, который состоится черезъ двѣ недѣли. Впрочемъ, въ результатѣ этого голосованія невозможно сомнѣваться. Наполеоновская династія выйдетъ изъ него еще болѣе сильною, чѣмъ теперь, порядокъ возстановится и недвижности станутъ продаваться выйдете. Мнѣ предстоитъ необходимость отлучаться изъ города почти непрерывно; но я о васъ не позабуду и похлопочу. Не трудитесь пріѣзжать ко мнѣ, я напишу вамъ.

Эти слова были равносильны вѣжливому отказу въ пріемѣ; но

любовь слишкомъ сильно овладѣла Полемиъ, чтобы онъ могъ отступить передъ такими препятствіями. Онъ уѣхалъ въ Ліонъ и прожилъ тамъ пятнадцать дней. Знаменитый плебисцитъ совершился; исходъ его въ пользу Наполеона заставилъ Поля предположить, что онъ застанетъ нотаріуса въ самомъ лучшемъ настроеніи, и онъ снова поскакалъ въ маленькій городокъ. Молодой человѣкъ не ошибся: Мишонъ сіялъ и горячо пожалъ руку своему кліенту. Воспользовавшись его минутнымъ отсутствіемъ, Поль сошелъ въ садъ, гдѣ находились обѣ дѣвушки. Селина радостно воскликнула, Марта была печальна. Поль весело подошелъ къ нимъ, но остановился въ смущеніи при видѣ этой печали.

— Я только-что видѣлъ вашего батюшку, сказалъ онъ Селинѣ;—онъ, кажется, очень счастливъ.

— О, совершенно счастливъ. Весь вчерашній день онъ провѣлъ въ Бургѣ, ожидая результатовъ плебисцита.

— Вы страдаете? спросилъ Поль Марту.

— Да, отвѣчала она медленно: — этотъ человѣкъ, котораго теперь привѣтствуютъ, этотъ Наполеонъ — виновникъ бѣдствій моего отца...

Въ это время Поля пригласили въ кабинетъ къ нотаріусу, и Мишонъ не мало удивился, когда услышалъ категорическое заявленіе своего кліента, что онъ не хочетъ ни продавать, ни закладывать своей фермы, рѣшился жить доходами съ нея, а такъ-какъ они очень не велики, то при этомъ работать и поселиться въ провинціи, гдѣ жизнь не такъ дорога, какъ въ Парижѣ.

— На это рѣшеніе, сказалъ онъ, — навели меня ваши совѣты; пріятная тишина, которою дышешь въ вашемъ домѣ, дала мнѣ понятъ прелесть семейной жизни. Вы недавно говорили мнѣ о моемъ отцѣ; будь онъ теперь живъ, онъ попросилъ-бы васъ сдѣлаться моимъ руководителемъ на этомъ новомъ пути.

Довѣріе молодого человѣка польстило самолюбію нотаріуса. При этомъ онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что Поль былъ молодъ и даровитъ, что такой protégé принесетъ ему честь и будетъ очень полезенъ какъ ему лично, такъ и его партіи. И онъ посовѣтовалъ Полю сперва хорошенько заняться юридическими науками, т. е. припомнить то, что было забыто въ шумной и

веселой жизни, а затѣмъ сдѣлаться адвокатомъ и избрать своимъ мѣстопребываніемъ Ліонъ. Слова, которыми заключился этотъ совѣтъ, заставили поэта кинуться на шею къ нотаріусу. „Садитесь завтра-же за книги, сказала Мишонъ,—посѣщайте суды, а по воскресеньямъ, когда вы будете свободны, пріѣзжайте ко мнѣ; будемъ толковать и совѣтоваться“.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, но препятствій оставалось еще безчисленное множество. Дни уходили за днями, а то, что главнымъ образомъ интересовало Поля, почти не подвигалось впередъ. Нотаріусъ только и говорилъ, что о плебисцитѣ и о маннѣ небесной, которая съ этихъ поръ должна была непрерывно сыпаться на Францію, блаженную страну, такъ хорошо и благородно умѣвшую вотировать. Марта молчала. Селина потупила глаза. Цѣлый мѣсяцъ поэтъ собирался съ духомъ, чтобы объясниться. Наконецъ, онъ рѣшился выбрать въ повѣренныя своей тайны Марту, и однажды, когда они остались одни, сказалъ ей:

— До этихъ поръ я жилъ дурно. Я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы взять послѣдніе остатки моего наслѣдства и рискнуть ими за какимъ-нибудь игорнымъ столомъ. Но здѣсь мнѣ внезапно открылся новый міръ. Я понялъ высокую прелесть долга, чистыя привязанности, истинную поэзію. Чудо это совершила ваша кузина. Я люблю ее.

Марта страшно поблѣднѣла. Она ничего не отвѣчала.

— Я никогда и никому не говорилъ, что люблю ее, продолжалъ Поль.—Я не посмѣлъ-бы сознаться въ этомъ даже ей самой. А между тѣмъ у меня нѣтъ силъ молчать долѣе. Вы, ее сестра, будете моею повѣренною... Помогите мнѣ, не оставляйте меня! Мнѣ хотѣлось-бы работать, сдѣлаться человекомъ. Но я слабъ и для достиженія моей цѣли мнѣ нужна надежда. Попросите Селину подать мнѣ надежду!

Онъ держалъ руки дѣвушки въ своихъ и пылающимъ взглядомъ спрашивалъ у нея отвѣта.

— Итакъ, произнесла она, наконецъ, медленно и сдавленнымъ голосомъ,—итакъ, вы ее любите, очень любите? Да, я это знала, я это замѣчала... И вы желаете, чтобы я сказала ей о вашей любви?

— Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я ни о чемъ другомъ не думаю. Сто разъ уже я собирался подойти къ вамъ, заговорить

такъ, какъ говорю теперь, — и каждый разъ удалялся, не сказавъ ни слова. Я такъ боялся, что вы не повѣрите мнѣ...

— Я вамъ вѣрю, перебила его Марта.

— О, вскричалъ онъ, — вы ангель!

— Нѣтъ, я не ангель. Я женщина; я живу на землѣ, я мыслю, страдаю и дѣйствую. Черезъ недѣлю я вамъ дамъ отвѣтъ.

Черезъ недѣлю, въ тѣни деревьевъ маленькаго садика, Поль сидѣлъ на скамейкѣ рядомъ съ Селиной; онъ держалъ ея руки въ своихъ и называлъ ее своею ненаглядною, своею невѣстою. А она улыбалась ему сквозь слезы и глубоко смотрѣла ему въ глаза; она не сопротивлялась, когда онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь и взялъ у нея первый поцѣлуй...

Въ тихомъ упоеніи проходили первые дни, слѣдовавшіе за этой сценой. Поль не видѣлъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своей возлюбленной, и только по-временамъ обращался къ Мартѣ, какъ-бы призывая ее въ свидѣтели своего счастія. Но онъ не видѣлъ также, что Марта совершенно преобразилась. Ея глаза блестя какимъ-то страннымъ огнемъ; голосъ, въ то время, когда она пѣла за роялемъ, звучалъ такими нотами, какихъ у нея никогда не было. Старый нотаріусъ ничего этого не замѣчалъ и радовался, видя, какъ его молодой protégé серьезно занимается дѣломъ. И Поль, дѣйствительно, занимался; шесть дней недѣли онъ проводилъ за усидчивой работой. Теперь у него была опредѣленная цѣль — жениться на той, которую онъ любилъ. Воскресенье проводилось въ домѣ нотаріуса. Тѣ часы этого дня, въ которые Мишонъ оставлялъ трехъ молодыхъ людей наединѣ, посвящались проектамъ будущей жизни; Марта молчаливо слушала радужные планы Поля, и только когда онъ заводилъ рѣчь о ней, общая самъ отыскать ей мужа, она перебивала его словами: „будемъ лучше говорить о васъ!“ Но сознаться отцу Поль все еще боялся; мыслъ, что онъ, еще не вышедшій на дорогу, еще только подготовлявшійся къ карьерѣ, встрѣтитъ отказъ, страшила его.

Политическія обстоятельства заставили его рѣшиться.

ГЛАВА III.

10 іюля—оно пришлось на этотъ разъ въ воскресенье—по маленькому городку разнеслась вѣсть о предстоящей войнѣ. Поль, пріѣхавъ къ нотариусу, засталъ его разглагольствующимъ передъ небольшою толпою крестьянъ. Мишонъ казался или старался казаться совершенно спокойнымъ; по его словамъ, никакое государство Европы не было-бы въ силахъ бороться съ Франціей, и Пруссія сочла-бы за счастье получать приказанія отъ Наполеона III. Онъ призвалъ Поля въ свидѣтели справедливости этого мнѣнія, и молодой человекъ, не слушая его и думая совѣмъ о другомъ, согласился съ нимъ. Но когда слухи о войнѣ стали распространяться все больше и больше, Полею овладѣло тревожное безпокойство. Онъ не раздѣлялъ ни политическаго увлеченія, ни восторженнаго оптимизма Мишона. Война съ Германіей отнюдь не представлялась ему дѣломъ невозможнымъ, и онъ, какъ истинный сынъ своей родины, видѣлъ передъ собою весьма вѣроятную необходимость стать въ ряды защитниковъ отечества. Стало быть, предстояла разлука съ милой, и въ виду этого Поль рѣшился объявить нотариусу о любви къ его дочери, попросить ея руки и уѣхать не иначе, какъ женихомъ Селины.

Онъ не могъ дожидаться воскресенья и пріѣхалъ въ субботу. Увидѣвъ его въ необычное время, обѣ дѣвушки поблѣднѣли.

— Война объявлена? спросила Марта.

— Нѣтъ еще; но будетъ объявлена, можетъ быть, завтра. И, можетъ быть, нѣ придется уѣхать...

Селина вскрикнула. Поль объявилъ, что рѣшился сегодня-же переговорить съ ея отцомъ. Марта глубоко задумалась и, какъ-будто говоря сама съ собой, сказала:

— Война! Да, война, война племень, ужасная, неумолимая, ведущая неизвѣстно къ чему! Какъ знать? Можетъ быть, къ искуленію! Воздухъ очистится порокомъ; люди забудутъ свой эгоизмъ; идея самопожертвованія поселится въ сердцахъ... Я страдаю, но невольно надѣюсь.

Нотариусъ вернулся домой. На его лицѣ, обыкновенно такомъ

холодномъ и неподвижномъ, была какая-то особенная экзальтація.

— А! сказалъ онъ Полю, — вы привезли мнѣ великую новость... Ну, да, война объявлена. Черезъ мѣсяць мы все покончимъ...

Онъ остановился, потому что въ эту минуту дочь его кинулась къ нему на шею съ крикомъ: „война!“.

— Что съ тобою? Что случилось, дитя мое?

Она подняла голову, посмотрѣла на Поля и сказала:

— Онъ уѣдетъ!

Рыданія заглушили ея голосъ. Старикъ понялъ все. Онъ отослалъ двѣушекъ въ ихъ комнаты, остался наединѣ съ Полею и сказалъ ему:

— Милостивый государь, вы злоупотребили моимъ гостепріимствомъ.

Выслушавъ оправданія молодого человѣка, нотаріусъ задумался и потомъ продолжалъ:

— Я вамъ вѣрю. Тѣмъ не менѣе вы виноваты, что обратились къ дочери, не узнавъ мнѣнія отца. Вы смутили ея покой; въ ней родилось новое чувство. Если я потребую, чтобы вы прекратили свое искательство, то сдѣлаю ее несчастною; если вамъ придется уѣхать, какъ это слѣдуетъ предвидѣть, она заболѣетъ отъ безпокойства. Моя дочь слабаго здоровья; ея мать умерла въ молодыхъ лѣтахъ. Отецъ обязанъ имѣть въ виду всѣ эти обстоятельства. Вотъ на чемъ я останавливаюсь покамѣстъ: вы теперь же возвратитесь въ Ліонъ и будете ожидать тамъ моего отвѣта. Я долженъ переговорить съ моею дочерью.

— Я повинуюсь вамъ. Я заранѣе соглашаюсь на всѣ испытанія, какимъ вамъ будетъ угодно меня подвергнуть... Прошу васъ только объ одномъ: если мнѣ придется уѣхать въ армію, общайте мнѣ, что я прошусь съ ней.

— Я напишу вамъ. Вотъ все, что я могу обѣщать сегодня.

Поль уѣхалъ. Прошла недѣля, другая. Писемъ никакихъ не было. Поль съ лихорадочнымъ безпокойствомъ читалъ газеты; онъ пожиралъ первыя извѣстія о ходѣ вспыхнувшей войны. Часто приходили ему на память слова Марти: „люди забудутъ свой эгоизмъ; идея самопожертвованія поселится въ сердцахъ“. Но мысль о Селинѣ подавляла всѣ остальные ощущенія, и не-

изъяснимая радость овладѣла имъ, когда послѣ долгаго и томительнаго ожиданія онъ получилъ листокъ бумаги на которомъ рукою Марты была написана только одна строка: „Селина здорова; надѣйтесь“. Между тѣмъ, политическія событія шли гораздо быстрѣе, чѣмъ исторія этой любви. За пораженіемъ при Фрешвиллерѣ послѣдовало пораженіе при Форбахѣ; пруссаки вошли во Францію. Поль понялъ, что настало и для него время дѣйствовать. До сихъ поръ, какъ откровенно сознавался онъ самъ, онъ жилъ только для собственнаго удовольствія. Хорошенькія гризетки, зрѣлица, путешествія составляли весь кругъ его дѣятельности, и онъ удовлетворялся ею; читалъ онъ только стихи и романы; проявленія жизни соціальной и политической нисколько не занимали его. Но за эти послѣдніе три мѣсяца въ душѣ его возникло и развилось новое чувство — чувство любви къ родинѣ, и оно было очень сильно, потому что онъ соединилъ его съ первыми волненіями любви къ милой женщинѣ. Какъ-разъ въ это время въ городкѣ, гдѣ жила Селина, формировались мобили. Поль рѣшился вступить въ этотъ батальонъ и написалъ къ нотаріусу, умоляя позволить проститься съ тою, безъ которой жизнь была ему не въ жизнь.

На слѣдующій день желанное разрѣшеніе было получено.

Поль нашелъ Мишона сильно измѣнившимся. Старикъ совсѣмъ пожелтѣлъ и сжатія губы его раскрывались только для того, чтобы обвинять оппозиціонную партію въ несчастіяхъ Франціи. Онъ встрѣтилъ Поля съ натянутою благосклонностію и сказалъ ему:

— Настоящія обстоятельства совсѣмъ не благопріятствуютъ вашимъ планамъ. Вы уѣдете. Когда война окончится, мы возобновимъ этотъ разговоръ.

Видѣться съ Селиной молодой человекъ могъ не иначе, какъ въ присутствіи ея отца и кузины. Бѣдная дѣвушка сильно поблѣднѣла и похудѣла; отецъ успокоивалъ ее; онъ говорилъ, что бояться за Поля нечего, что изъ гарнизонныхъ резервовъ составятъ новую армію, что будутъ привезены полки изъ Африки, что до мобилей еще не скоро дойдетъ очередь. Напротивъ того, Марта, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ разгорѣвшимися глазами, говорила о самопожертвованіи и долгѣ.

— Всѣ въ настоящее время должны быть солдатами, дока-

звала она Селинѣ; — развѣ у нашихъ поселанъ, которые скоро пройдутъ мимо тебя съ знаменемъ впереди, тоже нѣтъ невѣсть и сестерь? А вѣдь они идутъ-же! Неужели ты захотѣла-бы, чтобы человекъ, избранный тобою, остался ниже ихъ? Нѣтъ. Первые по образованію, уму, богатству должны быть первыми и по мужеству. Ихъ обязанность — служить призывомъ.

Селина ничего не отвѣчала на эти увѣщанія. Но въ сердце Поля голосъ Марты проникъ очень глубоко. Ему чудилось, что это его собственный внутренній голосъ. Это его совѣсть говорила такія слова, и онъ чувствовалъ, что становится чище и лучше, слушая ее.

„Да, — думалъ онъ, — настала минута испустить безплодно прожитые дни молодости, осуществить прекрасныя грезы былого времени!.. Старикъ говорить, что до мобилей еще не скоро дойдетъ очередь, что ихъ не пошлютъ въ огонь. Но вѣдь я въ огонь-то и хочу идти! Вѣдь именно на полѣ битвы, лицомъ къ лицу съ непріателемъ, жажду я испробовать свои силы, обнаружить новаго человекъ, родившагося во мнѣ!“

Поль уѣхалъ въ Бургъ, гдѣ его батальонъ долженъ былъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій высшаго начальства. Распоряженія эти не заставили себя ждать. 4-го сентября была провозглашена республика, а 7-го батальонъ получилъ приказъ выступить на слѣдующій день въ походъ. Молодой человекъ поспекалъ проститься съ своею возлюбленною въ послѣдній разъ.

ГЛАВА IV.

Прежде, чѣмъ продолжать рассказъ, мы должны познакомить читателя съ новымъ дѣйствующимъ лицомъ, другомъ Поля, Эдмонъ Лорестаномъ, которому суждено играть большую роль въ судьбѣ Поля. Эдмонъ Лорестанъ представлялъ собою полнѣйшую противоположность съ Полемъ и уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ отличался солидностью и практичностью. Окончивъ курсъ сообразно со всѣми параграфами уставовъ, выдержавъ всѣ необходимыя экзамены и получивъ степень доктора юридическихъ наукъ, онъ нѣкоторое время колебался въ выборѣ карьеры между администраціею и адвокатурою. Образование министерства Оливье рѣшило

его выборъ; въ наполеоновскомъ правленіи этого періода онъ видѣлъ, по его словамъ, „либеральную имперію“, находилъ, что „служить такому правительству надо“, и поступилъ на службу. Черезъ нѣсколько времени передъ нимъ обрисовалась уже перспектива должности подпрефекта. Въ началѣ войны мы встречаемъ его уже въ новомъ свѣтѣ. Послѣ пораженія французовъ при Форбахѣ, онъ говорилъ Полю: „только республиканская энергія можетъ спасти насъ“. И когда Поль, очень изумленный такимъ поворотомъ въ образѣ мыслей, напомнилъ пріятелю о „либеральной имперіи“ и перспективѣ подпрефектуры, тотъ отвѣчалъ:

— Наполеоновская имперія была фактъ. Побѣда упрочила-бы его, но пораженіе разрушаетъ. Это судьба всѣхъ правительствъ, дѣйствующихъ безъ принципа. Что касается моей подпрефектуры, то это былъ очень смутный плачъ, отъ котораго я давно отказался.

Онъ записался въ тотъ самый батальонъ, въ который поступилъ Поль, но наканунѣ выступленія въ походъ вѣжалъ къ своему пріятелю и, показывая только что полученную депешу, воскликнулъ:

— Другъ мой, поздравь меня! Я назначенъ подпрефектомъ.

— Ты? Но вѣдь ты отказался отъ административной службы.

— Да, во время имперіи. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Когда опасность становится общою, надо жертвовать собою, и я рѣшаюсь на это.

— Но мнѣ кажется, что мы всѣ идемъ жертвовать собою. Для чего тутъ нужна подпрефектура?

— Я окажу болѣе существенныя услуги. Я подниму на ноги весь мой округъ, я возбужу вокругъ себя энтузіазмъ, который вызоветъ изъ земли цѣлыя легіоны.

— Цѣлыя легіоны въ одномъ округѣ! Это ты ужъ хватилъ слишкомъ...

Этого-то флюгера Поль ввелъ въ домъ нотариуса, и послѣ сентябрьской катастрофы, Поль, какъ сановное лицо, пользовался у Мишона не малымъ авторитетомъ. Тѣмъ не менѣе 4-е сентября нанесло Мишону страшный ударъ. Всѣ Мишоны, какіе только заключались въ его лицѣ. — Мишонъ-землевладѣлецъ, Мишонъ-нотариусъ, Мишонъ-мэръ, — были поражены въ одно и тоже время.

И оппозиціонная партія, сдѣлавшаяся теперь государственною властью, уже была недостаточна для его ненависти. Онъ обвинялъ главный штабъ въ неспособности, интендантство въ бездѣйствіи, генераловъ въ измѣнѣ. По его словамъ, даже императорское правительство надѣяло не мало промаховъ; одинъ Наполеонъ III былъ ни въ чемъ не виноватъ. Окружающіе погубили его. Къ этому политическому горю присоединилось и семейное: Селина видимо чахла. Эдмонъ вызвался помочь въ этомъ отношеніи: онъ предложилъ Полю мѣсто секретаря въ своей канцеляріи, что избавляло его отъ необходимости ѣхать въ армію. Поль отвѣчалъ молчаніемъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго къ выступленію въ походъ, Поль, какъ мы видѣли, пріѣхалъ проститься съ невѣстой. За обѣдомъ и нотаріусъ, и Эдмонъ снова принялись его уговаривать. Истощивъ все свое краснорѣчіе, подпрефектъ обратился къ Селинѣ:

— Я рассчитываю на васъ, сказалъ онъ; — я надѣюсь, вы убѣдите моего друга, что онъ долженъ остаться со мной, быть моимъ помощникомъ.

Поль поднялъ голову.

— Я того-же мнѣнія, сказала Мишонъ дочери.

— Вы останетесь, не правда-ли? спросила Селина, послушная своему сердцу.

— Вы останетесь? повторилъ нотаріусъ.

— Ну, полно, ребенокъ, рѣшайся! настаивалъ Эдмонъ.

Взглядъ Поля, обходившій вокругъ стола, остановился на Мартѣ. Лицо молодой дѣвушки выражало презрѣніе и безпокойство. Полу-приподнявшись на стулѣ, наклонивъ впередъ голову, она смотрѣла на молодого человѣка такъ, какъ-будто хотѣла прочесть въ его душѣ.

— Самопожертваніе и примѣръ! тихо, почти про себя, произнесъ Поль.

И затѣмъ сказалъ вслухъ:

— Я уѣду.

При этомъ словѣ Марта быстро встала.

— О, я была увѣрена въ этомъ! воскликнула она.

На лицахъ нотаріуса и подпрефекта выразилось сильное удивленіе; дѣвушка смутилась и сѣла, но въ ту-же минуту снова вскочила и подбѣжала къ Селинѣ, съ которой сдѣлалось дурно.

— Пожалуйста, оставьте насъ! сказала она мужчинамъ.

И когда всѣ ушли, она стала отирать слезы сестры и нѣжно говорила ей:

— Послушай, моя дорогая! Есть положеніе ужаснѣе отсутствія любимаго человѣка, ужаснѣе опасности, грозящей ему, ужаснѣе даже его смерти; это — сознаніе, что онъ не исполнилъ своего долга. Пусть твоя любовь внушаетъ тебѣ героизмъ, а не безсильное уныніе! О, я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама. Еслибы Поль остался, ты краснѣла-бы за него и краснѣла-бы за себя, еслибы и послѣ этого продолжала его любить... Страдай, плачь! Мы будемъ страдать и плакать вмѣстѣ. Это доля женщины въ общемъ самопожертвованіи. Наши братья и женихи отдають отечеству свою жизнь, мы будемъ отдавать ему нашу скорбь... Теперь пойдемъ къ Полю.

— Да, сказала Селина, — да, я хочу видѣть его, проститься съ нимъ.

Какъ только молодыя дѣвушки показались въ гостиной, Поль бросился къ нимъ. Селина протянула ему руку и сказала:

— Я была не права; вы хорошо дѣлаете, что ѣдете.

И она снова заплакала. Поль поднялъ на Марту взглядъ, въ который онъ вложилъ всю благодарность своего сердца.

— Я хотѣлъ-бы, прошепталъ онъ ей, указывая на Селину, — сказать ей одно слово.

Марта тотчасъ-же пошла на-встрѣчу къ входившимъ въ комнату нотаріусу и Эдмону и заняла ихъ какимъ-то разговоромъ.

Поль наклонился къ своей невѣстѣ.

— Это кольцо, сказалъ онъ, — я получилъ отъ моей матери. Обѣщаете вы ждать меня?

— Вы меня любите? спросила Селина.

— Да, отвѣчалъ онъ съ такимъ глубокимъ выраженіемъ, что она вздрогнула; — да, я люблю васъ!

— Хорошо, я буду васъ ждать.

ГЛАВА V.

10-го сентября энское ополченіе, въ которое записался Поль, вступило въ Парижъ.

Странно сдѣлалось на душѣ у молодого человѣка, когда онъ, пообѣдавъ въ отелѣ, пошелъ по этимъ, давно знакомымъ улицамъ. Подъѣзжая къ Парижу, онъ создавалъ себѣ картину осажденной столицы: воображеніе рисовало ему черныя знамена на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ и памятникахъ. Колокольный звонъ и пушечные выстрѣлы, призывающіе гражданъ къ защитѣ города, затворенныя магазины, опустѣвшія улицы... А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, Парижъ явился ему такимъ-же, какимъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того, только военные мундиры представляли новинку. Чувство освобожденія, охватившее всѣхъ послѣ паденія наполеоновской имперіи, и надежда на скорое торжество уменьшали ужасъ и уныніе пораженія и сообщали парижанамъ какое-то особенно доблестное оживленіе.

Погруженный въ глубокую задумчивость, Поль дошелъ до окраины города и вдругъ остановился. Большое красное пятно освѣщало восточную часть горизонта. По загороднымъ бульварамъ, печальнымъ, почти пустымъ, подвигалось къ городу, вздымая пыль, огромное стадо. Двѣ-три тысячи быковъ шли, плотно прижавшись другъ къ другу, ускоряя шагъ. За нимъ, несясь въ галопъ, чтобы не отставать, слѣдовало другое стадо. Это были овцы. По тротуару шли погонщики, держа шляпы въ рукахъ, съ откинутыми назадъ волосами, въ сопровожденіи собакъ съ грязною шерстью и налившимися кровью глазами. Собиралась гроза; небо заволочло густыми, черными тучами и все торопилось поспѣть поскорѣе домой. Это ускоренное движеніе, эта эмиграція изъ деревень, шевелившаяся между домами городскихъ бульваровъ, эти массы роговъ и шерсти въ зловѣщемъ сумракѣ—производили странное впечатлѣніе. „Осажденный городъ!“ прошепталъ Поль и съ грустью вернулся въ Парижъ.

На слѣдующее утро десятитысячная толпа—мужчины, женщины, дѣти—направилась къ страсбургской статуѣ; всѣ кварталы Парижа имѣли въ ней своихъ представителей. Два батальона національной гвардіи тоже приняли участіе въ этой процесіи. Одинъ былъ уже вполне сформированъ и экипированъ: правильная маршировка, одинаковые мундиры, одинаковые букеты изъ имортелей на ружьяхъ. Другой только-что составилъ и отличался разнообразіемъ костюмовъ и отсутствіемъ всякой военной выправки; на штыкахъ ружей имортели смѣшивались съ маргаритками и геор-

гинами; одинъ рабочій привязалъ къ стволу своего ружья цвѣточный горшокъ, украшавшій его окно, другой осторожно несъ маленькое растеніе въ цвѣту.

Передъ ними, подъ золотымъ дождемъ солнечныхъ лучей, посреди колонадъ, арокъ, фонтановъ Парижа, возвышалась статуя Страсбурга, покрытая надписями и цвѣтами, держа въ рукахъ французское знамя.

Батальоны остановились, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ благоговѣйнаго молчанія не было слышно ничего, кромѣ отдаленнаго стука телѣгъ, нагруженныхъ оружіемъ, и пушечныхъ колесъ. Потомъ всѣ головы поднялись разомъ, точно по одному волшебному мановенію, всѣ лица поблѣднѣли и изъ груди всѣхъ вырвался крикъ: „да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ республика!“ Всѣ находившіеся здѣсь готовы были пойти на смерть по первому призыву. Идея самопожертвованія охватила всѣ сердца; женщины первыя сказали-бы своимъ мужьямъ: „идите!“ Забвеніе себя читалось во всѣхъ глазахъ. Ни одно лицо не было похоже на другое, но всѣ имѣли одинаковое выраженіе. На этой громадной площади не было теперь ни мужчинъ, ни женщинъ: были только герои, героини, вдохновленные люди!

И для того, чтобы произвести такое дѣйствіе, достаточно было одного каменнаго изображенія и одного знамени!—Да, потому что этотъ камень изображалъ собою французскій осажденный городъ! Да, потому что это знамя олицетворяло союзъ всѣхъ французскихъ городовъ!

Идея отечества представилась Полю во всемъ ея величій.

Если-бъ наканунѣ этого дня его попросили опредѣлить слово „отечество“, онъ отвѣчалъ-бы: „отечество — это земля, на которой построенъ мой домъ, деревня, въ которой я родился, семейство, къ которому я принадлежу кровью, религіозная, литературная, артистическая традиція тѣхъ, которые жили до меня, языкъ, которымъ я говорю, взглядъ, который я имѣю на прекрасное и благородное“. Теперь это слово приняло для него болѣе обширное и болѣе высокое значеніе: „отечество—это группа людей, связанныхъ между собою одними и тѣми-же правами и одними и тѣми-же обязанностями“.

Между тѣмъ на площадь прибывали новые батальоны; они становились около статуи и привѣтствовали ее тѣми-же кри-

комъ. Полю въ какомъ-то упоеніи смотрѣлъ на это зрѣлище, и угасшія историческія воспоминанія воскресали въ немъ. Эти люди, кричавшіе: „да здравствуетъ республика!“ были правы; только республика могла теперь создать во Франціи всеобщій энтузіазмъ... Охваченный прошедшимъ своей родины и полный вѣры въ ея будущее, молодой человѣкъ протянулъ руки къ статуѣ и, смѣшавъ свой голосъ съ голосами національной гвардіи, женщинъ и дѣтей, крикнулъ, какъ они: „да здравствуетъ республика!“

Этотъ день былъ рѣшительнымъ днемъ для Поля. Энтузіазмъ патриотизма, въ благородномъ значеніи этого слова, охватилъ его вполне. „Я понялъ теперь, — говорилъ онъ себѣ, — я понялъ его... Да, отъ такого народа можно ожидать всего. Надо только захотѣть. Нужна только одна высшая воля, которая соединила-бы всѣ эти отдѣльныя воли, дала-бы имъ надлежащее направленіе“. Поэтому онъ ощутилъ истинное наслажденіе, когда по городу разнесся слухъ, что на-дняхъ будетъ произведенъ большой смотръ передъ отправленіемъ войскъ въ дѣло. Дѣйствительно, 13-го сентября на всемъ пространствѣ отъ триумфальной арки до Бастиліи бульвары и улицы были переполнены защитниками Парижа. Національные гвардейцы спускались съ пѣснями изъ предмѣстьевъ; трубные и барабанные сигналы оглашали улицы; сверканіе штыковъ ослѣпляло глаза. Главное стремленіе всѣхъ этихъ будущихъ воиновъ состояло въ томъ, чтобы добыть хорошее оружіе. „Лейте пушки!“ говорили одни. „Дѣлайте ружья!“ говорили другіе. Планъ защиты города, вышедшій изъ клубовъ и газетъ, переходилъ изъ рукъ въ руки. Всѣ ждали, всѣ надеялись. Но время шло, а правительство не принимало никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Жажда дѣятельности внизу отвѣчали уныніе и медлительность вверху. А между тѣмъ непріятель подвигался все ближе и ближе и оцѣнилъ Парижъ. Конецъ сообщеніямъ, конецъ депешамъ, конецъ всему, что соединяло столицу Франціи съ остальными частями государства, — всему, кромѣ солидарнаго сознанія общей опасности.

Полю видѣлъ это и нисколько не падалъ духомъ. У него была теперь своя вѣра — вѣра въ возрожденную Францію; въ умъ его все тѣснѣе и тѣснѣе соединялась идея республики съ идеею Франціи. Ему казалось необходимымъ, чтобы теперь въ осажденной столицѣ организовалась власть по общему выбору

гражданъ, — власть, готовая на всѣ жертвы, полная самой рѣшительной смѣлости. „Эта выборная власть, — доказывалъ онъ, — заставить взяться за дѣло другую, исполнительную, которая, по-прежнему оставалась въ бездѣйствіи“.

— Но это было-бы равносильно разьединенію въ виду непріятеля! возражали Полю нѣкоторые изъ его товарищей.

— Не знаю, чему это было-бы равносильно, отвѣчалъ онъ въ лихорадочномъ волненіи; — знаю только, что въ виду непріятеля самое худшее — ничего не дѣлать.

25-го числа для него блеснулъ лучъ надежды. Ополченцы, въ походной формѣ, со всѣми лагерными принадлежностями, двинулись изъ своихъ казармъ. Но не прошло часа, какъ ихъ снова остановили. И вотъ опять ученья и смотры на бульварахъ, опять приготовленія къ чему-то и только притовленія! А между тѣмъ вѣсти, одна печальнѣе и ужаснѣе другой, непрерывно приходили къ этимъ людямъ, жаждавшимъ дѣла: Страсбургъ сдался, Фальсбургъ тоже; провинція, подъ вліаніемъ страшной седанской катастрофы, казалась совершенно уничтоженной; національная жизнь шевелилась только въ большихъ городахъ.

„А правительство все молчитъ! — думалъ Поль, — а вѣянія свыше все-таки нѣтъ!“

Однажды утромъ самый младшій изъ членовъ правительства сѣлъ въ одинъ изъ воздушныхъ шаровъ, поддерживавшихъ сообщеніе между осажденною столицею и остальными частями Франціи, и поднялся по направленію къ сѣверу. „Этотъ человекъ, — сказалъ себѣ Поль, — везетъ провинціи призывъ Парижа, и этотъ призывъ будетъ услышанъ“. Надежда не покинула его. Она усилилась еще болѣе, когда 9-го октября три батальона энескаго ополченія окончательно оставили свои казармы, переправились черезъ Сену и вышли изъ Парижа. Толпа съ удивленіемъ любовалась военною выправкою и молодцоватостью этихъ поселянъ, которые въ одинъ мѣсяцъ успѣли превратиться въ настоящихъ солдатъ.

За стѣнами Парижа ополченцы стали лагеремъ; батальонъ Поля помѣстился впереди всѣхъ.

ГЛАВА VI.

13-го октября десять тысячъ человѣкъ заняли аркельскія вы-
соты. Между холмами поднялись бѣлые столбы дыма. Прусскія
батареи отвѣчали на выстрѣлы съ батарей Бисетра и Монружа.
Непріятельскія ядра и картечи сыпались градомъ во французскія
траншеи. Такъ шло дѣло цѣлый день, и когда наступилъ ве-
черъ, французы и пруссаки были въ такомъ-же положеніи, въ
какомъ находились наканунѣ. Незачѣмъ было терять столько
пороху!

Батальонъ Поля сняли съ передовой линіи и отвели на от-
дыхъ въ аркельскіе дома. Топить было нечѣмъ. Траншейныя ра-
боты привели солдатъ въ крайнее изнеможеніе; платье ихъ обра-
тилось въ лохмотья. Каждое утро лазаретныя телѣжки увозили
десятокъ-другой этихъ несчастныхъ, зараженныхъ оспой, которая
быстро распространилась въ войскѣ. Наконецъ, ополченцамъ роз-
дали теплыя шинели, кожаные ранцы и другія необходимыя ве-
щи; въ это-же время они узнали, что національная гвардія вы-
казала въ Шатоденѣ такой-же героизмъ, съ какими волонтеры
дрались въ Банье. Все это воскресило надежду въ сердцахъ сол-
датъ. „Значить, — думали они, — не все еще потеряно. Франція бу-
детъ сопротивляться, луарская армія двинется на соединеніе съ
парижскою. Мецъ не положить оружія“...

Бѣдные волонтеры! Укладывая свои вещи въ новыя, красивыя
ранцы, они уже видѣли передъ собою доблестныя битвы, бѣгу-
щаго непріятеля, отнятыя у него провинціи... Они забыли свои
страданія... Вдругъ дурныя вѣсти стали смѣнять одна за другою
хорошія. Другіе отряды волонтеровъ, тѣ, что были расположены
на сѣверной сторонѣ Парижа, завладѣли мѣстечкомъ Бурже;
впродолженіи двухъ дней, укрѣпившись за полуразрушенными
стѣнами и барикадами, они выдерживали натискъ цѣлой арміи,
въ ожиданіи подкрѣпленія и пушекъ, — и не получили ни того,
ни другаго... Пруссакки снова вошли въ Бурже, — вошли по
трупамъ французовъ... Вагенъ сдалъ непріятелю Мецъ и сто ты-
сячъ человѣкъ. Нѣмецкія войска, покончивъ дѣло на Мозелѣ,
собирались спуститься къ Луарѣ, занять орлеанскія земли и Ту-

рингію. Въ Парижѣ были тревогу. Смутные слухи долетали въ лагерь изъ столицы. Рассказывали, что въ Парижѣ возстаніе и что правительство ниспровергнуто.

— Какъ! воскликнули нѣкоторые офицеры, — мало было для насъ иэцкаго позора? Неужели суждено намъ переживать другое страшное бѣдствіе — внутреннее возмущеніе въ виду непріятеля?

— Есть нѣчто даже болѣе ужасное, чѣмъ такое возмущеніе, возражали имъ другіе и въ томъ числѣ Поль; — это — бездѣйствіе главнокомандующаго, который стоитъ передъ непріателемъ, сложа руки.

1-го ноября — новый слухъ: затѣялось дѣло о перемиріи, между Версалемъ и Парижемъ уже начались переговоры. Эта перспектива мира, прекращенія страданій, возвращенія домой, относительнаго успокоенія послѣ столькихъ бѣдствій — подѣйствовала благоприятно на нѣкоторыхъ изъ товарищей Поля. Но онъ весь закипѣлъ негодованіемъ:

— Какъ! Только для этого, только для капитуляціи и позора насъ призвали сюда, дали намъ въ руки заступъ и ружье? Нѣтъ, это не можетъ быть, нѣтъ, это ложь! Правительство не отвесетъ съ пренебреженіемъ къ взрыву патріотизма въ сердцахъ офицеровъ и солдатъ.

2-го числа переговоры были прерваны. Въ лагерьъ получилось приказаніе: „будьте готовы двинуться!“ Предстояло генеральное сраженіе.

— Наконецъ! воскликнулъ Поль; — дѣло! дѣло!

Но прошелъ день, два, десять, пятнадцать — все оставалось въ прежнемъ положеніи. Осада тянулась. Ополченцы, сидя передъ своими палатками, смотрѣли на воздушные шары, пролетавшіе надъ ихъ головами и уносившіе въ провинцію ихъ письма... 20-го ноября имъ приказали вернуться въ Парижъ: правительство національной защиты давало имъ недѣлю на полный отдыхъ. Въ теплыхъ и чистыхъ комнатахъ гвардейскихъ казармъ они нашли удобныя постели и покой.

ГЛАВА VII.

Поль уже нѣсколько дней былъ въ лихорадкѣ. Жестокія мученія пришлось вытерпѣть на первыхъ порахъ ему, избалованному съ дѣтства, богатому, привыкшему къ комфорту и роскоши, къ праздности. Вначалѣ компаніи чувство патріотизма, возникшее въ немъ вмѣстѣ съ любовью, и сознаніе опасности Франціи привели его въ то возбужденное состояніе, которое энтузіазмъ сообщаетъ всякой нервной натурѣ. Вечеромъ онъ лежалъ, совершенно разбитый ходьбою, ученьемъ, тяжелыми работами; протягиваясь на соломѣ, доскѣ или тощемъ тюфякѣ, онъ говорилъ себѣ, что не будетъ въ силахъ встать, и сознаніе своего безсилія, своей безпомощности доводило его до слезъ. „Что, если я умру? думалъ онъ; — умру отъ истощенія, отъ усталости, не ставъ ни разу лицомъ къ лицу съ непріателемъ! Умру далеко отъ нея!“ И въ эти минуты онъ завидовалъ солдатамъ-поселянамъ, крѣпко спавшимъ вокругъ него: „эти люди могутъ все перенести; они здоровѣе, сильнѣе меня!“ Но утромъ, при первомъ звукѣ сигнальной трубы, душа оживляла тѣло, и Поль былъ на ногахъ раньше другихъ. Лучше многихъ другихъ вынесъ онъ всѣ невзгоды стоянки въ Аркелѣ.

Но по возвращеніи въ Парижъ онъ вдругъ опустился. Силы измѣнили ему. Онъ едва могъ держаться на ногахъ; щеки впади, исхудавшее тѣло дрожало отъ озноба. А между тѣмъ ему хотѣлось ходить, все видѣть, все слышать. Воля еще разъ восторжествовала надъ физическою немощью; еще разъ Поль побѣдилъ крайнее изнеможеніе, слѣдующее за крайнимъ напряженіемъ.

Передъ его глазами снова былъ Парижъ. Но два мѣсяца измѣнили видъ осажденнаго города. Наступили голодъ и холодъ. При грохотѣ бомбардировки, въ полу-мракѣ утренней зари, ряды женщинъ толпились у дверей булочниковъ и мясниковъ, ожидая лотка хлѣба, куска свѣжаго или соленнаго мяса, — ожидая по цѣлымъ часамъ, стоя въ грязи или снѣгу, дрожа отъ холода въ худенькихъ, рваныхъ платьяхъ. Поль обратился къ одной изъ нихъ съ вопросами и когда выразилъ сожалѣніе объ ея участи,

она отвѣчала: „это все ничего, если Франція побѣдитъ!“ Улицы были пусты. Ни одного экипажа. Небольшое число уцѣлѣвшихъ лошадей, грязныхъ, похожихъ на скелеты, кое-какъ тащили лаваретныя фурны или пушечные лафеты. Въ предмѣстьяхъ, вдоль внѣшнихъ бульваровъ, попадались на-встрѣчу отъ времени до времени люди въ мундирахъ, съ маленькими гробиками въ рукахъ: дѣти умирали тысячами. Вечеромъ, въ ледяной мглѣ тумана, слышались слабые голоса. Это другія дѣти, въ дырявыхъ башмакахъ, тоненькихъ блузахъ, съ посинѣвшими отъ стужи личиками, просили милостыни на кусокъ хлѣба... А въ это время на площадяхъ, северахъ, происходило ученье одной части національной гвардіи, тогда какъ другая стояла въ караулѣ на городскихъ укрѣпленіяхъ. Всѣ граждане надѣли военныя фуражки и пальто.

„Наконецъ, думалъ Поль, — правительство рѣшилось дѣйствовать. Общественное мнѣніе одержало побѣду надъ его колебаніями и медлительностью. Теперь только, когда уже наступили голодъ и зима, оно принимается за то дѣло защиты, къ которому должно было приступить гораздо раньше. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Можетъ быть, борьба будетъ еще рѣшительнѣе, потому что отчаяніе поможетъ ей“.

Экипировка солдатъ дѣятельно продолжалась; фабрики не переставали изготовлять оружіе. Вездѣ составлялись подписки для поднесенія отечеству пушекъ. Корпорация подавали примѣръ. Въ театрахъ давались представленія „въ пользу пушекъ“. Всѣ драмы и комедіи сошли со сцены, — на ней раздавались только стихи и пѣсни, способные еще болѣе воспламенить патриотизмъ. Зрители отвѣчали на нихъ восторженными криками. Въ клубахъ волненіе не стихало ни на минуту. Ораторы центральныхъ кварталовъ поддерживали правительство, давали ему совѣты, говорили о необходимости единодушія въ виду непріятели. Въ кварталахъ окраинъ, гдѣ бѣдствіе давало себя чувствовать сильнѣе, гдѣ ожиданіе дѣйствовало мучительнѣе, граждане, всходившіе на трибуну, высказывали недовѣріе, оправдывавшееся двухмѣсячнымъ бездѣйствіемъ; они продолжали требовать немедленнаго и рѣшительнаго сраженія. Вездѣ на первомъ планѣ стояла твердая рѣшимость побѣдить. Долговременность муки

не только не повлекла за собою уннїя, но еще усилила негодованіе.

Департаменты сносились съ Парижемъ. Голуби, разсѣвая ледяной воздухъ, каждый день опускались, полу-мертвые, на парижскія крыши и приносили депеши подъ своими изувѣченными крыльями. Съ восторгомъ читали парижане, что луарская армія подвигалась къ столицѣ, что другая армія остановила на сѣверѣ успѣхи непріятеля, что третья формировалась въ центральныхъ городахъ, четвертая находила поддержку въ Гарибальди и его волонтерахъ. Все это могло сдѣлаться, благодаря упорному сопротивленію Парижа. И въ виду такого результата, Парижъ отгонялъ отъ себя всякое сомнѣніе. „Правда, еще ничего не сдѣлано, но все можетъ еще сдѣлаться!“ Мужчины пожертвуютъ своими деньгами и жизнью, женщины — своимъ здоровьемъ, дѣти не станутъ обращать вниманія на свои страданія. Это общее самоотреченіе, этотъ общій энтузіазмъ перейдутъ-же, наконецъ, и въ сердце министровъ и генераловъ! Они пробовали миролюбиво уладить дѣло съ прусскимъ королемъ — и потерпѣли неудачу; они рассчитывали на помощь другихъ государствъ — всѣ отвернулись отъ нихъ. Теперь оставался только одинъ исходъ — драться. Голосъ необходимости и голосъ народа говорили этимъ правителямъ одно и то-же, должны были внушить имъ одно и то-же рѣшеніе.

Мысль, что роковой часъ близокъ, движеніе на улицахъ, клубныя рѣчи, — всѣ эти взрывы страстнаго одушевленія усиливали лихорадочное состояніе Поля. Онъ возвращался съ ученья въ казарму совершенно больной. Внутренняя экзальтація обнаруживалась во время сна бредомъ. Даже на-яву онъ по-временамъ терялъ сознаніе и пониманіе дѣйствительности; общее потрясеніе организма мѣшало ему послѣдовательно мыслить и разсуждать. Историческія воспоминанія бродили въ мозгу, какъ молодое вино, и вырывались оттуда въ сопровожденіи восторженныхъ восклицаній.

Однажды утромъ Полю подали депешу. Всего двѣ строки, но *оттуда!* О немъ не забывали, его письма всѣ были получены, она здорова!.. Эта депеша была каплей росы въ пламени пожара, сладостнымъ волненіемъ, мгновенно успокоившимъ острия потрясенія молодого человѣка. Онъ ее показывалъ встрѣчному и по-

перечному и говорилъ: „я получилъ извѣстія изъ дома!“. Въ первый разъ, за очень долгое время, заснулъ онъ въ этотъ день спокойнымъ сномъ, а на слѣдующее утро, какъ-бы для того, чтобы укрѣпить всѣ его надежды, по городу разнесся слухъ о скорой вылазкѣ.

ГЛАВА VIII.

Въ октябрѣ осадную линію можно было-бы еще прорвать во многихъ пунктахъ. Въ ноябрѣ только одинъ пунктъ представлялъ возможность для вылазки.

27-го числа этого мѣсяца Парижъ забылъ холодъ, забылъ голодъ, забылъ всѣ лишенія, когда увидѣлъ, что по улицамъ и набережнымъ потянулись зарядные ящики, пушки, мулы, нагруженные багажемъ, линейные полки, батальоны волонтеровъ, инженерные солдаты, морскіе стрѣлки.

На слѣдующій день стѣны домовъ были покрыты прокламаціями: прокламація правительства національной обороны, говорившая о республикѣ; прокламація генерала Трошю, призывавшая гражданъ довѣриться волѣ божіей; прокламація — знаменитая прокламація — генерала Дюкро: „...Солдаты второй арміи, клянусь передъ вами, передъ лицомъ всей націи, что я возвращусь въ Парижъ не иначе, какъ мертвымъ или побѣдителемъ. Вы, можете быть, увидите мою смерть, но не увидите моего отступленія! Тогда не останавливайтесь, но спѣшите отомстить за меня!“.

— Точь-въ-точь тѣ слова, съ которыми нашъ землякъ Жюберъ обращался къ итальянской арміи! говорили энскіе ополченцы.

Изъ ихъ батальоновъ составили 40-й временный полкъ. 28-го ноября его расположили у подошвы холма Валерьенъ. Лихорадочное нетерпѣніе овладѣло офицерами и солдатами, но ихъ снова ожидало бездѣйствіе. Гдѣ-то вдали раздавалась канонада. „Отчего-же мы стоимъ здѣсь? кричали они, — впередъ! впередъ!“ . Такъ прошло еще нѣсколько дней. Но вотъ отрядъ Поля получилъ приказаніе сопровождать два орудія, которыя предназначалось установить на берегу Марны. Вокругъ Поля собралась неболь-

шая группа людей, думавшихъ и чувствовавшихъ такъ-же, какъ онъ. Эта группа останавливала всѣхъ прохожихъ, старалась разузнать, что дѣлается въ главной арміи, отъ которой наши ополченцы были совершенно отдѣлены.

— Для чего эти орудія?

— Чтобы прикрыть отступление.

— Отступление! Стало быть, мы потерпѣли поражение?

— Напротивъ, мы два раза разбили неприятеля.

— Въ такомъ случаѣ для чего-же отступить?

— Генераль утверждаетъ, что армія не можетъ переносить холода.

— Холода?

— Это такъ говорится, а на самомъ дѣлѣ мы потеряли день 29-го числа, потому что мосты для переправы черезъ Марну оказались слишкомъ коротки, и 1-го декабря, потому что ожидали подкрѣпленій, которыя явились только ночью. Прибавьте къ этому два дня — 30-е и 2-е, когда дрались, — вотъ вамъ четыре дня, во время которыхъ нѣмцы имѣли время сосредоточить всѣ свои силы прямо противъ насъ. Теперь не изъ-за чего подставлять себя подъ пулю.

Слушая эти извѣстія, Поль сжималъ голову обѣими руками.

— Не изъ-за чего! воскликнулъ онъ.

— Говорятъ, что нѣсколько времени спустя мы снова примемся за дѣло...

— Нѣтъ! Да если и примемся, что изъ этого проку? Всегда будетъ одно и то-же! Развѣ не всѣ исполняли свой долгъ? Развѣ офицеры жаловались? Развѣ солдаты отступали? Нѣтъ, теперь, какъ и всегда, недоставало одного: направленія, мозга главнокомандующаго, сердца гражданина. Защищать Парижъ, не вѣря въ возможность защиты! Устраивать сраженіе, не вѣря въ побѣду! Ждать, ждать и вѣчно ждать! Подвергать голоду, холоду, позору два миліона людей! Нѣтъ, это слишкомъ, это слишкомъ, это слишкомъ!

И эти люди плакали отъ бѣшенства.

На слѣдующій день полкъ расположился на другомъ берегу Марны, въ покинутыхъ виллахъ и фермахъ. Тутъ онъ пробылъ цѣлый мѣсяцъ въ томъ-же бездѣйствіи. Наконецъ, 28-го числа неприятель, занимавшій позицію противъ нихъ, открылъ страш-

ныя батареи. Полку грозила опасность быть совершенно уничтоженнымъ картечью, сброшеннымъ въ рѣку. Тогда ему приказали снова перейти черезъ Марну. Въ восемь часовъ вечера всѣ батальоны поочередно переправились черезъ каменный мостъ. Оледѣвъ отъ холода, сгибаясь подъ тяжестью ранцевъ и оружія, наши ополченцы прошли венсенскій лѣсъ. Было девять часовъ съ половиною. Вѣтеръ пронзительно свисталъ между деревьями; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Они шли безмолвные и унылые.

Насталъ новый годъ. Въ громадной и холодной комнатѣ венсенскаго укрѣпленія, среди самой печальной обстановки, поздравили другъ друга съ праздникомъ бѣдные солдаты. Всѣ, даже самые веселые и добрые, были подавлены тоскою.

— Хоть-бы печки правительство подарило намъ на новый годъ! сказалъ одинъ изъ нихъ съ горечью.

Эта жалоба не осталась безплодною. Въ каждой комнатѣ укрѣпленія поставили печь. Но въ то-же самое время пятьсотъ чело-вѣкъ посылали каждый вечеръ исправлять поврежденія въ но-жанскомъ фортѣ и наполнять землю мѣшки въ Фонтенэ-ле-Буа. Несчастнымъ приходилось работать заступомъ въ совсѣмъ замерзшей землѣ. Затѣмъ они возвращались домой подъ градомъ непріятельскихъ пуль, дрожа отъ холода, полумертвые отъ усталости, изнемогая отъ недостатка сна. 6-го января было дано приказаніе выступить; но дождь и гололедица помѣшали. 9-го получили хорошія вѣсти изъ провинціи: вся Франція подъ ружьемъ: сѣверъ — съ Федербошъ, востокъ — съ Шанзи, западъ — съ Бурбаки.

Поль, сидя въ казармѣ, дѣлалъ наблюденія надъ своими товарищами. Нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли другъ на друга съ нерѣшительностью, спрашивая себя: не наступила-ли, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, желанная минута? Но большинство уже ни во что не вѣрило, ни на что не рассчитывало, повиновалось машинально и медленно, по привычкѣ и изъ страха.

„Увы! думалъ Поль, — то-же самое во всѣхъ остальныхъ казармахъ, во всѣхъ остальныхъ фортахъ. Вездѣ холодная и тупоумная медлительность довела до апатической усталости все, что было энергическаго и рѣшительнаго. Вездѣ бездѣйствіе и зимняя стужа одержали побѣду надъ отвагою и храбростью!“

И жгучее раздраженіе овладѣвало молодымъ человѣкомъ; онъ метался съ мѣста на мѣсто.

11-го числа—второе приказаніе выступить. Въ шесть часовъ утра бригада двинулась. На пути она встрѣчала артилерію, кавалерію, батальоны національной гвардіи. Эти послѣдніе и ополченцы обмѣнивались другъ съ другомъ криками и бранью. Национальные гвардейцы, какъ республиканцы, требовали войны до послѣдней крайности, и ополченцы иронически кидали имъ теперь въ лицо это слово. Всѣ жаждали драться. Никому не довелось осуществить это желаніе. И теперь всѣ упрекали другъ друга въ томъ, въ чемъ никто изъ нихъ не былъ виноватъ.

Поль, мучимый лихорадкою и становившійся съ каждымъ днемъ все мрачнѣе и раздражительнѣе, вспылить.

— Этотъ раздоръ между защитниками Парижа — сущее преступленіе! кричалъ онъ своимъ товарищамъ. — Развѣ вы забыли наше вступленіе въ столицу, наше шествіе по бульварамъ, пріемъ, оказанный намъ? Забыли статую Страсбурга на площади Согласія? Забыли и тотъ генеральный смотръ, на которомъ вся масса была какъ одинъ человѣкъ? Вы упрекаете въ бездѣйствіи этихъ людей! Да вѣдь они хотѣли дѣйствовать не меньше васъ, страдать не меньше васъ, идти на непріятеля не меньше васъ! Тѣ немногіе изъ нихъ, которыхъ послали въ огонь, сражались удивительно! Нѣтъ, виноваты не они, а генералы, на которыхъ и должна пасть вся тяжкая отвѣтственность!

Послѣ пятичасовой ходьбы по обледенѣлой землѣ ополченцы остановились въ Жантильи. Маленькая площадь деревушки была загромождена артилерією; дома стояли отворенными. Здѣсь снова два дня стоянки. Затѣмъ, въ шесть часовъ вечера, опять въ дорогу, куда — неизвѣстно! Бѣдные волонтеры, усталые и голодные, потянулись военнымъ шагомъ. Ночь стояла непроглядно-темная и земля была покрыта замерзшимъ снѣгомъ. Батальоны направлялись черезъ поля, потомъ вышли на узкую, ухабистую тропинку вдоль вѣшнихъ укрѣпленій. Въ темнотѣ они спотыкались на каждомъ шагу. Прусскія ядра, направленные на Парижъ, пролетали надъ ихъ головами; были и такія, которыя падали недалеко отъ нихъ.

Бригада остановилась на окраинѣ орлеанской дороги, за Монружемъ. Солдаты поставили ружья въ козлы. По дорогѣ, направ-

ляясь къ Кламару, двигались войска. Отрядъ моряковъ, съ топориками за поясомъ, прошелъ передъ вторымъ батальономъ, который тотчасъ-же послѣдовалъ за нимъ. Офицеры были того мнѣнія, что все это служило приготовленіемъ къ вылазкѣ, долженствовавшей совершиться на разсвѣтѣ. Но у станціи желѣзной дороги въ Кламарѣ раздалась команда: „стой! вольно!“

На порогѣ станціи стояла группа генераловъ. Они тотчасъ-же ушли въ комнаты; вслѣдъ за ними отправились туда-же всѣ штабъ-офицеры полка. Совѣщаніе длилось четверть часа.

— Мы начинаемъ атаку, сказали они, возвратясь, младшимъ офицерамъ.—Вы отправитесь впередъ и, при первомъ выстрѣлѣ со стороны непріятеля, выставите вашихъ людей застрѣльщиками.

— Идти впередъ — это очень пріятно, сказалъ одинъ подпоручикъ;—но не мѣшало-бы при этомъ быть знакомымъ съ мѣстностью и знать, куда именно идешь.

— Этого мнѣ не сказали, отвѣчалъ штабъ-офицеръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ маршъ впередъ!

И вотъ наши волонтеры снова въ пути, вотъ они перешли послѣднюю французскую заставу и идутъ, крайне удивляясь, что въ нихъ никто не стрѣляетъ. Вдругъ изъ-за шалаша, поставленнаго среди виноградниковъ, вылетаетъ выстрѣлъ. За нимъ непрерывно сыпятся другіе.

— Застрѣльщики!

Ополченцы бросаются въ виноградникъ. Пули свистятъ надъ ихъ головами. Они путаются въ желѣзныхъ проволокахъ, протянутыхъ по землѣ. Въ двадцати шагахъ отъ нихъ огонь вылетаетъ изъ прусскихъ траншей. Одна часть ополченцевъ легла на землю, другая укрѣлась за деревьями.

— Стрѣлай не спѣша!

Поль прислонился къ дереву и посмотрѣлъ вокругъ себя.

Было немного позже полуночи. Луна начинала всходить и отблескъ ея на снѣгу производилъ голубоватый полусвѣтъ. Всѣ дома въ Кламарѣ казались илюминированными, потому что изъ cadaго окна вылетали выстрѣлы. Виноградники имѣли такой видъ, какъ будто въ нихъ носились взапуски блуждающіе огоньки. Артилерія гремѣла на возвышенностяхъ. По-временамъ лучъ электрическаго свѣта озарялъ позиціи. Позади ополченцевъ, въ правой сторонѣ, изъ укрѣпленія Исси, зажженнаго бомбами,

неслись къ небу густые столбы дыма, изъ которыхъ сыпались искры.

„А, вотъ она, нынѣшняя война!—думалъ молодой человѣкъ.— Непрiатель — невидимка, пушечные выстрѣлы и огонь!“

Ноги у него были холодны, какъ ледъ, голова горѣла. Мало-по-малу изнеможенiе отъ усталости и холода совершенно овладѣло имъ. Всѣ предметы представлялись ему какъ во снѣ. Ополченцы стрѣляли на-удачу. Пруссаки отвѣчали тѣмъ-же. Пули не попадали ни въ кого. Это продолжалось два часа. Затѣмъ пули стали задѣвать подпорки виноградныхъ лозъ и взрывать землю. Нѣсколько человѣкъ повалились съ крикомъ.

Выстрѣлы со стороны непрiателя продолжались безъ умолку. Ополченцы, въ смущенiи, уменьшили свой огонь.

— Продолжать! крикнули командиры.

Но это былъ напрасный трудъ. Пруссаки выходили массами изъ своихъ траншей и быстро подвигались впередъ съ криками „ура!“ Стрѣльба внезапно прекратилась.

— Мы оцѣплены со всѣхъ сторонъ! вскричали волонтеры.

Желѣзные проволоки на землѣ затрудняли ихъ отступленiе. Они побѣжали по направленiю къ большой дорогѣ. Передъ Полемъ, стоявшемъ неподвижно у своего дерева, выросла чья-то фигура.

— Что вы здѣсь дѣлаете? Мы окружены со всѣхъ сторонъ.

— Окружены! машинально повторилъ Поль.

— Да! Слѣдуйте за мною. Это очень нетрудно.

Поль сжалъ свое ружье въ рукахъ и крикнулъ:

— Уходите, если желаете. Я остаюсь.

И онъ кинулся впередъ.

Почти въ ту-же минуту онъ получилъ сильный ударъ въ лѣвую ногу и упалъ безъ чувствъ на снѣгъ.

ГЛАВА IX.

Поль очнулся въ больницѣ. Рана, полученная имъ, оказалась не опасною, но, по словамъ докторовъ, приходилось вылежать въ постели не менѣе шести недѣль. Спасъ его, какъ узналъ онъ, придя въ себя, Гренъе, съ которымъ мы еще не имѣли случая

познакомить читателя. Гренье былъ крестьянинъ изъ того самаго мѣстечка, гдѣ жилъ нотаріусъ Мишонъ, и когда вспыхнула война, онъ пошелъ въ ополченіе и попалъ въ одинъ батальонъ съ Поляшъ. Молодой человѣкъ скоро привязался къ этому честному, прямому, хотя холодному на видъ и неповоротливому, какъ всё его земляки, человѣку; этотъ послѣдній, въ свою очередь, относился къ Полю, какъ къ любимому младшему брату. Очень обрадовался Поль, когда, придя въ себя, увидѣлъ передъ своею постелью коренастую фигуру Гренье.

— Мой дорогой пріятель! вскричалъ онъ:—это ты спасъ меня? Расскажи мнѣ скорѣе, какъ было все дѣло.

— Штука не мудреная. Въ ту минуту, какъ вы упали, товарищи были уже далеко; я сталъ звать и ихъ вернулось человѣкъ двѣнадцать. Подняли мы васъ подъ руки и подъ ноги, да и маршъ. Только идти нельзя было очень шибко, — проклятая эта проволока такъ и путала ноги... Не успѣли мы сдѣлать двадцать шаговъ, видимъ—пруссаки ужъ чуть не на нашей спинѣ. Вы въ это время никуда не годились, съ вашего позволенія, а попасть въ плѣнъ — штука не совсѣмъ пріятная и красивая. Стало-быть, вамъ не слѣдъ сердиться на вашихъ носильщиковъ за то, что они васъ положили на землю и подрали дальше; имъ казалось, что вы уже мертвецъ, да тутъ дѣло шло объ ихъ собственной шкурѣ. Я самъ уже намѣревался поступить какъ они, но вспомнилъ о бѣдныхъ дѣвушкахъ, тамъ дома, у нотаріуса. Что онѣ скажутъ, какъ я вернусь безъ васъ? Подумалъ я это, да и взвалилъ васъ себѣ на плечи, точно мѣшокъ съ картофелемъ, и давай бѣжать, спотыкаясь немножко... Пули такъ и свистѣли вокругъ меня... Нѣтъ, никогда въ жизни не видѣлъ я такой перестрѣлки... Наконецъ, выбрался я на дорогу и думаю: ну, теперь будетъ полегче и побезопаснѣе... Глядь — передо мною десятокъ пруссаковъ. Оборачиваюсь назадъ — другой десятокъ! Вы что-бы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Я вытянулся на землѣ во всю длину и притворился мертвецомъ. Не успѣлъ я повалиться, какъ слышу, громко кричатъ и бѣгутъ. Это наши моряки угощали пруссаковъ своими топориками. Да какъ угощали—любо-дорого! Еслибы вы видѣли, какъ нѣмцы стали улепетывать въ свои траншеи! По спинамъ одинъ другого взлѣзали, точно крысы! Тогда я опять взвалилъ васъ на плечи и добрался сюда.

— Драгоценный товарищ! Я, стало-быть, правду сказалъ, что вы меня спасли!

— Да, пожалуй, спасъ-то васъ я, но вѣрно и то, что не будь нашихъ моряковъ, пропали-бы и вы, и я!

— Ну, а чѣмъ кончилось сраженіе?

— Никакого сраженія не было. Составили, правда, колонны атаки и онѣ вошли въ Клармаръ, чтобы взять его; но чуть вступили туда, все тутъ перепуталось, перемѣшалось: пруссаки съ французами, наши съ пруссаками, такъ что всѣ стрѣляли, какъ попало, на-удачу. Затѣмъ, дали сигналъ къ отступленію и мы вернулись. У насъ въ батальонѣ человѣкъ пятнадцать раненыхъ.

— Гдѣ вы стоите теперь?

— Мы вернулись въ Жантильи и я отправлюсь теперь туда, потому что спокоенъ на вашъ счетъ. А мудреная эта война, нечего сказать! Забнешь, голодаешь, стрѣляешь одинъ въ другого изъ-за кустовъ, точно играешь въ жмурки, и въ-концѣ-концовъ всякій разъ вернешься туда-же, откуда вышель... По-моему, въ этомъ наши начальники виноваты...

Черезъ два дня послѣ этого, Поля перевезли въ другую больницу, въ самомъ Парижѣ. Лежа на постели, онъ слышалъ на улицѣ звуки трубъ и барабановъ и спросилъ, что это значить. Ему отвѣчали, что пятьдесятъ девять полковъ національной гвардіи, армія, всѣ, кто только держалъ въ рукахъ ружье, направлялись въ Сенъ, и что на этотъ разъ уже несомнѣнно предстояла генеральная вылазка.

— Наконецъ! говорили съ радостью и завистью раненные.

Они раздѣляли послѣднюю надежду Парижа, приподнимались на постеляхъ, чтобы лучше слышать шумъ на улицахъ, и говорили: „завтра, завтра!“ Экзальтація патриотизма соединялась въ нихъ съ горячечнымъ жаромъ. Очень немногіе изъ нихъ спали въ эту ночь, а чуть разсвѣло, всѣ воскликнули разомъ, взглянувъ другъ на друга: „сегодня!“

Безпрерывно доходили къ нимъ новыя извѣстія. Сраженіе началось съ полнымъ успѣхомъ на всѣхъ пунктахъ. Пруссакки вездѣ терпѣли поражение. Въ шесть часовъ ихъ позиціи были отняты. Въ восемь наступившая темнота прекратила битву.

— Побѣда! Мы побѣдили! восторженно говорили больные.

— Еще день—и все будетъ кончено!

— Держу пари, что сегодня вечеромъ никто изъ нашихъ не будетъ голодень.

— И никто не будетъ забнуть...

— А вѣдь вотъ говорили, что національная гвардія не станетъ драться!

— Она дралась лучше всѣхъ.

— Я совсѣмъ забылъ свою боль.

— Я тоже.

— И я.

„Славные люди!“ думалъ Поль.

Больной, лежавшій рядомъ съ нимъ, имѣлъ брата, служившаго сержантомъ въ одномъ изъ маршевыхъ батальоновъ. Это былъ парижскій рабочій, живой, энергическій малый, знавшій все, что дѣлалось. Его посѣщенія были всегда настоящимъ праздникомъ для обитателей лазарета.

— Только-бы съ моимъ братишкой не приключилось ничего дурного! говорилъ больной Полю.

Утромъ сержантъ явился. Мундиръ его былъ весь въ грязи. Глаза страшно сверкали на блѣдномъ лицѣ.

— Ну? крикнули всѣ раненные въ одинъ голосъ.

— Ну, отвѣчалъ онъ,—все кончено!

И, поцѣловавъ брата, прибавилъ:

— Ахъ, ты моя бѣдная старина!

— Мы разбиты?

— Ни, ни! Да это все одно: намъ приказали вернуться.

— Вернуться! Отчего?

— Отчего? Эку штуку спросили!.. Оттого, что былъ туманъ.

Ну, что, теперь довольны?

Онъ засмѣялся.

— Генералы сказали, что войскамъ будетъ слишкомъ темно идти впередъ. Вотъ назадъ идти—это дѣло другое!

И сержантъ продолжалъ смѣяться.

— Сколько мертвыхъ? спросилъ одинъ больной.

— Говорятъ, три тысячи... Прощайте.

— Куда ты?

— Не знаю. Къ товарищамъ... Поссориться съ кѣмъ-нибудь, отколотить кого-нибудь... Все кончено! Это ужасно!.. Ну, прощайте.

Онъ быстро вышелъ.

Поль велѣлъ принести себѣ газеты, но бросилъ ихъ, не читая.

„Къ чему?“ думалъ онъ.

Однакожь, послѣдніе звуки агоніи Парижа долетали къ нему помимо его желанія. То приходила вѣсть объ отставкѣ генерала Трошю, того самаго, который еще недавно писалъ: „губернаторъ Парижа не будетъ капитулировать!“ То гремѣла бомбардировка, то доносились ружейные выстрѣлы... Пришелъ Гренъе.

— Штука скверная, сказалъ онъ; — пруссаки разыгрываютъ на фортепяно въ траншеяхъ.

Но конецъ приближался... Бомбардировка прекратилась... Однажды ночью ударили въ набатъ. Потомъ водворилась глубокая тишина, господствовавшая впродолженіи двухъ дней.

Утромъ на третій день дверь лазарета отворилась и нѣсколько моряковъ внесли носилки съ лежавшимъ на нихъ человѣкомъ. Больные, приподнявшись на постеляхъ, спросили:

— Развѣ опять дрались?

— Нѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ моряковъ, — напротивъ, мы сдали укрѣпленія. Тогда вотъ этотъ старикъ сказалъ намъ: „это, можетъ быть, глупо, но я никогда не привыкну жить безъ моей пушки!“ И онъ выстрѣлилъ изъ пистолета себѣ въ голову. Мы принесли его сюда...

— Положите его на эту постель! сказалъ вошедшій докторъ.

Онъ наклонился, чтобы осмотрѣть рану.

Но солдатъ стремительно оттолкнулъ его и соскочилъ на полъ. Это былъ, дѣйствительно, старикъ. Сѣдые волосы спутались и прилипли къ вискамъ. Лицо и шея были забрызганы кровью. Онъ уставилъ впередъ мертвенный взглядъ, открылъ ротъ, желая что-то сказать; но губы не могли произнести ни одного звука. Тогда онъ пошелъ по комнатѣ, шатаясь, какъ пьяный; потомъ онъ вдругъ остановился, попытался снова заговорить и, увидѣвъ безсиліе, съ бѣшенствомъ схватился руками за горло. Зрачки его страшно расширились и онъ упалъ лицомъ на землю.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛИКВИДАЦІЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.

(Вл. Велляновичъ: „Психо-фізіологическія основанія эстетики. Сущность искусства, его социальное значеніе и отношеніе къ наукѣ и нравственности. Новый опытъ философіи искусствъ. Т. I и II. Спб., 1878.)

I.

Уже третій разъ я принимаюсь толковать съ вами, читатель, объ эстетикѣ и эстетической критикѣ. Такое упорство съ моей стороны можетъ, чего добраго, показаться вамъ черезчуръ неделikatной навязчивостію. „Чего онъ все лезетъ къ намъ съ эстетикою да эстетикою? Какое намъ дѣло до его эстетики? И такое-ли теперь время, чтобы заниматься эстетикою? И безъ эстетики-то не весело живется! Неужели нельзя выдумать никакой другой, болѣе интересной, темы для разговора?“

Какъ нельзя! Есть много очень и очень интересныхъ темъ, но бѣда въ томъ, что однѣ изъ этихъ темъ отданы въ исключительную и безусловную монополію „дѣльцамъ“, затесавшимся въ нашу убогую прессу, — другія-же... другія, хотя и не совсѣмъ изъяты изъ нашего вѣдѣнія, но касаться ихъ... какъ-бы это выразиться помягче? — ну хоть... не благовремѣнно. Недавно я получилъ письмо отъ неизвѣстнаго лица, подписавшагося моимъ „постояннымъ читателемъ“ (собственно по поводу этого-то письма я и считаю нужнымъ сдѣлать маленькое вступленіе); мой „постоянный читатель“ упрекаетъ меня въ непослѣдовательности: „вы, — пишетъ онъ, — упрекаете „россійскихъ философовъ“ за то, что они отвлекаютъ общественное вниманіе отъ животрепещущихъ, жизненныхъ вопросовъ и обращаютъ его къ вопросамъ „еже не отъ міра сего“. Но сами вы

„Дѣло“, № 5, 1879 г.

развѣ не то-же самое дѣлаете? Какое жизненное, животрепещущее значеніе можетъ имѣть вопросъ о психологической теоріи какого-нибудь Гёринга, или о критеріяхъ „эстетической критики“? А между тѣмъ, посмотрите—сколько живыхъ, насущныхъ вопросовъ выдвинула современная жизнь... Отъ того или отъ другаго рѣшенія этихъ вопросовъ зависятъ нерѣдко судьбы многихъ тысячъ людей. Имѣеть-ли право литература отворачиваться отъ нихъ, предоставлять ихъ рѣшеніе слѣпой „силѣ обстоятельствъ“, случаю, невѣжеству, своекорыстному эгоизму, рутинѣ или капризу? Не ея-ли прямая обязанность вносить, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, свѣтъ разума и науки въ безсвязную путаницу практическихъ отношеній? Пренебрегая эту обязанность, не совершаетъ-ли она преступленія противъ того общества, насчетъ котораго она существуетъ, силами котораго она питается?... И затѣмъ, мой „постоянный читатель“ совѣтуетъ мнѣ, вмѣсто эстетическихъ вопросовъ, заняться лучше вопросами „общественно-экономическими, педагогическими или хоть юридическими“. Ничего-бы я такъ не хотѣлъ, какъ имѣть возможность послѣдовать этимъ благимъ совѣтамъ. Я вполне и безусловно согласенъ съ нимъ во всемъ, что онъ говоритъ насчетъ „обязанностей“ литературы. Но... но я смѣю думать, что и онъ, съ своей стороны, согласится со мною, во-первыхъ, въ томъ, что литература, каковы-бы ни были ея идеальныя обязанности, можетъ обсуждать лишь тѣ вопросы, которые лежатъ, такъ сказать, въ предѣлахъ ея кругозора, и, во-вторыхъ, въ томъ, что хотя она и можетъ иногда произвольно суживать эти предѣлы, но никогда не можетъ произвольно ихъ раздвигать, по крайней мѣрѣ, безъ прямаго и дѣятельнаго участія самого „постояннаго читателя“. „Постоянный читатель“ согласится, надѣюсь, со мною и въ томъ, что въ нашей современной литературѣ есть достаточное количество лицъ, вполне способныхъ и подготовленныхъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, на которые онъ указываетъ. И они, дѣйствительно, обсуждаютъ ихъ,—обсуждаютъ болѣе или менѣе толково, болѣе или менѣе обстоятельно, и ихъ обсужденія печатаются въ такъ называемыхъ научныхъ отдѣлахъ нашихъ толстыхъ журналовъ, но, говоря по совѣсти, мой постоянный читатель, многими-ли они читаются? Ты самъ, постоянный мой читатель, читаешь-ли ихъ? Не оставляешь-ли ты ихъ въ большинствѣ случаевъ неразрѣзанными? Я не говорю, конечно, о псевдо-ученыхъ статьяхъ, находящихъ себѣ пріютъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ „Русской Рѣчи“ или въ „Свѣтопляскѣ“ Вагнера,—нѣтъ, будемъ говорить объ ученыхъ статьяхъ „Отечеств. Записокъ“, „Слова“, „Дѣла“ (редакция, надѣюсь, не осудитъ меня за мою откровенность): нерѣдко онѣ касаются вопросовъ весьма жизненныхъ и даже животрепещущихъ,—

касаются съ знаніемъ дѣла, умно и вообще во всѣхъ отношеніяхъ благоприлично. И, тѣмъ не менѣе, просматривая эти умныя, серьезныя и благоприличныя статьи, ты, читатель, съ трудомъ удержишься отъ зѣвоты и тебѣ невольно припоминаются слова одного отечественнаго рифмоплета: „какъ все это и гайдебуристо, и скучно!“ А отчего и „гайдебуристо и скучно?“ Неужели-же у всѣхъ этихъ гг. Зиберовъ, Тригорскихъ, Постниковыхъ, Соколовскихъ, Кулишеровъ, Головачевыхъ, Ленскихъ и т. д. и т. д. нѣтъ ни капли литературнаго таланта? И много-ли нужно имѣть таланта для того, чтобы заинтересовать читателя вопросомъ, близко касающимся его насущныхъ нуждъ и потребностей, и притомъ вопросомъ, который они хорошо изучили, о которомъ они имѣютъ правильныя и ясныя понятія? А вотъ подите-же,—не могутъ они его заинтересовать да и только. И я думаю, не нужно обладать особою проницательностію, чтобы понять, почему не могутъ. Если обсужденіе вопросовъ, болѣе или менѣе соприкасающихся съ практическими потребностями дѣйствительности, допускается лишь подѣ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти вопросы обсуждались „гайдебуристо и скучно“, то совершенно естественно, что ученые статьи нашихъ отечественныхъ экономистовъ, юристовъ, историковъ, этнографовъ, публицистовъ и т. п. должны быть запечатлѣны характеромъ скуки и гайдебуровщины. Не вините за это ихъ авторовъ; главная вина все-таки, въ-концѣ-концовъ, падаетъ на васъ, гг. постоянные читатели.

Но какое-же общественное значеніе могутъ имѣть разсужденія о живыхъ, практическихъ вопросахъ, разсужденія, положимъ, вполне дѣльныя и основательныя, но насквозь пронизанныя скукою и гайдебуровщиною? Я думаю, что никакого; такъ-какъ кромѣ присяжныхъ журнальныхъ рецензентовъ кто-же станетъ ихъ читать? „Хорошо,—скажетъ, пожалуй, постоянный читатель,—допустимъ, что „скучныя и гайдебуристыя“ разсужденія о живыхъ вопросахъ мало для кого могутъ быть привлекательны, ну, а для кого-же могутъ быть привлекательны разсужденія объ эстетической критикѣ и ея критеріяхъ?“ Я, съ своей стороны, тоже готовъ допустить, что „мало для кого“, но... но что-же дѣлать? Огрѣшитесь на минуту отъ точки зрѣнія своихъ читательскихъ интересовъ и станьте на точку зрѣнія интересовъ писательскихъ. Современный писатель, если только онъ не совсѣмъ индифферентно относится къ своему призванію, къ тому, что называется литературной совѣстью, ясно видитъ, что не всѣ вопросы, интересующіе его, подлежатъ его вѣденію; они подраздѣляются, такъ сказать, на двѣ категоріи. Въ вопросахъ первой категоріи чувствуютъ себя полными хозяевами и могутъ совершенно развизно вести себя только гг. Катковы, Су-

ворины, Мещерскіе и т. д. Положимъ, что изъ этой полицейски-патріотической развязности ничего путнаго не выходитъ, но уже одно то, что они могутъ говорить обо всемъ, — говорить, конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, свойственной этимъ полицей-публицистамъ, и такъ сказать, плавать въ своей сферѣ, какъ рыба въ водѣ, даетъ имъ не малое преимущество. Что-же касается вопросовъ второй категоріи, то они доступны всѣмъ, непопавшимъ въ категорію литературныхъ дѣльцовъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, такъ часто обращающемуся къ эстетикѣ... Ну, согласитесь, читатель, — можно-ли, положи руку на сердце, осудить писателя за то, что онъ эту послѣднюю категорію предпочтетъ первой? Я знаю, вы можете на это весьма резонно замѣтить, что писатель, понимающій свои обязанности, не имѣетъ права говорить лишь о томъ, о чемъ ему всего легче и удобнѣе говорить, онъ долженъ говорить о томъ, о чемъ нужно говорить; онъ пишетъ не для своего удовольствія, а для поученія и назиданія своихъ ближнихъ и т. д., и т. д. Все это совершенно справедливо, хотя и не всегда осуществимо. Во всякомъ случаѣ, я нисколько не отрицаю, что всякій писатель долженъ, по мѣрѣ возможности, стараться объ осуществленіи этого требованія. Отъ этого долга не освобождаются и тѣ писатели, которые не могутъ конкурировать съ Катковыми и Суворинными, — значить, и я... Вопросы, входящіе въ составъ второй категоріи, весьма разнообразны и относятся ко всевозможнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Съ точки зрѣнія однихъ лишь эгоистическихъ интересовъ писателей, имъ, разумѣется, по нынѣшнему времени всего удобнѣе и всего спокойнѣе было-бы заняться вопросами изъ области нумизматики, археологіи и классической филологіи. Вкладывая свой умственный капиталъ въ нумизматику и археологію, они подвергли-бы его наименьшему риску и, слѣдовательно, поступили-бы вполне благоразумно и сообразно съ „великими принципами“ той разсчетливой, хотя теперь уже нѣсколько отсталой, экономической школы, которая предпочитаетъ вѣрное невѣрному. Руководствуясь мудрыми правилами осторожныхъ экономистовъ, мнѣ слѣдовало-бы ежемѣсячно угощать моихъ читателей то „ислѣдованіями о греческомъ удареніи“, то описаніями вновь открытыхъ гдѣ-нибудь около Москвы древнихъ кургановъ и выкопанныхъ изъ нихъ черепковъ битой посуды, то разсужденіями о ночныхъ вазахъ египетскихъ фараоновъ, о формѣ щитовъ древнихъ варяговъ, объ утиральникахъ московскихъ князей, о бородахъ древнихъ болгаръ и т. д., и т. д. По поводу всѣхъ этихъ вопросовъ, я, при нѣкоторомъ прилежаніи и усидчивости, могъ-бы, разумѣется, исписать несчетное число листовъ бумаги и все, мною напечатанное, навѣрное явилось-бы въ печати безъ всякихъ измѣненій и сокраще-

ній. Однимъ словомъ, я ничѣмъ-бы не рисковалъ. Конечно, я мало чѣмъ рискую, пиша и объ эстетикѣ, но все-же разсужденія объ эстетикѣ, на мой взглядъ, представляютъ болѣе интереса и жизни, чѣмъ разсужденія, напримѣръ, о греческомъ удареніи или о фараоновскихъ ночныхъ вазахъ. Почему-же я предпочитаю эстетику „вазамъ“ и „удареніямъ“? Не очевидно-ли тебѣ, мой постоянный читатель, что я руководствуюсь въ этомъ случаѣ не одними моими писательскими, но и твоими читательскими интересами?

Само собою понятно, я далеко отъ мысли считать вопросъ о задачахъ и принципахъ литературной критики однимъ изъ очередныхъ, животрепещущихъ вопросовъ, и я готовъ согласиться, что при иномъ кругозорѣ отечественной литературы ни одинъ писатель, серьезно понимающій свои обязанности, не долженъ-бы былъ въ настоящее время слишкомъ часто къ нему возвращаться. Тѣмъ не менѣе, однако, мнѣ кажется, что какъ ни теоретиченъ этотъ вопросъ, онъ все-таки ближе стоитъ къ насущнымъ потребностямъ дѣйствительности, чѣмъ, напримѣръ, вопросы о „греческихъ удареніяхъ“ и „нормандскихъ щитахъ“. Никто не станеть отрицать, что въ исторіи нашего общественнаго развитія литературная критика играла весьма видную роль. Подъ ея отчасти прямымъ, отчасти косвеннымъ вліяніемъ, выработывалось міросозерцаніе лучшихъ людей отжившихъ и отживающихъ поколѣній. Она постоянно будила общественную мысль и приучала насъ критически относиться къ окружавшей насъ дѣйствительности. Не мудрено, поэтому, что послѣ Пушкина и Гоголя эпохи нашего литературнаго прогресса означаются уже не именами того или другаго беллетриста или поэта, а именами литературныхъ критиковъ Бѣлинскаго, Добролюбова. Хотя въ послѣднее время, въ силу разнообразныхъ причинъ, роль литературной критики уже не можетъ имѣть того первенствующаго значенія, какое она имѣла лѣтъ 40, 30, 20 или 15 тому назадъ, но все-таки она еще можетъ оказать и непремѣнно окажетъ не мало услугъ нашему общественному развитію, если только она будетъ неуклонно держаться реалистическаго, объективно-научнаго направленія, иными словами, если она останется тѣмъ, чѣмъ была въ медовой мѣсяцъ нашего литературнаго и общественнаго одушевленія. Тогда задача ея, какъ всѣмъ извѣстно, сводилась, главнымъ образомъ, къ анализу явленій окружающей насъ дѣйствительности, — явленій, воспроизводимыхъ въ данномъ художественномъ произведеніи и вызвавшихъ его на божій свѣтъ. Анализируя эти явленія, она, съ одной стороны, непосредственно выработываетъ въ насъ критическое отношеніе къ нимъ, съ другой — посредственно содѣйствуетъ расширенію и просвѣтлѣнію нашего, общественнаго міросозерцанія, собирая, груп-

пируя и подготавливая данные для науки, которую, не желая употреблять иностранных словъ, мы назовемъ хоть наукою общественноуѣденія. Противъ этого едва-ли кто станетъ спорить: вспомните лучшія статьи Добролюбова и Писарева; сколько пищи для развитія критической мысли, сколько драгоценныхъ указаній и поучительныхъ матеріаловъ для людей, желающихъ посвятить себя изученію законовъ, управляющихъ общественною жизнію!

Общественная полезность подобной критики не можетъ подлежать, очевидно, никакимъ сомнѣніямъ. Но этого мало: только такая критика, т. е. критика, анализирующая не эстетическія достоинства и недостатки даннаго произведенія, а воспроизводимые имъ жизненные факты, только такая критика можетъ быть названа вполне реальною, только одна она можетъ имѣть подъ своими ногами объективную, научную почву. Какъ только она начнетъ задаваться задачами чисто-эстетическими, какъ эта почва мгновенно ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ, изъ области явленій міра реального она возносится въ область туманной метафизики, произвольнаго, капризнаго субъективизма, и изъ занятія общественно-полезнаго превращается въ скучное, хотя и совершенно невиное, „переливаніе изъ пустаго въ порожнее“. Положеніе это я старался доказать въ своей замѣткѣ о „Задачахъ и принципахъ реальной критики“ и теперь, разумѣется, я не стану къ нему возвращаться. На ней-бы можно было и покончить. Но, увы! оказалось, что, подъ вліяніемъ обще-литературной реакціи послѣднихъ лѣтъ, эстетическая критика, заколоченная, повидимому, на вѣки вѣчные въ гробъ забвенія вмѣстѣ съ покойниками Эдельсономъ, Ап. Григорьевымъ и заживо погребенными Страховыми, Ахшарумовыми, Гротами и комп., вновь воскресла и потребовала гордымъ, высокомернымъ, надменнымъ тономъ реабилитаціи своей чести и возвращенія отнятыхъ у нея правъ на литературное гражданство. „Вы думали, что я, въ самомъ дѣлѣ, умерла? Какъ-же! Рано собрались меня хоронить! Правда, во время повальнаго литературнаго зубоскальства, легкомысленнаго либеральничанья и верхоглядства, я сочла за лучшее удалиться со сцены; но теперь время это, къ счастью, прошло, теперь литература стала серьезнѣе и основательнѣе и я могу снова занять свое прежнее мѣсто. Долой мою дерзкую и безстыдную соперницу—критику „публицистическую“; пѣсня ея спѣта; въ ней нѣтъ теперь никакой необходимости. Ея права на существованіе улетучились вмѣстѣ съ тою бессмысленною „свистопляскою“, которая ее породила, тогда какъ мои права... вѣчны, непоколебимы и неизмѣнны! Только пустые и невѣжественные верхогляды могутъ отрицать ихъ. Но теперь для такихъ господъ нѣтъ и не должно быть мѣста въ литературѣ!“

И, дѣйствительно, эстетическая критика, повидимому, очень вѣрно угадала тотъ моментъ, въ который ей слѣдовало выступить на сцену. Ея притязанія не только никого не удивили, но, напротивъ, всѣ нашли ихъ вполне естественными, вполне справедливыми и своевременными. Ее встрѣтили какъ давножданную, дорогую гостью, съ распростертыми объятіями. „Насилу-то ты вернулась въ намъ, честь тебѣ и мѣсто“,—привѣтствовало ее „Слово“, журналъ либеральный и вдобавокъ еще строго-научный (разумѣется, если вѣрить ему на слово). „Пожалуйте, матушка“,—ликовала вагнеровская „Свѣтопляска“, журналъ тоже либеральный и тоже строго-научный,—„пожалуйте, мы поставимъ васъ на строго-научную почву и безъ малѣйшей спиритической фальши, какъ дважды два—четыре докажемъ, что всѣ ваши притязанія оправдываются и подтверждаются „последними выводами“ самыхъ точныхъ изъ точнѣйшихъ наукъ“. Разные доморощенные философы и психологи, изнемогающіе подъ бременемъ своихъ знаній и кичащіеся научностію и самоновѣйшею современностію своего направленія, не замедлили повергнуть къ ея стопамъ свою обширную эрудицію и свои блестящіе таланты. Я думаю, что она, при всей своей самоувѣренности, едва-ли могла рассчитывать на такое обиліе защитниковъ... и какихъ защитниковъ! одинъ другаго умнѣе, одинъ другаго начитаннѣе! Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, пожалуйста, не успѣлъ еще г. Оболенскій окончить свой „капитальный“ (по мнѣнію „Свѣтопляски“) „психо-физиологическій этюдъ“ и „физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“, какъ г. Веллямовичъ сѣшитъ поднести намъ свои „психо-физиологическія основанія эстетики“ или „новый опытъ философіи искусствъ“, въ двухъ частяхъ.

Вы видите, эстетикѣ рѣшительно повезло. Гг. отечественные мыслители не жалѣютъ ни времени, ни трудовъ, ни бумаги, чтобы только какъ можно скорѣе реставрировать ее на тронѣ литературной критики. Читатель знаетъ уже мой взглядъ насчетъ неизбежныхъ послѣдствій подобной реставраціи: она снова погрузитъ критику въ тьму субъективнаго произвола, вырветъ изъ-подъ ея ногъ реальную, объективную почву, превратитъ ее въ „толченіе воды въ ступѣ“. Обѣ только-что названныя книжки написаны какъ будто нарочно для опроверженія этого взгляда. Обѣ они стараются доказать, что эстетическая критика можетъ быть обоснована на наукѣ и что потому ея критеріи могутъ имѣть вполне научный и, слѣдовательно, общеобязательный характеръ. Авторъ первой книжки, желая доказать возможность научной эстетической критики, обращаетъ все свое вниманіе на психо-физиологическій анализъ эстетическаго чувства и пытается опредѣлить послѣднее

нѣкоторую общую фізіологическую формулою. Въ предъидущей замѣтѣ (см. „Дѣло“, № 12, 1878) я показалъ уже, что, во-первыхъ, попытка эта не вполне ему удалась и, во-вторыхъ, что если-бы даже она и вполне удалась, то эстетическая критика ровно ничего отъ этого не выиграла-бы: фізіологическая формула эстетическаго чувства, какъ ее устанавливаетъ авторъ, не только не даетъ эстетическому критику никакого постояннаго, неизмѣннаго критерія для оцѣнки эстетическихъ достоинствъ или недостатковъ даннаго художественнаго произведенія, но, напротивъ, она доказываетъ, что такого критерія и существовать не можетъ, т. е. доказываетъ невозможность научной эстетической критики. Иными словами, авторъ, начавъ за здравіе злополучной эстетики, кончилъ, самъ того не замѣчая, за ея упокой.

Какъ видите, въ первомъ адвокатѣ, хотя онъ и былъ рекомендованъ самимъ Вагнеромъ, вызвателемъ духовъ, ей не посчастливилось. Не посчастливилось-ли во второмъ? Сейчасъ мы это увидимъ.

II.

Г. Вл. Веллямовичъ мѣтитъ гораздо дальше, чѣмъ г. Оболенскій. Г. Оболенскій довольствуется лишь „фізіологическимъ объясненіемъ нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“, а г. Веллямовичъ претендуетъ на нѣчто большее: онъ хочетъ создать новую философію всѣхъ искусствъ и притомъ такую философію, которая не имѣла-бы ничего общаго съ старою метафизическою философіею, которая опиралась-бы на „послѣдніе выводы“ опытнаго естествознанія. Г. Оболенскій очень рѣдко (и, замѣтимъ въ скобкахъ, всегда неудачно) выходитъ изъ роли скромнаго компилятора; г. Веллямовичъ, напротивъ, ревниво оберегаетъ свою оригинальность и самостоятельность; правда, онъ тоже не брезгаетъ выписками и ссылками на сочиненія европейскихъ научныхъ авторитетовъ, но онъ дѣлаетъ эти выписки и ссылки единственно только для вящаго иллюстрированія и подтвержденія своихъ собственныхъ измышлений. Другое (или, лучше сказать, уже третіе) существенное различіе между нимъ и авторомъ „Фізіологическаго объясненія“ состоитъ въ томъ, что онъ человѣкъ чрезвычайно послѣдовательный и логичный. Онъ не стыдится и не смущается никакой глупостію, никакой нелѣпостію, разъ эта глупость и нелѣпость послѣдовательно вытекаютъ изъ его основной посылки. Ему, по-видимому, совершенно незнакома общепринятая у насъ формула: „съ одной стороны нельзя не согласиться, хотя, съ другой—слѣ-

дуетъ сознаться". Нѣтъ, онъ всегда держится одной какой-нибудь стороны; если на этомъ одностороннемъ пути ему встрѣчаются какія-нибудь препятствія, онъ, не долго думая, разбиваетъ ихъ своимъ лбомъ. Я затрудняюсь сказать, составляетъ-ли это его достоинство или недостатокъ, но, во всякомъ случаѣ, съ такимъ субъектомъ весьма пріятно имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ, онъ не хитритъ, не вилляетъ, не перебѣгаетъ ежеминутно съ-права на-лѣво и съ-лѣва на-право. Не знаю, какъ вамъ, читатель, а для меня всегда гораздо симпатичнѣе человѣкъ, хотя и не особенно умный, но за то послѣдовательный, чѣмъ человѣкъ, хотя и не совсѣмъ глупый, но вѣчно вилляющій и извивающійся. Вотъ почему мое сердце гораздо болѣе лежитъ къ г. Веллямовичу, чѣмъ къ г. Оболенскому и инымъ прочимъ отечественнымъ философамъ, эстетикамъ и психологамъ. Дѣлаю это признаніе единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы ни вы, мой читатель, ни самъ г. Веллямовичъ, не вздумали заподозрить меня въ какихъ-нибудь пристрастно-враждебныхъ отношеніяхъ къ автору „психо-физиологическихъ основаній эстетики“. Въ Веллямовичѣ эстетика пріобрѣла себѣ послѣдовательнаго, „ни о чемъ-же сумнящагося“ и ничѣмъ и никѣмъ неустрашимаго защитника, т. е. именно такого защитника, который всего дороже цѣнится на адвокатскомъ рынкѣ и всего охотнѣе покупается гг. кліентами. Ужь если такой защитникъ не защититъ, значить, дѣло дрянъ—яйца выфденнаго не стоитъ; чѣмъ скорѣе его бросить, тѣмъ лучше.

Посмотримъ-же теперь, насколько удалось нашему искусному и безстрашному адвокату выиграть дѣло г-жи эстетики.

Защиту свою г. Веллямовичъ начинаетъ съ очень пикантнаго вступленія, долженствующаго, очевидно, по расчету адвоката, привлечь на его сторону, а, слѣдовательно, и на сторону его кліентки, симпатіи просвѣщеннѣйшей части отечественной публики. „Наше время,—вѣщаетъ онъ,—матеріалистическое по преимуществу. Туманная мистика почти ежедневно теряетъ то ту, то другую изъ своихъ исконныхъ областей въ пользу матеріалистическаго міровозрѣнія точныхъ наукъ, и эти безпрестанныя уступки, къ которымъ она вынуждается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, привели ее, наконецъ, въ то почти безвыходное состояніе, на которое она осуждена теперь, сохранивъ за собою господство, да и то довольно сомнительное, лишь въ нѣкоторыхъ сферахъ человѣческаго знанія“.

Эти „нѣкоторыя сферы человѣческаго знанія“ относятся лишь, по мнѣнію г. Веллямовича, къ такъ называемому „внутреннему міру“ человѣка.—„Здѣсь,—говоритъ онъ,—еще сохранились кое-какіе довольно темные уголки, которыми воспользовалась изгнанная ото-

всюду мистика“... Однако,— продолжаетъ онъ далѣе,—если изъ этихъ темныхъ уголковъ она еще не вполнѣ „изгнана“, то „происходить это потому, что явленія духовнаго міра были поставлены совершенно особнякомъ, будучи лишены естественно-научной связи съ явленіями всего остального міра; стоитъ только, слѣдовательно, возстановить эту связь, т. е. отыскать ее, и мистика потеряетъ свое послѣднее убѣжище на землѣ“...

Г. Веллямовичъ беретъ на себя трудъ отыскать означенную естественно-научную связь явленій міра внѣшняго съ явленіями, если не всего, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой области внутренняго міра,—и притомъ области наиболѣе темной, наименѣе изслѣдованной, области такъ называемаго „эстетическаго чувства“. „Явленія, относящіяся къ области эстетическаго чувства,—совершенно справедливо замѣчаетъ онъ,—принадлежать къ одной изъ наиболѣе темныхъ сторонъ человѣческаго духа; они оставались до сихъ поръ въ густомъ мракѣ и ихъ не коснулся вовсе свѣтъ научнаго анализа. Вотъ почему здѣсь съ особеннымъ удобствомъ и пріютилась мистика“... „Однако,—заключаетъ онъ свое вступленіе,—все выше и выше поднимающаяся побѣдоносная волна естествознанія должна была, наконецъ, посягнуть и на этотъ темный уголокъ психологіи“. Орудіемъ этого посягательства „побѣдоносная волна“ предназначила быть г. Веллямовичу. Посмотримъ-же, какъ онъ исполнилъ свою миссію.

Однимъ изъ основныхъ и существеннѣйшихъ вопросовъ эстетики, является вопросъ о природѣ чувства красоты: имѣетъ-ли оно характеръ чисто-субъективный, т. е. вызывается-ли оно у различныхъ, нормально организованныхъ, индивидовъ различными, нерѣдко даже діаметрально-противоположными, объектами внѣшняго міра, или-же, наоборотъ, оно запечатлѣно характеромъ объективности, т. е. вызывается у различныхъ, нормально организованныхъ, людей всегда одними и тѣми-же объектами, подобно тому, какъ, напр., ощущеніе того или другаго цвѣта, звука и т. п. у всѣхъ нормально развитыхъ людей вызывается одною и тою-же формою движенія воздушныхъ волнъ свѣтоваго эфира? Такъ, мы знаемъ, что, когда волна движенія свѣтоваго эфира достигаетъ длины, равной 640 миліоннымъ долямъ миллиметра, а число колебаній—470 биліоновъ колебаній въ секунду, то каждый нормальный глазъ получаетъ ощущеніе краснаго цвѣта; когда-же длина волны равняется 400 миліон. долямъ миллиметра, а число колебаній — 700 биліон. колебаній въ секунду, то нашъ глазъ ощущаетъ фіолетовый цвѣтъ и т. д. Отсюда мы заключаемъ, что ощущенія краснаго, фіолетоваго и т. п. цвѣтовъ, всегда соотвѣтствуютъ одному и тому-же постоянному объекту внѣшняго міра,

и что разъ этотъ объектъ находится въ наличности, онъ во всѣхъ людяхъ (съ здоровымъ, конечно, зрѣніемъ), подвергающихся его дѣйствию, вызоветъ всегда одно и тоже ощущеніе. Точно также мы знаемъ, что недостатокъ питательныхъ матеріаловъ въ организмѣ и подведеніе желудка во всѣхъ здоровыхъ людяхъ вызываютъ чувство голода, а снабженіе организма достаточнымъ количествомъ питательныхъ матеріаловъ—чувство сытости и т. п. Очевидно, и эти чувства соотвѣтствуютъ всегда одному и тому-же постоянному объекту. Можно-ли-же тоже самое сказать и о чувствѣ красоты? У всѣхъ-ли людей оно всегда вызывается одними и тѣми-же внѣшними причинами? Иными словами: существуетъ-ли внѣ человека такая опредѣленная комбинація движенія, которая должна неизбежно во всѣхъ здоровыхъ людяхъ возбуждать чувство красоты, подобно тому, какъ существуетъ опредѣленная комбинація свѣтовыхъ и воздушныхъ колебаній, возбуждающая въ насъ неизбежное ощущеніе краснаго цвѣта, акорда, звука, шума и т. п? Нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія, что чувство красоты вызывается въ насъ нѣкоторыми объектами внѣшняго міра. Но есть-ли что-нибудь общее, постоянное, неизмѣнное во всѣхъ этихъ объектахъ? Одинакова-ли ихъ природа?

Какъ-бы кто ни рѣшалъ этотъ вопросъ, но всякій очень хорошо знаетъ, что это вопросъ спорный. По мнѣнію однихъ, природа объектовъ, вызывающихъ въ различныхъ людяхъ (и даже въ одномъ и томъ-же человекѣ, въ различные моменты его существованія) чувство красоты, не одинакова; по мнѣнію другихъ, одинакова. Кто правъ, кто ошибается? Какъ это рѣшить? Очевидно, для этого нужно прежде всего тщательно ознакомиться съ доводами и аргументами какъ тѣхъ, которые рѣшаютъ вопросъ объ общности природы объектовъ красоты въ отрицательномъ смыслѣ, такъ и тѣхъ, которые рѣшаютъ его въ смыслѣ положительномъ. Затѣмъ, нужно всесторонне изучить, проанализировать и провѣрить всѣ тѣ факты, на которые ссылаются обѣ стороны. И, наконецъ, если и тогда нельзя еще будетъ придти ни къ какому окончательному выводу, если, напр., окажется, что аргументы и той и другой стороны не достаточно убѣдительны, то, разумѣется, добросовѣстному изслѣдователю ничего болѣе не остается, какъ приняться самому за перерѣшеніе вопроса за-ново. Кажется, это ясно. Въ особенности это должно быть ясно для тѣхъ просвѣщенныхъ людей, которые, подобно г. Веллямовичу, выдаютъ себя за ненавистниковъ всякой мистики и метафизики, за приверженцевъ строго-научнаго міросозерцанія, за поборниковъ точныхъ методовъ опытныхъ наукъ, которые радѣютъ о необходимости приложенія этихъ методовъ къ изученію не только явленій внѣшняго, но и внутренняго мі-

ра... Не такъ-ли, г. Веллямовичъ? А если такъ, то съ чего-же вы должны были начать свою защиту эстетики? Разумѣется, съ изслѣдованія вопроса о томъ: есть-ли что-нибудь общее въ природѣ объектовъ, возбуждающихъ въ людяхъ чувство красоты? Но, увь! для г. Веллямовича вопроса этого совсѣмъ не существуетъ или, лучше сказать, онъ считаетъ его рѣшеннымъ а priori, и потому онъ прямо начинается съ вопроса: что есть общаго въ объектахъ чувства красоты? О, поборникъ точныхъ методовъ и ненавистникъ метафизики! Но откуда-же вы знаете, что въ этихъ объектахъ непременно должно быть что-нибудь общее? Не точно-ли также поступали и до сихъ поръ продолжаютъ поступать гг. эстетики, метафизики и мистики? Они тоже всегда начинали и начинаютъ свою мистическую эквилибристику съ апіорнаго положенія, что существуетъ красота *an sich und für sich*; разъ допустивъ эту метафизическую сущность, они уже ничѣмъ не стѣснялись и безъ малѣйшаго труда опредѣляли ея природу, выдумывали для нея свои законы и, на основаніи этихъ фантастическихъ законовъ, строили свои фантастическія теоріи и философію эстетики. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще, легче и удобнѣе, какъ опредѣлять природу несуществующей вещи, открывать законы мнимыхъ явленій? „Опытъ новой философіи“ г. Веллямовича является однимъ изъ тысячныхъ, изъ миліонныхъ подтвержденій этой истины.

Признавъ а priori, что объекты красоты имѣютъ общую природу, онъ, какъ мы сейчасъ сказали, задается вопросомъ: въ чемъ-же состоитъ характеръ, сущность этой общей природы?

„Прежде всего,—разсуждаетъ онъ,—слѣдуетъ замѣтить, что чувство красоты возбуждается въ насъ какъ произведеніями изящныхъ искусствъ, такъ и произведеніями самой природы, и что съ послѣдними (т. е. съ объектами природной красоты) оно имѣло дѣло раньше, чѣмъ съ первыми (т. е. объектами искусственной красоты), слѣдовательно, хронологическая послѣдовательность обязываетъ насъ начать съ анализа природныхъ объектовъ красоты, т. е. съ опредѣленія сущности прекраснаго въ природѣ“. Въ чемъ состоитъ сущность прекраснаго въ природѣ? Рѣшенію этого вопроса авторъ посвящаетъ всю первую часть своего „Опыта“, хотя онъ окончательно и безапелляціонно рѣшаетъ его на первыхъ же страничкахъ. Въ началѣ онъ дѣлаетъ видъ, будто при изслѣдованіи этого вопроса онъ хочетъ придерживаться метода опытныхъ наукъ. „Я,—говоритъ онъ,—разсмотрю сперва природу каждаго объекта естественной красоты въ отдѣльности и затѣмъ уже, сравнивая и сопоставляя результаты анализа частныхъ, единичныхъ явленій, мы, естественно, должны будемъ придти къ обнаруженію ихъ общей природы, т. е. къ обнаруженію общей сущно-

сти прекраснаго въ природѣ“. Разсмотрѣніе частныхъ объектовъ природной красоты авторъ начинаетъ съ человѣческой внѣшности. Очевидно, еслибы онъ хотѣлъ строго придерживаться самимъ-же имъ для себя опредѣленнаго метода, онъ долженъ былъ-бы, не прибѣгая ни къ какимъ произвольнымъ предположеніямъ, проанализировать понятія о человѣческой красотѣ въ различныя историческія эпохи, у различныхъ народовъ, у различныхъ общественныхъ группъ одного и того-же народа, наконецъ, у одного и того-же индивида, въ различные періоды его физическаго и психическаго развитія. Я не знаю, къ какому-бы онъ тогда пришелъ выводу, но, во всякомъ случаѣ, его выводъ имѣлъ-бы несомнѣнное научное достоинство. Но, увы! г. Веллямовичъ любитъ научные методы чисто-платоническою любовію,—любовію, повидимому, ни къ чему его необязывающую.

Вмѣсто кропотливаго, всесторонняго анализа разнообразныхъ историческихъ, географическихъ, климатическихъ, общественно-политическихъ, педагогическихъ и другихъ условий, опредѣляющихъ красоту человѣческой внѣшности у различныхъ народовъ въ различныя эпохи и т. п., онъ считаетъ болѣе удобнымъ начать съ установленія нѣкоторой общей гипотезы,—гипотезы, которую онъ, разумѣется, выдаетъ за несомнѣнный фактъ, хотя она и находится въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми обще-извѣстными и для всѣхъ очевидными фактами. „Хотя,—такъ приступаетъ онъ къ рѣшенію вопроса о сущности человѣческой красоты,—хотя понятіе о человѣческой красотѣ у разныхъ индивидовъ (и тѣмъ болѣе у разныхъ націй) и не вполне тождественны, тѣмъ не менѣе въ общемъ они существенно едины“... „Только допуская такое единство, возможно объяснить себѣ тотъ фактъ, что драгоценныя античныя статуи признаются всѣми въ болѣе или меньшей степени прекрасными, и что никто не находитъ безобразной Мадонну Рафаэля, Венеру Тиціана...“ Но, позвольте, прежде, чѣмъ объяснять фактъ, нужно доказать, что онъ существуетъ. Попробуйте-же доказать, что всѣ, въ томъ числѣ и китайцы, и японцы, и американскіе индѣйцы, и негры, и папуасы, и калмыки, и готтентоты и лапландцы и т. д., и т. д., признаютъ прекрасными драгоценныя античныя статуи, и что никто не находитъ безобразной Мадонну Рафаэля и Венеру Тиціана. Впрочемъ, лучше не пробуйте,—это будетъ потерянный трудъ. Вы, быть можетъ, скажете, что подъ всѣми вы подразумѣваете однихъ лишь цивилизованныхъ европейцевъ. Но вѣдь цивилизованные европейцы раздѣляются на различныя общественныя группы и у каждой изъ этихъ группъ есть свои идеалы человѣческой красоты, а черезъ нѣсколько страницъ вы сами допускаете, что эти идеалы бываютъ иногда діа-

метрално-противоположны одинъ другому; напр., идеаль о женской красотѣ русскаго кушца или крестьянина и какого-нибудь парижскаго *petit-crève* или какого-нибудь анемичнаго аристократа.

Допустивъ совершенно произвольно при самомъ началѣ своего анализа положеніе, которое должно было-бы составлять лишь конечный результатъ этого анализа, признавъ заранѣе доказаннымъ то, что ему слѣдовало доказать, авторъ задается вопросомъ: въ чемъ-же состоятъ „разнообразныя анатомическія признаки, совокупности которыхъ составляетъ красивую внѣшность“? Начинаетъ онъ съ перечисленія анатомическихъ признаковъ красивой женщины. Красивая женщина должна, по его увѣренію, имѣть тазъ низкій и широкій; передняя часть черепа должна быть менѣе развита, чѣмъ задняя, и имѣть меньшую вмѣстимость, чѣмъ у мужчинъ; полнота формъ должна быть нормальная (не слишкомъ толста, не слишкомъ худа); зубы должны быть здоровые, крѣпкіе; волосы роскошныя, груди правильно развитыя, не очень большія да и не очень маленькія; цвѣтъ кожи здоровый; правильное соотношеніе всѣхъ частей тѣла вообще и, наконецъ, женственное выраженіе лица. Подъ женственнымъ-же выраженіемъ лица авторъ подразумѣваетъ выраженіе страстности, доброты, нѣжности и кротости и т. п. Вы спросите, откуда-же вывелъ нашъ поклонникъ опытнаго метода точныхъ наукъ свой рецептъ женской красоты? Онъ вывелъ его на основаніи слѣдующихъ курьезныхъ соображеній: широкій и низкій тазъ облегчаетъ дѣторожденіе; низкій лобъ и малая вмѣстимость черепа потому необходимы для красивой женщины, что она не только не нуждается въ развитомъ интеллектѣ, но, напротивъ, „высокое интеллектуальное развитіе принесло-бы ей вредъ, такъ-какъ непроизводительная затрата жизненныхъ силъ на умственное развитіе поглотила-бы тотъ избытокъ органическихъ силъ, который долженъ быть направленъ на произведеніе болѣе сильнаго потомства“; женственное выраженіе лица необходимо потому, что служить „отпечаткомъ положительныхъ качествъ духа женщины, опредѣляющихъ ея значеніе, какъ самки и матери“; здоровые и крѣпкіе зубы необходимы, такъ-какъ отъ хорошаго пищеваренія матери зависитъ благосостояніе потомства; роскошное развитіе волосъ имѣетъ совершенно такое-же значеніе, такъ-какъ въ немъ отражается норма силъ организма матери, а что, дѣйствительно, въ роскошныхъ волосахъ отражается норма силъ организма матери, это, по мнѣнію нашего философа, вполне доказывается преданіями о Самсонѣ, Ильѣ Муромцѣ, и, наконецъ, слѣдующимъ стихомъ одной народной пѣсни: „Съ радости, съ веселья кудри хмѣлемъ выются, а съ тоски, съ печали русыя сѣются“ (см. стр. 6, 7). Не дурно, не правда-ли?

Предположивъ, что всё выгодные (полезные) для женщины, какъ самки и матери, анатомическіе признаки строенія женскаго организма составляютъ въ тоже время необходимые признаки женской красоты, нашъ философъ дѣлаетъ изъ этой произвольно допущенной послышки слѣдующій выводъ: „такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—полезность должна войти въ опредѣленіе природы, т. е. сущности женской красоты“; первая составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ послѣдней (стр. 8). Что за убогость мысли! Авторъ совсѣмъ какъ-будто и не подозреваетъ, что въ его выводѣ не содержится ничего инаго, чего ранѣе не предполагалось-бы въ послышкѣ, послышка только перефразируется въ выводѣ и рѣшительно ничѣмъ не доказывается. При такомъ способѣ аргументаціи, разумѣется, возможно доказать все, что угодно и, дѣйствительно, сейчасъ мы увидимъ, что для нашего удивительнаго логика не существуетъ такого абсурда, который онъ не могъ-бы доказать. „Все сказанное (т. е. предположенное) о женской красотѣ,—разсуждаетъ онъ,—совершенно приложимо и къ красотѣ мужской; а именно всё тѣ внѣшнія особенности строенія, которыми обезпечивается благосостояніе рода, въ то-же время представляютъ и элементы мужской красоты“. „Отсюда, однако, не слѣдуетъ,—продолжаетъ онъ,—будто типъ мужской и женской красоты, во всё времена и у всѣхъ народовъ долженъ быть одинъ и тотъ-же“. Нѣтъ, онъ измѣняется и во времени, и въ пространствѣ. Противъ этого, для всѣхъ очевиднаго факта,—факта, впрочемъ, весьма мало гармонирующаго съ основною, первоначальною послышкою автора,—послѣдній не споритъ, и не только не споритъ, онъ видитъ даже въ немъ неопровержимое подтвержденіе своей основной послышки. Вы удивляетесь, но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго... „Въ самомъ дѣлѣ,—философствуетъ онъ,—каждый національный типъ красоты есть до извѣстной степени внѣшнее выраженіе національнаго характера; это значить, что по типу можно заключать о національномъ характерѣ. Но что такое характеръ вообще? Характеръ обнимаетъ собою (въ психологіи) всю сумму отдѣльныхъ особенностей въ строеніи нервнаго аппарата, которою опредѣляется совокупность возможныхъ для организма дѣятельностей“... „Въ силу-же міроваго закона развитія, каждый организмъ приспособляется наивыгоднѣйшимъ образомъ къ окружающей его средѣ; это значить, другими словами, что для всякаго даннаго организма данное анатомическое его устройство представляется наивыгоднѣйшимъ изъ всѣхъ, возможныхъ для него въ данный моментъ, анатомическихъ строеній, т. е. представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ по отношенію къ условіямъ внѣшняго міра“, а „отсюда,—заключаетъ авторъ,—нельзя не признать, что характеръ, какъ инди-

видуальный, такъ и національно-психологическій, есть характеръ наивыгоднѣйшій для даннаго индивида или для данной націи, а, слѣдовательно, и соответствующій ему типъ наружности будетъ наикрасивѣйшимъ". (стр. 11). Одинъ нѣмецкій философъ увѣрялъ, будто все существующее необходимо, а все необходимое истинно. Россійскій философъ идетъ еще дальше: онъ утверждаетъ, что все существующее необходимо и все необходимо-существующее полезно, а все полезное красиво. О, Вольтеръ, еслибы ты дожилъ до нашего времени, еслибы ты зналъ по-русски и еслибы тебѣ вздумалось прочесть новую „философію искусствъ“ г. Веллямовича, ты навѣрное передѣлалъ-бы своего знаменитаго Панглоса съизнова. Наши отечественные Панглосы болѣе чѣмъ на цѣлый вѣкъ опередили твоего Панглоса. По мнѣнію твоего Панглоса, въ „наилучшемъ изъ міровъ“ (т. е. нашемъ) все устроено наилучшимъ образомъ; по мнѣнію-же нашихъ Панглосовъ, въ „наилучшемъ изъ міровъ“ все устроено не только наилучшимъ, но и наикрасивѣйшимъ образомъ.

Всякое приспособленіе къ условіямъ данной среды выгодно и полезно, какъ для отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и для цѣлыхъ націй, утверждаетъ русскій Панглосъ. Однако, позвольте: неужели вы не допускаете возможности существованія такихъ условій, приспособленіе къ которымъ равносильно медленному самоубійству, физическому, умственному и нравственному вырожденію индивидуальнаго и національнаго характера? Представьте себѣ группу индивидовъ или націю, поставленную, въ силу различныхъ историческихъ причинъ, въ такія условія, благодаря которымъ онѣ не только не могутъ умственно развиваться, но даже не могутъ нормально питаться: дурная пища, непосильный физическій трудъ, испорченный воздухъ и т. п. разстроили ихъ пищеварительные органы, обезжелезили ихъ кровь, согнули ихъ позвоночный столбъ, сжали, сплюснули ихъ черепъ, предразположили ихъ организмъ ко всевозможнымъ болѣзнямъ и т. п.; ихъ экономическое и общественное положеніе развило въ нихъ самыя низкія, грубыя страсти, приучило ихъ къ рабской выносливости, сдѣлало ихъ жалкими трусами, безсердечными эгоистами, безхарактерными тряпичниками, атрофировало въ нихъ чувство „собственнаго достоинства“, забило ихъ умъ, сгубило кругозоръ ихъ мысли, однимъ словомъ, лишило ихъ всякаго нравственнаго „облика и подобія человѣческаго“. Неужели-же характеръ (индивидуальный или національный), выработавшійся у нихъ, подъ вліяніемъ приспособленія къ подобнымъ условіямъ, слѣдуетъ считать наивыгоднѣйшимъ и наиболее полезнымъ для нихъ, а тотъ наружный типъ, въ которомъ выражается этотъ характеръ, наикрасивѣйшимъ для нихъ типомъ?

Нашъ философъ, повидимому, предвидѣлъ этотъ, роковой для

его суемудрія вопросъ и заранѣе приготовился къ отвѣту. „Намъ могутъ указать,—говорить онъ,—на послѣднія времена Греціи и Рима, на современную Турцію и на цѣлый рядъ могущественныхъ древнихъ націй Востока; которыя, однако, были приведены къ гибели общимъ складомъ своего національнаго характера. Вообще, можно перечислить множество примѣровъ, гдѣ та или другая черта національнаго характера не только бесполезна для націи, но безусловно вредна; едва-ли, напр., возможно усмотрѣть хотя какой-нибудь элементъ полезности въ страсти къ пьянству или куренію опиума“ и т. д. Какъ-же справляется нашъ авторъ съ этими, имъ-же самимъ предвидѣнными, возраженіями? Послушайте, это очень интересно... интересно даже и для нашего „новаго времени“,—времени повальной глупости и мракобѣсія.

„Чтобы отвѣтить на всѣ эти возраженія, мы скажемъ“ (авторъ, дѣйствительно, это говорить и не только говорить, но и пишетъ и печатаетъ) „мы скажемъ, что хотя мы и рассматриваемъ націю, какъ сложный организмъ, тѣмъ не менѣе она организмъ не независимый, а подчиненный. Другими словами, этотъ сложный организмъ составляетъ только отдѣльную часть или членъ еще болѣе сложнаго организма—человѣчества. По-скольку часть есть нераздѣльная часть цѣлаго, по-стольку-же интересы части совпадаютъ съ интересами цѣлаго, хотя-бы этотъ интересъ требовалъ уничтоженія самой части. На этомъ основаніи не будетъ парадоксомъ (еще-бы!) утвержденіе, что для данной націи можетъ быть выгодно погибнуть“... (стр. 17.) „Возвысившись до этой точки зрѣнія,—торжественно заключаетъ нашъ авторъ,—легко понять (!), что... человѣчеству можетъ быть полезно уничтоженіе той или другой отдѣльной націи, а, слѣдовательно, полезно и все то, что обуславливаетъ это уничтоженіе, полезень характеръ данной націи и, какъ объективное выраженіе послѣдняго, полезень данный національный типъ красоты“ (стр. 18).

И такъ, типъ зобастыхъ кретиновъ нѣкоторыхъ мѣстностей Швейцаріи и Италіи—красивый типъ, ибо для блага человѣчества нужно, чтобы эти кретины скорѣе уничтожились. Для блага человѣчества необходимо, чтобы турки питали страсть къ опиуму, чтобы крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи имѣли наследственное предрасположеніе къ сифилису, чтобы американскіе индѣйцы чувствовали непреодолимую наклонность къ виски и спирту, чтобы у нѣкоторыхъ философовъ и эстетиковъ, вмѣсто человѣческой головы, сидѣла на плечахъ голова ослиная,—все это нужно для блага человѣчества, а потому типъ турка, доведеннаго опиумомъ до одуренія, типъ сифилитика, спившагося индѣйца, философа съ ослиною головою—все это красивые типы, и въ нихъ выражается харак-

теръ, полезный для человѣчества! Дѣйствительно, „возвыситься до такой точки зрѣнія“ довольно трудно и не для всякаго возможно: мнѣ кажется, что даже и Панглось, достигнувъ такой высоты, легко можетъ потерять голову. Не потерялъ-ли ее и нашъ Панглось?

Если судить по его дальнѣйшей аргументаціи, то трудно отвѣтить на этотъ вопросъ иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Не думая, впрочемъ, черезъ мѣру испытывать долготерпѣніе читателей, я не стану слѣдить за нею во всѣхъ ея курьезныхъ деталяхъ, а ограничусь лишь нѣсколькими, наиболѣ существенными образчиками.

III.

Вбивъ себѣ въ голову, будто все красивое непременно должно быть полезно, а полезное красиво, нашъ Панглось старается найти подтвержденіе этой мысли не только въ типахъ національной красоты (всегда выражающихъ, по его мнѣнію, какъ мы сейчасъ видѣли, наивыгоднѣйшій, наиполезнѣйшій для націи характеръ), но даже и въ индивидуальныхъ отклоненіяхъ отъ этого типа, обусловливаемыхъ такъ-называемымъ личнымъ вкусомъ. Сплошь и рядомъ мы видимъ, что, напр., женщина, которая нравится одному мужчинѣ, совсѣмъ не нравится другому, и наоборотъ. Какъ это объяснить? О, очень просто. „Прежде всего, мы должны признать,—утверждаетъ нашъ поклонникъ научныхъ методовъ,—что принципъ, лежащій въ основѣ индивидуальныхъ измѣненій идеаловъ красоты, долженъ быть тотъ-же самый, что и принципъ, управляющій явленіями половой любви“... и что, „слѣдовательно, чтобы опредѣлить первый, нужно только выяснитъ послѣдній“ (стр. 19). Прекрасно. Положимъ, кто согласится съ посылкою, тотъ согласится и съ выводомъ; но, вѣдь, посылку-то свою авторъ не только ничѣмъ не доказываетъ, но даже и не пытается доказать. „Мы должны признать“, но почему-же мы должны признать? Что на наши индивидуальные представленія о красотѣ той или другой женщины оказываетъ несомнѣнное вліяніе половое влеченіе, это, дѣйствительно, всякій знаетъ; но что первыя по существу своему, т. е. по своему основному принципу, тождественны съ послѣдними, это требуетъ доказательствъ и весьма убѣдительныхъ доказательствъ. Безъ этихъ доказательствъ, это не болѣе какъ совершенно произвольное предположеніе, потому принимать его за фактъ, который „мы должны признать“, непростительно не только для философа, выдающаго себя за поклонника точныхъ методовъ опыт-

ныхъ наукъ, но и просто для всякаго несвихнушагося человѣка. Однако, допустимъ на минуту, будто послышка автора вѣрна и никакихъ доказательствъ не требуетъ. Прекрасно. Какой-же принципъ лежитъ въ основѣ нашихъ половыхъ влеченій? По мнѣнію одного нѣмецкаго метафизика (Гартмана), во всѣхъ явленіяхъ міра проявляется безсознательный міровой разумъ, который все и вся направляетъ къ полезнымъ цѣлямъ. Половая любовь не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила; въ основѣ ея точно также лежитъ не только влеченіе къ половому удовлетворенію вообще, но и къ половому удовлетворенію наиболѣе выгодному, наиболѣе полезному для цѣлей міра, т. е. къ такому, результатомъ котораго является наиболѣе совершенное потомство. Нашъ авторъ, забывъ свое торжественное отреченіе отъ метафизики и метафизиковъ, вполне и безусловно соглашается съ этимъ метафизическимъ объясненіемъ любви, и не только соглашается, но даже распространяетъ его (къ чему, впрочемъ, его обязываетъ послѣдовательность) на наши представленія о женской красотѣ. Такъ-какъ, говоритъ онъ, въ основѣ нашего полового чувства лежитъ стремленіе къ достиженію полезной цѣли, то, слѣдовательно, тоже стремленіе должно лежать и въ чувствахъ красоты, возбуждаемыхъ въ насъ наружностію той или другой женщины; иными словами, мы находимъ красивою лишь женщину, полезную для насъ, съ точки зрѣнія воспроизведенія „совершеннаго потомства“. Ну, хорошо, допустимъ, что г. Веллямовичу нравится, т. е. удовлетворяетъ его личному идеалу красоты только та женщина, которая, по своей внѣшности, обѣщаетъ быть хорошею самою и подарить ему „совершенное потомство“, а какъ-же быть насчетъ мужской красоты? Представленія мужчинъ о мужской красотѣ столь-же разнообразны и капризны, какъ и ихъ представленія о женской красотѣ. Почему г. Веллямовичу одинъ мужчина нравится болѣе, чѣмъ другой? Неужели онъ придерживается восточныхъ вкусовъ?

Но оставимъ на минуту г. Веллямовича и обратимся къ обыкновеннымъ фактамъ. Г. Веллямовичъ имѣетъ смѣлость утверждать, будто вся измышленная имъ (или, лучше сказать, заимствованная у нѣмецкихъ метафизиковъ-телеологовъ) чепуха „не только не противорѣчитъ, но даже прямо вытекаетъ изъ ученія Дарвина о естественномъ и половомъ подборѣ“ (стр. 20.). Это уже черезчуръ развязно. Въ своей книгѣ о половомъ подборѣ („Происхожд. человѣка и подборъ по отнош. къ полу“), Дарвинъ приводитъ массу фактовъ, доказывающихъ, что, при выборѣ самцовъ—самками и самокъ—самцами, тѣ и другіе взаимно ищутъ другъ у друга не только признаковъ полезныхъ (для сохраненія вида, для произведенія здороваго потомства), но и признаковъ красивыхъ, и что не-

рѣдко признаки красивые не только не полезны, но положительно вредны для вида. Упомянув, напр., о нѣкоторыхъ украшеніяхъ, прибрѣтенныхъ путемъ подбора самцами-птицами, онъ говоритъ, „очевидно, что блестящіе цвѣта многихъ самцовъ, ихъ хохлы, великолѣпныя перья и т. д. не могли быть прибрѣтены для охраны; напротивъ, они подвергаютъ ихъ иногда опасности“. („Происхожд. чел.“ Т. II, стр. 262, перев. Сѣченова). Вообще, эти красивые признаки, привлекающіе къ самцамъ самокъ, нисколько не полезны для первыхъ и не имѣютъ никакого отношенія къ акту воспроизведенія потомства, а между тѣмъ они оказываютъ несомнѣнное вліяніе на половое влеченіе. Почему-же всѣ эти хохлы, блестящіе цвѣта, великолѣпные хвосты и т. п. нравятся самкамъ? Вѣдь, для сохраненія и продолженія вида, они совершенно бесполезны? Но, быть можетъ, они нравятся потому, что при ихъ присутствіи актъ половой любви совершается съ бѣльшею страстностію и обѣщаетъ дать въ результатъ болѣе или менѣе совершенное потомство? Это очень вѣроятно. Однако, отсюда никакъ еще нельзя выводить того заключенія, которое дѣлаетъ нашъ мнимый послѣдователь Дарвина. Усвоеніе признаковъ, считающихся красивыми съ точки зрѣнія самокъ, конечно, очень полезно для самцовъ, но все-таки ихъ стали считать красивыми совсѣмъ не потому, что они полезны. Ихъ полезность обуславливается ихъ красотію, а не наоборотъ. Понимаете-ли вы это, г. Веллямовичъ? А чѣмъ-же обуславливается ихъ красивость? Ссылка на половое влеченіе ничего не объясняетъ: прежде, чѣмъ въ умѣ, напр., самки павлина ассоціировалось представленіе о роскошномъ, ярко разцвѣченномъ хвостѣ самца съ чувствомъ наиболѣе полного полового удовлетворенія, нужно было, чтобы самкѣ нравился такой хвостъ, чтобы она искала и сошлась съ самцемъ, обладающимъ этимъ украшеніемъ.

Но довольно объ этомъ. Изъ всего сказаннаго читатель, полагаю, можетъ уже составить себѣ достаточно ясное представленіе о степени убѣдительности и, главное, научности аргументаціи г. Веллямовича,—аргументаціи, долженствовавшей, по его мнѣнію, доказать, будто красивою наружностію считается лишь такая наружность, которая представляетъ собою нѣкоторую объективную полезность.

Отъ красивой наружности онъ переходитъ къ „красивымъ“ звукамъ и формамъ. Здѣсь ограничивается лишь повтореніемъ, довольно, впрочемъ, безтолковымъ, того, что всѣмъ и каждому давнымъ-давно извѣстно. Кто не знаетъ, что красивыми звуками и формами мы считаемъ лишь такіе звуки и формы, которые возбуждаютъ нашъ нервный слуховой и глазной аппаратъ къ дѣятельно-

сти наиболѣе для насъ пріятной, т. е. разнообразной, неутомляющей, представляющей, такъ-сказать, наиболѣе экономическую форму нервной работы и требующей наименьшей затраты нервнаго вещества? Противъ этого, разумѣется, никто не станетъ спорить. Наиболѣе экономическую форму нервной работы мы имѣемъ, конечно, полное право считать работою наиболѣе полезною для организма и, слѣдовательно, мы можемъ безъ всякой натяжки признать, вмѣстѣ съ г. Веллямовичемъ, что красивыми считаются лишь тѣ звуки и формы, которые полезны для нашего нервнаго организма (т. е. возбуждаютъ въ немъ полезную дѣятельность). Мало того, еслибы г. Веллямовичъ сдѣлалъ, на основаніи этого частнаго случая, нѣкоторое обобщеніе, еслибы онъ сказалъ, что вообще всѣ тѣ внѣшніе возбудители, которые вызываютъ въ насъ чувство красоты, суть возбудители полезные для нашего организма, такъ-какъ ими обуславливается наиболѣе экономическая затрата нервнаго вещества и наиболѣе выгодная нервная дѣятельность, то и тогда-бы никто, вѣроятно, не сталъ спорить. Но, вѣдь, онъ говоритъ совсѣмъ не то: онъ хочетъ доказать не субъективную, а объективную полезность предметовъ, возбуждающихъ въ насъ чувство красоты; онъ хочетъ доказать, что предметы считаются красивыми не потому, что они возбуждаютъ въ нашихъ нервныхъ аппаратахъ извѣстнаго рода дѣятельность, благопріятствующую ихъ правильному функціонированію, а, слѣдовательно, полезную для организма,—нѣтъ, онъ хочетъ доказать, что они считаются красивыми потому, что они полезны *an sich und für sich*, полезны не по отношенію только къ тому или другому состоянію психическаго организма того или другаго индивида, а по отношенію къ міру вообще, иными словами, что они не потому красивы, что субъективно-полезны, а потому красивы, что полезны объективно. Говоря о красивыхъ формахъ и звукахъ, онъ забылъ этотъ основной тезисъ и, благодаря этой забывчивости, онъ если и не сказалъ ничего новаго, то, по крайней мѣрѣ, не сказалъ и ничего особенно глупаго; онъ не сталъ, напр., доказывать, будто гармоническіе звуки полезнѣе сами по себѣ звуковъ негармоническихъ, будто тоны полезнѣе шума, кривая линия полезнѣе прямой, а прямая—полезнѣе ломаной и т. п. Конечно, это дѣлаетъ несомнѣнную честь его уму, хотя и не дѣлаетъ чести его памяти. Но, увы, нужно сознаться, что его память очень недолго находилась въ отсутствіи, а умъ—въ присутствіи. Едва только онъ отвлекъ свое вниманіе отъ звуковъ и формъ и перешелъ, какъ онъ выражается, „къ анализу (разумѣется, слово *анализъ* имъ употребляется только для пущей важности) болѣе сложныхъ объектовъ прекраснаго въ природѣ, каковы, напр., красивыя мѣстности

и красивыя явленія природы“, какъ онъ сейчасъ-же снова вспомнилъ о своемъ злополучномъ тезисѣ и снова загородилъ чепуху, съ образчиками которой мы только-что познакомились, при его „анализѣ“ человѣческой красоты.

„Начнемъ,—говоритъ онъ,—съ ландшафтовъ. Нѣкоторыя мѣстности мы находимъ прекрасными, другія нѣтъ... Какова-же общая природа красивыхъ ландшафтовъ?“ По этому началу вы уже можете судить о достоинствѣ дальнѣйшей аргументаціи. По своему обыкновенію, поклонникъ „точныхъ наукъ“ опять начинаетъ съ конца: вмѣсто того, чтобы начать съ изслѣдованія вопроса о томъ, существуетъ-ли что-нибудь общее между различными ландшафтами, считающимися красивыми, онъ прямо задается вопросомъ: „какова общая природа красивыхъ ландшафтовъ?“ И затѣмъ онъ смѣло приступаетъ къ составленію общаго универсальнаго рецепта „красивой мѣстности“. Красивая мѣстность должна, по его мнѣнію, удовлетворить всѣмъ или нѣкоторымъ изъ нижеслѣдующихъ условій: во-первыхъ, она „должна представлять такое сочетаніе возвышенностей и низменностей, чтобы онѣ смѣнялись однѣ другими и чтобы, такимъ образомъ, характеръ вида былъ разнообразенъ; во-вторыхъ, необходимо присутствіе воды (рѣка, прудъ, озеро и т. п.); въ третьихъ, чтобы она не покрывалась сплошнымъ лѣсомъ, но чтобы послѣдній смѣнялся полянами, лугами, лужайками, и т. п.; поляны-же, въ свою очередь, должны прерываться отдѣльными группами деревьевъ и небольшими перелѣсками; а въ четвертыхъ, необходимъ еще „шумящій водопадъ, низвергающійся съ высоты въ видѣ мириадовъ сверкающихъ брызгъ и блестящей водяной пыли“ (стр. 40). Почему,—спрашиваетъ себя далѣе авторъ,—всѣ эти условія болѣе или менѣе необходимы для приданія ландшафту красиваго вида? А потому,—отвѣчаетъ онъ безъ малѣйшей запинки,— „что они дѣлаютъ мѣстность наиболѣе полезною, наиболѣе пригодною для благосостоянія людей“ (стр. 41). Такъ, присутствіе воды составляетъ необходимое условіе красоты ландшафта, такъ-какъ безъ воды людямъ совсѣмъ нельзя было-бы жить; не говоря уже о томъ, что она служитъ для питья, она „полезна въ періоды зноя, какъ средство прохлады“ (ib.), а зимой—какъ средство для развлеченія и полезныхъ гимнастическихъ упражненій (катанья на конькахъ); кромѣ того, она обезпечиваетъ орошеніе мѣстности, служитъ удобнымъ средствомъ сообщенія и, наконецъ, „даетъ возможность добывать рыбу“ (ib.). Болѣе или менѣе разнообразное сочетаніе возвышенностей и низменностей красиво потому, что имъ обусловливается разнообразіе флоры и фауны; горы красивы потому, что защищаютъ равнины отъ холодныхъ вѣтровъ и содержатъ въ нѣдрахъ своихъ „неистощимыя хранилища драго-

цѣнныхъ камней, металовъ, каменнаго угля и другихъ матеріаловъ, полезныхъ для человѣка“ (стр. 42). „Сплошные дремучіе лѣса некрасивы потому, что они непригодны для земледѣльческаго быта; напротивъ, небольшіе лѣсные участки, смѣняющіеся безлѣсными пространствами, красивы, такъ-какъ полное отсутствіе лѣса вредно отразилось-бы на благосостояніи и здоровьи людей“ (стр. 42). Не правда-ли, читатель, объясненіе не дурно и не лишено своего рода остроумія? Жаль только, что не всѣ красивыя горы содержать въ нѣдрахъ своихъ „неистощимыя хранилища драгоценныхъ камней и металовъ“, что не въ каждомъ красивомъ водномъ резервуарѣ водится рыба и содержится вода, годная для питья; жаль также, что сплошной дремучій лѣсъ, безъ просѣкъ, или безпредѣльная равнина столь-же легко могутъ возбуждать въ насъ чувство красоты, какъ и лѣсъ съ просѣками или равнина, испещренная возвышенностями и „группами деревьевъ“, а еще болѣе жаль, что мѣстности, совершенно негодныя къ обитанію,—дикія скалы, утесы, степи и т. п., часто нравятся людямъ, привыкшимъ жить въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ гораздо больше, чѣмъ послѣднія...

Съ такою-же хлестаковскою развязностію и съ такою-же неустрашимостію объясняетъ намъ авторъ красоту различныхъ явленій природы. Напр., восходъ и заходъ солнца, говоритъ онъ, красивъ, потому что полезенъ для людей и всѣхъ земныхъ звѣрей; лѣтомъ заходъ солнца красивѣе чѣмъ зимою, потому что въ душевные лѣтніе дни человѣкъ болѣе страдаетъ отъ него, чѣмъ въ холодные, зимніе. Гроза красива потому, что освѣжаетъ и очищаетъ воздухъ; звѣздная, лунная ночь красива потому, что звѣзды и луна даютъ людямъ возможность экономизировать свѣчи, керосинъ, лучину и другіе освѣтительные матеріалы; бушующее море красиво потому... потому, вѣроятно, что еслибы оно никогда не бушевало, то, пожалуй, у насъ совсѣмъ-бы не было опытныхъ, смѣлыхъ и находчивыхъ матросовъ.

„Такимъ образомъ,—заключаетъ нашъ авторъ свой „обзоръ“ красивыхъ явленій и предметовъ природы,—мы нашли (?) общую сущность всего прекраснаго въ природѣ; мы вправѣ сказать (т. е. повторить въ сотый разъ свою первоначальную и совершенно произвольную посылку), поэтому, что все прекрасное въ природѣ въ то-же время и полезно“ (стр. 46), иными словами, что объективная полезность даннаго явленія или предмета природы всегда обуславливаетъ его красоту, составляетъ сущность этой красоты.

Выставивъ это смѣлое положеніе, какъ фактъ, будто-бы несомнѣнно имъ доказанный, философъ нашъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость и сейчасъ-же постѣшилъ ограничить его двумя ого-

ворками, изъ которыхъ одна, послѣдняя, уничтожаетъ его въ самомъ корнѣ. Первая оговорка гласитъ, что такъ-какъ эстетическое чувство возбуждается въ людяхъ только черезъ посредство зрительнаго или слуховаго аппарата, то отсюда слѣдуетъ, что не всякая полезность способна вызвать въ насъ чувство прекраснаго, а лишь та полезность, „о которой мы узнаемъ зрѣніемъ или слухомъ“ (стр. 47). Однако, автору, повидимому, не безызвѣстно, что есть множество полезностей, „о которыхъ мы узнаемъ зрѣніемъ или слухомъ“ и которыя не только не возбуждаютъ въ насъ чувство прекраснаго, но нерѣдко вызываютъ чувство отвращенія; что одна и та-же полезность въ одномъ случаѣ можетъ намъ нравиться, а въ другомъ—мы относимся къ ней, съ эстетической точки зрѣнія, совершенно индифферентно. Какъ-же примирить это вопіющее противорѣчіе всѣмъ извѣстныхъ фактовъ съ авторской гипотезою? Волею-неволею автору приходится сдѣлать вторую оговорку: ему приходится допустить, что изъ всѣхъ объективно-полезныхъ объектовъ зрѣнія и слуха, лишь тѣ объекты входятъ въ область прекраснаго, которые выражаются „сложною совокупностію акустическихъ или оптическихъ атрибутовъ“ (стр. 49), т. е., выражаясь языкомъ болѣе вразумительнымъ, лишь тѣ объекты, воспринимая которые зрѣніемъ или слухомъ, мы испытываемъ эстетическое удовольствіе, т. е., которые возбуждаютъ нервныя аппараты зрѣнія и слуха къ наиболѣе выгодной для нихъ дѣятельности, которые субъективно-полезны для нашего организма; а отсюда само собою слѣдуетъ, что объективная полезность предмета не только не составляетъ сущности прекраснаго, но даже и не имѣетъ къ послѣднему никакого непосредственнаго отношенія. Данный предметъ можетъ быть въ высочайшей степени полезенъ для жизни и благосостоянія человѣчества, но если онъ не окрашенъ извѣстнымъ образомъ извѣстными цвѣтами, не имѣетъ извѣстныхъ формъ, если его отдѣльныя части не расположены въ извѣстномъ порядкѣ и т. п., то онъ все-таки ни въ комъ не вызоветъ чувства прекраснаго. Наоборотъ, предметъ можетъ быть не только бесполезенъ, но даже вреденъ для блага людей, но если онъ „выражается сложною совокупностію акустическихъ или оптическихъ атрибутовъ“, то, по словамъ автора, онъ будетъ производить на насъ впечатлѣніе красиваго предмета. Кусокъ каменнаго угля, кусокъ желѣзной руды, конечно, гораздо полезнѣе для человѣчества, чѣмъ маленькій блестящій алмазикъ, и, однакожь, смотря на алмазь, мы испытываемъ нѣкоторое эстетическое удовольствіе, а созерцая каменный уголь или руду, мы остаемся, въ эстетическомъ отношеніи, совершенно индифферентными. Пароходъ, соединяющій людей, раздѣленныхъ необъятными водными пространствами, конечно, по-

лезнѣе для человѣчества, чѣмъ... морская буря, разбивающая пароходъ и погребаящая его въ морскихъ пучинахъ. А между тѣмъ, „морская буря“, бушующее море, опять-таки, по словамъ самаго автора, возбуждаетъ въ насъ чувство прекраснаго (положимъ, не всегда, гораздо чаще она вызываетъ рвоту), а самая сложная машина, какъ-бы она ни была полезна, никогда не вызоветъ въ насъ этого чувства (стр. 48, 49) *).

И такъ, въ-концѣ-концовъ, къ какому-же выводу приводятъ насъ изслѣдованія автора о сущности прекраснаго въ природѣ?

Явленія и предметы природы считаются прекрасными, если они возбуждаютъ въ насъ, посредствомъ слуха или зрѣнія, чувство эстетическаго удовольствія. Какія-же явленія и предметы возбуждаютъ въ насъ это чувство? Тѣ, которыя выражаются „сложною совокупностію оптическихъ и акустическихъ атрибутовъ“. Въ чемъ-же заключается сущность этой сложной совокупности оптическихъ и акустическихъ атрибутовъ? Въ томъ, что она возбуждаетъ въ насъ чувство эстетическаго удовольствія, т. е. красивы лишь тѣ предметы и явленія, которые возбуждаютъ въ насъ эстетическое удовольствіе. Но кто-же когда-нибудь въ этомъ сомнѣвался? И зачѣмъ вздумалось автору тратить время и бумагу на доказательство нетребующей ни малѣйшихъ доказательствъ истины, что красивые предметы—красивы?

Правда, хотѣлось-то ему доказать совсѣмъ не то; ему хотѣлось доказать существованіе красоты *an sich und für sich*; ему хотѣлось открыть нѣкоторый постоянный, объективный признакъ, лежащій въ самой вещи и всегда и неизбѣжно обуславливающей ея красоту, составляющей, такъ-сказать, объективную сущность этой красоты. Чтобы отыскать эту объективную сущность красоты, автору, какъ я уже говорилъ выше, слѣдовало-бы, прежде всего, задаться вопросомъ:

*) Примѣръ автора едва-ли фактически вѣренъ, но это не важно; важно то, что онъ приводитъ его, самъ того не подозревая, для опроверженія своего-же собственнаго положенія о сущности прекраснаго. Очевидно, его наивность можетъ поспорить только съ его логикою. Курьезно также, какъ онъ объясняетъ этотъ примѣръ. Почему, спрашиваетъ онъ себя, сложная машина, объективная полезность которой выражается огромнымъ количествомъ разнообразныхъ оптическихъ атрибутовъ, не возбуждаетъ въ насъ чувство прекраснаго? А потому, видите-ли, „что всѣ разнообразныя атрибуты машины, отдѣльно взятые,—всѣ эти колеса, приводы, гайки, винты, ни чуть не выражаютъ собою полезности (т. е. объективной) машины; послѣднюю (полезность) нельзя расчленивать на части, изъ которыхъ одна часть общей полезности выражалась-бы колесомъ, другая—приводомъ и т. д., такъ-какъ ни колесо само по себѣ, ни приводъ не заключаютъ въ себѣ ровно никакой полезности (?), и только нераздѣльная совокупность ихъ обуславливаетъ полезность машины“... (стр. 48) Вотъ почему машина и не можетъ быть объектомъ прекраснаго! Какъ вамъ нравится это объясненіе?

дѣйствительно-ли такая сущность существуетъ, дѣйствительно-ли эстетическое чувство возбуждается въ насъ всегда одною и тою-же неизмѣнною комбинаціею „акустическихъ и оптическихъ атрибутовъ“ даннаго предмета или явленія? Но онъ счелъ болѣе для себя удобнымъ, считать этотъ вопросъ заранѣе рѣшеннымъ и рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Разъ предположивъ, что такая постоянная, неизмѣнная комбинація существуетъ, онъ смѣло и неустрашимо пустился въ область дальнѣйшихъ и столь-же вѣроятныхъ предположеній и обобщеній. Сперва онъ предположилъ, будто объективная полезность вещи должна составлять необходимый и постоянный признакъ ея красоты; но сейчасъ-же оказалось, что обобщеніе это чрезчуръ широко, что не всѣ полезныя вещи красивы, а лишь тѣ, „о которыхъ мы узнаемъ посредствомъ слуха и зрѣнія“. Однако, и это ограниченіе оказалось недостаточнымъ: не всѣ полезные предметы, узнаваемые нами посредствомъ слуха и зрѣнія, красивы, а лишь тѣ изъ нихъ, которые, въ силу нѣкоторой сложной комбинаціи акустическихъ и оптическихъ атрибутовъ, возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство. Дойдя до этого пункта, авторъ вообразилъ себѣ, что задача его рѣшена, что онъ, дѣйствительно, нашелъ объективную сущность красоты и что будто эта объективная сущность состоитъ въ способности нѣкоторыхъ предметовъ возбуждать въ насъ, своими акустическими и оптическими атрибутами чувство красоты. Но какими именно постоянными признаками предмета, какою именно постоянною комбинаціею его формъ, частей и цвѣтовъ, опредѣляется эта способность,—это такъ и осталось тайною и для автора, и для его читателей. Чтобы разгадать эту тайну, ему слѣдовало-бы начать опять съ начала, но не съ того начала, съ котораго онъ началъ (онъ началъ съ конца), а съ начала настоящаго. Онъ, видите-ли, не догадался, или упустилъ изъ вида, что его первоначальное, основное предположеніе,—предположеніе о существованіи общей, неизмѣнной природы во всѣхъ объектахъ красоты,—было, въ свою очередь, выведено имъ (быть можетъ, совершенно безсознательно) изъ другаго, еще болѣе общаго предположенія—предположенія о неизмѣнномъ постоянствѣ и единствѣ эстетическаго чувства людей. Объекты красоты лишь въ томъ только случаѣ могутъ имѣть одинаковую, всѣмъ имъ общую, природу, подобно, напр., объектамъ зрѣнія, если эстетическое чувство у всѣхъ людей также одинаково неизмѣнно и едино, какъ, напр., чувство зрѣнія. Но если оно, по природѣ своей, различно у различныхъ индивидовъ, то очевидно, что оно и не можетъ возбуждаться одними и тѣми-же предметами. Это ясно, какъ дважды-два—четыре. Слѣдовательно, раньше, чѣмъ ставить вопросъ о сущности объектовъ красоты, необхо-

димо поставить вопрос о сущности природы нашего эстетического чувства. Пока не рѣшенъ послѣдній вопросъ, не можетъ быть и рѣчи о первомъ. Эстетическое чувство — это фактъ вполне реальный, бесспорный, для каждаго человѣка настолько-же очевидный, какъ, напр., и чувство голода, любви, ненависти и т. п. Существованіе-же какой-то объективной красоты, долженствующей будто-бы всегда и при всѣхъ условіяхъ возбуждать въ насъ эстетическое чувство,—это не только не реальный фактъ, это даже не научная гипотеза, это не болѣе какъ фантастическое предположеніе. Никто не станетъ, разумѣется, отрицать, что всякое изслѣдованіе, претендующее на научность, должно отпираться отъ реальныхъ фактовъ, а не отъ фантастическихъ предположеній. А потому, еслибы г. Веллямовичъ былъ, дѣйствительно, тѣмъ, за что онъ себя облыжно выдаетъ, еслибы онъ, дѣйствительно, былъ ненавистникомъ всякой мистики и метафизики и поклонникомъ точныхъ методовъ естествознанія,—исходнымъ пунктомъ его изслѣдованія должно было-бы быть эстетическое чувство, реальный фактъ, а не воображаемая общая сущность объектовъ этого чувства, фантастическое предположеніе эстетиковъ-мистиковъ; иными словами, онъ долженъ былъ-бы начать съ анализа эстетического чувства и затѣмъ уже перейти къ анализу его объектовъ. Но онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. И что-же вышло? Потоптавшись на одномъ мѣстѣ и не отыскавъ, не сдѣлавъ даже попытки отыскать искомое, онъ въ-концѣ-концовъ все-же долженъ былъ вернуться къ тому основному вопросу, съ котораго ему слѣдовало было начать, къ вопросу объ эстетическомъ чувствѣ. Но, увы, нельзя безнаказанно перепутывать порядокъ вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію: если производный, второстепенный вопросъ не можетъ быть правильно рѣшенъ безъ вопроса основнаго, то, пытаясь разрѣшить первый ранѣе втораго, вы рискуете не рѣшить ни того, ни другаго. Такъ и случилось съ г. Веллямовичемъ.

IV.

Общая природа объектовъ прекраснаго заключается, по мнѣнію г. Веллямовича, да и по мнѣнію всего міра, въ томъ, что они возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство. Прекрасно. Что-же такое эстетическое чувство?—вопрошаетъ себя нашъ философъ. Рѣшить этотъ вопросъ возможно, разумѣется, лишь путемъ всесторонняго точнаго фізіолого-психологическаго анализа этихъ разнообразныхъ ощущеній, изъ которыхъ оно слагается у различныхъ индивидовъ, при различныхъ условіяхъ ихъ общественной жизни, ихъ воспита-

ніа, окружающей ихъ среды и т. п. Я охотно допускаю, что, при настоящемъ состояніи нервной физиологіи и опытной психологіи, подобный анализъ представляетъ громадные и, быть можетъ, даже непреодолимыя трудности, но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ здраво-мыслящій человѣкъ, берущійся за изслѣдованіе природы эстетическаго чувства, не можетъ, не имѣть права уклоняться отъ него. Онъ для него безусловно обязательнъ, настолько-же обязательнъ, насколько, напр., обязательно гимназисту, желающему получить аттестатъ зрѣлости, пройти сначала до конца весь тернистый путь классическаго долбленія.

Но, г. Веллямовичъ, въ качествѣ философа, вполне свободнаго, не желаетъ стѣснять себя никакими обязательствами... Какія тамъ анализы— все это чепуха! „Разъ мы уяснили себѣ,—говоритъ онъ,— природу объектовъ эстетическаго чувства, мы можемъ, на основаніи этой природы, вывести вполне правильное заключеніе и о природѣ самаго чувства. Мы опредѣлили объектъ красоты, какъ нѣкоторую полезность, выражающуюся сложною совокупностію оптическихъ и акустическихъ признаковъ; отсюда слѣдуетъ, что эстетическое чувство есть ничто иное, какъ усвоеніе, асимиліяція, идеальное потребленіе (?) полезностей, выражающихся сложною совокупностію оптическихъ и акустическихъ атрибутовъ“ (стр. 58, 59). Не правда-ли, какъ это мило, просто и вразумительно! Теперь уже не можетъ существовать никакихъ сомнѣній насчетъ природы эстетическаго чувства. Г. Веллямовичъ разсѣялъ мракъ, окружавшій эту природу, сорвалъ скрывавшіе ее отъ насъ метафизическіе покровы и представилъ ее намъ во всей ея наготѣ. Благодаря ему, вопросъ о природѣ эстетическаго чувства разрѣшился такъ сказать самъ собою, и разрѣшился самымъ безапелляціоннымъ образомъ. Въ чемъ состоитъ природа эстетическаго чувства? Въ асимиліяціи, въ идеальномъ потребленіи полезностей, выражающихся сложною совокупностію акустическихъ и оптическихъ атрибутовъ. А въ чемъ-же состоитъ природа этихъ полезностей, выражающихся сложною совокупностію и т. д.? Въ томъ, что они возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство. И такъ, эстетическое чувство есть то чувство, которое возбуждается въ насъ объектами прекраснаго, а объекты прекраснаго — это такіе объекты, которые возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство. Что можетъ быть проще этой наивной эстетики? Правда, она нѣсколько напоминаетъ сказку о бѣломъ бычкѣ. Но это-то и хорошо: положимъ, сказка глупая, но за то совсѣмъ не головоломная и для всякаго разумнія пригодная. Почему-же и не воспроизвести ее подъ видомъ опыта „новой философіи искусствъ?“ Философія искусствъ, сведенная къ сказкѣ о бѣломъ бычкѣ, сразу утрачиваетъ свой от-

талкивающій, мистическій характеръ, становится философіею вполне общедоступною и общепонятною.

Своимъ сказочнымъ опредѣленіемъ эстетическаго чувства, г. Велямовичъ благополучно заканчиваетъ первую часть своей философіи (свои изслѣдованія о прекрасномъ въ природѣ) и переходитъ, затѣмъ, ко второй части — къ изслѣдованіямъ о прекрасномъ въ искусствѣ. Въ результатѣ изслѣдованій о прекрасномъ въ природѣ получился, какъ мы сейчасъ видѣли, чистѣйшій нуль. Посмотримъ теперь, какой-же итогъ получится въ результатѣ изслѣдованій о прекрасномъ въ искусствѣ.

V.

Опять, по своему обыкновению, авторъ начинаетъ съ конца, съ произвольнаго предположенія о существованіи общей природы прекраснаго въ искусствѣ, и затѣмъ, нисколько, повидимому, не догадываясь насчетъ ненаучности подобнаго приѣма, онъ снова и снова начинаетъ завѣрять своихъ читателей въ своей преданности „строго-научнымъ методамъ“ и торжественно клянется, что между нимъ и старыми эстетиками-метафизиками нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. „Мы не будемъ,—воскликаетъ онъ,— подражать всѣмъ прежнимъ эстетикамъ, которые начинали съ апіорныхъ положеній и считали доказаннымъ то, что еще слѣдовало доказать“... „Подобный путь мы признаемъ безусловно-ложнымъ, незаконнымъ и ненаучнымъ, такъ-какъ онъ предполагаетъ уже то, что должно быть еще выведено; предполагаетъ несомнѣнность того, что должно быть доказано, принимаетъ за аксіомы то, что на самомъ дѣлѣ представляетъ теоремы“ (стр. 67). Нашъ философъ, въ своемъ наивномъ самоослѣпленіи, даже и не подозреваетъ, что онъ самъ стоитъ на этомъ пути и что онъ ни разу не сходилъ съ него въ своихъ изслѣдованіяхъ о прекрасномъ въ природѣ. Но, быть можетъ, теперь онъ одумался? Можетъ быть, теперь онъ, дѣйствительно, твердо и окончательно рѣшился свернуть съ него на другой путь,—путь діаметрально-противоположный. По крайней мѣрѣ, онъ увѣряетъ насъ въ этомъ. „Нашъ путь изслѣдованія,—объясняетъ онъ,—будетъ діаметрально-противоположенъ метафизическому пути. Въмѣсто того, чтобы выводить слѣдствія изъ произвольно-установленныхъ и непровѣренныхъ законовъ (т. е. общихъ положеній), мы, наоборотъ, изъ реальныхъ слѣдствій дѣйствительныхъ законовъ будемъ выводить заключенія о природѣ этихъ законовъ“ (стр. 67). Правда, въ этомъ обѣщаніи есть нѣчто загадочное и непонятное: когда говорятъ

о реальных слѣдствіяхъ "дѣйствительныхъ", извѣстныхъ, установленныхъ законовъ, то природа этихъ законовъ предполагается уже извѣстною; если-же природа ихъ еще неизвѣстна, если ее нужно еще выводить изъ фактовъ, правильно или ложно, считаемыхъ за слѣдствія нѣкоторыхъ законовъ, то, очевидно, законы эти не могутъ быть названы дѣйствительными, реальными, это — законы чисто гипотетическіе, апіорные. Дѣлая ихъ исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій, изслѣдователь отправляется не отъ фактовъ реальныхъ (какъ думаетъ г. Веллямовичъ), а отъ своихъ собственныхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, предположеній: онъ предполагаетъ, что нѣкоторый законъ существуетъ, т. е. дѣйствителенъ, онъ предполагаетъ, что нѣкоторые факты суть его реальные слѣдствія, и, на основаніи этихъ предполагаемыхъ слѣдствій, онъ старается опредѣлить природу этого предполагаемаго закона. Напрасно-же г. Веллямовичъ считаетъ подобный путь изслѣдованія діаметрально-противоположнымъ тому пути, по которому шли старые эстетики-метафизики. Но оставимъ это. Повѣримъ ему на слово, повѣримъ ему, что онъ будетъ придерживаться строго-научнаго анти-метафизическаго метода. По всей вѣроятности, онъ именно это и хотѣлъ сказать, только не сѣмѣлъ хорошо выразить свою мысль.

Чтобы опредѣлить „прекрасное въ искусствѣ“, прежде всего слѣдовало-бы, не задаваясь никакими произвольными предположеніями, всесторонне изслѣдовать характеристическія особенности произведеній искусствъ у различныхъ народовъ, у различныхъ общественныхъ группъ одного и того-же народа, въ различныя историческія эпохи и т. п., и выяснить эстетическія отношенія къ нимъ ихъ современниковъ. Изслѣдованіе это дало-бы намъ возможность составить болѣе или менѣе вѣрное представленіе о томъ, что собственно нравится (т. е. возбуждаетъ эстетическое чувство) въ различныхъ художественныхъ произведеніяхъ людямъ, принадлежащимъ къ различнымъ національностямъ, къ различнымъ общественнымъ группамъ, стоящимъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, на различныхъ ступеняхъ умственнаго и нравственнаго развитія, живущихъ въ различныхъ условіяхъ общественнаго быта и т. п. Опредѣливъ это *что*, мы фактически, чисто-опытнымъ путемъ открыли-бы тѣ элементы художественныхъ произведеній, которыя вызываютъ въ людяхъ чувство эстетическаго наслажденія; мы чисто опытнымъ путемъ рѣшили-бы вопросы о томъ, насколько постоянны, неизмѣнны, или, напротивъ, измѣнчивы и непостоянны эти элементы, имѣютъ-ли они какую-нибудь общую всѣмъ имъ природу или не имѣютъ и т. п.

Но, г. Веллямовичъ считаетъ, повидимому, такой путь опыт-

наго изслѣдованія черезчуръ длиннымъ, скучнымъ и утомительнымъ. вмѣсто того, чтобы начать съ изученія реальныхъ фактовъ, т. е. произведеній искусствъ и отношенія къ нимъ современниковъ, онъ начинаетъ съ гипотезъ. Прежде всего, онъ считаетъ почему-то нужнымъ предположить, будто прекрасное въ искусствѣ состоитъ въ заимствованіи и подражаніи прекрасному въ природѣ (стр. 75). Затѣмъ, онъ безъ особеннаго труда, хотя и очень многословно, доказываетъ несостоятельность этой, имъ-же самимъ измышленной, гипотезы, — гипотезы, нелѣпость которой не нуждается, повидимому, ни въ какихъ доказательствахъ. Всякому профану очень хорошо извѣстно, что ни живопись, ни скульптура не ограничиваютъ своихъ сюжетовъ изображеніемъ однихъ лишь красивыхъ людей, красивыхъ ландшафтовъ, красивыхъ явленій природы и т. п.; иными словами, пластическія искусства не ограничиваются однимъ лишь подражаніемъ и заимствованіемъ природной красоты. Тоже самое можно сказать и о всѣхъ другихъ искусствахъ: подражаніе природной красотѣ совсѣмъ не составляетъ ихъ постоянного существеннаго характеристическаго признака. Отсюда само собою слѣдуетъ, что прекрасное въ искусствѣ не всегда совпадаетъ съ прекраснымъ въ природѣ, иными словами, что „художественная красота“ есть нѣчто особое, отличное отъ красоты природной. Въ чемъ-же состоитъ сущность первой?

Авторъ, для рѣшенія этого основнаго вопроса своего изслѣдованія, снова прибѣгаетъ къ гипотезѣ. „Къ числу художественныхъ произведеній,—разсуждаетъ онъ,—не содержащихъ въ себѣ вовсе (авторъ, впрочемъ, хотѣлъ сказать: „содержащихъ въ себѣ очень мало“; см. выноску на стр. 99) элементовъ вѣншей природной красоты, относятся, главнымъ образомъ, всѣ произведенія поэзіи... Въ чемъ-же состоитъ сущность прекраснаго въ поэзіи?.. Мы скажемъ прямо, что прекрасное въ поэзіи состоитъ въ выраженіи психическаго характера или настроенія чловѣка“ (стр. 103). „Не будетъ-ли-же это справедливо и относительно всѣхъ другихъ родовъ искусствъ?“ (стр. 108)—спрашиваетъ себя авторъ и затѣмъ сейчасъ предполагаетъ, что, дѣйствительно, природа красоты поэзіи должна быть тождественною съ природою красоты всѣхъ прочихъ искусствъ, т. е. во всѣхъ ихъ она должна состоять въ выраженіи психическаго характера или настроенія чловѣка.

Вы видите, что авторъ, при самомъ-же началѣ своихъ изслѣдованій, совершенно забылъ данное имъ обѣщаніе—строго придерживаться индуктивно-опытнаго метода. вмѣсто того, чтобы начать съ анализа частныхъ фактовъ и затѣмъ, постепенно обобщая ихъ, дойти до какаго-нибудь общаго положенія, общаго закона, онъ прямо начинаетъ съ установленія нѣкоторой общей гипотезы и

затѣмъ уже обращается къ частнымъ фактамъ, выбирая изъ нихъ при этомъ только тѣ, которые всего болѣе годны не для доказательства (нечего доказывать то, что уже заранѣе считается доказаннымъ), а лишь для простой иллюстраціи произвольно установленной имъ общей послыки. Почему, въ самомъ дѣлѣ, авторъ „прямо можетъ сказать“, т. е. не прибѣгая ни къ какимъ предварительнымъ изслѣдованіямъ и анализамъ, будто прекрасное въ поэзіи состоитъ только лишь въ выраженіи психическаго характера или настроенія человѣка? И далѣе, какое право онъ имѣетъ заранѣе утверждать, будто природа прекраснаго въ поэзіи должна быть тождественной съ природою прекраснаго въ другихъ искусствахъ?

Но оставимъ это; ограничимся лишь констатированіемъ факта непониманія авторомъ самыхъ элементарныхъ требованій опытно-научнаго метода.

Произведенія искусствъ и отношенія къ нимъ людей различныхъ національностей, различныхъ историческихъ эпохъ и т. п., такъ разнообразны, что разъ вы приступаете къ созерцанію ихъ съ какою-нибудь предвзятою гипотезою, вы всегда можете быть увѣрены, что почти никогда не встрѣтите затрудненія въ подтвержденіи вашей гипотезы фактами. Самыя произвольныя, самыя вздорныя и нерѣдко діаметрально другъ другу противоположныя эстетическія теоріи, всегда опираются на какія-нибудь реальныя данныя, всегда иллюстрируются какими-нибудь болѣе или менѣе достовѣрными фактами. И, разумѣется, чѣмъ гипотеза общѣе и безсодержательнѣе, тѣмъ болѣе количество фактовъ можно привести въ ея оправданіе. Поэтому, не было-бы ничего удивительнаго, еслибы и нашему автору удалось найти въ исторіи искусствъ не малое количество фактовъ, подтверждающихъ или иллюстрирующихъ его гипотетическую послыку. Посылка его, какъ мы видѣли, гласитъ: „выраженіе психическаго характера или настроенія человѣка составляетъ природу, основную сущность художественной красоты“. Чтобы убѣдить насъ въ ея справедливости, ему, очевидно, слѣдовало-бы отыскать въ исторіи и теоріи искусствъ такіе факты, которые бы доказывали, что, дѣйствительно, только тѣ произведенія и считаются прекрасными, въ которыхъ выражается психическій характеръ и настроеніе человѣка, что только потому они и считаются прекрасными, что въ нихъ выражается этотъ характеръ, и что только отъ степени его выразительности зависитъ производимый ими на насъ эстетическій эффектъ.

Конечно, чтобы отыскать такіе факты, ему пришлось-бы, быть можетъ, не мало попотѣть и потрудиться, но уже разъ онъ захотѣлъ доказывать свою гипотезу, онъ не могъ уклониться отъ этого труда: „назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ!“

Однако, нѣтъ; оказывается, что нашъ философъ, хотя груздемъ и не прочь называться, но лѣзть въ кузовъ совсѣмъ не намѣренъ. Онъ нашелъ возможность отвильнуть отъ фактическихъ доказательствъ своей гипотезы, замѣнивъ ее такимъ вопросомъ: дѣйствительно-ли во всѣхъ родахъ искусствъ, подобно тому, какъ въ поэзіи, выражается психическій характеръ, настроеніе человѣка? Нечего и говорить, что отвѣтить на этотъ вопросъ также легко, какъ и задать его. Никто никогда не сомнѣвался, никто никогда и не можетъ сомнѣваться въ томъ, что не только „во всѣхъ родахъ искусствъ“, но и во всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности вообще, выражается до извѣстной степени „психическій характеръ, настроеніе человѣка“. Но только что-же изъ этого слѣдуетъ? А вотъ что: если, — разсуждаетъ авторъ, — во всѣхъ родахъ искусствъ выражается психическій характеръ, настроеніе человѣка (въ доказательство этого трюизма онъ имѣетъ наивность ссылаться на факты. Помилуйте, это совершенно напрасный трудъ! Ни одному идиоту и въ голову даже никогда не могло-бы придти требовать отъ васъ фактическихъ подтвержденій такого, для всѣхъ очевиднаго, афоризма), то отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что именно въ этомъ-то выраженіи психическаго характера и заключается основная сущность прекраснаго въ искусствѣ. Но отчего, однако, это „несомнѣнно слѣдуетъ?“ Конечно, въ произведеніяхъ поэтовъ, драматурговъ, беллетристовъ, живописцевъ, скульпторовъ и т. п. выражается психическій характеръ, настроеніе человѣка, но откуда-же вы знаете, что, именно благодаря только этому обстоятельству, ихъ произведенія возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство?.. Неужели вы воображаете, что ваша вторая посылка—каждое художественное произведеніе выражаетъ собою психическій характеръ, духовное настроеніе человѣка,—вполнѣ и безусловно тождественна съ вашею первою посылкою, утверждающею, будто красота художественнаго произведенія заключается въ выраженіи этого психическаго характера? Неужели вы серьезно думаете, что, доказавъ одну, вы тѣмъ самымъ доказали и другую? Если, дѣйствительно, справедливо, будто сущность красоты художественнаго произвенія заключается въ выраженіи психическаго характера, то какъ-же объяснить тотъ, для всѣхъ очевидный, фактъ, что одно и то-же художественное произведеніе, одно и то-же выраженіе психическаго характера, въ одномъ человѣкѣ возбуждаетъ эстетическое чувство, въ другомъ не возбуждаетъ, одному нравится, другому не нравится? Вы скажете, что у одного эстетическое чувство болѣе развито, у другого менѣе... Но у кого-же болѣе, у кого менѣе? Возможно-ли доказать, что оно болѣе развито у того, которому данное выраженіе психическаго характе-

ра нравится, и менѣе развито у того, которому оно не нравится? Впрочемъ, оставимъ это. Допустимъ, что всѣхъ этихъ вопросовъ не существуетъ, что авторъ, дѣйствительно, доказалъ все, что хотѣлъ доказать, и будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ его посылокъ. Мы увидимъ сейчасъ, къ какимъ роковымъ для эстетики результатамъ приведетъ онъ „новую философію искусствъ“.

Итакъ, по словамъ автора, сущность красоты художественнаго произведенія состоитъ въ выраженіи психическаго характера, настроенія человѣка, т. е. въ выраженіи человѣческаго духа (стр. 137). Но чьего характера, чьего духа?—вопрошаетъ себя нашъ Киѳа Мокиевичъ. Состоитъ-ли назначеніе художественнаго произведенія въ томъ, чтобы выразить характеръ и духъ создавшаго его художника, или-же оно должно выражать характеръ и духъ другихъ людей, изображаемыхъ художникомъ?.. (ib.) Рѣшается этотъ вопросъ, по мнѣнію автора, очень просто: человѣкъ ничего не можетъ знать, а слѣдовательно, и выражать, кромѣ своего собственнаго духовнаго міра; духовный міръ другихъ людей, „по скольку онъ проявляется во-внѣ, есть такое-же внѣшнее для насъ явленіе природы, какъ и весь объективный міръ вообще“, а потому, какъ и послѣдній, онъ недоступенъ нашему знанію; мы можемъ знать лишь наши представленія объ этомъ мірѣ. Слѣдовательно, изображая другихъ людей, мы изображаемъ лишь наши представленія о нихъ, т. е. нашъ собственный духовный міръ (стр. 138). Изображая, напр., разбойника, художникъ „выражаетъ не объективный характеръ разбойника, а только свое понятіе объ этомъ характерѣ. Но то, какъ понимаетъ художникъ разбойника, характеризуетъ вовсе не разбойника, но самого художника“ (стр. 139). Отсюда слѣдуетъ, что въ художественномъ произведеніи выражается не духъ и характеръ изображаемыхъ въ немъ объектовъ, изображаемой въ немъ дѣйствительности, а лишь субъективное отношеніе художника къ этой дѣйствительности; субъективное-же отношеніе перваго къ послѣдней зависитъ и опредѣляется духомъ и настроеніемъ художника; слѣдовательно, „всякое художественное произведеніе выражаетъ собою лишь психическій характеръ или настроеніе создавшаго его художника“ (стр. 140).

Едва-ли противъ подобныхъ триумфовъ кто-нибудь станетъ спорить, и авторъ жестоко ошибается, воображая, будто въ этомъ пунктѣ онъ расходится съ Тэнномъ *). Изъ того, что Тэнъ ставитъ

*) Авторъ, дѣйствительно, расходится съ Тэнномъ, но совсѣмъ по другому вопросу. Дѣло въ томъ, что Тэнъ въ своей книгѣ объ идеалѣ въ искусствѣ (*De l'ideal dans l'art*) утверждаетъ, будто одно изъ существеннѣйшихъ условій красоты художественнаго произведенія состоитъ въ благотворности, въ полезности

задачею искусства воспроизведеіе объективнаго характера изображаемыхъ предметовъ, никакъ еще не слѣдуетъ (какъ полагаетъ авторъ), будто онъ (да и вообще кто-бы то ни было) не знаетъ или отвергаетъ тѣ общеизвѣстныя азбучныя психологическія истины, открытіе которыхъ авторъ, кажется, хочетъ присвоить лично себѣ.

Противорѣчатъ-ли эти азбучныя истины взглядамъ Тэна на задачу искусства? Нисколько. Самъ авторъ предъявляетъ искусству тѣ-же самыя требованія, какія ему предъявляетъ и французскій эстетикъ. По его мнѣнію, какъ и по мнѣнію послѣдняго, „сущность художественнаго произведенія должна состоять въ выраженіи впечатлѣній, возбуждаемыхъ въ художникѣ какою-нибудь вещью, въ ихъ причинной связи, но это значитъ, другими словами, что сущность художественнаго произведенія состоитъ въ выраженіи характера данной вещи“, т. е. „въ изображеніи вещей въ ихъ характерныхъ, типическихъ чертахъ“ (стр. 144, 145). Но что такое характерное, типическое изображеніе дѣйствительности? По словамъ самого автора, это есть истинное изображеніе дѣйствительности, т. е. такое изображеніе, которое соотвѣтствуетъ, точно передаетъ ея объективную сущность. Понимать истинное изображеніе дѣйствительности въ какомъ-нибудь иномъ смыслѣ (т. е. не въ смыслѣ полного соотвѣтствія изображаемой дѣйствительности съ ея объективною сущностію) ни одному здравомыслящему человѣку никогда и въ голову не можетъ придти. Когда мы говоримъ: „этотъ характеръ изображенъ художникомъ вѣрно“, то это значитъ, что,

для человѣчества изображаемаго въ произведеніи характера. „Изъ двухъ произведеній.—говоритъ онъ,—при одинаково-талантливомъ исполненіи ихъ, то произведеніе, въ которомъ выводится на сцену добродѣтельный герой, будетъ лучше произведенія, въ которомъ героемъ является дурной человѣкъ“. Нашъ авторъ опровергаетъ это мнѣніе ссылкой на шекспировскаго „Огелло“, „Гамлета“, „Макбета“, на „Фауста“ Гёте, на „Разбойниковъ“ Шиллера и т. д. Онъ рѣшительно не согласенъ съ Тэномъ: по его мнѣнію, красота художественнаго произведенія опредѣляется и обуславливается не тѣмъ, что и кого изображаетъ въ немъ художникъ, а тѣмъ, какъ онъ изображаетъ, какъ онъ относится къ воспроизводимой дѣйствительности. Это совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что когда Тэнъ утверждаетъ, будто произведеніе, въ которомъ въ качествѣ героевъ фигурируютъ дурные люди, ниже, въ художественномъ отношеніи, произведенія, написаннаго съ тѣмъ-же талантомъ, какъ, и первое по выводящаго героями хорошихъ людей, то онъ именно и подразумѣваетъ отношеніе художника къ воспроизводимой имъ дѣйствительности. Вся разница между нимъ и авторомъ состоитъ лишь въ томъ, что, по мнѣнію Тэна, отношеніе художника къ воспроизводимой имъ дѣйствительности обуславливается и опредѣляется не только тѣмъ, какъ онъ ее воспроизводитъ, но и тѣмъ, что онъ воспроизводитъ. Но что и въ этомъ какъ и въ этомъ что выражается субъективный характеръ самого автора, этого ни Тэнъ, да и никто другой, никогда не отрицалъ. Понимаете-ли вы это, г. Велямовичъ?

по нашему мнѣнію, понятіе, которое составилъ о немъ художникъ, вполнѣ правильно. Подъ правильнымъ-же, истиннымъ пониманіемъ какой-нибудь вещи мы всегда подразумеваемъ такое пониманіе, которое выражаетъ собою ея объективную сущность. Напрасно авторъ напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы увѣрить насъ, будто его опредѣленіе задачи искусства существенно отличается отъ тѣновскаго; будто Тэнъ не правъ, когда онъ утверждаетъ, что задача искусства состоитъ въ воспроизведеніи объективнаго характера вещи, а онъ, авторъ, правъ, утверждая, что задача искусства состоитъ въ „истинномъ изображеніи дѣйствительности“. Очевидно, онъ или просто играетъ словами, или совершенно не понимаетъ ихъ смысла.

Но если задача искусства состоитъ въ истинномъ воспроизведеніи дѣйствительности, т. е. въ воспроизведеніи ея въ ея типическихъ, характерныхъ чертахъ, то, слѣдовательно, красота художественнаго произведенія опредѣляется совсѣмъ не тѣмъ, что въ немъ выражается психическій характеръ художника (какъ раньше увѣрялъ авторъ), а тѣмъ, какъ выражается въ немъ этотъ характеръ, т. е. какъ относится художникъ къ дѣйствительности. Въ этомъ-то какъ и долженъ, по мнѣнію всѣхъ эстетиковъ вообще, заключаться критерій для оцѣнки эстетическихъ достоинствъ всякаго художественнаго произведенія, но именно по поводу этого-то какъ они и расходятся. Каждая эстетическая теорія измышляетъ обыкновенно свой рецептъ отношеній художника къ дѣйствительности; если художникъ слѣдуетъ этому рецепту, она признаетъ его произведенія прекрасными, т. е. способными возбуждать въ насъ чувство эстетическаго удовольствія; въ противномъ-же случаѣ, она отрицаетъ у нихъ эту способность, она считаетъ ихъ анти-художественными. Ей нѣтъ дѣла до того, что произведенія анти-художественныя, съ ея точки зрѣнія, нерѣдко производятъ на профановъ, на „чернь непросвѣщенную“ несравненно болѣе сильное эстетическое впечатлѣніе, чѣмъ произведенія, возведенныя ею въ „перлъ“ художественнаго творчества. Отправляясь сначала отъ анализа реального эстетическаго вкуса людей, она постепенно доходитъ до полного игнорированія этого вкуса, т. е. самодержавно навязываетъ ему свои собственныя требованія, произвольно и безапелляціонно опредѣляя, что ему должно и что не должно нравиться. Въ своемъ ослѣпленіи она считаетъ себя непогрѣшимой, забывая, что рядомъ съ нею существуютъ другія теоріи, выставляющія совершенно другіе, нерѣдко діаметрально-противоположныя критеріи красоты и считающія эти критеріи настолько-же непогрѣшимыми, насколько она считаетъ непогрѣшными свои. Эстетики не хотятъ понять, что одинъ уже простой

фактъ существованія нѣсколькихъ, однаково непогрѣшимыхъ и въ то-же время діаметрально-противоположныхъ критеріевъ „прекраснаго“ служить лучшимъ и самымъ безспорнымъ доказательствомъ негодности и произвольности каждаго изъ нихъ. Но нашъ Кифа Мокіевичъ, повидимому, хотя и смутно, но понимаетъ роковое значеніе подобнаго факта для всѣхъ эстетическихъ теорій вообще и для его въ частности, и вотъ онъ силится доказать, будто факта этого совсѣмъ не существуетъ; будто, если эстетикамъ различныхъ школъ и кажется иногда, что ихъ критеріи прекраснаго различны, то это имъ кажется только такъ... по недоразумѣнію, въ сущности-же всѣ они говорятъ одно и то-же. Онъ не отрицаетъ, что въ искусствѣ существуютъ двѣ школы, предъявляющія, повидимому, діаметрально-противоположныя требованія художнику: одну школу онъ называетъ школою *реалистовъ*, другую—школою *идеалистовъ* *). Но, по мнѣнію нашего автора, кажущаяся противоположность этихъ требованій есть ничто иное, какъ простое

*) Онъ ничего не говоритъ о школъ такъ-называемыхъ натуралистовъ, значительно отличающихся, какъ отъ реалистовъ въ собственномъ смыслѣ слова, такъ и отъ идеалистовъ-романтиковъ. А, между тѣмъ, одинъ фактъ существованія этой школы служитъ нагляднымъ опроверженіемъ непогрѣшимости критеріевъ красоты и идеалистовъ, и реалистовъ. Идеалисты видятъ, напр., въ идеализаціи дѣйствительности необходимое условіе красоты художественнаго произведенія,—реалисты, напротивъ, утверждаютъ, что лишь то произведеніе художественно (т. е. лишь то возбуждаетъ въ насъ чувство эстетическаго удовольствія), которое, не искажая, не утрируя и не идеализируя дѣйствительности, воспроизводитъ ее въ ея существенныхъ чертахъ, воспроизводитъ ея объективную, реальную сущность. Натуралисты-же предъявляютъ къ искусству совершенно другія требованія: они требуютъ отъ него не воспроизведенія объективной, реальной сущности дѣйствительности, а лишь рабскаго, ремесленнаго фотографированія ея. Они увѣряютъ, будто лишь то произведеніе и прекрасно, которое всего точнѣе, всего подробнѣе и обстоятельнѣе воспроизводитъ всѣ конкретныя мелочи и детали окружающей насъ жизни; съ ихъ точки зрѣнія, ни идеализація, ни обобщенія не составляютъ необходимаго условія художественной красоты; единственно необходимымъ условіемъ ея они считаютъ вѣрное копированіе дѣйствительности. „Художникъ,—говоритъ Золя,—долженъ не творить, не идеализировать, а лишь снимать копіи и составлять протоколы чловѣческихъ словъ и поступковъ“. Положимъ, самъ Золя не всегда держится этого правила, но есть не малое количество писателей, которые, дѣйствительно, слѣдуютъ ему *à la lettre*, и у этихъ писателей есть свои почитатели и они, значитъ, удовлетворяютъ эстетическому вкусу послѣднихъ; ихъ произведенія возбуждаютъ эстетическое удовольствіе. Въ виду этого несомнѣннаго факта, не смѣшно-ли завѣреніе гг. эстетиковъ (идеалистовъ и реалистовъ), а въ томъ числѣ и нашего философа, что будто фотографія дѣйствительности не есть ея художественное воспроизведеніе, т. е. не есть такое воспроизведеніе дѣйствительности, которое способно возбуждать въ людяхъ чувство эстетическаго удовольствія? (см. стр. 148) Какъ-же не *есть*, когда оно возбуждаетъ въ нихъ это чувство? Противъ факта никакая теорія ничего не подѣлаетъ.

недоразумѣніе. „О чемъ, собственно говоря, — вопрошаетъ онъ себя, — спорятъ между собою, такъ-называемые, реалисты въ искусствѣ и идеалисты? Признаемся, мы позволяемъ себѣ думать, что весь этотъ знаменитый споръ зиждется исключительно на взаимномъ недоразумѣніи, и убѣдиться въ этомъ не трудно, какъ скоро мы нѣсколько вникнемъ въ сущность вопроса“ (стр. 164). И, дѣйствительно, онъ начинаетъ вникать. Идеалисты, — разсуждаетъ онъ, — утверждаютъ, будто задача искусства должна состоять въ воспроизведеніи не дѣйствительности реальной, а дѣйствительности идеализированной, подкрашенной. Реалисты же, въ свою очередь, увѣряютъ, будто, идеализируя и подкрашивая дѣйствительность, искусство искажаетъ ее, дѣлается служительницею и распространительницею лжи. Ну, что-же, — неожиданно заключаетъ онъ, — и тѣ и другіе правы... Каждая изъ сторонъ высказываетъ одну и ту же истину, но только разсматриваемую съ различныхъ точекъ. Реалисты правы, утверждая, что задача искусства состоитъ въ изображеніи истинной, правдивой дѣйствительности, если только подъ истинною дѣйствительностію мы будемъ понимать не объективную дѣйствительность, а наши понятія о ней (замѣтимъ въ скобкахъ, что нашъ авторъ совершенно не понимаетъ того значенія словъ „объективный и субъективный“, въ которомъ они употребляются реалистами; онъ не понимаетъ, что самыя наши понятія о дѣйствительности могутъ имѣть или чисто-субъективный, или объективный характеръ; онъ наивно воображаетъ, будто выраженіе: „объективная дѣйствительность“ относится не къ нашимъ понятіямъ о дѣйствительности, а къ чему-то такому, что лежитъ за предѣлами нашихъ понятій, „за предѣлами нашего разумѣнія“), т. е. дѣйствительность субъективную. Но идеалисты точно также правы, такъ-какъ наши понятія о дѣйствительности составляютъ идеаль дѣйствительности, т. е. дѣйствительность идеализированную“... (стр. 164).

Какъ вамъ нравится, читатель, это остроумное примиреніе идеализма съ реализмомъ? Понимать дѣйствительность, значить идеализировать дѣйствительность, — не дурно, не правда-ли? Прочтя книжку г. Велямовича, вы, по всей вѣроятности, составите себѣ не особенно лестное для г. Велямовича понятіе о его интелектѣ, т. е. вы, по его желанію, будете идеализировать его. Я имѣю, положимъ, нѣкоторое понятіе о чумѣ и выражаю это понятіе въ ученой статьѣ или въ художественномъ произведеніи; по словамъ г. Велямовича, выходить, что, поступая такимъ образомъ, я идеализирую чуму. Что это, — опять-ли грубая игра словами, или-же абсолютное непониманіе самыхъ элементарныхъ и общеизвѣстныхъ научно-философскихъ терминовъ? Предоставляю судить объ этомъ самому читателю.

VI.

И такъ „новая философія искусствъ“, несмотря на всё ея усиленіе, во чтобы то ни стало, отыскать какой-нибудь новый, объективный критерій прекраснаго, ничего новаго не нашла и успокоилась на старомъ, давнымъ-давно уже истасканномъ триумфѣ. Съ точки зрѣнія этого стараго-престарога критерія, красота художественнаго произведенія (т. е. способность его возбуждать въ людяхъ эстетическое чувство) обуславливается степенью вѣрности, истинности, т. е. типичности воспроизводимой въ немъ дѣйствительности. На той-же точкѣ зрѣнія стоитъ и „новая философія“. Выше я уже говорилъ о крайней односторонности, а, слѣдовательно, и несостоятельности этого критерія. Не стану болѣе возвращаться къ этому вопросу: идеалисты, романтики, натуралисты выставляютъ совсѣмъ другіе критеріи для оцѣнки красоты художественныхъ произведеній и каждый изъ этихъ критеріевъ опирается на нѣкоторые реальные факты, оправдывается эстетическимъ вкусомъ той или другой эпохи, той или другой націи, той или другой общественной группы, того или другого индивида, даже одного и того-же индивида, въ различные періоды его развитія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что нѣтъ, и даже невозможно себѣ представить такое воспроизведеніе дѣйствительности, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не могло-бы возбудить въ человѣкѣ чувство эстетическаго удовольствія, точно также какъ, и на оборотъ, нѣтъ и невозможно даже себѣ представить такое воспроизведеніе дѣйствительности, которое всегда-бы и при всѣхъ обстоятельствахъ непременно возбуждало-бы въ людяхъ это чувство. А потому, всѣ критеріи „прекраснаго“ всевозможныхъ эстетическихъ школъ: идеалистовъ, реалистовъ, романтиковъ, классиковъ, натуралистовъ и т. п., одинаково ложны, метафизичны, субъективны и произвольны.

Но допустимъ на минуту, что тотъ критерій, о которомъ мы только-что говорили, тотъ критерій, который „новая философія искусствъ“ признаетъ за единственно-истинный и непогрѣшимый, составляетъ исключеніе изъ общаго правила, что онъ дѣйствительно истиненъ и непогрѣшимъ; допустимъ, что красота художественнаго произведенія зависитъ отъ степени вѣрности, типичности воспроизводимой въ немъ дѣйствительности. Прекрасно. Но тутъ является вопросъ: почему-же „истинное выраженіе понятій художника о дѣйствительности“, т. е. воспроизведеніе ея въ ея типическихъ, характерныхъ чертахъ, почему такое воспроизведеніе намъ нравится, почему оно возбуждаетъ въ насъ чувство эстетическаго удовольствія?

Само собою понятно, что рѣшить этотъ вопросъ возможно лишь послѣ тщательнаго, всесторонняго, научнаго анализа нашего эстетическаго чувства и тѣхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно складывается. Само собою также разумѣется, что анализъ этотъ представляетъ для изслѣдователя такія-же, если не большія, трудности, какъ и анализъ чувства, возбуждаемаго въ насъ „природною красотою“. Однако, какъ онъ не труденъ, а все-таки обязательенъ для человѣка, взявшагося опредѣлить сущность эстетическаго чувства и доказать одинаковость его природы во всѣхъ случаяхъ и при всевозможныхъ возбудителяхъ. Конечно, онъ обязательенъ и для г. Веллямовича, особенно въ виду его завѣреній на-счетъ его преданности точнымъ методамъ естествознанія и на-счетъ его антипатій къ метафизикѣ и мистикѣ. Но г. Веллямовичъ и на этотъ разъ счумѣлъ уклониться отъ исполненія самимъ-же имъ на себя принятыхъ обязательствъ. Онъ вполне, повидимому, согласенъ, что рѣшить вопросъ: почему „истинное выраженіе понятій художника о дѣйствительности“ возбуждаетъ въ насъ эстетическое чувство?—что рѣшить этотъ вопросъ возможно лишь тогда, когда рѣшенъ будетъ вопросъ о томъ, что такое эстетическое чувство, возбуждаемое въ насъ „прекраснымъ въ искусствѣ?“ И онъ, дѣйствительно, не отказывается отъ рѣшенія этого послѣдняго вопроса, но какъ онъ его рѣшаетъ! Полюбуйтесь только! „Принимая въ соображеніе,—разсуждаетъ авторъ,— что природа эстетическаго чувства всегда одна и таже, чѣмъ-бы оно не возбуждалось—красотою-ли въ природѣ или красотою въ искусствѣ (позвольте, однако, да вѣдь именно это-то вы и хотѣли, вы и должны были доказать; какое-же право имѣете вы „принимать въ соображеніе“ то, чего вы еще не доказали и даже не пытались доказать?); принимая далѣе въ соображеніе, что явленія и предметы „естественные“ возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство лишь тогда, когда они служатъ выраженіемъ полезности, мы должны придти къ заключенію, что и красота художественныхъ произведеній обусловливается лишь тѣмъ, что они служатъ „выраженіемъ нѣкоторой полезности для человѣка“ (стр. 195). Слѣдов. эстетическое чувство, возбуждаемое въ насъ художественными произведеніями, подобно эстетическому чувству, возбуждаемому въ насъ произведеніями природы, и есть не иное что, „какъ идеальное потребленіе полезностей“, выражаемыхъ сложною совокупностью акустическихъ и оптическихъ атрибутовъ.

Какъ просто, какъ вразумительно и какъ логично! Но зачѣмъ только авторъ утруждалъ себя составленіемъ своей „второй части“ новой философіи, зачѣмъ онъ попусту испачкалъ болѣе 9 печатныхъ листовъ бумаги? Это для меня совершенно непонятно. Въ

концѣ первой части онъ увѣрялъ насъ, будто во-второй части онъ хочетъ изслѣдовать сущность эстетическаго чувства, возбуждаемаго въ насъ прекраснымъ въ искусствѣ, и природу этого „прекраснаго“, для того, чтобы провѣрить результаты своихъ изслѣдованій о „прекрасномъ въ природѣ“. Намѣреніе было весьма похвальное. Но, къ несчастію, авторъ приписалъ его себѣ совершенно напрасно. вмѣсто всякой провѣрки, онъ въ концѣ второй части (стр. 195) ограничивается лишь повтореніемъ того, что предположилъ въ первой. „Предположимъ,—говоритъ онъ,—что природа эстетическаго чувства одинакова, каковы-бы ни были его возбудители, (т. е. „прекрасное“—ли въ природѣ или „прекрасное“ въ искусствѣ), слѣдовательно, эстетическое чувство, возбуждаемое въ насъ художественными произведеніями, какъ и эстетическое чувство, возбуждаемое въ насъ естественными произведеніями, состоитъ въ идеальномъ потребленіи полезностей и т. д. Если-же природа эстетическаго чувства, возбуждаемаго въ насъ художественными произведеніями, состоитъ въ идеальномъ потребленіи полезностей, то, слѣдовательно, и природа художественныхъ, какъ и природа красивыхъ естественныхъ произведеній, состоитъ въ выраженіи нѣкоторыхъ полезностей“.

Но кто-же мѣшалъ вамъ сдѣлать это предположеніе въ концѣ и даже въ началѣ первой части? Зачѣмъ-же понадобилось вамъ на 150 стр. заниматься переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее? И неужели вы не понимаете, что вся ваша аргументація, представленная здѣсь въ сжатой и упрощенной формѣ, есть не болѣе, какъ простая тавтологія, вѣчная *petitio principii*, или, выражаясь вульгарнѣе, *idem per idem*—Кузьма съ Демидомъ?

Но такъ уже и быть, допустимъ вмѣстѣ съ вами, что *petitio principii* есть самый убѣдительный логическій аргументъ,—допустимъ, что своимъ „Кузьмою“ вы вполне оправдываете своего „Демида“ и своимъ „Демидомъ“—своего „Кузьму“; посмотрите-же, однако, къ чему вы пришли: сперва вы утверждали, будто красота художественнаго произведенія опредѣляется степенью выраженія въ немъ психическаго характера художника; затѣмъ, вы стали утверждать, что красота художественнаго произведенія обуславливается истинностію, правдивостію, а, слѣдовательно, типичностію воспроизведенной въ немъ дѣйствительности; и, наконецъ, теперь вы утверждаете, что красота художественнаго произведенія зависитъ отъ степени полезности выраженнаго въ немъ психическаго характера, воспроизведенной въ немъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, у васъ оказалось цѣлыхъ *три* критерія художественной красоты. Что-же они тождественны по-вашему или нѣтъ? Вы утверждаете, что тождественны. Но почему-же?

Возьмемъ сначала два первыхъ критерія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что психическій характеръ художника выражается въ томъ, какъ онъ воспроизводитъ дѣйствительность. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ воспроизводитъ ее тѣмъ правдивѣе, тѣмъ вѣрнѣе и истиннѣе, чѣмъ онъ умнѣе, талантливѣе, наблюдательнѣе и т. д., т. е. чѣмъ богаче его психическій характеръ. Но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, будто „тѣмъ полнѣе выражается въ художественномъ произведеніи психическій характеръ художника, чѣмъ истиннѣе его понятія о дѣйствительности, чѣмъ правдивѣе и типичнѣе онъ ее воспроизводитъ“. Напротивъ, сплошь и рядомъ мы видимъ, что психическій характеръ художника гораздо полнѣе и всестороннѣе выражается въ произведеніяхъ бездарныхъ, анти-художественныхъ, чѣмъ въ произведеніяхъ талантливыхъ и, по мнѣнію присяжныхъ эстетиковъ, высоко-художественныхъ. По романамъ, напр., какого-нибудь г. Боборыкина, или Стебницкаго, Незлобина, Марьевича и К^о., гораздо легче судить о психическомъ характерѣ ихъ творцевъ, чѣмъ, положимъ, о психическомъ характерѣ Шекспира по его трагедіямъ и хроникамъ. О психическомъ характерѣ Шекспира критики и до сихъ поръ еще спорятъ и до сихъ поръ для многихъ изъ его почитателей онъ составляетъ нѣкоторую загадку. Но я убѣжденъ, что ни для кого не составляетъ и не можетъ составлять загадки внутренней міръ гг. Боборыкиныхъ, Стебницкихъ, Авсѣнковыхъ и имъ подобныхъ. Вообще, мнѣ кажется гораздо легче доказать тезисъ, прямо противоположный тому, который вы выставяете, но котораго вы и не думаете доказывать, а именно, что чѣмъ бѣднѣе и одностороннѣе внутренней міръ художниковъ (т. е. чѣмъ художники бездарнѣе), тѣмъ полнѣе, тѣмъ рельефнѣе онъ выражается въ ихъ произведеніяхъ.

Но оставимъ это; положимъ даже, что оба критерія тождественны, но тождественны-ли они съ третьимъ? Всякое-ли выраженіе „истинныхъ понятій художника о дѣйствительности“, всякое-ли воспроизведеніе послѣдней въ типическихъ чертахъ, всякое-ли обнаруженіе психическаго характера художника представляетъ нѣкоторую полезность для человѣчества? Авторъ, разумѣется, утверждаетъ, что всякое. Но почему-же всякое? А очень просто: психическій характеръ художника всегда болѣе или менѣе представляетъ собою характеръ той естественной группы людей, въ которой художникъ принадлежитъ. Но въ первой части было уже допущено, что всякій общій типическій характеръ, — характеръ той или другой націи, того или другого сословія, той или другой „естественной группы“, всегда полезенъ для этой націи, этого сословія или этой группы. Слѣдовательно, и выраженіе этого характера само собою должно быть полезно.

Опять повторяется старая пѣсня: вмѣсто того, чтобы подвергнуть новому, провѣрочному изслѣдованію афоризмы первой части (какъ было обѣщано), авторъ просто ссылается на эти афоризмы, какъ на какія-то аксіомы, ни въ какихъ дальнѣйшихъ провѣркахъ и доказательствахъ не нуждающіяся. Почему характеръ каждой естественной группы, каждой націи и т. п. полезенъ для этой группы и націи? Потому,—слово-въ-слово повторяетъ авторъ,—что въ немъ выражаются, болѣе или менѣе, постоянные анатомическіе и психическіе признаки, существующіе у данной націи или группы; а если эти признаки существуютъ, значитъ они полезны, а если они полезны, значитъ они красивы, и опять... начинается сказка про бѣлаго бычка. Въ результатѣ этой сказки неожиданно получается новый, т. е., по счету, четвертый критерій художественной красоты.

Если,—разсуждаетъ авторъ,—степень красоты художественнаго произведенія прямо-пропорціональна степени полезности выражающагося въ немъ психическаго характера, то отсюда слѣдуетъ, что произведеніе будетъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ къ болѣе прогрессивной естественной группѣ принадлежитъ его авторъ (стр. 206). „Характеръ каждой данной естественной группы людей есть наивыгоднѣйшій для этой группы, но это еще вовсе не значитъ, чтобы онъ былъ наивыгоднѣйшимъ характеромъ и въ отношеніи какой-либо другой группы или группы высшаго порядка. Такъ, напр., характеръ даннаго сословія есть наивыгоднѣйшій характеръ для этого сословія, но онъ можетъ быть вовсе не наивыгоднѣйшимъ для другаго сословія, для цѣлой націи, для другихъ націй, для цѣлаго племени, для другихъ племенъ, наконецъ, для цѣлаго человѣчества...“ *).

Такимъ образомъ, если мы будемъ имѣть въ виду интересы и пользу самой высшей естественной группы людей, которая, какъ таковая, примиряетъ въ высшемъ единствѣ противорѣчивые инте-

*) Предположеніе автора, будто характеръ, полезный для меньшей естественной группы (сословіе, нація, племя), можетъ быть вреденъ для самой высшей естественной группы человѣчества, не совсѣмъ-то гармонируетъ съ тѣмъ темологическимъ оптимизмомъ, который онъ проповѣдывалъ въ началѣ первой части своей „новой философіи“. Тамъ, на стр. 17 и 18, онъ утверждалъ, что будто даже характеръ вредный для данной націи, для даннаго сословія, всегда бываетъ полезенъ для человѣчества и что, слѣдовательно, „вреднаго“, неполезнаго характера, въ широкомъ смыслѣ слова, совсѣмъ не существуетъ и существовать не можетъ. Но если вредное для данной части цѣлаго, въ концѣ-концовъ, оказывается полезнымъ для цѣлаго, то возможно-ли допустить, чтобы полезное для первой могло-бы быть вредно для втораго? Вѣдь это значитъ отрицать тотъ „безсознательный разумъ“, который, вмѣстѣ съ Гартманомъ, признаетъ нашъ авторъ,—разумъ, все и всѣхъ направляющій къ полезнымъ цѣлямъ.

ресы всѣхъ многочисленныхъ низшихъ естественныхъ группъ людей, то мы должны признать, что самымъ полезнымъ характеромъ, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ отдѣльной только группы людей, будетъ характеръ такой именно естественной группы, интересы которой совпадали-бы съ интересами всего человѣчества. „Какая-же изъ меньшихъ естественныхъ группъ удовлетворяетъ этому условію?“—спрашиваетъ себя авторъ и тотчасъ-же отвѣчаетъ: „ему удовлетворяютъ именно самыя прогрессивныя въ своемъ развитіи естественныя группы людей, такъ-какъ именно эти группы и составляютъ первообразъ (?) всѣхъ остальныхъ, менѣ развитыхъ, группъ, составляютъ ту идеальную точку, къ которой стремятся всѣ остальные естественныя группы“... и т. д. (стр. 206).

Выражаясь проще, это значить: чѣмъ прогрессивнѣе міросозерцаніе художника (или, какъ говорить авторъ, чѣмъ „прогрессивнѣе развитіе его духа“), тѣмъ больше художественной красоты будутъ имѣть его произведенія, т. е., тѣмъ сильнѣе будутъ они возбуждать въ насъ чувство эстетическаго удовольствія. Такимъ образомъ, въ-концѣ-концовъ оказывается, что единственнымъ критеріемъ художественной красоты произведенія должно служить міросозерцаніе художника.

Нечего и говорить, что, съ точки зрѣнія всѣхъ правовѣрныхъ эстетиковъ, подобный выводъ долженъ показаться въ высшей степени еретическимъ. Но не одни только правовѣрные эстетика возстанутъ противъ него; противъ него возстанемъ и всѣ мы, заурядные читатели и созерцатели художественныхъ произведеній, варвары и профаны въ искусствѣ. Каждый изъ насъ знаетъ по собственному опыту, что весьма возможно испытывать эстетическое удовольствіе при чтеніи или созерцаніи произведенія, авторъ котораго совершенно чистъ и неповиненъ въ какомъ-бы то ни было „прогрессивномъ міросозерцаніи“. Никто, напр., не заподозритъ творцевъ разныхъ „Бова-королевичей“, „Прекрасныхъ магметанокъ“, „Солидныхъ и несолидныхъ добродѣтелей“, „Алихъ роговъ“, „Некуда“ и т. п., въ принадлежности къ „естественной группѣ людей, самой прогрессивной въ своемъ развитіи, составляющей идеальную точку“... и т. д., а между тѣмъ, я не сомнѣваюсь, что при чтеніи этихъ произведеній многое множество читателей испытывало и испытываетъ величайшее эстетическое наслажденіе. Дайте этимъ читателямъ стихи Гёте или драмы Шиллера и они не произведутъ на нихъ никакого эстетическаго афекта. Притомъ-же, что такое прогрессивное міросозерцаніе, гдѣ его критерій? Съ точки зрѣнія какихъ-нибудь сантиментально-мистическихъ славянолюбцевъ и народофиловъ, самымъ прогрессивнымъ міросозерца-

ніемъ покажется, по всей вѣроятности, міросозерцаніе г. Достоевскаго; съ точки зрѣнія Каткова и его единомышленниковъ,—міросозерцаніе Стебницкаго, Незлобина, Маркевича и присныхъ съ ними; съ точки зрѣнія читателей „Вѣстника Европы“,—міросозерцаніе Тургенева или Потѣхина; съ точки зрѣнія дамъ и кавалеровъ легкаго поведенія,—міросозерцаніе Боборыкина и т. д., и т. д. Каждый судитъ о степени прогрессивности того или другаго міросозерцанія, приспособляясь и сообразуясь съ своимъ личнымъ міросозерцаніемъ.

Самъ авторъ, повидимому, вполне раздѣляетъ это мнѣніе. „Степень прогрессивности даннаго міросозерцанія,—говоритъ онъ,—опредѣляется его истинностью“ (стр. 207), единственнымъ-же критеріемъ и пробнымъ камнемъ истины служить наше собственное сознаніе. „Если въ нашемъ собственномъ духѣ мы не сознаемъ тѣхъ отношеній, которыя въ выраженіи другаго духа (т. е. автора, художника) представлены будто-бы существующими, то мы и заключаемъ, что выраженіе духа не соотвѣтствуетъ тому, что оно выражаетъ, а потому и самое выраженіе это мы признаемъ невѣрнымъ, ложнымъ, неистиннымъ“ (стр. 151).

Итакъ вы видите, — постепенно видоизмѣняя критеріи художественной красоты, авторъ добрался, наконецъ, до такого критерія, который не только не можетъ служить мѣркой эстетическихъ достоинствъ или недостатковъ даннаго произведенія, но еслибы даже и могъ, то не даль-бы эстетической критикѣ никакой твердой, постоянной точки опоры.

Въ результатъ, такимъ образомъ, и тутъ получился нуль.

VII.

Что-же можетъ извлечь для себя эстетическая критика изъ этихъ двухъ нулей? Конечно, ничего, кромѣ... опять-таки нуля. „Новая философія искусствъ“, долженствовавшая обогатить ее капиталомъ точныхъ, строго-научныхъ, психо-физиологическихъ данныхъ, обогатила ее лишь нулями. Ну, а понятная вещь, съ капиталомъ изъ однихъ нулей ничего нельзя подѣлать—ничего, кромѣ развѣ ликвидированія своихъ дѣлъ. Г. Веллямовичъ хотѣлъ, подобно г. Оболенскому, поставить эстетику на прочную научную почву; онъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, отыскать нѣкоторый постоянный, строго-научный, объективный (объективный не въ томъ, разумѣется, смыслѣ, какъ понимаетъ это слово самъ авторъ) критерій для оцѣнки и измѣренія эстетическихъ достоинствъ и недостатковъ всякаго даннаго художественнаго произведенія; въ своихъ поискахъ онъ былъ не особенно разборчивъ, и весьма мало жениро-

вался самыми даже элементарными требованиями общечеловѣческой логики; онъ не брезгалъ ни *petitio principii*, ни „*idem per idem*—Кузьма съ Демидомъ“, ни даже темологіею Гартмана. Но, увѣ, несмотря на всѣ свои усилія, онъ не нашелъ искомага, а то, что онъ нашелъ, не можетъ послужить ни на какую пользу эстетической критикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если она воспользуется его находкою, она перестанетъ быть эстетическою критикою, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, и ея задачи, если и не вполнѣ совпадутъ, то во всякомъ случаѣ значительно приблизятся къ задачамъ критики реальной; иными словами, она подобно гоголевской бабѣ, „сама себя высѣчетъ“. Сейчас мы въ этомъ и убѣдимся.

Въ одной изъ моихъ замѣтокъ о „задачахъ“ реальной критики, я старался показать, что изъ трехъ вопросовъ, подлежащихъ обыкновенно изслѣдованію всякой литературной критики вообще, вопросъ объ эстетическихъ достоинствахъ и недостаткахъ художественнаго произведенія выходитъ за предѣлы ея компетентности, что это вопросъ чисто личнаго вкуса, а „о вкусахъ не спорятъ“. Все ея вниманіе должно, по моему мнѣнію, сосредоточиться на вопросѣ о жизненной правдѣ произведенія: она должна прежде всего выяснитъ, насколько вѣрно воспроизведена авторомъ изображаемая имъ дѣйствительность, какова эта дѣйствительность, такъ сказать, въ дѣйствительности, какъ относится къ ней авторъ, какъ онъ ее понимаетъ и т. п. Затѣмъ, что касается вопроса о психологической правдѣ, о полнотѣ и выдержанности характеровъ и т. п., то, не исключая его изъ „задачъ реальной критики“, я отодвинулъ его, однако-же, на второй планъ.

Сравните-же теперь эти задачи съ тѣми, которыя г. Веллямовичъ, на основаніи всей своей „новой эстетической философіи“, выводитъ для критики эстетической. Пусть говорить онъ самъ.

„Въ чемъ,—спрашиваетъ онъ себя въ заключеніе всѣхъ своихъ эстетико-философскихъ экскурсій,—въ чемъ должны заключаться истинныя задачи эстетической критики? Мы можемъ, на основаніи всего предыдущаго, формулировать ихъ слѣдующимъ образомъ: первая задача эстетической критики заключается въ изслѣдованіи того, представляетъ-ли рассматриваемое художественное произведеніе художника истинное выраженіе его понятій о дѣйствительности“ (стр. 210), т. е. соответствуетъ-ли воспроизведенная имъ дѣйствительность—дѣйствительности истинной, реальной, „существуютъ-ли въ послѣдней тѣ отношенія, которыя выражены въ первой“? Иными словами, первая задача эстетической критики должна заключаться въ рѣшеніи вопроса о жизненной правдѣ даннаго произведенія, въ уясненіи истиннаго смысла, реального характера воспроизведенной въ немъ дѣйствительности.

Вторая задача, по словамъ автора, должна состоять „въ опредѣленіи степени красоты произведенія... по степени прогрессивнаго развитія художника“ (стр. 211), т. е. въ опредѣленіи качества общечеловѣческой полезности художническаго міросозерцанія, насколько это міросозерцаніе выражается въ отношеніяхъ художника къ воспроизводимой имъ дѣйствительности.

И, наконецъ, послѣдній и, такъ-сказать, третьестепенный вопросъ, который предстоитъ рѣшить критику, заключается „въ опредѣленіи степени полноты, общности и неизмѣнности выражаемаго произведеніемъ характера“ (Стр. 211). Вопросъ этотъ, очевидно, если не вполне, то въ значительной степени совпадаетъ съ вопросомъ о психологической правдѣ даннаго художественнаго произведенія.

Вы видите, что сами эстетики, послѣ утомительнаго шатавія по бесплоднымъ областямъ „философіи искусствъ“, начинаютъ терять вѣру въ существованіе непреложныхъ эстетическихъ критеріевъ художественной красоты и, сами того не подозревая, собственными руками разрушаютъ до основанія полусгнившее зданіе эстетической критики. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить красоту художественнаго произведенія, по степени прогрессивности, общечеловѣческой полезности художественнаго міросозерцанія, это значитъ совсѣмъ отказаться отъ его эстетической оцѣнки... въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, въ какомъ понимаетъ эту оцѣнку теперешняя эстетическая критика. Вывести изъ круга своихъ изслѣдованій вопросы о разныхъ эстетическихъ тонкостяхъ и сосредоточивать все свое вниманіе, главнымъ образомъ, на вопросѣ о жизненной правдѣ произведенія, на анализѣ истиннаго характера воспроизводимой дѣйствительности и т. п.,—это значитъ сойти съ тонкой, колеблющейся почвы субъективныхъ фантазмагорій, метафизическихъ бредней, личныхъ вкусовъ и произвольныхъ обобщеній, и стать на твердую почву реальныхъ, объективныхъ фактовъ.

И такъ вѣчная память эстетической критикѣ! Она сама создала необходимость этой *вѣчной памяти* и сама произнесла ее надъ собою... устами своего защитника, г. Веллямовича. Радуюсь и за нее, и за автора „новой философіи“, и въ особенности радуюсь за себя и за васъ, мои долготерпѣливые читатели: наконецъ-то, мы покончили съ эстетикою!

Все тотъ-же.

ПОПЫТКА ВЪ ОБЛАСТИ ДѢТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

(Первые три года жизни ребенка. Этюдъ опытной психологинъ Бернара Пере.
Переводъ съ французскаго М. Цебриковой. Спб. 1879.)

I.

Въ ребенкѣ,—говорить Перезъ,*—проявляется уже полное чело-
вѣческое существо. Несмотря на то, что у него всѣ способ-
ности находятся въ элементарномъ состояніи, тѣмъ не менѣе они
доступны для научныхъ наблюдений. Ребенокъ не только видитъ,
слышитъ, обоняетъ, осязаетъ и вкушаетъ; но онъ смотритъ, слу-
шаетъ, нюхаетъ, щупаетъ. „Онъ способенъ имѣть идеи и вспо-
минать, хотѣть и не хотѣть. Но до какой степени способности
эти элементарны, смутны, безсознательны,—спрашиваетъ Перезъ,—
до какой степени онѣ наследственны и индивидуальны, въ какой
степени онѣ имѣютъ силу дѣйствовать и въ какой дѣйствуютъ?
Наука должна отвѣтить на эти вопросы, а она по отношенію
къ этому тонкому и важному предмету стоитъ еще на единичныхъ
и отрывочныхъ опытахъ, на произвольныхъ аналогіяхъ, на санти-
ментальныхъ или метафизическихъ гипотезахъ“.

А между тѣмъ, внѣ этой единственно-твердой почвы, на ко-
торую должно опираться болѣе или менѣе рациональное воспита-
ніе, всѣ педагогическія системы будутъ строиться на воздухѣ и,
смѣняяся одна другой подъ вліяніемъ нашего личнаго каприза и
часто довольно пошлыхъ побужденій, одинаково будутъ произ-
вольны и хаотичны. То придерживаясь чисто-практическаго, край-
не-односторонняго и грубаго опыта, то уносясь въ заоблачные
туманы метафизики, онѣ вѣчно путаются въ своемъ темномъ ла-

*) *Примѣчаніе.* Мы просимъ г-жу Цебрикову извинить насъ, что будемъ
говорить не *Пере*, а *Перезъ*; это будетъ болѣе по-французски.

биринтъ, не имѣя ни руководящаго метода, ни принципа, ни даже фактической элементарной основы. Претендуя на званіе науки и прикрываясь ея авторитетомъ, современная педагогика съ необыкновенной развязностію за все берется, все рѣшаетъ, всему даетъ тонъ и направленіе, не выходя, однакожь, изъ сферы общихъ фразъ и сомнительныхъ поученій, которыми она обыкновенно пробавляется, когда къ ней серьезно отнесется воспитатель или отецъ, сердцу котораго такъ близко будущее его дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ толкамъ, которые ведутся о воспитаніи въ нашихъ семействахъ и даже педагогическихъ собраніяхъ, присмотритесь, что дѣлается въ институтахъ и школахъ, и вы не можете не изумиться тому сумбуру, который господствуетъ въ этомъ мірѣ произвола и рутины. И кто изъ насъ остановится хоть на минуту, чтобы не вмѣшаться своимъ совѣтомъ или наставленіемъ въ дѣло воспитанія, чтобы не предложить своей собственной системы и проекта? Отставной гвардейскій кутила, какъ и великій мыслитель, педагогъ, видѣвшій дѣтей только съ кафедры, и отецъ, наблюдавшій ихъ отъ колыбели и до школьной скамейки, одинаково чувствуютъ себя компетентными судьями, когда заходитъ рѣчь о воспитаніи. Наконецъ, бесодержательность и сумбурность воспитательнаго ремесла дурно отражается на самой дѣятельности педагога; она, т. е. эта сумбурность обезцвѣчиваетъ и бесплодно утомляетъ ее, такъ-что большинство педагоговъ, подъ давленіемъ своей мертвящей рутины, подъ-конецъ совершенно охладѣваютъ къ своему труду и тугѣютъ. Вотъ почему всякая искра свѣта, вносимая въ эту туманную область, должна приниматься съ величайшей благодарностію, и Перезъ, прокладывающій своими наблюденіями новый путь воспитательной психологіи, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

II.

Одинъ ученый, которому Перезъ объяснялъ свои идеи о направленіи, которое нужно давать свойствамъ маленькаго ребенка, прислалъ, въ видѣ опроверженія, слѣдующій характеристическій портретъ своего двухмѣсячнаго сына: „это настоящее маленькое животное, прозорливое до безконечности, которое спокойно лишь тогда, когда оно спитъ или виситъ у груди. Я никогда не воображалъ, что маленькій ребенокъ могъ-бы быть такъ всецѣло животнымъ, лишеннымъ какихъ-бы то ни было инстинктовъ, кромѣ прозорливости. Чтобы побѣдить отвращеніе къ этому, приходится увѣрить себя, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ проявятъ „Дѣло“, № 5, 1879 г.

ся въ немъ какіе-нибудь проблески ума и что онъ будетъ походить на маленькаго человѣка". Перезъ возражалъ своему пріятелю, но тотъ остался при своемъ мнѣніи: „я все-таки вѣрю въ чистую животность маленькаго ребенка,—писалъ онъ въ отвѣтъ,—и чтобы дать вѣрное понятіе о прозорливости этого возраста, я могу сравнить ребенка съ гусеницей, которая ѣсть постоянно, безъ отдыха". Но вотъ чего не замѣтилъ пріятель Переза и о чемъ говорить Люисъ: „органическія влеченія ребенка удовлетворяются молокомъ, которое онъ сосетъ, и онъ питается органически, какъ органическая клѣточка, берущая изъ окружающей среды матеріалы, пригодные для нея. Но въ то-же время удовольствіе, которое ребенокъ испытываетъ, передается имъ по-своему. Онъ улыбается, видя грудь, которая даетъ ему пищу и жизнь, и съ этой поры его внутренняя чувствительность пробуждается, чувствительное лицо его дѣйствуетъ. Онъ радуется, потому что вспоминаетъ, потому что онъ сохранилъ воспоминаніе объ удовольствіяхъ, доставленныхъ его физическимъ потребностямъ".

Что въ ребенкѣ самыми живыми чувствами очень долго остаются тѣ, которыя относятся къ области вкуса, это объясняется самою настоятельностью его потребности. Для ребенка самыя важныя и самыя пріятныя изъ эмоцій лишь тѣ, которыя имѣютъ непосредственную связь съ его аппетитомъ. Удовлетворяя чувство голода, ребенокъ пріучается узнавать и любить грудь своей кормилицы, а затѣмъ ея руки, лицо, голосъ, глаза, улыбку, ласки и всю ея личность. „Первыя привязанности ребенка—привязанности гастронома, а первая благодарность—благодарность желудка". Даже первые опыты осязанія связаны у ребенка со вкусовыми ощущеніями: дайте шести-мѣсячному ребенку какой-нибудь предметъ, онъ начнетъ его щупать, сжимать, но на этомъ не остановится, и если у него достанетъ силы приподнести предметъ ко рту, онъ изслѣдуетъ его органомъ вкуса. Какой-бы ни былъ предметъ, попавшійся въ руки ребенка, онъ его сейчасъ тащитъ въ ротъ. Дайте ребенку картину, плѣнившую его яркими красками, онъ и ее тащитъ ко рту, потому что для него прекрасное и вкусное — одно и то же. Даже когда ребенокъ ознакомится опытомъ, что не всѣ предметы пріятны на вкусъ, онъ и тутъ еще не перестаетъ довѣрять своему рту и только въ немъ видитъ безошибочнаго руководителя. Конечно, послѣ 4-хъ мѣсяцевъ въ подобномъ дѣйствіи играетъ очень важную роль потребность утолить раздраженіе десенъ, но, тѣмъ не менѣе, главная причина такого поведенія ребенка заключается въ чрезвычайномъ возбужденіи дѣятельности вкуса, и только путемъ его возникаютъ тѣ или другія чувства и идеи.

Впрочемъ, чувство вкуса—не единственное чувство ребенка въ

первые три мѣсяца. Ему доставляютъ удовольствіе яркія краски, извѣстные звуки; онъ восхищается рѣзкими, яркими цвѣтами, и, если вы будете показывать ему предметы, доставляющіе ему удовольствіе, онъ станетъ къ нимъ тянуться. Въ этомъ Перезъ видитъ зародышъ эстетическаго чувства, соединеннаго съ желаніемъ.

Другое чувство, тоже рано наблюдаемое въ ребенкѣ, есть чувство страха, которому онъ подчиняется рефлексивнымъ образомъ. „Я, — говоритъ Перезъ, — неожиданно надѣлъ на голову шляпу передъ трех-мѣсячнымъ ребенкомъ, съ которымъ игралъ, и онъ съ плачемъ откинулся на грудь матери. Семи-мѣсячная дѣвочка, внезапно услышавъ лай большой собаки, нѣсколько разъ пыталась прятаться за руки матери. Черезъ двѣ недѣли собака подошла къ дѣвочкѣ безъ лая, и она не выказывала уже никакого волненія“. Та-же дѣвочка выказала удивленіе, близкое къ страху, когда братъ ея нахлобучилъ себѣ на лицо, на самыя глаза, черную шляпу. Но когда то-же самое повторили при ней и многія другія лица, она стала смѣяться и, познакомившись, наконецъ, со шляпой, потребовала ее къ себѣ, чтобы ощупать. Для паралели, Перезъ рассказываетъ слѣдующій случай съ горнымъ воробьемъ и котенкомъ. Жившій у него въ клѣткѣ, горный воробей обнаруживалъ большую радость при видѣ бѣлыхъ предметовъ, а видъ зеленыхъ цвѣтовъ, трости, шляпы на головѣ заставляли его прыгать до изступленія въ клѣткѣ. Птицу эту выпускали иногда полетать въ комнату, и она садилась и ходила вездѣ безъ малѣйшаго страха. Разъ полугодовой котенокъ, забравшись въ комнату, взлѣзъ на кровать. Воробей подлетѣлъ къ кровати и сѣлъ противъ котенка. Тотъ испугался, зафыркалъ отъ ужаса и забился подъ пуховикъ. „И такъ, — говоритъ Перезъ, дѣлая выводъ, — радость и печаль, любовь и ненависть, желаніе и отвращеніе — чувства, извѣстныя и маленькому ребенку, и маленькому животному“.

Ревность и гнѣвъ, по наблюденію Переза, проявляется у ребенка моложе 2-хъ мѣсяцевъ. Его маленькая дочь, около этого возраста, не могла видѣть никакого другаго ребенка у груди матери; она сейчасъ-же на морщивала брови, дѣлала гримасы, багровѣла и начинала плакать. Тутъ дѣйствовали вмѣстѣ ревность и гнѣвъ. Другая дѣвочка, 3½-хъ мѣсяцевъ, краснѣла отъ шеи до макушки, если грудь кормилицы была прикрыта чѣмъ-нибудь и она не могла ее скоро взять. Одинъ мальчикъ, вообще очень кроткаго нрава, приходилъ въ ярость, похожую на отчаяніе, когда его одѣвали. Разъ этого мальчика, чтобы разсмѣшить, посадили въ большой бумажный мѣшокъ. Сначала отъ смѣялся, но когда почувствовалъ себя связаннымъ въ мѣшкѣ, онъ наморщилъ брови, началъ биться

руками и ногами съ такою силою, что мѣшокъ лопнулъ. Перезъ поднялъ его за плечи, и когда онъ его вытаскивалъ, лицо ребенка просіяло и выражало какъ-будто благодарность.

III.

Когда опытъ нѣсколько познакомить ребенка съ окружающимъ его міромъ и когда время его не поглощается исключительно ѣдою, въ немъ начинаютъ являться новыя потребности, предполагающія уже извѣстную степень развитія сознанія.

Вотъ восьми-мѣсячный ребенокъ, который уже интересуется множествомъ предметовъ и, чтобы познакомиться съ ними, не тащитъ ихъ уже въ ротъ. Теперь все, что попадаетъ въ его руки, для него или игрушки или предметы любопытства. Онъ ихъ ворочаетъ, ставитъ, передвигаетъ, стучитъ или складываетъ въ кучи; однимъ словомъ, производитъ цѣлую массу всевозможныхъ экспериментовъ. Съ этого времени зрѣніе и осязаніе дѣйствуютъ, какъ самостоятельныя чувства, и служатъ первыми руководителями ребенка въ его попыткахъ къ анализу. Понятія ребенка расширяются, чувства тоже, ощущенія и воспринятія становятся богаче; ребенокъ растетъ умственно и его чувства примѣняются уже къ предметамъ.

Вотъ одиннадцати-мѣсячный ребенокъ, который уже познакомился съ мясомъ, пирожками, плодами; но когда, удовлетворивъ своему аппетиту, онъ садится за игрушки, онъ наслаждается ими совершенно также, какъ и ѣдой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уже нѣжно любить свою мать и лицъ, которыя его кормятъ, одѣваютъ, ласкаютъ. Онъ любитъ ихъ не безразлично; онъ съ большею радостію идетъ на руки къ матери или нянѣ, чѣмъ къ маленькой сестрѣ, которая охотно его носитъ. Но не безъ отвращенія идетъ онъ на руки къ теткѣ, у которой очень злое лицо и крикливый голосъ. Ребенокъ этотъ не обнаруживаетъ особой любезности къ лицамъ старымъ, прикрытымъ вуалемъ, а любитъ молодыхъ и красивыхъ. Вмѣстѣ съ разнообразными привязанностями у него явились и антипатіи. Молотокъ, клистирная трубка, полотенце—для него личные враги, и основаніемъ его личнаго отношенія къ предметамъ и людямъ служатъ удовольствія и страданія, которыя ему пришлось испытать. Такъ, онъ не любитъ одного 7-ми-лѣтняго мальчика, который его дразнилъ, не любитъ одну черную собаку, которая на него часто лаяла. Въ это время любопытство и постоянная потребность живыхъ впечатлѣній служатъ главнымъ возбужденіемъ для психической дѣятельности ребенка и даютъ ему постоянный матеріалъ для нравственной чувствительности.

Въ этотъ періодъ своего развитія ребенокъ еще глубокой невѣжда; вниманіе его быстро утомляется и онъ не можетъ заниматься долго однимъ предметомъ или лицомъ, если они не будутъ измѣняться. Положимъ, вы машете передъ такимъ ребенкомъ цвѣткомъ и говорите ему: „понюхай, какъ хорошо пахнетъ!“ Ребенокъ вдыхаетъ запахъ цвѣтка и доволенъ. Но ощущеніе обонянія скоро въ немъ притупляется, а очарованіе растительныхъ отгѣнковъ красокъ скоро надоѣдаетъ. Какъ быстро ребенокъ обрадовался цвѣтку, такъ быстро онъ ему надоѣлъ теперь, и ребенокъ почти безъ реакціи подчинился дѣйствию закона, въ силу котораго наиболѣе живыя впечатлѣнія ощущаются наименѣе продолжительно. Поэтому-то ребенокъ не можетъ въ это время ни слишкомъ долго радоваться, ни продолжительно печалиться. Одинаковыя впечатлѣнія, повторяющіяся часто, какъ-бы притупляютъ чувствительность ребенка, и чтобы они производили на него болѣе сильное впечатлѣніе, они должны повторяться послѣ извѣстныхъ промежутковъ.

Въ этомъ-же періодѣ вниманіе ребенка возбуждаютъ больше собаки, кошки, птицы, вообще существа одушевленные, чѣмъ предметы неодушевленные. Ребенокъ помимо того, что животныя даютъ ему пищу для болѣе разнообразныхъ ощущеній, питаетъ къ нимъ симпатическое чувство. Симпатія эта часто наследственная, но, тѣмъ не менѣе, настолько сильная, что ребенокъ какъ-бы отождествляетъ себя съ животнымъ, и его крики, ласки, нѣжное ворчаніе, жалобный вой собаки,—все это, дѣйствуя на его вниманіе, возбуждаетъ въ немъ сильное влеченіе къ животнымъ.

Но эта симпатія къ животнымъ не имѣетъ еще нравственнаго содержанія. Ребенокъ, играя съ собакой или кошкой, любитъ ихъ не для нихъ, а для себя. Онъ даже и не подозреваетъ, что животныя могутъ страдать и наслаждаться такъ-же, какъ онъ. Чѣмъ животное тише и добрѣе, чѣмъ оно терпѣливѣе, тѣмъ болѣе жестоко обращается съ нимъ ребенокъ. Свою собаку онъ дергаетъ за хвостъ, за лапы, уши, бьетъ ее кулаками, палкой, и все это онъ дѣлаетъ безъ всякаго чувства жалости. Перецъ рассказываетъ, что одна няня посадила 10-мѣсячнаго ребенка на дернъ и дала ему для забавы черепаху. Няня ушла на нѣсколько минутъ и когда она возвратилась, то у черепахи была на-половину вырвана одна лапа, а ребенокъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы вырвать и другую. Впрочемъ, пренебреженіе къ страданіямъ животныхъ, если оно не выражается очень ощутительными внѣшними признаками, обще ребенку со многими взрослыми. Перецъ думаетъ, что это скорѣе результатъ дурнаго воспитанія, чѣмъ природнаго недостатка чувствительности. И во Франціи, какъ у насъ, многіе

изъ простонародья думаютъ, что животное или насѣкомое не чувствуютъ боли.

При всей привязанности ребенка къ животнымъ, его симпатіи къ людямъ гораздо сильнѣе и глубже. Вотъ годовою ребенокъ, который возвратился домой послѣ мѣсячнаго отсутствія. Онъ равнодушно смотритъ на хорошо ему знакомую кошку и едва обратилъ вниманіе на собаку, съ которой постоянно игралъ. Но когда къ нему подошла служанка, онъ засмѣялся, протянулъ къ ней руки и сталъ подпрыгивать отъ радости. Причину этого Перезъ видитъ въ томъ, что человѣкъ для ребенка есть предметъ самаго сильнаго любопытства, всегда новаго, всегда привлекательнаго, всегда удовлетвореннаго. Еще большее очарованіе представляетъ для ребенка разнообразная игра человѣческой фizioноміи, съ перемѣнами которой асоціируются въ умѣ ребенка идеи о ласкахъ, играхъ, дружбѣ, удовольствіи, пищѣ, всѣ возбужденія ума, всѣ наслажденія сердца, всѣ привычки тѣла.

У десяти-мѣсячныхъ дѣтей Перезъ подмѣтилъ внезапныя привязанности къ новымъ лицамъ. Одинадцати-мѣсячный родственникъ пришелъ въ гости въ семью Переза. Онъ сейчасъ-же назвалъ Переза „папа“, хотя отецъ его былъ тутъ-же. Перезъ протянулъ ему руку, и ребенокъ схватилъ ее за пальцы и потащилъ. Понявъ, чего ребенокъ хочетъ, Перезъ помогъ ему идти. Втеченіи цѣлой недѣли ребенокъ оказывалъ ему предпочтеніе передъ другими лицами. Онъ часто оставлялъ даже свою мать и своего отца и тянулся на руки къ Перезу. Эта внезапная любовь очень заинтриговала наблюдателя и, анализируя ее, онъ объяснилъ ее слѣдующимъ образомъ. Перезъ имѣетъ большое сходство съ дѣдомъ ребенка, котораго онъ тоже зоветъ „папа“ и у котораго такая-же длинная борода. Ростъ, манеры, звукъ голоса, можетъ быть, тоже послужили въ пользу наблюдателя и во всякомъ случаѣ должны были играть роль при первомъ сближеніи. Ребенокъ полюбилъ Переза ради его самого, т. е. ради тѣхъ забавъ, которымъ онъ его научилъ. Изъ своихъ наблюденій надъ привязанностями дѣтей Перезъ дѣлаетъ заключеніе, что человѣческая личность для маленькаго ребенка, какъ и для прирученныхъ животныхъ, составляетъ предметъ самой сильной привязанности. Въ дѣтской любви нѣтъ особенно сильной энергіи, нѣтъ страсти, и причина этого понятна. Эзальтированная любовь или страсть всегда предполагаетъ элементъ мысли и потому она составляетъ принадлежность только взрослыхъ; у дѣтей-же, какъ и у животныхъ, есть только привязанности и привычки, но нѣтъ страстей.

Въ ребенкѣ не слѣдуетъ искать другихъ чувствъ, кромѣ зачатковъ симпатіи. Чтобы могло явиться вполне сложившееся сим-

патическое чувство, нужно много пожить и испытать много страданій и радостей. У ребенка еще нѣтъ подобнаго жизненнаго опыта. Онъ способенъ въ другихъ вообразить только то, что испытать самъ. Поэтому-то дѣти обыкновенно тогда только начинаютъ понимать своихъ родителей, когда сами станутъ родителями. Не испытавъ многихъ нравственныхъ страданій, ребенокъ не въ состояніи вообразить ихъ въ другихъ, и сложныя чувства для него недоступны. Ребенокъ лучше всего понимаетъ страданіе только тогда, когда плачутъ или стонутъ.

Дѣти недоступны жалости, и взрослые, можетъ быть, напрасно обижаются на ихъ нечувствительность или огорчаются ихъ жестокостью. Ни въ чемъ мы не дѣлаемъ большей ошибки, какъ судя о дѣтяхъ по себѣ. Перезъ рассказываетъ, что когда ему было около пяти лѣтъ, у него умерла сестра и тетка привела его къ кровати умершей. При взглядѣ на покойную, его поразило ея сходство съ однимъ маленькимъ мальчикомъ, котораго онъ зналъ. Первымъ дѣломъ его было идти къ матери и объявить ей о найденномъ сходствѣ. Или еще фактъ: „четыре-лѣтній ребенокъ потерялъ одного изъ своихъ любимыхъ товарищей. Его свели въ домъ умершаго. Отецъ, потерявшій ребенка, взялъ его на руки и нѣсколько минутъ держалъ его на колѣняхъ, плача и рыдая. Ребенокъ ничего не понималъ. Онъ успѣшилъ слѣзть съ колѣнъ огорченнаго отца, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ кругомъ комнаты и, вдругъ повернувшись къ нему, спросилъ: „теперь, когда Пьеръ померъ, ты отдашь мнѣ его лошадку и барабанъ, не правда-ли?“

IV.

Что такое воля у маленькаго ребенка? спрашиваетъ Перезъ и отвѣчаетъ такъ: „воля есть просто автоматическое влеченіе, неодолимое, всепоглощающее, сосредоточивающее въ себѣ всю зарождающуюся личность подъ формой желанія, которое вскорѣ становится слабо-сознательнымъ“. Въ этомъ желаніи заключаются два противоположныхъ стремленія: ощутить пріятное впечатлѣніе и избѣжать или удалить непріятное. Стремленіе это находится въ прямой связи съ состояніемъ способностей и съ желаніями или потребностями ребенка. Въ ранніе періоды жизни человѣка, оно относится почти исключительно къ инстинкту свободно питаться, двигаться, согрѣваться или отдыхать.

Конечно, у 2—3-х-мѣсячнаго ребенка нѣтъ той воли, какая замѣчается у взрослога, но, тѣмъ не менѣе, ребенокъ хочетъ, и хочетъ очень энергически. Трех-мѣсячная дѣвочка, приученная къ

укачиванію передъ сномъ, проснулась и, не видя подлѣ себя кормилицы, впала въ припадокъ настоящаго отчаянія и плакала такъ, что ее можно было слышать за 50 шаговъ. Кормилицѣ стоило много хлопотъ, чтобы успокоить ребенка. Она его ласкала, пѣла ему пѣсни, наконецъ, дала ему грудь. Ребенокъ пососалъ немного и опять началъ плакать. Не зная, наконецъ, что дѣлать, кормилица снова принялась ласкать дитя, взяла его на руки, стала укачивать и ребенокъ уже черезъ 3 минуты спалъ счастливымъ сномъ. Кормилица, понявшая свою ошибку, сказала потомъ Перезу: „я кончила тѣмъ, чѣмъ должна была начать, потому что дѣти, сударь, упрямы во всѣхъ своихъ привычкахъ“.

Извѣстно, какъ дѣти не любятъ, чтобы ихъ мыли. Извѣстно также, какъ они легко привыкають спать на рукахъ и вообще легко усваивають тѣ или другія повадки. Напр., ребенокъ, привыкшій спать въ колыбели, ни за что не захочетъ спать на кровати; ребенокъ, привыкшій, чтобы ему пѣли или рассказывали на ночь, не заснетъ безъ рассказовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣти проявляютъ такую страстность, если привычка ихъ останется неудовлетворенной, что нерѣдко возня съ дѣтьми является чистымъ мученіемъ. Подобныя привычки подчинены всегда чувству, все равно, выражается-ли желаніе ребенка въ формѣ автоматической или сознательной. Ребенокъ всегда хочетъ того, что ему нравится или въ настоящую минуту, или въ воспоминаніи, и не хочетъ того, что ему неприятно. То-же самое можно сказать и относительно воли взрослога и, какъ справедливо замѣчаетъ Перезъ, современные психологи были неправы, не обращая вниманія на слѣдующую старую истину, высказанную еще Аристотелемъ: „самый важный пунктъ по отношенію къ добродѣтели: чтобы любить то, что должно привлекать, и ненавидѣть то, что заслуживаетъ отвращенія. Эти чувства распространяются на все существованіе и имѣють большое вліяніе на добродѣтель и счастье въ нашей жизни, ибо мы стремимся къ тому, что даетъ намъ удовольствіе, и избѣгаемъ того, что причиняетъ страданіе“.

Воля всегда опредѣляется чувствомъ, все равно, ясно или смутно оно опредѣлилось въ сознаніи. Идея, служащая мотивомъ дѣйствія, должна превратиться въ побужденіе. „Это прямое и всемогущее вліяніе чувства на волю не должно быть упущено изъ виду ни однимъ человѣкомъ, думающимъ дать разумное направленіе своимъ способностямъ или способностямъ лицъ, воспитаніе которыхъ лежитъ на немъ“, говоритъ Перезъ.

Итакъ, человѣкъ долженъ захотѣть. Но что такое хотѣніе? „Хотѣніе, по опредѣленію Вульпіана, есть проявленіе чисто-мозговое. Хотѣніе приводитъ въ движеніе разныя части мозга, от-

куда должно выйти координированное возбужденіе, необходимое для исполненія желаемаго дѣйствія. Возбужденіе передается разными точкамъ спиннаго мозга, изъ которыхъ выходятъ двигательные нервы. Затѣмъ нервы возбуждаются и вызываютъ въ периферической оконечности своей сокращеніе мускуловъ, исполняющихъ движеніе“. Въ періодѣ созрѣванія процессъ воли ничто иное, какъ послѣдующій, болѣе развитой, болѣе обдуманый процессъ предшествовавшаго движенія сужденія; наше-же сужденіе и размышленіе зависятъ отъ чувствительности, возбужденной тѣмъ или другимъ образомъ. „Что каждый свободенъ дѣлать, что хотеть, предположивъ, что нѣтъ внѣшнихъ препятствій, — говоритъ Льюисъ,—это признано всѣми; но чтобы каждый былъ свободенъ хотѣть или не хотѣть, это не согласно съ нашей внутренней природой. Изъ того общаго закона, что при равныхъ условіяхъ спѣленіе психическихъ состояній пропорціонально тому, насколько часто они слѣдовали одно за другимъ въ опытѣ, является какъ неизбежное заключеніе, что каждое дѣйствіе должно быть рѣшено сообразно съ психическими связями, порожденными опытомъ или въ жизни самого индивида, или въ общей жизни, предшествовавшей его жизни и накопленные результаты которой перешли въ его сложеніе органическимъ путемъ“.

Дѣлая выводъ, Перезъ говоритъ, что если, по мнѣнію Аристотеля, добродѣтель, какъ и счастье, есть дѣло привычки, то дѣтскій возрастъ представляетъ весьма важный періодъ для приобрѣтенія предрасположеній, которыя должны служить основой для дѣятельности въ продолженіи цѣлой жизни. „Наше дѣло, хранителей и воспитателей ребенка, окружать зарождающуюся личность здоровыми и счастливыми впечатлѣніями и удалять отъ нея, насколько это въ нашихъ силахъ, впечатлѣнія печальныя и вредныя. Только этимъ путемъ мы можемъ имѣть посредственно власть надъ его волей“.

V.

Если разумъ есть ничто иное, какъ цѣпь сужденій, послѣдовательныхъ и сопряженныхъ между собою по закону ассоціацій, то ясно, что маленький ребенокъ мыслить. Когда ребенокъ видитъ, что кормилица подноситъ пищу ко рту и дѣлаетъ движеніе губами и деснами, онъ умозаключаетъ слѣдующее: „кормилица ѣстъ что-то; то, что она ѣстъ, должно быть вкусно и это вкусно для нея будетъ вкусно и для него“. Кроме того, ребенокъ знаетъ, что если онъ будетъ плакать и просить неотступно, то кормилица дастъ и ему то, что

она ѣсть, и вотъ ребенокъ начинаетъ плакать и просить. Здѣсь мы видимъ, какъ индуктивное сужденіе перешло въ послѣдовательное сужденіе. Подобнымъ образомъ мыслить всякій маленькій ребенокъ, неумѣющий еще говорить, хотя въ тоже время нельзя не замѣтить, что отъ чистаго мышленія нужно различать сужденіе рефлективное, какъ результатъ или личныхъ привычекъ, или привычекъ, переданныхъ наслѣдственностью. Развѣ видъ движущихся челюстей кормилицы не могъ вызвать въ ребенкѣ безсознательное и невольное открываніе рта, протягиваніе рукъ и даже плачь? Поэтому бываетъ трудно разграничить то, что въ дѣтскомъ мышленіи приходится на долю сознательнаго и что остается на долю безсознательнаго. Есть случаи, когда автоматизмъ переходитъ въ сознаніе, но бываетъ, что и сознаніе уступаетъ свое право автоматизму. Между прочимъ, Перезъ приводитъ случай виѣшательства сознанія въ совокупность сужденій и движеній, совершенныхъ большею частью рефлексивно. Отецъ ребенка—работникъ и часто ходитъ ловить рыбу; ребенокъ привыкъ ѣсть жареную рыбу. Разъ отецъ, вернувшись домой, ѣлъ рыбу, но сыну ее не далъ. Ребенокъ сталъ просить; отецъ притворился, что не слышитъ. До сихъ поръ ребенокъ дѣйствовалъ автоматически, по привычкѣ, но когда онъ увидѣлъ, что его просьбы не привели ни къ чему, онъ подлѣзъ подъ столъ, сталъ дергать отца за ногу и сказалъ: „я хочу жаренаго, не Мине (котъ), мое жареное, я хочу жаренаго“. Говоря такъ, ребенокъ разсудилъ, что кошка сидитъ, когда ѣдятъ люди, подъ столомъ, и вотъ онъ превратилъ себя въ кошку, вслѣдствіе сознанія. Или: мать этого-же ребенка приучила его ходить къ сосѣдкѣ и спрашивать у нея газеты. Ребенокъ очень серьезно исполнялъ свое дѣло и не допускалъ, чтобы кто-нибудь другой дѣлалъ за него. Разъ какъ-то братъ его вызвалъ эту женщину къ окну и та выбросила ему газету. Старшій братъ хотѣлъ поднять ее, но малютка вырвалъ газету, потомъ встряхнулъ ее, проговоривъ: „не грязна“. Тутъ привычнымъ дѣйствіемъ было одно это: „не грязна“; все остальное—столкновение съ братомъ и вызванныя имъ дѣйствія были нововведеніемъ и изобрѣтательностію.

Въ отношеніи изобрѣтательности и нововведеній, которыя въ сущности изображаютъ собой постоянно возрастающую цѣнь дедукцій и индукцій, ребенокъ обнаруживаетъ гораздо бѣльшую дѣятельность воображенія, чѣмъ мы, взрослые, привыкшіе жить на основаніи готовыхъ умозаключеній, давно нами приобрѣтенныхъ и заученныхъ.

Маленькій ребенокъ представляетъ на каждомъ шагѣ доказательства своей силы изобрѣтательности и творчества. Обратите вниманіе на его игры, шалости, ласки, хитрости, и вы во всемъ

этомъ увидите неистощимый и постепенно развивающійся рядъ его практическаго и творческаго разума. Здѣсь въ ребенкѣ все самопроизвольно, онъ живетъ своимъ опытомъ и примѣненіемъ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, измѣняя свое сужденіе подѣ влияніемъ возбуждающихъ его случайныхъ обстоятельствъ, дѣйствуя съ находчивостью и нерѣдко геніяльностію. Поэтому-то, говоритъ Перезъ, „великое искусство воспитанія даже для самаго нѣжнаго возраста должно заключаться въ бдительномъ и любящемъ нейтралитетѣ, а не въ пристрастномъ и деспотическомъ вмѣшательствѣ. Горе ребенку, брошенному въ форму приличій и рутинны, какой-бы разумный и благовидный видъ они ни принимали. Дайте ребенку свободу и вмѣшивайтесь только тогда, когда надо, во что-бы то ни стало, предупредить или остановить; не то вы остановите движеніе поднимающагося и расширяющагося сока, который долженъ въ одно и тоже время породить прекрасные цвѣты и вкусные плоды“.

Продолжая примѣры дѣтской изобрѣтательности, Перезъ рассказываетъ объ одномъ ребенкѣ, который, когда отецъ его долго спитъ по утру, будитъ его, сдергивая одѣяло съ постели, или съ шумомъ толкая стулъ, или взлѣзая на стулъ и тряся голову отца. Разъ взобравшись на стулъ, ребенокъ схватилъ отца за шею, потомъ дернулъ его за ухо и очень сильно ущипнулъ. Но отецъ притворился спящимъ. Тогда ребенокъ приподнялъ вѣко одного глаза и закричалъ: „милый папа, вѣдь свѣтло, не такъ-ли?“ Это было новымъ изобрѣтеніемъ, противъ котораго отцу пришлось принимать и новыя мѣры. Если отецъ этого ребенка притворяется сердитымъ, ребенокъ сейчасъ-же угадываетъ притворство и говоритъ: „нѣтъ, папа не сердится“. Этому ребенку удавалось нѣсколько разъ стащить за столомъ что-нибудь съ тарелокъ сосѣдей. Сдѣлавъ кражу, онъ украденный кусокъ старался придвинуть къ тому, что было на его тарелкѣ, закрыть зеленью и запрятать такъ, чтобы не было замѣтно. Тотъ-же ребенокъ любитъ трогать игрушки своего брата, что тому очень не нравится. Когда братъ уйдетъ, онъ всегда съумѣетъ выискать, куда братъ запрячетъ игрушки, и такъ-какъ ему за это достается, то принимаетъ мѣры, чтобы не быть уличеннымъ. Онъ часто выбѣгаетъ на лѣстницу, смотреть сверху внизъ; если кто-нибудь идетъ, думаетъ, не братъ-ли; когда-же оказывается, что это братъ, то онъ поспѣшно собираетъ игрушки, засовываетъ ихъ въ ящикъ и относитъ его на мѣсто.

По мѣрѣ того, какъ растутъ силы и опытъ ребенка, разумъ его становится болѣе тонкимъ и точнымъ, и въ области желаній или опасеній выраженіе его умозаключеній доходить до логической и

ораторской высоты. „Когда я былъ ребенкомъ, двумя годами старше моей трех-лѣтней кузины,—разсказываетъ о себѣ Перезъ,—я злоупотребилъ изъ жадности правомъ сильнаго и отнял у нея славную грушу, которую бабушка наша дала ей, по возвращеніи домой изъ сада, находившагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома. Дѣвочка сдѣлала очень краснорѣчивое и обстоятельное донесеніе бабушкѣ, которая постаралась утѣшить ее, давъ ей прекрасную кисть винограда. Когда я вернулся изъ засады, гдѣ я тайкомъ наслаждался отнятымъ плодомъ, малютка еще не справилась ни съ кистью винограда, ни съ своимъ горемъ. Бабушка строго побранила меня, потомъ, обратясь къ кузинѣ, сказала: „утѣшься, дитя мое; когда я пойду въ садъ, я принесу тебѣ славную грушу, а братъ твой ничего не получитъ“. Это обѣщаніе и мой разогорченный видъ сняли, какъ рукой, все горе, и кузина моя съ веселымъ видомъ пошла прыгать на улицу. Промель часъ, я не уходилъ изъ дома, безъ сомнѣнія, чтобы видѣть: будетъ-ли бабушка наша имѣть мужество исполнить свою угрозу и дать кузинѣ при мнѣ грушу, а мнѣ не дать? Кузина моя, съ своей стороны, не забыла обѣщанія; она черезъ каждыя десять минутъ приходила домой, вертѣлась около бабушки, говорила ей разныя нѣжности, спрашивала: не надо-ли исполнить какое-нибудь порученіе, говорила объ овощахъ, супѣ и пр.; но слово *груша* не было произнесено. Дѣвочка знала по опыту, что бабушка не любила, когда къ ней приставали, особенно въ отношеніи съѣстнаго, и потому остерегалась разсердить ее, выказывая сильное желаніе получить ожидаемый плодъ. Наконецъ, черезъ полчаса, возбужденная, быть можетъ, и требованіями желудка, она собрала все свое мужество и рискнула на послѣднее средство. Она внезапно прибѣжала, припрыгивая, изъ глубины двора и, ударивъ ласково по плечу бабушку, которая сидѣла у стола, сказала тономъ увѣренности: „она будетъ хорошая, да?“ Бабушка поняла значеніе этой лукавой фразы; но она заставила повторить ее и дѣвочка, ободренная, сказала точнѣе: „она будетъ хорошая, да, бабушка, груша?“ Бабушка нашла эту уловку прелестной, позвала дѣда, работавшаго въ сосѣдней комнатѣ и сказала: „если у тебя есть свободное время, такъ сходи въ садъ и сними хорошую грушу, я обѣщала маленькой грушу“. Дѣдъ взялъ ключъ отъ сада, и кузина моя пошла съ нимъ, держа его за руку. Нечего и говорить о томъ, что и я принялъ участіе въ шествіи, держась почтительно позади дѣда. Но мнѣ кажется, что я первый вошелъ въ садъ, чуть только открыли калитку. Кузина получила отличную грушу и ѣла ее съ такимъ наслажденіемъ, что забыла сказать дѣду, что мнѣ не нужно давать груши. Мы втроемъ ѣли вкусные плоды, а потомъ играли

въ аллеяхъ сада съ нашимъ добрымъ дѣдомъ, — двое маленькихъ дѣтей и одинъ большой ребенокъ“.

VI.

Изъ наблюдений, сдѣланныхъ Перезомъ, самыя любопытныя, конечно, тѣ, которыя относятся къ области нравственнаго чувства и общественныхъ инстинктовъ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, мы напомнимъ читателю нѣкоторыя изъ общихъ положеній, которыми новѣйшіе англійскіе мыслители устанавливають принципъ общественной и личной нравственности.

„Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, — говоритъ одинъ изъ современныхъ англійскихъ мыслителей, — что между всѣми различіями, отдѣляющими человѣка отъ низшихъ животныхъ, самыя важныя — нравственное чувство и совѣсть“.

Чувству этому должно быть отдано верховное преимущество надъ всякими другими человѣческими побужденіями и оно резюмируется въ повелительномъ короткомъ словѣ — долгъ.

Бремъ рассказываетъ, что въ Абиссиніи онъ встрѣтилъ разъ огромное стадо бабуиновъ, переходившихъ долину. Одни изъ обезьянъ уже взобрались на противоположную гору, а другія оставались еще въ долинѣ. На отставшихъ напали собаки. Тогда старыя самцы спустились съ горы и накинулись на собакъ съ разинутыми пастьями и дикими криками, такъ-что тѣ убѣжали. Охотники снова науськали собакъ, но въ это время бабуины взобрались уже на скалы, за исключеніемъ одного дѣтеныша мѣсяцевъ шести. Его и окружили собаки. Увидѣвъ это, одинъ изъ самыхъ крупныхъ самцовъ сошелъ внизъ къ дѣтенышу, погладилъ его, взялъ на руки и все это онъ сдѣлалъ съ такимъ отважнымъ видомъ, что собаки оторопѣли. Тотъ-же Бремъ рассказываетъ, какъ орелъ схватилъ молодую мартышку. Бѣднажка, уцѣпившись за вѣтку, принялась визжать во все горло. Тогда другія мартышки бросались къ ней на выручку, окружили орла и принялись его щипать съ такою яростью, что онъ бросилъ свою добычу и обратился въ бѣгство.

Побужденіе, заставившее бабуиновъ и мартышекъ поступить такимъ образомъ, конечно, было побужденіемъ общественнымъ, но чтобы оно могло быть нравственнымъ чувствомъ, или совѣстью, нужно, чтобы умственные силы этихъ животныхъ развились до той-же или почти до той-же степени, какъ у человѣка.

Симпатическое чувство и любовь служатъ, конечно, основа-

нiемъ моральнаго чувства и чувства долга, но доискиваться до происхожденiя ихъ было-бы совершенно напрасно, хотя можно догадываться, что они возникли преимущественно путемъ естественнаго подбора. Этимъ-же можно объяснить и странное противоположное чувство — ненависть. Плодотворное, по своимъ послѣдствiямъ, чувство симпатiи отличается отъ чувства любви. „Мать можетъ страстно любить своего спящаго и пассивнаго младенца,—говорить Дарвинъ, — но она едва-ли можетъ чувствовать къ нему симпатiю. Любовь человѣка къ собакѣ отлична отъ симпатiи, равно какъ и любовь собаки къ своему хозяину“. Еще Адамъ Смитъ говорилъ, какъ говоритъ въ настоящее время Бэнъ, что симпатiя основывается на присутствiи намъ живомъ воспоминанiи о пережитыхъ нами состоянiяхъ страданiя или радости. Поэтому, видъ лица, страдающаго отъ голода, холода, усталости, пробуждаетъ въ насъ воспоминанiе объ этихъ состоянiяхъ и мысль о нихъ заставляетъ насъ страдать. Мы стремимся облегчить чужое страданiе, чтобы отдѣлаться отъ собственнаго мучительнаго чувства. Въ силу такихъ-же точно побужденiй, мы принимаемъ участiе и въ чужихъ радостяхъ. „Я не знаю только,—прибавляетъ Дарвинъ,—какъ объяснить этимъ путемъ тотъ фактъ, что лицо любимое возбуждаетъ въ насъ симпатiю въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ лицо, къ которому мы равнодушны“.

Если простой видъ страданiя, независимо отъ любви, можетъ вызывать въ насъ дѣятельныя воспоминанiя, и если симпатическiя чувства явились въ людяхъ этимъ путемъ, то въ настоящее время, путемъ чисто-наслѣдственной передачи, они присутствуютъ въ насъ въ видѣ инстинкта, вызываемаго преимущественно любимыми существами. Какъ доказываетъ Бэнъ, у людей эгоизмъ, опытъ и переимчивость усиливаютъ чувство симпатiи, и когда мы совершаемъ доброжелательные, хорошия поступки, мы, конечно, въ большинствѣ случаевъ, рассчитываемъ на взаимность. Привычка тоже должна играть важную роль въ дѣятельности симпатическаго чувства. Но какимъ-бы путемъ въ насъ это чувство не явилось, оно играетъ въ жизни отдѣльныхъ людей и общества самую важную роль и послужило основанiемъ цѣлой массы общественныхъ инстинктовъ, безъ существованiя которыхъ было-бы немислимо и общежитiе.

Въ человѣкѣ, кромѣ общественныхъ, есть еще и личные инстинкты и привычки, выражающiяся въ стремленiи къ удовлетворенiю. Одни изъ этихъ инстинктовъ, или привычекъ, дѣйствуютъ настойчивѣе или сильнѣе, другiе слабѣе. Отъ однихъ привычекъ намъ труднѣе отдѣлаться, отъ другихъ легче. Но почему-же человѣкъ чувствуетъ себя обязаннымъ повиноваться одному инстик-

тивному желанію болѣе, чѣмъ другому? Почему, совершивъ какой-нибудь поступокъ, онъ можетъ въ немъ раскаяться? Почему, не совершивъ другаго поступка, напр., акта самоотверженія при видѣ гибели ближняго, онъ можетъ глубоко сожалѣть, что не отдался увлеченію?

Инстинктивныя побужденія людей бывають весьма различны по своей интенсивности; напр., молодая и робкая мать подвергаетъ себя величайшей опасности ради своего ребенка, а не сдѣлаетъ этого ради чужого. Юноша, владѣющій сильно развитой симпатіей и отвагой, бросается въ воду, чтобы спасти утопающаго, наперекоръ инстинкту самосохраненія. Въ подобныхъ случаяхъ побужденіе является быстро и безъ всякаго предшествовавшаго размысленія. Есть, однако, моралисты, которые думаютъ, что поступки, совершенные подъ вліяніемъ мгновеннаго побужденія, не есть настоящія моральныя дѣйствія. Чтобы поступокъ сталъ моральнымъ, по ихъ мнѣнію, должна быть одержана побѣда надъ противоположными стремленіями и поступокъ долженъ быть совершенъ въ силу возвышенныхъ мотивовъ. На это можно возразить, съ одной стороны, тѣмъ, что дикари, вовсе не отличавшіеся чувствомъ любви къ человѣчеству, сознательно жертвовали своей жизнію за своихъ товарищей и, слѣдовательно, ихъ поведеніе нельзя не признать нравственнымъ; съ другой — что поступки, часто повторяемые и, такъ сказать, входящіе въ привычку, принимаютъ сходство съ инстинктомъ, и мы ихъ совершаемъ, наконецъ, безъ всякаго раздумья и колебанія, и, тѣмъ не менѣе, такіе поступки не перестаютъ быть нравственными. Можно сказать даже, что истинно-благородными считаются именно тѣ дѣйствія, которыя мы совершаемъ по мгновеннымъ побужденіямъ, дѣйствуя вслѣдствіе врожденныхъ добрыхъ чувствъ. Конечно, человѣкъ, которому приходится усилить свою симпатію устраненіемъ другихъ чувствъ, ей мѣшающихъ, совершая хорошій поступокъ, заслуживаетъ большаго уваженія, чѣмъ тотъ, который поступаетъ хорошо безъ всякихъ усилий. Но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ поступки того или другаго рода считать поступками нравственными. Мы приводили раньше примѣръ о бабуинѣ, который спасъ молодую обезьяну отъ собакъ. Можно-ли поступокъ этотъ назвать нравственнымъ? На этотъ вопросъ многіе англійскіе моралисты отвѣчаютъ, что только одинъ человѣкъ есть существо вполне нравственное и изъ всѣхъ его поступковъ есть только одинъ родъ или классъ, который называется нравственнымъ, — все равно, будутъ-ли совершены эти поступки сознательно или бессознательно, по привычкѣ, или подъ вліяніемъ инстинктивнаго побужденія. Нравственнымъ существомъ, по опредѣленію новѣйшихъ англійскихъ мора-

листовъ, слѣдуетъ считать такое существо, которое способно сравнивать свои прошлые и будущіе поступки и мотивы, и одобрять ихъ или не одобрять. Теперь спрашивается: почему-же человѣкъ сожалѣеть, если онъ поступилъ по одному естественному побужденію и наперекоръ другому?

Умъ человѣческой устроенъ такъ, что человѣкъ не можетъ не мыслить, не размышлять, не провѣрять своихъ впечатлѣній, не сравнивать прошлаго съ настоящимъ. Въ то-же время человѣкъ чувствуетъ постоянную любовь и симпатію къ себѣ-подобнымъ и вполне счастливъ только въ обществѣ людей. Рядомъ съ этимъ, въ человѣкѣ есть рядъ инстинктовъ, такъ сказать, личныхъ, временныхъ или преходящихъ; напр., голодъ, чувство мести или озлобленія или инстинктъ самосохраненія, являющійся въ насъ лишь временно.

Такъ-какъ вслѣдствіе особенностей нашего ума, мы постоянно переживаемъ свои прошлыя впечатлѣнія и дѣлаемъ имъ сравненія, то, по необходимости, возникаютъ въ насъ точныя представленія объ интенсивности или сравнительномъ размѣрѣ нашихъ впечатлѣній, инстинктовъ и удовлетвореній. При этихъ сравненіяхъ выясняется, что извѣстные инстинкты берутъ перевѣсъ надъ другими, что одни инстинкты оказываются въ насъ сильнѣе, прочнѣе, другіе слабѣе и не такъ живучи. Совершая какое-нибудь дѣйствіе, мы отдаемъ всегда наиболѣе сильному импульсу и, удовлетворивъ своему желанію, дѣлаемъ противопоставленія пережитыхъ впечатлѣній. Чаще всего мы удовлетворяемъ собственнымъ желаніямъ на-счетъ другихъ людей и повинuemся рѣже общественному инстинкту, заставляющему насъ поступать въ пользу ближняго. Личныя желанія, какъ голодъ, мечь, чувство самосохраненія, удовлетворяются, какъ мы уже сказали, очень скоро. Отдавшись, положимъ, удовлетворенію одного изъ этихъ инстинктовъ и ради этого пренебрегши болѣе сильно дѣйствующимъ и прочнымъ общественнымъ инстинктомъ, мы начинаемъ сравнивать недавнее, моментальное удовлетвореніе съ удовлетвореніемъ другаго, болѣе прочнаго инстинкта, и пренебреженіе имъ возбуждаетъ въ насъ чувство недовольства собой. Это-то и есть совѣсть, заставляющая насъ принимать рѣшеніе поступать въ будущемъ въ направленіи болѣе сильныхъ, общественныхъ инстинктовъ. „Совѣсть, — говоритъ Дарвинъ, — оглядывается назадъ и судить прошлые поступки, вызывая то чувство недовольства, которое мы называемъ или сожалѣніемъ, или высшимъ его проявленіемъ — угрызениемъ совѣсти“.

Путемъ долгаго опыта и продолжительнаго навыка, человѣкъ можетъ развить въ себѣ самообладаніе или такой родъ поведенія, при которомъ его страсти или желанія стануть, наконецъ, усту-

пать безъ всякой борьбы мѣсто общественнымъ симпатіямъ. И теперь уже самообладаніе относительно многихъ желаній развито въ насъ настолько сильно воспитаніемъ, что развитой человѣкъ, ощущая голодь, не пойдетъ воровать. Самообладаніе развиваетъ въ человѣкѣ особенную силу привычки, по которой онъ, наконецъ, поступаетъ въ направленіи болѣе настойчивыхъ и прочныхъ инстинктовъ. Это и будетъ чувствомъ долга, подъ которымъ подразумѣвается „сознательное представленіе о существованіи устойчиваго инстинкта, врожденнаго или отчасти приобрѣтеннаго, которымъ человѣкъ постоянно руководствуется, хотя можетъ ему и не повиноваться“.

При выборѣ тѣхъ или другихъ поступковъ, очень важную роль играютъ порицаніе или одобреніе ближнихъ. Это порицаніе или одобреніе играетъ настолько важную роль въ нашемъ поведеніи, что немного нашлось-бы людей, которые-бы шли смѣло противъ суда общественной совѣсти. Конечно, въ каждомъ человѣкѣ есть чувство симпатіи, но въ то-же время есть и такіе люди, личныя желанія которыхъ настолько сильны, что они не обуздываются ни общественными инстинктами, ни общественнымъ мнѣніемъ. Человѣкъ, такъ поступающій, есть человѣкъ злой.

Приведенное объясненіе нравственнаго чувства вполне подтверждается всѣмъ тѣмъ, что извѣстно о первобытномъ и некультурованномъ состояніи этой человѣческой способности. Между дикими племенами существенными добродѣтелями признаются только тѣ, которыя ведутъ ко благу собственнаго племени, а противоположныя стремленія, вредныя собственному племени, не считаются пороками въ отношеніи другаго племени. Напр., убійство, грабежъ, измѣна строго преслѣдуются своимъ племенемъ у себя, а между тѣмъ они допускаются по отношенію къ другому племени. На низкой степени цивилизаціи грабежъ имущества признается доблестью.

Такъ какъ человѣкъ, необладающій отвагой и мужествомъ, не можетъ быть ни полезенъ, ни вѣренъ своему племени, то поэтому сила пользовалась всегда и вездѣ большимъ почетомъ. Даже въ цивилизованныхъ странахъ къ человѣку храброму, но лишенному гуманныхъ и доброжелательныхъ чувствъ, питается инстинктивно больше уваженія, чѣмъ къ человѣку робкому, одаренному гуманностію и доброжелательствомъ; если-бы робкій человѣкъ могъ оказать обществу большія услуги, чѣмъ исключительно отважный, мы все-таки оказываемъ отважному невольно большій почетъ. Въ тоже время осторожность—качество по преимуществу личное и рѣдко полезное для блага другихъ—никогда не пользовалось особеннымъ уваженіемъ. За то всегда и во всѣ времена пользовались

почетомъ вѣрность, справедливость, самоотверженіе, самообладаніе и настойчивость, какъ качества наиболѣе полезныя для блага и сохраненія племени.

Рядомъ съ этими общественными добродѣтелями, чисто личныя никогда не ставились дикарями высоко и получили значеніе лишь по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Напримѣръ, у дикарей неуѣренность и распущенность только потому и доходятъ до изумительныхъ размѣровъ, а цѣломудріе не цѣнится ни между мужчинами, ни между женщинами, что общественное мнѣніе не видитъ особенно полезной связи между этими качествами и цѣлостію и благосостояніемъ племени. „Отвращеніе къ разврату,—говоритъ Дарвинъ, приводя замѣчанія Стаунтона,—столь естественное у насъ, что кажется какъ-бы чувствомъ, врожденнымъ намъ, и служить такой существенной поддержкой цѣломудрію,—есть добродѣтель новѣйшихъ временъ и составляетъ исключительную принадлежность цивилизованной жизни. Доказательствомъ тому служатъ древніе религиозные обряды различныхъ націй, изображенія на стѣнахъ Помпей и обычаи многихъ изъ дикихъ племенъ“.

Общество дикарей отличается отъ нашего европейскаго, цивилизованнаго общества различіемъ въ нравственныхъ требованіяхъ. Симпатіи дикарей не идутъ дальше ихъ племени, и люди, не принадлежащіе къ ихъ общинѣ, представляются для нихъ врагами, съ которыми позволительно дѣлать, что вздумается. Европейское цивилизованное общество, рядомъ внутреннихъ и вѣншихъ опытовъ, выработало себѣ не только симпатію въ видѣ чувства общаго, безразлично практикуемаго по отношенію ко всѣмъ людямъ, будетъ-ли онъ европеецъ, азіатецъ или житель острова Мадагаскара; но постоянно практикуемое и развиваемое чувство симпатіи поднялось даже до гуманности, которой вовсе нѣтъ у дикарей и которая не была извѣстна даже древнимъ римлянамъ и грекамъ. „Эта добродѣтель,—говоритъ Дарвинъ,—благороднѣйшая изъ человѣческихъ добродѣтелей возникаетъ по мѣрѣ того, какъ наши симпатіи становятся нѣжнѣе и шире и охватываютъ собою, наконецъ, всѣ чувствующія существа. Стоять только этой добродѣтели проявиться въ нѣсколькихъ, уважающихъ ее, личностяхъ, и она быстро прививается къ юношеству путемъ воспитанія, примѣра и общественнаго мнѣнія“. Далѣе, общество дикарей отличается отъ цивилизованнаго общества болѣе слабымъ развитіемъ разсудочной способности, и отъ этого многія личныя добродѣтели не имѣютъ въ глазахъ дикарей никакого значенія. Дикари отдаются со всей необузданностію разнымъ видамъ невоздержности, пьянству, половой распущенности, и не считаютъ

этихъ поступковъ безнравственными только потому, что не имѣютъ понятія объ ихъ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ на благосостояніе племени, хотя дикари и очень ревнивы, повидимому, къ тому, что можетъ имъ вредить. Когда разсудочныя способности развиваются сильнѣе, когда становится яснѣе связь ближайшихъ причинъ съ отдаленными слѣдствіями, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, развиваются понятія экономическія и дѣлается, наконецъ, правильная оцѣнка интеллектуальныхъ способностей человѣка, а разумъ и знанія становятся выше физической силы—наступаетъ пора правильной оцѣнки личной человѣческой добродѣтели. Еслибы дикари были въ состояніи оцѣнить бѣдственныя послѣдствія отсутствія цѣломудрія и умѣренности, они, конечно, поставили-бы эти добродѣтели также высоко, какъ ихъ мы ставимъ.

Цивилизація заключается собственно въ томъ, что, по мѣрѣ развитія разсудочныхъ способностей, каждому становится все болѣе и болѣе яснымъ, что общественные инстинкты и симпатіи, распространяясь болѣе и болѣе, составляютъ основаніе общаго благополучія. Высшая-же степень нравственной культуры заключается въ томъ, что мы контролируемъ наши мысли и отучаемъ свой умъ думать во вредномъ для общества направленіи.

„Чѣмъ болѣе осваивается умъ съ дурнымъ поступкомъ, тѣмъ легче становится выполненіе его“,—говоритъ Дарвинъ и приводитъ при этомъ изрѣченіе Марка Аврелія: „каковы твои привычныя мысли, таково будетъ настроеніе твоего духа, потому что душа вымощена мыслями“. Формулируя ту-же мысль болѣе точно и научно, Спенсеръ говоритъ: „я полагаю, что понятіе наше о пользѣ, приобрѣтенной опытомъ, формулированное и скрѣпленное всѣми прошлыми поколѣніями человѣческаго рода, вызвало соотвѣтствующія измѣненія, которыя, путемъ передачи и накопленія, сдѣлались для насъ извѣстными нравственными способностями, извѣстными ощущеніями, возбужденными въ насъ дурными или хорошими поступками, безъ всякаго видимаго отношенія къ индивидуальному понятію о пользѣ“. Принимая этотъ выводъ за установившееся понятіе о нравственномъ чувствѣ, нужно признать, что добродѣтельныя наклонности не только передаются по наслѣдству, но они въ насъ еще настолько сильны и устойчивы, что служатъ главнымъ руководящимъ стимуломъ нашихъ поступковъ и противодѣйствующей силой индивидуальному понятію о пользѣ, если оно не согласно съ понятіемъ объ общей пользѣ.

Такимъ образомъ, новѣйшіе англійскіе моралисты отождествляютъ нравственное чувство съ общественными инстинктами, а цѣлью его ставятъ общее благо. Подъ общимъ-же благомъ, по опредѣленію Дарвина, слѣдуетъ понимать средства, производящія

наибольшее количество здоровыхъ и сильныхъ индивидовъ, обладающихъ при тѣхъ условіяхъ, которыми они окружены, наиболѣе совершенными способностями.

VII.

Наблюденія Переза не идутъ въ разрѣзъ съ теоретическими выводами англійскихъ моралистовъ. У ребенка въ первые моменты его жизни нѣтъ никакого представленія о добрѣ и злѣ, и первые проблески нравственнаго чувства являются у него только тогда, когда онъ пойметъ значеніе нѣкоторыхъ жестовъ, нѣкоторыхъ интонацій голоса, или выраженія фізіономіи. Перезъ видѣлъ семи-мѣсячнаго ребенка, котораго мать, браня и сильно встрахивая, научила понимать, что онъ не долженъ плакать для того, чтобы его подняли съ постели или взяли въ руки. Десяти-мѣсячныя дѣти, а иногда и раньше, очень хорошо умѣютъ заставить понять себя, когда они боятся совершить что-нибудь грязное въ своей колыбели. Они научились этому потому, что понимали жесты и порицаніе или-же ласку и одобреніе, когда они не пачкали своей колыбели, а просились. Изъ повторности порицанія или одобренія вырабатывается въ ребенкѣ, наконецъ, чувство различія между добромъ и зломъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ повиноваться изъ страха или по привычкѣ, онъ уже обладаетъ нравственнымъ смысломъ, а когда онъ сталъ повиноваться, ради награды, похвалы или чтобы сдѣлать другимъ удовольствіе, онъ уже обладаетъ нравственнымъ чувствомъ. Конечно, каждый ребенокъ охотнѣе повинуется въ такомъ случаѣ, когда ему предстоитъ удовольствіе личное или онъ можетъ сдѣлать удовольствіе другимъ. Онъ легче повинуется сказанному *да*, чѣмъ — *нѣтъ*. Если ребенку запрещаютъ дѣлать вещи, которыя доставляютъ ему удовольствіе, онъ повинуется медленнѣе, чѣмъ въ поступкахъ, для него безразличныхъ.

Нравственное чувство, въ той его объективной формѣ, которая развивается путемъ одобреній или порицаній, очень несовершенно у маленькихъ дѣтей, хотя въ то же время въ возрастѣ 2—4-хъ лѣтъ у нихъ уже довольно развита идея о справедливомъ и несправедливомъ, о дозволенномъ и запрещенномъ. Перезъ рассказываетъ объ одномъ маленькомъ мальчикѣ, котораго поручили ему на два мѣсяца. Сначала ребенокъ былъ очень сдержанъ, очень уменъ, держалъ себя весьма осторожно, вѣжливо просилъ за обѣдомъ кушанья, и когда поѣлъ, то говорилъ: „я кончилъ“. Но потомъ, освоившись, онъ разъ за столомъ говоритъ: „у насъ дома, когда я по-

Ѣль, мама никогда не оставляетъ меня за столомъ". Желаніе его было исполнено и Перезъ сталъ съ нимъ играть. Черезъ полчаса ребенокъ заплакалъ и сказалъ: „когда я плачу, мама кладетъ меня спать". Его снесли въ спальню, начали раздѣвать и онъ опять заплакалъ. Домашніе Переза думали, что ребенокъ скучаетъ по матери, но оказалось, что мама при укладываніи выдѣлываетъ съ нимъ разныя разности и все, что она съ нимъ дѣлаетъ, онъ считалъ обязательнымъ и непремѣннымъ для каждаго, кто съ нимъ нянчился. Онъ точно также относился и къ самому себѣ; онъ говорилъ: „очень дурно лгать или не слушаться; это очень огорчаетъ маму, это заставляетъ ее плакать".

Такимъ образомъ, добромъ ребенокъ считаетъ то, что дозволено, къ чему онъ получилъ привычку и съ чѣмъ онъ освоился, а зломъ то, что ему не дозволено или запрещено. Но первыя привычки ребенка настолько не прочны, что онъ легко ихъ можетъ забросить; а если ему приходится совершать какой-нибудь новый поступокъ и при новыхъ, неизвѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ чувствуетъ неувѣренность. Поэтому-то дѣти не только очень легко видоизмѣняютъ свои привычки, но и совершенно поддаются новымъ впечатлѣніямъ и вліянію новой среды. По этому-же первые опыты нравственности и уроки ея, которыми выучивается маленький ребенокъ даже въ трехъ-лѣтнемъ возрастѣ, есть, какъ говорить, Перезъ, зданіе, построенное хотя съ большой затратой труда, терпѣнія и благоразумія, но которое, если воспитательныя условія измѣняются, можетъ рухнуть въ нѣсколько недѣль.

Признавая нравственное чувство наследственнымъ, Перезъ находить, что оно можетъ легко видоизмѣняться отъ впечатлѣній окружающей среды. „Не напрасно обращаются къ общественному инстинкту, къ индивидуальной впечатлительности, къ симпатіи, къ врожденному желанію нравиться, всторыя играютъ такую важную роль въ воспитаніи нравственныхъ свойствъ дѣтей. Четырнадцатимѣсячная дѣвочка очень огорчалась, когда мама говорила: „я сердита, тебе". Но она оставалась нечувствительной къ большей части брани отца, потому что привыкла слышать, какъ онъ кричалъ и угрожалъ". Въ два года и пять мѣсяцевъ сынъ Тидемана, когда думалъ, что сдѣлалъ что-нибудь хорошее, восклицалъ: „люди скажутъ: вотъ хорошій маленький мальчикъ!" Если ему говорили, когда онъ дурно велъ себя: „сосѣди увидятъ", онъ тотчасъ переставалъ капризничать. Въ ребенкѣ есть врожденная утонченность чувствительности, къ которой хорошіе воспитатели не будутъ никогда бесплодно обращаться и которая даже для дѣтей, наименѣе одаренныхъ въ этомъ отношеніи, лучшее средство и самый полезный эквивалентъ репресивныхъ мѣръ. „Я вчера видѣлъ на улицѣ

мать, которая, возвращалась домой, сдѣлавъ покупки, съ трехлѣтней дѣвочкой, — рассказываетъ Перезъ. — Ребенокъ шелъ впереди въ двухъ шагахъ отъ матери и часто оборачивался къ ней, чтобы получить взглядъ или жестъ одобренія. И это потому, что маленькой дѣвочкѣ было поручено дѣло, которое она считала серьезнымъ и хорошее исполненіе котораго она считала заслугой: она несла на ладоняхъ обѣихъ рукъ пакетъ очень широкій, но очень тонкій и очень легкій. Она должна была считать его очень большимъ, сравнительно съ своимъ маленькимъ ростомъ, и нести его, не спотыкаясь и не роняя, казалось ей великимъ подвигомъ. Она исполняла это, чтобы сдѣлать удовольствіе своей матери, чтобы вызвать ея похвалы и удивленіе; а въ то-же время ей и самой было пріятно видѣть въ себѣ проявленіе силы и ловкости. Пассивное повиновеніе изъ страха наказанія или выговора съ трудомъ дали-бы тотъ-же результатъ, такъ легко и вѣрно полученный обращеніемъ къ благороднымъ и великодушнымъ чувствамъ нашей природы“.

Къ тому-же заключенію приходитъ и Дарвинъ, дѣлавшій наблюденія надъ своимъ маленькимъ „Дидди“. Нравственное чувство проявилось у Дидди на тринадцати-мѣсячномъ возрастѣ. Дарвинъ какъ-то сказалъ: „Дидди не хочетъ поцѣловать бѣднаго папу, Дидди злой“. Слова эти смутили ребенка и когда отецъ сѣлъ на свое мѣсто, ребенокъ протянулъ губы, показывая, что онъ хочетъ поцѣловать его. Около того-же времени Дарвину было уже легко дѣйствовать на своего сына путемъ чувства и добиваться отъ него всего, чего хотѣлъ. На третьемъ году ребенокъ сталъ очень чувствителенъ къ насмѣшкамъ... Въ концѣ третьяго года Дарвинъ замѣтилъ въ ребенкѣ новую черту. Разъ онъ встрѣтилъ Дидди въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ столовой. Глаза его блеснули болѣе обыкновеннаго и въ манерахъ его было что-то странное и натянутое. Дарвинъ вошелъ въ столовую, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и замѣтилъ, что мальчикъ бралъ толченый сахаръ, а это ему было запрещено. Такъ-какъ ребенка никогда не наказывали, то, конечно, его странная манера поведенія не могла быть объяснена страхомъ. Дарвинъ думаетъ, что ее слѣдовало приписать борьбѣ между удовольствіемъ ѣсть сахаръ и пробуждавшимся угрызениемъ совѣсти. Двѣ недѣли спустя, Дарвинъ опять встрѣтилъ своего сына у двери столовой. Ребенокъ смотрѣлъ на свой передникъ и тщательно его приподнималъ. Все это показалось Дарвину уже очень страннымъ. Но ребенокъ на вопросъ отца отвѣчалъ, что въ передникѣ ничего не было. И, дѣйствительно, въ передникѣ не было ничего, но оказались пятна отъ сока консервовъ. Слѣдовательно, тутъ была уже умышлен-

ная ложь. Дарвинъ дѣлаетъ такое заключеніе: „такъ-какъ мы воспитывали ребенка исключительно кротостью, то вскорѣ онъ сдѣлался настолько искреннимъ, откровеннымъ и нѣжнымъ, насколько мы только могли этого желать“.

Изъ чувствъ наиболѣе сильныхъ, проявляющихся въ дѣтяхъ энергически и сравнительно рано, чувство справедливости занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Оно проявляется тогда довольно своеобразно. Мальчика, сдѣлавшаго разъ обдуманную ложь, мать сочла себя обязанной наказать. Она сказала ему, что запретъ его въ погребъ и начала съ нимъ спускаться по лѣстницѣ. Мальчикъ, чувствуя себя виноватымъ, придалъ своей виновности такую важность, что замѣтилъ матери: „но, мама, можетъ быть, я еще не довольно наказанъ за такую большую вину“? Но вотъ его отправляютъ къ бабушкѣ, у которой онъ чувствовалъ себя очень свободно, распоряжался, какъ хозяинъ, и держалъ себя даже деспотомъ. За какую-то шалость, которую бабушка сочла серьезной, она заперла его въ темную комнату возлѣ кухни. Ребенокъ поднялъ дикіе крики, и когда бабушка поспѣшила отворить дверь, ребенокъ выскочилъ весь въ слезахъ, съ лицомъ, искаженнымъ отъ страха и гнѣва. Причина заключалась въ томъ, что онъ не признавалъ за бабушкой права наказывать его такъ строго и видѣлъ въ этомъ несправедливость. „Ты злая, бабушка, — сказала ей ребенокъ, — я тебѣ говорилъ, что не пойду туда, а ты меня заперла“. Но сдѣлай съ ребенкомъ то-же самое его мать, онъ не усмотрѣлъ бы въ ея поступкѣ никакой несправедливости.

Къ числу дурныхъ инстинктовъ, которые прежде всего проявляются у ребенка и за которыми слѣдуетъ слѣдить очень тщательно и бороться съ ихъ развитіемъ, первое мѣсто слѣдуетъ отнести инстинкту жестокости. Инстинктъ этотъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ убить въ ребенкѣ не только чувство нѣжности, но даже симпатію и гуманность, и жестокое дитя вырастетъ въ жестокаго человѣка.

По замѣчанію Переза, даже самыя кроткія и впечатлительныя дѣти очень медленно выучиваются быть человѣчными съ животными. Но въ то-же время дѣти довольно рано способны понимать, что они поступаютъ дурно, обижая животныхъ. Племянникъ Переза, ребенокъ трехъ лѣтъ, любилъ бить кошекъ, пугать ихъ криками и бросать въ нихъ камнями. Разъ Перезъ ему сказалъ: „послушай, ты будешь уменъ и я буду очень доволенъ тобою, если ты не станешь мучить кошекъ. Подумай, что онѣ страдаютъ, какъ и ты, когда ты ушибешься и когда ты плачешь; онѣ и чувствуютъ, какъ мы“. Послѣ этого урока ребенокъ убѣждалъ въ кухню и, обратившись къ нянѣ, прочелъ ей такую лекцію: „не надо

мучить ни кошекъ, ни другихъ животныхъ, потому что онѣ чувствуютъ это; онѣ страдаютъ, какъ и мы, когда имъ больно, онѣ и чувствуютъ, какъ мы". Конечно, ребенокъ повторялъ только слова Переза; урокъ дяди подѣйствовалъ лишь на его умъ, а не на сердце, что и подтвердилось немедленно, потому что ребенокъ немедленно-же началъ мучить котенка. Перезъ вынесъ учителя изъ комнаты, гдѣ онъ тѣшился, и заперъ его такъ, что онъ не могъ туда войти. Конечно, этихъ двухъ уроковъ было слишкомъ мало и пришлось ихъ повторять много разъ, измѣняя приемъ, смотря по обстоятельствамъ.

Еслибы только мы одни являлись учителями дѣтей; они, вѣроятно, не такъ-бы скоро отвыкали отъ жестокаго обращенія и съ животными, и съ людьми, но на помощь къ воспитателямъ является обыкновенно сама жизнь. Животныя и постороннія лица даютъ дѣтямъ иногда лучшіе уроки, чѣмъ воспитатели и педагоги. Разъ племянникъ Переза приходитъ къ нему со слезами и говорить, что его прибили; при этомъ ребенокъ сдѣлавъ квадратный ротъ, что служитъ всегда самымъ сильнымъ выраженіемъ дѣтскихъ страданій. Оказалось, что его опарала кошка. Другой разъ онъ увидѣлъ ту-же самую кошку, и, не вытерпѣвъ, подошелъ къ ней и толкнулъ ее. Кошка подвинулась, фыркнула и стрѣлой пронеслась мимо ребенка. Мальчикъ тоже со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ дому. Онъ скрылъ этотъ случай, но когда Перезъ сказалъ ему: „кошка хорошо сдѣлала“, ребенокъ понялъ и сильно покраснѣлъ. Послѣ этого ребенокъ хотя и дразнилъ другихъ кошекъ, но этой не трогалъ. Мы знаемъ другой полезный урокъ, но данный ребенку уже не кошкой. Ребенокъ, разсердившись, ударилъ лакея по щекѣ. Тотъ, не говоря ни слова, всталъ, отвѣсилъ ему весьма чувствительную пощечину и ушелъ. Ребенокъ былъ необыкновенно озадаченъ, но полученный урокъ подѣйствовалъ на него очень внушительно, и ребенокъ уже больше не дрался.

Дѣти любятъ приводить все въ беспорядокъ, ломать, рвать, дергать, разбивать. Хотя это одна изъ формъ упражненія воображенія, но въ основѣ подобныхъ поступковъ лежитъ инстинктъ разрушенія и борьбы. Поэтому, дѣти очень склонны драться и обыкновенно бьютъ тѣхъ, кого они любятъ, конечно, если это имъ позволено. Няни и кормилицы, а подчасъ и матери, больше всего терпятъ отъ этой наклонности дѣтей. Даже дѣти, хорошо воспитанныя, и тѣ заканчиваютъ свои игры съ товарищами иногда очень серьезными драками. И это происходитъ вовсе не отъ того, чтобы дѣти вообще были злы. Они ссорятся и дерутся просто по наслѣдственному инстинкту, по недостатку самосбладанія, по недостатку привычки сдерживать и подавлять проявленія личнаго эгоизма.

Есть дѣти, у которыхъ очень силенъ инстинктъ собственности, а у другихъ, напротивъ, силенъ инстинктъ щедрости. Перезъ приводитъ въ примѣръ двухъ своихъ племянниковъ; старшему было четыре года, младшему около тринадцати мѣсяцевъ. Первый любилъ больше брать, чѣмъ давать, а второй былъ склоненъ больше давать, чѣмъ брать. Старшій хотѣлъ, чтобы все принадлежало только ему. Посадили, напр., въ саду два фиговыхъ дерева и одно изъ нихъ назвали именемъ старшаго мальчика, а другое—младшаго. Старшій непременно хотѣлъ, чтобы оба дерева принадлежали ему. Другой разъ прислали его матери маленькую красную рыбку, и она отослала ее къ своей пріятельницѣ. Это до того озадачило старшаго мальчика, что у него явилось враждебное чувство къ ней. Разъ ему поручили отнести къ ней букетъ въ имянину; ранѣе онъ всегда исполнялъ это съ большимъ удовольствіемъ; но тутъ началъ приводить разныя пустыя отговорки, только чтобы отдѣлаться. Его потащили почти силой и онъ всю дорогу кричалъ, какъ бѣшенный. „Это исторія подаренной рыбки“,—сказалъ Перезъ матери, и она нашла, что Перезъ былъ правъ.

Стремленія къ наслажденію въ-концѣ-концовъ переходятъ въ дѣтяхъ въ инстинктъ присвоенія; такъ-какъ нельзя наслаждаться безъ предмета наслажденія, то, конечно, является и желаніе пріобрѣсти этотъ предметъ. Инстинктъ присвоенія не въ одинаковой степени развитъ въ дѣтяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ охотно бросаютъ или отдають предметы, которыми они овладѣли; другія-же, напротивъ, особенно охотно любятъ отнимать чужія игрушки и лакомства и ни за что не позволяютъ дотрогиваться до собственныхъ игрушекъ. Очень часто дѣти желаютъ обладать чужими вещами только для того, чтобы не видѣть ихъ въ другихъ рукахъ. Въ этомъ случаѣ чувство пріобрѣтенія переходитъ въ чувство ревности, которое переносится дѣтьми съ вещей на отношенія къ людямъ. Перезъ рассказываетъ, что когда одинъ ребенокъ видѣлъ, что его отецъ и мать цѣлуются, онъ сейчасъ-же сердился, подбѣгалъ къ нимъ съ бранью и старался оттолкнуть отца. Тотъ-же ребенокъ не могъ видѣть въ чужихъ рукахъ какую-нибудь вещь, которую-бы онъ не захотѣлъ имѣть. Что-бы при немъ ни дѣлали, и онъ хотѣлъ дѣлать сейчасъ то-же. Кухарка рубитъ на кухнѣ котлеты,—онъ требуетъ себѣ тоже, чтобы рубить; старшій братъ его пишетъ,—онъ требуетъ, чтобы ему подставили стулъ, дали-бы бумагу и перо, потому что и онъ захотѣлъ дѣлать то, что дѣлаетъ его братъ. Разъ онъ попросилъ у отца съ совершенно серьезнымъ видомъ висточку для бритья, чтобы бриться. Въ этихъ случаяхъ чувство присвоенія, осложняясь, принимаетъ форму подража-

тельности, т. е. такую форму, которая, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, можетъ получить очень полезный, общественный характеръ.

Кромѣ этой хорошей формы, инстинктъ присвоенія принимаетъ форму далеко не общественную, ибо легко переходитъ въ ложь. Узо, на котораго ссылается Перезъ, говоритъ: „общее уваженіе къ предметамъ, изъ которыхъ другіе извлекаютъ пользу или удовольствіе, не что иное, какъ результатъ культуры. Это уваженіе, прежде всего, предписано законами; но оно переходитъ въ нравы и умственные привычки существа. Воспитаніе развиваетъ, вмѣсто природной склонности, совершенно различное качество, которое, когда оно достаточно развилось, есть не только насильственная честность, вынужденная угрозами законовъ или общественного мнѣнія, но есть самая утонченная деликатность. Инстинктъ воровства очень рано проходитъ у цивилизованнаго ребенка. Но неоспоримо, что онъ проявляется, какъ и другіе природные инстинкты, во всѣхъ особахъ нашего рода. До извѣстнаго возраста, — и срокъ этотъ измѣняется съ индивидуомъ, — алчность непреодолима и воровство явное или тайное — общая слабость дѣтей. Намъ кажется, что инстинктъ воровства имѣетъ въ своихъ степеняхъ нѣчто наследственное, т. е., что этотъ инстинктъ передается съ большею силою родителями, которые всего менѣе подавляли его. Индо-мексиканцы, которые отчасти происходятъ отъ дикарей, выказываютъ съ первыхъ годовъ жизни замѣчательную склонность къ воровству. Дѣти ихъ, перевезенныя въ Европу въ очень раннемъ возрастѣ, не такъ скоро отвыкаютъ отъ этого инстинкта, какъ дѣти европейцевъ. Но если взять индо-мексиканца или полинезійца старше пятнадцати и двадцати лѣтъ и перенести ихъ въ среду совершенно цивилизованнаго общества, то этотъ инстинктъ контролируется каждую минуту силою воли у лица, котораго имѣютъ хоть сколько-нибудь энергіи въ характерѣ“.

VIII.

Наблюденія Переза, конечно, еще не настолько достаточный матеріалъ, чтобы изъ нихъ можно было дѣлать законченныя выводы.

Какъ справедливо замѣчаетъ Перезъ, человекъ не отправляется отъ нуля. Уже въ утробѣ матери онъ жилъ индивидуальною жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ заключается зародышъ той жизни, которою жили многія предыдущія поколѣнія. Слѣдовательно, чтобы найти начало всѣхъ способностей новорожденнаго, нужно

восходить очень далеко. Ребенокъ есть организованное существо, которое стремится жить и развиваться сообразно своимъ наследственнымъ предрасположеніямъ и своему собственному физиологическому строенію, но подъ измѣняющимся вліяніемъ среды, которая его будетъ окружать. Форма развитія ребенка можетъ быть разная, вліянія могутъ быть полезныя или вредныя, можно даже совершенно исказить прирожденныя способности ребенка и изъ любящаго существа создать существо ненавидящее, или простой инстинктъ приобрѣтенія превратить въ потребность воровства, а изъ раздражительности, какъ средства для образованія мысли и художественнаго воспитанія, создать грубый эгоизмъ и чувство алчности. Но какова-бы ни была форма развитія, въ ребенкѣ уже находится зародышъ всѣхъ человѣческихъ способностей, и различіе между способностями маленькаго ребенка и взрослога ребенка скорѣе количественное, чѣмъ качественное.

Удовольствія и страданія чувствъ—зерно удовольствія и страданія ума, а ребенокъ,—какъ онъ еще ни малъ, какъ онъ ни дѣйствуетъ, на первый взглядъ, автоматически, живя, повидимому, какъ органическая клеточка,—испытываетъ уже вполне рядъ страданій и удовольствій. Онъ любитъ, ненавидитъ, наслаждается, страдаетъ, надеется, раздражается, онъ привязывается къ животнымъ и еще сильнѣе къ людямъ. Но его привязанности и симпатіи не доходятъ до уваженія къ страданіямъ тѣхъ, кого онъ любитъ и кому онъ симпатизируетъ. Въ немъ нѣтъ и не можетъ быть той осмысленной симпатіи, которая создается развитіемъ, опытомъ, знаніемъ. „Въ ребенкѣ, наиболѣе любящемъ, наиболѣе кроткомъ, наиболѣе хорошо воспитанномъ, всегда готовъ пробудиться дикій звѣрь, который дремлетъ въ глубинѣ каждаго человѣческаго организма“, замѣчаетъ Перезъ.

Маленькій ребенокъ не есть ни дикарь, ни тотъ естественный человекъ, о которомъ мечталъ Руссо. Онъ является на свѣтъ, какъ наследственный продуктъ всего того нравственнаго и физиологическаго предыдущаго, которое путемъ прямой наследственности, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, передалось, наконецъ, ему. Поэтому, мы не имѣемъ права отрицать, что таинственное вліяніе утробной жизни уже оставило нѣкоторые слѣды въ мозгу ребенка, что онъ является на свѣтъ съ такъ-называемой утробной памятью, и то, что въ его первыхъ дѣйствіяхъ приписывается вліянію автоматизма, должно быть признано памятью наследственной. Эта утробная и до-утробная память, соединяясь съ воспоминаніями колыбельной жизни, образуетъ ту глубину дѣтской души, въ которой соединяются всѣ дѣйствующія силы его будущей жизни. Ребенокъ, дѣйствительно, закрытая книга. Въ чувствилищѣ его,

какъ въ сокровищницѣ, заключается масса воспоминаній и впечатлѣній, дѣйствующихъ, какъ скрытыя силы, которыя проявятся потомъ, когда наступитъ для нихъ время. Этотъ внутренній міръ и зачатки силъ, образующихъ безсознательный запасъ пріобрѣтеній, сдѣланный ребенкомъ до пробужденія рѣчи, до сихъ поръ не подвергались наблюденію, изслѣдованію, изученію. Педагогика груднаго ребенка не существуетъ вовсе, а между тѣмъ она не менѣе важна, какъ и педагогика ребенка постарше. Впрочемъ, для педагогики дѣтей сдѣлано вообще такъ мало, что ее, пожалуй, слѣдуетъ считать несуществующей.

Рядомъ съ памятью дѣйствуетъ въ ребенкѣ воображеніе. Дѣятельность его всего замѣтнѣе во время сна, а во время бодрствованія его можно наблюдать уже около двух-мѣсячнаго возраста. Около четырехъ мѣсяцевъ ребенокъ уже понимаетъ шутку, смѣется играмъ и самъ старается разсмѣшить другихъ. Затѣмъ его творческое воображеніе измѣняетъ форму и переходитъ въ склонность разрушать и созидать. Еще нѣсколькими мѣсяцами позже и въ ребенкѣ пробуждается эстетическое чувство: онъ любитъ красивыя вещи, красивыя лица, его плѣняютъ музыкальные звуки, а дѣвочки обнаруживаютъ особую любовь къ лоскуткамъ, кукламъ, нарядамъ. Наконецъ, особенная жажда чудеснаго и вымышленныхъ рассказовъ есть тоже проявленіе эстетическаго чувства, ищущаго удовлетворенія.

Совокупность всего того, въ чемъ выражаются въ ребенкѣ его ощущенія, чувства, мысли и вообще его внутренняя жизнь, создаютъ въ немъ представленіе объ его я. Это я уже чувствуется въ трех-лѣтнемъ младенцѣ и онъ отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ я, никогда не смѣшивая себя съ третьимъ лицомъ. Если иногда ребенокъ и говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, то это потому, что его такъ пріучили; но будетъ-ли онъ называть себя по имени, будетъ-ли онъ говорить я или *мы*—всѣ эти слова выражаютъ для него одну и ту-же личность. Его идея о собственной индивидуальности всегда очень опредѣленна и чувство личности обыкновенно такъ сильно и доходитъ до такого преувеличенія, что ребенокъ болѣею частію бываетъ крайне самодовольнымъ эгоистомъ.

Дѣтское я служитъ основаніемъ будущаго нравственнаго чувства. Какъ будетъ поступлено съ этимъ маленькимъ я, въ началѣ только эгоистичнымъ и преувеличеннымъ, такимъ-же будетъ и будущій нравственный человѣкъ. Для ребенка, какъ мы уже сказали, добромъ является то, что дозволено, а зломъ то, что не дозволено. Не смотря на то, что наказаніе и награда имѣютъ такое могущественное вліяніе на поступки ребенка, и въ этомъ от-

ношеніи онъ, дѣйствительно, похожъ частію на животное, частію на дикаря, но, тѣмъ не менѣе, хотя и въ очень ограниченной степени, онъ имѣетъ право на названіе нравственнаго существа. Но какъ въ то-же время различіе добра отъ зла въ ребенкѣ вполнѣ объективное, то его нравственныя сужденія настолько неустойчивы, что каждое новое обстоятельство можетъ сбить его съ толку, а переměна обстоятельствъ жизни или новая среда могутъ въ очень короткое время перевернуть все его нравственныя привычки. „Нравственное чувство, заключаетъ Перезъ свой этюдъ,— есть наследственное свойство, наиболѣе способное видоизмѣняться для добра и для зла, вслѣдствіе воспитательныхъ вліяній. Оно, какъ кажется, зависитъ отъ культуры и болѣе еще для особей, чѣмъ для вида, и это—въ границахъ, которыя не были еще опредѣлены. Это къ тому-же таковой пунетъ, на который опытная психологія ребенка старше трехъ лѣтъ должна навѣрное пролить нѣсколько свѣта“.

Читатель, желающій найти въ книгѣ Переза воспитательныя рецепты, конечно, ихъ не найдетъ, но Перезъ и не общалъ ихъ дать. Онъ назвалъ свою книгу „Этюдомъ опытной психологіи“ и такимъ она только и есть. Наблюдения, которыя дѣлалъ Перезъ, больше матеріалъ для того будущаго изученія ребенка, которому едва только еще положено основаніе. „Ничто не можетъ быть мелочнымъ во всемъ томъ, что касается будущаго человѣка,—говоритъ Перезъ въ предисловіи:—малѣйшіе факты, самые скромные опыты будутъ здѣсь имѣть важную научную цѣнность и каждый можетъ собирать факты, можетъ готовить для наблюдателей драгоценныя матеріалы для индукціи“. Чтобы удовлетворить этой необходимости, Перезъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ наблюдениямъ надъ маленькими дѣтьми и издалъ ихъ въ видѣ матеріала, который онъ считаетъ сырымъ. Но въ этомъ, повидимому, сыромъ матеріалѣ, есть многое, допускающее уже обобщеніе, есть множество цѣнныхъ указаній, которыя могутъ принести несомнѣнную пользу тѣмъ, для кого вопросъ о воспитаніи дѣтей имѣетъ значеніе. Уже по одному тому, что Перезъ обращаетъ такое большое вниманіе на нравственное чувство и, вслѣдъ за англійскими моралистами, сводитъ сущность воспитанія къ развитію общественныхъ чувствъ, симпатіи, гуманности и любви, книга его должна обратить на себя вниманіе воспитателей и родителей. Мы рекомендуемъ ее русскимъ матерямъ, рекомендуемъ имъ основную воспитательную идею Переза, который, слѣдуя за англійскими моралистами, доказываетъ, что человѣкъ съ развитыми инстинктами добра и общественныхъ чувствъ, есть единственный человѣкъ, котораго должно создавать воспитаніе.

Н. Шелгуновъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Игра съ огнемъ (flirtation). Оригинальная повѣсть изъ американской жизни. Сочиненіе князя Н. Урусова. Спб., 1879.

Нѣкій московскій дворянинъ, Борисъ Львовичъ Зачурскій, „движимый какою-то необузданною любознательностію убѣдиться воочию въ дѣйствительной великости учрежденій нашихъ заатлантическихъ друзей... не долго думая... понесся на всѣхъ парахъ изъ родной Москвы въ манящую всѣми очарованіями неизвѣстности американскую даль“. Въ окрестностяхъ Чикаго, на желѣзной дорогѣ, онъ дважды ушибаетъ себѣ голову такъ сильно, что каждый разъ теряетъ сознание, и послѣ этихъ злосчастныхъ случайностей начинаетъ рассказывать объ Америкѣ слѣдующія вещи.

По американскимъ желѣзнымъ дорогамъ нѣтъ никакой возможности ѣздить иначе, какъ упершись ногами въ полъ и крѣпко схватившись за ручки скамьи, потому что вагоны „прыгаютъ, скачутъ, приподнимаются, нагибаются то въ одну, то въ другую сторону и, наконецъ, попадаютъ снова на рельсы“... Говоря другими словами, эти несчастные американскіе вагоны обыкновенно ходятъ не столько по рельсамъ, сколько подлѣ нихъ (Стр. 11).

Вообще желѣзныя дороги въ новомъ свѣтѣ строятся до крайности просто. Если, напримѣръ, на пути встрѣчается болото, то оно слегка закидывается хворостомъ, на хворостъ насыпается немножко земли, на землю кладутся кое-какъ необдѣланныя шпалы разныхъ размѣровъ, къ шпаламъ прилаживаются на скорую руку рельсы, по большей части, безъ всякихъ скрѣпленій,—и, такимъ образомъ, готова такая дорога, по которой наши заатлантическіе друзья будутъ ѣздить со скоростью пятидесяти верстъ въ часъ (Стр. 23, 24).

Американскій „кондукторъ въ своемъ поѣздѣ считается на правахъ капитана корабля или начальника отдѣльной части во время войны. Не послушаться его—значить поставить себя внѣ закона, то есть, дать право должностному лицу расправиться съ ослушникомъ, какъ ему заблагоразсудится“. Однакожь, при случаѣ, каждый россійскій дворянинъ можетъ побить кондуктора, а этотъ „капитанъ корабля“ и свободный гражданинъ свободной страны удовольствуется тѣмъ, что возьметъ съ обидчика десять долларовъ за безчестье (Стр. 35, 17).

Человѣку, путешествующему по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ, никогда не слѣдуетъ ни на одну минуту оставлять свое мѣсто въ вагонѣ, потому что оно сейчасъ-же будетъ занято какимъ-нибудь нахаломъ, который закинетъ ноги на спинку сидѣнья, примется оглушительно насвистывать персидскій маршъ и на всѣ вѣжливыя представленія о томъ, что онъ сѣлъ не въ свои сани, отвѣтитъ только мычаніемъ, свистомъ, остротами и грубымъ смѣхомъ (Стр. 50).

Вещи, хотя-бы на одну минуту выпущенныя ихъ владѣльцами изъ рукъ, считаются у американцевъ чуть-ли не общественнымъ достояніемъ. Если, напримѣръ, путешественникъ, читающій книгу, оставитъ ее на нѣкоторое время, чтобы посмотреть въ окно, его сосѣди по вагону немедленно бросаются на нее и сообща завладѣютъ ею. Пускай послѣ обиженный владѣлецъ ея самымъ негодующимъ тономъ доказываетъ похитителямъ, что книга принадлежитъ ему, пускай онъ увѣряетъ ихъ, что желаетъ продолжать чтеніе,—бандиты-американцы непремѣнно прогонятъ его и развѣ-развѣ скажутъ потомъ, въ видѣ снисхожденія: „да чего вы пристали?! Кончимъ,—тогда отдадимъ!“ Однакожь, на самомъ дѣлѣ никогда не кончатъ и ни въ какомъ случаѣ не отдадутъ. Вещь, которая попала въ ихъ руки—пропащая вещь (Стр. 53).

Если путешественнику придется въ толпѣ, въ вокзалѣ, на платформѣ желѣзной дороги или во время пересаживанія съ поѣзда на поѣздъ, потерять кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, то да сохранять боги этого злополучнаго путника отъ попытки громко позвать своего затерявшагося товарища, потому что стоитъ только одинъ разъ кликнуть его по имени, какъ немедленно цѣлыя сотни разнообразныхъ голосовъ примутся съ хохотомъ и гамомъ коверкать это имя на всевозможные лады. Путешественникъ зоветъ, положимъ, мистера Лойеля.

- М-ръ Likewelle! (хорошо любящій) принимается орать толпа.
- Lookwell! (хорошо выглядывающій.)
- Likwell (хорошо облизывающій.)
- Kikwell! (хорошо лягающійся.)

- М-ръ Licoris и Leftleg! (лакрица и лѣвоногий.)
- М-ръ Picktooth! (зубочистка.)
- Гдѣ мистеръ, хорошо лягающійся?
- Не видали-ли вы м-ра лакрицу?
- Кто потерялъ м-ра зубочистку?

И когда, наконецъ, искомый мистеръ Лойель благополучно отыскивается и выступаетъ на сцену, тогда поднимаются новые клики:

- Вотъ м-ръ, хорошо облизывающійся!
- Какъ ваше здоровье, м-ръ хорошо выглядывающій?
- Мы нашли м-ра лѣвоногаго!
- Пожалуйте, господа, посмотрѣть на м — ра лакрицу! (Стр. 64, 65.)

Американцы—почти поголовно грабители и сьумасшедшіе. Всѣ служащіе на желѣзныхъ дорогахъ,—машинисты, кондукторы, начальники станцій, буфетчики въ вокзалахъ, наконецъ, прислуга при буфетахъ,—находятся въ стачкѣ между собою и, вслѣдствіе этого, постоянно разыгрываются слѣдующія сцены. Поѣздъ останавливается на станціи для обѣда. Слуга обходитъ обѣдающихъ путешественниковъ и получаетъ съ нихъ деньги, но не даетъ сдачи, говоря, что времени для дальнѣйшаго расчета еще достаточно. Вдругъ раздается отчаянный звонъ колокола на паровозѣ, и, минутою спустя, поѣздъ начинаетъ тихо двигаться вдоль платформы. Въ ту-же секунду буфетчикъ и прислуга скрываются изъ столовой неизвѣстно куда; пассажиры стремглавъ бросаются въ вагоны, крича во все горло: „отдайте сдачу, отдайте сдачу!“ А поѣздъ продолжаетъ идти все скорѣе и скорѣе... Горе тому несчастному прохожему, которому придется, хотя-бы совершенно случайно и ничего не подозрѣвая, проходить въ это время по платформѣ, около станціи. „Воръ, мошенникъ, карманщикъ, мазурикъ!“ кричатъ изъ вагоновъ ошеломленному бѣднягѣ и швыряютъ въ него обѣдками кушанья. Взбѣшенный прохожій вытаскиваетъ, наконецъ, изъ кармана громадной величины револьверъ и палитъ изъ него по удаляющемуся поѣзду,—американцы хохочутъ, а если кто-нибудь изъ пассажировъ мимоходомъ замѣчаетъ, что этотъ униженный и оскорбленный человѣкъ, пожалуй, ровно ни въ чемъ не виноватъ, то другіе отвѣчаютъ ему, смѣясь: „все равно, свои люди — сочтутся! Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ оставлять безнаказанными тавія мошенническія продѣлки“. (Стр. 77, 78, 79).

Американская полиція продажна и существуетъ не столько ради защиты честныхъ гражданъ, сколько для содѣйствія мошенникамъ. (Стр. 133). Между тѣмъ, бездѣльниковъ, какъ уже было

замѣчено выше, видимо-невидимо въ новомъ свѣтѣ. Они соединяются въ громадныя асоціаціи, носящія обыкновенно какое-нибудь громкое имя, вродѣ, напримѣръ, „товарищества свободнаго труда“, завербовываютъ въ число своихъ членовъ „лицъ весьма могущественныхъ“ и грабятъ на улицахъ, въ домахъ, въ вагонахъ, сталкиваютъ въ воду дѣтей, отравляютъ женщинъ, прикалываютъ или прострѣливаютъ мужчинъ... Вслѣдствіе этого, честнымъ гражданамъ, желающимъ, елико возможно, уберечь себя и свое имущество, приходится волей-неволей ходить тоже цѣлыми вооруженными отрядами,—и въ результатъ получается нѣчто, совершенно невообразимое для каждаго благополучнаго европейца. Какъ только наступаетъ ночь, на улицахъ американскихъ городовъ начинаютъ мелькать таинственныя тѣни, слышатся злобщіе сигналы, вродѣ змѣинаго присвиста, раздаются шипѣнья аркановъ, набрасываемыхъ на шею несчастныхъ жертвъ, паденья тѣлъ, стоны, быстрые шаги удаляющихся злодѣевъ и т. д., и т. д. „Вездѣ засады, всегда опасности!“ „Постоянныя свалки, отвратительныя рожи, грубыя рѣчи, брань, вымогательства и развратъ“—такова обыкновенная и постоянная картина американской жизни, на взглядъ нашего соотечественника, опасно повредившаго себѣ голову въ окрестностяхъ Чикаго (Стр. 244, 261, 289).

Не маловажное мѣсто въ этой картинѣ занимаетъ, наконецъ, и американская женщина. Нужно сказать, что путешествующій російскій дворянинъ повредилъ себѣ голову въ первый разъ именно по милости одной американки, мистрисъ Дженни, и, можетъ быть, поэтому американская женщина оставила въ его больномъ мозгу впечатлѣніе даже болѣе глубокое, чѣмъ впечатлѣніе, сдѣланное въ немъ американскими желѣзными дорогами, благодаря которымъ Зачурскій ушибся вторично. Американка, по его словамъ, уже съ дѣтства начинаетъ ощущать „такъ называемую“ любовь къ независимости, то-есть просто-на-просто стремленіе къ „сильнымъ ощущеніямъ, ко всему запрещенному, наконецъ, къ властолюбію“, окружаетъ себя толпою ребятишекъ - поклонниковъ и всегда пріискиваетъ „шалости и игры изъ разряда непозволительныхъ“. Дѣвушкою она находитъ высшее наслажденіе въ томъ, чтобы „возбуждать чувственныя проявленія въ своихъ поклонникахъ и отдаваться имъ, насколько находитъ это возможнымъ и нужнымъ, чтобы снова охладять эти проявленія до слѣдующаго раза“. Эта „игра съ огнемъ“ оканчивается обыкновенно тѣмъ, что рано или поздно молодая американка обжигается и „падаетъ“. Человѣкъ, увлекшій ее, оказывается, разумѣется, негодяемъ и подъ устарѣвшимъ предлогомъ, что важныя дѣла заставляютъ его уѣхать на нѣсколько дней изъ города, уѣзжаетъ, чтобы уже не „дѣло“, № 5, 1879 г.

возвращаться больше къ довѣрлившейся ему дѣвушкѣ. Родители торжественно проклинаютъ ее и выгоняютъ изъ дома; подруги, друзья и знакомые отворачиваются отъ нея, и, такимъ образомъ, обманутая, всѣми покинутая и оскорбленная, она приходитъ до-волью быстро къ тому, что ощущаетъ въ своемъ сердцѣ „невѣдомыя до того бури гнѣва, злости и ненависти ко всѣмъ“. Юная американка жаждетъ мщенія. Она перемѣняетъ свое скромное имя на какое-нибудь болѣе громкое и многозначительное, вродѣ, напр., Фанни Немезиды, на первое время открываетъ игорный домъ, потомъ поступаетъ на содержаніе, далѣе дѣлается членомъ вышеупомянутаго ужаснаго „товарищества свободнаго труда“, черезъ посредство котораго постоянно мститъ своимъ врагамъ, цѣлыми десятками пуская ихъ по-міру, ссоря на-вѣки съ семьями, засаживая въ исправительные дома, отравляя и проч., и проч. Еще далѣе она развѣзжаетъ съ шайкою разбойниковъ по желѣзнымъ дорогамъ и ярмаркамъ, заманивая людей, увлекающихся ея красотой, въ какую-нибудь западню, изъ которой имъ если и удастся иногда вырваться живыми на божій свѣтъ, то не иначе, какъ съ совершенно очищенными карманами и жестоко поврежденными головами... Само собою разумѣется, что рано или поздно счастливая звѣзда измѣняется, наконецъ, ужасной американкѣ, и ея сограждане накрываютъ ее въ какой-нибудь мошеннической западнѣ, устроенной ею-же самою для изловленія другихъ. Ее связываютъ веревками и полотенцами; ей сбиваютъ ея пышные волосы; ея лицо вымазывается блестящею черною краскою, отъ которой никакими средствами невозможно освободиться раньше двухъ мѣсяцевъ... Послѣ этой операціи американкѣ волей-неволей приходится удалиться на нѣкоторое время отъ общества. Она поселяется съ однимъ изъ своихъ сообщниковъ, тоже выкрашеннымъ черною краскою, въ какой-нибудь уединенной лачугѣ, изъ которой выходитъ на улицу только по ночамъ и притомъ плотно закутанная, пьетъ громадное количество водки, каждодневно дерется съ своимъ сожителемъ, и въ-концѣ-концовъ исторія оканчивается тѣмъ, что они изрѣзываютъ другъ друга ножами на самые мелкіе кусочки...

Такова американская женщина и вообще таковы послѣдствія „великихъ учрежденій нашихъ заатлантическихъ друзей!“ иронически восклицаютъ гг. Борисъ Зачурскій, путешествовавшій по Америкѣ, Н. Урусовъ, описавшій это путешествіе, и Димитрій Гирсъ, печатавшій „Игру съ огнемъ“ въ своей газетѣ, носящей довольно странное для такой чепухи названіе: „Русская Правда“. Они, всѣ трое, насмѣшливо посматриваютъ на читателя, имѣвшаго до сихъ поръ совершенно другія понятія о новомъ свѣтѣ...

Однакожь, читатель, закрывая „Игру съ огнемъ“, чувствуетъ себя нѣсколько озабоченнымъ только слѣдующими размышленіями: московскій дворянинъ Борисъ Львовичъ Зачурскій дважды ушибъ себѣ голову въ окрестностяхъ Чикаго, — это несомнѣнно; но гдѣ ушибся князь Н. Урусовъ? Гдѣ и въ какое время тронулъ свои мозги г. Гирсъ, издатель „Русской Правды“? И если „Игра съ огнемъ“ имѣетъ хоть какое-нибудь соотношеніе съ русской правдой, то что же послѣ этого называется русскимъ враньемъ?

Царь-баба, историческій романъ въ двухъ частяхъ, Александра Соколова. Спб. 1879.

Въ 1869 году г. Соколовъ выступилъ на литературное поприще съ своимъ первымъ, если я не ошибаюсь, произведеніемъ — хроникою-романомъ: „Театральныя болота“. Произведеніе это было очень большое, чуть-ли не въ шестьдесятъ печатныхъ листовъ. Дѣйствующія лица его проходили передъ глазами читателя цѣлыми десятками: воспитанники театральнаго училища и ихъ воспитатели, провинціальные антрепренеры и властители столичныхъ театровъ, „первые артисты“ и артисты „выходные“, режисеры и суфлеры, трагики и балетные фигуранты, актеры-„любители“ и актеры по-неволѣ, divin'ы-балерины и ихъ поклонники, меценаты изъ купцовъ и меценаты титулованные, капельдинеры и театральныя пейзажи... садовники, портные, чиновники при храмахъ искусствъ, сводницы, содержанки, амфитріоны, шуты и проч., и проч., и проч. Дѣйствіе на каждомъ шагу загромождалось вводными сценами и лицами, взятыми иногда изъ давняго прошлаго; собственно „романа“ въ „Театральныхъ болотахъ“ почти не было, „героевъ“ — тоже, эффектныя мѣста встрѣчались рѣдко, и, однакожь, при всемъ этомъ первое произведеніе г. Соколова вышло не только интереснымъ, но положительно хорошимъ и многообѣщающимъ. Заурядные, а часто и не совсѣмъ заурядные, писатели сплошь и рядомъ выступаютъ на литературное поприще съ произведеніями, написанными отъ ихъ собственнаго чрева или, если угодно, созданными преимущественно ихъ авторскою фантазією; г.-же Соколовъ началъ прямо съ реального изображенія жизни и притомъ только тѣхъ ея сторонъ, которыя были имъ изучены добросовѣстно и тщательно. Русскіе писатели, иногда даже очень талантливые, по большой части до такой степени близоруки, что если они отойдутъ отъ изображаемой ими жизни на такое разстояніе, что могли-бы охватить взглядомъ довольно большое пространство,

то,—бѣдные,—ровно ничего не видятъ, а если подходятъ къ ней на разстояніе, сильное ихъ зрѣнію, то упираются носомъ въ изучаемый предметъ и видятъ въ немъ всего только двѣ-три точки, которыя и изображаютъ на поученіе благосклоннымъ читателямъ, съ тщательностью и изяществомъ, достойными несравненно лучшей участи... У господина-же Соколова, въ первомъ его произведеніи, не замѣчалось и этого недостатка. Зрѣніе его оказалось настолько хорошимъ, что онъ ясно видѣлъ всю изображаемую имъ жизнь—сверху до-низу, съ ея крупными и маленькими дѣятелями, съ близкими и отдаленными плапами, и поэтому приподнесъ читателямъ не бездѣлушку, не хорошенькую игрушечку, не тонкое описаніе встрѣчи какого-нибудь неизвѣстнаго Ивана съ еще менѣе извѣстною Марьею, а правдивую картину цѣлаго огромнаго угла нашей жизни. Цвѣта онъ не смѣшивалъ одинъ съ другимъ и сѣренькое не принималъ за розовое, черное не называлъ бѣлымъ. Въ людяхъ онъ подмѣчалъ не одну лишь внѣшность, какъ многіе другіе сочинители, способные изобразить только — какъ одѣтъ человѣкъ, какую глупость произнесъ онъ и въ какой платокъ высморкался при этомъ, — но видѣлъ ихъ сердца и умѣлъ читать ихъ мысли. Наконецъ, что касается красокъ, необходимыхъ для вѣрнаго изображенія многообразныхъ явленій жизни, смѣшныхъ и грустныхъ, свѣтлыхъ и темныхъ, симпатичныхъ и отталкивающихъ, то далеко нельзя сказать, чтобы запасъ ихъ у г. Соколова былъ недостаточенъ или однообразенъ. Въ „Театральныхъ болотахъ“ было много страницъ, написанныхъ желчью и сокомъ потрясенныхъ нервовъ, было много теплыхъ сценъ и симпатичныхъ лицъ, нерѣдко встрѣчались главы, полныя самаго веселаго смѣха, а отъ времени до времени попадались иногда и такія, за душу хватающія, мѣста, какъ, напримѣръ, та глава, посвященная бадетному фигуранту Гансонову, въ концѣ которой онъ, полупьяный, произноситъ свой предсмертный монологъ:

— „А дѣти не ѣвши, а жена голодная, а мужъ пьянъ, потому—исхода нѣтъ... никакого исхода нѣтъ. Господи, вразуми и научи ты меня, Спаситель мой... что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?.. Опять къ товарищамъ обратиться?.. но старшіе подадутъ милостыню опять гордо, опять съ правоученіемъ... маленькихъ обирать надо, — они такіе-же горемыки. Переродиться-бы мнѣ изъ фигуранта въ фигурантку, сейчасъ-бы кавалергарда или улана подхватилъ! Тѣсни, моля, крестьянъ, черезъ пѣмца-управляющаго, а чтобы шлейфъ въ три сажени у меня тащился, чтобы брильянты блестѣли и на шеѣ, и въ ушахъ, и въ головномъ уборѣ, и даже въ носу, какъ у дикихъ индѣйцевъ. Проклятые, океаные!..“ („Театральныя болота“. Часть I, стр. 59.)

Правда, въ первомъ произведеніи г. Соколова было не мало и недостатковъ. Мѣстами бросалось въ глаза неумѣнье автора справляться съ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи, слѣдствіемъ чего являлась излишняя растянутасть однѣхъ главъ романа и нѣкоторая скомканность другикъ. Мѣстами обращалъ на себя вниманіе довольно наивный пафосъ автора по поводу какихъ-нибудь пустяковъ, вродѣ, напримѣръ, зари, будто-бы „занявшейся“ надъ болотами; мѣстами, хотя, нужно сказать, очень рѣдко, рѣзали глазъ очевидно „сдѣланные“ на скорую руку и поэтому весьма деревянные герои, вродѣ Ястребцова... Но благо-склонный читатель охотно закрывалъ глаза на эти мелкіе недостатки, съ избыткомъ искупавшіеся серьезными достоинствами „хроники-романа“ и благодушно говорилъ: „это все пройдетъ со временемъ. Техника выработается; пафосъ будетъ возбуждаться другими явленіями; чутье правды житейской и художественной разовьется еще сильнѣе. Съ теченіемъ времени огонекъ разгорится ярко, и тогда будетъ меньше дыма, а больше тепла и свѣта,—все пройдетъ“...

Пройдетъ! Съ тѣхъ поръ утекло много воды, минуло ровно десять лѣтъ, и оказывается, что, дѣйствительно, все прошло, и у г. Соколова не осталось ровно ничего... ни добросовѣстнаго отношенія къ своему труду, ни чувства, ни малѣйшаго чутья правды, ничего и ровно ничего изъ всѣхъ тѣхъ талантовъ, которые были нѣкогда отпущены ему, хотя-бы на прокатъ, прихотливою судьбою... Все прошло и исчезло до такой степени безслѣдно, что нынѣшняго г. Соколова нельзя назвать даже развалиной. По обломкамъ разваливашагося зданія все-таки возможно составить себѣ хоть какое-нибудь понятіе о томъ, чѣмъ оно было въ свои лучшія времена, а просматривая нынѣшнія творенія г. Соколова, никакой любознательный изслѣдователь не повѣритъ, чтобы они были написаны тѣмъ самымъ человекомъ, который десять лѣтъ назадъ написалъ „Театральныя болота“... Это не развалина, а нуль... Я не пророкъ и поэтому не осмѣлюсь сказать, что г. Соколовъ навсегда умеръ для русской литературы, но что онъ мертвъ въ настоящее время, — это несомнѣнно, и если ему посчастливится еще когда-нибудь воскреснуть, то мы увидимъ чудо, очень рѣдкое въ наши дни.

Прежде всего не лишнее замѣтить, что въ историческомъ романѣ „Царь-баба“ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой царь-бабы, потому что хотя на страницахъ его отъ времени до времени и появляется Екатерина II, называвшая себя царь-бабою, но роль она играетъ совершенно вводную, на ходъ романа не оказываетъ ровно никакого вліянія и, слѣдовательно, не даетъ г. Соколову ни ма-

лѣйшаго права злоупотреблять ея именемъ. Настоящая героиня романа тоже не царь-баба, и, такимъ образомъ, названіе послѣдняго творенія г. Соколова является просто-на-просто одною изъ тѣхъ вывѣсокъ, о которыхъ еще Рязановъ въ „Трудномъ времени“ покойнаго Слѣпцова говорилъ: „понимаете, это все равно вотъ, что вывѣски такія бываютъ; написано: „Русская Правда“ или „Бѣлый лебедь“, — ну, вы и пойдете бѣлаго лебеда искать, а тамъ кабакъ“... Точно также, и послѣ обстоятельнаго изслѣдованія романа г. Соколова, читатель если и не находитъ въ немъ кабака вмѣсто обѣщанной и отсутствующей царь-бабы, то все-таки съ огорченіемъ произноситъ: „и къ чему это у литераторовъ такая несчастная привычка—вѣчно называть вещи принадлежащими имъ именами?.. Ну, назваль-бы г. Соколовъ свое твореніе „Злополучная жертва родительской скрытности или богопротивное вровосмѣшеніе“, и тогда я сразу усмотрѣлъ-бы—кого я имѣю удовольствіе видѣть передъ собою“.

Дѣйствительно, это названіе было-бы самое подходящее, ибо романъ именно въ томъ и заключается, что нѣкто Сергѣй, незаконный и непризнанный сынъ князя Ртищева, влюбляется въ его дочь, а свою сестру, княжну Елену. Княжна Елена съ своей стороны будто-бы воспылала страстію къ нему, Сергѣю, успѣваетъ неизвѣстно въ какое время сдѣлаться его любовницей и затѣмъ, когда раскрывается тайна происхожденія ея возлюбленнаго, принимаетъ великое постриженіе въ монастырѣ св. великомученицы Екатерины... Около этого главнаго центра романа толкуются, неожиданно появляясь и также неожиданно исчезая, кое-какія историческія лица: графъ Панинъ, Емельянъ Пугачевъ, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, генераль-аншефъ Бибиковъ и проч. и проч. и проч. Дѣла имъ въ романѣ нѣтъ никакого, собраны они всѣ единственно для того только, чтобы хоть какъ-нибудь наполнить то пустое мѣсто, которое г. Соколовъ окрестилъ „Царь-бабою“,—и, однако-же, не смотря на это, читатель несказанно радъ, когда на сценѣ, вмѣсто настоящихъ героевъ романа, появляются эти случайные прохожіе. Это происходитъ оттого, что покуда г. Соколовъ безхитростно дѣлаетъ выписки изъ различныхъ историческихъ документовъ или является простымъ компиляторомъ,—его произведеніе можно читать безъ особеннаго насилія надъ собой, но когда онъ начинаетъ творить самостоятельно, тогда... ну хоть глаза закрывай... Я уже не говорю о томъ, что въ „Царь-бабѣ“ нѣтъ правды ни въ общемъ изображеніи жизни, ни въ характерахъ, ни въ отдѣльныхъ сценахъ: эта правда сдѣлалась, какъ видно, недостижимо-великою вещію для такого маленькаго человѣчка, какимъ сталъ г. Соколовъ; но нѣтъ даже правдоподобія, нѣтъ

простой ремесленной ловкости спить, склеить и замазать такъ, чтобы его работа хоть издали казалась похожею на что-нибудь сносное. Самъ г. Соколовъ, описывая душевное настроеніе своихъ героевъ, сплошь и рядомъ выражается такимъ образомъ: „онъ грустно, но мрачно улыбался. Его улыбка говорила о чемъ-то нехорошемъ, о чемъ-то тревожномъ, о чемъ-то безпокойномъ. Въ его омрачившихся взорахъ виднѣлись сразу и затаенная буря, и глубокое, глубокое страданіе“ (Стр. 31). Его излюбленный герой, Сергѣй, незаконнорожденный и непризнанный сынъ князя Ртищева, точно передразнивая своего автора, на каждомъ шагѣ сыплеть такого рода фразами: „нѣтъ, нѣтъ, никогда! Ты моя, я люблю тебя, и пусть у меня, у жалкаго подкидыша, вырвутъ изъ объятій мою Елену, мою чудную Елену... Борьба на жизнь и смерть! Мужайся, Елена, и помни, что за днями страданія настаютъ дни блаженства“ (Стр. 32). „Слезами мы дѣлу не поможемъ, какъ не поможемъ, по крайней мѣрѣ теперь, и рѣшительностію... Иди и спи спокойно... Помни, что моя рука съумѣетъ отвести всѣ удары, которые будутъ противъ насъ направлены“ (Стр. 40, 41). „Чудная Елена“ тоже не отстаётъ отъ этихъ краснорѣчивыхъ людей и, при случаѣ, безъ малѣйшей запинки отвѣчаетъ имъ: „въ первую минуту онъ меня ослѣпилъ, заинтересовалъ, но потомъ стала гадокъ, и я стала переноситься въ мечтахъ къ сравненію этой натянутой, надутой жизни съ нашей простой, вольной, свободной, деревенской... О, какъ она хороша, какъ хороша!“ Или: „Будемъ надѣяться,—ты самъ училъ меня этому. Еще послѣдній лучъ надежды не угасъ для насъ съ тобою; мы пока еще не видимъ непреоборимыхъ препятствій. Подождемъ, мой милый, мой хорошій, мой безцѣнный! Помни одно: Елена твоя и твоею останется“... (Стр. 117.) Правда, на страницѣ двадцатой второй части „чудная“ Елена обмолвливается однимъ живымъ, хотя нѣсколько тривіальнымъ словомъ, нежданно-негаданно назвавъ своего почтеннаго князя-родителя „живодеромъ“, и этимъ приводитъ читателя въ истинное восхищеніе. Но, увы, вдохновеніе, случайно коснувшееся г. Соколова, въ ту-же секунду улетаетъ своею дорогою, и княжна Елена опять начинаетъ краснорѣчиво толковать о часахъ, тянущихся „цѣлую вѣчность“, о „смерти въ сердцѣ“, о „смерти въ груди“, о „мигѣ разлуки“ и проч., и проч.

Самыя простыя и обыкновенныя сцены оказываются нынче не по силамъ г. Соколову. Задумаетъ онъ, напримѣръ, изобразить сцену любовнаго свиданія „чудной Елены“ съ краснорѣчивымъ Сергѣемъ и только приводитъ читателя въ великое недоумѣніе. Ночь, садъ, бесѣдка, уѣзжающій завтра Сергѣй дѣлаетъ нѣкоторыя хозяйственныя наставленія остающейся Еленѣ, потомъ вдругъ

спѣшить удалиться изъ сада и говорить: „намъ нельзя оставаться долго вдвоемъ... Я боюсь за насъ обоихъ — и за меня, и за тебя“... Да какого-же чорта бояться, когда они всѣ трое, — Сергѣй, Елена и авторъ такъ-же холодны, какъ замороженныя рыбы?! съ искреннѣйшимъ изумленіемъ спрашиваетъ читатель... И онъ совершенно правъ, потому что, при описанныхъ г. Соколовымъ обстоятельствахъ, бояться рѣшительно нечего.

Задумываетъ онъ, напримѣръ, изобразить семейную бурю — великую ссору между княземъ Ртищевымъ и его незаконнымъ, но краснорѣчивымъ сыномъ Сергѣемъ. Какъ-же это сдѣлать лучше? Очень просто, — соображаетъ г. Соколовъ — почаще говорить о лицахъ поблѣднѣвшихъ, о глазахъ, налившихся кровью, о щекахъ пылающихъ, о рукахъ сжатыхъ... побольше краснорѣчія со стороны Сергѣя, побольше крику въ уста князя-родителя, — и дѣло въ шляпѣ. Онъ такъ и поступаетъ: кровь его героевъ безостановочно мечется имъ въ глаза, въ щеки, въ головы; князь-родитель кричитъ: „хамъ!“ „на конюшню!“ краснорѣчивый Сергѣй истекаетъ вычурными и длинными фразами... Дикій хохотъ, хлопанье дверьми, истерическія рыданія... Потомъ, сейчасъ-же послѣ всѣхъ этихъ неистовствъ, люди садятся ужинать, кушаютъ себѣ на доброе здоровье, какъ ни въ чемъ не бывало, и окончательно сраженный читатель растерянно разводитъ руками и растерянно-же восклицаетъ: „ну, матушка!“ совершенно забывая, что г. Соколовъ вовсе не матушка, хотя и плететь небывлицы нисколько не хуже какой-нибудь почтенной „матушки“ въ черномъ салопѣ и въ бѣломъ чепцѣ...

Однакожь, грустное это явленіе — быть вѣкогда многообъщающимъ писателемъ и, по прошествіи всего только какихъ-нибудь десяти лѣтъ, сдѣлаться черносалопницей, плохо различающей возможное отъ невозможнаго и вѣроятное отъ невѣроятнаго! Быть силой и сдѣлаться меньше, чѣмъ нулемъ, — сдѣлаться отрицательною величиною; быть, вѣкоторымъ образомъ, львомъ и, по истеченіи весьма недолгаго времени, явиться дряхлой, дряхлой собаченкой, хрипло лающей на луну, на облака, на свою собственную тѣнь и воображающей, что она дѣлаетъ дѣло! Кажется, Гейне говорилъ гдѣ-то, что левъ и родится львомъ, а не дѣлается имъ впоследствии съ помощью самоусовершенствованія, — что талантливый писатель такъ и родится съ своимъ талантомъ, а не благопріобрѣтаетъ его потомъ, придя въ возрастъ... Я не берусь сказать навѣрное — можетъ быть, тамъ, въ Европѣ, жизнь, дѣйствительно, такъ и идетъ, что не допускаетъ внезапнаго или постепеннаго перерожденія существа изъ одного вида въ другой; но что касается нашего, совершенно самобытнаго, отечества, то у насъ эти пре-

вращенія сплошь и рядомъ, не стѣсняясь не только границами вида, но и никакими предѣлами. Пока человекъ еще молодъ, пока въ немъ кровь кипитъ и пока онъ находится не столько подъ вліяніемъ практической среды и жизни, сколько подъ вліяніемъ идеи, книги, — онъ работаетъ, мыслитъ, чувствуетъ, и если вы всмотритесь въ это время въ его глаза и прислушаетесь къ его голосу, то увидите въ немъ чистокровнаго льва или львенка. Но стоитъ ему только окунуться въ грязноватая волны того тихаго потока, который называется жизнью, стоитъ ему только принять это практическое крещеніе — и вотъ, вмѣсто львинаго рычанья, слышится или ревъ, не имѣющій ничего общаго съ голосомъ царя пустыни, или совсѣмъ не двусмысленное мычанье, или, наконецъ, отчетливый лай... Бывшій львенокъ неожиданно-негаданно превратился въ ласковую болонку и бойко повливаетъ хвостикомъ.

Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Н. Морскаго. Спб. 1879.

Интересно знать, — что-то выработается впоследствии временемъ и обстоятельствами изъ г. Морскаго, являющагося теперь передъ публикою совсѣмъ еще въ грубомъ и сыромъ видѣ, какъ бы прямехонько изъ нѣдръ земныхъ?.. Пишетъ онъ до такой степени неумѣло или, можетъ быть, неряшливо, что въ „Аристократіи гостинаго двора“ довольно часто встрѣчаются уши, закрывающія свои глаза, мировоззрѣнія, ставящія свѣчи и молящіяся Богу, восторженныя чувства, которымъ снятся сны, и пр. и пр. На страницѣ 64 изображено, что, „закрывъ глаза, снова ухо ея ощущало звуки“; на страницѣ 101 — „мировоззрѣніе Лукеры Павловны отожествляло бѣдность и глупость, по странному противорѣчію ставя свѣчи и молясь тому Богу, у котораго не было ничего“; а на страницѣ 148 — „показалось ей, что послѣ сна такого, вида который, на нее нашло какое-то восторженное и святое чувство“... Положимъ, что всѣ эти странныя святая чувства, которыя увидѣли сонъ, восторженно пошли и наткнулись на кого-то, — все это пустяки и мелочи; но когда читателю приходится на каждомъ шагу безпрестанно спотыкаться объ этотъ мелкій булыжникъ, тогда онъ врядъ-ли будетъ особенно увлекаться красивыми пейзажами, отъ времени до времени отрываемыми по сторонамъ его каменистаго пути. Ничего нѣтъ мудренаго, что гдѣ-нибудь, напр., на страницѣ 92, встрѣтивъ фразу: „развѣ есть любовь у дѣтей, развѣ мы-

слимо почтеніе ихъ съ ихъ стороны къ тому отцу, который не будетъ болѣе въ силахъ давать, дарить своихъ дѣтей“, или на страницѣ 35, на которой напечатано: „быть можетъ, Полина подражала ему, не теряя много словъ съ окружающими, точно боясь нарушить многословіемъ, простой бесѣдой, тотъ ореолъ недоступности къ короткимъ и интимнымъ отношеніямъ, который, повидимому, стремился сохранить онъ, старалась въ подражаніе ему удержать и она“,—читатель, не смотря на всю свою благосклонность, потеряетъ терпѣніе и выйдетъ изъ себя. Да какому-же чорту отцы даютъ и дарятъ своихъ дѣтей, чтобы заслужить ихъ почтеніе? спроситъ читатель автора. Какія это слова, и куда и сколько ихъ счетомъ провалилось у васъ въ вышеприведенной фразѣ на тридцать пятой страницѣ? пристанетъ онъ къ смущенному г. Морскому и, такимъ образомъ, отнесется къ нему не какъ къ уважаемому изобразителю и врачевателю общественныхъ недуговъ, а какъ къ маленькому школьнику, относящемуся небрежно къ изученію отечественной грамматики. Положеніе, понятное дѣло, далеко не привлекательное...

Съ сырыми матеріалами, находящимися въ его распоряженіи, г. Морской обращается тоже до крайности небрежно, ибо не находитъ нужнымъ дѣлать съ ними что-либо другое, какъ просто сваливать ихъ всѣ въ одну общую кучу, предоставляя любознательному читателю разбираться въ этомъ добрѣ, какъ знаетъ. Именно такую кучу представляетъ изъ себя „Аристократія гостиннаго двора“. Въ нее свалены цѣлыхъ три или, пожалуй, даже четыре исторіи. Всѣ они развиваются совершенно независимо одна отъ другой, дѣйствующія лица ихъ почти совсѣмъ не встрѣчаются другъ съ другомъ, и, такимъ образомъ, прочитывая это произведеніе, читатель испытываетъ точь-въ-точь такое-же оригинальное впечатлѣніе, какъ еслибы онъ читалъ разомъ четыре повѣсти,—главу изъ первой, главу изъ второй, изъ третьей, потомъ изъ четвертой, затѣмъ опять одну главу изъ первой и т. д. и т. д. Г. Морскому кажется, что это рѣшительно все равно, — всѣ ли въ кучѣ или каждая порознь, читать ли разомъ нѣсколько книгъ или каждую отдѣльно,—но беру на себя смѣлость увѣрить его, что это далеко не все равно. Читать разомъ нѣсколько произведеній неудобно уже по одному тому, что при подобномъ чтеніи всѣ дѣйствующія лица до такой степени перепутываются въ головѣ читателя, что о какомъ-нибудь цѣльномъ и опредѣленномъ впечатлѣніи, оставляемомъ ими, не можетъ быть и рѣчи.

Цѣли, съ которыми г. Морской сооружалъ свое зданіе, были, очевидно, не совсѣмъ ясны для него самого. Вслѣдствіе этого,

годный матеріалъ онъ не могъ различать отъ совершенно негоднаго... Хотѣлось ему соорудить одно, а на дѣлѣ выходило совершенно другое... Вездѣ пыль, мусоръ, лѣса, цѣлыя горы беспорядочно наваленнаго строительнаго матеріала... И среди этого-то первобытнаго хаоса, передъ глазами читателя, отъ времени до времени возникаютъ такія яркія картины, полныя жизни, свѣта, такія горячія и прочувствованныя страницы, что смѣющійся—онъ перестаетъ смѣяться и задумывается, выведенный изъ терпѣнія — не только прощаетъ автору всѣ его прегрѣшенія, но безпрекословно подчиняется ему и готовъ идти за нимъ куда угодно... Именно ради этихъ-то страницъ меня и интересуеетъ вопросъ, что-то сдѣлаеетъ время изъ г. Морскаго? Пройдетъ-ли у него впослѣдствіи все хорошее, какъ прошло оно у г. Соколова, и станеть онъ писать для „Новаго Времени“ фельетонную белиберду о мертвецахъ, загрызшихъ священнослужителей, объ армянахъ, одаренныхъ властью переносить людей въ отдаленное будущее, и о таинственныхъ безтѣлесныхъ существахъ, которыя читають по ночамъ чужія книги? Постигнетъ-ли онъ когда-нибудь столь недоступныя для него теперь таинства грамматики и белетристической техники, но, вмѣстивъ въ себя массу этихъ познаній, утратить за то теплоту чувства, фантазію и присущую ему долю чутья художественной правды? Останеться-ли онъ на всю свою жизнь со всѣми тѣми недостатками и достоинствами, какія обнаружилъ въ первомъ произведеніи? Или-же, наконецъ, несказанно удивить свое отечество, явивъ ему рѣдкій примѣръ русскаго писателя, который не только не зарылъ въ землю свои таланты, но даже приумножилъ ихъ и очистилъ отъ грязи, нѣкогда мѣшавшей имъ проявиться во всемъ ихъ блескѣ? Конечно, кто знаетъ? Но... сильно сдаеетъ мнѣ, что врядъ-ли что-нибудь хорошее можетъ выйти изъ такого мрачнаго вертепа, какимъ все болѣе и болѣе стаивается „Новое Время“, а между тѣмъ изъ него-то г. Морской и высунулъ свою голову на свѣтъ божій. Впрочемъ, онъ рассчитывалъ, можетъ быть, что золото и въ грязи видно?.. Посмотримъ, — увидимъ...

Существуютъ всѣ основанія думать, что въ своей „Аристократіи гостинаго двора“ г. Морской думалъ изобразить, по возможности, яркими и отталкивающими красками тотъ, не по днямъ, а по часамъ растущій, крѣпнущій и сплывающійся мірокъ отечественной буржуазіи, гдѣ богомъ сдѣлался рубль, гдѣ силою считаются однѣ только деньги и гдѣ внѣшность — все... Идучи на рать противъ этого современнаго темнаго царства, г. Морской постигъ грозень. Горе вамъ! говоритъ онъ, обращаясь къ гостинному двору, — у васъ уже нѣтъ семьи; дѣти не довѣряютъ роди-

телямъ, а родители боятся дѣтей. У васъ „развѣ есть любовь у дѣтей, развѣ мыслимо почтеніе съ ихъ стороны къ тому отцу, который не будетъ болѣе въ силахъ давать, дарить своихъ дѣтей? Неужели самъ онъ (Гущинъ) не за это уважалъ покойнаго папеньку и неужели папенька не внушалъ ему, съ ранняго дѣтства, что только тотъ родитель достоинъ почтенія со стороны дѣтей, у котораго есть капиталы? Обычное правило, ходячая родительская мораль гостинаго двора—не отдѣлять, при жизни отца, сына или дочь, держать ихъ въ почтеніи ожидающимъ ихъ по смерти родителей лакомымъ кускомъ, составлено на основаніи вѣковой мудрости и долговременнаго опыта. Выдѣленные дѣти, которыхъ не ожидаетъ въ будущемъ какая-нибудь новая подачка со стороны родителей, не хотятъ ихъ знать. Извѣстенъ примѣръ отца, передавшаго при жизни сыну все свое состояніе съ условіемъ покоить его до конца дней; сынъ ежечасно, ежеминутно пилил отца дармождствомъ, пока не придумалъ ему занятіе, въ видѣ чистки для него сапоговъ и калошъ... Отецъ безъ капитала состоитъ внѣ сыновней любви, и сынъ, не ожидающій получить чего-либо отъ отца въ будущемъ, не обязанъ уважать его“... (Страница 92, 93).

„У васъ дочери, выходя замужъ, зорко смотрятъ, чтобы родители чѣмъ-нибудь не обсчитали ихъ при выдачѣ приданаго и не утаили-бы какого-нибудь салопа, крытаго гранатымъ бархатомъ. У васъ богатая женщина тщательно запираетъ цѣнныя вещи отъ своей тетки, еще болѣе богатой, опасаясь, конечно, что эта почтенная родственница не задумается обокрасть ее при первомъ-же удобномъ случаѣ. У васъ жены, когда ихъ мужья почувствуютъ себя очень нездоровыми, бросаются не къ этимъ несчастнымъ умирающимъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь помочь имъ и облегчить ихъ страданія, а прочь—къ сундукамъ, къ комодамъ, къ шкафамъ, хватаютъ деньги, вещи, вяжутъ ихъ въ узлы, тащатъ и прячутъ, потому что самое дорогое въ мірѣ для нихъ—это деньги. Вы молитесь бѣдному Богу, у котораго никогда не было ничего и въ то-же самое время говорите съ полнымъ убѣжденіемъ, что быть бѣднымъ значитъ быть глупымъ. Ради хорошаго барыша, вы охотно продадите отца, мать, роднаго брата, сестру, свою собственную душу, и когда на вашихъ глазахъ молоденькая дѣвушка продаетъ себя больному идиоту, владѣющему миліонами, то вы съ благоговѣніемъ смотрите на нее и завистливо думаете: „ахъ, ты батюшки, умная-то какая! родятся-же, право, такія!“ Вы думаете, „что семейная любовь, что всякое расположеніе изъ-за денегъ!“ По вашимъ понятіямъ, „любовь, оплачиваемая деньгами, даже прочнѣе любви, основанной на взаимности: первую можно продолжить долѣе, нежели вторую, которая

пройдетъ съ годами... Любовь оплачиваемая долше, постояннѣе... Она продолжится пока есть чѣмъ платить"...

Читатель чувствуетъ, что всѣ эти грозныя изобличенія полны суровой правды. Онъ, съ нѣкоторымъ замираніемъ сердечнымъ, ждетъ, что вотъ сейчасъ г. Морской сорветъ, наконецъ, покровъ съ этой темной жизни и во-очію покажетъ этихъ людей, сзумѣвшихъ опуститься ниже хищныхъ животныхъ, которыя, по крайней мѣрѣ, хоть къ дѣтямъ своимъ относятся несомнѣнно съ теплою и безкорыстною любовью... Но время уходитъ и уходитъ, листы книги переворачиваются и переворачиваются съ правой стороны на лѣвую, а занавѣсъ все не поднимается, г. Морской все еще не выступаетъ въ рать, хотя и не перестаетъ размахивать своимъ мечемъ. Рассказываетъ онъ исторію Параши Конотоповой и, покончивъ съ нею, переходить къ другой. Рассказываетъ маленькую исторійку фрейлейнъ Кохъ и начинаетъ слѣдующую... Вотъ и повѣсть о симпатичной Петровой пришла къ концу, а обѣщанной „картины нравовъ“ все нѣтъ какъ нѣтъ... Наконецъ, и исторія семейства Гуциныхъ рассказана до послѣдняго слова, и книгѣ конецъ... Но гдѣ-же дѣти, поѣдающія своихъ обѣднѣвшихъ родителей, гдѣ-же отцы и матери, обманывающіе, обчитывающіе и продающіе своихъ сыновей и дочерей, гдѣ все то, въ чемъ изобличалъ г. Морской аристократію гостинаго двора? Увы, по какому-то недоразумѣнію, произошла маленькая ошибка: въ кучу, собранную авторомъ, случайно попали совѣтъ не тѣ матеріалы, которые были нужны... Что-же станешь дѣлать? Когда-нибудь въ другое время г. Морской попробуетъ исправить свою невольную ошибку, а теперъ... читателю приходится удовольствоваться и тѣмъ, что есть...

Есть-же, какъ я уже говорилъ выше, очень хорошія вещи, хотя, къ сожалѣнію, всѣ неоконченныя и всѣ набросанныя кое-какъ. Есть, напримѣръ, истинно-недурные отрывки изъ печальной исторіи одной женщины, которую, какъ можно догадываться, сначала разбила нравственно, а подъ конецъ и совершенно свела съ ума именно окружавшая ее темная и грязная жизнь „гостинаго двора“. Я говорю о Петровой. Это была въ высшей степени нервная женщина, чуткая и впечатлительная до болѣзненности. Руки у нея постоянно слегка дрожали; глаза смотрѣли безпокойно, то блестя, то потухая; въ разговорѣ она безпрестанно переходила съ одного предмета на другой. „Она вспыхивала быстро,—говорить авторъ,—наговаривала дерзостей, такихъ словъ, которыя трудно было простить, но затѣмъ каялась, доходила до слезъ, не знала, чѣмъ загладить сказанное ею“. „Высокіе порывы чередовались у нея съ самыми обыденными движеніями. Были минуты,

когда она весь этот міръ горячо и страстно любила, все-бы отдала, чтобы сдѣлать всѣхъ счастливыми, задыхалась отъ полноты прилива такого великодушія, но были и другія минуты, когда она начинала ненавидѣть, презирала и подозрѣвала всѣхъ. „Онъ хочетъ зла, онъ смѣется, онъ влѣзаетъ въ душу, чтобы, узнавъ, осмѣять ее всюду! Онъ шпіонъ, онъ язва, у него нѣтъ креста— онъ нигилистъ!“ думала она о томъ, кого еще вчера считала за птицу небесную, что ни сѣть, ни жнеть, за правду, за воплощенную честность: „я знала— у него нѣтъ вѣры, но что-то въ немъ есть такое безмѣрно-страдающее, что именно и дѣлаетъ его честнымъ. О, да, онъ безъ креста, но онъ несетъ крестъ въ какомъ-то страданіи своемъ“. (Стр. 16, 17.) Петрова постоянно является передъ читателемъ взволнованной, раздраженной или полной самаго глубокаго душевнаго страданія. Она вѣчно рвется куда-то въ мечтательную даль, гдѣ больше свѣта, счастья и простора; ей снится въ снахъ, что она стоитъ на какомъ-то необозримомъ лугу среди многочисленной и разнохарактерной толпы, которую она вдругъ полюбила больше, чѣмъ любила до сихъ поръ своихъ собственныхъ дорогихъ дѣтей... Ей видится въ поэтическихъ галлюцинаціяхъ, что, „отливая всѣми оттѣнками зеленаго, убѣгаютъ отъ нея въ необозримую даль луга, успокоивая видомъ своей широты истерзанную тоскою душу, — и отдыхаетъ душа, и несется взоръ и къ темнымъ тѣнистымъ рощамъ, окаймляющимъ тамъ и сямъ эти необозримыя пространства, и къ голубой рѣкѣ, что лентой вьется и уходитъ въ даль, и къ этимъ убогимъ сельскимъ храмамъ, и къ темнымъ, непригляднымъ деревушкамъ, гдѣ живетъ тотъ народъ, который страданіемъ своимъ превзошелъ всѣ страданія ея... А ея-ли не были велики горести!.. И она воскликнула въ душѣ:

— Ахъ, вѣрно, я была слаба, что отъ изобилія пришла въ эти убогія деревни, около ихъ захотѣла жить, ихъ страсотерпству пожелала научиться. Можетъ, можетъ быть, но пустите меня въ этотъ храмъ, дайте помолиться на ваши незатѣйливыя, грубаго письма иконы; я довольно молилась образамъ въ богатыхъ окладахъ...

И передъ нею раздалась толпа... И долго молилась она тѣми самыми слезами, которыхъ хотѣла и желала всѣми силами души, молилась за всѣхъ, не за однихъ, какъ прежде, добрыхъ и справедливыхъ дѣтей своихъ, а за всѣхъ. Тропинкой, озаренной мягкимъ сіяніемъ луны, шла она изъ храма и между листьями деревъ мелькали ей огоньки ея сельскаго жилища, гдѣ ждали ее ея дорогіе сыновья... Сердце переполнилось тишиной и любовью:

— Милыя дѣти, иду!..“ (Стр. 349, 350.)

Если-бы съ г. Морскимъ не случилось той плачевной ошибки, вслѣдствіе которой въ его произведеніе не попали нѣкоторые необходимые для него матеріалы,—если-бы Петрова была, дѣйствительно, поставлена имъ среди безобразнаго царства гостинодворской аристократіи и на каждомъ своемъ шагѣ встрѣчала-бы все одно и одно—безсердечіе, черствость, жажду обогатиться во что-бы то ни стало,—тогда эта женщина стояла-бы совершенно живою передъ нами, читателями... Тогда мы во-очію увидѣли-бы источникъ, постоянно поддерживавшій ея раздраженіе; тогда намъ стали-бы ясны и причины ея душевнаго страданія, и ея стремленіе уйти куда-то дальше, дальше, и ея мечтанія, галлюцинаціи, сны... Теперь-же Петрова уединена авторомъ чуть-ли не отъ всѣхъ вліяній вѣшняго міра, и, вслѣдствіе этого, когда мы читаемъ о ея душевныхъ терзаніяхъ, намъ сильно сдается, что причины ихъ находятся въ ней самой. Когда она, наприимѣръ, хватаетъ ножъ, попавшійся ей на глаза и, дрожащая, блѣдная, „со слезами отъ какаго-то необъяснимаго гнѣва и ужаса“, суетъ его въ руки мужу, крича: „спрячь это подальше, я не отвѣчаю за себя“, — мы видимъ въ ней просто больную женщину, потому что никакихъ особенныхъ вѣшнихъ вліяній, наводящихъ ее на мысль о самоубійствѣ, авторъ не приводитъ. Когда она говоритъ, волнуясь и негодуя, что „на этой подлой землѣ“ только вражда, зависть, зло, или, что „такъ жить, существовать среди этого міра я не могу“, — мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашиваемъ: да отчего-же она не можетъ, и гдѣ эта вражда, эта зависть и это зло? Развѣ въ томъ это зло, что Вралкинъ вретъ разныя невинныя глупости, въ родѣ того, что Дудкинъ превратился въ змѣю, покрылся чешуею, ползаетъ и вьется? Или въ томъ, можетъ быть, что милый мальчикъ, сынъ Петровой, дразнить собачку, поднося ей къ носу кусокъ хлѣба и сейчасъ-же его отнимая? Или въ томъ, наконецъ, что прислуга не всегда успѣваетъ во-время прибрать комнаты?.. Но такъ-какъ во всемъ этомъ не замѣчается даже и признаковъ какаго-нибудь особеннаго зла, а между тѣмъ Петрова раздражается не чѣмъ инымъ, какъ именно этими пустяками, то мы, читатели, и приходимъ въ-концѣ-концовъ къ тому заключенію, что эта милая и симпатичная женщина страдаетъ просто какою-нибудь нервною, наслѣдственною или случайною, болѣзнью... Такимъ образомъ, по милости ошибки автора, гостинный дворъ остается совершенно въ сторонѣ и хладнокровно умываетъ себѣ руки послѣ сѣумасшествія Петровой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ-то и разбилъ сначала нервы этой женщины, а потомъ и самую ея жизнь...

Есть хорошая глава въ исторіи Параша Конотоповой, именно та, въ которой Параша уходитъ „отъ солнечнаго свѣта въ непроглядную темноту могилы“, какъ выражается авторъ, или-же, говоря нѣсколько проще, внезапно становится убѣжденной и глубоко-вѣрующей послѣдовательницей спиритизма. „О, поддержи!“ молится она передъ блѣднымъ ликомъ Спасителя, освѣщеннымъ нѣсколькими голубыми лампадами, которыя спускаются съ темнаго и высокаго свода. „О, такъ нельзя, такъ страшно жить!.. Съ вѣчнымъ ужасомъ на сердцѣ, съ вѣчною боязнію чего-то неизвѣстнаго, безъ любви, безъ привѣта нѣжнаго, безъ милосердія,—о, пойми, что такъ нельзя, что такъ страшно жить! . Страдалецъ великій! не ты-ли сказалъ, что тебя, идущаго на страданіе, миновала эта чаша?.. Неужели мнѣ еще мучиться?.. Избавь, возьми меня... прекрати невыносимыя страданія мои!“ (Стр. 283.) Опять-таки эта молодая особа утверждаетъ, что „такъ жить нельзя“ и говоритъ о вѣчномъ ужасѣ, о чашѣ, о невыносимыхъ страданіяхъ... Но почему нельзя жить? Отчего этотъ ужасъ? Въ чемъ заключались невыносимыя страданія Параша? И опять-таки г. Морской поставилъ и эту свою героиню совершенно особнякомъ отъ вліяній внѣшняго міра, и, слѣдовательно, и на этотъ разъ гостинный дворъ, если къ нему обратиться съ вопросомъ о судьбѣ Конотоповой, можетъ спокойно отвѣтить: „на наше это дѣло! Какъ-будто мы даже и не видали ее въ нашемъ обществѣ; она жила одиноко“... И дѣйствительно, Параша жила совсѣмъ одиноко... Правда, авторъ поставилъ подлѣ нея доктора Бизольда, но вѣдь, во-первыхъ, это не гостинный дворъ, во-вторыхъ, Бизольдъ даже и не человѣкъ, а чучело, и притомъ такъ скверно сдѣланное, что его не испугается, пожалуй, и птица...

Проходитъ передъ читателями Полина Гущина, повидимому, истинная дочь гостинаго двора. Она однажды „вдругъ, волшебнымъ мановеніемъ жезла, выросла надъ толпою, понеслась въ колесницѣ по облакамъ, озирая съ высоты небесъ грѣшную и ничтожную землю“, и это вознесеніе ея случилось ни больше, ни меньше оттого только, что на одномъ благотворительномъ базарѣ какой-то важный сановникъ говорилъ съ нею нѣсколько дольше, чѣмъ съ другими дамами-продавицами. Она съ великою радостію готовится выйти замужъ за полумертваго идиота, обладателя многихъ миліоновъ, и блаженно мечтаетъ, что вотъ тогда, „играя бѣлыми парусами, поплывутъ ея корабли, качаясь по синимъ волнамъ необъятнаго моря, въ отдаленныя, теплыя страны... Ея корабли!.. Будутъ для нея, въ какую-бы столицу Европы ни пріѣхала, приготовлены и изукрашены дворцы. И, осыпанная бри-

ліантамъ, войдетъ она въ ложу, гдѣ-нибудь въ Парижѣ или Лондонѣ, войдетъ, сядетъ спокойно, въ то время, какъ сотни, тысячи биноклей обратятся на нее!.. Роскошно одѣтая и прекрасная, поздно вернется она съ бала, гдѣ, окруженная послами и князьями, затмитъ всѣхъ и все, вернется въ полуосвѣщенную спальню, гдѣ при слабомъ свѣтѣ матоваго фонаря отличить синеватое лицо, распавшіяся губы, конвульсивныя сокращенія мускуловъ и подозрительно-любопытныя глаза... Что-жь Полина?.. Ничего: съ нѣжностью супруги она склонится къ этому жалкому существу: онъ былъ одинъ, онъ скучалъ, да? и поцѣлуеъ его... Супругъ законный!" (Стр. 270.)

Образъ Полины производитъ на читателей уже несравненно болѣе опредѣленное впечатлѣніе, чѣмъ туманные образы Петровой и Параша Конотоповой, но все-таки и Полина больше мечтаетъ, чѣмъ дѣйствуетъ, больше говоритъ о своихъ взглядахъ, чѣмъ осуществляетъ ихъ въ жизни, и поэтому опять-таки намъ приходится безпрестанно полагаться на одни только слова и увѣренія г. Морскаго. Онъ говоритъ, напримѣръ, что при всемъ своемъ внѣшнемъ изяществѣ, Полина крайне груба съ своею доброю матерью, съ своими маленькими братьями и сестрами, со всѣми низшими, слабыми и бѣдными,—но мы не видимъ на дѣлѣ этой отталкивающей грубости и поэтому не то допускаемъ ее въ Полинѣ, не то вѣтъ. Онъ говоритъ далѣе, что въ глазахъ Полины бѣдность есть не что иное, какъ крайняя глупость, бѣдный человекъ—дуракъ, но, къ сожалѣнію, ни одного раза не даетъ себѣ труда поставить эту дѣвушку лицомъ къ лицу съ презрѣнными для нея бѣдняками; поэтому и эта черта ея характера для насъ все равно, что не существуетъ. Г. Морской увѣряетъ, наконецъ, что Полина безсердечна, слѣдовательно, при случаѣ способна дойти до крайней степени жестокости въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, но, увы, онъ не находитъ нужнымъ или, можетъ быть, забываетъ привести хоть одинъ случай, въ которомъ ярко проявилось-бы это безсердечіе Полины, и, вслѣдствіе этого, она оставляетъ въ насъ впечатлѣніе холодной, эгоистичной, честолюбивой дѣвушки съ твердымъ характеромъ,— не больше... Не больше, г. Морской, ни въ какомъ случаѣ не больше, и, слѣдовательно, еще разъ гостинный дворъ ускользаетъ отъ того заслуженнаго удара, который вы собирались ему нанести... Очень жалко!..

Проходитъ передъ нами совершенно живою мать Полины, пустая, простая, добрая женщина, сердечно любящая „дѣтушекъ своихъ, сыночковъ своихъ дорогихъ, дочерей своихъ милыхъ“ и потрясающая даже гостинный дворъ своимъ трогательнымъ плачемъ надъ трупомъ ввезапно умершаго мужа: „Зачѣмъ ты насъ „Дѣло“, № 5, 1879 г.

оставилъ? Что мы будемъ дѣлать безъ тебя?..“ Проходить тетушка Марья Гавриловна, окруженная, какъ опричниками, суровыми старообрядцами-дворниками и толпою приживалокъ... Проходить фрейлейнъ Кохъ, мечтающая о родныхъ Альпахъ, гдѣ „пригрѣтыя теплымъ солнцемъ, мелькають по тропинкамъ бронзоваго отлива змѣйки, по полямъ порхаютъ черныя, бархатистыя съ бѣлой каймой трауръ - мантели, мелкія бѣлыя и розовыя розы вьются по стѣнамъ домовъ, цвѣтутъ огромные кусты воздушнаго жасмина, наполняя воздухъ ароматомъ, луга пестрѣють лиловыми, желтыми, голубыми и бѣлыми фіалками, на обрывахъ скаль разцвѣтаетъ съ буро-лиловыми, усѣянными темными бородавочками и закрученными внизъ лепестками лилія, въ лѣсахъ — розовая и абрикосовая альпійская роза, кусты малиноваго рододендрона близятся къ разцвѣту“. (Стр. 128.) Сентиментальная, впечатлительная, преданная дѣвушка, всѣми заброшенная и поэтому глубоко благодарная за каждое теплое слово, за самую ничтожную ласку...

Все женщины, женщины, женщины — и одно уже это обстоятельство набрасываетъ очень странный оттѣнокъ на тѣ „картины нравовъ“ аристократіи гостинаго двора, которыя намѣревался изобразить г. Морской. Но если прибавить къ этому, что большая часть этихъ женщинъ и въ особенности тѣ, которыя выдвинуты авторомъ на первый планъ его произведенія, — женщины, или возмущающіяся окружающею ихъ средою, протестующія противъ нея, или-же добрыя матери, любящія жены, то этотъ странный свѣтъ, бросаемый г. Морскимъ на гостиный дворъ, становится до нѣкоторой степени розовымъ свѣтомъ... конечно, я полагаю, къ значительному смущенію и самого автора, имѣвшаго въ виду совсѣмъ не этотъ свѣтъ...

Но будемъ благодарны г. Морскому и за то хорошее, что далъ онъ намъ въ своемъ первомъ произведеніи. Да сохранять его боги отъ ненадлежащаго освѣщенія описываемыхъ имъ явленій, отъ небрежнаго сваливанія ихъ въ одну кучу, отъ россійской неряшливости и привычки дѣлать свое дѣло кое-какъ, отъ зараженія болѣзнями, снѣдающими „Новое Время“, отъ стремленія почить на первыхъ попавшихся дешевыхъ лаврахъ, — и тогда, кто знаетъ? — на темномъ небѣ современной балетристики будетъ, можетъ быть, одной искрой больше...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пожары и 100-миліонныя ежегодныя убытки отъ нихъ. — Какъ общественная благотворительность видитъ только пожары городовъ и не замѣчаетъ пожаровъ деревень. — Въ какой степени дѣйствительна благотворительность, облегчающая судьбу погорѣльцевъ? — Проекты тепербургской печати и ея городская точка зрѣнія. — Въ чемъ заключается общая мѣра? — Земское страхованіе и его новый проектъ. — Непослѣдовательность московскаго земства. — Сущность земской страховой солидарности.

Изъ года въ годъ, съ болѣе или менѣе математической точностію, пожары въ Россіи наносятъ нашему хозяйственному бюджету не менѣе 100 миліоновъ убытковъ истребленіемъ народнаго имущества. Цифра эта была-бы чувствительна и не для такой бѣдной страны, какъ Россія. Поэтому пожары, какъ общественное бѣдствіе, начинаютъ болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе и вызывать мѣры противодѣйствія этому злу. Но, какъ обыкновенно, вопросъ о пожарахъ сводится на второстепенныя причины, на деревянныя постройки нашихъ селъ и деревень, на отсутствіе всякаго архитектурнаго распорядка въ планировкѣ построекъ, на неимѣніе водопроводовъ даже въ большихъ губернскихъ городахъ, уже не говоря объ уѣздныхъ, на скудость пожарныхъ инструментовъ и т. п., — обо всемъ этомъ трактуется и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ и сельско-хозяйственныхъ обществахъ, а главный коренной вопросъ, — вопросъ экономической или обходится совершенно или затрогивается, такъ сказать, вскользь и мимоходомъ. А между тѣмъ, въ немъ-то и надо искать разрѣшенія пожарнаго бѣдствія. Никто не споритъ, что каменные и кирпичныя строенія болѣе гарантированы отъ пожаровъ, чѣмъ деревянныя, что желѣзныя крыши лучше соломенныхъ, что рациональная рас- планировка гораздо удобнѣе беспорядочной кучи избъ, изъ которыхъ каждая кое-какъ лѣпится въ другой, и если загорается одна

лачуга, то выгораетъ до тла цѣлая деревня,—но... но откуда взять тѣ средства, которыя необходимы для болѣе дорогихъ построекъ и предохранительныхъ мѣръ отъ истребительныхъ пожаровъ? Вотъ гдѣ лежитъ коренная причина зла и куда должно быть направлено наше главное вниманіе.

„Второго мая выгорѣлъ Оренбургъ, затѣмъ Уральскъ, затѣмъ Ирбитъ, затѣмъ начались пожары въ Москвѣ. Картина бѣдствія ужасная! Въ Оренбургѣ сгорѣло 950 домовъ и въ Новой Слободкѣ—1,420 домовъ. Помимо 14-ти миліоновъ убытковъ, понесенныхъ комерсантами, у жителей сгорѣло не застрахованнаго имущества миліона на три. Арестовано до 70 лицъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ и въ открытомъ грабежѣ во время пожара; въ городѣ найдено семь обгорѣлыхъ труповъ и въ больницу отправлено до ста человѣкъ, пострадавшихъ отъ обжоговъ. Жара въ городѣ страшная—по Реомюру до 39°. Надъ горѣвшимъ городомъ носятся тучи пыли и тепла, сквозь которыя едва пробиваются лучи солнца. Торговля дѣла въ застой; на хлѣбномъ рынкѣ зерновыхъ продуктовъ вовсе нѣтъ, а есть только мука пшеничная, начиная отъ 90 копеекъ до 1 рубля 50 коп. за пудъ. Народъ размѣстился кое-какъ по чужимъ дворамъ, частію въ палаткахъ на погорѣлыхъ мѣстахъ, частію просто-въ полѣ или въ вагонахъ на станціи желѣзной дороги. Если послѣ жаровъ наступитъ перемѣна погоды или къ осени погорѣльцы не успѣютъ обстроиться — погибнетъ не мало народа, оставшагося безъ крова,“—пишетъ корреспондентъ „Молвы“.

Какъ только огласилось оренбургское бѣдствіе, начались пожертвованія, выступилъ на помощь красный крестъ. Главное управленіе краснаго креста отпустило 30,000 рублей на пособіе погорѣльцамъ и отправило запасы женскаго и дѣтскаго бѣлья. Въ то-же время выѣхала изъ Москвы въ Оренбургъ предсѣдательница дамскаго комитета княгиня Трубецкая съ 5,000 рублей. Мѣстныя управленія краснаго креста послѣшили тоже на помощь погорѣльцамъ: скатеринодарское управленіе выслало 1,500 руб., псковское 2,000 руб., уфимское 2,000 руб., рязанское и вологодское по 500 руб., рязанскій дамскій комитетъ 700 руб. Въ то-же время открыта подписка, и въ главное управленіе краснаго креста по 9 мая пожертвовано уже 5,858 рублей.

Оренбургскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ сообщаетъ, что въ пользу погорѣльцевъ собрано больше 90,000 рублей, не считая хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. По его словамъ, „пока все ограничивается одними добрыми желаніями, благими намѣреніями и планами; а такъ-какъ проектами и разсужденіями сытъ не будешь и такъ-какъ въ такихъ случаяхъ нужна без-

отлагательная и немедленная помощь, то слѣдуетъ сказать, что въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сдѣлано очень, очень не много. „Я по крайней мѣрѣ,—говоритъ корреспондентъ,—не смотря на постоянные разспросы и справки, не встрѣчалъ ни одного пострадавшаго, который получилъ-бы пособіе; но за то я знаю многихъ такихъ бѣдныхъ погорѣльцевъ, которые не только не получили ни одного мѣднаго гроша, но даже не знаютъ, куда и къ кому нужно обратиться за пособіемъ. Очень можетъ быть, что это происходитъ не по винѣ тѣхъ, которые завѣдываютъ раздачей пособій. Бѣдный народъ живетъ подъ открытымъ небомъ въ роцѣ, за Ураломъ; изъ тысячи сгорѣвшихъ домовъ какой-нибудь десятокъ возобновляется и изъ массы погорѣльцевъ какая-нибудь ничтожная часть находитъ заработокъ. Однимъ словомъ, бѣдствіе громадно и для уменьшенія его нужно много времени, множество денегъ и дружное усиліе всего общества“.

Мы не имѣемъ никакого права относиться безъ довѣрія къ словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, и если свѣденія „Молвы“ даже приблизительно вѣрны, то 14 миліоновъ убытка, понесенныхъ комерсантами, и 3 миліона рублей, въ которые цѣнится сгорѣвшее не застрахованное имущество мѣстныхъ жителей, составляютъ въ цѣломъ весьма почтенные 17 миліоновъ. Рядомъ съ этими 17-ю миліонами 90,000 рублей, собранные Россіей для погорѣльцевъ, составляютъ, конечно, не болѣе, чѣмъ каплю въ морѣ. Предполагая даже, что оренбургскіе комерсанты не получаютъ изъ этихъ денегъ ничего, все-таки остаются 3 миліона убытка, понесеннаго собственно мѣстными жителями. Очень можетъ быть, что пожертвованія будутъ дѣлаться съ энергіей, близко подходящей къ той, съ какой дѣлались пожертвованія на сербскую войну; но вѣдь можетъ быть, что они будутъ дѣлаться и съ меньшей энергіей. Послѣднее вѣроятнѣе. Въ сербскую войну русскимъ обществомъ овладѣлъ энтузіазмъ: мы были одушевлены освободительной идеей, впереди рисовались картины чего-то свѣтлаго, широкаго, всеобъемлющаго, чуть-ли не космополитическаго,—если-же и не космополитическаго, то во всякомъ случаѣ настолько общеславянскаго, что нашъ мечтательный идеализмъ находилъ себѣ достаточную пищу и его возбуждающая сила была настолько велика, что пожертвованія сыпались, какъ дождь. Теперь что-то нигдѣ не видно и не слышно подобнаго одушевленія и чувство сердоболія не заявило себя пока еще никакимъ дождемъ. Впрочемъ, чувство сердоболія и вообще, по внутренней идеѣ, слабѣе тѣхъ чувствъ, которыя воодушевляли насъ въ сербскую войну. Но если оно имѣетъ еще только тепленькій характеръ, какимъ заявило себя нынче, то едва-ли есть серьезный поводъ ожидать отъ него

какихъ-нибудь дѣйствительно крупныхъ послѣдствій. Конечно, и что-нибудь лучше, чѣмъ ровно ничего.

Не отрицая важности благотворительности, по крайней мѣрѣ на первый моментъ, когда нужна немедленная помощь, мы не со всѣмъ понимаемъ, почему она должна быть привилегіей только для нѣкоторыхъ погорѣльцевъ. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ году это счастье выпало на долю Оренбурга, и каждый годъ найдется какая-нибудь одна мѣстность, не у насъ, такъ за-границей, на долю которой выпадетъ привилегія общественнаго вниманія. Такъ нѣсколько лѣтъ назадъ этой привилегіей пользовался Чикаго, нынѣшней весной на шумѣлъ своимъ наводненіемъ Чегединъ, а затѣмъ героями дня явились Оренбургъ и Уральскъ. Между тѣмъ ежегодно выгораетъ $\frac{1}{3}$ деревенской Россіи и въ семь лѣтъ вся Россія перестраивается вновь, а общество смотритъ равнодушно, не думаетъ ни дѣлать воззваній къ благотворительности, ни устраивать подписокъ. Процессъ выгоранія Россіи продолжается въ семилѣтніе періоды съ самаго пришествія нормандскихъ князей; послѣ каждаго выгоранія все строится по старому обычаю, изъ того-же деревяннаго матеріала, въ томъ-же порядкѣ; жизнь тоже идетъ тѣмъ-же порядкомъ. Съ наступленіемъ времени пожаровъ въ газетахъ поднимаются толки, что нужно-бы сдѣлать то-то и то-то, къ осени толки умолкаютъ, съ новой весной начинаются новые пожары, съ новыми пожарами опять повторенія тѣхъ-же газетныхъ совѣтовъ, а пожары дѣлаютъ свое дѣло, и Россія опять выгораетъ черезъ каждые семь лѣтъ.

Такой пожаръ, какъ нынѣшній оренбургскій, конечно, общественное бѣдствіе и его, можетъ быть, не слѣдуетъ сравнивать съ пожаромъ какого-нибудь починка или деревушки въ десять домовъ. Но нельзя-же не видѣть, что бѣдствіе Оренбурга дѣйствуетъ сильнѣе на воображеніе только потому, что оно слишкомъ сконцентрировано и поражаетъ своей эффектной стороною—грандіозностію двухъ тысячъ домовъ, сгорѣвшихъ въ одномъ центрѣ. Сравнивая пожаръ Оренбурга съ раскинутыми ежегодными пожарами въ деревняхъ, о которыхъ ни одинъ читатель даже и не прочитаетъ въ газетахъ, едва-ли окажется преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что оренбургскій пожаръ сдѣлался предметомъ общественнаго сердоболія только благодаря газетной гласности. Еслибы общественное сердоболіе могло съ высоты птичьяго полета увидѣть всѣ зарева пожаровъ горящихъ деревень; еслибы оно могло увидѣть, какъ горятъ массы селеній, горятъ въ страду, когда всѣ взрослые на работѣ, а остаются только дѣти да старья бабы, когда ни откуда не можетъ явиться никакой помощи, и деревни выгораютъ тихо, какъ свѣчки, когда ни одна пожарная

труба не прїѣдетъ ни откуда, чтобы залить головешки, когда ни одна благотворительная душа не открываетъ своего кошелька, чтобы помочь погорѣвшимъ, о которыхъ сердоболіе нигдѣ не прочитало ни слова; еслибы всѣ эти миніатюрныя, а иногда и очень не миніатюрныя пожары можно было-бы выставить въ панорамѣ передъ глазами впечатлительнаго читателя,—то ужь, конечно, картина всѣхъ мелкихъ бѣдствій, взятыхъ вмѣстѣ, произвела-бы на него болѣе подавляющее впечатлѣніе, чѣмъ оренбургскій пожаръ. Но о выгорающихъ деревняхъ мы молчимъ.

Оренбургскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“, не обвиняя тѣхъ, которые завѣдываютъ раздачей пособія, совершенно справедливо соболѣзнуетъ о громадной массѣ погорѣльцевъ, которой приходится жить подъ открытымъ небомъ за Ураломъ. Такъ жить, какъ живутъ они, нельзя; нельзя жить ни въ вагонахъ желѣзной дороги, ни въ палаткахъ. И на бѣду еще, рабочему населенію нѣтъ заработковъ. Корреспондентъ думаетъ, что могутъ помочь только дружныя усилія общества и что нужно много времени, а главное много денегъ. Послѣднее совершенно справедливо, тѣмъ болѣе, что несчастіе не ждетъ. Собранные 90,000 р., когда нужно 3 миліона, конечно, далеко не достигаютъ цѣли. Насколько будетъ энергична послѣдующая помощь, сказать нельзя; ясно лишь одно, что она не дастъ 3-хъ миліоновъ. Также ясно изъ этого, что погорѣвшему населенію придется искать выхода въ своихъ собственныхъ силахъ, и потому еще прискорбнѣе, что нѣтъ заработковъ. Заработковъ не предвидится для Оренбурга, не предвидится для Ирбита, не предвидится для Уральска, не предвидится и для той массы деревень, которой въ книгѣ судебъ написано пострадать въ историческомъ порядкѣ отъ пожаровъ въ нынѣшнемъ году. Положеніе, дѣйствительно, печальное и тѣмъ болѣе тяжкое, что оно повторяется изъ года въ годъ и, вмѣстѣ съ классическими русскими неурожаями, получило характеръ какого-то неустраимаго зла и бѣдствія, постоянно подкапывающаго народное экономическое благосостояніе.

„Kölnische Zeitung“ по поводу нынѣшнихъ пожаровъ справедливо замѣчаетъ, что русская печать по-прежнему обнаружила свое слѣпое усердіе, за которое она уже не разъ была наказана. По словамъ нѣмецкой газеты, послѣ каждаго бѣдствія мы начинаемъ кричать и жаловаться, хотя до того, да, пожалуй, и послѣ несчастія, мы все-таки не понимали его сущности. То-же самое повторилось и теперь. Какъ только сгорѣлъ Оренбургъ, петербургская печать поспѣшила съ своими благими совѣтами и размышленіями. Напримѣръ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, исходя, вѣроятно, изъ начала самоуправленія, предлагаютъ „бдитель-

ность и предусмотрительность самих владѣльцевъ имущества“ и видятъ въ этомъ единственное радикальное средство противъ пожаровъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ думаютъ, что пожарныя команды, законодательныя и административныя мѣры не больше, какъ „затѣи“. Лучшее и единственное средство—„порядочность всей жизненной обстановки“. Когда-же этого нѣтъ, то, какъ это и бываетъ часто, „пожарныхъ лошадей въ минуту нужды и не смыщешь, а пожарныя трубы поливаютъ собравшуюся толпу, а не огонь“. Теперь, по мнѣнію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, каждый ребенокъ, выбравъ вѣтреныя дни, можетъ сжечь любой городъ, такъ-какъ никто и ни за чѣмъ не смотритъ. Къ этому замѣчанію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ мы можемъ прибавить слѣдующее извѣстіе „Русскихъ Вѣдомостей“: „въ нашей первопрестольной столицѣ,—говорятъ „Русск. Вѣд.“,—устроена большая пожарная команда и, не смотря на то, что она большая, у ней все-таки не достаетъ лошадей. И это вотъ почему: прежде лошади для пожарной команды покупались брандъ-маіоромъ; съ новаго-же года онъ отъ этой ремонтировки отказался, а городская управа покупать лошадей тоже не желаетъ. Она предлагаетъ брандъ-маіору по восьмидесяти рублей за каждую лошадь съ тѣмъ, чтобы онѣ служили вмѣсто восьми по десяти лѣтъ. На это брандъ-маіоръ возражаетъ, что молодыя лошади могутъ затянуться и что восьмилѣтнія—десятилѣтней службы не вынесутъ“. Подобная пожарная команда, конечно, роскошь, и въ Москвѣ, очевидно, нѣтъ „порядочности жизненной обстановки“. Но чѣмъ-же думали создать ее „С.-Петербургскія Вѣдомости“? Мы не отрицаемъ, что основная идея „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вполне справедлива. Конечно, было-бы лучше, еслибы „бдительность и предусмотрительность“ самих владѣльцевъ спасали-бы ихъ имущества не только отъ пожаровъ, но и отъ грабителей и воровъ; было-бы еще лучше, еслибы „бдительность и предусмотрительность“ спасали-бы каждого отъ его собственныхъ и отъ чужихъ неряшества и глупостей. Но и предлагать подобное идеальное средство не значить-ли мечтать о молочныхъ рѣвахъ въ кисельныхъ берегахъ? Тѣ-же „С.-Петербургскія Вѣдомости“, по случаю тѣхъ-же пожаровъ, обзываютъ русскаго человѣка „лежебокой“, а всю Россію обвиняютъ въ апатіи. Конечно, съ одной стороны это справедливо, но съ другой—не совсѣмъ великодушно и очень прямолинейно. Если мы такіе лежебоки, если мы страдаемъ отъ собственной апатіи, то ясно, что отъ насъ нечего ожидать „бдительности и предусмотрительности“, а тѣмъ болѣе бранить за ихъ отсутствие.

„Голосъ“ разсуждаетъ гораздо степеннѣе. Онъ требуетъ, чтобы

былъ соблюдаемъ во всей точности строительный уставъ и въ особенности тѣ постановленія его, которыя не дозволяютъ въ главнѣйшихъ частяхъ города сооружеііе новыхъ деревянныхъ построекъ и исправленіе старыхъ. „Голось“ разсуждаетъ, что ради интересовъ или фантазіи одного домовладѣльца, нельзя подвергать страшному риску лучшія части города, обрекая на раззореніе большинство его населенія. Менѣе доволенъ и „Голось“ той статьей устава, которая терпитъ старыя деревянные сооружеііа и не дозволяетъ починять ихъ сколько-нибудь капитально. „Голось“ рекомендуетъ, хотя и не прямо, всѣ подобныя опасныя строенія разрушать, а въ томъ, что законъ не предписываетъ попутительныя сломки, усматриваетъ лишь кажущееся уваженіе къ праву собственности. „И развѣ обществу,—спрашиваетъ газета,— не можетъ быть предоставлено болѣе справедливое средство оградить свои интересы въ правѣ экспропріаціи, по которому постройка пріобрѣтается обществомъ съ вознагражденіемъ владѣльца и затѣмъ уничтожается“?

Такимъ образомъ, „Голось“ сводитъ весь пожарный вопросъ къ соблюденію правилъ строительнаго устава и къ наблюденію за тѣмъ, чтобы въ городахъ не было деревянныхъ построекъ. Но вѣдь Чикаго былъ выстроенъ весь изъ камня и желѣза, однако, сгорѣлъ; сгорѣлъ до-тла лондонскій кристалльный дворець, въ которомъ не было ничего сгораемаго. Наконецъ, „Голось“ смотритъ на пожары чисто съ петербургской точки зрѣнія. Съ одной стороны, онъ видитъ въ Россіи только города и даже не предполагаетъ, что деревни горятъ у насъ гораздо сильнѣе; а съ другой— онъ обращаетъ всѣ свои симпатіи къ Петербургу и говоритъ почти исключительно о немъ и по поводу его. Только поэтому и могло случиться, что „Голось“ забылъ о деревянной Россіи, которая не имѣетъ возможности строить не только кристалльныхъ дворцовъ, но даже домовъ на каменныхъ или кирпичныхъ фундаментахъ, не говоря уже про цѣльныя кирпичныя дома.

Въ этомъ-же духѣ разсуждаютъ и другія петербургскія газеты. По ихъ мнѣнію, въ городахъ не только есть возможность, но и чувствуется необходимость принять, наконецъ, рѣшительныя мѣры къ предупрежденію опустошительныхъ пожаровъ, а самая рѣшительная мѣра будетъ заключаться въ томъ, чтобы вездѣ вмѣсто деревянныхъ построить каменные дома. Не дѣлая этой мысли обязательной, авторы проектовъ, предназначаемыхъ спасти Россію отъ пожаровъ, предполагаютъ осуществлять его съ извѣстной постепенностію. Прежде всего, они думаютъ, что отъ домохозяина слѣдуетъ требовать тѣмъ больше, чѣмъ онъ богаче. Поэтому нужно бы начать съ запрещенія строить деревянные зданія въ опредѣ-

ленныхъ мѣстностяхъ, а затѣмъ постановить общимъ правиломъ, чтобы всѣ строенія, возводимыя съ цѣлю помѣщенія въ нихъ промышленныхъ заведеній, наприимѣръ, фабрикъ, гостинницъ, постоянныхъ дворовъ и трактировъ, должны быть каменные. „Даже можно-бы было требовать, — разсуждаютъ петербургскіе писатели, — чтобы всѣ вновь открываемыя трактирныя и питейныя заведенія помѣщались въ каменныхъ домахъ и что-бы городскія строенія вообще были крыты желѣзомъ или черепицею. Можно было-бы поощрить въ этихъ видахъ устройство кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ и, кромѣ того, облегчить временными льготами отъ платежа городскихъ сборовъ новыя каменные постройки и переходъ отъ деревянныхъ крышъ къ черепичнымъ и желѣзнымъ“.

Эти мѣры предлагаются „Отголосками“, которые въ то-же время замѣчаютъ, что камень самъ по себѣ не служитъ еще предохранительнымъ средствомъ, потому что каменный Оренбургъ сгорѣлъ до-тла, а деревянный Петрозаводскъ никогда почти не горитъ. Для числа и особенно губительности пожаровъ важны нѣкоторыя и другія условія: сухой климатъ, сила вѣтра, система устройства печей, организація чистки трубъ, устройство водопроводовъ и пожарной части, нравы жителей и т. п. Такимъ образомъ, „Отголоски“ стоятъ на точкѣ зрѣнія діаметрально-противоположной взглядамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Тѣ видятъ спасеніе исключительно въ высшемъ развитіи личнаго начала, въ той интеллектуальности и самостоятельности, при которой лицо становится полнымъ и исключительнымъ оберегателемъ и охранителемъ своихъ личныхъ интересовъ: „Отголоски“-же предлагаютъ систему въ высшей степени развитой регламентаціи и такого рода общественныхъ учрежденій, которыя возлагали-бы на лицо цѣлый рядъ обязательствъ, давая ему вмѣстѣ съ тѣмъ и всевозможныя средства для ихъ осуществленія.

„Новое Время“, не отрицая важности мѣръ, предлагаемыхъ „Отголосками“, думаетъ, что примѣненіе ихъ вовсе не такъ просто. Во многихъ мѣстахъ деревянныя постройки обходятся у насъ въ пять разъ дешевле каменныхъ, и если каменные дома сдѣлать обязательными, то это значить, во-первыхъ, стѣснить тѣхъ лицъ, которыя хотѣли-бы строить деревянныя зданія и, слѣдовательно, поднять цѣны квартиръ и сдѣлать жизнь дороже.

Расходъ на квартиры и теперь уже составляетъ въ Петербургѣ четвертую часть бюджета каждаго жителя. Обязывать промышленныя заведенія помѣщаться только въ каменныхъ зданіяхъ будетъ тоже стѣснительно. Извѣстно, что законъ подъ промышленнымъ заведеніемъ разумѣетъ всякое, въ которомъ работаетъ болѣе 16 рабочихъ или дѣйствуетъ механической двигатель, хотя-бы рабо-

тало одинъ или два человѣка. Хозяева подобныхъ заведеній, конечно, не въ состояніи строить каменныхъ домовъ, да не всегда въ состояніи нанимать и помѣщенія въ каменныхъ зданіяхъ. Проектиеры предлагаютъ замѣнить тесъ черепицей. Черепица, безъ сомнѣнія, вещь хорошая и безопасная, но для ея приготовленія нужны дрова, а дрова въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у насъ вещь положительно мечтательная. Поэтому-то въ степныхъ мѣстностяхъ новоузенскаго края не только не приготовишь черепицы, но даже и кирпича; дома дѣлаются изъ земляныхъ кирпичей и въ видѣ особенной роскоши покрываются тесомъ. Да и весь нашъ степной край находится въ подобной-же невозможности строить дома кирпичные или крыть ихъ черепицей. Въ черниговской губерніи, гдѣ вовсе нѣтъ камня, желѣзные дороги балластируются битымъ кирпичемъ. Наконецъ, при нашемъ холодномъ климатѣ, каменные постройки нужно дѣлать несравненно массивнѣе деревянныхъ, да и воздвигать ихъ возможно только лѣтомъ, тогда какъ деревянныя можно строить круглый годъ.

Принудительныя мѣры, вродѣ тѣхъ, чтобы владѣльцы каменныхъ домовъ освобождались отъ налоговъ казенныхъ и городскихъ, едва-ли тоже приведутъ къ чему-нибудь и во всякомъ случаѣ окажутся слишкомъ несправедливыми. Обложеніе налогомъ владѣльцевъ деревянныхъ домовъ будетъ равносильно покровительству богатымъ въ ущербъ бѣднымъ. Зажиточные собственники каменныхъ домовъ окажутся на льготѣ, и тягость платежей падеть именно на тѣхъ, кто вслѣдствіе меньшей состоятельности можетъ выстроить только деревянный дѣмъ. Нельзя упускать изъ вида еще и того, что условія нашихъ городовъ нѣсколько похожи на условія турецкихъ. Константинополь, какъ говорятъ, выгораетъ такъ часто, какъ ни одинъ городъ въ мірѣ, и что-же? — послѣ каждаго пожара онъ вновь выстраивается съ необыкновенной быстротой, потому что строительнымъ матеріаломъ ему служить всякая дрань, которая нигдѣ не считается строительнымъ матеріаломъ. И у насъ въ Россіи дерево, какъ строительный матеріалъ, служить намъ во благо. Еслибы послѣ каждаго пожара погорѣльцамъ приходилось возводить каменные зданія, то десятки тысячъ нашихъ ежегодныхъ погорѣльцевъ цыганствовали-бы безъ крова и пріюта; деревянные-же дома и избы выстраиваются въ какой-нибудь мѣсяцъ.

Что-же дѣлать? Если слушать все то, что говоритъ русская печать, то окажется, что каждому нужно стѣснить его человѣческую свободу и наложить запрещеніе на его экономическія сообщенія. Потребуется цѣлый уставъ, цѣлая многосложная регламентація, по которой безъ вмѣшательства полицейскаго агента,

члена городской думы и городского архитектора нельзя будетъ сдѣлать ни одного шага. Васъ обяжутъ строить домъ непременно изъ такого-то матеріала, крыть крышу изъ такого-то. Васъ обяжутъ даже жить извѣстнымъ образомъ и при усердіи нашихъ регламентаторовъ можетъ повториться одна старая забытая исторія, которая, къ сожалѣнію, нисколько не уменьшила у насъ пожаровъ. Было время, когда для предупрежденія пожаровъ въ деревняхъ крестьянамъ, кромѣ пожарныхъ инструментовъ, предписывалось имѣть на крышахъ домовъ ушаты съ водой, а окружные начальники установили даже, кто съ какимъ инструментомъ долженъ являться на пожаръ. Чтобы мужикъ не лукавилъ, не отличивалъ и не могъ-бы отговариваться запаматованіемъ, къ каждому дому была прибита дощечка и на ней нарисовано, кто съ чѣмъ долженъ спасать своего ближняго. Эти дощечки съ нарисованными топорами, баграми, ведрами, лѣстницами вы увидите и до сихъ поръ на избахъ. Еще радикальнѣе была мѣра, по которой въ сильныя лѣтнія жары запрещалось крестьянамъ топить избы и бани и крестьяне должны были ѣсть исключительно холодныя кушанья. Къ чему-же привели всѣ эти радикальныя мѣры и стѣснительныя регламентаціи? Привели они къ тому, что нынче послѣ оренбургскаго пожара снова поднялись толки о мѣрахъ спасенія: точно прежде Россія никогда не горѣла и точно оренбургскій пожаръ—первый пожаръ съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ на свѣтѣ.

Предлагаемыя мнѣнія въ цѣломъ похожи на извѣстный кварталъ или на тѣхъ музыкантовъ, единственное достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что они не берутъ ничего хмѣльнаго. Одинъ скромный „Волжскій Вѣстникъ“ выдѣлился изъ нестройнаго хора печати и, разумѣется, только потому, что онъ—органъ мѣстный, провинціальный и пишетъ о дѣлѣ, практика котораго лежитъ у него передъ глазами. „Волжскій Вѣстникъ“ становится на общую точку зрѣнія и оставляетъ въ сторонѣ мелочи, на которыя обращаетъ вниманіе петербургская печать. Онъ прямо начинается съ земскаго страхованія. Эта точка зрѣнія, конечно, самая правильная. Возьмите какое хотите государство, какую хотите страну—вездѣ пожары—явленіе частное и случайное. Въ отдѣльныхъ случаяхъ эффектъ ихъ можетъ быть очень великъ, какъ, на примѣръ, пожаръ Чикаго. Убытки, понесенные въ такихъ случаяхъ, могутъ быть громадныя и разорить въ конецъ даже страховыя общества, но тѣмъ не менѣе европейскія пожарныя бѣдствія—случайности и частности и ихъ нельзя сравнивать съ пожарными бѣдствіями Россіи. Только въ одной Россіи пожары—бѣдствіе общественное,—бѣдствіе, противъ котораго безсильны всѣ частныя усилія страховыхъ обществъ, если-бы въ нашемъ страхо-

ваніи приняла участіе даже вся Европа. У насъ горять не города, а деревни, и деревни даже не горять, а выгораютъ. Оренбургъ, напримѣръ, за 144 года подвергся нынѣшнему страшному опустошенію лишь въ первый разъ, тогда какъ любая русская деревня выгорѣла въ это время четыре или пять разъ. Что могутъ подѣлать наши страховыя компаніи, видно хоть-бы изъ того, что дѣлали и говорили въ Оренбургѣ страховыя агенты нашихъ десяти страховыхъ обществъ: они струсили и зажали свои карманы; вмѣсто того, чтобы успокоить населеніе, они увеличивали его панику и дѣлали затрудненія въ приемѣ на страхъ имущества; они установили для Оренбурга по страховкѣ тотъ-же классъ, какой установленъ для селеній, крытыхъ соломой, и начальникъ края замѣтилъ имъ съ ироніей: „неужели ваши общества страхуютъ то, что не можетъ сгорѣть или что совершенно безопасно“. Почтенные спеціалисты, когда тотъ-же начальникъ края, желая воспользоваться ихъ знаніями, спросилъ ихъ, что-же нужно дѣлать, что-бы избѣжать пожарныхъ несчастій впредь, дали такой мудрый отвѣтъ: „надо улучшить и расширить водопроводъ, чтобы на каждого жителя хватало по 12 ведеръ воды въ сутки, устроить центральную водонапорную башню, соблюдать правила строительнаго устава, строить глухіе брандъ-мауеры перпендикулярно господствующимъ вѣтрамъ, твердыя крыши изъ каменнаго толя, желѣза и черепицы и изъ соломы, облитой глиною, увеличить число площадей и садиковъ, перепланировать городъ, устроить между частями города телеграфъ, завести вольную пожарную дружину, въ числѣ пожарныхъ имѣть кровельщиковъ, плотниковъ и каменщиковъ...“^а Подумаешь, что до этого никто никогда-бы не додумался, еслибы Господь Богъ не умудрилъ десяти представителей десяти русскихъ страховыхъ обществъ. И для чего пріѣхали эти господа? Всего застрахованныхъ домовъ сгорѣло въ Оренбургѣ не болѣе шестисотъ на сумму 2,050,000 руб. и уже русскія страховыя общества дрогнули и стали отказываться отъ дальнѣйшей страховки Оренбурга. Только три общества изъ десяти — русское, сѣверное и „Надежда“ заявили генераль-губернатору, что страховыя операціи будутъ у нихъ производиться по-прежнему. Къ чему-же, спрашивается, существуютъ эти страховыя общества, когда первый пожаръ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ и настолько рѣдкой, что онъ является единственнымъ случаемъ въ полтора вѣка, наводитъ панику прежде всего на самыя общества и заставляетъ ихъ закрывать свою лавочку? Ну, а еслибы вся деревянная, деревенская Россія вздумала искать своего спасенія у подобныхъ радѣтелей общественнаго интереса, которыхъ два миліона страховой преміи заставили уже дрогнуть? Какъ-бы они дрогнули, еслибы ежегодно выгораю-

щая деревенская Россія обратилась къ нимъ за страхомъ и попросила-бы вознагражденія въ двадцать миліоновъ? Ясно, что всѣ наши страховыя компаніи не больше, какъ капля въ океанѣ, и существованіе ихъ для Россіи совершенно бесполезно.

Есть у насъ учрежденіе, которое имѣетъ общее государственное значеніе, и учрежденіе это—земство съ его земскимъ страхованіемъ. Такъ-какъ наши пожары—бѣдствіе не случайное, не частное, а общее и потому государственное, и такъ-какъ противъ него, а особенно въ деревняхъ, не помогутъ ни пожарныя дружины, ни водокачалки, ни брандъ-мауеры, то ясно, что и страховое дѣло должно имѣть у насъ общее государственное значеніе, составлять часть земскаго управленія, одинъ изъ отдѣловъ его хозяйственной дѣятельности.

Наше земское страхованіе, въ силу перваго о немъ установленія, предоставлено отдѣльно каждому земству, какъ мѣстное дѣло. Хотя по принципу взаимности земское страхованіе имѣло цѣлью привлекать общее участіе въ возмѣщеніи пожарныхъ убытковъ и, слѣдовательно, участіе это должно быть громаднымъ, тѣмъ не менѣе въ страхованіи съ самаго начала явилась обособленность и каждое земство занялось страхованіемъ лишь въ предѣлахъ своей губерніи. Уже на первыхъ порахъ были случаи, когда чрезвычайныя по своей громадности пожары заставили нѣкоторыя земства обратить вниманіе на самый принципъ земскаго страхованія. Въ 1869 году нижегородское земство заявило правительству, что „нижегородская губернія не въ силахъ вести одна дѣло взаимнаго земскаго страхованія безъ помощи другихъ губерній или правительства, почему нижегородское земство полагаетъ, что было-бы цѣлесообразнѣе установить не губернское, а государственное взаимное страхованіе“. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земское страхованіе, изъ тридцати губерній, въ которыхъ оно было введено съ преміей въ 1% съ деревянныхъ и $\frac{1}{2}$ % съ каменныхъ строеній, по шестнадцати губерніямъ оказывался постоянный дефицитъ. Дефицитъ этотъ по нѣкоторымъ губерніямъ превышалъ въ три, четыре и даже до шести разъ сумму страховаго сбора.

Въ 1867 году состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ внести въ государственный совѣтъ проектъ окончательныхъ измѣненій въ положеніи о земскомъ страхованіи по указаніямъ опыта и проектъ этотъ изложить въ такомъ видѣ, чтобы имъ устанавливались лишь общія и, по возможности, неизмѣнныя начала закона о взаимномъ земскомъ страхованіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, затребо-

валъ отъ губернскихъ земствъ свѣденія о неудобствахъ и недостаткахъ земскаго страховаго устава, и новый проектъ, выработанный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ представленъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который мнѣніемъ положилъ: передать проектъ на предварительное разсмотрѣніе всѣхъ губернскихъ собраний и городскихъ думъ столичныхъ, города Одессы и наиболѣе значительныхъ губернскихъ городовъ; когда всѣ доставленныя замѣчанія будутъ соображены, то проектъ съ новыми измѣненіями представить въ государственный совѣтъ на окончательное разсмотрѣніе. Въ 1873 году мѣстныя земства и городскія учрежденія обсуждали проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ и, нужно отдать имъ справедливость, не умѣли отнестись къ вопросу съ общей государственной точки зрѣнія. Эта-ли причина или другая, но въ первоначальномъ земскомъ страховомъ положеніи до сихъ поръ не послѣдовало никакого измѣненія.

Министерскій проектъ, признавая несостоятельность веденія страховаго дѣла каждою губерніею исключительно за свой страхъ, счелъ возможнымъ, справедливымъ и необходимымъ ввести въ Россіи общее обязательное страхованіе. Размѣръ наибольшаго убытка, удовлетворяемаго мѣстными губернскими средствами, министерскій проектъ предполагалъ ограничить извѣстнымъ предѣломъ, а дальнѣйшій убытокъ относить на счетъ всего государства. Уничтожая, такимъ образомъ, принципъ земской обособленности по губерніямъ, министерскій проектъ въ то-же время не довелъ этой мысли до конца, оставивъ до извѣстной степени за каждою губерніею ея пожарные риски. Что это такъ, можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ правилъ страхованія, изложенныхъ въ проектѣ: „каждому губернскому земству предоставляется вести самостоятельно страховое дѣло и удовлетворять пожарные убытки собираемыми преміями. Если-же общая сумма страховыхъ платежей не будетъ достаточна для покрытія всѣхъ убытковъ, причиненныхъ пожарами, то со всѣхъ строеній губерніи, *не исключая и погорѣвшихъ*, назначается страховымъ управленіемъ дополнительный сборъ, пропорціонально прежде назначенному съ нихъ платежу, но съ тѣмъ, чтобы сумма первоначально назначенныхъ страховыхъ платежей по губерніи, вмѣстѣ съ суммою дополнительнаго сбора (не включая расходовъ на управленіе), не превышала въ сложности $1\frac{1}{2}\%$ съ общей страховой суммы, въ которой приняты на страхъ строенія въ губерніи. Когда общей суммы страховыхъ платежей по губерніи въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ, а также запаснаго страховаго капитала, окажется недостаточно на выдачу страховыхъ вознагражденій, то выдача производится изъ общихъ земскихъ суммъ, въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ губерни-

скими собраніями, а при недостаткѣ этого источника изъ губернскаго продовольственнаго капитала или иныхъ капиталовъ земства, имѣющихъ опредѣленное назначеніе. Если-же и означенныхъ капиталовъ недостаточно или представляется неотложная необходимость употребить ихъ на предметъ прямого ихъ назначенія, а между тѣмъ срокъ засѣданій земскаго собранія не наступилъ, то управа представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ о кратковременномъ позаимствованіи изъ общаго продовольственнаго капитала. Подобныя позаимствованія разрѣшаются министромъ до 50 т. р. на одну губернію, а на расходы, превышающіе эту сумму, испрашивается высочайшее соизволеніе. Отпущенная, такимъ образомъ, сумма разлагается министерствомъ между всѣми, безъ исключенія губерніями, въ коихъ введены земскія учрежденія, пропорціонально общей по каждой губерніи суммѣ, въ которую приняты въ ней имущества на страхъ“.

Проектъ въ такомъ видѣ лишаетъ взаимное страхование его основнаго характера. Сущность взаимнаго страхованія заключается именно въ безвозвратномъ пособіи: страхователь, внося ежегодно извѣстный процентъ, пріобрѣтаетъ право на опредѣленный капиталъ, которымъ онъ и пользуется, когда придетъ для того время. Но по новому проекту допускаются выдачи ссудъ или такія пособія, которыя должны подлежать возврату. Кроме того проектъ предполагаетъ въ случаяхъ, когда страховыхъ платежей будетъ недостаточно, назначать дополнительный сборъ не только съ непогорѣвшихъ, но даже и погорѣвшихъ строеній. Проектъ предполагаетъ употреблять въ вознагражденіе весь запасный страховой капиталъ, дѣлать выдачи изъ общихъ земскихъ суммъ, изъ губернскаго продовольственнаго капитала и всякихъ другихъ земскихъ суммъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе. Это, конечно, будетъ уже не страховая премія, а ссуда и въ добавокъ сдѣланная на-счетъ усиленнаго налога, отъ котораго не освобождаются даже и погорѣвшія зданія. Губернія, доведенная до подобнаго положенія, т. е. истратившая всѣ свои страховые капиталы на выдачу страховыхъ премій и выдавшая ихъ заимообразно, едва-ли что-нибудь выиграетъ отъ помощи, которая ей окажется изъ общаго государственнаго сбора. Наконецъ, только въ уплатѣ его одного солидарны земства.

Проектъ, поступившій на разсмотрѣніе земствъ, вызвалъ особенно въ московскомъ губернскомъ собраніи очень горячія прѣвнія. Къ сожалѣнію, у передовыхъ земцевъ не оказалось твердой почвы подъ ногами и, что наиболѣе прискорбно, общее обязательное страхование было принято чуть-ли не за нарушеніе права собственности. Основная цѣль министерскаго проекта заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать страхование обязательнымъ, что давно уже практи-

куется въ Польшѣ, и освободить страховое дѣло отъ монопольнаго произвола частныхъ страховыхъ обществъ. Насколько частныя общества монополизируютъ это дѣло и давая своимъ произволомъ, можно видѣть изъ ихъ поведенія послѣ оренбургскаго пожара, когда изъ десяти обществъ семь отказались брать строенія на страхъ, а другія произвольно понизили разряды страхованія. Освободить страхователей отъ подобнаго произвола, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать изъ страхованія обязательную повинность, казалось бы должно быть у насъ въ Россіи единственной и общей мѣрой, которая должна практиковаться повсюду и быть обязательной для всѣхъ безъ исключенія. А между тѣмъ, передовые московскіе земцы увидѣли во взаимномъ земскомъ страхованіи нарушеніе какихъ-то правъ, точно они находили болѣе выгоднымъ для общаго благосостоянія, чтобы Россія зависѣла не отъ себя, не отъ взаимной солидарности, а отъ милости и каприза страховыхъ компаній, которыя, если имъ вздумается, берутъ имущества на страхъ, а если имъ не угодно—не берутъ и назначаютъ преміи, смотря по обстоятельствамъ и по *à leur bon plaisir*.

Единственная правильная мысль принадлежитъ гласному Ланину. „Свобода, господа,—сказалъ онъ,—которую нѣкоторые такъ усердно отстаиваютъ, вообще вещь хорошая; но свобода безграничная, ничѣмъ не обусловливаемая, едва-ли гдѣ можетъ существовать. Пожалуй, можно себѣ представить человѣка, случайно поставленнаго въ такія исключительныя, благоприятныя обстоятельства, что онъ, не нуждаясь ни въ комъ, можетъ создать несгораемый домъ, хотя-бы кругомъ было пожарище, и онъ будетъ считать себя счастливымъ. Но не нужно забывать, что во благѣ ближняго часто заключается наше собственное благо. Я полагаю, что счастье лица, хотя оно и обезпечить самого его во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ непрочнымъ, если кругомъ его будутъ голодные, погорѣлые, пролетаріи. Можетъ статься, что эти голодные, погорѣлые придутъ къ этому лицу и нарушатъ его счастье. Дѣло взаимнаго обязательнаго страхованія преслѣдуетъ общее благо—благо государственное. Мы уже были довольно хладнокровны, довольно безпечны ко благу ближняго. Мы видѣли, что у насъ сгорали цѣлыя деревни, села, города; мы видѣли цѣлыя губерніи страдающія отъ голода, и никакая рука, кромѣ благотворительной, не приходила на помощь. Но благотворительность часто унижательна и не достигаетъ цѣли. Поэтому въ видахъ государственныхъ необходимо, чтобы въ случаѣ, если рабочая единица останется безъ орудій, безъ средствъ производить, окажется, вслѣдствіе своей бѣдности, въ зависимости отъ произвола лицъ болѣе сильныхъ, чтобы эта рабочая единица могла получить надлежа-

„Дѣло“, № 5, 1879 г.

щее пособіе. Съ этой точки зрѣнія общественной пользы слѣдуетъ смотрѣть на принципъ всеобщаго обязательнаго страхованія. Что касается до мысли, которую развивалъ Д. Ф. Самаринъ о выгодности страхованія строеній въ частныхъ обществахъ, то мысль эта едва-ли справедлива. Извѣстно, что страховыя общества не даромъ оказываютъ намъ свои услуги: они ежегодно откладываютъ миліонную экономію, которая, разумѣется, выбываетъ изъ нашихъ кармановъ. Цѣль взаимнаго страхованія заключается именно въ томъ, чтобы избавиться отъ этой приплаты въ пользу частныхъ обществъ, которыя преслѣдуютъ спекулятивную цѣль. Слѣдовательно, г. Самаринъ, защищая въ принципѣ коммерческія страховыя общества, защищаетъ спекуляцію, произволь, право сильнаго. Если-бы мы сумѣли избѣгнуть услугъ этихъ обществъ, которыя завладѣваютъ миліонами, намъ принадлежащими, то мы оказали-бы народу громадную услугу". На эти слова г. Ланина гл. Наумовъ замѣтилъ только, что благотвореніе, дѣйствительно, можетъ быть тягостно, и потому считаетъ необходимымъ придумать такую форму пособія, которая устраняла-бы благотворительность, но въ такомъ случаѣ вовсе не слѣдуетъ облагать строенія, находящіяся въ меньшей опасности, въ пользу тѣхъ строеній, которыя подвержены большому риску, иначе дѣло земскаго страхованія обратится въ спеціальнй налогъ на всѣхъ безъ исключенія обывателей для извѣстной спеціальной цѣли. Д. Ф. Самаринъ сказалъ, что ошибочно г. Ланинъ видитъ въ его словахъ защиту спекуляціи, вопреки интересамъ большинства. Онъ-же думаетъ, напротивъ, что та точка зрѣнія, на которой онъ стоитъ, даетъ поводъ заключить, что онъ отстаиваетъ интересы того города, представителемъ котораго онъ является въ собраніи. Онъ полагаетъ, что для Москвы и для большинства городовъ русскихъ, которые находятся не въ одномъ положеніи съ селами, было-бы крайне невыгодно привлеченіе ко взаимному земскому страхованію, потому что это страхованіе подвержено большому риску и потому обусловлено болѣе значительною преміей. Еслибы рѣчь шла о взаимномъ страхованіи въ городахъ, тогда говорящій не сдѣлалъ-бы такого вывода; но рѣчь идетъ о такомъ взаимномъ земскомъ страхованіи, къ которому привлечены села и деревни, т. е. строенія, наиболѣе подверженныя опасности отъ огня. Такое страхованіе, очевидно, не можетъ выдержать конкуренціи съ частнымъ страхованіемъ, не смотря на то, что послѣднее даетъ дивидендъ своимъ акціонерамъ.

Едва-ли ораторы, возражавшіе Ланину, опирались на принципъ общаго интереса, когда отстаивали свои родные города. Имъ казалось, что взаимное земское страхованіе не можетъ быть постав-

лено прочно, если для Москвы и для большинства русских городов придется рисковать своими деньгами ради деревень. Нужно полагать, что ораторы представляли себѣ недостаточно ясно начало взаимнаго страхованія. Бѣлокаменная Москва, какъ и бѣлокаменный Петербургъ, будутъ, конечно, страховать свои имущества дешевле, чѣмъ такіе города и села, которые представляютъ гораздо больше пожарныхъ рисковъ. Слѣдовательно, они будутъ пользоваться большей льготой въ страховыхъ платежахъ, чѣмъ имущества, подверженныя большей опасности отъ огня. Только поэтому-то русскіе страховыя общества и условились не входить ни въ какія сношенія съ земскимъ страхованіемъ. Земское страхованіе для нихъ есть личный врагъ,—врагъ потому, что съ нимъ имъ невозможно выдержать никакой конкуренціи. Оно основано не на расчетахъ барыша и дивиденда; а на возможномъ удешевленіи и доведеніи до минимума страховыхъ платежей.

Для русскаго страховаго дѣла нѣтъ другого выхода, кромѣ всеобщаго земскаго страхованія, какъ общей государственной мѣры. Правительство очень хорошо сознало это, когда придало ему такой характеръ. Смѣшно предлагать мѣры, подобныя тѣмъ, которыя предлагали „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и агенты страховыхъ обществъ, явившіеся въ Оренбургъ. Это—мѣры во всякомъ случаѣ вторыя. Пользы ихъ, конечно, отрицать нельзя. Но не странно-ли говорить о кранахъ, о водопроводахъ, о бережливости, объ осторожности, разсуждать, сидя на головешкахъ сгорѣвшаго до тла города, о прогресѣ и всеобщемъ развитіи, когда прежде всего нужно выдать погорѣльцамъ деньги, чтобы они не жили въ полѣ, какъ цыгане? Благотворительность тутъ ничего подѣлать не можетъ; требуются упрощенныя отношенія и немедленная выдача средствъ. Помимо всеобщаго земскаго страхованія, какъ обязательной, общественной и государственной повинности, выхода нѣтъ и быть не можетъ. Остается лишь желать, чтобы проектъ, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ обсужденъ въ видѣ всеобщей земской мѣры всѣми представителями земства и начало общей солидарности было разработано шире, чѣмъ понимали его московскіе земскіе ораторы, боявшіеся, что ихъ бѣлокаменная матушка-Москва потерпитъ убытки. Русскіе патриоты, когда коснется дѣло какихъ-либо западныхъ идей, имѣютъ привычку кричать, что русская жизнь должна развиваться самобытно изъ собственныхъ русскихъ началъ, а когда имъ предлагаютъ идею чисто-русскую, идею міра и круговой поруки, они отъ нея отрещиваются и самые ярые славянофилы и почвенники превращаются внезапно въ западниковъ и хотятъ спасать насъ европейскимъ индивидуализмомъ.

ПРОПАЖА 82,000 ДЕСЯТИНЪ ЗЕМЛИ.

„Нѣтъ, это невозможно, скажетъ проницательный читатель, чтобы земля, какъ самая недвижимая изъ всѣхъ недвижимыхъ собственности, могла пропасть. Ее нельзя ни утаить, ни прикарманить, какъ Юханцевъ или Бритневъ прикарманили довѣренныя имъ кассы. И до какой-бы артистической ловкости не дошли современные дѣльцы, опустошающіе кладовыя банковъ и кредитныхъ обществъ, но съ землею имъ ничего не подѣлать, рѣшительно ничего; это самое прочное изъ человѣческихъ имуществъ; ее нельзя ни подмѣнить, ни утащить, ни подарить цыганкѣ, какъ дарятся бриліантовыя серьги или изумрудныя браслеты. Положимъ, иногда случалось, что у насъ пропадали цѣлыя деревни. но потомъ оказывалось, что онѣ находились, такъ сказать, въ бѣгахъ, не спросясь начальства переселялись съ одного мѣста на другое, но не пропадали“. Такъ точно и мы думали, какъ думаетъ проницательный читатель, и готовы были до слезъ спорить, что земля пропасть не можетъ, какъ вдругъ воронежское земство торжественно заявляетъ, что у него прямо изъ-подъ носа похищено 82,000 десятинъ земли и только черезъ 13 лѣтъ самое проницательное изъ проницательныхъ земствъ стало догадываться, что земля, дѣйствительно, украдена и необходимо розыскать ее. Будетъ-ли найдена пропавшая земля или нѣтъ — это Ты одинъ, Господи, вѣси; пермское земство, у котораго чуть не пропалъ цѣлый сибирскій трактъ, и до сихъ поръ не можетъ розыскать, куда провалились тѣ громадныя суммы, которыя оно яко-бы затратило на ремонтровку этого тракта. Пожалуй, тоже самое случится и съ 82,000 десятинъ пропавшей земли у воронежскаго земства.

Честъ открытія этой курьезной пропажи принадлежитъ гласному воронежскаго земства г. Булгакову, хотя объ этомъ, говорить онъ, „уже давно стали толковать въ земскихъ собраніяхъ, что острогожскіе землевладѣльцы украли много земли“. Какъ только г. Булгаковъ былъ избранъ губернскимъ гласнымъ, онъ на первомъ-же собраніи заявилъ, что пропажа не подлежитъ сомнѣнію, что она уже давно вопіетъ къ правосудію, и доказалъ это положительными данными. „Я уже имѣлъ честь заявить, говорилъ онъ въ собраніи, что по имѣющимся у меня свѣденіямъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ облагается земскимъ налогомъ болѣе десятинъ удобной земли противъ показанныхъ по генеральному межеванію, а въ другихъ менѣе, и что въ двухъ уѣздахъ нашей губерніи, самыхъ обширныхъ по количеству земли — острогожскомъ и богучарскомъ — въ первомъ числится по генеральному межеванію 759,000 дес. удобной земли, а во второмъ 730,000 дес.; налогъ-же платять—богучарскій за 834,000 дес., а острогожскій за 677,000 дес.; слѣдовательно, богучарскій переплачиваетъ противъ генеральнаго межеванія за 104,000 дес. лишнихъ, а острогожскій не доплачиваетъ за 82,000 дес., (т. е. яко-бы несуществующихъ или безъ вѣсти пропавшихъ). При этомъ за долгъ поставляю добавить, продолжалъ г. Булгаковъ, что въ острогожскомъ уѣздѣ качество земли гораздо удобнѣе, чѣмъ въ богучарскомъ, въ которомъ на лѣвой сторонѣ рѣки Дона находится сыпучихъ песковъ болѣе 4,000 дес.; острогожскій-же уѣздъ избавленъ природою отъ этого важнаго неудобства. Выводъ этотъ я основываю на генеральныхъ планахъ и на свѣденіяхъ, приобретенныхъ мною во время службы въ разныхъ должностяхъ, начиная съ 1828 года, когда я былъ опредѣленъ сенатомъ уѣзднымъ землемѣромъ въ Бобровѣ, гдѣ прослужилъ 12 лѣтъ. Изъ журналовъ воронежскаго губернскаго земскаго собранія за 1875 и 1876 годы видно, что и тогда открыта была земля (точно воронежскому земству предстояло открыть новую Америку), не облагаемая земскимъ налогомъ по острогожскому уѣзду“. („Ворон. Губер. Вѣдом.“, 1879 г., № 6.) Ясно, что *открытая* земля или, подобно Америкѣ, представляетъ совершенно новый материкъ, выдвинутый на поверхность земного шара какимъ-нибудь вулканическимъ переворотомъ, или она какимъ-нибудь чудомъ находилась незамѣченной во время опредѣленія земскаго обложенія или, наконецъ, что также невѣроятно, острогожскіе дѣльцы спрятали ее въ свои широкіе карманы. Какъ-бы тамъ ни было, но для открытія Америки Колумбъ употребилъ только 17 мѣсяцевъ, а воронежскому земству для розысканія пропавшей земли въ острогожскомъ уѣздѣ потребовалось нѣсколько лѣтъ и, не смотря на то, что уже въ 1875 году заговори-

ли официально объ этомъ, дѣло и до сихъ поръ остается неразъясненнымъ; провѣрка откладывается изъ года въ годъ и благородные потомки острогожскихъ откупщиковъ, скрывшіе 82,000 десятинь земли, видимо стараются какъ-нибудь затянуть дѣло еще лѣтъ на тридцать. „Пусть-де богучарцы отдуваются за насъ, переплачивая земскаго налога за 104,000 десятинь“.

Впрочемъ, это не единственный случай. Мы могли-бы привести множество фактовъ подобнаго рода,—фактовъ, всплывающихъ на чистую воду только благодаря случайности. Пропадаютъ безъ вѣсти не одна земля, но и лѣса и рѣки, съ цѣлыми поселками. Въ томъ-же собраніи воронежскаго губернскаго земства гласный г. Плотниковъ заявилъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянскія земли, какъ болѣе точно опредѣленныя, облагаются почти двойнымъ налогомъ, сравнительно съ землевладѣльческими, *потому что между послѣдними часть земли не показана*“, т. е. считается пропавшей, подобно 82,000 десятинамъ острогожскаго уѣзда, и ожидающей въ отдаленномъ будущемъ своихъ Колумбовъ. Послѣ этого становится совершенно понятной полнѣйшая беззащитность банковыхъ кассъ и общественныхъ сундуковъ: ужь если трудно уберечь землю отъ пропажи, то тѣмъ болѣе такіе легковѣсные предметы, какъ бумажные рубли или кредитивы; имъ, такъ-сказать, самой судьбой предназначено пропадать и никогда ужь болѣе не возвращаться въ свои кассы. „Что съ воза упало, то пропало“,—гласитъ мудрая пословица нашихъ отцовъ, какъ-будто нарочно сочиненная для нашихъ акціонеровъ и банковыхъ дѣятелей.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Кутаисскій процессъ.—Право его на историческое значеніе.—Торжественность процесса.—Свидѣтели, не знающіе, сколько имъ лѣтъ, и достовѣрные лже-свидѣтели.—Во мракѣ невѣжества.—Обвиненіе и защита.—Отношеніе газетъ къ процессу.—„Вездѣ жидъ гадить“.—Письма Ауэрбаха въ „Ge-genwart“.—Фальсификація „Новаго Времени“.—Бесѣда между чита-телями „Голоса“ и „Новаго Времени“.—Кто лучше: г. Губонинъ или г. Полаковъ, г. Варшавскій или г. Новосельскій.—Мировой судья въ каче-ствѣ гонителя „жидовъ“ и увеселителя публики.—Въ славянскомъ благо-творительномъ обществѣ.—„С.-П. Вѣдомости“, защищающія безгласность.—Интендантскій Сарданапалъ и „бриліантовая“ дама.—„Бриліантовая“ дама въ качествѣ главной виновницы.—Програма адвокатской рѣчи.—Онъ и она.—Первая любовь и роковой шагъ.—Въ храмѣ „безсмертія“ на Ва-силевскомъ островѣ.—Гласные думы г. Познякъ и баронъ Фредериксъ, тре-бующіе „клятвъ“ съ редакторовъ.

Я прочитывалъ кутаисскій процессъ. Когда я читалъ показанія свидѣтелей, припомнилось мнѣ далекое прошлое. Вспомнилъ я, какъ однажды старуха-няня, женщина безконечно добрая и мягкая, испугала меня, рассказывая тѣмъ замирающимъ шепотомъ, кото-рый такъ жутко слушать въ дѣтскомъ возрастѣ, самыя достовѣр-ные рассказы о томъ, какъ „жиды“ наканунѣ пасхи ловятъ хри-стіанскихъ дѣтей. Я слушалъ, замирая, вѣрилъ и не вѣрилъ, такъ-какъ у меня былъ одинъ пріятель „жидъ“ Исай, арестантъ, шив-шій сапоги на все наше семейство.

Въ томъ городѣ, гдѣ я провелъ дѣтство, были арестантскія роты. Арестанты приходили въ казенный домъ, гдѣ жило наше семейство, каждый день для исполненія почти всѣхъ работъ. Одни убирали громаднй садъ, пололи траву, чистили дорожки, поливали цвѣты, убирали дворъ; мастеровые засаживались на цѣ-лый день въ мастерство. Между послѣдними былъ Исай, сапож-никъ, добродушный еврей, который снисходительно отвѣчалъ на

мои ребячьи вопросы, когда я прибѣгалъ къ нему въ комнату на дворѣ, гдѣ онъ точалъ сапоги и башмаки; бывало, онъ гладилъ своей рукой мою голову, вспоминая, вѣроятно, глядя на меня, своихъ малолѣтокъ, и давалъ мнѣ кусокъ арбуза съ чернымъ хлѣбомъ, посыпаннымъ крутой солью,—завтракъ, казавшійся мнѣ самымъ вкуснымъ завтракомъ на свѣтѣ.

Я не зналъ, конечно, за что попалъ Исай въ арестантскія роты, да и вообще ничего не зналъ объ арестантахъ, приходившихъ къ намъ въ домъ. Несмотря на то, что они были въ кандалахъ и что при нихъ всегда были конвойные, спокойно, впрочемъ, спавшіе, большей частью, гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, я относился къ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало-бы съ точки зрѣнія прокурорскаго надзора. Я безбоязненно, особенно если не рассчитывалъ наткнуться на отца, подходилъ къ нимъ, смотрѣлъ, какъ они работали, присаживался, когда они аппетитно закусывали чернымъ хлѣбомъ, и всегда получалъ свою порцію; нерѣдко они гладили меня по головѣ, предварительно поглядѣвъ, однако, по сторонамъ, смѣялись и рассказывали мнѣ сказки. Правда, я слышалъ у насъ въ домѣ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ арестантъ, работавшій у насъ въ саду, убѣжалъ, переодѣвшись въ женское платье, но этотъ рассказъ не только не пугалъ меня, но не разъ заставлялъ даже спрашивать у арестантовъ, отчего и они не поступаютъ такимъ образомъ, какъ поступилъ ихъ товарищъ? Подобные вопросы вызывали обыкновенно веселый смѣхъ и самое дружеское трепаніе по моему плечу, что, признаюсь, мнѣ было въ то время крайне пріятно. Такимъ образомъ, повадился я бѣгать и къ Исаю. Онъ былъ престарый арестантъ, съ большимъ носомъ и черными умными глазами. Шить сапоги и башмаки онъ былъ большой мастеръ. Онъ всегда ласково встрѣчалъ меня и не гонялъ, несмотря на то, что я мѣшалъ ему подчасъ работать. Онъ вырѣзывалъ мнѣ изъ дерева разныя замысловатыя фигуры и показывалъ мнѣ, какъ надо шить башмаки, и какъ-то ласково совѣтовалъ уходить, если я засиживался у него въ комнатѣ, боясь, вѣроятно, что за это мнѣ будетъ нагоняй. Обыкновенно няня вводила меня и грозила, что будетъ жаловаться, но такъ-какъ я зналъ цѣну ея угрозъ, то на другой день я снова убѣгалъ къ Исаю и снова лакомился, раннимъ утромъ, арбузомъ съ солью.

И вдругъ, по словамъ нани, этотъ самый Исай рѣжетъ дѣтей и добываетъ изъ нихъ кровь, безъ которой, по рассказамъ няни, они не могутъ справлять своей паски.

— Если ты станешь ходить къ нему, онъ и тебя зарѣжетъ!

Такъ закончила добрая старушка свой длинный рассказъ, под-

крѣпленный авторитетной ссылкой на разныхъ очевидцевъ, которые видѣли, какъ евреи передъ своей пасхой шлеются по городу и ищутъ ребенка, изъ котораго надо добыть крови.

Хотя няня и не обвиняла непосредственно Исаю въ этомъ кровожадномъ поступкѣ, но она объяснила, что, по еврейскому закону, всякій еврей долженъ такъ поступать, а, слѣдовательно, и Исай долженъ былъ рѣзать дѣтей, тѣмъ болѣе (подумалось мнѣ), что у него столько ножей въ распоряженіи. Но съ другой стороны, не можетъ быть,—онъ такой добрый, ласковый. Онъ не только никогда не грозилъ меня зарѣзать, но даже никогда не сказалъ мнѣ грубаго слова. Тутъ что-нибудь да не такъ. Вѣрно няня напрасно Исаю обвиняетъ.

Тѣмъ не менѣе, я нѣсколько дней не забѣгалъ къ Исаю. Забѣжать хочется, но и зарѣзаннымъ быть не хочется.

— Какихъ дѣтей они мучать? спросилъ я у няни, снова подымая этотъ, мучившій меня, вопросъ.

— Всякихъ дѣтей... ну, разумѣется, которыхъ родители побѣднѣй. Полковницкихъ или генеральскихъ дѣтей они не трогаютъ, отвѣта боятся; ну, и шума больше...

Черезъ полчаса я уже былъ на порогѣ комнаты Исаю. Сколько помнится, сердце мое сильно стучало, когда я переступалъ порогъ комнаты. „Развѣ убѣжать“? подумалъ я, тѣмъ болѣе, что въ это самое время, Исай, какъ нарочно, натачивалъ свой сапожный ножъ. Но было уже поздно. Исай взглянулъ на меня. Замѣтивъ испуганное мое лицо, онъ участливо спросилъ:

— Что съ вами, барчукъ?

Я взглянулъ ему въ глаза. Они такъ ласково на меня смотрѣли, что я забылъ свой страхъ и подошелъ къ нему.

Онъ провелъ своей рукой по моей головѣ и замѣтилъ:

— Давно не былъ, барчукъ. Больны были?

Я солгалъ и отвѣтилъ, что былъ боленъ.

Страхъ мой около Исаю сталъ понемногу проходить. Я принялъ отъ него обычную порцію арбуза съ хлѣбомъ и, когда кончилъ свой завтракъ, спросилъ его:

— Исай, ты мучилъ христіанскихъ дѣтей? Скажи мнѣ!

Онъ взглянулъ на меня удивленнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Какъ мучилъ?

— Рѣзалъ ихъ? Собиралъ кровь?

Онъ (я хорошо помню) улыбнулся грустной улыбкой и тихо замѣтилъ:

— Тебѣ кто сказалъ?

— Няня сказала.

— Не вѣрь ей, барчукъ. У меня у самого дѣти есть. Зачѣмъ

я стану дѣтей рѣзать? Это про насъ, евреевъ, говорятъ, вѣру нашу гонять. Нѣтъ, барчукъ, я дѣтей не рѣзалъ! повторялъ онъ тихимъ ласковымъ голосомъ, отворачиваясь отъ меня.

Онъ помолчалъ. Когда онъ повернулъ свое лицо, мнѣ оно показалось такимъ грустнымъ, что я тотчасъ-же замѣтилъ:

— Ты, Исай, не сердись. Я больше не буду говорить, что ты дѣтей рѣзалъ!

Въ отвѣтъ онъ взялъ мою руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Когда я ушелъ отъ Исая, я вполне былъ увѣренъ, что нѣмъ ошиблась, что Исай не могъ рѣзать дѣтей...

Эта сцена вспомнилась мнѣ, когда я штудировалъ знаменитый кутаисскій процессъ.

Я проштудировалъ его сразу, когда печатаніе, наконецъ. окончилось въ газетахъ. По моему мнѣнію, для того, чтобы впечатлѣніе было цѣльнѣе, подобные процессы не слѣдуетъ читать отрывками. Въ цѣломъ картина является ярче, законченнѣе и поучительнѣе. Процессъ этотъ, дѣйствительно, заслуживаетъ названія знаменитаго и даже историческаго процесса, какъ характерное отраженіе невѣжества и дикаго суевѣрія, обнаруженнаго во второй половинѣ текущаго столѣтія не одними только наивными „дѣтьми кавказскихъ горъ“, пребывающими въ первобытной простотѣ невѣжества, неразлучнаго, впрочемъ, въ положеніи этихъ дѣтей, какъ „платежныхъ единицъ“, занятыхъ исключительно исполненіемъ своихъ обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ почетнымъ званіемъ. Самъ Господь Богъ разрѣшилъ имъ вѣрить во все то, что заповѣдало имъ вѣковое суевѣріе, про что говорятъ имъ высокія горы, нашептываетъ лѣсъ и насвистываетъ вѣтеръ. И у кого поднимется языкъ обвинять „платежную единицу“, — будь она русская, армянская, нѣмецкая или зулусская, — за то, что она подчасъ видитъ чорта совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ, по увѣренію знающихъ людей, находится.

Но дѣло въ томъ, что въ процесѣ, о которомъ мы повели рѣчь, люди, претендующіе на званіе людей образованныхъ, „дѣти культуры“, обнаружили такое-же суевѣріе и такое-же невѣжество, какое обнаружили и „дѣти горъ“... Стоитъ просмотрѣть нѣкоторыя наши газеты и увидать, какъ наши свободныя „дѣти прессы“ отнеслись къ процессу, чтобы убѣдиться, что многіе изъ этихъ сыновъ отечества, благодаря лишь случайности да развеселому времени, въ которомъ мы живемъ, занялись руководителствомъ общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобы занять какой-нибудь, болѣе подходящій къ способностямъ ихъ, постъ, на которомъ бы они проявили бы полнѣе свои таланты и развились-бы пышнымъ цвѣтомъ, вмѣсто того, чтобы отцвѣтать, не успѣвши расцвѣсть во всей своей красѣ.

Все это было, все это былъемъ поросло и опять словно-бы встаютъ призраки прошлаго. На сцену снова является обвиненіе въ употребленіи евреями христіанской крови... обвиненіе, уже давно потерявшее силу въ Европѣ, обвиненіе, по поводу котораго императоръ Александръ I еще въ 1817 году издалъ повелѣніе слѣдующаго содержанія: „по поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, яко-бы для полученія христіанской крови, его императорское величество, приѣмля во вниманіе, что таковыя извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что яко-бы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если-бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія, однакожь, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было-бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились-бы въ преступленіи смертоубійства“.

Обвиненіе это, правда, не было формулировано прямо, но, тѣмъ не менѣе, оно вытекало само собой изъ намековъ и изъ самаго факта обвиненія евреевъ въ похищеніи дѣвочки и въ послѣдовавшей оттого ея смерти. Большинство свидѣтельскихъ показаній сводилось къ тому-же. Добродушныя дѣти горь говорили въ этомъ смыслѣ, вполне увѣренныя, что если дѣвочка пропала, то навѣрное евреи взяли ее. Недавно еще была напечатана замѣтка, кажется, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ о пропажѣ ребенка въ Москвѣ и о томъ, что подозрѣваютъ въ этомъ евреевъ. Если не ошибаюсь, въ замѣткѣ даже сообщалось, будто въ Москвѣ среди обывателей было сильное возбужденіе и масса народа собралась къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось похищеніе. Такія нелѣпости, поощряющія невѣжество и разжигающія религіозную нетерпимость, попадаютъ въ печать, пишутся людьми, считающими себя образованными. Послѣ этого нѣтъ ничего мудренаго, что предразсудокъ держится такъ упорно и что нашъ народъ, вообще крайне-терпимый къ чужимъ вѣрованіямъ, приходитъ въ возбужденіе, какъ только дѣло касается обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Суевѣріе легко питается нелѣпыми баснями и легко доводитъ до печальныхъ послѣдствій, какъ то было нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Святой въ Оде ссѣ

Вообще на югѣ, гдѣ относительно евреевъ больше, каждую Святую проходитъ слухъ, что будутъ избивать „жидовъ“. Положимъ, что ненависть къ евреямъ среди простого народа существуетъ помимо всякой религіозной нетерпимости, вслѣдствіе экономической зависимости отъ евреевъ, но такая зависимость существуетъ отъ кулаковъ всякой національности. Но къ этому недовольству примѣшивается возбужденіе, вызываемое чудовищными баснями, повторяемыми, какъ мы видѣли, даже и людьми, которые, казалось-бы, должны всѣми силами разяснять дѣло, а не питать суевѣріе.

Обратимся, однако, къ сущности обвиненія, формулированнаго на кутаисскомъ процессѣ и передадимъ вкратцѣ обстоятельства этого дѣла, какъ оно изложено было въ обвинительномъ актѣ, на основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія.

Дѣло происходило такъ:

4-го апрѣля послѣ обѣда дочь крестьянина Іосифа Модебадзе, жителя селенія Перевисы, Сарра, слабенькая, хромяя дѣвочка шести лѣтъ вмѣстѣ съ старшей сестрой своей Маіей ушла изъ дома родителей въ домъ сосѣда крестьянина Цходадзе. Въ усадьбѣ Цходадзе Маія помогала Турфѣ и Елизаветѣ Цходадзе выжигать бѣлила. Выжиганіе производилось въ мелкомъ лѣсу, недалеко отъ дома, въ 66 саженьяхъ отъ проѣзжей дороги, ведущей черезъ селеніе Перевисы въ мѣстечко Сачхери. При выжиганіи бѣлилъ была и маленькая Сарра. Въ три часа пополудни, въ то время, когда Маія Модебадзе и Елизавета Цходадзе, по просьбѣ Турфы, выжигавшей бѣлила, стали собирать валежникъ для поддержанія огня, Сарра Модебадзе удалилась съ мѣста выжиганія бѣлилъ и направилась по дорогѣ къ своему дому. По этой-же дорогѣ одновременно съ удаленіемъ Сарры Модебадзе проѣхало нѣсколько человекъ евреевъ, вслѣдъ за проѣздомъ которыхъ Сарра Модебадзе исчезла. Два часа спустя послѣ исчезновенія Сарры отецъ ея Іосифъ Модебадзе и его дочь Маія искали Сарру, какъ по дорогѣ, такъ и въ сторонѣ отъ нея, причемъ два раза прошли безъ успѣха въ поискахъ пути, по которому Сарра должна была возвратиться домой. Въ тотъ-же день крестьяне Павелъ и Дата Цходадзе и Иванъ Копанадзе такъ-же искали и звали Сарру Модебадзе и продолжали свои поиски до наступленія темноты. На другой день поиски продолжались собранными для этой цѣли многими крестьянами и сосѣдами исчезнувшей Сарры. Въ тотъ-же день, т. е. 5-го апрѣля, около селенія Дорбаидзе, по тому мѣсту, гдѣ на утро 6-го апрѣля былъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе, проходили нѣсколько человекъ крестьянъ, не выдавшихъ этого трупа, а именно: Теодоръ и Со-

ломонъ Модебадзе, Захарій и Теймуразъ Дорбаидзе. Крестьяне эти искали Сарру, но трупа ея не видѣли. Свидѣтели, видѣвшіе на мѣстѣ нахожденія трупъ Сарры Модебадзе, объяснили, что умершая Сарра лежала на спинѣ со сложенными руками, одною на груди, а другою на животѣ, ногами къ забору, отдѣлявшему лѣсъ отъ посѣва, въ той-же самой одеждѣ, въ которой была въ день исчезновенія. Трупъ и платье на немъ были сухи и не имѣли слѣдовъ пребыванія въ водѣ. Платье и рубаха вдоль передней части всего тѣла были разорваны. На правой рукѣ, въ мякоти промежутка большого и указательнаго пальца, и на тыльной сторонѣ лѣвой руки, на суставѣ указательнаго пальца, были усмотрѣны двѣ довольно большія раны.

По мнѣнію доктора, составлявшаго актъ медицинскаго вскрытія, смерть Сарры произошла отъ несчастнаго случая — отъ утопленія во время проливнаго дождя.

Но такъ-какъ заключеніе врача не согласовалось съ данными предварительнаго слѣдствія, то 16-го мая вырытъ былъ трупъ и снова произведенъ былъ осмотръ другимъ врачомъ, который нашелъ, что смерть Сарры произошла отъ удушенія.

По мнѣнію общаго присутствія управленія медицинскою частью гражданскаго вѣдомста на Кавказѣ и Закавказскомъ край, смерть Сарры Модебадзе произошла отъ воспрепятствованія доступа воздуха къ легкимъ, причеиъ, по недостаточности данныхъ, имѣющихся въ актѣ вскрытія трупа, общее присутствіе не могло опредѣлить, произошла-ли смерть Сарры отъ задушенія или утопленія. Хотя выводы судебно-медицинской экспертизы надъ трупомъ Сарры Модебадзе и не даютъ положительныхъ данныхъ, приводящихъ къ заключенію, что смерть Сарры Модебадзе произошла путемъ насильственнымъ, а не вслѣдствіе прегражденія доступа воздуха къ легкимъ, по какому-либо другому вполне неопредѣленному случаю, тѣмъ не менѣе по словамъ обвиненія является несомнѣннымъ, что смерть Сарры именно связана съ ея исчезновеніемъ.

На основаніи такой „несомнѣнности“, на основаніи того, что около времени ухода Сарры изъ лѣса домой по дорогѣ проѣзжали двѣ партіи конныхъ евреевъ, и на основаніи показанія свидѣтелей— жителей Перевисы и Сачхери, дѣлу былъ данъ надлежащій ходъ.

Обвиняемые въ преступленіи евреи не сознались и объяснили, что обвиненіе взведено на нихъ ложно, съ цѣлью ихъ разоренія.

Читатели далѣе увидятъ, насколько справедливы оказались показанія свидѣтелей, на основаніи которыхъ главнѣйшимъ образомъ построено обвиненіе, насколько правдивы показанія о стонѣ и крикахъ ребенка и, наконецъ, насколько разстояніе пребыванія дѣвочки отъ

дороги позволило ей догнать евреевъ, чтобъ быть ими похищенной. Наконецъ, передъ его глазами предстануть самые эти свидѣтели и тогда дѣло получить совсѣмъ другой видъ.

Безъ одного мѣсяца черезъ годъ дѣло это разсматривалось въ кутаисскомъ окружномъ судѣ. Защитниками были вызваны присяжный повѣренный Александровъ изъ Петербурга и Куперникъ изъ Москвы. Стенографы были посланы изъ Петербурга. На Кавказѣ общественное мнѣніе было возбуждено. Что-же касается до еврейства, то нечего и говорить, что оно было сильно заинтересовано исходомъ процесса. Стоустая молва передавала слухи, что адвокатамъ заплатили большія деньги за защиту. По моему мнѣнію, это было лишнее, такъ-какъ съ первыхъ-же дней засѣданія, какъ только-что былъ прочитанъ обвинительный актъ, явились свидѣтели и стали лжелгать суевѣрный вздоръ, видно было, что зданіе обвиненія выведено на зыбучемъ фундаментѣ, который не выдержитъ не только вѣскаго слова опытнаго адвоката, но даже самаго легкаго прикосновенія здраваго смысла. Къ тому-же нельзя было сомнѣваться, что и судьи, познакомившись съ дѣломъ изъ устъ свидѣтелей, взглянуть на него трезвымъ взглядомъ.

Всѣхъ свидѣтелей было 103 человекъ, и такъ-какъ всѣ они объяснялись съ судомъ на туземномъ языкѣ, то засѣданія по-неволѣ длились очень долго.

Почти всѣ свидѣтели принадлежали къ простому сословію. Въ судѣ втеченіи нѣсколькихъ дней перебивали эти „дѣти горъ“, изъ которыхъ многіе не умѣли объяснить, сколько имъ лѣтъ (сорокалѣтняя женщина говорила, что ей 13 лѣтъ), но повѣдали просто-душно о томъ, что видѣли. По мѣткому выраженію товарища прокурора, за эти дни „могли остаться только въ памяти безъ всякой связи Сарра, семь евреевъ, козелъ, гуси, плачь Маин и множество другихъ обстоятельствъ, которыя ничего изъ себя не изображаютъ“. Конечно, г. товарищъ успѣлъ уловить связь, но, тѣмъ не менѣе, выраженіе его нельзя не признать мѣткимъ, такъ-какъ, дѣйствительно, прочитывая свидѣтельскія показанія, прочитывая наивный лепетъ перевисскихъ и сачхерскихъ кумушекъ, въ умѣ остаются опять-таки семь евреевъ, козелъ, гуси, но какая связь между семью евреями, козломъ, гусями и смертью маленькой Сарры—это втеченіи всего засѣданія является непонятнымъ. Блѣяны козла принимаютъ за стонъ ребенка; ребенка въ сумгѣ, оказывается, никто не видалъ; свидѣтели, говорившіе на предварительномъ слѣдствіи одно, показываютъ на судѣ другое и, наконецъ, третье; никто не можетъ сказать, почему именно подозрѣваютъ евреевъ; никто не можетъ удостовѣрить, точно-ли слышалъ крикъ ребенка, и когда просить изобразить, какой звукъ слышали, то въ

судѣ раздаются такія звукоподражанія, какія ничего общаго не имѣютъ съ крикомъ ребенка. Наконецъ, оказывается, что главный свидѣтель, говорившій на предварительномъ слѣдствіи, что онъ видѣлъ евреевъ и слышалъ, какъ среди нихъ раздавался крикъ: „батьшки, спасите меня!“ не могъ ничего подобнаго слышать по раннему времени, такъ-что въ-концѣ-концовъ защитникъ г. Александровъ былъ правъ, сказавъ, между прочимъ, въ своей защитительной рѣчи, что „когда настоящій процессъ станетъ минувшимъ дѣломъ, то взору наблюдателя предстанетъ какой-то комическій дивертисментъ, какъ-будто для развлечения, для успокоенія нервовъ вдвинутый въ страшную уголовную драму, какой-то юмористическій листокъ среди страницъ уголовного дѣла о кровавомъ дѣлѣ“.

На судебномъ слѣдствіи, гдѣ главнѣйшимъ дѣломъ, разумѣется, было выяснить время и пространство, такъ-какъ время и пространство значило все въ вопросѣ о похищеніи, суду пришлось имѣть дѣло большей частью съ свидѣтелями, которые измѣряли время и пространство весьма своеобразно. „Скоро, не скоро, далеко, близко, не знаю“, „не жѣрилъ“—вотъ отвѣты, большей частью даваемые свидѣтелями. Женщина 40 лѣтъ на вопросъ: сколько ей лѣтъ? отвѣчала, что ей 13; одна дряхлая старуха, желая сказать, что она очень стара, объяснила, что она совсѣмъ старуха, что ей сорокъ лѣтъ. Одна свидѣтельница говорила, что она слышала крикъ ребенка и въ то-же время заявляла, что она глуха. Однимъ словомъ, защитѣ не трудно было опровергнуть обвиненіе, построенное на показаніяхъ и только на показаніяхъ такихъ свидѣтелей.

И надо отдать справедливость г. Александрову: онъ исполнилъ свою задачу блистательнымъ образомъ. Онъ началъ съ того, что, сведя всѣ свидѣтельскія показанія, доказалъ, что козла, причинившаго такое печальное недоразумѣніе, везли въ первой группѣ конныхъ евреевъ. Установивъ этотъ фактъ, онъ совершенно наглядно доказалъ, съ планомъ въ рукахъ, что Сарра не могла встрѣтиться съ евреями и, слѣдовательно, никакъ не могла быть ими похищена, такъ какъ, чтобы выйти на дорогу и догнать евреевъ, дѣвчкѣ, по самому умѣренному разсчету, пришлось пройти 72 сажени, между тѣмъ какъ до того-же пункта, съ котораго только и была возможна встрѣча, коннымъ евреямъ надо было проѣхать только 44 сажени. Дорога открытая, всѣ свидѣтели единогласно показывали, что евреи нигдѣ не останавливались и, слѣдовательно, нигдѣ не могли поджидать дѣвочки.

„Я прошу васъ теперь сообразить, сказалъ защитникъ, — что 42 сажени было разстояніе для ѣхавшихъ, хотя-бы только шагомъ, евреевъ, а 72 сажени для Сарры, шестилѣтнаго ребенка,

хромого, ходившаго медленно и съ трудомъ, какъ говорятъ это всѣ знавшіе Сарру. Путь для Сарры былъ подъ гору, что для хромого гораздо труднѣе ровной дороги. Если предположить, что шагъ Сарры вдвое меньше или вдвое медленнѣе, чѣмъ шагъ лошади или взрослога человѣка, то 72 сажени для Сарры, по самому умѣренному разсчету, равняются 144 саж. для евреевъ. Не слѣдуетъ забывать, наконецъ, что евреи, разговаривая съ Турфюю, не останавливались и продолжали путь, что послѣ разговора съ ними Турфа разговаривала съ Саррою, которая была еще возлѣ нея и никуда пока не уходила, что съ Саррою затѣмъ разговаривала сестра ея, что если на все это было потрачено двѣ минуты, прежде чѣмъ Сарра удалилась, то въ эти двѣ минуты евреи успѣли уйти впередъ хоть на 100 саж., а, слѣдовательно, определить появленіе ея на дорогѣ, по крайней мѣрѣ, на 250 сажень. Такимъ образомъ, оказывается, что прежде, чѣмъ Сарра могла выйти на садаглихевскую дорогу, евреи уже миновали селеніе Перевиси и были далеко впереди Сарры. Это соображеніе простое; оно основано на измѣреніяхъ, сдѣланныхъ слѣдственною и обвинительною властью на планѣ, снятомъ судебнымъ слѣдователемъ и подтверждаемомъ актомъ осмотра мѣстности, на показаніяхъ свидѣтелей, которымъ вѣритъ и прокуроръ и которыхъ онъ ставитъ въ основаніе своихъ обвинительныхъ доказательствъ. Это соображеніе было упущено, и упущеніе это составляетъ ту печальную ошибку, которая породила настоящее обвиненіе. Это же соображеніе, поставленное теперь на видъ, въ конецъ и непоправимо разрушаетъ обвиненіе въ его основѣ. Этимъ соображеніемъ я доказываю, что не только Сарра не была похищена евреями и именно первою группою, противъ которой и сводятся улики, но и не могла быть похищена. Съ этой минуты мнѣ остается имѣть дѣло не съ обвиненіемъ, въ основѣ своей разрушеннымъ, а лишь съ обломками обвиненія, которые я долженъ смести съ моей дороги, чтобы очистить путь къ оправдательному приговору. Всею силою моего убѣжденія я опираюсь на приведенное соображеніе. Напрасно, повѣряя прочность этого соображенія, я ищу возможности какого-либо объясненія встрѣчи Сарры съ евреями. Я не нахожу этого объясненія. Или мысли мои путаются, или въ какомъ-то странномъ туманѣ блуждаютъ мои соображенія и я не вижу очевиднаго, или роковая ошибка на сторонѣ обвиненія. Просвѣтите меня, г. прокуроръ, если я заблуждаюсь; разъясните мнѣ, какимъ образомъ Сарра могла попасть въ руки первой группы евреевъ. Вѣдь никто не говоритъ, что евреи останавливались и поджидали Сарру, что она сама условилась выйти къ нимъ. Напротивъ, по смыслу всѣхъ обвинительныхъ доказательствъ вид-

Но, что только нечаянная, неподготовленная заранѣе встрѣча съ Саррою обусловила ея похищеніе“.

Послѣ постановки защиты на такую почву, г. Александрову уже не трудно было смести остальные „обломки обвиненія“ и онъ весьма мѣтко характеризовалъ поочередно показанія всѣхъ свидѣтелей, данныхъ на судѣ, сопоставляя ихъ съ показаніями, данными на предварительномъ слѣдствіи. Г. Александровъ сказалъ очень длинную защитительную рѣчь. Онъ говорилъ превосходно. Мы, конечно, не станемъ приводить его рѣчь; ограничимся только маленькимъ извлеченіемъ, характерно рисующимъ, какъ суевѣрное подозрѣніе по поводу исчезновенія дѣвочки мало-по-малу сложилось въ грозное дѣло.

Когда пропала Сарра, то, по словамъ защитника, Іосифъ Модебадзе, нигдѣ не находя своей пропавшей дочери, не видя объясненія ея исчезновенія, останавливается хотя и на шаткомъ подозрѣніи противъ евреевъ, о чемъ онъ и дѣлаетъ заявленіе полицейскому приставу. Между тѣмъ, какъ приставъ, не произведя ни розысковъ, ни дознанія объ обстоятельствахъ пропажи Сарры, передаетъ заявленіе Модебадзе судебному слѣдователю, Сарра была отыскана. Съ отысканіемъ ея трупа и для Модебадзе, и для всѣхъ другихъ, повидимому, стала ясна причина смерти Сарры: дѣвочка заблудилась и погибла несчастнымъ образомъ. По крайней мѣрѣ, ни Модебадзе, ни старшина, осматривавшій трупъ Сарры, ни другіе, бывшіе при этомъ осмотрѣ, не поддерживаютъ подозрѣнія противъ евреевъ и поступаютъ съ трупомъ Сарры такъ, какъ это бываетъ при безспорныхъ случаяхъ нечаянной несчастной смерти. Старшина приноситъ трупъ въ домъ Модебадзе, семейство Сарры хоронитъ ея трупъ, не ожидая его осмотра слѣдователемъ, не требуя этого освидѣтельствованія и не заботясь о судьбѣ заявленнаго передъ тѣмъ подозрѣнія, которое теперь для самого Модебадзе не представлялось уже основательнымъ и вѣроятнымъ. Между тѣмъ, имѣя предъ собою прежнее заявленіе Модебадзе, слѣдователь приступаетъ къ вырытію и вскрытію трупа. Модебадзе не присутствуетъ при вскрытіи, не интересуется имъ и даже нѣкоторое время не знаетъ о немъ. Между слѣдователемъ и врачомъ происходитъ разногласіе о причинѣ смерти Сарры. Пользуясь невѣрными полицейскими свѣденіями, врачъ далъ такое объясненіе случаю смерти Сарры, которое не находитъ себѣ подтвержденія въ осмотрѣ мѣста, гдѣ найденъ трупъ. Первое недоумѣніе, которое было-бы не трудно разъяснить, отнесясь къ дѣлу безъ предвзятой мысли, первое разногласіе, которое могло быть примирено болѣе соответственнымъ обстоятельствамъ дѣла объясненіемъ причины смерти Сарры, даетъ Іосифъ „Дѣло“, № 5, 1879 г.

фу Модебадзе случай поднять снова оставленное уже имъ подозрѣніе, и тутъ начинаетъ онъ указывать свидѣтелей, слышавшихъ дѣтскій крикъ, обращаетъ вниманіе на разорванное платье Сарры, заявляетъ о томъ, что подъ колѣнами у нея замѣчены были порѣзы. Порѣзы необходимо было придумать, чтобы придать солидность подозрѣнію. Конечно, рассчитывалось при этомъ, что трупъ погребенъ и что показаніе о порѣзахъ примутъ на вѣру. Вторичный осмотръ тупа, вырытаго изъ земли, произведенный въ присутствіи отца Сарры, убѣждаетъ, что никакихъ порѣзовъ на ногахъ Сарры нѣтъ и не существовало. Казалось-бы, вторичное вскрытіе тупа должно было повести къ разъясненію случая смерти Сарры и указать, съ какимъ подозрѣніемъ и съ какими достовѣрными заявленіями имѣетъ дѣло слѣдствіе. Но оно, напротивъ, пронизывается важностью подозрѣнія и даетъ ему преувеличенную цѣну. Черезъ нѣсколько времени послѣ перваго вскрытія, полицейскій приставъ, осматривая мѣсто нахожденія тупа Сарры, замѣчаетъ давніе слѣды двухъ лошадей, шедшіе по направленію къ мѣсту тупа. Приставъ обращаетъ на это вниманіе, и этого достаточно, чтобы его недоумѣніе родственники Сарры обратили въ пользу своего подозрѣнія на евреевъ. Скрываютъ дѣйствительное происхожденіе слѣдовъ и объясняютъ, что на нихъ не обратили вниманія въ то время, когда нашли трупъ Сарры. Странное и невѣроятное объясненіе. Возможно-ли, чтобы осматривавшіе трупъ на мѣстѣ,—а такихъ было много,—могли упустить тогда еще свѣжіе слѣды, указывавшіе на привозъ Сарры въ то мѣсто, гдѣ оно найдено? Возможно-ли, чтобы отецъ Сарры, имѣвшій подозрѣніе на евреевъ, оставилъ безъ вниманія эти слѣды, которые такъ поддержали его подозрѣніе? Приставъ не остановился на этихъ вопросахъ. Онъ допустилъ, что слѣды существуютъ, но не были замѣчены. И свидѣтели, которые, какъ оказывается, знали о происхожденіи этихъ слѣдовъ, умалчиваютъ, а другіе, пользуясь ихъ молчаніемъ, свидѣтельствуютъ о встрѣчѣ на сачхерской дорогѣ двухъ евреевъ наканунѣ нахожденія тупа Сарры и, такимъ образомъ, готовятъ разъясненіе тому недоумѣнію, которое возбудилось въ умѣ пристава. Слѣдствіе получаетъ новый толчекъ. Крикъ сперва слышали только на садзаглихевской дорогѣ. Этого недостаточно; слѣдствіе желало-бы еще новыхъ свидѣтелей дѣтскаго крика на дальнѣйшемъ пути евреевъ. И разъ почувствовали эту надобность,—цѣлая группа свидѣтелей, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ пропажи Сарры, является внезапно и, молчавшая до тѣхъ поръ, свидѣтельствуетъ о слышанныхъ крикахъ. Вообще, слѣдя за предварительнымъ слѣдствіемъ, мы видимъ, что при каждомъ новомъ тре-

бованіи слѣдствія, тотчасъ-же является и предложеніе, вполне удовлетворительное. Каждое недоразумѣніе, каждое сомнѣніе, которое является у лицъ, производящихъ дознаніе и слѣдствіе, каждая ихъ, иногда невольная, ошибка, тотчасъ-же обращаются въ пользу заявленнаго подозрѣнія; за нихъ хватаются, какъ за искру, и раздуваютъ въ пламя, освѣщающее дѣло совѣмъ не съ той стороны, на которой была истина. Такъ сложилось настоящее дѣло.

Какъ извѣстно, судъ оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ и, такимъ образомъ, обвиненіе, поддерживавшее вѣковое суевѣріе, рухнуло...

И находятся печатные органы, которые готовы поддерживать нелѣпость подобныхъ выдумокъ,—нелѣпость, очень хорошо доказанную научными изслѣдованіями вопроса объ употребленіи евреями христіанской крови. Спрашивается: чего-же можно ожидать отъ неграмотныхъ людей, если наши газетные руководители находятся сами въ первобытномъ состояніи невѣжества?..

Недавно въ нѣмецкой газетѣ „Gegenwart“ напечатано было, по поводу кутаисскаго процесса, письмо Бертольда Ауэрбаха, въ которомъ нѣмецкій писатель, изумляясь, что „въ 1879 году по Рождествѣ Христовѣ, передъ лицомъ судей, причисляющихъ себя къ послѣдователямъ ученія Христа“, судили семерыхъ евреевъ, обвинявшихся въ убійствѣ христіанскаго ребенка, для употребленія его крови на приготовленіе пасхальныхъ опрѣсноковъ, — пишетъ затѣмъ слѣдующія прочувствованныя строки:

„Быть можетъ, судьи приняли жалобу только съ цѣлью разоблачить всенародно всю лживость подобнаго дьявольскаго обвиненія. Вѣдь должна-же состояться публичная защита.

Но почему-же молчатъ тысячи знающихъ? Развѣ не грѣхъ,—допускать обвиненіе, не свидѣтельствуя противъ него?

Всѣ христіанскіе богословы, начиная отъ кавказскихъ священниковъ и професоровъ богословія духовныхъ училищъ, включительно до римскаго папы, знаютъ и должны знать, что ни въ какой странѣ и ни въ какое время подобнаго обвиненія, взводимыя на евреевъ, не имѣли въ основаніи своемъ ни одного атома правды. На чьей крови были изготовлены опрѣсноки, которые Иисусъ, какъ іудей, преломлялъ на тайной вечерѣ и роздалъ ученикамъ своимъ?

Всѣмъ духовнымъ лицамъ извѣстно, что іудеямъ запрещается употребленіе крови животныхъ. Имъ извѣстно, что во всемъ мірѣ должна разыгратъ изступленная жажда мести, еслибы гдѣ-нибудь проявился фактъ подобнаго религіознаго канибальства; они это знаютъ; почему-же никто не скажетъ открыто слова предостереженія?

Почему-же мы, евреи, должны возвысить голосъ? Развѣ христіянскіе богословы не признають своей обязанностью защищать отъ несправедливыхъ обвиненій людей другихъ вѣроисповѣданій, развѣ не ихъ обязанность нравственно руководить христіянами-обвинителями?

Существуетъ обширная асоціація для обращенія евреевъ, отправляющая своихъ мисіонеровъ во всѣ части свѣта. Между этими мисіонерами многіе—евреи по рожденію, принявшіе христіянское ученіе. Отчего они не возвысятъ голосъ и не скажутъ: мы знаемъ обряды нашихъ прежнихъ единовѣрцевъ и ручаемся, что никогда не существовало и не могло существовать обычая, намекающаго хоть издали на что-либо подобное? Развѣ религія любви не вмѣняетъ въ обязанность защищать своихъ братьевъ по человечеству отъ несправедливости?

Такіе люди, какъ Спиноза, какъ Моисей Мендельсонъ, выносившіе одинъ временно, другой впродолженіи всей жизни гоненіе своихъ фанатическихъ единовѣрцевъ,—развѣ они могли-бы оставаться въ лонѣ религіи, гдѣ было-бы мыслимо подобное каибальство?

Страшно, горько сознаться, что чудовища въ области мысли, тысячу разъ истребленныя, воскресаютъ вновь. Но какъ-бы часто они не возникали и въ какомъ-бы отдаленномъ уголѣ свѣта они не показывались, необходимо бороться противъ нихъ снова орудіемъ истины“.

„Новое Время“ это самое письмо перевело да и напечатало подъ видомъ подлиннаго письма Ауэрбаха въ редакцію „Новаго Времени“. По крайней мѣрѣ, оно ни единымъ словомъ не заикнулось, что просто-на-просто перевело письмо изъ „Gegenwart“. Напротивъ, вѣроятно, ради удостовѣренія своихъ читателей, что названная газета—газета первый сортъ, что извѣстія ея свѣжія, сочныя, только-что получены съ самаго мѣста производства и что иностранныя знаменитости даже находятся съ ней въ непосредственномъ сношеніи и на короткой ногѣ (помните, Иванъ Александровичъ говорилъ: „тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я), не только, говорю, не упомянула объ источникѣ, но поставила подъ названнымъ письмомъ подпись „Бергольдъ Ауэрбахъ“, датировала письмо и помѣтила Берлиномъ.

Расчетъ былъ, пожалуй, и вѣрный. Читатель подумалъ про газету: „вонъ она кака!“ и навѣрное въ тотъ-же самый день кто-нибудь изъ поклонниковъ „Новаго Времени“ хвасталъ передъ своимъ пріятелемъ-читателемъ „Голоса“ и самодовольно говорилъ:

— Вашъ „Голосъ“ что?.. Канцелярскій человѣкъ... вотъ что

вашъ „Голосъ“! И кто у васъ пишетъ?.. Все анонимы да псевдонимы какіе-то... Положимъ, Владиміръ Безобразовъ... ну еще застольный ораторъ Богдановичъ, когда нужно что-нибудь трогательное... Ну, скажемъ, самъ Бильбасовъ... тоже не спорю—особа, любить въ возвышенномъ родѣ... этакъ напугать... Какъ возьметъ мечъ, да какъ вдругъ объявить... что всѣхъ надо порѣшить, исключая подписчиковъ „Голоса“, да тѣхъ, кто подпишется втеченіи двухъ недѣль со времени обнаруженія передовой статьи, такъ читаешь, читаешь и не то страшно дѣлается, не то чувствуешь, что надо вынуть семь копеекъ и отдать газетному разносчику... Вотъ и всѣ ваши столбы въ „Голосѣ“, а больше-то кто?..

— У насъ-то??.. Ха-ха-ха!.. У насъ??.. Да ты знаешь-ли, почему мы не подписываемся подъ статьями... Наклонись-ка... я тебѣ на ухо скажу: у насъ, братецъ, иностранные министры пишутъ... ну, а имъ, какъ ни говори, а совѣстно показать, что они умѣютъ писать... А у васъ развѣ министры пишутъ?.. Развѣ сербскіе да и то отставные... Не спорю: и у васъ жалостныя статьи бывають, очень даже жалостныя... Правда, мечемъ вы и не машете—вѣрно мечъ-то уже сдали подъ росписку въ участокъ — а считаешь иной разъ передовую статью или письмо изъ Москвы, такъ тоже, я тебѣ скажу, чувствуешь, что будто-бы мечъ не мечъ, а тесакъ непремѣнно былъ въ рукахъ у автора... Но за то слогъ!.. Развѣ у васъ есть слогъ?.. „Голосъ“ всегда выражается по благородному... Онъ и чувства высказываетъ только благородныя, а если пропоетъ что-нибудь, то какой-нибудь трогательный романсъ... А вы?.. Вы и выражаетесь какъ-то вульгарно, хотя—не смѣю скрывать—тоже отъ души... А если запоете, то непремѣнно о томъ, какъ Ванька Таньку полюбилъ... Выборъ у васъ какой-то... все московскіе больше романсы... Ну и ужъ турку тѣсните... очень тѣсните его... А о жидѣ и говорить нечего!

— Когда турку, когда англичанина, когда жида, а когда и московскіе романсы, по времени... Но, по крайней мѣрѣ, отъ полноты чувствъ... Нынче, братецъ, надо имѣть гражданское мужество, чтобы прямо такъ-таки и говорить отъ полноты... И мы можемъ гордиться...

— Мы, братъ, тоже слава-богу...

— Ну, положимъ... И у васъ есть чувства, не спорю, но есть-ли у васъ свѣжія извѣстія?.. Вы все больше какія-то до-историческія извѣстія сообщаете, а не то о какихъ-нибудь костяхъ допотопнаго животнаго... А у насъ извѣстія!.. Могу сказать, такія извѣстія, что пальчики оближешь! Наши „мы слышали“ не то, что ваши „мы слышали“... у насъ все этакое пикантное... свѣ-

жёнское... Баронъ Коскуль вдругъ пропалъ... Кто первый сообщилъ и притомъ съ такими таинственными подробностями, что будто главу изъ „Рокамболя“ читаешь?.. — „Новое Время“. Кто первый о персоналѣ Демидрона сообщилъ? Опять-таки у насъ... Кто первый объ отъѣздѣ персонъ узнаетъ?.. Все-таки мы...

— Ну за то и врутъ-же у васъ...

— Случается, врутъ, но безъ этого и нельзя. Но за то въ нашей газетинѣ все знаменитости пишутъ. Одинъ Молчановъ чего стоитъ. А иностранцы?.. Вотъ недалеко, какъ сегодня Ауэрбахъ письмо изъ Берлина прислалъ. Ну, ужъ и раскатали-же мы этого „жида“. Можно сказать „отхлестали!“ Должно быть самъ Алексѣй Сергѣевичъ. Онъ „жидовъ“ пробираетъ...

Но дѣло въ томъ, что прибѣгая къ такимъ приемамъ, по совѣсти говоря, нѣсколько непонимающимъ приемы гостинаго двора, редакция названной газеты, не менѣе популярной нынче, какъ въ оны дни болгаринская „Пчела“ (сходство ея съ „Пчелой“ и по направленію обнаруживается все болѣе и болѣе; „московское“ письмо самого издателя не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ), не заботилась о переводчикѣ, который переводилъ ауэрбаховское письмо, и вслѣдствіе того нѣсколько осрамилась. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ письмо озаглавлено: „Mahnwort“, что буквально значить: „слово напоминанія“, а переводчикъ, принявъ слово *Mahn* (напоминаніе) за *Mann* (человѣкъ, мужъ), сдѣлалъ вольный переводъ: „мужественное слово“ и пустилъ подъ этимъ мужественнымъ заглавіемъ ауэрбаховское письмо. Любитъ-ли почтенная редакция нѣмцевъ, а потому и нѣмецкій языкъ, но только она проглядѣла этотъ вольный переводъ и это-бы еще ничего, но она сдѣлала и того хуже: сочинивъ само названіе, о которомъ и не думалъ Ауэрбахъ, она въ томъ-же номерѣ поспѣшила (и сдѣлала ошибку; если-бы не спѣшила, то увидала-бы изъ другихъ газетъ, что мужество не всегда беретъ крѣпости) поглумиться и надъ Ауэрбахомъ, да кстати и обругать всѣхъ русскыхъ „жидовъ“ прохвостами („Новое Время“ рѣдко говоритъ: „еврей“, а больше „жидъ“ да „жидъ“).

— И съ чего, говорить, престарѣлый романистъ назвалъ свою статью „мужественнымъ словомъ?“ „Что-же это за мужество такое излить свою скорбь о томъ, что существуетъ такое ужасное повѣрье?..“

Вы понимаете-ли: газета сама-же мужественно сдѣлала вольный переводъ, да еще за это престарѣлаго романиста обличаетъ и не можетъ догадаться, почему можетъ скорбѣть Ауэрбахъ, что существуетъ такое ужасное повѣрье?

У насъ въ послѣднее время вошло даже въ моду „жида“ по-

дергивать. Особенно отличаются въ этомъ направленіи „Новое Время“ и „Современныя Извѣстія“. Въ мнѣніи ихъ все „жидь“ гадить, и еслибы серьезно вѣрить тому, что пишется по поводу евреевъ въ названныхъ органахъ, то надо удивляться, какъ еще до сихъ поръ вся Россія не перешла въ іудейство, такъ-какъ всемогущество „жида“ безгранично и самъ „жидь“—злодѣй первой руки. Конечно, „улица“ должна радоваться, читая такія разсужденія о жидяхъ; такія разсужденія ей по плечу. Сказать, что всѣ бѣды отъ жида, а еще лучше назвать жида „свинымъ ухомъ“, конечно, не трудно. Но, кажется, дѣло печати не затемнять „жидами“ настоящаго положенія дѣлъ, а ужъ лучше помалчивать, чѣмъ отдавать предпочтеніе г. Губонину передъ г. Варшавскимъ, или г. Новосельскому передъ г. Поляковымъ, или вообще всякому русскому кулаку передъ кулакомъ-евреемъ. И добро-бы еще въ самомъ дѣлѣ только еврей-кулаки свирѣпствовали, а добродѣтельные россияне только глядѣли-бы да облизывались? Всякому извѣстно, что наши отечественные дѣльцы и кулаки съ радостью готовы были-бы не только совершить обрѣзаніе, но даже того хуже, только-бы возможно было безъ опаски отдаленныхъ мѣстъ получить концесію или совершить подлогъ на какой угодно манеръ (по-русски-ли, по-нѣмецки-ли или по-еврейски); вѣроятно-же, должно быть это извѣстно и руководителямъ названныхъ газетъ,—такъ объясните-же, ради самого Создателя, при чемъ-же тутъ „жиды“, „жиды“ и „жиды“? Нѣтъ спору, еврей экономически гнетутъ населеніе въ юго-западномъ и западномъ краѣ и на югѣ, но вѣдь и русскіе кулаки такъ-же гнетутъ. Нѣтъ спору, что Россія дала намъ гг. Полякова, Варшавскаго, Малкіеля, но вѣдь въ свою очередь таже Россія дала намъ и гг. Кокорева, Губонина, Держиза, Овсяникова и т. п. Вы скажете: еврей болѣе юрокъ, онъ болѣе успѣваетъ, онъ ловчѣе умѣетъ влѣзть въ чужую душу съ сапогами, но въ чьи-же души онъ влѣзаетъ?.. Вѣдь онъ, еврей-то, „свиное ухо“, какъ вы его называете, влѣзаетъ съ сапогами въ души „чисто-русскія“, „истинно-русскія“, „православно-русскія“. Вѣдь онъ, жидь, демонъ-еврей, имѣетъ дѣло и успѣваетъ среди департаментскихъ фаустовъ русскаго происхожденія, такъ при чемъ-же тутъ „жидь“? Вѣдь если нашихъ фаустовъ можетъ смутить демонъ-еврей, то какъ вы думаете — не смутить-ли-бы ихъ даже и зулусъ, еслибы пообщалъ соотвѣтственный гонораръ за соотвѣтственныя хлопоты?

Просто стыдно дѣлается, когда читаешь всѣ эти пошлости о томъ, что „жидь“ чуть-ли не заполонилъ Россію. Стыдно и позорно за то, что какаѣ-бы то ни было печать, а все-таки печать,

звалила себѣ на плечи „жида“, да и носится съ нимъ, тыча нѣтъ въ глаза при всякомъ случаѣ.

„Голось“,—надо отдать ему справедливость,—по отношенію къ „жиду“ не держится теоріи „свинаго уха“. Онъ повально не обвиняетъ евреевъ, и если попадется ему говорить о выдающихся нашихъ евреяхъ-дѣльцахъ, то говорить, не обобщая всю еврейскую націю. Правда, есть у него между евреями-дѣльцами любимцы, которыхъ „Голось“ не только принимаетъ подъ свое особое покровительство, но ради которыхъ онъ даже пускается на такія продѣлки, которыя будутъ куда похуже, относительно невинной продѣлки съ азѣрбаковскимъ письмомъ. Послѣдняя, выражаясь деликатно,—„игра издательскаго ума“, а то, что сдѣлалъ въ прошломъ году „Голось“, то уже, просто-на-просто, „передержка“ печатнаго слова. Я объ этомъ въ свое время уже указывалъ во „Внутр. Обзор.“ въ прошломъ году.

Не однѣ органы печати относятся къ „жиду“ съ развязностью невѣжды и съ апломбомъ россійскаго публициста. У насъ въ Петербургѣ есть знаменитый и тоже „единственный“ въ своемъ родѣ мировой судья, поставившій себѣ, кажется, главной задачей увеселять „улицу“ и изъ своей камеры устраивать нѣчто вродѣ увеселительнаго заведенія съ безплатнымъ входомъ. Нужно-ли называть фамилію этого увеселительнаго мирового судьи?

Въ газетахъ чуть-ли не ежедневно печатаются „избраніе“, отчеты о засѣданіяхъ у этого судьи. Вѣроятно многіе смѣются, прочитывая эти отчеты, похожіе на водевилъ, впрочемъ, сомнительнаго качества, забывая, конечно, что этотъ водевилъ, роль остроумца въ которомъ разыгрываетъ самъ судья, разыгрывается въ камерѣ и что персонажи, подающіе въ качествѣ подсудимыхъ реплики, разные мастеровые, мелкіе торговцы, дворники и т. п. тоже вѣдь люди, имѣющіе право искать у мирового судьи разбирательства, а не служить мишенью для неприличныхъ выходокъ.

Недѣли двѣ тому назадъ, въ „Петерб. Листкѣ“ былъ напечатанъ отчетъ объ одномъ изъ такихъ засѣданій. Разбирался искъ нѣкакого г. Розенберга съ г-жею Куракиной. Повѣренный послѣдней доказывалъ, что подсудимая была несовершеннолѣтняя во время выдачи векселя, и просилъ признать вексель ничтожнымъ.

Тогда произошелъ между судьей и тяжущимися слѣдующій діалогъ.

„Судья. Э, батюшка, когда хватились. Этотъ законъ давно уже отмѣненъ... Нынче подпиши хоть грудной ребенокъ вексель, то и то изыщутъ... Времена-то тѣ прошли, что разные юнкера, выпивъ личики шампанскаго, выдавали векселя, а затѣмъ говорили, что

они несовершеннолѣтніе... (обращаясь къ Розенбергу). Вы какого вѣроисповѣданія?..

Розенб. Иудейскаго...

Судья. Ну, такъ и зналъ... А чѣмъ занимаетесь — гешефтами?..

Розенб. Нѣтъ... имѣю лавку въ александровскомъ рынкѣ...

Судья. И гласную кассу ссудъ?..

Розенб. Нѣтъ...

Судья. Ну, такъ негласную, — это все равно... А чѣмъ вы торгуете въ своей лавкѣ?

Розенб. Женскимъ платьемъ торгую.

Судья. Ну, такъ вы Куракиной платьемъ выдали?..

Розенб. Да...

Судья (обращаясь къ довѣрителю Куракиной). Ну, вотъ видите, вашей довѣрительницѣ было 16 лѣтъ, а въ 16 лѣтъ знаете, какъ барышни любятъ наряды!.. Страсты!.. (Обращаясь къ Розенбергу). А мы узнаемъ про васъ, чѣмъ вы занимаетесь — одними гешефтами или другимъ чѣмъ-нибудь?..

Публика смѣется. Въ самомъ дѣлѣ смѣшно. Судья и „жида“ продернулъ, и на-счетъ „юнкеровъ“ прошелся, и на-счетъ „барышнихъ“ пустилъ словцо. Все это очень забавно. Но какъ вы думаете, читатель, какъ обошелся-бы тотъ-же забавникъ-судья, еслибъ въ камеру къ нему явился не г. Розенбергъ, а какой-нибудь крупный тузъ. хотя-бы то-же иудейскаго вѣроисповѣданія?..

Я вспомнилъ о думѣ, а, вспомнивъ о думѣ, вспомнилъ о недавнемъ incident крайне комичнаго характера, вызванномъ заявленіемъ нѣсколькихъ гласныхъ, поданнымъ въ собраніе, по поводу постановленія думы относительно обязанностей секретаря. Героемъ этого дня слѣдуетъ по чести признать гласнаго нѣкоего г. Поздняка, требовавшаго, чтобы репортеры не впускались въ думу. Я не стану, конечно, метать громы противъ почтеннаго гласнаго. Мало-ли есть умныхъ людей, которые думаютъ не лучше г. Поздняка, что если печать будетъ молчать не только о гласныхъ, но даже если какой-нибудь единомышленникъ г. Поздняка внесетъ предложеніе о недозволеніи печати обсуждать серьезный вопросъ объ устройствѣ ватерклозетовъ, то отъ этого дѣла пойдутъ лучше, ну, и конечно, „народъ русскій не будетъ оскорбленъ“. Приведу только одно мѣсто изъ отчета о засѣданіи 7-го мая, касающагося эпизода съ г. Позднякомъ. „Мы слышали, — сказалъ онъ, — какъ въ прошломъ засѣданіи гласный Лихачевъ читалъ свое заявленіе и, опираясь на то, что оно подписано 26 гласными, просилъ назначить экстренное засѣданіе для разсмотрѣнія этого заявленія на 14-е мая. Въ настоящее время, — закончилъ г. Позднякъ торжественнымъ тономъ, — я имѣю честь заявить, что

нѣкоторые изъ подписавшихся подъ заявленіемъ г. Лихачева гласныхъ взяли свою подпись назадъ, и потому теперь законъ о правѣ 26 гласныхъ требовать назначенія экстреннаго засѣданія не можетъ быть примѣненъ къ данному случаю“. Изъ объясненій городскаго головы оказалось, однако, что подъ заявленіемъ г. Лихачева подписалось 28 гласныхъ и что, за отказомъ отъ подписи двухъ гласныхъ, осталось необходимое для упомянутаго требованія число (26) гласныхъ. Потерпѣвъ, такимъ образомъ, новую неудачу, г. Позднякъ, какъ-бы желая вознаградить себя, сдѣлалъ новое заявленіе, въ которомъ, указавъ на то, что городскому голове принадлежитъ право допущенія въ засѣданія думы постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ и представителей печати, замѣтилъ, что „отъ этого, конечно, не можетъ быть ничего кромѣ пользы, но что всему есть границы, ради соблюденія которыхъ безобразные, неприличные отзвывы печати о думѣ и о ея представителяхъ не должны быть терпимы. Пусть критикуютъ, но критикуютъ приличнымъ образомъ. Противъ-же допущенія въ отзывахъ о думѣ выраженной неловкихъ и заявленій въ презрительномъ тонѣ слѣдуетъ просить городскаго голову принять мѣры“. Въ заключеніе г. Позднякъ выразилъ мнѣніе, что для этой цѣли съ допускаемыхъ въ засѣданіе думы представителей печати слѣдовало-бы брать подписки, что они будутъ выражаться въ своихъ статьяхъ въ приличной, деликатной формѣ, а не соблюдающихъ этого условія лишать права на допущеніе въ засѣданіе думы. Къ чести думы надо сказать, что г. Поздняка поддержалъ только одинъ гласный баронъ Фредериксъ, извѣстный, замѣчу въ скобкахъ, своей способностью говорить, говорить, говорить безъ конца, а сказать очень мало, если не ничего. Это типъ оратора, про котораго можно сказать, что у него „охота смертная, да участь горькая“. Онъ любитъ длинныя рѣчи и если вы будете ѣздить по петербургскимъ говорильнямъ, то непременно гдѣ-нибудь да наткнетесь на словоизверженіе барона. Такъ вотъ и этотъ баронъ съ своей стороны замѣтилъ, что такъ-какъ гласные суть „представители города, служащіе ему безкорыстно“, то нельзя допускать дурнаго тона въ печати, что необходимо принять мѣры, чтобы собраніе думы было уважаемо во всей Россіи (безъ „Россіи“ и у барона не обошлось), и потому баронъ Фредериксъ предложилъ: обязать издателей газетъ, желающихъ имѣть въ думѣ „своихъ стенографовъ или секретарей“ („Я не знаю, какъ ихъ назвать!“ прибавилъ баронъ), не допускать въ своихъ изданіяхъ насмѣшекъ надъ отдѣльными гласными и всѣмъ собраніемъ. Однако, пока не обязали и подписокъ еще не требуютъ, но все-таки г. городской

голова заявилъ, что предложеніе г. Поздняка будетъ внесено на разсмотрѣніе одного изъ собраній.

Началь о собраніяхъ, такъ надо сказать еще о знаменитомъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества, бывшаго въ память славянскихъ первоучителей Кирилла и Мефодія. На этомъ собраніи, наконецъ-таки, выжили г. Мартьянова изъ членовъ общества (вы помните: г. Мартьяновъ полюбопытствовалъ на-счетъ отчетовъ и обвинялъ комитетъ и совѣтъ въ небрежности). Ну, разумѣется, разъ человѣкъ безпокойный заводитъ рѣчь объ отчетахъ, обвиняетъ въ небрежности, что съ нимъ дѣлать въ благоустроенномъ російскомъ собраніи?.. Не отвѣчать-же въ самомъ дѣлѣ, не представлять-же ясныя доказательства правоты и не благодарить-же такого безпокойнаго человѣка, который нашель досугъ докапываться и работать по общественному дѣлу—и замѣтите,—не ожидая за это ни денежной награды, ни надежды выкрасть кассу! Разумѣется, такого человѣка слѣдовало либо представить какъ лицо неблагонамѣренное, либо исключить изъ числа членовъ. И его исключили въ торжественномъ засѣданіи, при чемъ не обошлось и безъ неблаговиднаго фортеля при исключеніи. Дѣло въ томъ, что изъ 42 членовъ, получившихъ записки для балотировки, только 21 подали голоса, остальные уклонились отъ подачи голосовъ. При счетѣ голосовъ оказалось, что 20 высказалось за исключеніе г. Мартьянова, а одинъ голосъ поданъ за оставленіе его „поступка“ безъ послѣдствій. При повѣркѣ балотировки оказалось, что изъ числа удержавшихъ записки 10 принадлежатъ членамъ совѣта, въ виду чего было признано, что г. Мартьяновъ исключенъ изъ „общества“ большинствомъ голосовъ. Въ каждомъ сколько-нибудь благоустроенномъ обществѣ исключеніе происходитъ, по крайней мѣрѣ, по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ, при чемъ едва-ли прилично членамъ совѣта, которыхъ обвинялъ въ своей брошюрѣ г. Мартьяновъ, подавать голоса, но наши „благотворители“ не смутились. Они на-счетъ приличія имѣють свои „чисто славянскія“ понятія.

Разсказывая по поводу этого происшествія, газета „Молва“, между прочимъ, замѣчаетъ:

„Но святители Кириллъ и Мефодій! За что славяне-благотворители подвергли вашу блаженную память такому кощунственному оскорбленію? За что, чествуя память великихъ славянскихъ первоучителей, они дозволили себѣ соединить съ этимъ торжествомъ такое неблаговидное дѣло? Простите, святые Кириллъ и Мефодій, рабамъ божіимъ Тертію, Оресту, Владиміру и инымъ, имена-же ихъ ты, Господи, вѣси, не вѣдають-бо, что творять“

„Нѣтъ, вѣдають!“ отвѣтилъ на это органъ г. Суворина.

Ну, уже если и органъ г. Суворина за нихъ, то не лучше-ли покончить объ этомъ эпизодѣ и пожелать рабамъ божіимъ славянскаго общества подумать, что скажетъ о нихъ будущій историкъ нашей культуры, если за нихъ органъ г. Суворина.

Кажется, уже всѣ позабыли о товариществѣ продовольствія, о которомъ такъ много говорилось во время войны и послѣ нея. Точно также позабыли и о комисіяхъ, учрежденныхъ для разслѣдованія ихъ дѣйствій, забыли, вѣроятно, потому, что никакихъ офиціальныхъ слуховъ о дѣйствіяхъ ихъ не было. Но спасибо „Спб. Вѣдомостямъ“. Они недавно напомнили. Эта газета взяла подъ свое исключительное покровительство названное товарищество и недавно снова выступила на защиту. Она недовольна, что разслѣдованіе до сихъ поръ, по ея словамъ, продолжается. Въ такомъ дѣлѣ не слѣдуетъ поднимать слѣдствій. Все равно,—они ни къ чему не приведутъ, а только, молъ, подрвутъ дисциплину: однимъ словомъ, газета г. Комарова чуть-ли не соединяетъ спокойствіе Россіи съ вопросомъ о томъ, чтобы военное вѣдомство скорѣй покончило съ товариществомъ. По словамъ „Спб. Вѣд.“, контроль въ военномъ дѣлѣ никуда негодится. Мало того, „честь Россіи страдаетъ“.

Что-же касается до продовольствія, то, по словамъ г. Комарова, „продовольственная часть была такъ хороша, что армія совершила походъ безпрепятственно“, и г. Комаровъ огорченъ, что, несмотря на то, что будто-бы всѣ комисіи признали счета товарищества правильными (оставляю утверждение это на отвѣтственности г. Комарова), „на сцену выступаетъ канцелярія и добивается теперь повелѣнія не иначе производить уплату за поставленные товариществомъ продукты, какъ по тщательной фактической проверкѣ“.

Это такъ оскорбляетъ газету г. Комарова, что она не безъ пафоса говоритъ, что всѣ комисіи производятъ „разрушающее дѣйствіе“.

„Въ государственномъ смыслѣ, — докладываетъ передовая статья,—существованіе этихъ комисій съ одной стороны давало видъ охраны государственной казны отъ излишнихъ переплатъ, но съ другой—бросало весьма невыгодную тѣнь на все командованіе дѣйствующей арміей. Послѣ крымской войны въ подобномъ неловкомъ положеніи былъ генераль-адъютантъ Лидерсъ; послѣ завоеванія Туркестана—генераль Черняевъ. Подозрѣніе, какъ змѣя, прокрадывается къ каждому, производитъ тяжелое впечатлѣніе и заставляетъ забывать заслуги лицъ. Дѣйствіе вполне разрушающее и разлагающее. Но вотъ всѣ комисіи признали контрактъ соответствующимъ обстоятельствамъ, операциіи и счету товарищества

правильными. Последняя комиссия генералъ-адъютанта Глинки-Маврина громко свидѣтельствовала объ этомъ въ Петербургѣ“.

Вы, читатель, вѣрно замѣтили, что чуть заикнись кто о контролѣ, сейчасъ на сцену и „разрушающее дѣйствіе“, „честь Россіи“ и даже „оскорбленіе русскаго народа“... Русскій народъ всегда оскорбляется въ такихъ случаяхъ.

Пока объ отчетѣ ни слова—все хорошо, а чуть: „пожалуйте отчетъ“—въ отвѣтъ кричатъ: „измѣна!“

Я говорю это не по поводу комаровскихъ изліній о „бѣдномъ“ товариществѣ. Я очень хорошо знаю и бесѣдовалъ на эту тему не разъ, что едва-ли комисиі въ состояніи довести дѣло до конца, такъ-какъ, чтобъ довести его до конца, пришлось-бы намъ имѣть въ числѣ прикосновенныхъ такую массу людей, что и сказать страшно. А потому не лучше-ли ограничиться какимъ-нибудь однимъ, ну, двумя „чиновниками“ и покарать ихъ въ примѣръ прочимъ? Кстати, между интендантскими есть и такіе неосторожные, съ такими замашками индѣйскихъ набобовъ, что они сами лѣзутъ въ руки.

Чего-же лучше?

Недавно корреспондентъ „Голоса“ сообщалъ объ одномъ изъ такихъ неосторожныхъ набобовъ, о г. Хвощинскомъ, должность котораго была не большая: онъ былъ смотрителемъ склада конскихъ консервовъ въ Котроченахъ (въ Румыніи) и попалъ подъ судъ, такъ-какъ по слѣдствію оказалось, что у него въ складѣ находятся никуда негодныхъ сгнившихъ консервовъ на 2,180,000 и кромѣ того растрчено на 340,000 руб.

— Но какъ-же онъ попалъ подъ слѣдствіе? спросить читатель.

По своей винѣ, по своей! спѣшу успокоить любезнаго читателя. Этотъ скромный по должности интендантъ имѣлъ нескромныя привычки и любилъ не стѣсняться. По словамъ корреспондента, онъ въ Бухарестѣ устроилъ завтракъ, стоившій 45,000 металлическихъ рублей (корреспондентъ увѣряетъ, что это не описка), и возбудилъ этимъ завтракомъ говоръ въ бухарестскихъ газетахъ. Последъ газетнаго шума назначено было слѣдствіе и тогда оказалось, что смотритель склада конскихъ консервовъ не только любилъ хорошо поѣсть, но и любилъ срывать цвѣты удовольствія любви. Корреспондентъ удостовѣряетъ, что какая-то дама, проживавшая во время войны въ Бухарестѣ и дивившая всѣхъ своими брильянтами, вслѣдствіе чего и прозванная „брильянтовой“, была на иждивеніи у названнаго смотрителя склада консервовъ и, такимъ образомъ, было найдено, на что мѣнялись конскіе консервы... Смотрителя склада отдали подъ судъ и неосторожный интендантскій мотылекъ самъ полѣзъ на огонь.

Радуйтесь, если имѣете неосторожность радоваться, обнаруженію такого „вопіющаго“ какъ говорятъ газеты, преступленія, если только васъ не преслѣдуетъ сопоставленіе: скромный смотритель склада конскихъ консервовъ и 45,000 металлическихъ рублей одинъ завтракъ. Какая-же должна была быть „Голконда“ прошлая война для многихъ, если смотритель конскаго склада...

Но онъ былъ мотъ. Теперь сообразите, что, еслибы онъ не былъ мотомъ, еслибы онъ былъ добродѣтельнымъ отцомъ семейства и вмѣсто того, чтобы завтракать такъ роскошно, завтракалъ-бы умеренно, а прибыльокъ клалъ-бы на текущій счетъ, то какого благонадежнаго гражданина имѣли-бы мы въ своей средѣ, какого-бы патріота своего отечества? Какъ сладко-бы онъ пѣлъ о любви къ родинѣ и объ оскорбленіи чести русскаго народа?.. (Извѣстно, что человѣкъ скопившій всегда чувствительнѣе къ чужой чести.) Ахъ, зачѣмъ-же онъ завтракалъ на 45,000 метал. рублей? И какъ смѣются тѣ, кто не платилъ такой прорвы денегъ за завтракъ и не мѣнялъ консервовъ на брилліантовую даму?

Разумѣется, во всемъ этомъ дѣлѣ главной виновницей окажется „брилліантовая“ дама. На дамъ (особенно, если онѣ „брилліантовыя“) валить всѣ вины не только романисты, но и присяжные художники окружнаго суда. И будущему адвокату неблагоразумнаго россиянина (если только у него кое-что осталось послѣ завтрака) предстантъ отличный случай воспользоваться „дамой“, какъ эффектнымъ подспорьемъ для блистательной рѣчи и для полученія увеличеннаго гонорара, въ случаѣ, если „дама“, погубившая въ Бухарестѣ, спасеть теперь въ зданіи окружнаго суда. Она ввела въ искушеніе добродѣтельнаго чиновника. До „роковой“ встрѣчи съ ней (встрѣча будетъ неожиданная) она была неподкупенъ и цѣломудренъ, какъ Іосифъ. (Адвокатъ, вѣроятно, прочтетъ тутъ отрывокъ изъ дѣтской повѣсти Чистякова о добродѣтельномъ Ванѣ, вовлеченномъ въ порокъ, и, указывая на подсудимаго, скажетъ: это онъ!) Но встрѣтилась она (не онъ искалъ ее, она преднамѣренно искала его, провѣдавъ, что онъ завѣдуетъ складомъ конскихъ консервовъ) и... и... пройдите, гг. присяжные и гг. судьи, въ собственныхъ воспоминаніяхъ, вспомните Демидронъ, Ливадію и Крестовскій садъ, гдѣ такъ много соблазновъ даже для почтенныхъ людей, отправившихъ семейства свои на дачи (а у него семейства нѣтъ), и карайте послѣ этого поклонника красоты, неопытнаго (адвокатъ во время удержится, чтобъ не сказать „юношу“) неопытнаго молодаго человѣка, впервые почувствовавшаго сладкія томленія любви. Но, къ несчастію, она была коварна, хитра и не любила его (а онъ, господи, ее любилъ!). Она обольстила его, она достала ему книгу

Смайльса о самопомощи и его, неопытного, скромного молодого человека, натолкнула на мысль вымѣнивать консервы на золото... Сперва онъ боролся, но, господа, вспомните, когда вы сами были молоды и ходили въ Демидовъ садъ гораздо чаще, чѣмъ теперь, и скажите по совѣсти: чѣмъ должна была кончиться эта неравная борьба между обольстительной красотой, прикрывавшей пороки развратницы, и молодымъ интендантомъ, познавшимъ сладость любви не въ Демидовомъ саду, а подъ благословеннымъ небомъ внойной Румыніи. Она, дѣйствительно, прелестна, какъ вы можете видѣть по портрету (будетъ предъявленъ фотографическій снимокъ съ картины: Клеопатра египетская, принимающая Антонію). Она, дѣйствительно, можетъ заставить человека потерять голову. Онъ потерялъ ее. Онъ сдѣлалъ роковой шагъ... онъ палъ и теперь ждетъ только вашего слова, чтобы снова подняться и чтобы никогда больше не слушать лукаваго голоса сирень, для чего онъ вступить въ законный бракъ...

Вотъ програма рѣчи. Мы, вѣроятно, услышимъ ее изъ устъ одного изъ присяжныхъ художниковъ окружнаго суда. Оставимъ теперь въ покоѣ неблагодарнаго россиянина, и сдѣлаемъ, читатель, экскурсію въ область настоящаго благоумія, въ область мудрости и учености и настоящихъ добродѣтелей.

Если наивный читатель спроситъ, гдѣ-же она, то я поведу его на васильевскій островъ и, указавъ ему на зданіе академіи наукъ, торжественно скажу:

— Вотъ она!

Тамъ собираются наши „безсмертные“. Тамъ и только тамъ, подъ сѣнью науки, вы найдете образцы всевозможныхъ добродѣтелей. Тамъ процвѣтаютъ миръ, тишина и спокойствіе. Никакія страсти не проникаютъ въ это священное зданіе. Одна наука въ самомъ чистомъ видѣ, одинъ санскритско-нѣмецкій словарь и труды, которыхъ никто не читаетъ, и ничего болѣе..

Когда я отзывался такъ о нашихъ маститыхъ мужахъ, я, увы, не зналъ еще, что и тамъ, среди „безсмертныхъ“, подъ тихой сѣнью санскритскихъ словарей свили себѣ гнѣздо тѣ-же самые грѣшки, которыхъ не чужды и прочіе русскіе смертные.

Оказывается, что въ академіи наукъ родственныя чувства процвѣтаютъ, какъ нельзя лучше, и что званіе „племянника“ какому-нибудь „научнаго дядюшки“ весьма важно и для научнаго званія, и для хорошаго гонорара. Оказывается, что не дурно быть „племянникомъ“, академическаго „дяди“, который, въ свою очередь, былъ тоже племянникомъ академическаго дяди, и тогда смѣло можно рассчитывать попасть въ храмъ безсмертія, а разъ попавши

туда, составлять какой-нибудь тибето-испанскій словарь, получать хорошей окладъ и похвастываться.

Опять-таки противъ родственныхъ чувствъ спорить нельзя. Кому-же какъ не русской академіи наукъ поддерживать эти чувства? Но какъ ни почтенны семейныя добродѣтели сами по себѣ, онѣ должны, казалось-бы, умѣряться чувствомъ ученаго безпристрастія въ храмѣ академіи. Однако, эпизодъ одного „племянника“ академіи наукъ, рассказанный недавно г. Ламанскимъ, свидѣтельствуешь, что многіе наши академическіе „даюшки“ помимо санскритскаго языка знакомы еще и съ Грибоѣдовымъ, читали „Горе отъ ума“ и могутъ, какъ Фамусовъ, воскликнуть:

Какъ станешь представлять къ крестикшу-ли, къ мѣстечку,

Ну, какъ не порадовать родному человѣчку?

Признаюсь, я не зналъ (вѣроятно, и вы, читатель, не знали), что не такъ давно окончено предпріятое академіею наукъ изданіе „Санскритско-нѣмецкаго“ словаря нашего академика Бетлинга и профессора Рота въ Тюбингенѣ. Это „истинно-монументальное“ предпріятіе обошлось академіи въ сто тысячъ рублей серебромъ. Кому нуженъ былъ этотъ словарь, — вы, конечно, не станете спрашивать, такъ-какъ, вѣроятно, онъ былъ кому-нибудь нуженъ, если на него истрчено 100,000 рублей и если за него нѣмецкіе ученые хвалятъ академію. Редизировалъ его академикъ Бетлингъ, который нѣкоторое время управлялъ и академическою типографіею. По словамъ г. Ламанскаго, нашъ санскритологъ очень не охотно взялся за это практическое дѣло, но, однако, взялся и завелъ тамъ такіе порядки, что типографія стала приносить дохода втрое болѣе прежняго. Такъ по крайней мѣрѣ говорили почитатели Бетлинга, хотя, замѣчаетъ Ламанскій, никто не могъ провѣрить справедливости этихъ словъ „по совершенной неизвѣстности для публики, да, кажется, и для большинства членовъ академіи, еще со временъ Шумахера, всего, что касается ея экономической части“. Лѣтъ десять тому назадъ г. Бетлингъ уѣхалъ за-границу, но, какъ любящій академію сынъ, онъ не прервалъ съ ней связей. Онъ получаетъ тамъ дондесъ свой гонораръ, числясь въ постоянной ученой командировкѣ и продолжая трудиться надъ словаремъ...

Хорошъ-ли этотъ словарь, дуренъ-ли, — мы съ вами не знаемъ. По словамъ г. Ламанскаго, г. Ротъ и Бетлингъ хвалятъ очень этотъ словарь и другъ друга, а Максъ-Мюлеръ посмѣивается надъ этими почтенными учеными, называетъ ихъ и ихъ компанію „международною компаніею санскритскаго застрахованія“ и находитъ въ „Словарѣ“ множество недостатковъ. Но дѣло не въ томъ. Что намъ съ вами до санскритско-нѣмецкаго словаря? Дѣло въ томъ, что 20-го февраля нынѣшняго года нѣсколько академикомъ подали

заявленіе, что въ виду несовершенства словаря, которое вдругъ нашель и г. Бетлингъ, г. Бетлингъ предпринимаетъ на счетъ академіи изданіе второго „Санскритскаго Словаря“ (замѣтите, что первое изданіе было окончено только въ 1875 г.), который будетъ и лучше, и гораздо болѣе сподрученъ для „не богатыхъ покупателей“.

Но г. Бетлингъ старъ — ему 64 года. Онъ хочетъ, чтобы словарь былъ изданъ по его плану. Теперь готово только $\frac{1}{7}$ новаго словаря. Кто-же окончитъ $\frac{6}{7}$, если, Боже упаси, г. Бетлингъ умретъ?..

Въ виду этого г. Бетлингъ и нѣсколько академикомъ указываютъ академіи на одного ученаго „племянника“. Это — Леопольдъ Шредеръ, сынъ бывшаго директора дерптской гимназіи и „племянникъ“ Леопольда Шренка, академика и управляющаго академической типографіей. Хотя въ представленіи, сдѣланномъ академіи, сказано, что этотъ „племянникъ“ и кандидатъ на званіе академика, „русскій подданный и вполне владѣетъ русскимъ языкомъ“, но, по словамъ г. Ламанскаго, подписали это свидѣтельство четыре академика, изъ которыхъ трое по крайности вовсе не знаютъ русскаго языка, такъ-что есть надежда разсчитывать, что „племянникъ“ по русскому языку никакъ не сильнѣе, чѣмъ по санскритскому, подобно тому, какъ Шифнеръ, Видеманъ и Наукъ (подписавшіе свидѣтельство въ знаніи „племянника“ русскаго языка) знаютъ по-санскритски никакъ не больше, чѣмъ по-русски.

Но не для одного словаря нуженъ „племянникъ“ академіи. Онъ нуженъ и для редижированія „Maîtrayani samhita“. Молодому человѣку очень хочется издать санскритскій текстъ „Maîtrayani samhita“ и потому, „въ случаѣ согласія на то его сіятельства, г. президента“, „племянника“ непременно надо избрать въ адъюнкты, дабы ему, —человѣку, не имѣющему никакихъ средствъ, „сосредоточить свою дѣятельность“.

Такъ гласить, между прочимъ, свидѣтельство, рекомендующее г. Шредера въ академики.

Оказывается, что Леопольдъ Шредеръ родился въ сорочкѣ. По словамъ г. Ламанскаго, „онъ учился въ гимназіи, гдѣ папа былъ директоромъ, вступаетъ въ академію, гдѣ дядюшка Шренкъ, въ честь коего онъ и названъ Леопольдомъ, вліятельный членъ, управляетъ типографіей. Дядя — преемникъ Бетлинга по типографіи, племянникъ — по словарю“.

Историко-филологическое отдѣленіе наукъ единогласно избрало его на свободную адъюнктскую вакансію.

Но послѣ избранія „племянника“ въ отдѣленіи академіи, вог- „Дѣло“, № 5, 1879 г.

да было заявлено объ этомъ общему собранію, въ академіи пошли пререканія. Нашлись дерзкіе, которые говорили, что Шредеръ еще ничѣмъ себя не заявилъ и что „Майтрояни“ никому не нужна, тогда какъ, по словамъ г. Ламанскаго, эта „Майтрояни“, по всей вѣроятности, очень нужна. „Ея у насъ, — говорить онъ, — всѣ желаютъ, а вовсе не одни нѣмцы“. Обыкновенное правило—сохранять тайны академическихъ стѣнъ на этотъ разъ не было соблюдено и о „племянникѣ“ стали говорить на васильевскомъ островѣ, не смотря на то, что „дядя Шренкъ“ могъ это услышать.

На дняхъ этотъ „эпизодъ“ окончился. „Племянникъ“, увы, оказался неизбраннымъ общимъ собраніемъ академіи.

Изъ этого эпизода читатель познакомился отчасти съ домашней жизнью „безсмертныхъ“. Онъ узналъ, что они, также какъ смертные, не любятъ отчетности; онъ понялъ, наконецъ, какъ производительно расходуются на санскритско-нѣмецкіе словари по 100,000 руб.

Откровенный Писатель.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

Въ чужой семьѣ. Романъ. (Часть III. Гл. I—III).	<i>Н. Северина.</i>
Что-то будетъ? Очеркъ	<i>Л. Симонова.</i>
Русалка. Стихотвореніе	<i>М. Р.</i>
Берегъ моря. Романъ изъ крымской жизни, въ двухъ частяхъ. (Ко- нецъ I-й части).	<i>Е. Л. Маркова.</i>
Изъ „Новаго Фауста“. Сонеты Мориса Бушора.	<i>О. А. Охтенской.</i>
Здоровье крестьянъ на Украинѣ. Са- нитарный очеркъ	<i>С. А. Подолинскаго.</i>
Кожмарь. Стихотвореніе.	<i>Н. К. Бобылева.</i>
Первые шаги сознанія. (Ст. первая).	<i>Л. И. Мечникова.</i>
Госпожа Андре. Романъ. (Гл. XXVIII— XLI.)	<i>Жана Ришпэна.</i>
* *. Стихотвореніе.	<i>С. М. Архангельскаго.</i>
Бездомный. Романъ. (Гл. I—IX.).	<i>С. Малаэна.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ликвидация эстетической критики	<i>Все того-же.</i>
Попытка въ области дѣтской психо- логіи	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Новыя книги.	<i>Н. Ш.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. Ш.</i>
Пропажа 82,000 десятинъ земли.	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Картинки общественной жизни.	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Указатель статьямъ, помѣщеннымъ въ журналъ „Дѣло“ въ 1878 году.	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЬЯМЪ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ
ЖУРНАЛѢ „ДѢЛО“ ВЪ 1878 ГОДУ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

1) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и драматическія произведе-
денія.

- Бажина, Н. Господинъ Крюковъ. Очеркъ. № 7.
— Порывами. (Отрывки изъ дневника студента.) № 12.
Гези, Поля. Изъ жизни бѣдняковъ: 1) Жанъ Бенуа. 2) Дочь
Жерома Гаттю. Рассказы. № 8.
Голенищева-Кутузова, гр. А. А. Смута. Драматическая хро-
ника въ 5-ти дѣйствіяхъ. № 11.
Гренвиля Муррея. Жена или вдова? Романъ. №№ 1, 3 и 4.
Золя, Эмиля. Страница любви. Романъ. №№ 1—7.
Каразина, Н. Н. Въ пороховомъ дыму. Романъ. №№ 1, 2, 3,
5, 6, 9 и 10.
Колинза, Вильки. Возмутительная исторія. Святочный раз-
сказъ. № 12.
Кларети, Жюля. Заброшенный домъ. Романъ. № 1—7.
Маттеи, А. Местъ Клодіона. Романъ. №№ 8—11.
Михайлова, А. Безпечальное житье. Романъ. №№ 1—6.
Северина, Н. И. Въ чужомъ пиру—похмѣлье. Повѣсть. №№ 4,
6—9.
Смирнова-Рамазанова, А. Комедіантъ. Очерки быта про-
винціальныхъ актеровъ. №№ 8, 10 и 11.
Станюковича, К. М. Межъ людьми. Рассказы. 1) Двѣ встрѣ-
чи. 2) Подписчикъ, влюбленный въ свою газету. № 1.
Федоровой, А. Зима у бабушки. Очеркъ. № 12.
Эннива, Леона. Жертва эгоизма. Романъ. № 11.
2) Поэмы и мелкія стихотворенія.
Андреева, Ф. „Въ минуты тоски безысходной“. № 9.
— „Да, можетъ быть, и правы старики“. № 10.
Андреевскаго, С. Изъ Ришнена. На копейку мудрости. № 1.
— 1453 годъ. (Изъ Légende des siècles, I-ère série,
V. Гюго.) № 1.

- Бѣдные люди. (La légende des siècles.) № 2.
- Кедръ. (La légende des siècles.) № 7.
- 1) Счастье. 2) Полночь. Изъ Георга Гамерлинга. № 8.
- Пѣсня. № 9.
- 1) Лѣсъ 2) Много... Изъ Г. Гамерлинга. № 9.
- Бердяева, С. Во снѣ и на яву. № 11.
- Богданова, И. Судьба Іуды. № 3.
- Сплинь. № 4.
- Тюрьма. Отрывокъ изъ поэмы. № 6.
- Кладь. № 7.
- „Если тебѣ тяжело одинокому“... № 7.
- Многимъ. № 7.
- Быкова, П. В. Проклятіе пѣвца. Изъ Л. Уланда. № 2.
- „Оставь въ покоѣ мертвецовъ“. Изъ А. Шамиссо. № 4.
- Умиращій. Изъ Мильвуа. № 5.
- Въ зимнюю пору. № 11.
- Изъ Роберта Прутца. № 11.
- Покинутая. № 12.
- Утро. № 12.
- Вигилянскаго, А. Послѣдняя любовница. Изъ Альфонса Додэ. № 2.
- С. Г. Одинокое заключеніе. № 5.
- Въ тихомъ пристанищѣ. № 5.
- Друзья. № 6.
- Зимой 1877—1878 г. № 6.
- „Счастливецъ, кто имѣетъ право“... № 7.
- Голенищева-Кутузова, Гр. А. А. Мятель. № 1.
- „Я слышалъ сквозъ сонъ“... № 1.
- „Обнимало душу вдохновенье“... № 2.
- „Есть въ жизни красота“... № 5.
- Бѣда. № 10.
- На проселочной дорогѣ. № 10.
- Дрожжина, С. Сонъ труженика. № 5.
- Малаяревскаго, И. В. Вулканъ. № 11.
- Михайлова, А. Бродяга. № 10.
- Счастливая семья. Изъ Ф. Коппе. № 10.
- Я. П. Моя дорога. № 12.
- Ольхина, А. А. Надъ родной могилой. № 4.
- Хвостатая звѣзда. № 4.
- Совѣтъ дѣда. № 4.
- Омулевскаго. „Все ближе влонятся къ завату“. № 8.
- Мои богатства № 8.
- Кусокъ хлѣба. Поэма. Изъ Владислава Сыромомли. № 12.

- Старостина, Я. Тучка. № 3.
 Сурикова, И. З. „Честь-ли вамъ, поэты-братья...“ № 5.
 — На одрѣ. № 8.
 — Въ степи. № 9.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА и СТАТЬИ НАУЧНАГО
СОДЕРЖАНІЯ.

- Басардина, В. Юбилей Ж.-Ж. Руссо и дѣтскій праздникъ въ
Женевѣ. № 7.
 — Имущественные налоги во Франціи. № 8.
 — Джемсъ Фази. № 12.
 Все того-же. Литературныя мелочи. Философскія размышленія
о нравственности, нравственныхъ идеалахъ и о дру-
гихъ мелочахъ. (Посвящается гг. Суворину, Достоев-
скому и Елисеѣву.) № 6.
 — Принципы и задачи реальной критики. (Посвящается
редакціи „Слова“.) № 8.
 — Эстетическая критика на „почвѣ науки“. (Посвя-
щается редакціи журнала „Свѣтъ“.) № 12.
 Г. Б. Исторія преступленія. („Исторія одного преступленія“, В.
Гюго. Перев. съ франц. Изд. Б. Г. Ямпольскаго. Спб.,
1878.) № 7.
 — Критикъ безъ критической мѣрви. (Э. Золя. Париж-
скія письма изъ литературы и жизни 1875—1877 г.
Т. I. Спб. 1878.) № 2.
 Граччиоли, П. Новыя изслѣдованія по исторіи французской ре-
волюціи. № 7 и 12.
 — Роль психической наслѣдственности. № 11.
 — Научная хроника. №№ 1 и 3.

Итоги за прошлый годъ. — Въ области общественныхъ отношеній. —
Торгово-промышленный кризисъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. — Причины
его. — Какъ отозвался онъ на положеніи рабочихъ? — Что дѣлали европейскіе
экономисты? — Конгрессы катедеръ-соціалистовъ въ Берлипѣ и австрійскихъ
экономистовъ въ Грацѣ. — Политико-экономическая секція на конгресъ «Бри-
танской асоціаціи содѣйствія развитію наукъ». — Анти-преституціонное дви-
женіе. — Агитація анти-преституціалистовъ. — Непослѣдовательные люди. —
Женевскій конгресъ и его резолюціи. — Въ области точныхъ наукъ. — Геогра-
фическія и астрономическія открытія. — Открытія въ области химіи. — Пре-
вращеніе кислорода, азота, водорода и углерода въ жидкое состояніе; обра-
щеніе водорода въ твердое состояніе. — Записка Рауля Пикте въ парижскую
академію наукъ. — Опыты искусственнаго приготовленія драгоценныхъ кам-
ней. — Рубинъ. — Опыты Фреми и Фейля. — Открытія въ области физики. — Те-
лефонъ и его новѣйшія разнообразныя примѣненія. — Некрологъ Распайя. —

Его научныя работы въ области ботаники и химіи. — Его медицинская теорія. — Распайль, какъ общественный дѣятель.

З а й ц е в а, В. Средневѣковая демократія. № 2, 3.

Мечникова, Л. Душевная гигиена. № 5, 6, 7.

— Желтый вопросъ. № 8, 9.

— Изнанка цивилизаціи. № 10, 11.

Н. Н. Россійскіе Вальтеръ-Скотты. № 11.

«Капитанъ гренадерской роты», историческій романъ В. Соловьева, Спб. 1878 г. — «Депутатъ», историч. повѣсть Незнакомца, «Нов. Время», 1878 г. — «Потемкинъ на Дунаѣ», историч. повѣсть г. Данилевскаго, «Вѣстн. Европы», 1878 г. — «Самозванцы дѣти», Е. Карновича, «Отеч. Записки», 1878 г. — «Братья Орловы», отрывокъ изъ историч. романа гр. Саліаса, «Историч. Библіотека», 1878 г.

Непричастнаго, С. Журнальное обозрѣніе. № 5.

Прогулка по журнальному вертограду. — Кто лучше — вертоградъ или общество, посадившее его? — Всеобщее ликованіе журналистики. — Ликованіе «Недѣля» и «Вѣстника Европы». — Воззваніе «Слова» къ дружной и единой работѣ журналистики. — Скоротечность дружбы. — Вырожденіе націй вслѣдствіе военнаго подбора по изслѣдованію г. Чурилова, «Слово», 1 и 2 кн. — Выродившееся купечество въ новой комедіи Островскаго, «Отечественныя Записки», 1 кн. — Представители вырожденія въ литературѣ, «Гражданинъ», I — IX; «Русскій Вѣстникъ», 1 кн. — «Историческая Библіотека». — Проматыванье русскихъ умственныхъ силъ. — Умственные силы на Западѣ («Автобіографія стараго чаргиста»), «Отеч. Зап.», 1 кн. — Отношенія литературы къ народу (сатира Щедрина въ «От. Зап.» и статья кн. Васильчикова въ «Вѣстн. Евр.», 2 кн.) — Кулаки («Недѣля», I и II.) — Новыя данныя объ общинѣ по статьѣ Соколовскаго, «Слово», 2 кн. — Хлысты и скопцы, «Слово», 2 кн. — Древняя и Новая Россія, 2 кн. — Ор. Миллеръ о Байронѣ, «Вѣстн. Евр.», 2 кн. — Отрѣженіе поэта-улана Гербеля.

Н. В. Ш. Не примѣнимо-ли это и къ другимъ земствамъ? (Сборникъ постановленій новгород. губ. земск. собр. съ 1865—1877 г.). № 12.

Никитина, П. Безобидная сатира („Въ средѣ умѣренности и акуратности“). Соч. В. Салтыкова (Щедрина). № 1.

— Салонное художество („Анна Каренина“). Романъ Гр. Л. Н. Толстаго). № 2, 4.

— Кладези мудрости русскіихъ философовъ (В. Лесевичъ, „Письма о научной философіи“). Спб. 1878 г.). № 10, 11.

П. П. (Естественный подборъ: Этюды Альфреда Русселя Уоллеса. Переводъ подъ редакціей проф. К. Э. Линдемана. М. 1876. — Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Русселя Валласа, автора „Малайскаго Архипелага“). Спб. 1878 г.) № 6.

Папера, Я. Л. Новѣйшая метаморфоза рабства. № 2.

Полотебнова, А. Г. Тифозная эпидемія въ Петербургѣ. № 4

- Постникова, д-ра. Мой отвѣтъ г. Шашкову. № 3.
- С. Ш. Умственная и общественная культура насѣкомыхъ, № 6.
- Угрюмова, П. Карлъ-Эрнстъ Бэръ. №№ 5, 9, 10, 12.
- Ф—аго, Н. Движеніе философскихъ идей. №№ 8, 10.
- Черепнина, Н. П. Забѣтка по поводу статьи г. Полотебнова. № 5.
- Шашкова, С. С.—Н. А. Некрасовъ. (Некрологъ). № 1.
- Живописатели „новыхъ людей“ и „печальники народнаго горя“. (Публичныя лекціи Ор. Миллера. Изданіе 2-е, дополненное шестью новыми лекціями. Спб. 1878 г.) № 3.
 - Кольцовъ и новый розыскъ объ его поведеніи. (А. В. Кольцовъ, біографическій очеркъ М. Ф. де-Пуле, „Древняя и Новая Россія“ 1878 г. кн. III, IV, V и VI.) № 9.
 - Примѣчанія къ „отвѣту д-ра Постникова“. № 3.
 - Вырожденіе Востока. Очерки общественной патологии. № 1—4.
 - Паденіе Рима и Византіи. Очерки общественной патологии. №№ 5, 6.
 - Два слова о мордовщинѣ. № 12.
 - Паны и хлопы въ XVIII вѣкѣ. № 7.
 - Наканунѣ тридцатилѣтней войны. №№ 11, 12.
 - Прошедшее сельской общины. №№ 9, 10.

(Леонтовичъ. Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи, „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, 1874. VI—VIII.—Ш. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877.—Ш. Соколовскій, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ, «Историч. Библіотека», 1878. IУ, V. VI, VII, VIII и IX.—Опытъ программы изслѣдованій поземельной общины, составленный комисіей при императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ. Спб., 1878.—Програма для собиранія свѣденій о сельской поземельной общинѣ, выработанная III отдѣленіемъ императорскаго вольно-экономическаго общества. Спб., 1878.—Ш. Соколовскій, Новыя данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи, «Слово», 1878, II.—Вѣлаевъ, Крестьяне на Руси, М. 1860.)

- Шелгунова, Н. В. Обогащаетъ-ли страну денежная спекуляція? № 5.
- Односторонность денежнаго хозяйства. № 6.
 - Аристократизмъ въ промышленности. № 8.
 - Перенаселеніе и наше земледѣліе. № 9.
 - Экономика нашихъ производительныхъ силъ. № 10.
 - Полуобразованіе. № 12.

Шмулевича, Я. Военно-медицинскія замѣтки о Кавказѣ. № 2.

Языкова, Н. Научное двуязычіе („Сбор. Государ. Знаній“, подъ

редакціей В. П. Безобразова. Т. V. Спб., 1878 г.) № 3.
— Замѣтка о русскихъ литературныхъ идеалахъ. № 5.

БИБЛИОГРАФІЯ.

- Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ**, подъ редак. Н. В. Гербеля. Спб. 1877. № 1.
- Вѣчный труженникъ**. Самуэля Смайльса. Переводъ С. Майковой. Спб. 1877. № 1.
- Зарница**. Современная болгарская повѣсть. соч. Ежа. Пер. съ пол. А. И. Корвинъ-Круковской. Спб. 1877. № 1.
- Духъ наживы**. Экономическо-нравственный этюдъ. В. В. Ярмонкина. Спб. 1877. № 1.
- Славянство и Европа**. Статьи и рѣчи Ореста Миллера. 1865—1877. Спб. 1877. № 2.
- Восточный вопросъ прошедшаго и настоящаго**. Сэра Т. Синклера, баронета, члена британскаго парламента. Перев. подъ редакцію В. Ф. Пуцковича. Спб. 1878. № 2.
- Историч. и критич. опыты Томаса Карлейля**. Переводъ съ англійскаго. М. 1878. № 2.
- Стихотворенія и очерки И. Г. Воронина**. Изд. 2-ое. М. 1877. № 2.
- На память о Н. А. Некрасовѣ**. Спб. 1878. № 4.
- Война въ Малой Азіи въ 1877 г.** Очерки очевидца Г. К. Градовскаго. Спб. 1878. № 4.
- Сочиненія И. С. Никитина**, съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной и вновь исправленной М. Ф. де-Пуле. М. 1878. № 7.
- Месмеризмъ, одиализмъ, столоверченіе и спиритизмъ**, съ исторической и научной точки зрѣнія. Вильяма Карпентера. Спб. 1878. № 4.
- Объѣздъ губерніи съ картой новаго рода**. (Недавнее прошлое). Соч. П. Леонарда. Спб. 1878. № 5.
- О лѣсохраненіи по русскому праву**. Исслѣдованіе Сергѣя Ведрова. Спб. 1878. № 5.
- Казанскій литературный сборникъ**. Казань. 1878. № 5.
- Три вопроса**. В. Васильева. Спб. 1878. № 7.
- Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи**. По-смертныя записки адмирала Невельскаго. 1878. № 7.
- Литературный сборникъ „Послѣ труда“**. Современная дѣтская бібліотека „Разказы Альфонса Додэ“, „На память о Жоржъ-Зандѣ“. 1878. № 7.
- Сборникъ народныхъ юрид. обычаевъ**. Т. I. Изд. подъ ред. П. А. Матвѣева: Спб. 1878. № 9.
- На-встрѣчу**. Очерки и стихотворенія Василія Маркова. Спб. 1878. № 9.
- Ю. Янсонъ**. Сравн. статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Територія и населеніе. Спб. 1878. № 9.
- Мы и они (1711—1878)**. Очерки исторіи и политики славянъ. А. Кочубинскаго. Одесса. 1878. № 9.
- А. Н. Молчановъ**. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ „Новое Время“. Спб. 1878. № 10.
- О понятіи нормъ права и уголовного процесса**. Этюдъ философско-догматич. И. Василенко. Спб. 1878. № 10.
- Въ горахъ Кавказа**. (Повѣсти и разказы). Соч. Ленскаго-Райскаго. Спб. 1878. № 10.

- Идеальности и реальности.** Историч. романъ. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1878. № 10.
- Основація физиологіи ума.** В. Карпентера. Спб. 1877. Перев. съ англійскаго. Т. I. Изд. „Знанія“. № 11.
- Путешествіе по славянскимъ областямъ европейской Турціи.** Мекензи и Эрби, съ предисл. Гладстона. II т. Спб. 1878. № 11.
- Географ. очерки и картины.** Т. I. Очерки и картины Поволжья. А. Овсянникова. Спб. 1878. № 11.
- О древнерусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI и XII столѣтій.** И. П. Хрущева, магистра русской словесности. Кіевъ. 1878. № 11.
- Смѣхъ и слезы.** Лирич. и юмористич. стихотв. Ал. Алѣева. Спб. 1875. № 12
- Стихотворенія Л. Оболенскаго.** Спб. 1878. № 12.
- Гуны.** Эпоха великаго переселенія народовъ. Историч. романъ изъ жизни славянъ IV и V столѣтій. И. К. Кондратьева. 1878. № 12.
- Восточный вопросъ.** Собр. статей В. А. Панаева. Посвящается воинамъ настоящей борьбы. Спб. 1878. № 12.
- Наше финансовое положеніе.** В. А. Панаева. Спб. 1878. № 12.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

- Мечникова, Л. Викторъ-Эмануилъ и его эпоха.** №№ 3, 4.
- Н. Ш. Матеріальныя и умственныя средства Великобританіи.** № 4.
- **Политическое и экономическое положеніе Египта.** № 6.
- Кто дѣйствительный сюзеренъ Египта.—Виды Англій на Египетъ.—Англійскіе путешественники по Египту.—Государство фараоновъ.—Восточный произволъ—Значеніе иностранцевъ.—Лучшее положеніе христіанъ въ Египтѣ, чѣмъ въ Турціи.—Жалкое положеніе фелакховъ.—Почва Египта.—Новый законъ о поземельной собственности, „мокабиле“.—Налоги: поземельный и на промысловыя свидѣтельства.—Личная повинность работою.—Доходъ египетскаго государства.—Комисія отъ кредиторовъ.—Ея непростительная ошибка.—Администрація желѣзныхъ дорогъ.—Смѣшанные суды.
- **Война или миръ?** № 4.
- Исп—ова, Н. Колоніальная политика Англій, какъ факторъ экономическаго прогреса въ Индіи.** № 8.
- С. Ш. Благополучная имперія и ея официальный органъ.** (Translation of the Peking Gazette for 1877. Shanghai, 1878.) № 12.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Шелгунова, Н. В.

Уроки прошлаго года.—Князь Мещерскій и капитанъ Масловъ, какъ воспитатели сербовъ и болгаръ въ гражданскихъ чувствахъ.—Не напоминаютъ ли эти гражданскія чувства времена Скалозубовъ и Шницруеновъ?—Воспитатели гражданскихъ чувствъ не умѣли распорядиться даже тѣмъ, чтобы простая булка не продавалась по цѣнѣ страсбургскаго пирога.—Наши банки и зачѣмъ ихъ такъ много.—Исчезнувшая деревня.—Дробленіе крестьянскихъ земель.—Отчего менониты ушли въ Америку?—Чѣмъ занимаются

Гаусманы нашихъ городовъ.—Годъ утраты. — Собирательная посредственность. № 1.

Какъ мы приняли миръ? — Наши порыванія въ Константинополь. — Неприятныя послѣдствія повиннистскихъ чувствъ.—Какъ зарекомендовали себя у насъ турки?—Нѣчто о облагороженіи народовъ.—Казанская голодуха.—Отъ какой „дающей руки“ ждать помощи?—Законъ прогрессивнаго земледѣлія.—Наша цыганствующая мысль.—Государственный бюджетъ и система хозяйства за 16 лѣтъ.—Совершилась-ли въ ней какаѣ-нибудь перемены? № 2.

Станюковича, К. М.

Наши частныя учрежденія. — Что сказали-бы о нашей умѣлости иностранецъ, если-бы судилъ о ней по нашимъ частнымъ обществамъ?—Паразели. — Самостоятельность частныхъ учреждений.—Зависимость ихъ отъ общихъ условій общественной жизни.—Исслѣдованіе причинъ банкротства товарищества Баймакова и К°. — Экскурсія въ исторію банковской конторы. — Миѣніе конкурснаго управленія.— Миѣніе гг. пайщиковъ. — Постановленіе общаго собранія кредиторовъ.—Общее мѣсто неудовлетворительности экономическаго положенія. — Что платитъ у насъ земля? — Миѣнія противъ существующей формы землевладѣнія.—Защита этой формы людьми, изучавшими вопросъ.—Убыточность современныхъ войнъ.—Попечительства о семействахъ воиновъ.—Отчетъ мѣстнаго (муравенскаго) попечительства.—Факты, сообщенные въ отчетѣ.—Ватскій инспекторъ народныхъ училищъ.—Смерть князя Черкаскаго.—Трудность оцѣнки общественныхъ дѣятелей.—Некрологъ.—Дѣятельность нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи по словамъ одного изъ служащихъ.—Мирный договоръ.—Количество земельныхъ приобрѣтеній со времени вступленія на престолъ Петра Великаго. № 3.

Растрата въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита.—Объявленіе о томъ правленія названнаго общества.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ объявленіемъ.—Краткій очеркъ возникновенія и дѣятельности общества взаимнаго поземельнаго кредита.—Поучительная система внутренней организаціи.—Центральное управленіе.—Члены правленія.—Управляющій дѣлами общества.—Общія собранія взаимнаго поземельнаго кредита.—Заключеніе. № 4.

Процессъ шундистовъ.—Какимъ образомъ подвинулось распространеніе этой секты.—Нѣчто о „чести“ Россіи.—Одиссея погопцевъ.—Контора князя Оболенскаго въ Москвѣ.—Вопросъ о крейсерствѣ.—Какъ былъ вздутъ этотъ вопросъ газетами. — Миѣнія нашихъ морскихъ органовъ о пользѣ крейсеровъ. — Воззваніе графа Сологуба. — Оскуднѣніе Мяннскихъ въ обществѣ и повски ихъ въ народѣ.—Пезаконность пожертвованій земскими управами.—Докладъ правленія взаимнаго поземельнаго кредита общему собранію.—Три дня чрезвычайнаго общаго собранія. — Ланд-лорды, неумѣющіе вести преній.—Опозиція.—Выводы.—Нѣкоторое недоумѣніе. № 5.

Необходимость для русской общественной мысли возбуждающихъ средствъ. — Возбужденіе послѣ крымской войны.—Наступившее затѣмъ затихше.—Блуждающая дѣятельность снаружы и неудовлетворительность экономическаго состоянія. — Неотложность мѣръ, по миѣнію профессора Яисона.—Сведеніе счетовъ послѣ войны.—Приказъ о назначеніи комисіи по разслѣдованію о злоупотребленіяхъ товарищества продовольствія. — Дѣятельность г. Левковича въ одесской комисіи.—Гигантская работа комисій. — Контрактъ г. Варшавскаго съ погопцами.—Нѣкоторыя подробности, неговоренныя въ контрактѣ.—Наводненіе въ пензенской губерніи.—Приговоръ крестьянъ на дѣйствія мирового судьи.—Объясненія мирового судьи и мирового посред-

ника. — Предстоящій международный тюремный конгрессъ въ Стокгольмѣ. — Важнѣйшія мѣропріятія за май мѣсяць. № 6.

Безсиліе современныхъ Гарунъ-аль-Рашидовъ. — Подряды въ при-ріонскомъ краѣ. — Похожденія крестьянъ-черводаровъ. — Недовольство начальства на подрядчика Мирзоева и торжество сего послѣдняго. — Выводы. — Нѣсколько словъ въ защиту подрядчиковъ вообще. — Почему они берутъ баснословныя цѣны. — Дѣло поручика корпуса корабельныхъ инженеровъ Пупкарева. — Тирада прокурора Никифорова. — Что такое коммерческій расчетъ, по мнѣнію подрядчика. — Какой процентъ съ валовой суммы уплатилъ подрядчикъ во избѣжаніе несприятностей. — Дѣйствія кулаковъ передъ новоладожскимъ мировымъ съѣздомъ. — Взаимныя отношенія гражданъ. — Наши порядки на Волгѣ. — Примѣръ американца. — Отношенія фабрикантовъ къ служащимъ. — Заявленія мелкихъ приказчиковъ. — Потопъ въ Москвѣ. — Безпомощность столицы и безпомощность деревень. — Разборъ дѣла у мирового судьи 26 участка по обвиненію крестьянки Афанасьевой въ нарушеніи общественной тишины на тонахъ. — Правительственныя распоряженія. — Некрологъ М. П. Чурилова. № 7.

Изнанка войны. — Пресловутыя разоблаченія. — Контрактъ съ товариществомъ продовольствія. — Продесъ съ товариществомъ. — Экономическая неурядица. — Проектъ замѣны подушной подати подворною и земельною податью 1870 года. — Мнѣніе о немъ земствъ. — Проектъ разряднаго налога. — Програма вольно-экономическаго общества для собранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ. — Безсиліе земствъ по улучшенію крестьянскихъ хозяйствъ. — Чѣмъ кончаются попытки ихъ принять участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ. — Ревизія волостей раненбургскаго уѣзда княземъ Волконскимъ. — Дѣла въ стерлитамакскомъ земствѣ. — Народное образованіе и народное здравіе. — Животрепещущій вопросъ, интересующій херсонскихъ земцевъ. — Ходатайство о перенесеніи губерніи изъ Херсона въ Одессу. — Мотивы такого ходатайства. — Рѣчи гг. гласныхъ. — Обезумѣвшіе рыльцы, требующіе смертной казни. — Правительственное сообщеніе. — Высочайшій указъ — Два слова по поводу статьи г. Евгенія Маркова. № 8.

Катастрофа на патронномъ заводѣ. — Частая повторяемость такихъ случаевъ. — Небрежность заводчиковъ. — Какъ осматриваютъ паровые котлы. — Санитарныя условія на фабрикахъ въ тверской губерніи. — Увеличеніе програмы для поступленія на высшіе женскіе курсы. — Мнѣніе объ этой мѣрѣ „Современныхъ Извѣстій“. — Мытарства студентовъ въ Петербургѣ. — Гоненія на корреспондентовъ. — Дѣло сухарезаводчиковъ князя Урусова, Перещокова и К°. № 9.

Дѣло Гулакъ-Артемовской. — Образчики земскаго самоуправленія. — Количество земскихъ растратъ въ 1876 году. — Зодчество въ маріупольскомъ земствѣ. — Наше городское самоуправленіе въ столицахъ. — Переимѣна городского головы въ Петербургѣ. — Воззваніе генерала Шмидта къ бердянскимъ жителямъ. № 10.

Станюковича, К. М. По поводу письма г. Маринова. № 6.
Шашкова, С. М. Образчики земской дѣятельности. № 8.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Мизантроповъ, Н. Калейдоскопъ. Литературныя и общественныя замѣтки.

Нѣчто о духовныхъ свойствахъ россіянь. — Ура! наша взяла! — Вечеръ въ нѣмецкомъ ресторанѣ. — Союзники — нѣмцы и супостаты — англичане. — Ликование шовинистской прессы. — Гг. Суворинъ и Кошелевъ, провозглашающіе вселенское значеніе славянофильства. — Толки и споры о Константинополѣ и проливахъ. — Вѣщія прорицанія г. Николая Данилевскаго. — Неожиданный финалъ этихъ прорицаній. — Стоило-ли огороды городить? — Воинственный азартъ гг. Ор. Миллера и Весселя. — Индійскій походъ и г. Вессель въ званіи маркизанта окупаціоннаго отряда. — Радужныя мечты и дѣйствительность. — Что произойдетъ на развалинахъ турецкой имперіи? — Славянская рознь и старые счеты. — Нѣкоторые результаты войны. — Наше управленіе инопорядцами. — Высылка черкесовъ на сѣверъ. — Состояніе каспійскаго флота. — Заслуги медицинскаго персонала и сестеръ милосердія. — Милыя шутки надъ „сестрицами“. № 1.

Наша современные мупципатеты. — Какъ отнесутся она къ своему дѣлу? — Обычный составъ нашихъ городскихъ думъ и управъ. — Заботы петербургской думы о народномъ образованіи. — Литейный мостъ и газовое общество. — Подвѣги старобѣльскихъ банкратовъ. — Земскія дѣла и дѣлашки. — Провинціальныя Соломоны. — Теръ-Асатуровъ, какъ блюститель общественной правственности. — Профессоръ Фойницкій, какъ тюрмовѣдъ и какъ благородный свидѣтель въ процессѣ г. Пикитина. — Филантропическая забота г. Фойницкаго объ удлиненіи тюремныхъ сроковъ. — Чтецы Соляного городка въ качествѣ просвѣтителей народа. — Образчики ихъ безграмотства. — Плачевное положеніе общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ. № 4.

Результаты восточной войны и берлинскаго конгресса. — Наша платоническая любовь къ болгарамъ и платоническое пренебреженіе къ русскому мужику. — Чего ожидали болгары и что получали на самомъ дѣлѣ? — Жалкая участь босняковъ. — Слѣдуетъ-ли намъ продолжать «войну за идею»? — Внутреннее состояніе русскаго общества. — Видимые признаки нашего обновленія. — Процесы Гулакъ-Артемовской и Ковальчуковой съ патологической точки зрѣнія. — Нужны-ли нравственные принципы для адвоката? — Г. Лохвицкій передъ судомъ своихъ сотоварищей и формальнымъ судомъ. — Прокуроръ московской судебной палаты, защищающій честь адвокатскаго сословія. — Заступники г. Лохвицкаго въ «Русскомъ Мірѣ». — Новоявленный Булгаринъ въ лицѣ Евгенія Раппа. № 11.

Откровеннаго писателя (К. М. Станюковича). Картинки общественной жизни.

Ожиданіе мира. — Какъ отнеслись газеты къ войнѣ. — Краткій очеркъ легкомыслія. — Положеніе благонамѣреннаго читателя послѣ войны. — День скромнаго человека. — Сборъ въ Болгарію. — Юбилей «С.-Петербур. Вѣдомостей». — Стрепетова въ Петербургѣ. № 1.

Привракъ новой войны. — Рѣчь оракула нашихъ дней. — Повышеніе температуры патріотическаго возбужденія. — Свобода критики иностранныхъ министровъ. — Дѣй русскія патріотки, оборвавшія двухъ дипломатокъ. — Раз-

сказъ объ одномъ извозчикѣ, проявившемъ патріотическое чувство.—Разсказъ англичанки объ одномъ редакторѣ, проявившемъ похвальную глупость.—Разговоръ двухъ солидныхъ читателей „Голоса“.—Внутренній вопросъ на сценѣ земскаго собранія.—Послѣдняя сесія петербургскаго земскаго собранія.—Ходатайство барона Корфа.—Маленькіе Руэры.—Школьный вопросъ.—Недоразумѣніе при вопросѣ о способѣ ходатайства.—„Естественныя причины“, приводимыя г. Домонтовичемъ противъ женщій-врачей.—Краткое резюме дѣятельности нынѣшней сесіи.—Дѣятельность нашихъ городскихъ хозяекъ.—Огравленная вода въ нашихъ водопроводахъ.—Гора печистотъ и ігуевскія амбре.—Эпизодъ на одномъ изъ засѣданій городской думы.—Общее непониманіе доклада управы.—Что изъ этого вышло?—Обидчивость нашихъ общественныхъ дѣятелей.—Клубный пѣтухъ, и тотъ обижается.—Обидчивость гг. исправниковъ.—Докторъ Шенбергъ изъ Ковно о томъ-же.—Несвоевременность приѣма тифлискаго полицеймейстера.—Грандіозная растрата въ обществѣ взаимнаго кредита.—Протестъ 200 членовъ.—Появленіе enfant terrible на мирныхъ собраніяхъ общества взаимнаго кредита.—Мировой судья Трофимовъ и его отреченіе отъ собственнаго приговора.—Заключеніе мира. № 2.

Берлинскій трактатъ.—Старый знакомый Макаръ Ивановичъ.—Недавнее прошлое.—Проектъ Макара Ивановича.—Его одушевленіе и надежды.—Общее стремленіе въ Бухарестъ.—Макаръ Ивановичъ до Плевны и послѣ Плевны.—Побѣдоносное шествіе.—Неожиданный репримандъ.—Наши „Макары печата“.—Пути въ Индію.—Наши домашнія дѣляшки.—Картинка изъ современной исторіи.—Шанкаръ, четыре раза пожертвовавшій „добровольную подать“.—Гласный Головатый.—Газетные корреспонденты, сообщающіе о мало жертвующихъ обывателяхъ.—„Современныя Извѣстія“ въ роли добровольнаго согласдателя.—Корреспонденція изъ Казани.—Иваново-вознесенскіе фабриканты.—Почему они жертвуютъ на добровольной флотъ.—Бестѣа съ кондукторомъ на конно-железной дорогѣ.—Жизнь въ провинціи.—Нарымскій засѣдатель въ поискахъ за Франклиномъ.—Метаморфозы „мѣтропріятій“ при слѣдованіи ихъ изъ столицъ въ деревни.—Экспурсія по желѣзнымъ дорогамъ.—Большое мѣсто провинціаловъ.—Железнодорожные порядки.—Повальный грабежъ.—Вагонныя бестѣды.—Организованная компанія въ компаніи.—Железнодорожный генераль Хлѣбниковъ, заставляющій ожидать поѣздъ.—Забывчивый кассиръ.—Оберъ-кондукторъ.—Разсказъ очевидца, какъ открывали дорогу.—Сусликъ и жучокъ, притѣсняющіе русскаго землевладельца.—Сопечка изъ Лебедяни, производящая переполохъ въ городѣ.—Что значитъ слово „неблагонадежный“.—Дѣло начальницы севастопольской женской гимназіи г-жи Заваровой, обвинявшейся въ клеветѣ.—Мѣстный чиновникъ, устраивающій „сліявіе сословій“ за явнымъ пиროгомъ. № 7.

Отъ ровеннаго писателя, Письма „знатныхъ“ иностранцевъ.

Письма лорда Розберри. №№ 3, 5, 6, 8, 9, 10 11 и 12.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человека и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Россея Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Веймана. Съ рисунками. Цѣна 2 руб.; съ пересылкой 2 руб. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. Н. Исарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій образъ событій въ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмцк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическія дѣятели. (Біографія и характеристика) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Иповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньюво, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 к.; съ перес. 2 р. 50 к.

Въ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лятнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ, Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

Русскіе историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Цѣна 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна. 50 к.; съ перес. 70 к.

Вриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перв. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 20 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя годовые экземпляры „ДѢЛА“ за послѣдніе три года можно приобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1876 годъ съ пересылкою 7 р.

За 1877 годъ „ 10 р.

За 1878 годъ „ 12 р.

Отдѣльные номера журнала съ пересыл.
по 2 р.

телями „Голоса“ и „Новаго Времени“. — Кто лучше: г. Губонинъ или г. Поляковъ, г. Варшавскій или г. Новосельскій. — Миртовой судья въ качествѣ гонителя „жидовъ“ и увеселителя публики. — Въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. — „С.-П. Вѣдомости“, защищающія безгласность. — Интендантскій Сардапалъ и „бриліантовая“ дама. — „Бриліантовая“ дама въ качествѣ главной виновницы. — Програма адвокатской рѣчи. — Она и она. — Первая любовь и роковой шагъ. — Въ храмѣ „безсмертія“ на Васильевскомъ островѣ. — Гласные думы г. Познякъ и баронъ Фредериксъ, требующіе „клятвъ“ съ редакторовъ.

18. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЬЯМЪ. ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ „ДѢЛО“ ЗА 1878 ГОДЪ
19. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1879 ГОДУ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

четвертое изданіе книги:

ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА,

Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.

Соч. **КАРЛА РЕКЛАМА** (професора медицины въ Лейпцигѣ)
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ВОЕННОЙ ГИГИЕНЫ

Соч. **Д-ра ВЕЙМАНА.**

(Швейцарскаго гигиениста.)

Изданіе редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этомъ № помѣщены объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1879 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1879 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя ответственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу	19 „

Для слушающихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Издатель Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ. Редакторъ Н. ШУЛЬГИНЪ.

